

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

1945 12

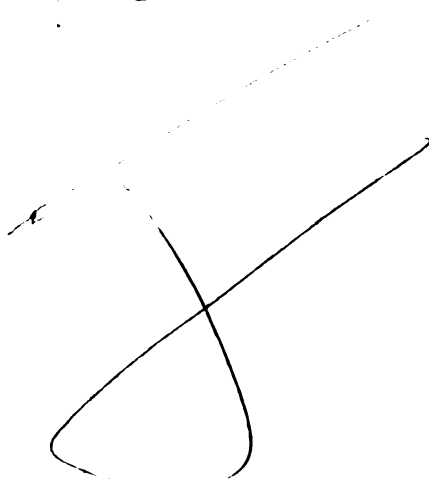
BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

№ _____

ШКАФЪ 34 _____

ПОЛКА 3 _____

МЕСТО 23 _____

1904.

LP

ОБРАЗОВАНИЕ.

НОВАЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ № 11.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.
1. Въ степи. Разказъ И. Наживина	1— 9
2. Воспоминанія. Стихотвореніе А. Боане	10
3. Семейство Оберлэ. Романъ Рене Базена пер. съ франц. Н. В—ой . (Продолженіе)	11— 50
4. Подонки. Повѣсть А. Гольдебаева . (Продолженіе)	51— 92
5. Уроки жизни. Романъ Гюстава Жеффуа , перев. съ франц. Е. С. (Окончаніе)	93—126
6. Наши сестры. Повѣсть Семена Юшкевича (Окончаніе)	127— 167
7. * * * Стихотвореніе О. Боголюбовой	168

ОТДѢЛЪ II.

8. Письма Лассаля къ Марксу. (По поводу 40-лѣтія со дня смерти Ф. Лассаля) А. Яковлева	1— 28
9. Къ генезису матеріалистическаго пониманія исторіи П. Берлина	29— 55
10. Общественная благотворительность какъ факторъ воспитанія А. Буткевича	56— 72
11. Мертвое царство. (По поводу разказовъ Леонида Андреева) В. Львова	73—130
12. Записки городского головы. (Продолженіе). А. Новикова	131—164
13. Н. Ф. Бунаковъ . Некрологъ	165—168

ОТДѢЛЪ III.

14. Земское представительство въ его желательной постановкѣ Гр. Павла Толстого	1— 23
15. ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ . Рѣчи гг. Новосильцева и Рождественскаго въ земскихъ собраніяхъ. Вопросъ о положеніи провинціальной печати въ Саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Дѣло Шаумана, Милашевскаго и др. Безпорядки, произведенные запасными ниж-	

См. 3. стр.

03
XIII. 0.23/11.

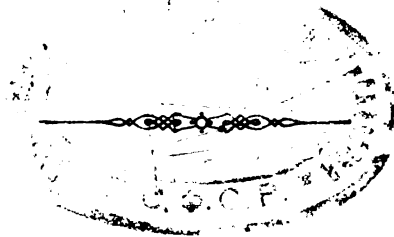
1904.

ОБРАЗОВАНИЕ

ЖУРНАЛЬ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ,
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ.

№ 11.

НОЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1904.

Р
О

Доволено цензурою Спб. 25 Ноября 1904 г.

LOAN STACK

◆ Предназначавшаяся для этой книжки статья В. Д. Набонова «Къ сорокалѣтїю судебныхъ уставовъ» по случайнымъ причинамъ появится въ декабрьскомъ № ◆

L 51
O 35
v. 13: 11

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

на литературный, популярно-научный и педагогическій журналъ

„Образованіе“

Журналъ „Образованіе“ въ будущемъ году будетъ выходить по той же программѣ, что и въ 1904 г. книжками въ 25—28 листовъ.

Ближайшими сотрудниками состоятъ:

Н. Апешовъ, В. Богучарскій, Г. Гроссманъ, А. Изгоевъ, Н. Иорданскій, Л. Клейнбортъ, А. Луначарскій, В. Львовъ (псевд.), И. Степановъ и А. Яблоновскій.

Редакція приложитъ старанія къ дальнѣйшему усовершенствованію и оживленію журнала.

Цѣна за годъ 6 руб. съ перес., за полгода—3 руб.

Цѣна отдѣльной книжки—60 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала въ СПБ: Моховая ул. 33, въ отдѣленіяхъ конторы въ МОСКВѢ:—у Н. Печковской и въ книжномъ магазинѣ П. Путиловой, (Арбатъ 17), въ ОДЕССѢ—въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“ и въ книжномъ магазинѣ Можаровскаго.

Вышло новое изданіе редакціи журнала „Образованіе“:

ФАУСТЪ

поэма Н. Ленау, перев. съ нѣмецк. А. Анютина,

съ прилож. критическаго очерка А. Луначарскаго:

„Философскія поэмы Н. Ленау“.

ЦѢНА 80 КОП.

Новое изданіе журнала „ОБРАЗОВАНИЕ“

СРЕДИ ФЛАМАНДСКИХЪ РАБОЧИХЪ

ОГ. ДЕ ВИННЪ

перев. съ французскаго З. Кочетковой.

ЦѢНА 50 КОП.

Вышла въ свѣтъ новая книга:

Изданіе Тенишевскаго училища въ С.-Петербургѣ.

ЖИВОТНЫЯ.

Основы ученія о ихъ строеніи и жизни

О. ШМЕЙЛЯ.

Съ 190 рис. исл. съ рѣснато гдѣ ред. В. Р. В. Н. Половцовыхъ
съ предисловіемъ проф. Д. Кайгородова.

Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ склада (спб. Моховая, 83) за пересылку
не платятъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 11.

ОТДѢЛЪ I.

СТРАН.

1.	Въ Степи. Разказъ И. Наживина	1— 9
2.	Воспоминанія. Стихотвореніе А. Боане	10
3.	Семейство Оберля. Романъ Рене Базена, перев.
съ франц. <i>H. В—ой</i> . (Окончаніе).	11— 50
4.	Подонки. Повѣсть А. Гольдбаева. (Продолженіе).	51— 92
5.	Уроки жизни. Романъ Гюстава Жеффура, перев.
съ франц. <i>E. С.</i> (Продолженіе).	93—126
6.	Наши сестры. Повѣсть С. Юшкевича. (Окончаніе)	127—167
7.	* * * Стихотвореніе О. Боголюбовой	168

ОТДѢЛЪ II.

8.	Письма Лассаля къ Марксу. (По поводу 40-лѣтія
со дня смерти Ф. Лассаля) А. Яковлева	1— 28
9.	Къ генезису матеріалистическаго пониманія исто-
ріи П. Берлина.	29— 55
10.	Общественная благотворительность какъ факторъ
воспитанія А. Буткевича	56— 72
11.	Мертвое царство. (По поводу разказовъ Леониды
Андреева) В. Львова	73—180
12.	Записки городского головы. (Продолженіе). А.
Новикова.	181—164
13.	Н. Ф. Бунаковъ. Некрологъ	165—168

ОТДѢЛЪ III.

14.	Земское представительство въ его желательной
постановкѣ Гр. Павла Толстого	1— 23
15.	ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ. Рѣчи гг.
Новосильцева и Рождественскаго въ земскихъ
собраніяхъ. Вопросъ о положеніи провинціальной
печати въ Саратовскомъ уѣздномъ земскомъ со-
браніи. Дѣло Шаумана, Милашевскаго и др.
Возпорядки, произведенные запасными чинами
въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Прокламація „Мо-
сковскихъ Вѣдомостей“ къ русскому дворянству.
В. Богучарскаго	24— 46

16.	<i>ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.</i> (Изъ Владиміра губ.). Война и промышленная деревня Ал. Смирнова. (Изъ Псковской губ.). Еще о винной монополіи А. Б.	47— 59
17.	<i>ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.</i> Безъ илл. (Разказы Д. Аймана „Черные дни“) Л. Клейнборта	59— 77
18.	<i>РОДНЫЯ ЖАРТИНЫ.</i> Студенческая корпорація „свободно-дѣйствующихъ“ и прив. доцентъ В. Никольскій. Полицейскіе процессы: 1) дѣло объ изнасилованіи въ участкѣ, 2) дѣло объ истязаніяхъ и насильственной смерти въ полицейскомъ участкѣ, 3) дѣло объ „ушибахъ“, 4) дѣло о каменецъ-подольскихъ евреяхъ.—Семинарская философія и журналъ „Образованіе“ передъ судомъ московскихъ педагоговъ.— Мелочи. Александра Яблоновскаго	78— 99
19.	<i>НА ЗАПАДѢ.</i> (Изъ Германіи). Борьба за народную школу Г. Гроссмана	100—120
20.	<i>КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.</i> 1. Е. Щировская. По пути жизни. Сборникъ разказовъ. 2. Разказы Вазова. О. Миртова. С. Семеновъ. Въ родной деревнѣ. А. Налимова. Л. Мельшинъ. Очерки русской поэзіи. С. Ашевскаго. 3. П. Майковъ. И. И. Бецкой. Опытъ его біографіи. В. Сторожева. 4. Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяиственной промышленности. Б. В. 7. Г. Юлосъ. Письма изъ Берлина. 5. А. Bringmann. Geschichte der deutschen Zimmer-Bewegung. И. Степанова. 6. Э. Борецкая. Проблема объективности познанія. В. Базарова. 7. А. Елистратовъ и А. Завадскій. Къ вопросу о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній. Л. В. 11. О. Шмейль. Очерки изъ жизни растений. В. Половцова. 12. А. Галина. Сказки. О. Миртова. Новыя книги поступившія въ редакцію	121—148
21.	Объявленія	150—154

Въ степи.

(Дорожныя впечатлѣнія).

Зной нестерпимый... Выжженная солнцемъ, мертвенно-бурая степь стелется предо мною и, окутанная на горизонтѣ какою-то дымчатою мутью, незамѣтно сливается съ поблѣднѣвшимъ отъ жары, тоже точно выжженнымъ, небомъ. Все вокругъ сѣро, сухо, безотрадно; глазъ тоскливо ищеть, на чемъ бы онъ могъ хоть немного отдохнуть отъ этого томящаго однообразія и печали, но ничего другого нѣтъ. Только изрѣдка покажется вдали темное пятно степного села съ чуть замѣтной бѣлой черточкой колокольни, а потомъ опять пустыня, опять сѣро-бурый сухой океанъ, надъ которымъ, какъ чайки, проносятся изрѣдка бѣлые ястреба—мышатники... Вотъ навстрѣчу намъ медленно тянется караванъ верблюдовъ, везущихъ пустыя телѣги. Громадныя безобразныя животныя выступаютъ такъ устало, такъ медленно, точно они везутъ на себѣ всю тяжесть и тоску мертвой степи...

— Ишь, чортъ, шею-то вытянулъ... — вполголоса говорить мой возница, дядя Кузьма, махнувъ на верблюда кнутовищемъ.

И опять никого, и опять ничего... Даже смерчи, которые по утру разгуливали по степи, заставляя дядю Кузьму креститься и испуганно шептать „святъ, святъ...“, и тѣ исчезли куда-то...

А вотъ и поля... Боже, какъ жалокъ видъ этой низкорослой, рѣдкой пшеницы, погубленной засухой, сожженной этимъ раскаленнымъ безсердечнымъ небомъ! Чуть качаясь подъ набѣгающимъ изрѣдка, горячимъ какъ дыханіе страсти, вѣтромъ, колосья уныло клонятся къ землѣ,

издавая какой-то шипящій, невыносимо-жалобный шумъ... Они погибли, эти колосья, и они знаютъ это, и боязливо ропщутъ...

И, глядя на нихъ, въ мозгу лѣживо, какъ блѣдный ястребъ-мышатникъ надъ печальною степью, проносится мысль—воспоминаніе о другой, еще болѣе необъятной нивѣ, о другихъ погибающихъ, изнуренныхъ колосьяхъ, жалобно и робко молящихъ о пощадѣ, и на душѣ дѣлается еще болѣе горько и невыносимо тяжело... Зачѣмъ, за что гибнутъ эти нивы?...

Кое-гдѣ видны группы косцовъ, выѣхавшихъ на жнитво. Ихъ бѣлые палатки, какъ подстрѣленные чайки, безсильно опустивъ крылья, прижались къ землѣ... Бабы въ яркихъ сарафанахъ ходятъ по полю и вырываютъ колосья съ корнемъ,—косить нечего. По низинамъ кое-гдѣ пшеница чуть лучше; тамъ ровной линіей медленно движутся косцы, бросая яркія и короткія молвіи при каждомъ взмахѣ сверкающей на солнцѣ косы. Спины косцовъ отъ пота свѣтятся металлическимъ блескомъ...

— Ну какъ?—спрашиваетъ дядя Кузьма одного изъ нихъ, жадно прильнувшаго къ ковшу съ квасомъ. — И у васъ, видно, сгорѣло все?

Тотъ только рукой махнулъ...

— Э-эхъ ма!..—вздыхаетъ сокрушенно дядя Кузьма.

Молодая женщина склонилась надъ колыбелью своего ребенка, прикрѣпленной къ телѣгѣ. Больные, блѣдые колосья тѣснятся вокругъ этой колыбели и тихо шепчутъ ребенку что-то грустное. Эти понижеіе колосомъ стебли похожи на знаки вопроса... Цѣлое поле, миллионы этихъ знаковъ вопроса, — точно степь настойчиво спрашиваетъ кого-то о чемъ-то... О чемъ она спрашиваетъ, о чемъ шепчетъ ребенку?..

Но кончились поля пшеницы, и опять выжженная безконечность степи поглотила насъ... Утомленный ею, я стараюсь не видѣть ее, она давитъ меня какъ дикій кошмаръ. Я стараюсь сосредоточить мое вниманіе на нашей лошаденкѣ, которая медленно плетется по пыльному проселку, то и дѣло взмахивая головой, хвостомъ, встряхивая ушами, вдрагивая всей кожей, — цѣлая туча слѣпней облѣпляетъ и мучитъ ее... Съ лошаденки я перевожу свои усталые отъ этого блеска солнца глаза на дядю Кузьму, сидящаго рядомъ со мной въ телѣгѣ. Онъ точно застылъ въ позѣ, полной безучастія ко всему, тихой покорности. Его свѣтлые, точно выцвѣтшіе, глаза пристально и, кажется, безъ всякой мысли,

глядятъ на передокъ телѣги, въ то время какъ правой рукой онъ машинально, безсознательно встряхиваетъ возжами, сгоняя со спины лошади оводовъ... И я смотрю на эти глаза, на эту всклокоченную бородку, на эти полуоткрытыя, растрескавшіяся, похожія на картошныя губы, на этотъ изодранный кафтанишка, на эту убогую упряжь... Какой онъ сѣрый, убогій, покорный этотъ дядя Кузьма!.. И какъ боязливо, исподлобья посмотрѣлъ онъ давеча, запросивъ съ меня за подводу лишній рубль! Сперва я хотѣлъ было торговаться, но мысль, что много такихъ рублей я переплатилъ безъ торга разнымъ итальянскимъ тенорамъ, моднымъ балетристамъ, знаменитымъ художникамъ, остановила меня, и я согласился... И какъ засуетился дядя Кузьма, получивъ этотъ неожиданный рубль, какъ заторопился!.. Онъ былъ очень радъ...

Глядя на эту забытую жизнью, безучастную фигуру, я думалъ о милліонахъ такихъ „дядей“, такихъ странныхъ, непонятныхъ существъ. Жизнь ихъ — ткань, сотканная изъ сверхсильнаго труда, лишениій, горя, униженій; въ этой жизни, точно по злому волшебству, всякое благо, всякое маленькое человѣческое счастьеце превращается въ бѣду, въ ударъ судьбы. Рожденіе ребенка вызываетъ не радость, а тревожную заботу о „лишнемъ“ ртѣ, смерть этого ребенка — почти радость: съ плечъ долой... Выросъ онъ, сталъ работникомъ — берутъ въ солдаты. Пришла пора женить, выдавать замужъ, опять не радость — гдѣ взять денегъ на приданое, на расходы, попу? Вотъ онъ вступилъ въ жизнь, работаетъ и — ждетъ не дождется смерти стариковъ, которые, какъ тяжелое бремя, лежатъ на немъ: все „лишніе“ рты. Тамъ, гдѣ у людей горе — у нихъ радость, тамъ, гдѣ у людей радость — у нихъ горе! Страшная, страшная жизнь!..

— Н-но, Бсгова!.. — встрепенулся вдругъ дядя Кузьма, взмахнувъ возжами. — Задремала!..

Лошаденка сдѣлала видъ, что хочетъ бѣжать рысью, но тотчасъ же одумалась: зачѣмъ, куда? И опять пошла шагомъ отмахиваясь отъ оводовъ.

— А что я тебя, баринъ, спросить хочу... — прогворилъ вдругъ дядя Кузьма, оборачиваясь ко мнѣ.

— Бу?

— Читалъ ты про... разные народы?

— Читалъ...

— Такъ... — мотнулъ дядя Кузьма головой. — Значить, объяснить все можешь, что и какъ... и почему... Такъ вишь вотъ читалъ намъ этта пономаръ изъ газетины — у

попа ваяль ее — про этихъ самыхъ, какъ ихъ? Еще за моремъ живутъ...

— Англичане, что-ли?

— Нѣтъ, кабы-бъ не агличане...—сказалъ дядя Кузьма.— А можетъ, и агличане... Нѣтъ, не агличане...

— Китайцы?

— Нѣтъ, зачѣмъ китайцы?.. О китайцѣ чаво читать?..

— Ну, такъ кто же? Америкашцы, что-ли?..

— Во-во-во... Они самые, мериканцы...—обрадовался дядя Кузьма.—Мериканцы и есть...

— Ну, такъ что же онъ вамъ о нихъ читалъ?

— А какъ живутъ они, и все тамъ по принадлежности что куды... Ловко описано... И живутъ куды какъ складно... Въ родѣ, какъ всѣ господа, а мужика совсѣмъ нѣтъ. Вывели его въ чистоту.

— Ну, до этого еще не дошло... И мужикъ есть...

— Какой ужъ это мужикъ, коли онъ машишку надѣлъ да часы съ цѣпочкой повѣсилъ?—возразилъ дядя Кузьма.— И въ рыло ты ему ткнуть не смѣй, а все, чтобы съ обхожденіемъ? Это ужъ не мужикъ...

— Такъ что же ты хотѣлъ спросить о нихъ?

— А то... почему это такъ выходитъ: мы, это, православные хресьяне, живемъ по Божьи, а бьемся одно слово, какъ рыба объ ледъ, свѣта Божьяго не видимъ, а они, нехристи и, вдругъ—пожалуйте!..

— Какіе же они нехристи? Они такіе же христiane...

— Ну, какіе тамъ... Одно только названіе. А что бы до дѣла, такъ нѣтъ... Мы, то есть, православные-то, и вдругъ предъ ними сдрейфили... Какъ же это?.. Чай, Богу то мы ближе, потому вѣруемъ въ Его, какъ слѣдуетъ...

Вся русская темнота, все обалдѣніе вылились въ этомъ вопросѣ. Какъ отвѣтить на него? Я кое-какъ выпутался... Недоумѣніе же сошло съ лица моего возницы, и онъ опять задумался.

Опять долгое молчаніе...

— Н-но, ты, мерикашка, поворачивайся!.. Скоро отдыхать будемъ...

— Гдѣ?—спросилъ я.

— А вотъ въ томъ селѣ... Малый Балчугъ прозывается..

— А много-ли до станціи осталось?..

— Верстовъ, пожалуй, съ сорокъ... Покормимъ маленько, да по холодку вечеркомъ и поѣдемъ опять...

Черезъ полчаса мы вѣхали въ большое село, одно изъ тѣхъ селъ, которыя называютъ „богатыми“, потому что тамъ

есть базарная площадь, церковь, урядникъ, волость и нѣскольکو двухъ-этажныхъ домовъ съ ахтительными финтиклюшками и рѣзбой вокругъ оконъ и крыльца,—логовища кулаковъ-мироѣдовъ, — потому что мужики, ютящіеся въ покосившихся, закоптѣлыхъ, съ выбитыми стеклами избахъ, „занимаются промыслами“ какими-нибудь, то-есть, другими словами, находятся въ крѣпостной зависимости у рѣзныхъ финтиклюшекъ.

Малый Балчугъ точно вымеръ—даже собаки и тѣ попрятались... И это большое безлюдное село, надъ которымъ, какъ гигантскіе кресты, символъ безконечнаго страданья и терпѣнія, поднимались крылья мельницъ, производило тяжелое впечатлѣніе. Зловѣщая туча недорода повисла надъ нимъ, и оно робко, безъ борьбы склонилось предъ грядущею жестокой бѣдой и, тяжело вадыхая измученной грудью, покорно ждало, что будетъ...

Мы оставились у одной изъ убогихъ избушекъ. Дома была только старуха, да трое блѣдныхъ, покрытыхъ прыщами дѣтей; всѣ остальные были въ поляхъ, въ степи. Въ низкой, грязной избѣ стояла тяжелая, кислая вошь. Мириады мухъ, точно черныи свѣтъ, гонимый вѣтромъ, носились по всѣмъ направленіямъ, наполняя избу своимъ монотоннымъ усыпляющимъ жужжаньемъ, облѣпляя сотнями голое тѣло честочныхъ дѣтей, оставленную на лавкѣ краюху хлѣба, весь залитый прокислымъ квасомъ столъ...

Закусивъ чернымъ хлѣбомъ съ молокомъ, я отправился въ сарай спать, — до вечера еще было долго. Лежа на свѣжемъ, но не душистомъ — трава совсѣмъ высохла еще на корню, — свѣтъ, я смотрѣлъ сквозь щель, какъ заморыши дѣти воздвигали на дворѣ изъ щелоковъ какое-то удивительное зданіе; грязная свинья подошла къ нимъ, одобрительно хрюкнула и скрылась за угломъ... На сосѣдней крышѣ, около разошедшейся кадки безъ воды—противопожарная предосторожности — расшумѣлось молодое сѣрое племя воробьевъ... Въ углу сарая, во мракѣ, сверкнули два зеленыхъ глаза; бѣлая, худая кошка вышла оттуда, посмотрѣла на меня, жалобно мяукнула и вылѣзла на крышу... Легкій вѣтерокъ чуть слышно гудѣлъ въ щеляхъ крыши и шелестилъ сѣномъ, — точно осторожно, бояливо вадыхалъ о чемъ-то...

Откуда-то издалека до меня доносился тихій разговоръ.

— Молились, какъ же молиться? Всѣмъ богамъ перемолвились, и Заступницѣ-то, и Нерукотворенному, и Кирикулику,

и Козьмодемьяну,—нѣтъ, ничего не помогаетъ... Прогнѣвали, видно, Господа...

Тяжелый вздохъ.

— И у насъ иконы поднимали воѣмъ приходомъ... Пришли къ попу: о дождѣ, дескать, помолиться желательно.. И что же ты думаешь? Пятьдесятъ рублей заломилъ!.. Мы туда, сюда,—нѣтъ, уперся на своемъ: нѣту денегъ, нѣту молебна... Ну, что же, не погибать же... Собрали кое-какъ...

— Жадности въ нихъ большо много стало...

— Много... Рай слыхано было раньше, что теперь дѣлается?.. За свадьбу ему подавай десять цалковыхъ, а то и всѣ пятнадцать, за крещенье шесть гривенъ, за отпѣванье, ежели съ выносомъ, три цалковыхъ... А гдѣ ихъ брать, цалковыхъ-то этихъ?.. Народъ бѣдняетъ, а имъ бы все больше, да больше взять охота... Воѣмъ, годовъ пять, должно, какъ голодъ-то у насъ былъ,—мужики сѣмянъ не собрали, а тѣ за „новинкой“ прѣѣхали!.. Совѣсти совсѣмъ въ людяхъ не стало...

Я раскрылъ глаза.

— .. Имъ давай, подушныя давай, рендателю давай,—а гдѣ ихъ брать? Хлѣба нѣтъ, покупать надо, а на что? Ни купишь ничего не купишь, а даромъ не даютъ...

Опять глубокой вздохъ.

Приподнявшись на локтѣ, сквозь щель я посмотрѣлъ на дворъ. На крыльцѣ, въ тѣни, сидѣлъ дядя Кузьма; около него, прислонившись спиной къ косяку, стояла старуха... Оба неподвижно смотрѣли предъ собой, точно пытая грозное будущее, что оно несетъ еще для нихъ, какую бѣду?.. На лицахъ та же тупая апатія безпомощныхъ.

Начинало, какъ будто, вечерѣть...

— А не пора ли запрягать, дядя Кузьма?—крикнулъ я.

— Нѣтъ, жарко... Чаво торопиться? Машина въ семь часовъ утра проходить,—за ночь-то мы уѣдемъ куды... Слѣзай давай-ка, чайку попьемъ... Старуха ужъ самоваръ наставила, сейчасъ скипить...

Солнце уже садилось, когда мы выѣхали изъ Малаго Балчуга... Опять вокругъ насъ безлюдье и тоска мертвой степи...

— А что, баринъ, спросить, я тебя хочу...—проговорилъ опять дядя Кузьма, неизмѣнно начинавшій всякій разговоръ этой фразой.

— Ну?

— Объясни ты, сдѣлай милость: былъ новый законъ о

магазеяхъ ¹⁾ али не былъ?.. Ты, чай, въ законахъ все знаешь...

— Былъ...

— Былъ?.. А мы думали, что зря это, дескать, земскій.. Агъ выходитъ вправду... Сбиралъ онъ насъ раза три, все толковалъ намъ, что теперь надо по новому... И чтобы приговоръ составить, понуждалъ. Ну, а мы мекаемъ такъ, что зря это, и отъ приговора отказываемся, желаемъ, чтобы все по старому оставалось, какъ было, то-есть... А онъ говорить нельзя, потому новый законъ о продовольствіи выпелъ... Мало чего выпелъ, говоримъ, а ежели онъ намъ не съ руки? И уперлись... Такъ вотъ до сей поры и бьется онъ съ нами, ему приговоръ подавай, а намъ не охота... Человѣкъ по пятьдесятъ подъ арестъ сразу садить... Какъ, по твоему, можно намъ на старомъ положеніи остаться?

— Нѣтъ, нельзя...

— Да какъ же нельзя, коли не съ руки намъ мѣнять-то? Зарѣзъ чистый...

— Законъ, хочешь не хочешь, а заставятъ исполнять...

— Какъ же его исполнять, коли онъ не годится? Надо чтобы законъ къ дѣлу шелъ... Нѣтъ, ты что-нибудь не такъ тутъ толкуешь...—заклучилъ недовѣрчиво дядя Кузьма.

— Нѣтъ, такъ...

— А зачѣмъ тогда законъ такой, ежели пользы отъ него нѣтъ, а одно утѣшеніе?..

Дядя Кузьма покачалъ недовѣрчиво головой.

— А мы думали, что зря это, дескать, земскій тѣснить насъ...—продолжалъ онъ.—Потому это онъ любить, строгости въ немъ больно много... Ругатель. Чуть что: лобъ—распро- лобъ, и пошелъ, и пошелъ... А то, ежели что, и въ морду. Иной разъ, на сходѣ, видно, что зря толкуеть, не туда гнетъ, не по закону, кажись, а что ему скажешь? Народъ темный... Онъ говорить: законъ, ну, и ладно, законъ... А, можетъ, онъ и не законъ совсѣмъ,—что мы знаемъ? Э-эхъ-ма!..

Смеркалось...

На западѣ горѣла еще свѣтлая полоска зари, и въ небѣ было свѣтло, но степь темнѣла — точно темъ эта выходила незамѣтно изъ земли и постепенно заливала все вокругъ. Блеснула вверху жидкимъ, блѣднымъ огонькомъ первая звѣзда... Сколько безконечной меланхоліи, сколько тихой грусти въ этой безбрежной степи, въ этихъ угрюмыхъ сумеркахъ, въ этой блѣдной, робкой звѣздѣ, въ этихъ первыхъ

¹⁾ Хлѣбозапасный общественный магазинъ.

перелѣскахъ, темнѣющихъ вдали, точно забытыя гробницы степныхъ богатррей, въ этой темной лентѣ дороги среди сѣраго, мертваго вереска!.. И тишина, тишина... Какъ грустно, какъ тихо, какъ зоветъ сердце куда-то, и какъ жаль себя почему-то, и всѣхъ жаль... Если бы здѣсь, съ тобой, былъ кто-нибудь, близкій тебѣ, родной, — можетъ быть, заплакалъ бы тогда, и твое непонятное горе, можетъ быть, разсѣялось бы, можетъ быть, тебѣ стало бы легче. Но никого нѣтъ. И, невыплаканная, камнемъ остается на душѣ непонятная тоска степныхъ сумерекъ...

— Два раза сходъ собирали,—продолжалъ медленно дядя Кузьма—чтобы, то есть, ходоковъ по начальству послать, на счетъ этого самаго продовольствія... Только куды сунуться?.. Думали, думали—пока земскій ходоковъ этихъ не засадили... Тогда оставили... И сходы собирать не велѣлъ безъ спросу...

— Какъ? Совсѣмъ не велѣлъ?

— Совсѣмъ... Да я такъ думаю, что все одно это, собирай али не собирай...

— Какъ такъ: все одно?

— А такъ... Какіе теперь сходы? Близиръ одинъ, а не сходы... Рѣшать мужички что по мірскому дѣлу, а не такъ,—опять собирай народъ, да и рѣшай дѣло, какъ велать... Вождь надъ со старшиной канителились: выбирайте, говорить, Меркулова. Намъ не охота,—потому изъ жуликовъ жуликъ, изъ кровопійцевъ кровопійца... Ну что же? Вертѣлись, вертѣлись, а все на то же вышло...

— Меркулова и выбрали?

— Меркулова... — отвѣчалъ дядя Кузьма. — Вотъ тебѣ и сходы наши... Чего тутъ будешь дѣлать?.. Прямо сказать: дыхнуть не дадутъ... И дивлюсь я: рашше, словно, и дуршѣе народъ былъ, темнѣе, а управлялся съ своимъ дѣломъ. А теперь, подикась, ровно бараны, безъ пастуха ни на шагъ..

Совсѣмъ стемнѣло... Степь стала совершенно черной — точно она впитала въ себя всю темноту ночи. Надъ этой черной безконечностью трепетала и искрилась другая, темносиняя безконечность, полная неуловимыхъ серебряныхъ лучей безчисленныхъ звѣздъ. И какъ прекрасно, какъ прозрачно, какъ глубоко и ясно было это звѣздное, полное тайны чудное небо... Величественное и трогательное, далекое и близкое, оно шептало степи что-то умиротворяющее и божественное...

Я легъ на дно телѣги. Степь скрылась изъ моихъ глазъ, и надо мной, вокругъ меня было только звѣздное небо. Мнѣ

казалось, что я оторвался отъ земли и лечу куда-то въ серебристо-голубую бездну, и это чувство полета въ страху лучей и Бога наполняло душу какимъ-то тревожнымъ восторгомъ... Иногда подо мной тамъ, внизу, въ глубинѣ звѣдлаго океана, промосился метеоръ, оставляя за собой голубоватый, рдѣющій слѣдъ. Говорятъ, то, чего желаетъ человѣкъ въ то время, когда онъ видитъ падающую звѣзду, всегда исполняется. Вотъ мелькнулъ опять метеоръ... Чего хотѣлъ-бы я теперь? Ничего: только бы вѣчно, вѣчно летѣть такъ среди звѣздъ, забывъ о черной степи и о ея черной скорби и надрывающемъ душу тихомъ шепотѣ колосевъ... И какъ бы хорошъ былъ этотъ полетъ, это забвеніе!..

Часъ проходитъ за часомъ, а я все лечу среди привѣтливо мигающихъ звѣздъ и стремительныхъ метеоровъ. Торжественная тишина ночи нарушается лишь ровнымъ бархатнымъ звукомъ колесъ, медленно катящихся по ровной, пыльной дорогѣ, и легкимъ посапываньемъ задремавшаго дяди Кузьмы...

Стало очень свѣжо... Небо поблѣднѣло, а степь стала еще болѣе черной, точно не желая разстаться съ мракомъ и прохладой ночи, точно боясь зноя и блеска дня. Розовая полоска зари на востокѣ разгорается все болѣе и болѣе... Звѣзды, серебряныя грезы ночи, исчезаютъ одна за другой, тихо, незамѣтно, точно тая...

Вотъ и совсѣмъ свѣтло,—и въ небѣ, и въ степи. Только на западѣ стоитъ какая-то сѣдая мгла, точно неостывшій еще слѣдъ убѣгающей ночи... Вошло солнце, но и оно не разбудило степи, напротивъ, его зной только еще болѣе усилилъ ея тоску и безмолвную скорбь... На горизонтѣ, — точно громадины бѣлыя птицы снимались со степи, — вставали облака и одно за другимъ плыли въ высь, къ зениту, неся степи прохладу и привѣтъ далекихъ горъ, рѣкъ и лѣсовъ... Но напрасно: степь пылала и томилась, и ждала отъ судьбы—о, какъ давно, какъ страстно ждала!—чего-то большаго, чѣмъ эти легкіе караваны жемчужныхъ облаковъ...

— Ну, и морить...—проговорилъ дядя Кузьма. — Гроза, должно, будетъ...

О, какъ тоскливо въ выжженной, мертвой степи, какъ душно, какъ тяжело!..

Ив. Наживинъ.

Воспоминанія.

Какой то тихій, ясный свѣтъ
На днѣ души, дрожа, мерцаеть,
И что-то съ болью въ сердцѣ таетъ,
Оставивъ слезъ горячій слѣдъ.
Какъ будто милая рука
До тонкихъ струнъ слегка коснулась,
И пѣснь забытая проснулась,
Едва слышна—но такъ близка!
Какъ будто горестный укоръ
Звучитъ непонятымъ желаньемъ,
Какъ будто съ кроткимъ состраданьемъ
Въ глаза мнѣ смотритъ грустный взоръ,
И боль въ груди моей—острѣй.
Она изъ глазъ слезами льется...
Ахъ! Никогда ужъ не вернется
Былое счастье юныхъ дней!...

А. Боане.

Семейство Оберла.

РОМАНЪ РЕНЭ ВАЗЕНА.

(Продолженіе).

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

Х. Обѣдъ у совѣтника Браузигъ.

Въ семь часовъ всѣ приглашенные тайнаго совѣтника Браузига собрались у него въ голубой гостиной — съ золоченой мебелью и плюшевой обивкой, — которую Браузигъ перевозилъ съ собой во всѣ города, гдѣ ему приходилось служить. Тайный совѣтникъ Браузигъ былъ саксонецъ, прекрасно воспитанный, съ мягкими манерами и жестами. Казалось, онъ сейчасъ готовъ былъ согласиться въ разговорѣ съ мнѣніемъ противника. Но онъ твердо стаялъ на своихъ ногахъ и даже мало того—это былъ человѣкъ, непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ. Онъ былъ высокій, рыжій, почти слѣпой, съ длинными волосами и короткой огненной бородой, перемѣшанной съ сѣдиной. Онъ не носилъ очковъ, потому что глаза его, цвѣта блѣднаго агата не были ни близоруки, ни дальнозорки, но сила въ нихъ истощилась, и они какъ будто потухли. Между тѣмъ онъ никогда много не читалъ. Онъ говорилъ много. Его специальностью было примирять самыя противоположныя мнѣнія. На службѣ, въ сношеніяхъ съ подчиненными, онъ рѣзко проявлялъ свой характеръ. Браузигъ былъ государственный умъ. Онъ не обращалъ никакого вниманія на интересы частныхъ лицъ. Одно слово: общественная польза—служило ему руководящей цѣлью. Въ официальныхъ сферахъ поговаривали, что ему хотятъ дать дворянство. Онъ самъ повторялъ это. Женѣ его было лѣтъ пятьдесятъ; она сохранила остатки былой красоты и величественную осанку; до своего переѣзда въ Страсбургъ она принимала уже чиновниковъ восьми нѣмецкихъ городовъ. Во время обѣдовъ, которые ей приходилось давать, все ея вниманіе поглощалось надзо-

ромъ за прислугою, а нетерпѣніе, которое вызывала въ ней всякая неловкость лакея, и которое она должна была скрывать, заставляло ее отвѣчать сосѣдямъ только короткими, незначительными фразами.

Приглашенные были очень разнообразны и по происхожденію, и по профессіямъ, что труднѣе было бы встрѣтить въ другомъ нѣмецкомъ городѣ. Но вѣдь здѣсь, въ этомъ современномъ Страсбургѣ, въ немъ столько пришлого элемента! Гостей было четырнадцать человѣкъ, такъ какъ въ столовой помѣщалось всего шестнадцать, считая на каждого по 70 сантиметровъ, что было чрезвычайно важно, по мнѣнію тайнаго совѣтника.

Его безжизненная, грустная голова возвышалась надъ всѣми гостями; нѣкоторымъ изъ нихъ онъ протезировалъ, другіе явились къ нему по рекомендаціи его знакомыхъ, — остальные были друзьями, пріѣхавшими съ разныхъ концовъ имперіи; тутъ было два привать-доцента, пруссака, изъ Страсбургскаго университета, потомъ два эльзасскихъ художника, работавшихъ уже годъ надъ украшеніемъ одной церкви; это все были незначительные гости, къ которымъ Браузигъ причислялъ и двухъ молодыхъ Оберлэ, брата и сестру, и даже ихъ мать, потому что на нее смотрѣли въ официальномъ обществѣ, какъ на довольно ограниченную особу. Главными гостями были профессоръ Кнэппль изъ Люксембурга, отецъ образованный, наблюдательный человѣкъ, строгій ученый, авторъ прекраснаго сочиненія «Соціализмъ у Платона», женатый на хорошенькой, бѣлокурой, кругленькой и розовой дамочкѣ, головка которой казалась еще бѣлокурой и розовой рядомъ съ ассирійской черной и вьющейся бородой ея мужа; потомъ былъ профессоръ эстетики, баронъ фонъ-Финкенъ изъ Бадена, который брилъ себѣ щеки и подбородокъ, чтобы рубцы его студенческихъ дуэлей были виднѣе; своимъ тонкимъ, нервнымъ туловищемъ, энергической головой, вздернутымъ и какъ будто слегка раздвоеннымъ на концѣ носомъ, своимъ пылкимъ, страстнымъ умомъ, ненавидящимъ все французское, онъ, несмотря на это, болѣе всѣхъ другихъ гостей, за исключеніемъ Жана Оберлэ, подходилъ къ французскому типу. Баронесса фонъ-Фиекенъ не пріѣхала. Но зато пріѣхала самая извѣстная, уважаемая и блестящая дама страсбургскаго общества, даже военнаго, прекрасная г-жа Розенблатъ, славящаяся своей красотой и умомъ. Она была родомъ изъ Прирейнской Пруссіи такъ-же, какъ и ея мужъ, Карлъ Розенблатъ, крупный торговецъ желѣзомъ, архимилліонеръ, человѣкъ сангвиническій и, несмотря на это, методичный и

молчаливый и, как говорили, отличающийся въ дѣловыхъ сношеніяхъ необычайной, холодной смѣлостью.

Это собраніе походило на всѣ тѣ, что бывали у совѣтника Браузигъ: всѣ гости не имѣли между собой ничего общаго. Важный чиновникъ называлъ это— примирять разнородные элементы страны; онъ любилъ говорить о «нейтральной почвѣ» своего дома, объ «открытой трибунѣ», съ которой каждый могъ высказывать у него свое мнѣніе: эти выраженія онъ прочелъ въ газетахъ. Но многіе эльзасцы относились недовѣрчиво къ такому эклектизму и свободѣ; иные утверждали даже, что Браузигъ просто разыгрываетъ заданную ему роль, и что то, что говорится у него, никогда не остается неизвѣстнымъ для высшихъ сферъ.

Г-жа Оберлэ съ дѣтьми пріѣхала послѣ всѣхъ. Нѣмпы привѣтливо встрѣтили Люсьенну, съ которой были уже давно знакомы. Съ матерью они были только вѣжливы, потому что знали, что она бываетъ у официальныхъ лицъ противъ своей воли. Вильгельмъ фонъ-Фарновъ, представленный г-жей Браузигъ, которая одна знала о его планахъ, церемонно склонилъ голову передъ матерью и дочерью, поднялъ ее, выпрямился и сейчасъ-же вошелъ въ группу мужчинъ, стоявшихъ у большого зеркальнаго стекла. Лакей пришелъ доложить, что кушанье подано.

Черные фраки двинулись впередъ, и приглашенные вошли въ большую комнату, отдѣланную, какъ и въ семьѣ Оберлэ, съ особенной любовью. Но здѣсь все было въ другомъ вкусѣ. Столовая была въ готическомъ стилѣ, освѣщенная электричествомъ. Выпуклыя стекла высокихъ двухстворчатыхъ оконъ со сводомъ, украшеннымъ розеткой, были почти незамѣтны при вечернемъ освѣщеніи и отливали свинцомъ; зато буфеты съ витыми колонками, галлерейками, украшенные рѣзбой, стѣны, покрытыя рѣзбой до самаго потолка, и самый потолокъ, раздѣленный на множество квадратовъ, среди скульптурныхъ украшеній которыхъ горѣли электрическія лампы, словно огненные цѣфты,— все это убранство напоминало внутренность знаменитыхъ соборовъ и раскрашенныя картинки католическихъ молитвенниковъ. На карнизахъ были выжжены по дереву надписи готическими буквами. Между прочимъ: „Mit Gott für Kaiser, König und Vaterland“.

— Я ужъ знакомъ,—повторялъ профессоръ баронъ, фонъ-Финкенъ, поднимая кверху свой носъ съ блестящими, выпуклыми ноздрями, какъ бы раздѣленными легкою тѣнью, — я ужъ знакомъ съ этимъ chef-d'oeuvre'омъ.

Жанъ шелъ почти въ концѣ вереницы гостей, подъ руку

съ г-жей Кнэппль, которая не могла оторвать глазъ отъ прелестнаго корсажа г-жи Розенблатъ. Маленькой профессоршѣ показалось, что Жанъ Оберлэ смотритъ на тотъ-же предметъ, и она сейчасъ-же сказала:

— Этотъ вырѣвъ неприличенъ, неправда-ли?

— Я нахожу прежде всего, что линія его безупречнаго рисунка. Я думаю, г-жа Розенблатъ одѣвается въ Парижѣ?

— Ну да, вы угадали, — возразила маленькая жена профессора Кнэппля. — Когда имѣешь такое состояніе, то въ голову часто приходятъ странныя капризы, и мало патріотичныя.

За столомъ служило три лакея и двѣ горничныя въ плоскихъ по срединѣ чепчикахъ съ гофрированными оборками.

Обѣдъ начался почти въ молчаніи. Но мало-по-малу стали подниматься отдѣльные разговоры. Лакеи разливали вино. Розенблатъ пилъ рейнвейнъ большими стаканами. Оба приватъ-доцента въ очкахъ, съ одинаково серьезнымъ видомъ все смаковали вольцгеймское вино, словно трудный текстъ. Голоса становились громче. Шаги лакеевъ по паркету уже не были слышны. Возбужденные виномъ и яркимъ освѣщеніемъ гости стали затрагивать общественные вопросы, и разговоръ заискрился, словно легкая пѣна вина. Профессоръ Кнэппль, у котораго былъ глухой голосъ, по чрезвычайно отчетливая манера произносить слова, на минуту покрылъ общій шумъ разговоровъ, отвѣчая своей сосѣдкѣ г-жѣ Браузигъ:

— Нѣтъ, я не понимаю, почему, разъ что считаешь себя сильнымъ, надо непременно брать сторону сильнаго. Я всегда былъ либераломъ.

— Вы, должно быть, говорите о Трансваалѣ, — сказалъ съ громкимъ смѣхомъ Браузигъ, сидящій напротивъ и довольный, что угадалъ.

— Совершенно вѣрно, господинъ тайный совѣтникъ. Этополитика не великаго государства — допускать, чтобъ давили слабыхъ.

— Вы находите это необыкновеннымъ?

— Нѣтъ, очень обыкновеннымъ. Но я говорю, что здѣсь нечѣмъ хвалиться.

— Развѣ другія націи поступаютъ иначе? — спросилъ отчетливый голосъ барона фонъ-Финкенъ.

Онъ поднялъ кверху свой дерзкій носъ. Никто не продолжалъ спора, какъ будто этотъ доводъ былъ неопровержимымъ. И отдѣльные разговоры опять слились въ общій гулъ, среди котораго ихъ нельзя было слышать.

Музыкальный голосъ г-жи Розенблатъ на минуту выдѣлился среди общаго шума. Она говорила маленькой г-жѣ Кнэппль, сидѣвшей по другую сторону стола:

— Да, увѣряю васъ, что объ этомъ уже думали!

— Все возможно, конечно, м-ше Розенблатъ, но я бы не повѣрила, что въ думѣ нѣмецкаго города даже можетъ обсуждаться подобный вопросъ.

— Онъ ужъ не такъ лишенъ смысла! Неправда-ли, профессоръ, вы, преподающій эстетику?

Профессоръ фонъ-Финкенъ, сидѣвшій направо отъ прекрасной г-жи Розенблатъ, повернулся къ ней, посмотрѣлъ ей прямо въ глаза, которые оставались спокойные и глубокіе, какъ озеро въ тихую погоду, и сказалъ:

— Въ чемъ дѣло, м-ше Розенблатъ?

— Я говорю г-жѣ Кнэппль, что въ думѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобъ послать въ Парижъ гобелены, которые принадлежатъ городу. Ихъ надо починить.

— Совершенно вѣрно; это предложеніе было отвергнуто большинствомъ голосовъ.

— Но почему-же ихъ не послать въ Берлинъ? — спросилъ хорошенькій розовый ротикъ г-жи Кнэппль. Вы найдете, пожалуй, что въ Берлинѣ нехорошо работаютъ?

Совѣтникъ Браузигъ нашель, что пора вмѣшаться.

— Разъ что дѣло идетъ о новыхъ гобеленахъ, я нахожу, что м-ше Розенблатъ права, и Парижъ необходимъ. Но чтобъ починить ихъ, это прекрасно сдѣлаютъ и въ Германіи.

— Послать наши гобелены въ Парижъ! — возразила г-жа Кнэппль: Богъ знаетъ, возвратятъ-ли ихъ когда-нибудь?

— О! — сказалъ серьезно съ конца стола одинъ изъ художниковъ... О! сударыня!

— Какъ: о! Вы эльзасецъ, милостивый государь, — сказала маленькая профессорша, вздрогнувъ отъ его восклицанія, какъ отъ укола булавки. — Но мы, мы имѣемъ право не довѣрять...

Она переступила дозволенную границу. Никто не возразилъ ей на ея слова, съ которыми большинство было согласно, но которые это большинство не стало-бы высказывать по поводу простой починки ковровъ. Общій разговоръ упалъ, и всѣ поспѣшили расхвалить только что поданое тофруа изъ перепеловъ. Даже сама г-жа Кнэппль вернулась къ болѣе близкимъ ей темамъ, потому что вообще не любила принимать участіе въ спорахъ при мужчинахъ. Она повернулась къ своему сосѣду фонъ-Фарнову, что позволило ей не видѣть ни прекрасной г-жи Розенблатъ, ни ея корсажа, ни ея умныхъ глазъ цвѣта темной фіалки, и стала объяснять ему приготовленіе тофруа и свой собственный рецептъ для него, который она находила превосходнымъ, если подавать это блюдо въ маленькихъ формочкахъ. Однако вопросъ о покоренномъ народѣ былъ поднятъ во второй

разъ и продолжалъ волновать умы въ то время, какъ въ бокалахъ запынилось шампанское нѣмецкой марки.

Г-жа Браувигъ успѣла обмѣняться только незначительными фразами со своими сосѣдами, Розенблатомъ, который все время много ѣлъ, и съ профессоромъ Кнэппль, охотнѣе говорившимъ со своими vis-à-vis, г-жей Розенблатъ и съ барономъ фонъ Финкенъ, и изрѣдка съ Жаномъ Оберлэ. Однако ей пришлось опять вызвать споръ противъ своей воли. И разговоръ вдругъ дошелъ до того страстнаго возбужденія, какого не было прежде. Жена тайнаго совѣтника говорила съ Розенблатомъ, угрожая въ то-же время глазами лакею, нечаянно задѣвшему стулъ г-жи Розенблатъ, ея главной гостыи; она говорила ему о бракѣ эльзаски съ пруссакомъ изъ Ганновера, командиромъ 10-го артиллерійскаго полка. Торговецъ желѣзомъ отвѣтилъ ей довольно громко, не подозрѣвая, что рядомъ съ нимъ сидитъ мать эльзаски, которую тоже любить нѣмецкій офицеръ:

— Дѣти будутъ хорошими нѣмцами. Такіе союзы рѣдки, можно сказать, даже чрезвычайно рѣдки, и я жалѣю объ этомъ, потому что они очень бы помогли германизациі этой упрямой страны.

Баронъ фонъ-Финкенъ выпилъ залпомъ бокалъ шампанскаго, поставилъ его на столъ и замѣтилъ:

— Всѣ средства хороши, потому что цѣль превосходна.

— Конечно,— сказалъ Розенблатъ.

Изъ трехъ эльзасцевъ, Жана Оберлэ знали лучше другихъ; его отвѣтъ оцѣнили-бы больше, и въ то же время казалось, что ему-то труднѣе всего отвѣчать, потому что этотъ самый вопросъ произвелъ раздоры въ его семьѣ. Онъ видѣлъ, что баронъ фонъ-Финкенъ взглянулъ на него, произнося свою фразу, что Розенблатъ пристально ва него смотритъ, что профессоръ Кнэппль оглядывается на своего сосѣда слѣва, что г-жа Розенблатъ улыбается, какъ будто хочетъ сказать: «Способенъ-ли этотъ молодой человѣкъ защищать свой народъ? Чувствуетъ-ли онъ обиду? Ну-ка, посмотримъ».

Жанъ Оберлэ отвѣтилъ, выбравъ противника и оборачиваясь къ фонъ-Финкену:

— Я думаю, напротивъ, что германизациія Эльзаса и нехоршее, и невыгодное дѣло.

При этихъ словахъ лицо его стало смѣло, и въ его темныхъ глазахъ задрожало что-то, какъ въ зелени лѣса, когда вѣтеръ ураганомъ проносится по деревьямъ.

Профессоръ эстетики выпрямился характернымъ движеніемъ боевого человѣка.

— Почему нехоршее, скажите, пожалуйста? Развѣ вы

считаете для себя несчастіемъ ту побѣду, слѣдствіемъ которой она является? Вы такъ думаете? Ну, такъ скажите прямо!

Среди всеобщаго молчанія раздался отвѣтъ Жана Оберлэ:

— Да.

— Вы осмѣливаетесь, милостивый государь?

— Позвольте!—сказалъ тайный совѣтникъ Браунигъ, простирая къ нимъ руки, какъ-бы для благословенія.—Мы всѣ здѣсь добрые нѣмцы, дорогой баронъ; вы не имѣете права заподозрѣвать патриотизмъ нашего молодого друга, который говоритъ только съ исторической точки зрѣнія...

Г-жа Оберлэ и Люсьенна дѣлали Жану знаки рукой: «Молчи! Молчи!»

Но баронъ фонъ-Финкенъ ничего не видѣлъ и не слышалъ. Имъ овладѣла та жгучая страсть, которую выражало его лицо. Онъ приподнялся слегка, наклонился впередъ, поднимая голову надъ столомъ:

— Хороша она, ваша Франція! Какъ она едина! Какъ могущественна! Какъ нравственна!

Маленькая г-жа Кнэппль подхватила:

— Нравственна, въ особенности!

Высокіе, низкіе, ироническіе, разсерженные голоса закричали сразу:

— Шуты эти французы! Посмотрите на ихъ ужасные романы и драмы! Въ полномъ упадкѣ, эта Франція! Конечная нація! Что она сдѣлаетъ противъ 55 милліоновъ тевтонцевъ?

Жанъ далъ пронестись этому вихрю словъ. Онъ смотрѣлъ то на жестикулирующаго Финкена, то на Фарнова, который молчалъ, нахмуривъ брови и поднявъ голову.

— Я нахожу, что на нее очень клеветаютъ,—сказалъ онъ наконецъ.—Можетъ быть, ею дурно управляютъ; можетъ быть, она ослабѣла, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ, но такъ какъ вы на нее нападаете, то я въ восторгѣ, что могу сказать вамъ, что считаю ее еще великой націей! Вѣдь вы сами того-же мнѣнія.

Раздались настоящіе вопли: «О! А! Однако!»

— Доказательствомъ этого служить ваше ожесточеніе противъ нея. Вы ее побѣдили, но не перестали завидовать ей!

— Читаете-ли вы коммерческую статистику, молодой человекъ?—спросилъ твердый голосъ Розенблата.

— А ихъ торговый флотъ, шестого разряда въ сравненіи съ другими!—процѣдилъ одинъ изъ приватъ-доцентовъ.

— Сравните-же обѣ арміи!—сказалъ другой.

Профессоръ Кнэппль поправилъ на себѣ очки и рывко-выговорилъ слѣдующее:

— То, что вы говорите, вѣрно въ прошедшемъ, дорогой Оберлэ. Даже теперь я нахожу возможнымъ прибавить, что, еслибъ Франція принадлежала намъ, она скоро стала-бы великой страной: мы сумѣли-бы придать ей цѣну.

— Прошу васъ,—прибавилъ дерзко Финкенъ,—не спорить о вещахъ, о которыхъ невозможно и говорить серьезно.

— Прошу васъ въ свою очередь, — сказалъ Жанъ, — не спорить, опираясь на доводы, которые ничего не доказываютъ и не касаются самой сущности вопроса. Образованный человекъ не будетъ судить о странѣ только по ея торговлѣ, флоту и арміи.

— По чему же судить о ней?

— По ея духу, баронъ. У Франціи есть своя душа, которую я вижу въ ея исторіи, и чувствую въ себѣ какимъ-то сыновнимъ инстинктомъ. И я твердо вѣрю, что много прекрасныхъ добродѣтелей и самыхъ благородныхъ чувствъ, какъ великодушіе, безкорыстіе, любовь къ справедливости, изящество, деликатность и извѣстная прелесть героизма встрѣчаются въ ней,—и въ ея прошломъ, и въ настоящемъ,—чаще чѣмъ у другихъ народовъ. Я могу привести вамъ тому массу доказательствъ. Еслибъ даже она была такъ слаба, какъ вы меня увѣряете, то въ ней есть сокровища, которыя составляютъ гордость всего міра, которыя надо похитить у нея, прежде чѣмъ приговаривать ее къ смерти, и въ сравненіи съ которыми все остальное ничтожно. И ваша германизация, профессоръ, не что иное, какъ истребленіе или ослабленіе этихъ французскихъ доблестей въ эльзасской душѣ. И вотъ почему я говорю, что это — нехорошее дѣло...

— Скажите на милость! — закричалъ Финкенъ. — Вѣдь Эльзась естественно принадлежалъ Германіи; онъ теперь только вернулся къ ней: мы предъявили свои законныя права на него. Кто бы поступилъ иначе?

— Франція! — возразилъ Оберлэ, — и вотъ почему мы ее любили. Она могла-бы захватить территорію, но не хотѣла провозводить насиліе. Мы принадлежала ей по праву нашей любви къ ней!

Баронъ пожалъ плечами:

— Такъ возвращайтесь туда!

Жанъ чуть не крикнулъ: «Конечно!» Лакеи остановились съ пирожнымъ въ рукахъ, чтобъ слышать разговоръ. Онъ продолжалъ:

— Такъ что я считаю вашу политику нехорошей въ самой ея сущности, потому что она — насиліе надъ нашей совѣстью, но я нахожу ее также неловкой даже съ нѣмецкой точки зрѣнія,

— Прелестно!—сказалъ дискантъ г-жи Кнэппль.

— Было-бы въ высшей степени въ вашихъ интересахъ сохранить то, что есть въ насъ оригинальнаго и независимаго въ умственномъ отношеніи. Это было-бы полезнымъ примѣромъ для Германіи.

— Спасибо!—сказалъ чей-то голосъ.

— И даже очень, очень полезнымъ,—настаивалъ молодой человѣкъ—Я воспитанъ въ Германіи и увѣренъ въ томъ, что говорю. То, что меня больше всего удивило въ нѣмцахъ и поразило неприятно,—это ихъ безличность, ихъ полное забвеніе свободы, ихъ раболѣпство перель...

— Осторожнѣе, молодой человѣкъ!—быстро перебилъ его совѣтникъ Браунигъ.

— Я скажу передъ властью Пруссіи, господинъ совѣтникъ, властью, которая давитъ всякую мысль и даетъ волю только тремъ выработаннымъ ею типамъ: податному сословію, чиновникамъ и солдатамъ.

Одинъ изъ привать-доцентовъ поднялся на концѣ стола:

— Римскія имперія поступала такъ же, и это была римская имперія!

Дрожащій голосъ вскрикнулъ около него:

— Браво!

Всѣ оглянулись. Это былъ Вильгельмъ фонъ-Фарновъ, который провознесъ только это слово за все время спора. Страстность этого спора раздражала его, какъ личное оскорбленіе. Другіе были тоже возбуждены. Розенблатъ сжималъ кулаки. Профессоръ Кнэппль протиралъ очки, бормоталъ что-то поды носъ гнѣвнымъ шопотомъ. Жена его смѣялась короткимъ, нервнымъ смѣхомъ.

Тогда прекрасная жена Розенблата улыбнулась и, проводя пальцами по своему дорогому жемчужному ожерелью, посмотрѣла нѣжно на эльзасца:

— По крайней мѣрѣ г. Оберле высказываетъ свои убѣжденія смѣло,—сказала она.—Нельзя быть болѣе искренно противъ насъ.

Жанъ былъ слишкомъ возбужденъ, чтобы отвѣтить ей шуточной. Онъ посмотрѣлъ по очереди на Финкена, Розенблата, Кнэппля, на привать-доцента, волновавшагося на своемъ стулѣ около Люсьенны, потомъ наклонился слегка въ сторону г-жи Розенблатъ.

— Только благодаря своимъ женщинамъ Германія можетъ достигнуть той степени утонченности, которой ей не хватаетъ, м-ше Розенблатъ. Среди ея женщинъ есть безупречныя...

— Спасибо за насъ!—отвѣтило три мужскихъ голоса

Г-жа Кнэппль, раздраженная комплиментомъ, обращеннымъ къ г-жѣ Розенблатъ, воскликнула въ себя:

— Какая же у васъ система, г. Оберлэ, чтобъ сбросить нѣмецкое иго?

— Никакой.

— Такъ чего же вы требуете?

— Ничего. Я страдаю.

Тогда заговорилъ одинъ изъ эльзасскихъ художниковъ съ бѣлокурой бородкой, дѣлающей его похожимъ на ученика Джиотто, и весь столъ повернулся къ нему:

— Я не согласенъ съ г. Оберлэ, который ничего не требуетъ. Онъ только что пріѣхалъ къ намъ послѣ долгаго отсутствія. Если-бъ онъ жилъ здѣсь подольше, то думалъ бы иначе. Мы, эльзасцы новаго поколѣнія, мы увидѣли при столкновеніи съ тремястами тысячъ нѣмцевъ всю разницу между французской культурой и вашей. Мы предпочитаемъ нашу, вѣдь это позволено? И взамѣнъ нашей политической вѣрности Германіи, взамѣнъ податей, которыя мы платимъ, военной службы, которую мы отбываемъ, мы требуемъ только одного: остаться эльзасцами. Вотъ чего вы такъ упорно не хотите понять. Мы не хотимъ быть подчиненными особымъ законамъ, этому осадному положенію, которое длится вотъ уже тридцать лѣтъ. Мы требуемъ, чтобъ съ нами обращались, не какъ съ порабощенной страной въ родѣ Камеруна, Тоголанда, Новой Гвиней, архипелага Бисмаркъ или острововъ Провидѣнія, но какъ съ европейской провинціей германской имперіи. Мы будемъ удовлетворены лишь тогда, когда будемъ себя чувствовать дома, здѣсь, эльзасцами въ Эльзасѣ, какъ баварцы остаются баварцами въ Баваріи, тогда какъ теперь мы живемъ какъ побѣжденные подъ игомъ побѣдителя. Вотъ мое требованіе!

Онъ говорилъ отчетливо, съ наружнымъ спокойствіемъ, и его золотистая бородка выдавалась впередъ, какъ стрѣла. Эта сдержанная рѣчь взволновала всѣхъ еще больше, и можно было предвидѣть всю страстность возраженій, когда тайная совѣтница поднялась изъ за стола.

Гости послѣдовали ея примѣру и перешли въ голубую гостиную.

— Ты вель себя нелѣпо! О чемъ ты думалъ?— сказала Люсьенна вполголоса, проходя мимо брата.

— Это очень неосторожно, что ты говорилъ,— сказала ему черезъ минуту г-жа Оберлэ, которая не могла не любить этого неосторожнаго сына и не сочувствовать ему.

Но тайный совѣтникъ уже наклонялся во всѣ стороны, говоря на ухо Финкену, Фарнову, Розенблату, профессору

Кнэпшль, привать-доцентамъ, Жану и художникамъ: «Будьте любезны перейти со мной въ курильную!»

По особому желанію г-жи Браузигъ курильная была второй гостиной, отдѣленной отъ первой зеркальнымъ стекломъ, такъ что тайная совѣтница, оставаясь съ дамами, могла видѣть мужа и его гостей и слѣдить за безконечными попойками, которыя обыкновенно слѣдовали послѣ обѣда.

Вскорѣ мужчины закурили сигары. Спирали дыма поднялись къ потолку и слились вмѣстѣ. Лакеи принесли большіе стеклянные сосуды съ краномъ внизу, и гости сами наливали себѣ пиво въ каменные кружки. Вокругъ Розенблата собрался кружокъ мужчинъ. Вокругъ профессора фонъ-Финкена—другой. Громкіе, отяжелѣвшіе голоса какъ будто спорили между собой, а въ дѣйствительности, съ трудомъ двигая языкомъ, говорили самыя простыя вещи. Жгучій споръ за обѣдомъ направилъ разговоръ на политическія темы. Иногда одинъ изъ курящихъ протягивалъ свою кружку съ темнымъ пивомъ по направленію къ гостиной г-жи Браузигъ и черезъ стекло пилъ за здоровье хозяйки дома, которая сидѣла на кушеткѣ и отвѣчала ему легкимъ наклоненіемъ головы.

Только двое мужчинъ говорили о серьезномъ дѣлѣ и совершенно тихо. Это были Жанъ Оберлэ и Фарновъ. Какъ только Жанъ закурилъ сигару, тотъ взялъ его за руку и сказалъ: «Мнѣ надо переговорить съ вами, и наединѣ».

И чтобъ никто имъ не мѣшалъ, молодые люди сѣли у громаднаго камина какъ разъ напротивъ прохода въ гостиную, тогда какъ остальные мужчины, окружавшіе Розенблата и Финкена, стояли у оконъ.

— Вы были очень возбуждены сегодня вечеромъ, мой милый,—сказалъ Фарновъ съ той горделивой вѣжливостью, съ какой часто говорилъ;—я двадцать разъ хотѣлъ возражать вамъ, но предпочелъ подождать. Вѣдь вы обращались немного и ко мнѣ?

— Очень много къ вамъ. Я хотѣлъ показать вамъ ясно, кто я, и показать вамъ это при свидѣтеляхъ съ тѣмъ, что, если вы не откажетесь отъ своихъ намѣреній, всё-бы знали, что я не шелъ съ вами ни на какія уступки и сдѣлки; что я не при чемъ въ вашемъ будущемъ бракѣ. Я не могу идти противъ воли отца, но я не хочу, чтобъ смѣшивали мои и его убѣжденія.

— Я васъ такъ и понялъ... Вы, значить, узнали, что я встрѣчался съ вашей сестрой, и что я люблю ее.

— Да.

— Вы ничего, кромѣ этого, не находите сказать мнѣ?

Кровь прилила къ лицу нѣмца.

— Объяснитесь скорѣй, — продолжалъ онъ. — Моя семья — хорошаго дворянскаго рода, признаете вы это?

— Да.

— Признаете-ли вы, что это — честь для женщины, когда ея руки просить нѣмецкій офицеръ?

— Для всякой другой, но не для эльзаски. Но если-бъ вы и не понимали этого чувства, то знайте, что мы, эльзасцы, не похожи на другихъ людей. Я васъ очень уважаю, Фарновъ, но ваша свадьба причинила бы большое горе тремъ лицамъ изъ нашей семьи. Мнѣ прежде всего!

— Почему-же это?

Они должны были говорить совсѣмъ тихо и избѣгать жестовъ, чтобъ не привлечь къ себѣ вниманія гостей Браузига, которые все время наблюдали за молодыми людьми, стараясь объяснить себѣ ихъ разговоръ. Все ихъ волненіе, весь гнѣвъ сосредоточились у нихъ въ глазахъ и въ томъ свистѣ, съ которымъ вылетали ихъ едва слышныя слова.

Люсьенна могла видѣть Фарнова черезъ стекло и, вставая и переходя черезъ гостиную или дѣлая видъ, что любитъ корзинку цѣтвовъ, поставленной внизу стеклянной стѣны, она внимательно слѣдила за лицомъ офицера и за братомъ.

— Вы человекъ не злой, Фарновъ. Такъ подумайте, что станетъ съ нашимъ Альсхеймскимъ домомъ, когда къ прочимъ причинамъ раздора прибавится еще эта?

— Я уѣду, — сказалъ офицеръ; — я могу перевестись въ другой полкъ и оставить Страсбургъ.

— Воспоминанія останутся. Но это еще не все. Начать съ того, что моя мать не согласится...

Фарновъ показавъ жестомъ руки, что это не имѣетъ для него значенія.

— А дѣдъ? Пренебрегайте матерью и мною, если хотите. Но онъ! Прошу васъ для него, подождите немного. Онъ не заставитъ васъ долго ждать...

— Я ничѣмъ не обязанъ г. Филиппу Оберлэ, — перебилъ его Фарновъ.

Его голосъ становился жесткимъ:

— Предупреждаю васъ, что я никогда не отступаю отъ разъ принятаго рѣшенія. Какъ только г. Кассевицъ, префектъ Страсбурга и мой единственный близкій родственникъ, вернется изъ слуска, который беретъ на дняхъ, онъ пріѣдетъ къ вамъ въ Альсхеймъ; онъ будетъ просить для своего племянника руку m-elle Люсьенны Оберлэ, и получить согласіе, потому что m-elle Люсьенна Оберлэ дастъ его, и вашъ отецъ его.

уже далъ, и кромѣ того, потому что я этого хочу, я, Вильгельмъ фонъ-Фарновъ!

— Остается вопросъ, хорошо-ли вы поступаете...

— Я поступаю по своей волѣ, этого достаточно...

— Сколько гордости въ вашей любви, Фарновъ!

— Ея много во всемъ, что я дѣлаю, Оберлэ.

— Неужели вы думаете, что я васъ не понимаю? Моя сестра понравилась вамъ, потому что она хорошенькая.

— Да.

— Не глупая.

— Да.

— Но также потому, что она — эльзаска! Ваша гордость увидѣла въ ней трудную побѣду. Вѣдь вы знали, что эльзаски обыкновенно отказываютъ нѣмцамъ. Это все королевы, руки которыхъ трудно добиться, начиная съ простыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, которыя на вечеринкахъ отказываются танцевать съ нѣмцами, и кончая нашими сестрами, которыхъ рѣдко увидишь въ вашихъ гостиныхъ подъ руку съ вами. Въ тѣхъ полкахъ, гдѣ вамъ придется служить, вы будете хвастаться, что добились руки Люсьенны Оберлэ. И даже въ высшихъ кругахъ, неправда-ли, это тоже отмѣтятъ съ удовольствіемъ?

— Можетъ быть, — усмѣхнулся Фарновъ.

— Ну такъ дѣйствуйте! Разбивайте или кончайте разбивать наши три жизни!

Они дрожали отъ гнѣва, но старались сдерживаться.

Офицеръ всталъ, бросилъ сигару и сказалъ высококомѣрно:

— Мы цивилизованные варвары, — пожалуй, и въ нашемъ понятіи о чести меньше предразсудковъ и тонкостей. Но оттого-то мы и побѣдимъ міръ, мой милый! А пока я пойду къ вашей матушкѣ и постараюсь быть съ нею насколько возможно любовнымъ врагомъ. Пойдемте вмѣстѣ.

Жанъ сдѣлалъ жестъ, что нѣтъ. И, оставивъ Оберлэ, Фарновъ вышелъ изъ курительной.

Люсьенна, волнуясь, ждала его въ гостиной. Она видѣла, какъ онъ подошелъ къ ея матери и, стараясь улыбнуться, подвинулъ стулъ къ креслу, гдѣ сидѣла изящная эльзаска, вся въ траурѣ.

Тайный совѣтникъ Браузигъ звалъ въ то же время:

— Оберлэ? Вы выкурили сигару, не выпивъ даже стакана пива? Но это преступленіе! Идите скорѣй! Профессоръ Кнэпшль говоритъ намъ какъ разъ о мѣрахъ, которыя принимаетъ правительство противъ обрусѣнія восточныхъ провинцій Германіи.

.....
Поздно ночью ландо увозило по направленію къ Альсхейму

трехъ путниковъ, высадившихся на станціи Оберлэ. Оставалось ѣхать еще довольно долго. Люсьенна сейчасъ-же заснула въ глубинѣ экипажа. Тогда мать ея, почти ничего не говорившая до сихъ поръ, спросила сына, указывая на прекрасное существо, спавшее спокойнымъ сномъ:

— Ты зналъ?

— Да.

— Я угадала... Мнѣ не зачѣмъ было и говорить это. Я видѣла, какъ она на него смотрѣла... О! мой Жанъ, это испытаніе, котораго я такъ надѣялась избѣжать!.. Изъ-за страха передъ которымъ я сдѣлала уже столько уступокъ!.. Ты у меня одинъ, Жанъ... Но ты вѣдь останешься со мной!

Она крѣпко его поцѣловала.

XI. Въ ожиданіи.

Такъ какъ вообще почти никогда не сбывается то, что мы предполагаемъ, графъ Кассевицъ не пріѣхалъ въ Альсхеймъ въ назначенное Фарновымъ время. Въ концѣ іюня, когда этотъ сановникъ, вернувшись съ водъ, уже собирался ѣхать просить руки Люсьенны, онъ получилъ телеграмму, гдѣ его просили повременить. Г-ну Филиппу Оберлэ вдругъ сдѣлалось хуже.

Старикъ, котораго надо было наконецъ предупредить о томъ, что затѣвается въ домѣ, узналъ правду. Сынъ поднялся къ нему разъ утромъ. Съ оговорками, въ смягченныхъ выраженіяхъ, которыя казались ему знакомъ уваженія и снисходительности, онъ намекнулъ отцу, что Люсьенна равнодушна къ одному кавалерійскому офицеру изъ знатной нѣмецкой семьи; онъ сказалъ, что это чувство явилось въ ней внезапно; что онъ, Жозефъ Оберлэ, несмотря на все свое сожалѣніе, не считаетъ себя въ правѣ стѣснять свободу своихъ дѣтей, и что онъ надѣется, что и его отецъ согласится въ интересахъ мира. «Отецъ, закончилъ онъ, вы вѣдь знаете, что ваше сопротивление будетъ только насиліемъ и притомъ бесполезнымъ. Передъ вами прекрасный случай доказать Люсьеннѣ вашу привязанность къ ней, какъ мы всѣ это и сдѣлали; не отталкивайте этого случая». Старикъ спросилъ знаками: «А Моника? Согласилась она?» Жозефъ Оберлэ могъ отвѣтить ему утвердительно, не солгавъ, потому что несчастная женщина уступила и на этотъ разъ передъ угрозой развода. Тогда больной положилъ конецъ длинному монологу сына, написавъ два слова въ отвѣтъ: «Я—нѣтъ».

Въ тотъ же вечеръ у него началась лихорадка. Она продолжалась и на слѣдующій день и своимъ упорствомъ и сла-

бостью, которую вызывала въ больномъ, стала беспокоить семью Оберлэ.

Съ этого дня у нихъ только и говорили съ утра до вечера о здоровьѣ Филиппа Оберлэ. Разспрашивали г-жу Оберлэ и Жана, потому что онъ принималъ ихъ однихъ: «Какъ онъ себя чувствуетъ? Не возвращаются-ли къ нему силы? Въ полномъ-ли онъ сознаніи?» Каждый волновался о томъ, что происходило тамъ «наверху», въ этой комнатѣ, откуда старый борецъ, почти исчезнувшій уже изъ живого міра, все еще управлялъ своей семьей и держалъ ее въ своей власти. Всѣ говорили о своемъ безпокойствѣ. И сколько было въ этомъ словѣ, которое они такъ вѣрно употребляли, скрытыхъ плановъ, сколько разнообразныхъ чувствъ!

Жанъ тоже ждалъ исхода этой болѣзни съ нетерпѣніемъ, въ которомъ играла роль нѣжная его привязанность къ дѣду. Послѣ объясненія съ Люсьенной, но особенно послѣ обѣда у совѣтника Браузигъ, между братомъ и сестрой исчезла всякая близость. Люсьенна старалась быть къ нему какъ можно любезнѣе и внимательнѣе, но Жанъ не отвѣчалъ ей на ея предупредительность. Какъ только кончались его занятія на заводѣ, онъ бѣжалъ изъ дому; онъ уходилъ то въ поля, гдѣ сосредоточивалась теперь вся жизнь эльзасскихъ фермеровъ среди высокой травы, овса и созрѣвшей пшеницы, то къ своимъ сосѣдямъ, Рамспатерамъ, ставшимъ его друзьями, чтобы побесѣдовать съ ними вечеркомъ, когда они возвращались въ равнины; онъ шелъ къ нимъ тоже въ надеждѣ увидѣть, проходя по тропинкѣ, дочь Ксаверія Бастіанъ. Но чаще всего онъ поднимался въ Хейденбрукъ. Онъ разсказалъ дядѣ свою тайну и далъ ему порученіе. Жанъ сказалъ ему: «Я не надѣюсь уже получить руку Одиліи. Свадьба сестры помѣшаетъ моей. Но, несмотря на это, я обязанъ просить руку той, которую люблю. Я хочу знать навѣрное то, что уже разбиваетъ теперь мое сердце, хоть я въ этомъ еще и не вполне увѣренъ. Когда Бастіанъ узнаетъ, что Люсьенна—невѣста Фарнова или станетъ ею, — а это будетъ скоро, если дѣдушка поправится, — вы пойдете къ Бастіану, поговорите съ нимъ отъ моего имени; онъ отвѣтитъ вамъ, серьезно обдумавъ все это. И вы скажете мнѣ, отказываетъ-ли онъ навсегда зятю Фарнова въ рукѣ своей дочери, или требуетъ временнаго испытанія, — я соглашусь на него, какими-бы долгимъ оно ни было, — или въ немъ смѣлости хватаетъ, чему я не вѣрю, пренебречь скандаломъ, который вызоветъ свадьба сестры.»

Г-нъ Ульрихъ общалъ ему это.

Въ серединѣ августа лихорадка, мучившая Филиппа Оберлэ,

исчезла. Противъ ожиданій врача, силы быстро къ нему возвращались. Всѣ убѣдились вскорѣ, что крѣпкое сложеніе больного побѣдило болѣзнь и на этотъ разъ. И временной уступкѣ, сдѣланной Жозефомъ Оберлэ отцу, долженъ былъ прійти конецъ. Старикъ вернулся къ грустному положенію больного, котораго и смерть не хочетъ взять, и съ нимъ должны были поступать теперь, какъ и съ другими,—безъ пощады.

Неприятная сцена между старикомъ и сыномъ уже не повторилась. Все обошлось тихо, за простымъ разговоромъ. 26-го августа послѣ обѣда, когда Викторъ подалъ въ гостиную кофе, коммерсантъ сказалъ женѣ:

— Отецъ уже выздоровѣлъ. И нѣтъ больше причинъ откладывать визитъ графа Кассевица. Предупреждаю-же васъ, Моника, что онъ прійдетъ на-дняхъ. Будьте добры, передайте это отцу, потому что онъ никого, кромѣ васъ, не принимаетъ. И я хочу, чтобы все было прилично, и чтобы не было никакихъ неожиданностей и обмановъ. Вы того-же мнѣнія?

— Вы не хотите еще отложить этотъ визитъ?

— Нѣтъ.

— Тогда я предупрежу его.

Жанъ написалъ въ тотъ же вечеръ въ Хейденбрукъ, потому что не могъ пойти туда лично:

«Дядя, вопросъ о визитѣ Кассевица уже рѣшенъ. Отецъ совсѣмъ не скрываетъ этого, даже передъ прислугой. Онъ, очевидно, хочетъ, чтобы здѣсь распространился слухъ о свадьбѣ сестры. Какъ только вы услышите отъ кого-нибудь изъ Альсхейма сожалѣніе или негодованіе по этому поводу, пойдите, узнайте, умоляю васъ, могу ли я не отказываться отъ своей мечты. Вы скажете г-ну Бастіану, что это внукъ Филиппа Оберлэ любитъ Одилію».

ХII. Сборъ хмѣля.

У подножія св. Одиліи, немного ниже виноградниковъ, на глубокой почвѣ, состоящей изъ песку и перегнившихъ листьевъ, скатившихся сюда съ горы, раскинулись поля хмѣля, засѣянные Бастіаномъ и другими земледѣльцами и фермерами Альсхейма. Наступало время, когда цвѣтъ хмѣля даетъ больше всего своей душистой пыли,—время, очень короткое и которое трудно уловить.

Такъ что хозяева часто приходили посмотреть на свои поля. Скупщики ходили по деревнямъ. Вездѣ слышались споры покупателей и продавцевъ о сравнительномъ достоинствѣ

хмѣля изъ Виссембурга, изъ великаго герцогства Бадена, изъ Богеміи или Эльзаса. Въ газетахъ появились первыя цѣны лучшихъ сортовъ хмѣля: изъ Халлертау, Шпальта и Вольцнаха.

Въ воскресенье, 28 августа, къ Бастиану пришелъ мюнхенскій еврей и сказалъ ему:

— Виссембургъ обѣщаетъ прекрасный сборъ; Баденъ тоже: у насъ же въ Баваріи, въ Шпальтѣ есть хмѣль, который мы покупаемъ по 160 франковъ за 50 кило; это богатѣйшій хмѣль: въ немъ столько-же цвѣточной пыли, сколько въ виноградѣ сока. У васъ-же сухая погода испортила дѣло. Но я могу предложить вамъ 120 франковъ, если вы начнете сборъ хмѣля сейчасъ-же. Онъ уже созрѣлъ.

Бастианъ уступилъ и созвалъ поденщицъ къ 29-му августа. Это былъ какъ разъ тотъ день, когда графъ фонъ-Кассевицъ долженъ былъ пріѣхать къ Жозефу Оберлэ.

Наступало утро, и въ воздухѣ уже чувствовалась жара, когда женщины направились къ такъ называемому «верхнему Альсхейму», гдѣ на хорошо воздѣланной и взрытой, дугообразной полосѣ земли росъ хмѣль. Высокія жерди, словно боевые штыки, тянулись рядами въ нѣсколькихъ сотняхъ метровъ отъ опушки лѣса; вокругъ нихъ обвивались зеленые стебли хмѣля. Эта зелень напоминала издали палатки съ очень острымъ верхомъ, или скорѣе миниатюрныя колоколенки, на которыхъ съ низу доверху раскачивались миллионы шишекъ, полныхъ сѣроватыхъ чешуекъ, обсыпанныхъ пылью, и похожихъ на колокольчики, которые, казалось, вотъ сейчасъ зазвонятъ при дуновеніи вѣтра. Всѣ въ деревнѣ знали о событіи дня: о сборѣ хмѣля у Бастиана. Самъ хозяинъ, вставъ до зари, уже пришелъ на мѣсто сбора; онъ осматривалъ каждый побѣгъ, рассчитывалъ величину жатвы и по временамъ срывалъ и давилъ между пальцами одну изъ этихъ полупрозрачныхъ шишечекъ хмѣля, на аромат которыхъ слетались пчелы. Сзади, за границей поля, стояли наготовѣ двѣ узкія телѣги, каждая въ одну лошадь, и около нихъ фермеръ Рамспатеръ, его два сына, Августинъ и Францискъ, и еще одинъ работникъ съ фермы. Женщины шли прямо къ нимъ по дорогѣ неровными группами; впереди шло три, потомъ еще пять въ рядъ, загораживая всю дорогу въ ширину, и за ними еще одна, единственная среди нихъ пожилая женщина. На тѣхъ были рабочія платья изъ легкой матеріи, выцвѣтшія и старыя; только на дочери бакалейщика, Идѣ, было почти новое голубое платье съ бѣлыми горошинками, да еще другая модница Альсхейма, брюнетка Жюльетта, дочь пономаря, надѣла корсажъ съ приподнятыми

рукавами и передникъ съ бѣлыми и розовыми клѣтками. Почти всѣ онѣ были безъ шляпъ, и только тѣнь ихъ волосъ,—у всѣхъ бѣлокурыхъ, но различныхъ оттѣнковъ,—защищала ихъ отъ солнца. Онѣ шли спокойной, тяжелой походкой. Всѣ онѣ были молодыя, свѣжія и весело смѣялись. По дорогѣ въ поле имъ встрѣчались то крестьянскіе парни, верхомъ на рабочей лошади, то на краю чьего-нибудь поля—неподвижная группа косарей съ косами, воткнутыми въ мягкую люцерну; мужчины поднимали головы и слѣдили глазами за этими работницами, рѣдко бывавшими въ полѣ, потому что все это были или бѣлошвейки, или портнихи, или ученицы въ магазинахъ, и онѣ шли теперь, какъ на праздникъ, на эту сельскую работу. Утренній вѣтерокъ доносилъ по временамъ къ мужчинамъ неясный ропотъ ихъ разговора, но словъ нельзя было слышать. Погода была ясная. Нѣсколько стариковъ собирающихъ орѣхи и упавшіе съ деревьевъ яблоки, приподнимались и тоже смотрѣли прищурившись на эту вереницу дѣвушекъ, шедшихъ по дорогѣ въ лѣсъ, какъ обыкновенныя сборщицы малины и черники, но безъ корзинъ.

Поле хмѣля вытянулось въ восемь длинныхъ рядовъ, по ста кустовъ въ каждомъ, и женщины исчезли въ немъ, какъ среди гигантскаго виноградника. Бастіанъ далъ каждому работу и сказалъ, что надо начинать сборъ хмѣля со стороны дороги. Тогда старый фермеръ, его два сына и работникъ съ фермы, взявшись за жерди, наклоняли ихъ къ женщинамъ, и тѣ, ставъ на колѣни, срѣзали стебли съ дрожащими листьями, чешуйчатыми колокольчиками и усиками у самага корня, послѣ чего освобождали жердь отъ цѣпкой зелени хмѣля. Стебли, цвѣты, листья, все бросалось въ одну кучу и постепенно увозилось въ телѣгахъ. Рабочіе не срѣзали теперь шишекъ хмѣля, потому что должны были это сдѣлать послѣ полудня, на дворѣ фермы. Но уже обсыпанные съ ногъ до головы желтой пылью и листьями они торопились срѣзать зелень. Въ воздухѣ разлился здоровый, горькій запахъ, и, какъ это бываетъ въ первые дни сбора винограда, веселое жужжаніе поденщицъ далеко разнеслось по безконечному пространству, перерѣзанному полосами нивъ, луговъ, полей люцерны, — по широкому, плодородному Эльзасу, залитому теплымъ солнечнымъ свѣтомъ.

Этотъ свѣтъ, еще недавній ночной сонъ, полная свобода, которой онѣ не могли пользоваться каждый день, инстинктивное кокетство въ присутствіи мужчинъ и наконецъ желаніе доставить удовольствіе г. Бастіану, который, какъ всѣ знали, былъ сегодня въ хорошемъ расположеніи духа,—все это вызывало въ этихъ подросткахъ и дѣвушкахъ живое, шумное

веселье. И когда одинъ изъ рабочихъ спросилъ громко въ то время, какъ работающія подъ его наблюденіемъ дѣвушки отдыхали минутку: «Развѣ никто не споетъ намъ пѣсню»? то дочь пономаря, Жюльетта, съ правильными чертами лица, съ такими прекрасными глубокими глазами и въ высокой модной прическѣ отвѣтила:

— Я знаю одну прелестную пѣсню!

Она посмотрѣла при этомъ на хозяина, который куриль, сидя на пригоркѣ, и смотрѣлъ съ любовью то на свое поле хмѣля, то на свой Эльзасъ, который никогда не выходилъ у него изъ головы.

— Если она прекрасна, спой ее,—сказалъ хозяинъ.—А можно ее пѣть при жандармахъ?

— Не совсѣмъ.

— Ну такъ повернись къ лѣсу; жандармы тамъ рѣдко проходятъ: имъ тамъ негдѣ напиться.

Всѣ молча разсмѣялись, такъ какъ одинаково сильно ненавидѣли жандармовъ. И прекрасная Жюльетта начала свою пѣсню, на эльзасскомъ нарѣчїи, конечно, — одну изъ тѣхъ пѣсенъ, которыя сочиняютъ никому невѣдомые поэты, и рѣмы которыхъ немного хромаютъ.

Ея голосъ, довольно сильный и чрезвычайно чистый, заплѣлъ:

«Я собирала хмѣль Эльзаса,—онъ выросъ на той землѣ, гдѣ мы работаемъ,—этотъ зеленый хмѣль нашъ,—и она тоже наша, красная земля!»

— Bravo!—сказалъ серьезно фермеръ Бастіана.

А самъ Бастіанъ вынулъ трубку изъ рта, чтобы лучше слышать.

«Онъ выросъ въ долинѣ, въ той долинѣ проходило много народа,—много всякихъ людей, и вѣтеръ, и горе. Мы выбрали себѣ друзей среди нихъ.

«Выпьемъ пиво за здоровье тѣхъ, кого любимъ; мы ничего не скажемъ при этомъ вслухъ;—слова останутся у насъ въ сердцѣ, гдѣ никто ничего не можетъ вычеркнуть».

Тяжелыя, солидныя, молодыя, старыя головы,—всѣ стали неподвижны на минуту, когда Жюльетта кончила. Всѣ ждали продолженія. Губы дѣвушекъ улыбались, онѣ наслаждались голосомъ Жюльетты и жизнью кругомъ; глаза Бастіана и Рамспатера заблестѣли при воспоминанїи о прошломъ. Оба сына его стали серьезны, хотя и совершенно спокойны. Продолженія не было.

— Я, кажется, знаю мельника, сочинившаго эту пѣсню,—сказалъ просто Бастіанъ.—Ну, друзья мои, торопитесь; вотъ уже

первая телѣга отѣхала въ Альсхеймъ. Надо, чтобы все было забрано и положено въ сушильню еще до вечера.

Всѣ опять наклонились къ землѣ и принялись за работу, за исключеніемъ высокаго молодца Франциска, увѣхавшаго съ телѣгой, и который въ ноябрѣ мѣсяцѣ долженъ былъ отбывать воиаскую повинность. Но въ эту минуту въ густой чащѣ кустарниковъ и высокой травы, огибавшихъ лѣсъ шелковистой бахромой, заплѣлъ мужской голосъ.

Кто это проходилъ? Кто слышалъ гѣсною? Всѣмъ показалось, что они узнаютъ этотъ сильный, неровный голосъ, уже старый, но еще съ молодыми порывами. Поднялся шопоть:

— Это онъ! Какъ онъ не боится...

Голосъ отвѣчалъ на томъ же грубомъ нарѣчій:

«Черный бантъ эльзасскихъ дѣвушекъ связалъ мое сердце съ горемъ,—связалъ мое сердце съ радостью; онъ — символъ любви.

«Черный бантъ эльзасскихъ дѣвушекъ — вольная птица съ большими крыльями,—она можетъ перелетѣть черезъ горы, и видеть, что дѣлается по ту ихъ сторону.

«Черный бантъ эльзасскихъ дѣвушекъ — траурный крестъ, который мы носимъ въ воспоминаніе о тѣхъ мужахъ и женахъ, сердце которыхъ подобно нашему».

Теперь всѣ узнали того, кто плѣлъ. Когда онъ умолкъ, работники и дѣвушки заговорили о г-нѣ Ульрихѣ, котораго нѣмцы едва терпѣли въ Эльзасѣ, какъ французскаго подданнаго, но который пользовался зато большей свободой слова. Въ полѣ опять поднялся шумный смѣхъ и говоръ, тѣмъ болѣе, что хозяинъ отошелъ въ сторону.

Бастіанъ поднимался тяжелымъ, мѣрнымъ шагомъ къ опушкѣ лѣса, откуда слышался голосъ, и вошелъ подъ тѣнь буковъ. Ульрихъ Вилеръ увидѣлъ его и ждалъ. Уставъ идти на солнцѣ, онъ снялъ шляпу и сѣлъ на камень, поросшій мхомъ, онъ надѣялся, что вызоветъ къ себѣ своимъ пѣніемъ стараго друга Ксаверія Бастіана. Онъ не ошибся.

— У меня есть здѣсь для тебя удобное мѣсто, сборщикъ хмѣля!—закричалъ онъ издали, указывая на широкій обломокъ камня, на которомъ сидѣлъ, и который скатился сюда съ горы подъ тѣнь деревьевъ.

Г-нъ Ульрихъ и мэръ Альсхейма видѣлись рѣдко, хотя и были на «ты». Между ними не было большой близости; ихъ связывали только одинаковыя убѣжденія, стремленія и воспоминанія. Это были избранные друзья, и старый Эльзасъ считалъ ихъ въ числѣ своихъ вѣрныхъ бойцовъ. Этого было достаточно, чтобы Бастіанъ понималъ сигналъ и считалъ свою

встрѣчу счастливой. Г-нъ Ульрихъ рѣшилъ, что, раздавъ всѣмъ работу, Бастіанъ будетъ не прочь развлечься на минуту. Онъ запѣлъ тогда въ отвѣтъ на пѣсню Жюльетты, и Бастіанъ сейчасъ-же пришелъ. Но на блѣдномъ и тонкомъ лицѣ Хейденбургскаго отшельника отражалось, кромѣ обычной привѣтливости, еще волненіе и безпокойство, которое онъ съ трудомъ скрывалъ.

— Ты еще поешь, — сказалъ Бастіанъ, пожимая ему руку, — ты охотишься, гуляешь по горамъ!

И онъ сѣлъ, отдуваясь, на камень, опустивъ ноги въ траву и повернувъ лицо къ склонамъ горы, поросшимъ дубами, буками и кустарниками.

— Это все только такъ кажется; да, я гуляю, охочусь, я—странникъ; ты же, напротивъ, самый осѣдлый изъ людей. Я странствую по родной землѣ, ты воздѣлываешь ее: это, въ сущности, два различныхъ способа быть ей вѣрнымъ. Послушай, Ксаверій, мнѣ надо поговорить съ тобой о вещи, которая очень меня волнуетъ.

Массивное лицо Бастіана вздрогнуло, толстыя губы зашевелились и по тому, какъ вдругъ глубоко измѣнилось выраженіе его лица, было видно, что этотъ человѣкъ можетъ сильно чувствовать. Но такъ какъ и онъ былъ очень сдержанъ, то ничего не отвѣтилъ. Онъ ждалъ.

— У меня къ тебѣ просьба, которая такъ дорога мнѣ, какъ будто касается меня лично. Тотъ, кто просилъ меня переговорить съ тобой, мой самый близкій родственникъ. Ксаверій я буду говорить съ тобой безъ оговорокъ: ты вѣдь догадался что мой племянникъ Жанъ любитъ твою дочь Одилюю?

— Да.

— И что же?

Они вдругъ посмотрѣли другъ другу прямо въ глаза, и оба испугались: одинъ—передъ отказомъ, который прочелъ въ глазахъ друга; другой—передъ страданіемъ, которое причинялъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Бастіанъ намѣренно жесткимъ тономъ, чтобъ скрыть волненіе, заставлявшее его голосъ дрожать, — я не могу!

— Я ждалъ этого. Но если я скажу тебѣ, что они любятъ другъ друга?

— Можетъ быть. Я не могу!

— Такъ у тебя, значитъ, есть очень важная причина?

-- Да.

— Именно?

Бастіанъ указалъ пальцемъ черезъ поля на красный фасадъ дома Оберлэ.

— Именно то, что сегодня въ этотъ домъ прійдетъ префектъ Страсбурга.

— Я не смѣлъ первый сообщить тебѣ это; Жанъ просилъ меня переговорить съ тобой, когда это будетъ всѣмъ извѣстно.

— Это ужъ всѣмъ и извѣстно. Прислуга Оберлэ предупредила всю деревню. Говорятъ даже, что г. Кассевицъ прійдетъ просить руки Люсьенны для своего племянника, поручика фонъ Фарнова.

— Я знаю это.

— И ты хотѣлъ-бы?

— Да!

— Чтобъ я отдалъ свою дочь Жану Оберлэ, чтобъ отцомъ ея мужа былъ кандидатъ отъ правительства при слѣдующихъ выборахъ и зятемъ—прусскій офицеръ?

Г-нъ Ульрихъ выдержалъ негодующій взглядъ Бастіана и отвѣтилъ:

— Да. Это большое страданіе для Жана; но онъ въ этомъ не виновенъ. Гдѣ ты найдешь человѣка, болѣе достойнаго тебя и твоей дочери?

— Но что же онъ дѣлаетъ, чтобъ помѣшать браку сестры? Онъ здѣсь. Онъ примирится съ нимъ своимъ молчаніемъ. Онъ слабъ.

Г-нъ Ульрихъ остановилъ его жестомъ:

— Нѣтъ! Онъ силенъ.

— Не такъ, какъ ты, потому что ты по крайней мѣрѣ закрывъ двери своего дома для нѣмцевъ.

— Это былъ мой домъ.

— И я имѣю право сказать: не такъ, какъ я. Ахъ, вся эта молодежь дѣлаетъ слишкомъ много уступокъ, мой другъ. Я не вмѣшиваюсь въ политику. Я молчу. Я воздѣлываю землю моего Эльваса. Но даже крестьяне относятся ко мнѣ подозрительно, они меня любятъ, конечно, но ужъ начинаютъ находить меня опаснымъ; нѣмцы ненавидятъ меня здѣсь всѣ безъ исключенія. Но, Богъ свидѣтель, что это только укрѣпляетъ меня въ моихъ чувствахъ, и я не измѣнюсь. Я умру съ своею старою, непримиренною ненавистью въ сердцѣ, понимаешь?. непримиренною.

Его глаза засверкали, какъ глаза вольнаго стрѣлка, который своей вѣрной, никогда не дрожавшей рукой спускаетъ курокъ навстрѣчу врагу.

— Ты не даромъ человѣкъ своего поколѣнія, Ксаверій. Но нельзя быть несправедливымъ. Въ этомъ юношѣ, которому ты отказываешь, бьется благородное сердце, хоть онъ и не похожъ на насъ.

— Это еще вопрос!

— Развѣ онъ не отказался поступить на казенную службу?

— Да, потому что ему нравится нашъ Альсхеймъ, и моя дочь ему тоже нравится.

— Нѣтъ, прежде всего потому, что онъ эльзасецъ.

— Не такой, какъ мы, даю тебѣ слово!

— Да, не такой. Вѣдь они принуждены жить среди нѣмцевъ; они воспитывались въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, и, чтобъ любить Францію, въ нихъ должно быть больше честности и благородства души, чѣмъ этого требовалось для людей нашего времени. Подумай, что уже прошло тридцать лѣтъ!

— Увы!

— Что они никогда не видѣли этого прошлаго, что любятъ Францію только въ силу преданія—воображеніемъ, инстинктомъ, и что вокругъ нихъ столько примѣровъ забвенія.

— Дѣйствительно, Жанъ видѣлъ не мало такихъ примѣровъ!

— Вотъ почему ты долженъ быть къ нему справедливейше. Подумай, что еслибъ твоя дочь вышла за него замужъ, она основала-бы здѣсь очень богатую, очень сильную эльзасскую семью... Офицеръ никогда не будетъ жить въ Альсхеймѣ, ни даже долго въ Эльзасѣ... Его имя будетъ вскорѣ пустымъ звукомъ...

Бастіанъ положилъ свою тяжелую руку на плечо г-на Ульриха и сказа т твердымъ, непоколебимымъ тономъ:

— Послушай, другъ мой, я никогда не мѣняю своего слова. Этого не будетъ потому, что я не хочу этого брака; потому, что весь мой родъ, и живые, и мертвые возстали-бы противъ меня. И еслибъ даже я уступилъ, Ульрихъ, то около меня есть воля, которая сильнѣе моей и которая никогда не согласится, слышишь?.. никогда.

Онъ поднялъ плечи и встряхнулъ головой, какъ человекъ, не допускающій никакихъ возраженій, и спустился къ поденщикамъ. Когда онъ прошелъ по рядамъ уже срѣзаннаго хмѣля и сдѣлалъ замѣчаніе каждому изъ работниковъ, смѣхъ сразу прекратился, и дѣвушки Альсхейма, фермеръ и его сыновья продолжали свою работу подъ палящимъ солнцемъ уже среди полного молчанія.

Г-нъ Ульрихъ поднимался къ Хайденбруку въ большомъ горѣ и съ тоской спрашивалъ себя, какъ отразится на жизни Жана отказъ Бастіана, и какъ онъ сообщитъ о немъ племяннику. Не надѣясь, не вѣря уже въ возможность удачи, онъ всетаки настойчиво искалъ средства поколебать отца Одилія и множество проектовъ проносилось у него въ головѣ, словно стаи этихъ золотистыхъ лѣсныхъ мухъ, весело жужжащихъ на

солнцѣ вокругъ него. Ручейки быстро скакали по камнямъ. Первые дрозды пронеслись мимо него и, купаясь въ голубомъ воздухѣ, летѣли черезъ овраги къ виноградникамъ и полямъ. Но все было напрасно. Г-ну Ульриху было грустно безконечно, до смерти. Онъ все думалъ о племянникѣ, такъ жестоко вознагражденномъ за свое возвращеніе въ Альсхеймъ. И на поворотѣ тропинки онъ посмотрѣлъ черезъ деревья на домъ Оберлэ.

Тотъ, кто проникъ-бы въ эту минуту въ этотъ домъ, нашель-бы, что все въ немъ теперь необыкновенно тихо. Всѣ обитатели его страдали. Филиппъ Оберлэ, какъ и всегда, завтракалъ у себя. Г-жа Оберлэ, по строгому приказанію мужа, согласилась спуститься изъ своей комнаты, когда пріѣдетъ графъ Кассевицъ.

— Однако,—сказала она,—предупреждаю васъ, что я не буду занимать его. Я буду присутствовать по приказанію, потому что дала вамъ слово принять это лицо. Но дальше я не пойду.

— Пожалуй!—отвѣтилъ ей мужъ.—Люсьенна, Жанъ и я, мы будемъ съ нимъ разговаривать. Этого достаточно».

Сейчасъ-же послѣ завтрака коммерсантъ удалился въ свой рабочій кабинетъ въ концѣ парка. Жанъ, не выказывавшій никакого энтузіазма, тоже вышелъ и обѣщалъ вернуться къ тремъ часамъ. Люсьенна осталась одна въ большой желтой гостиной. Прекрасно одѣтая въ гладкомъ сѣромъ платьѣ, единственнымъ украшеніемъ котораго служила золотая пряжка пояса въ томъ-же новомъ стилѣ, какъ и столовая въ ихъ домѣ, она устанавливала букеты розъ въ вазы съ длиннымъ горлышкомъ, въ хрустальныя чаши и въ кувшины изъ прозрачнаго блѣднаго фарфора, рѣзко выдѣляющіеся на жесткомъ, яркомъ фонѣ бархатной мебели. Люсьенна была въ настроеніи игрока, который видитъ, что игра сейчасъ кончится, и опъ ее выиграетъ. За два предшествующіе вечера въ Страсбургѣ она сама устроила это дѣло, для рѣшительнаго окончанія котораго не хватало только подписи двухъ договаривающихся сторонъ: официальной кандидатуры, обѣщанной Жозефу Оберлэ въ первомъ свободномъ округѣ Эльзаса. Визитъ графа Кассевицъ былъ равносильнъ этой подписи. Враждебная Люсьеннѣ сторона или молчала, какъ г-жа Оберлэ, или удалялась и скрывала свой гнѣвъ, какъ дѣдъ. Молодая дѣвушка перешла отъ камина къ золоченному столику, надъ которымъ висѣло зеркало, и, смотрясь въ него, изучала хорошенькое движеніе губъ, съ которымъ должна была произнести позже: «Господинъ префектъ». Одно только раздражало ее и оскорбляло въ ней чувство гордости и побѣды, это — абсолютная пустота вокругъ. Казалось, сама

прислуга дала другъ другу слово не быть на мѣстѣ, когда ее позовутъ. Никто не приходилъ на звонки.

Послѣ завтрака Жозефъ Оберлэ долженъ былъ самъ пойти въ лакейскую къ камердинеру отца, этому толстому доброму эльзасцу, который считался слугой всего дома.

— Викторъ! Вы надѣнете ливрею, чтобы принять то лицо, что прійдетъ къ тремъ часамъ.

Викторъ покраснѣлъ и отвѣтилъ съ трудомъ:

— Слушаю.

— Вы будете ждать экипажъ и стоять внизу подъѣзда.

— Слушаю.

Послѣ этого обѣщанія, оскорблявшаго, повидимому, внутреннее чувство Виктора, онъ скрывался, убѣгалъ и приходилъ только на третій или четвертый звонокъ весь растерянный, и увѣрялъ, что ничего не слышалъ.

— Префектъ Страсбурга долженъ прійхать!

Люсьенна повторяла эти слова. Г-жа Оберлэ думала о нихъ, запершись въ своей комнатѣ. Они давили, какъ грозовая туча, стараго оппозиціоннаго депутата Эльзаса, стараго лѣсопромышленника Филиппа Оберлэ, который приказалъ, чтобы его оставили одного; они бросали въ нервную дрожь руки Жозефа Оберлэ, писавшаго дѣловыя письма въ конторѣ завода и оставивавшагося по временамъ, чтобы прислушаться; они мучительно звучали, какъ звонъ чего-то погребальнаго, въ сердцѣ Жана Оберлэ, убѣжавшаго на ферму Рамспатеровъ; они были темой, leitmotiv'омъ оживленнаго и страстнаго разговора среди сборщицъ хмѣля.

Послѣ обѣда женщины и работницы фермы и поденщицы, работавшія утромъ въ полѣ, собрались въ узкомъ и длинномъ дворѣ фермы Рамспатеровъ. Онѣ сидѣли на стульяхъ или табуреткахъ; направо отъ каждой изъ нихъ стояла корзина, налѣво—куча хмѣля, изъ которой онѣ выбирали цвѣты и отбрасывали ненужные стебли. Онѣ сидѣли въ два ряда, одинъ вдоль конюшни, другой—вдоль дома. Это была гирлянда бѣлокурыхъ головокъ и движущихся корсажей среди кучъ зелени. На концѣ двора, сквозь открытыя настежь ворота, виднѣлась площадь Алясхейма, фасады нѣсколькихъ домовъ, ихъ деревянные балконы и плоскія черепицы крышъ. Каждые полчаса подъѣзжала по этой дорогѣ телѣга фермы, нагруженная хмѣлемъ. Самъ фермеръ, старый Рамспатеръ, стоялъ на своемъ посту въ большомъ гумнѣ, расположенномъ передъ домомъ, и около котораго сидѣло нѣсколько работницъ, срывавшихъ шишечки хмѣля. Въ этомъ гумнѣ, широкую крышу котораго поддерживала съ одной стороны стѣна, а съ другой—столбы изъ

вогезскихъ сосенъ, производилось большинство работъ фермы, и сберегалось много ея богатствъ. Здѣсь выжимали виноградъ; здѣсь-же молотили хлѣбъ въ осенніе и зимніе мѣсяцы; въ углахъ держали полевые орудія, телѣги, доски, матеріалы для постройки, пустые бочки и немного сѣна. Сюда-же поставили одинъ на другой нѣсколько большихъ деревянныхъ ящиковъ и плетеноекъ, въ которыхъ каждый годъ сушили хмѣль. Фермеръ никогда никому не поручалъ этой, требующей осторожности работы. Итакъ, онъ стоялъ на своемъ посту и, ставъ на веревочную лѣстницу, сыпалъ въ сушильню мѣрнымъ движеніемъ хмѣль, который ему приносили въ корзинахъ два его старшіе сына; первые ящики сушильни были уже полны. Палящій вонь этого августовскаго дня, аромать раздавленныхъ листьевъ и цвѣтовъ, напоминающій тонкій запахъ сухихъ духовъ, все это опяняло немного женщинъ. Смѣхъ раздавался еще громче, чѣмъ утромъ въ полѣ, и на каждый вопросъ и мысль, высказанную вслухъ, отвѣчало сразу двадцать голосовъ со всѣхъ концовъ фермы. Этотъ фейерверкъ словъ вызвала и работа, и сосѣдъ или сосѣдка, проходящіе по площади, бѣлой отъ пыли и солнца, но въ особенности два событія дня: пріѣздъ префекта и предполагаемая свадьба Люсьенны.

Прекрасная Жюльетта, дочь пономаря, начала разговоръ, сказавъ:

— Увѣрю васъ, самъ Викторъ рассказывалъ это сыну каменщика: префектъ пріѣдетъ черезъ полчаса. Такъ я и повернусь къ нему, когда онъ пройдетъ!

— Онъ увидѣлъ-бы ужь очень хорошенькую дѣвушку, — сказалъ Августинъ Рамспатеръ, поднимая двѣ корзины съ цвѣтами хмѣля. — Только уроды покажутъ ему себя.

Ида, поднявшая свое голубое платье съ горошинками, молочница Октавія съ золотымъ ореоломъ косъ на головѣ, и Рѣна, очень бѣдная дочь портного, всѣ отвѣтили сразу и смѣясь:

— Такъ это буду не я! Не я! Не я!

И голосъ старой женщины, единственной старухи, среди этой молодежи, проворчалъ:

— Я знаю, что я такъ-же бѣдна, какъ Петръ и Павелъ, но пусть онъ ѣдетъ къ другимъ въ гости, а не ко мнѣ, ихъ префектъ!

— Конечно!

Всѣ они говорили совершенно свободно. Слова звонко раздавались среди двора, вмѣстѣ съ взрывами смѣха и шелестомъ листьевъ. А въ полутемномъ углу гумна, опустивъ подбородокъ на руку, сидѣлъ на кучѣ бревенъ безмолвный свидѣтель этого разговора и этотъ свидѣтель былъ Жанъ Обервэ.

Но жители Альсхейма уже познакомились съ молодымъ чело-
вѣкомъ за тѣ пять мѣсяцевъ, что онъ жилъ среди нихъ. Они
знали, что онъ настоящій эльзасецъ. И теперь они угадывали,
что онъ убѣждалъ къ фермеру Бастіану, потому что не могъ
сочувствовать честолюбію отца, которому тотъ приносилъ въ
жертву столько убѣжденій и столько людей. Онъ зашелъ подъ
предлогомъ отдохнуть и посидѣть въ тѣни, а въ дѣйстви-
тельности потому, что общество торжествующей Люсьенны было
ему невыносимо. Однако, онъ ничего еще не зналъ объ
утреннемъ разговорѣ дяди и Бастіана. И образъ Одилии являлся
по временамъ въ его истерзанной горемъ душѣ, но онъ отго-
нялъ его прочь, потому что хотѣлъ быть совершенно спокоенъ,
и зналъ, что вскорѣ ему понадобится все его присутствіе духа
и всѣ его нравственныя силы; онъ смотрѣлъ иногда на сбор-
щицъ хмѣля, стараясь заинтересоваться ихъ работой и разго-
воромъ; часто ему слышался шумъ подѣвжающаго экипажа,
и онъ вдрагивалъ, вспоминая, что обѣщалъ быть дома, когда
пріѣдетъ графъ Кассевицъ.

Голосъ Жюльетты, бывшей рѣшительно въ ударѣ, про-
должалъ:

— Что ему нужно у насъ, въ Альсхеймѣ, этому префекту
Страсбурга? Намъ такъ хорошо живетъ здѣсь безъ этихъ
нѣмцевъ!

— Они невыносимы!—прибавилъ сейчасъ-же старшій сынъ
фермера, раздававшій женщинамъ новыя охапки хмѣля. Они
покаялись, что заставляютъ себя ненавидѣть. Такъ, они, насколько
только могутъ, запрещаютъ всѣмъ говорить по-французски.

— Напримѣръ, мой кузень Франсуа-Жозефъ Штейгеръ,—
сказала маленькая Рэна, дочь портного. Жандармъ увѣрялъ,
что слышалъ, какъ онъ кричалъ въ трактирѣ: «Да здравствуетъ
Франція!» Это было, кажется, все, что онъ и зналъ-то по
французски. Этого было достаточно. Онъ два мѣсяца просидѣлъ
въ тюрьмѣ.

— Онъ еще кричалъ, твой кузень! Но въ Альбертвейлерѣ
они запретили пѣвческому обществу исполнять музыкальные
номера по-французски!

— А этотъ французскій фокусникъ, пріѣхавшій недавно
въ Страсбургъ? Вы не знаете? Это было напечатано въ газе-
тахъ. Они допустили, чтобъ онъ заплатилъ за право предста-
вленія, нанялъ залу, напечаталъ афиши, и потомъ сказали ему:
«Вы будете давать ваше представленіе по-нѣмецки, мой другъ,
или уѣзжайте!»

— А что еще лучше, такъ это то, что случилось съ Хаа-
зомъ, маляромъ.

— Что такое?

— Онъ зналъ, что строго запрещено писать французскія вывѣски. И онъ никогда не пошелъ-бы противъ закона, я его знаю, Хааза. Но онъ думалъ, что можно покрыть лакомъ старую французскую вывѣску: «Магазинъ бѣлья». Они его призывали и грозили ему протоколомъ!.. Пойдите, это было въ прошломъ октябрѣ.

— О! о! Какъ-бы былъ доволенъ Хаммъ, если-бы дождь, вѣтеръ или гроза сорвали-бы вывѣску здѣшней гостиницы, которая все еще называется: «le Pigeon blanc», какъ это уже случилось съ «Анстомъ».

Старая сборщица черники Жозефина обратилась въ эту минуту къ женѣ фермера, показавшейся на порогъ своего дома:

— Печальный Эльзась! Какой онъ былъ веселый въ наши дни! Неправда-ли, madame Рамспатеръ?

— Да. Теперь за каждый пустякъ — изгнанія, процессы, тюрьма: повсюду полиція.

— Ты-бы лучше помолчала!—закричалъ ей Рамспатеръ съ упрекомъ.

Младшій сынъ Францискъ заступился за мать и отвѣтилъ:

— Среди насъ нѣтъ измѣнника. И потомъ, развѣ можно молчать? Они слишкомъ жестоки. Вотъ почему эмигрируетъ столько молодыхъ людей!

Изъ своего полутемнаго угла Жанъ смотрѣлъ на дѣвушекъ, которыя слушали разговоръ съ загорѣвшимися глазами, иныя стоя неподвижно, другія, продолжая наклоняться къ кучѣ хмѣля и срывать цвѣты.

— Вы-бы лучше работали, вмѣсто того, чтобы болтать;—сказалъ снова голосъ хозяина.

— Ихъ было сто семьдесятъ непокорныхъ, приговоренныхъ въ одинъ день Савернскимъ судомъ въ прошломъ январѣ,—сказала Жюльетта со смѣхомъ и встряхнула головкой.—Сто семьдесятъ!

Францискъ, высокій парень съ угловатыми и лѣнивыми движеніями, стоялъ въ эту минуту очень близко отъ Жана Оберля и высыпалъ въ сушильную корзину хмѣля; онъ наклонился немного впередъ:

— Лучше всего бѣжать черезъ границу, около Большихъ Фонтановъ,—сказалъ онъ вполголоса.—Это лучший проходъ, господинъ Оберля, между Большими Фонтанами и Миніаромъ... Граница здѣсь совсѣмъ близко и вдается мысомъ въ нѣмецкую землю. Надо только остерегаться лѣсничихъ и пограничной стражи. Они другой разъ останавливаютъ прохожихъ, чтобы спросить ихъ, куда они идутъ.

Жанъ вздрогнулъ. Зачѣмъ онъ говорить ему это? Онъ началъ:

— Почему вы обращаетесь ко мнѣ?

Но молодой крестьянинъ уже отвернулся и продолжалъ свою работу. Конечно, онъ сказалъ это безъ всякой особенной цѣли. Онъ просто подѣлился своимъ планомъ съ грустнымъ молчаливымъ землякомъ, чтобы развлечь его, удивить или просто чтобъ показаться ему симпатичнымъ. Но Жанъ весь взволновался отъ его словъ. Чей-то пріятный голосъ закричалъ въ эту минуту:

— Карета уже въѣзжаетъ въ деревню! Она сейчасъ проѣдетъ мимо аллеи г-на Бастана!

Всѣ работницы подняли головы.

Маленькая Франчелла стояла у столба, поддерживающаго открытыя ворота. Наклонившись впередъ, наполовину высунувшись на улицу, съ растрепавшимися кудрявыми волосами, она смотрѣла направо, откуда слышался шумъ колесъ. Во дворѣ всѣ женщины перестали работать. Онѣ шептали:

— Префектъ! Вотъ онъ... Онъ сейчасъ проѣдетъ.

Внезапное молчаніе женщинъ и голосъ маленькой Франчеллы привлекли вниманіе фермера, занятаго своей работой въ гумнѣ. Онъ повернулся ко двору, гдѣ неподвижныя женщины прислушивались къ шуму подвѣзжающаго экипажа, и приказалъ:

— Запри ворота, Франчелла!—и прибавилъ, ворча:—я не хочу, чтобъ онъ видѣлъ мой домъ и мой дворъ!

Служанка закрыла половинки воротъ, потомъ опять любопытно выглянула на улицу:

— О! Вотъ смѣхъ! Ужъ онъ теперь не скажетъ, что видѣлъ на улицахъ много народа. Никто для него не вышелъ... Нѣмцы только, конечно... Они всѣ тутъ стоятъ около «Аиста» со своими младенцами...

— Запрешь-ли ты ворота!—закричалъ сердито фермеръ.

На этотъ разъ она послушалась. Вторая половина воротъ захлопнулась. И всѣ присутствующіе услышали, какъ прокатилъ мимо экипажъ среди глубокаго молчанія деревни Альсхеймъ. Любопытные глаза смотрѣли украдкой въ окна, въ щели, но никто не вышелъ на порогъ дома, и работники, копавшіе въ саду грядки, казалось, такъ увлеклись своей работой, что ничего не слышали.

Когда экипажъ былъ уже въ пятидесяти метрахъ отъ фермы, они представили себѣ мысленно подвѣздъ дома Оберлэ, тамъ, по ту сторону деревни, и, принимаясь за работу, женщины

и дѣвушки съ любопытствомъ спрашивали себя, какъ поступить сынъ г-на Оберлэ; онѣ оглянулись въ сторону гумна.

Его уже тамъ не было.

Онъ всталъ, чтобы сдержать данное слово, и весь блѣдный, несмотря на ускоренный шагъ, прибѣжалъ къ калиткѣ огорода, въ то время, какъ лошади префекта выѣзжали въ паркъ съ другой стороны.

Всѣ въ домѣ были уже предупреждены. Люсьенна и мать сидѣли около камина. Онѣ ничего не говорили другъ другу. Коммерсантъ уже съ полчаса какъ вернулся изъ своей конторы и переодѣлся въ жакетку, которую обыкновенно надѣвалъ въ Страсбургъ, и въ бѣлый пикейный жилетъ. Широко разставивъ руки, онъ смотрѣлъ въ окно, какъ карета префекта огибаеъ поляну.

Программа задуманныхъ имъ плановъ начинала исполняться. Официальное лицо, въѣзжающее въ его паркъ, привозило ему увѣреніе въ благосклонности правительства. Въ одну минуту передъ нимъ мелькнулъ дворецъ рейхстага, и онъ вздрогнулъ отъ этой горделивой мечты.

— Моника! — сказалъ онъ, оборачиваясь и задыхаясь, какъ-бы послѣ долгой ходьбы. — Вернулся-ли, наконецъ, вашъ сынъ?

Тонкая фигура жены выдѣлялась на фонѣ желтаго кресла около камина; она отвѣтила съ искаженнымъ и похудѣвшимъ отъ волненія лицомъ:

— Онъ придетъ, если обѣщаль.

— Дѣло въ томъ, что его до сихъ поръ еще нѣтъ, а графъ Кассевицъ уже пріѣхалъ. А Викторъ? Предполагаю, что онъ стоитъ на крыльцѣ, чтобы доложить намъ о пріѣздѣ графа, какъ я ему это приказалъ.

— Я тоже это предполагаю.

Жозефъ Оберлэ, взбѣшенный сдержанностью жены и ея молчаливымъ неодобреніемъ, выражающимся именно въ этой покорности, прошелъ черезъ гостиную, изо всѣхъ силъ дернулъ за звонокъ и, полуоткрывъ двери въ переднюю, увидѣлъ, что Викторъ на крыльцѣ не было.

Онъ долженъ былъ сейчасъ-же отойти, потому что на крыльцѣ раздалися шаги; кто-то поднимался по ступенямъ. Жозефъ Оберлэ сталъ около камина, напротивъ двери. Шаги тяжело звучали по граниту крыльца.

Но кто-то всетаки пришелъ на звонокъ. Дверь отворилась, и черезъ минуту все семейство Оберлэ увидѣло старую, бѣлую, какъ воскъ, кухарку Саломею, которая, сжавъ зубы и не говоря ни слова, открывала дверь, и графъ Кассевицъ вошелъ, задѣвъ ее при проходѣ.

Онъ былъ очень высокъ, широкъ въ плечахъ и затянутъ въ сюртукъ. Все его лицо состояло изъ двухъ разнородныхъ элементовъ: выпуклаго лба, круглыхъ щекъ, круглаго носа, и потомъ изъ рѣзкихъ линий бровей, усовъ и короткой бородки, очень косматыхъ и раздѣленныхъ на жесткія пряди. Это типичное лицо нѣмецкаго рейтера, все изъ стрѣлъ и закруглений, оживлялось двумя пронизательными, полными жизни глазами, которые, должно быть, были синіе, потому что онъ самъ былъ бѣлокуръ, но которыхъ нельзя было рассмотреть изъ-за нависшихъ бровей и изъ-за его манеры постоянно щурить глаза. Его рѣдкіе на вискахъ волосы были зачесаны отъ затылка къ ушамъ.

Жозефъ Оберлэ подошелъ къ нему и сказалъ по-нѣмецки:

— Г-нъ префектъ! Вы дѣлаете намъ такую честь своимъ визитомъ. Право, это такъ любезно съ вашей стороны.

Сановникъ схватилъ и пожалъ руку г-ну Оберлэ, но не посмотрѣлъ на него и не остановился. Его шаги продолжали глухо звучать по шерстяному ковру гостиной. Онъ пристально смотрѣлъ въ сторону камина на тонкую фигуру въ траурѣ. И онъ нѣсколько разъ поклонился, сгибая свой колоссальный ставъ.

— Графъ фонъ-Кассевицъ,—сказалъ г-нъ Оберлэ,—потому что префектъ не былъ знакомъ съ хозяйкой дома.

Она наклонила слегка голову и ничего не отвѣтила. Графъ Кассевицъ выпрямился, подождалъ минуту, потомъ повернулся и, дѣлая видъ, что онъ въ прекрасномъ расположеніи духа, чего, можетъ быть, въ дѣйствительности и не было, поклонился покраснѣвшей и улыбавшейся Люсьеннѣ.

— Я, кажется, видѣлъ васъ у его свѣтлости, намѣстника,—сказалъ онъ. И надо признаться, что Страсбургъ такъ далеко отъ Альсхейма. Но здѣсь есть чудеса, изъ-за которыхъ стоитъ совершить это путешествіе, г-нъ Оберлэ, и которыя еще прекраснѣе разваливъ Вогезовъ.

И съ довольнымъ смѣхомъ онъ упалъ на желтый диванъ, спиной къ свѣту и лицомъ къ камину. Потомъ, повернувшись къ коммерсанту, сѣвшему рядомъ съ нимъ, спросилъ:

— А вашего сына нѣтъ дома?

Г-нъ Оберлэ, прислушивавшійся уже нѣсколько минутъ съ волненіемъ, могъ ему отвѣтить:

— Вотъ онъ, г-нъ префектъ.

Дѣйствительно, молодой человекъ входилъ въ эту минуту. Первое лицо, которое онъ увидѣлъ, была мать. Это заставило его остановиться. Его молодые, впечатлительные глаза нервно прищурились, какъ отъ рѣзкой боли. Но онъ быстро повер-

нулся къ дивану и, пожавъ руку гостя, серьезно и горавдо спокойнѣе и хладнокровнѣе отца, сказалъ ему по-французски:

— Я только-что вернулся съ прогулки, г-нъ префектъ. Я долженъ былъ бѣжать, чтобъ быть здѣсь во время, потому что далъ слово отцу быть дома, когда вы прѣдете.

— Слишкомъ любезно,—отвѣтилъ префектъ, смѣясь.—Мы говорили по-нѣмецки съ вашимъ отцомъ, но я легко могу поддерживать разговоръ и не на нашемъ родномъ языкѣ.

Онъ продолжалъ по французски, дѣлая удареніе на первыхъ слогахъ:

— Я любовался вашимъ паркомъ, г-нъ Оберлэ, и даже всей этой маленькой страной Альсхейма. Это прелестно. Вы здѣсь окружены, кажется, очень непокорнымъ и почти невидимымъ населеніемъ; во всякомъ случаѣ, проѣзжая только что по деревнѣ, я почти никого не встрѣтилъ.

— Они въ полѣ,—сказала г-жа Оберлэ.

— А кто здѣсь мэръ?

— Бастіанъ.

— Да, помню; это, кажется, совсѣмъ отсталая семья.

Быстрымъ, военнымъ движеніемъ онъ повернулъ свою тяжелую голову къ двумъ женщинамъ и къ Жану и вопросительно посмотрѣлъ на нихъ. Раздалось сразу три отвѣта.

— Они отсталые, да,—сказала Люсьенна,—но они очень порядочные люди.

— Это, просто, старинные люди,—сказала г-жа Оберлэ.

Жанъ сказалъ:

— Чрезвычайно достойные.

— Да, я знаю, что это значить.

Префектъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой.

— Впрочемъ... только-бы они шли прямо къ своей цѣли!..

Отецъ поспѣшилъ на помощь:

— У насъ здѣсь мало интереснаго, чтобы показать вамъ, г-нъ префектъ, но, можетъ быть, вы заинтересуетесь моимъ заводомъ. Онъ полонъ народа и движенія, ужъ въ этомъ я вамъ ручаюсь. Сто рабочихъ, машины на полномъ ходу, сосны въ двадцать метровъ высоты съ еще неотрубленными вѣтками, которыя въ три минуты превращаются въ доски и бревна. Не хотите-ли осмотрѣть его?

— Да, съ удовольствіемъ.

Разговоръ перешелъ на другую тему и сталъ сейчасъ-же менѣе стѣсненнымъ. Происхожденіе завода Оберлэ, вогескіе лѣса, разница между нѣмецкой манерой рубить лѣсъ при помощи казенныхъ рабочихъ и французской системой, по которой владѣлецъ лѣсного участка имѣетъ право своими рабочими рубить

деревья лишь подь наблюденіемъ лѣсничихъ, все это дало возможность каждому изъ нихъ сказать свое слово. Люсьенна ожилилась; г-жа Оберлэ отвѣтила нѣсколько разъ на вопросы мужа; Жанъ тоже заговорилъ. Префектъ былъ очень радъ, что пріѣхалъ.

По знаку отца Люсьенна встала, чтобы позвонить лакея и велѣть ему подать чай. Но она не успѣла двинуться съ мѣста.

Дверь отворилась и показался Викторъ, котораго только что не было на мѣстѣ, очень красный, смущенный и съ опущенными глазами. На его лѣвую руку опирался, стараясь держаться прямо, дѣдъ, Филиппъ Оберлэ.

Они всѣ стояли въ эту минуту. Лакей остановился у дверей и вышелъ. Старикъ вошелъ одинъ, опираясь на палку. Филиппъ Оберлэ надѣлъ свой парадный костюмъ, который носилъ, когда былъ здоровъ. На немъ былъ растегнутый скюртукъ и лента Почетнаго Легіона. Сильное волненіе преобразило его. Онъ казался на двадцать лѣтъ моложе. Онъ подвигался впередъ маленькими шагами, немного согнувъ туловище, но держалъ голову высоко и прямо и не спускалъ глазъ съ одного человѣка, съ того нѣмецкаго чиновника, что стоялъ около дивана. Его тяжелая челюсть дрожала и сжималась судорожнымъ движеніемъ, какъ будто онъ произносилъ слова, которыхъ нельзя было слышать.

Дѣйствительно-ли не понялъ его намѣреній Жозефъ Оберлэ, или сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ? Но онъ повернулся къ удивленному и насторожившемуся графу Кассевицъ:

— Г-нъ префектъ, отецъ дѣлаетъ намъ сюрпризъ, спустившись изъ своей комнаты; я не ожидалъ, что онъ присоединится къ намъ.

Старый депутатъ не спускалъ съ нѣмца, стоявшаго спокойно и молча, своихъ пристальныхъ глазъ подь нависшими вѣками.

Филиппъ Оберлэ остановился въ трехъ шагахъ отъ графа Кассевицъ. Свободной лѣвой рукой онъ вынулъ изъ кармана скюртука свою доску, на которой было написано двѣ строчки, и протянулъ ее графу. Тотъ наклонился, потомъ выпрямился великолѣпнымъ движеніемъ:

— Милостивый государь!

Но Жозефъ Оберлэ уже схватилъ дощечку, на которой были написаны со странною рѣшимостью слова: «Я — здѣсь, въ моемъ собственномъ домѣ!»

Глаза стараго эльзасца прибавляли: «Уходите изъ моего дома!» Они не спускались съ врага.

— Это уже слишкомъ!—сказалъ Жозефъ Оберлэ.—Какъ, отецъ, вы приходите, чтобъ оскорблять моихъ гостей!.. Извините, г-нъ префектъ, мой отецъ слабъ, старъ, немного разстроены отъ старости.

— Еслибъ вы были моложе,—сказалъ въ свою очередь графъ Кассевицъ,—нашъ разговоръ такъ-бы не кончился. И вы хорошо-бы сдѣлали, еслибъ вспомнили, что я тоже дома здѣсь, въ Германіи, на нѣмецкой землѣ, и что даже въ ваши годы не годится оскорблять представителей ея власти.

— Отецъ!—сказала г-жа Оберлэ, бросаясь къ старику, чтобы поддержать его.—Умоляю васъ... вы страдаете... это слишкомъ сильное волненіе... Посмотрите, г-нъ префектъ, ему сейчасъ сдѣлается дурно.

Происходило, дѣйствительно, необыкновенное явленіе. Сильный гнѣвъ заставилъ Филиппа Оберлэ выпрямиться. Онъ казался гигантомъ. Онъ былъ одного роста съ графомъ Кассевицемъ. Жилы на лбу его вздулись; кровь прилила къ щекамъ; глаза ожили. И въ то же время все это полумертвое тѣло дрожало, и искусственная, слабая жизнь, проявившаяся въ немъ на минуту, заставляла его дѣлать рѣзкія, произвольныя движенія. Онъ сдѣлалъ знакъ г-жѣ Оберлэ отойти и не поддерживать его.

Люсьенна поблѣднѣла и, пожавъ плечами, подошла къ графу Кассевицъ:

— Это одинъ изъ актовъ нашей семейной трагедіи, г-нъ префектъ. Не обращайтесь на это вниманія, и пойдите съ нами на заводъ. Пропустите меня, дѣдушка!

Тотъ не обращалъ на нее вниманія. Она прошла съ вызывающимъ видомъ мимо Филиппа Оберлэ и нѣмецкаго чиновника, отвѣтившаго ей:

— Вы не отвѣтственны за то оскорбленіе, которое мнѣ наносятъ, mademoiselle Люсьенна. Я понимаю положеніе вещей, понимаю.

Слова съ трудомъ вырывались изъ его судорожно сжатого горла. Онъ былъ взбѣшенъ и, выпрямившись во весь свой громадный ростъ, на полголовы выше всѣхъ присутствующихъ, кромѣ Филиппа Оберлэ, повернулся на каблучкахъ и направился къ двери.

— Пойдемте, пожалуйста,—сказалъ Жозефъ Оберлэ, пропуская его впередъ.

Люсьенна была уже на улицѣ. Г-жа Оберлэ, совсѣмъ больная отъ волненія, какъ и этотъ старикъ, отказывающійся отъ ея помощи, чувствуя, что ее душатъ слезы, выбѣжала въ переднюю поднялась въ свою комнату и тамъ разрыдалась.

Въ гостиной остался только Жанъ и старый родоначальникъ, выгнавшій изъ своего дома нѣмца. Онъ подошелъ къ нему

— Дѣдушка, что вы сдѣлали!

Онъ хотѣлъ сказать: «Это ужасное оскорбленіе. Отецъ ни-

когда не простить этого. Наша семья навсегда разбита». Онъ сказалъ-бы это. Но онъ поднялъ глаза къ этому старому борцу, съ устъ котораго могъ сорваться теперь крикъ побѣды, и стоявшему все еще прямо. Онъ увидѣлъ, что дѣдъ смотритъ теперь на него, что гнѣвъ достигъ въ немъ своей высшей силы, что грудь его поднимается, а по лицу проходятъ судороги. И вдругъ въ желтой гостиной раздался необыкновенный голосъ, голосъ глухой, могучій и хриплый, и закричалъ съ вступленной быстротой:

— Уходи! Уходи! Уходи! Уходи!

Его голосъ становился пронзителенъ, потомъ вдругъ разбился, и съ еще раскрытымъ ртомъ старикъ запатался и тяжело уналь на паркетъ.

Его крикъ раздался по всему дому. Этотъ голосъ, котораго давно уже никто не слышалъ, г-жа Оберлэ узнала его и черезъ открытую дверь своей комнаты разслышала слова. Жозефъ Оберлэ былъ уже недалеко отъ завода, когда и до него донесся ужасный крикъ этихъ словъ; ихъ нельзя было разобрать, и они показались ему только безсвязнымъ воплемъ бѣшенства и страданія. Онъ остановился на секунду, нахмурилъ брови и пошелъ далѣе, между тѣмъ какъ нѣмецкіе мастера и рабочіе привѣтствовали своими виватами графа Кассевицъ.

Первымъ лицомъ, прибѣжавшимъ въ гостиную, была г-жа Оберлэ, потомъ Викторъ, потомъ старая Саломея, которая воскликнула, вся блѣдная, и поднявъ руки: «Неужели это я слышала голосъ господина Филиппа!» потомъ кучеръ и садовникъ, въ нерѣшительности остановившіеся въ дверяхъ и съ любопытствомъ смотрѣвшіе на эту тяжелую сцену. Они увидѣли, что Жанъ и мать стоятъ на колѣняхъ около Филиппа Оберлэ; онъ дышалъ съ трудомъ, съ искаженнымъ лицомъ и потухшими глазами, и казался въ глубокомъ обморокѣ. Усиліе, волненіе, негодованіе, все это истощило силы старика. Его подвѣли, посадили въ кресло, и каждый старался оживить больного. Въ теченіе четверти часа продолжалась бѣготня между первымъ этажомъ и гостиной; приносили укусы, нюхательныя соли, эфиръ.

— Я такъ и думалъ, что у барина будетъ припадокъ,—говорилъ Викторъ.—Онъ съ самаго утра былъ внѣ себя. Ахъ! вотъ онъ двигаетъ немного глазами. Руки у него ужъ не такія холодныя.

Въ эту минуту изъ глубины парка раздался громкіе возгласы:

— Да здравствуетъ господнъ префектъ!

Теплый вѣтерокъ донесъ ихъ въ гостиную, гдѣ никогда еще не раздавались такія слова. Филиппъ Оберлэ, казалось, ничего не слышалъ. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы его отвели въ его комнату.

Кто-то быстро поднимался по ступенямъ крыльца и еще прежде чѣмъ войти спросилъ:

— Это что такое? Что это еще за крики? Ахъ, отецъ!

Онъ сейчасъ-же переиначилъ тонъ и сказалъ:

— Я думалъ, Моника, что это у васъ нервный припадокъ. Но тогда, кто-же это кричалъ такъ?

— Онъ!

— Онъ?—переспросилъ г-нъ Оберлэ.—Это невозможно.

Онъ не смѣлъ повторить своего вопроса. Его отецъ, поддерживаемый съ одной стороны Жаномъ, а съ другой камердинеромъ, шелъ, дрожа и шатаясь, черезъ гостиную.

— Жанъ,—сказала г-жа Оберлэ,—посмотри за всѣмъ! Не оставляй дѣда! Я сейчасъ приду.

Мужъ удержалъ ее. Она хотѣла удалить Жана. Какъ только они остались вдвоемъ,—съ площадки лѣстницы доносился еще шумъ шаговъ, шелестъ матерій, возгласы: «Приподнимите его, осторожнѣе на поворотѣ»—коммерсантъ спросилъ.

— Что-же онъ кричалъ?

— Онъ закричалъ: «Уходи! Уходи!». Вы знаете это слово, которое онъ часто говорилъ.

— Да, единственное, которое осталось въ его распоряженіи, чтобы выразить его ненависть. Онъ ничего другого не сказалъ?

— Нѣтъ, я спустилась къ нему впопыхахъ и нашла его уже на полу и Жана около него.

— Къ счастью, графъ Кассевицъ не видѣлъ этой второй сцены. Первой было достаточно. Положительно весь домъ соединился вмѣстѣ, чтобы сдѣлать скандалъ и оскорбленіе изъ этого визита, дѣлающаго намъ такую честь: отецъ, Викторъ, который не постыдился быть сообщникомъ этого старика въ бреду, Жанъ, который велъ себя дерзко, вы...

— Я думала, что на меня вы ужъ не можете жаловаться!

— На васъ прежде всего! Потому что это вы—душа этого сопротивленія, которое я раздавлю. Я раздавлю его, даю вамъ въ томъ слово!

— Мой бѣдный другъ,—сказала она, всплеснувъ руками,—и вы еще можете говорить о мщеніи?

— Конечно.

— Вы не можете все побѣдить, увы!

— Это мы еще увидимъ.

Г-жа Оберлэ ничего ему не отвѣтила и быстро поднялась по лѣстницѣ. Ее мучила теперь новая тревога еще сильнѣе, чѣмъ страхъ передъ угрозами мужа.—«Что хотѣлъ сказать дѣдъ?»—спрашивала она себя. Этотъ старикъ совсѣмъ не въ бреду. Онъ помнитъ; онъ предвидитъ; онъ слѣдитъ за всѣмъ домоу; мысль

его всегда ясна. Только-бы Жанъ не понялъ его такъ, какъ я!

На верху лѣстницы она встрѣтилась съ сыномъ, выходящимъ изъ комнаты дѣда.

— Ну что?

— Ничего серьезнаго, надѣюсь, ему лучше; онъ хочетъ остаться одинъ.

— А ты?—спросила мать въ тревогѣ, схвативъ сына за руку и увлекая его въ его комнату.—А ты?

— Какъ: я?

Когда онъ закрылъ за нею дверь, она встала передъ нимъ и, вся блѣдная въ свѣтѣ окна, посмотрѣла прямо въ глаза своему сыну:

— Ты хорошо понялъ, неправда-ли, то, что хотѣлъ сказать дѣдъ?

— Да.

Она хотѣла улыбнуться, и это было ужасно,—эта бесполезная попытка измученной души.

— Да, неправда-ли?.. онъ закричалъ: «Уходи!». Это слово, которое онъ часто говорилъ нѣмцамъ. Онъ обращался къ графу Кассевицъ... Ты не вѣришь?

Жанъ покачалъ головой.

— Однако, мой дорогой, онъ ни къ кому другому не могъ обращаться...

— Нѣтъ, онъ обращался ко мнѣ.

— Ты съума сошелъ! Вы лучшіе друзья въ мірѣ, твой дѣдъ и ты!?

— Вотъ именно.

— Вѣдь не хотѣлъ-же онъ прогнать тебя изъ гостиной?

— Нѣтъ.

— Тогда?

— Онъ выгонялъ меня изъ Эльзаса.

— Жанъ!

— И, однако, еще такъ недавно онъ такъ радовался, когда я пріѣхалъ.

Жанъ пересталъ смотрѣть на мать, потому что изъ глазъ ея брызнули слезы, и она еще приблизилась къ сыну и схватила его за обѣ руки.

— Нѣтъ, мой Жанъ, нѣтъ, онъ не могъ сказать этого. Увѣряю тебя, что ты невѣрно его понялъ. Во всякомъ случаѣ, ты не сдѣлалъ-бы этого? Скажи, ты никогда этого не сдѣлаешь? Но о чемъ же ты думаешь?

Она подождала отвѣта; онъ молчалъ.

— Жанъ, сжался, отвѣть мнѣ! Обѣщай мнѣ, что ты насъ не оставишь? О! право, во что превратится нашъ домъ, когда и ты

уѣдешь? У меня никого нѣтъ, кромѣ тебя! Неужели ты находишь меня недостаточно несчастной? Жанъ, посмотри на меня!

Онъ не могъ устоять дольше. Она опять увидѣла глаза сына, смотрѣвшіе на нее съ нѣжностью.

— Я люблю васъ всей душой,—сказаль Жанъ.

— Знаю! Но не уѣзжай!

— Я жалѣю васъ и боготворю васъ!

— Не уѣзжай!

И такъ какъ онъ ничего больше не прибавилъ, она отступила отъ него.

— Ты ничего не хочешь обѣщать мнѣ! Ты жестокъ, ты тоже! Ты похожъ...

Она хотѣла сказать: «На своего отца». Жанъ подумаль: «Я могу дать ей нѣсколько недѣль покоя, я долженъ ихъ дать ей». И онъ сказаль, стараясь улыбнуться въ свою очередь:

— Обѣщаю вамъ, мама, что буду къ 1-му октября въ казармахъ св. Николая. Обѣщаю вамъ это. Довольны вы?

Она сдѣлала знакъ, что нѣтъ. Но онъ поцѣловаль ее въ лобъ и, не говоря больше ни слова, быстро вышелъ

По всей деревнѣ разговоры о случаѣ въ домѣ Оберлэ. Не смотря на вечеръ, на дворѣ было знойно, и мужчины пѣшкомъ возвращались домой среди перелетающей съ поля на поле пыли отъ сжатой пшеницы, цвѣтовъ и высохшаго мха. Дѣти и парии возвращались верхомъ, и хвосты ихъ лошадей отливали то золотомъ, серебромъ, то огнемъ или чернью при яркомъ блескѣ заходящаго за Вогезы солнца. Жены поджидали мужчинъ на порогѣ дома и дѣлали къ нимъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу, торопяся рассказать такую важную новость: «Ты не знаешь, что случилось на заводѣ? Объ этомъ еще долго будутъ ходить разговоры! Говорять, что къ старому Филиппу Оберлэ вернулся голосъ отъ гнѣва, и онъ прогналь пруссака». Нѣкоторые изъ крестьянъ отвѣчали: «Ты расскажешь мнѣ объ этомъ послѣ, когда мы будемъ дома». Другіе съ безпокойствомъ слѣдили за волненіемъ сосѣдокъ и сосѣдей и думали: «Все это навѣрное кончится нашествіемъ жандармовъ». На фермѣ Бастіана дѣвушки и женщины продолжали срывать цвѣты хмѣля. Онѣ все еще болтали, смѣющіяся или серьезныя, смотря по возрасту. Фермеръ запретилъ опять открыть ворота на улицу и, очень осторожный въ разговорѣ, несмотря на кажущуюся безпечность, продолжалъ высыпать въ сушильню полныя корзины хмѣля, откуда разлеталась свѣжая цвѣточная пыль. Коровы и лошади, проходя мимо фермы, чувствовали душистый воздухъ и вытягивали шеи.

Но мало-по-малу работницы поднялись, страхнули передники и, зѣвая и потягиваясь, отправились по домамъ, вдыхая первую свѣжесть вечера. Въ домѣ Оберлэ тоже позвонили къ обѣду. Это былъ самый короткій и грустный обѣдъ, изъ тѣхъ, что были до сихъ поръ въ этой столовой, украшенной рѣзбой и рисунками нѣжныхъ цвѣтовъ. Почти никто ничего не говорилъ. Люсьенна думала о новомъ препятствіи къ своему браку и о сильномъ гнѣвѣ графа Кассевицъ; Жанъ объ адѣ, въ который превратился его родной домъ; отецъ о томъ, что могутъ рушиться его честолюбивые планы, мать—о возможномъ бѣгствѣ сына. Къ концу обѣда, когда лакей вышелъ изъ столовой, Жозефъ Оберлэ сказалъ, какъ будто продолжая разговоръ:

— Вы знаете, моя милая, что я не имѣю обыкновенія уступать насилію; оно меня раздражаетъ, и только. Такъ что я рѣшилъ двѣ вещи: прежде всего построю себѣ второй домъ на лѣсномъ дворѣ, гдѣ я буду ужъ у себя дома, потомъ устрою свадьбу Люсьенны съ поручикомъ фонъ-Фарновымъ. Ни отецъ, ни вы, никто мнѣ не помѣшаетъ. И я только что написалъ объ этомъ Фарнову.

Онъ посмотрѣлъ съ вызывающимъ видомъ на сына и на жену и прибавилъ:

— Надо, чтобы молодые люди имѣли возможность видѣться и говорить свободно, какъ женихъ и невѣста.

— О!—сказала г-жа Оберлэ,—теперь.

— Какъ женихъ и невѣста!—повторилъ онъ,—по моей волѣ и считая съ сегодняшняго вечера. Ничто въ этомъ не измѣнится. Къ несчастію, я не могу позволить, чтобы они встрѣтились здѣсь. Отецъ устроить новый скандалъ, или ты,—онъ указалъ на сына,—или вы,—и онъ указалъ на жену.

— Вы ошибаетесь,—сказала г-жа Оберлэ.—Я жестоко страдаю при мысли объ этомъ бракѣ, но я не устрою никакого скандала, чтобы помѣшать вашимъ планамъ.

— Такъ вы имѣете случай,—возразилъ Жозефъ Оберлэ,—доказать на дѣлѣ ваши слова. Я ни о чемъ не хотѣлъ просить васъ и думалъ самъ повезти Люсьенну въ Страсбургъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, гдѣ-бы она могла встрѣтиться съ женихомъ.

— Я не заслужила этого отъ васъ!

— Такъ вы согласны сопровождать дочь?

Она подумала минуту, закрыла глаза и сказала:

— Конечно.

На лицахъ мужа, Жана и Люсьенны мелькнуло удивленіе.

— Я буду въ восторгѣ, потому что мой первоначальный планъ не вполне меня удовлетворялъ. Будетъ гораздо естественнѣе,

если вы сами будете сопровождать дочь. Но гдѣ вы назначите имъ свиданіе?

Г-жа Оберлэ отвѣтила:

— Въ моемъ домѣ въ Обернэ.

Отецъ и сынъ были такъ поражены, что выпрямились одинаковымъ движеніемъ. Въ домѣ въ Обернэ? Въ домѣ Билеровъ? Сынъ, по крайней мѣрѣ, оцѣнилъ жертву, которую приносила мать, всталъ и поцѣловалъ ее нѣжно. Самъ Оберлэ сказалъ:

— Это хорошо, Моника. Это очень хорошо. А какое время вы назначите?

— Какъ только вы предупредите Фарнова. Назначьте сами день и часъ. Напишите ему еще разъ послѣ того, какъ онъ вамъ отвѣтитъ на ваше первое письмо.

Какъ ни сдержана была обыкновенно Люсьенна съ матерью, но въ этотъ вечеръ она не отходила отъ нея. Впродолженіе двухъ часовъ она вязала въ маленькой гостиной около г-жи Оберлэ и своими внимательными глазами слѣдила или старалась слѣдить за мыслью, проходившей по морщинистому, измученному, но еще такому подвижному и выразительному лицу матери. Но не всегда удается прочесть чужую мысль. Ни Жанъ, ни Люсьенна не угадали причины, такъ внезапно заставившей г-жу Оберлэ принести эту жертву.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Перев. съ франц. Н. В—ой.

ПОДОНКИ.

— — —
ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

ХІІ.

То замедляя шаги, то устремляясь почти бѣгомъ, онъ шагаль по Садовой довольно быстро; намѣреніе, съ которымъ онъ предпочель всѣмъ прочимъ улицамъ именно Садовую, совершенно ускользало отъ сознанія и не столько зависѣло отъ головы, сколько отъ ногъ: онъ самовольно несли своего хозяина туда, куда имъ понравилось. Ихъ благодушный хозяинъ не препятствовалъ имъ дѣлать, что имъ угодно; однако пытался выяснитъ, почему это онъ удаляется отъ Кирочной на другой конецъ города и, блаженно ухмыляясь, бормоталъ себѣ подъ носъ безсвязную чепуху. По временамъ этотъ вопросъ о Кирочной становился ребромъ, беспокоилъ, внушалъ желаніе спросить у встрѣчныхъ о причинѣ предпочтенія, оказаннаго ногами Садовой... Особенно умѣстнымъ казалось пристать съ этимъ вопросомъ къ тому, кто шель сзади, чьи легкіе шажки слышались издали непрерывно, отъ самой „Полтавы“, замедляясь, когда медлили своей вольныя ноги Наброскова, торопясь и частя, когда онъ шагаль быстро.

А ноги несли и несли впередъ своего хозяина. Вынесли на Екатерингофскій, качнувши вправо покорное имъ тѣло, донесли его до канала, перебросили черезъ Харламовъ мостъ и повернули по набережной вправо, потомъ направили его

влѣво, по улочкѣ, до большой площади. И только тутъ со-
знались непокорныя, что онѣ дѣйствовали безъ всякаго ра-
зумнаго намѣренія: отяжелѣли, стали переминаясь, какъ-
будто и сами пришли въ недоумѣніе. Остановились и легкіе
шажки за спиной. Набросковъ, поровнявшись съ большимъ
зданіемъ расширилъ глаза отъ изумленія и всталъ среди
тротуара: большое зданіе на другой сторожѣ площади, освѣ-
щенное пучками яркихъ фонарей, снялось съ мѣста и по-
плыло справа налѣво, но тотчасъ же вернулось и встало,
засіявши еще ярче.

— Хм... Это что-же такое?—спросилъ онъ себя.—Послу-
шайте, что это такое?—спросилъ онъ толстаго господина въ
цилиндрѣ, входившаго на тротуаръ.

— Какъ, что!—Театръ!.. Развѣ вы не видите?—оборвалъ
его тотъ насмѣшливо-сердитымъ тономъ, глубоко возмутив-
шимъ Наброскова.

— Па-азвольте! — возвысилъ онъ голосъ. — Какъ вы
смѣете?..

Но толстякъ фыркнулъ и прошелъ мимо, а легкіе шажки
приблизились и затихли у самой спины Наброскова.

— Хм... Театръ!—ухмыльнулся онъ, уже забывъ объ
оскорбленіи.—На кой-же чортъ мнѣ театр!.. Мнѣ не театръ
а спать-бы лечь!.. А?—обратился онъ за подтвержденіемъ къ
кому-то, чувствуя, что чья-то рука осторожно ложится на
его локоть.

— Спать,—подтвердилъ кто-то слабымъ, едва слышимымъ
голосомъ, тихо направляя Наброскова впередъ по тротуару.

— Кошечко спать!—воскликнулъ онъ, откидываясь всѣмъ
корпусомъ и энергично вскинувъ рукой.—Но... Ха-ха!.. Я
давно уже собираюсь спросить у васъ, за какимъ это чор-
томъ пошелъ я сюда, а не на Кировскую, гдѣ я живу?.. Я
вѣдь тамъ живу, не правда ли?... И какъ-же это я не по-
паду домой!.. Хе-хе!

— Пойдемъ, я провожу... васъ,—робко сказала кто-то
печальнымъ, болѣзненно-тягучимъ шепотомъ, который пора-
зилъ слухъ пьянаго и заставилъ выпрямиться. Онъ быстро
оглянулся, подавшись въ сторону отъ сосѣда и увидѣлъ
Зиночку рядомъ съ собой.

— А!.. Такъ это вы?.. Н-ну, кѣтъ-съ! этому же бывать!—
рванулся онъ прочь.

Но тротуаръ былъ скользокъ отъ жирной грязи, и На-
бросковъ могъ-бы упасть, если-бы его не обхватила руками
Зиночка.

Она съ большимъ усиліемъ привела его въ равновѣсіе,

и тихо повела его впередъ, къ Офицерской. Онъ хотѣлъ протестовать, но только пошхикалъ трагически - презрительно и пошелъ безъ всякаго протеста, сильно шатаясь.— „Вѣдь въ сущности все на свѣтѣ такіе пустяки, — хе-хе!“..

У Львинаго переулка Зиночка оставила извозчика.

— Кирочная, сорокъ копеекъ.

— Пятьдесятъ, сударыня, безъ лишняго.

Набросковъ сѣлъ въ пролетку не сразу, послѣ трехъ безуспѣшныхъ попытокъ и при могучихъ усиліяхъ дѣвушки, надрывавшейся въ этихъ попыткахъ. Усадивъ его прочно и покойно, она прилѣпилась на краешкѣ сидѣнья, больше на подможкѣ, больше стоя, чѣмъ сидя. Тронулись. Потянулъ довольно свѣжій вѣтерокъ, отъ котораго зашипало у Наброскова лобъ.

Онъ молчалъ всю дорогу. Не отъ лѣности языка, способнаго бормотать что угодно и сколько угодно, а отъ избытка желанія говорить молчалъ онъ, отъ множества мыслей, плясавшихъ въ головѣ и опрокидывавшихъ одна другую въ борьбѣ за первую очередь. Ему многое нужно было сказать Зиночкѣ. Съ ней необходимо свести счеты, и самые окончательные. Вѣдь у него въ комодѣ ея золотыя вещи!—надо отдать ихъ ей... Надо при этомъ сказать ей, высокомерно, гордо сказать, какъ глубоко оскорбило его то обстоятельство, что она не швея, не приказчица... Не честная дѣвушка. Онъ не винить ее,—Боже избави отъ желанія упрекать кого-бы то ни было за выборъ облюбованной профессіи!—но онъ не можетъ не скорбѣть по своимъ прекраснымъ мечтамъ, свѣтлымъ иллюзіямъ, грубо затоптаннымъ въ грязь.. Вѣдь онъ рыдалъ, рыдалъ!.. Уже собирался рыдать!.. Чуть было не заплакалъ на Мойкѣ!.. Она была обязана сказать ему, кто она такая, когда увидѣла, что онъ уже готовъ ее полюбить... Эти поворныя кольца!—Чѣмъ она добыла ихъ?! А онъ вѣдь цѣловалъ ихъ!.. Онъ швырнетъ ей ихъ!..

Одна какая-нибудь изъ этихъ мыслей протискалась-бы, увлекла-бы за собой въ неудержимомъ словоналіяніи сотню другихъ, если-бы Зиночка шевельнулась, напомнила о своемъ присутствіи. Но она жалась на краешкѣ сидѣнья такъ тѣсно, такъ глубоко молчала, что Набросковъ, увлекшись думами о послѣднемъ разговорѣ съ ней, совершенно забылъ о ней самой.

Когда извозчикъ свернулъ на Кирочную, Набросковъ увидѣлъ темно-желтый фасадъ церкви Святой Анны, встретился, оглянулся и вдругъ опомнился.

— Я не здѣсь живу,—сказалъ онъ, берясь за поясъ извозчика и поднимаясь. Извозчикъ остано­вился. Оба сошли съ пролетки.

— Какъ, не здѣсь?—спросила Зиночка.

— Не здѣсь. Я переѣхалъ.

— Куда?

— Куда?.. Гм!.. Надо сообразить. Я пойду пѣшкомъ и вспомню... На, извозчикъ.

Зиночка остано­вила его руку, открывшую кошелекъ.

— Я отдала уже.

— Хорошо. Я заплачу. Я за все заплачу... Это за мной. Теперь я пойду.

Онъ запагалъ по Кирочной, до Надеждинской, на углу которой подумалъ немного и направился по этой улицѣ. Длинный переѣздъ порастрясъ его хмель, холодокъ освѣжилъ голову и придалъ силы ногамъ: онъ шелъ довольно быстро, хотя и пошатывался временами. Зиночка слѣдовала за нимъ на разстояніи десятка шаговъ. Онъ снова слышалъ эти легкіе шажки за собой, уже зная теперь кому они принадлежатъ, уже элорадствуя при мысли, что человекъ, изъ-за котораго онъ „чуть было не заплакалъ“, смиренно ходитъ за нимъ, какъ покаяніе за укоряющей совѣстью. И думалъ ухмыляясь:

„Вотъ возьму да буду ходить всю ночь, и она будетъ ходить за мной всю ночь, хе-хе!“.

— Но почему-же, однако она будетъ ходить за мной?—вдругъ остано­вилъ онъ себя безпокойнымъ вопросомъ, отъ котораго шевельнулось и расширилось у него сердце.—Съ какой думой? Съ какой надеждой?..

Онъ замедлилъ шаги, обернулся къ дѣвушкамъ, остано­вившейся поодаль.

— Зина,—позвалъ онъ ее. Она бросилась къ нему, но остано­вилась за пару шаговъ.

— Зачѣмъ ты скрыла отъ меня, что ты... что ты... Знаешь Зина, ничто меня такъ глубоко не огорчало, не обижало, какъ то, что ты оказалась...

Онъ не договорилъ, не имѣя силъ, какъ и три часа тому назадъ, вымолвить страшное слово.

Зиночка измученно застонала и закрыла лицо руками, рыдая.

— Зачѣмъ ты скрыла, зачѣмъ, зачѣмъ?—повторялъ онъ склоняясь надъ ея головой и ласково отводя ея руки отъ лица, залитаго слезами.

— Не скрыла я отъ тебя, не скрыла!—сквозь рыданія

стонала она.—Развѣ-жъ я могла скрыть отъ тебя это?.. Я тебѣ въ первый тотъ день сказала: „я гуляю“... Ты же самъ спросилъ меня, гуляю ли я, и я сказала тебѣ, съ горемъ, съ мукой сказала, Вася. „Да, я гуляю“... Не скрыла я, ничего не скрыла я отъ тебя!—истерически вскрикивала она безсильнымъ голосомъ, отчаянно лоя и цѣлуя его руки.— Ахъ, я до смерти уже измучилась!..

Дѣйствительно, она едва держалась на ногахъ, не могла прямо поднять голову, клонившуюся то направо то налево.

Онъ взялъ ее подъ руку, тихо повелъ, какъ больное дитя; она тихо шла заплетавшимися ногами и всхлипывала, какъ дитя, обиженное до глубины сердца. Ея измученный видъ, легкіе стоны, качающаяся голова, особенно же это безпомощное всхлипыванье трогало и озлобляло.—Вѣдь еще на скамьѣ у Сан-Галли она жаловалась, что всѣ послѣдніе дни жила какъ заведенная, не досыпала, не доѣдала, думала о самоубійствѣ, истерзанная тоской, обидой и ревностью. Съ той поры прошло больше трехъ часовъ, въ теченіе которыхъ она была на ногахъ, слѣдя за нимъ, поджидая его, сопутствуя ему издали, безъ надежды встрѣтить съ его стороны проблескъ сочувствія... И если ея терпѣливый караулъ, у „Полтавы“ напримѣръ, разнообразился приставніями сутулыхъ господъ въ поношенномъ пальто, и если она была принуждена молча уклоняться отъ предложеній, на которыя ея наболѣвшее сердце имѣло-бы право откликаться истерическимъ вигомъ негодовація,—если переносила она эту сугубую пытку женщины, въ одно и то же время обиженной и презираемой, любящей и продажной, то... Удивительно, что она еще на ногахъ, еще бредеть, а не лежитъ замертво!..

„Но лучше-бы она лежала замертво!“—подумалъ онъ, неистово стиснувъ ея руку въ локтевомъ сгибѣ.—„Въ ней такъ мало осталось жизни, что... достаточно стиснуть ей горло, и разомъ прекратилось бы все!“..

Какой позоръ и какая нестерпимая мука!—Давно ли?— всего нѣсколько часовъ тому назадъ она была въ его глазахъ воплощеніемъ доброты, поэтично-мило влюбленной дѣвушкой, юная страсть которой тѣмъ болѣе чаровала его, чѣмъ меньше она была способна скрыть отъ него свое чувство... И—вотъ!.. Зачѣмъ такая мука? Зачѣмъ непремѣнно—онъ?! Еще хорошо, что онъ пьянъ!—нѣкоторыя душевныя состоянія легче переносятся въ пьяномъ состояніи. Какой чистой, кроткой казалась она ему въ тотъ вечеръ, когда сидѣла у него, и когда онъ, по глупой неопытности, не зналъ, чему приписать, что

молодая дѣвушка такъ довѣрчива!.. Вотъ какимъ позорнымъ мотивомъ объяснилась эта довѣрчивость невинной овечки къ первому встрѣчному!..

— Гуляю!—произнесъ онъ глухо, съ презрительной горечью, снова прижавши къ себѣ безжизненную руку.—Гм!—гуляю...

Зиночка еле двигалась, тихо стояя на каждомъ шагу. На одну минуту имъ овладѣвала жалость, и онъ томился желаніемъ отнестись къ ней въ высшей степени деликатно, вспоминая отношеніе своихъ друзей къ самому себѣ... Но злоба закипала еще сильнѣе при мысли о достойныхъ людяхъ, общеніе съ которыми теперь уже, пожалуй, и невозможно: Зинаида Михайловна—та представлялась окруженной свѣтлымъ ореоломъ, въ сравненіи съ этой жалкой, презрѣнной, идущей съ нимъ объ руку, получившей право поворять его въ его собственныхъ глазахъ своей близостью.

„Она должна, должна была сказать, кто она!“—думалъ Набросковъ бѣшенно. „Она видѣла, что я неопытенъ въ вопросахъ этой пошлой, гнусной практически-уличной жизни, что я—дитя, ребенокъ, глупецъ, телка.. и обязана была уяснить мнѣ себя, не ограничиваясь техническимъ терминомъ своего ремесла... Я же вѣдь относился къ ней такъ чистосердечно, такъ откровенно!.. Я такъ горячо лелѣялъ въ глубинѣ души планъ сойтись съ этой кроткой, милой дѣвушкой, любящей и покорной,—сойтись смѣло, увѣренно, безъ сомнѣній въ себѣ, лишаящихся силъ... А ею обладали десятки, сотни мимохожихъ!“..

Въ немъ заклокотало неудержимое желаніе оскорбить ее.

ХІІІ.

— Ты видишь, что я пьянъ?—грубо спросилъ онъ Зиночку. Не дождавшись отвѣта, онъ продолжалъ:—Но мнѣ нужно многое выяснить въ твоемъ поведеніи. И я буду тебя спрашивать, а ты должна мнѣ отвѣчать, какъ-бы совершенно трезвому. Послушай, какъ тебя?—зачѣмъ ты нагала, что тебя зовутъ Зинаидой Михайловной?.. Погоди!—приказалъ онъ, почувствовавъ какъ ея рука зашевелилась въ его локтевомъ сгибѣ,—слушай!.. Знаешь ли ты, чье имя ты украла, чтобы возвысить себя?—имя прекрасной, дивной женщины... Понимаешь ли ты, что это совпаденіе именъ было первой искрой моего горячаго влеченія къ тебѣ?.. И почему-бы тебѣ не солгать по другому, назвавшись Марьей Ивановной, Акулиной Трифоновной?.. Ты могла-бы, для сво-

его возвышенія, избрѣсть самую благозвучную пару имейъ,— Каролина Артуровна, напрімѣръ, Аделаида, Жозефина, Гортензія Максимиліановна, Владиміровна, Аркадьевна... Не все ли тебѣ равно?.. Но зачѣмъ, зачѣмъ это совпаденіе непремѣнно?! Зинаида Михайловна!.. О, гнусная, никакая ложь!..

— Зовуть меня такъ!—пролепетала Зиночка, рыдая,—это имя мое...

— А... Варя?..—взвизгнувъ Набросковъ злобно, заглядывая въ ея помертвѣлое лицо.

Она отвѣтила новымъ стономъ, новымъ варывомъ рыданья и уронила голову.

Эта страдальческая безотвѣтность приводила его въ сильнѣйшее бѣшенство. Она лишала способности довести мученіе до высшей точки, найти слова, которыя свалили бы ее съ ногъ, заставили бы конвульсивно извиваться отъ стыда и скорби.

— Нѣтъ!—я хочу быть пьянымъ! я хочу быть сильно пьянымъ!—закричалъ онъ въ бѣшенствѣ, качаясь для того, чтобы теревить Зиночку. Вонъ тамъ въ этой улицѣ свѣтится рядъ оконъ. Это, вѣроятно, трактиръ. Я зайду въ него.

Онъ побѣжалъ въ улицу направо, къ свѣтлымъ окнамъ; Зиночка спѣшила за нимъ, вытирая на ходу мокрое лицо. У стойки Набросковъ выпилъ большой стаканъ вина и спросилъ бутылку пива, которую тоже выпилъ, не тратя времени на передышку и не оглядываясь на спутницу. Однимъ изъ молодцовъ, смотрѣвшій на нее съ испугомъ, такъ былъ пораженъ ея синеватой блѣдностью, что подаль стулъ и шепнулъ: „Вы бы присѣли, барышня“. Она не слыхала его приглашенія, не замѣтила стула.

Больше пива Наброскову не дали: было время тушить огонь и запирать заведеніе; но другой стаканъ вина налили.

Послѣ такой крупной порціи хмельного онъ притихъ, немного отяжелѣлъ и охотно оперся на руку Зиночки. Она уже не плакала, не стонала, стараясь поддерживать дремавшего на ходу спутника; онъ же думалъ только о томъ, что хорошо бы уснуть. Но на Невскомъ, увидѣвъ рѣющія тѣни, Набросковъ вышелъ изъ полудремотнаго состоянія, впалъ въ ярость пророка, возревновавшаго о божьемъ подобіи, о вынужденной грѣховности сихъ обездоленныхъ, о безсердечномъ себялюбіи общества и поднялъ шумъ. Влача за собой взадъ-впередъ Зиночку, полумертвую отъ усталости, онъ водѣвалъ руки и во все горло оплакивалъ судьбину женщины, мрачно, тяжело отгѣняющую „сими“, которыя ищутъ

пропитанія въ богопротивной торговлѣ собой. А такъ какъ его кафедра, привлекавшая вниманіе „сихъ“, замыкалась-выступомъ дома Бенардаки съ одной стороны и съ другой, съ сѣверной—входомъ въ часовой магазинъ, съ башенными часами на востѣ въ ширину всего тротуара, то представитель власти, покидая середину проспекта, подходилъ къ нему разъ-другой-третій и пытался кротко увѣщевать.

— Эхъ, зачѣмъ бы шумѣть то, господинъ!... А-яй, неприлично! Надо-бы по ночному времени, полегше!—Не ровень часъ, генераль-майоръ поѣдетъ.

Но мѣропріятія не предпринималъ. Петербургъ, отъ велика до мала, суровый къ трезвымъ умамъ страны, ангельски милосердеенъ къ пьяненькимъ: отходила бездѣйственная власть, и Набросковъ черезъ минуту забывалъ доводы администратора.

— Вотъ посмотри, о Боже небесъ!—вопилъ онъ снова,— посмотри Твоимъ человѣколюбивымъ окомъ на эту жалкую развалину въ яркихъ шобонахъ, вынужденную голодомъ влачить свою старость въ зловонной грязи разврата:—развѣ же она не Твое подобіе, о Боже? Зачѣмъ-же она въ такомъ презрѣніи?

Развалина въ яркихъ шобонахъ, радуясь вниманію, которымъ ее почтили, бессмысленно хихикала, подмигивала, шепелявила: „Какой вешолый господинъ... Людей такихъ нѣтъ, Варюша!“ и сѣменила за ними. Набросковъ, замолкая на минуту, чтобы возопить къ небу съ новой іереміадой, слышалъ утомленный голосъ Зиночки, которая уговаривала кого-то.

— Уйди, Роза! Ради Бога, уйди! Поздно, иди домой... Я была въ ломбардѣ.

Встрѣчныя и попутныя тѣни, смиренныя и бойкія, одѣтыя ярко и одѣтыя бѣдно, то утомленныя, то пьяныя, подходили къ пророку, слушали его громогласныя рѣчи, качали головами, ахали, смѣялись, отпускали циническія шутки и, завидѣвъ вдали одинокаго мужчигу, отлетали къ нему: надо было спѣшить съ предложеніями, не задумываясь о цѣнѣ, такъ какъ Невскій долженъ быть скоро очищенъ отъ позорнаго присутствія своихъ тѣней.

Отяжелѣвъ окончателно и спутавшись на послѣдней іереміадѣ, Набросковъ вдохнулъ и поникъ головой на грудь; онъ уже почти спалъ.

— Куда же идти то?—спросила Зиночка.

—А?—поднялъ онъ слипающіеся глаза.—Куда? Я забылъ: что надо вспомнить... И теперь, вотъ... не знаю... Оч-чень,

оч-чень далеко... гдѣ-то... Надо довести меня до какихъ-нибудь номеровъ... Я усну... И вспомню... А ты уходи! Довольно! Баста! Уйди!

Онъ закончилъ это приказаніе уже шопотомъ и тяжело повисъ на рукѣ Зимочки. Она повела, вѣрнѣе, понесла его до мебелированныхъ комнатъ или номеровъ.

Мало ли, много ли ходила бѣдная, но доставила свою ношу до мѣста, на которомъ и сложила ее, предоставивъ спящему весь тотъ убогій комфортъ, которымъ располагала. Сама же свернулась калачикомъ, у его ногъ, какъ негатыливая дворняшка.

XIV.

Набросковъ всхрапнулъ, проснулся, открылъ глаза и тотчасъ же закрылъ ихъ: было почти темно, холодно, хотѣлось еще уснуть. Но, стараясь поудобнѣе съежиться подъ одѣяломъ, онъ почувствовалъ, какъ заглохло сердце отъ смутнаго представленія какой-то тяжелой потери, и, пока не удалось снова заснуть, вспомнилъ все случившееся, пережилъ полусонной памятью, полутоскующей совѣстью вчерашній вечеръ, свое горе, свое опьяненіе, Зимочку. Гдѣ то она теперь, что съ ней? Стало жалко эту замученную бѣдняжку, стыдно за себя. Онъ былъ пьянъ, но сознательно старался тиранить ее. Велъ себя такъ, какъ недостойно мыслящаго человѣка, будь онъ тысячу разъ обезкураженъ несчастьемъ. Недостатокъ самовоспитанія, выработки характера,—урокъ на будущее... Огромное несчастье, обиду нестерпимую испыталъ онъ,—правда. Но допустить себя, хотя бы и пьяному, до такого животнаго остервенѣнія мысли, какъ это было съ нимъ, когда онъ подумалъ избавиться отъ полумертвой дѣвушки, отомстить ей за разрушительные планы на нее же... просто чертъ знаетъ какъ подло, стыдно, непохоже на него! Хорошо лишь то, что ничего не случилось межъ ними такого, что давало бы несчастной дѣвушкѣ извѣстныя права на него,—хорошо, по крайней мѣрѣ, хоть то, что все кончилось!

Однако, вскорѣ оказалось, что не все еще кончилось.—Проснувшись вдругъ, какъ отъ испуга, открывъ глаза, Набросковъ изумился незнакомой обстановкѣ. Узкая кровать, на которой онъ увидѣлъ себя спавшимъ, стояла почти посреди комнаты; въ ногахъ, по лѣвую сторону, онъ видѣлъ кирпичную, выбѣленную владку, похожую на русскую печь; слѣва,—досчатую перегородку, широкія щели которой были

завѣшаны платьями, полотенцемъ, заклеены полосами газетъ. Повернувъ глаза вправо, онъ разсмотрѣлъ у стѣны комодъ, поднявъ ихъ черезъ лобъ, увидѣлъ единственное окно, въ которое хмуро смотрѣло свинцовое небо, напоминавшее перемятый колесами снѣгъ базарной площади. Слѣва, за печью, видѣлась верхушка узенькой дверки. Онъ сообразилъ что-то, взглянувшись въ эту дверку, и быстро привсталъ, чтобы осмотрѣться получше. И тотчасъ же увидѣлъ Зиночку. Она лежала, подобравши ноги чуть не къ подбородку, на полу, съ правой стороны кровати, имѣя въ изголовьи крошечный узелокъ. Несмотря на порядочный холодъ, она ничѣмъ не была покрыта, спала въ домашней ситцевой кофточкѣ и въ поношенной юбкѣ зеленого сукна; мо спала, повидимому, крѣпко.

Набросковъ гадливо повелъ плечами и поспѣшилъ оставить эту маленькую кровать, не производя шума, украдкой. Безшумно обуваясь, — онъ былъ раздѣтъ и разутъ, — строгій пуританинъ съ испугомъ поглядывалъ на эту кровать, гдѣ онъ провелъ ночь, и не могъ не признать, что его чистота тѣлесная была заботливо ограждена отъ грѣховности псорнаго ложа: на подушкѣ была надѣта лоснящаяся наволочка, столь же бѣлая и лоснящаяся простыня укрывала матрацъ, такая же свѣже-налощенная простыня была подметана подъ одѣяло. Какъ художникъ-жаиристъ, онъ могъ пожалѣть, что безсознательно-пьяное состояніе лишило его возможности изучить болѣзненную игру лицевыхъ мышцъ Зиночки, когда она, утомленная и грустная, трудилась надъ бѣльемъ, надъ коснымъ тѣломъ спящаго; слѣдовало во всякомъ случаѣ поблагодарить ее за предупредительность. Нельзя только поддаваться слишкомъ сильно чувству благодарности, надо поспѣшить уйти отсюда. Онъ спѣшилъ. Быстро одѣвшись, онъ положилъ на комодъ трехрублевую бумажку и, крадучись, вышелъ въ дверь. За ней онъ увидѣлъ въ полутьмѣ поздняго разсвѣта знакомую обстановку: досчатая перегородка, рама въ концѣ передней, выходная дверь, на порогѣ которой онъ стоялъ въ то прекрасное время, когда еще жилъ иллюзіями. Кинувшись къ этой двери и лихорадочно шаря по косяку, чтобы поскорѣе найти крючекъ, онъ почувствовалъ на рукѣ холодную и трепетавшую руку, оглянулся и увидѣлъ Зиночку.

— Зачѣмъ ты, зачѣмъ? — шептала она, задыхаясь.

— Что? — спросилъ онъ смущенно, напуганный ея негодующимъ шепотомъ.

Она крѣпко вцѣпилась въ его руку и вернула его въ комнату.

— Это зачѣмъ?—указала она на зеленую бумажку, темнѣвшую на кружевѣ бѣлой скатерти, покрывавшей комодъ.

— А какъ же?... Ну, что же? Да, почему-же?—безсвязно шепталь Набросковъ.

Зиночка заметалась по комнатѣ, прижавъ обѣ руки ладонями къ груди, тоскливо стелая. Наконецъ остановилась противъ него, подняла на него глаза черныя ночи, хрустнула крѣпко стиснутыми пальцами и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Да умирай я, я не возьму отъ тебя ни гроша!

И дольше не выдержала, потеряла самообладаніе, потеряла силы, упала съ плачемъ ему на грудь, забила головой о его плечо.

— Но... Какъ-же, послушай,—началь Набросковъ, поддерживая Зиночку,—почему-же? Вѣдь тебѣ необходимо получать деньги, вѣдь это твое право... Отчего же ты съ меня не хочешь получить? Развѣ не потому ли, что я не... Гм!.. не потребовалъ отъ тебя униженія, спалъ одинъ?.. Но это же все равно!—я отнял у тебя время. Почему ты не хочешь взять?

Говоря такъ, онъ сознавалъ, что ломается. И тотчасъ-же онъ понялъ, что ему удалось, помимо воли, такъ живо огорчить Зиночку, какъ не удавалось вчера, при всемъ его желаніи. Она быстро подняла голову, съ ужасомъ взглянула ему въ глаза, подалась назадъ къ столу и прошептала, съ отчаянной хрипотой прошептала:—

— Ну,—все... Теперь я вижу... Презираешь...

У Наброскова сжалось сердце, подкосились ноги при этомъ зловѣщемъ шепотѣ: онъ долженъ былъ сѣсть на стулъ, у котораго стоялъ. Испуганно глядя на ея страшное лицо, которое стало темнымъ, онъ невольно протанулъ къ ней руку, какъ-бы умоляя, и вымолвилъ:

— Зиночка?.. Что ты хочешь одѣлать?

Ея губы искривились жестокой улыбкой. Слегка отстранившись отъ его руки, она сказала:

— Что же мнѣ дѣлать?.. Я уже не могу больше ничего дѣлать!.. Я переносила, когда ты не могъ зайти ко мнѣ,—надѣялась, терпѣла...

— Ахъ, да вѣдь это не оттого, что я...—началь было Набросковъ, и осѣкся. Что онъ могъ сказать?—„Что я презиралъ тебя, какъ проститутку“!. Зиночка продолжала:

— Я должна была терпѣть.—Ты же не такой, какъ другіе, это я поняла съ перваго раза, какъ увидѣла тебя... Я все

терпѣла, терпѣла, все надѣялась... Сама не знала, на что я надѣялась... Теперь я вижу, что не нужно надѣяться!..

— Зиночка!—снова замолился Набросковъ, чувствуя, что вся душа у него заняла отъ страшнаго предчувствія.

— Вотъ теперь,—продолжала Зиночка нѣсколько живѣе, ободряясь отъ задушевнаго тона его мольбы,—ты считаешь себя поганымъ, что спалъ у меня.. Да, да, Вася!. Я знаю же!.. А я и тутъ не виновата, если ты подумаешь, что я дѣлала. Я была съ тобой въ трехъ мѣстахъ вчера,—ты можешь спросить у швейцаровъ,—въ „Центральныхъ номерахъ“, въ „Сѣверныхъ“, въ „Лучѣ“. И вездѣ отказали пустить тебя... Подумай, подумай, —могла ли я оставить тебя на улицѣ?..

Набросковъ сдался на эту страстную просьбу подумать, повторенную съ печальнымъ упрекомъ, тронувшимъ за живое. Онъ задумался.—Самый ночлежъ—пустяки!—онъ мужчина, не институтка, на самомъ дѣлѣ... Зиночка не только не виновата тутъ, а напротивъ,—человѣколюбиво, душевно поступила;—о минувшей ночи нечего и думать... Но пора подумать о томъ, вполнѣ ли виновата сама она въ своемъ несчастномъ и поворномъ состоявіи. Былъ Нѣкто, чистота и совершенство Котораго недосягаемы для Наброскова, и онъ не призналъ за другими права бросить камень, не бросилъ его и Самъ... Можно ли, хватить ли духу отказать этому человѣку въ крупицѣ сердечной теплоты, уйти отъ Зиночки, не простившись съ ней задушевно?..

— Что-же мнѣ дѣлать-то?—нарушилъ молодой человѣкъ долгое молчанье.—Ты только скажи, Зиночка, чего бы ты отъ меня хотѣла?

Зиночка начала спускать голову ниже, ниже... и вдругъ опустилась вся, какъ гибкая ткань, потерявшая опору,—упала безшумно на полъ, къ его колѣнямъ и утомленно прислонилась къ нимъ головой.

Снова наступило глубокое молчаніе,—не тяжелое, не досадное: вѣщее, полное значенія, чреватое событіями.—Въ душѣ молодого человѣка зарождалось новое чувство къ этой дѣвушкѣ, прильнувшей къ его ногамъ, какъ сиротливый ребенокъ, ждущій около нихъ осуществленія какихъ-то блѣдныхъ надеждъ,—лучшее чувство, болѣе человѣчное, чѣмъ то, которое Набросковъ имѣлъ къ Зиночкѣ - портнихѣ, къ покорной и невинной овечкѣ, предполагаемой любовницѣ: чувство глубокое, милосердное, прощающее. Отдавшись теплымъ размышленіямъ о Зиночкѣ, Набросковъ имѣнно гладилъ ея голову и мимоходомъ дѣлалъ наблюденія, полезныя и для

художника, и просто для молодого человѣка. Такъ, между прочимъ, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что ея богатые волосы, несмотря на черноту, топки и мягки, и что въ головѣ у ней совсѣмъ нѣтъ перхоти.

— Что же дѣлать?—ласково шепнулъ онъ, склоняясь къ ея волосамъ и чуть касаясь ихъ губами.—Зиночка, что ты рассчитываешь дѣлать?

Она съ минуту молчала. Потомъ пошевелилась, запрокинула голову въ нетерпѣливой истомѣ и простонала.

— Ахъ!... Я не могу жить... безъ тебя... Лучше умереть!

Онъ замеръ въ сладкомъ испугѣ, при отчаянно-страстномъ тонѣ ея голоса, низкія, контральтовые нотки котораго гармонично отозвались въ колѣняхъ, наполнили все тѣло щекокасающими иглками. Онъ слышалъ, какъ порывисто, лихорадочно она дышитъ, онъ колѣнями ощущалъ, какъ трепещетъ все ея худенькое, но крѣпкое тѣло.—Онъ поймалъ себя на чувствѣ вождельшія и выпрямился, отпрянулъ отъ ея волосъ, тихо, но твердо отстранивъ Зиночку.

— Зина,—началь онъ медленнымъ, задумчивымъ голосомъ,—ты уже знаешь, что я не понимаю связи, не оправдываемой любовью... или какимъ-либо смежнымъ съ любовью чувствомъ. Повѣрь,—если-бы не эта проклятая обстановка... я не отказался бы отъ любви къ тебѣ. Милая, повѣрь моему честному слову, я еще не встрѣчалъ женщины, которая такъ глубоко волновала бы меня, какъ ты!... Не красотой твоей, а твоей дивной душой, сердцемъ, огромнымъ, прекраснымъ, какъ міръ... Но, пойми, говорю... Ахъ, откажись, откажись отъ этой проклятой жизни, Зина, Зиночка!.. Ты добрая, ты великодушная дѣвушка, съ которой возможно счастье, съ которой жизнь до гроба...

И вдругъ остановился. Смущенно отвелъ глаза отъ глазъ Зиночки, глядѣвшихъ на него съ упоеніемъ. Колѣни же его почувствовали, какъ тяжело-тяжело опустилась на нихъ голова великодушной дѣвушки съ прекраснымъ и огромнымъ сердцемъ, съ которой жизнь до гроба... какъ-то застрѣваетъ въ горлѣ... да и въ совѣсти!.. Къ чему лгать?.. Есть непоправимыя человѣческія положенія, при которыхъ камни не летятъ въ голову только тогда, пока Богъ рядомъ, что случается не каждый десятокъ тысячъ лѣтъ. Жестоко, что такія положенія почти исключительно участь женщины!..

— Зина,— снова заговорилъ Набросковъ, сознавшись въ глубинѣ души, что совѣсть не велитъ ему заворачиваться въ пустословія и продолжительно помолчавши,—я, сама знаешь, человѣкъ небогатый, даже, вѣрнѣе, бѣдный. Но я помогу

тебѣ съ искренней радостью всѣмъ, до послѣдней копейки, лишь бы ты пожелала выбраться на честный путь. Человѣку съ такимъ прекраснымъ сердцемъ, какъ у тебя, легко найти другое хорошее сердце, другія сердца, готовыя на посильную помощь. Ты стала бы работать...

Движеніе головы на колѣняхъ остановило его: Зиночка медленно подняла къ нему глаза и посмотрѣла въ его глаза продолжительнымъ взглядомъ, тихій упрекъ котораго лишилъ его желанія говорить дальше. Эти черные красивые глаза обладали могучимъ даромъ краснорѣчія, котораго была лишена сама Зиночка. Набросковъ прочиталъ въ ихъ нѣмомъ, короткомъ упрекѣ:

„И ты можешь думать, что я не боролась изъ-за работы въ многотысячной толпѣ такихъ же неудачницъ, какъ я?... И ты способенъ допустить, что тысячи такихъ несчастныхъ, какъ я, не завидуютъ каторжанамъ, трудъ которыхъ легче нашей жизни и больше имъ приноситъ, чѣмъ намъ нашъ позоръ? Какое ты дитя!... Ты не знаешь жизни!...“

Омъ долго, до десяти часовъ утра говорилъ съ Зиночкой. Она молча жалась къ его колѣнямъ, съ отрадно-грустной улыбкой слушала его, робко цѣловала ему руки. Омъ узналъ, что „съ того дня“ она живетъ на хлѣбѣ и на водѣ, заложивъ все, что имѣла, занимаетъ у сосѣдки, у хозяйина квартиры, и убѣдилъ ее взять у него десять рублей. Было между ними окончательно рѣшено, что она перемѣнитъ жнѣнь, а пока будетъ его должницей. Уходя онъ далъ слово, что вечеромъ принесетъ ея вещи, которыя она должна продать, такъ-какъ...

Когда онъ пожалъ ей руку и уходилъ, она шла за нимъ, улыбаясь какъ тогда, у него, при сборахъ уходить. Когда же онъ ваялся за скобу, она несмѣло коснулась его руки и впиалась въ его глаза глубокимъ взглядомъ, на днѣ котораго искрилась страстность.

— Ты что?—спросилъ онъ тревожно.

— Вотъ что... Ты говорилъ, что... Меня, за сердце, полюбить можно...

— Ну?—спросилъ онъ, не дождавшись продолженія отъ смущенной и заалѣвшей Зиночки.

— А помнишь, ты вчера поцѣловалъ меня?—рѣшилась она вдругъ, кладя руки ему на шею и стыдливо смѣясь съ неожиданнымъ румянцемъ, отрававшимся въ глазахъ горячимъ блескомъ.

Набросковъ, смѣясь, поцѣловалъ ее. Она вздрогнула,

впившись ему въ губы.—„Отчего она такъ часто вздрагиваетъ?“—задалъ онъ себѣ вопросъ, отстраняя ея лицо.

— Еще, еще!—шептала Зиночка, наступленно, съ помутнѣвшимъ взглядомъ.

Онъ едва вырвался. Эта страстность пугала его прохладною, разсудочную натуру. Выходя на дворъ, онъ думалъ, что теперь онъ больше человѣкъ, чѣмъ вчера былъ: у него уже не было животнo-эгоистическихъ плановъ на сожительство съ молодой дѣвушкой,—онъ уже приносилъ жертву, снисходя къ отверженному человѣку. Но огонь наступленныхъ поцѣлуевъ, еще жегшихъ губы, внушилъ ему тревожный вопросъ:

— А что если я... иду ко дну?..

XV.

Семь дней, семь ночей утопающій барахтался: чистосердечная страстность женщины кипѣла водоворотомъ, топя „самоуваженіе“ въ лицемѣрно-эгоистической нравственности мужчины; нравственность-же, захлебываясь въ водоворотѣ, хваталась за соломенки своихъ соображеній. Но въ ночь восьмую соломенки измѣнили утопающему, и онъ пошелъ ко дну.

Въ первый изъ этихъ семи дней Набросковъ принесъ вечеромъ, какъ и обѣщалъ, ювелирную коробочку, возвращая которую, забылъ всѣ слова благодарности, но совѣта продать кольца и сережки не забылъ, повторилъ его еще настойчивѣе. Зиночка задумчиво полюбовалась блескомъ золота, грустно улыбулась, затѣмъ положила коробочку въ одинъ изъ верхнихъ ящичковъ комода. Около часу времени пожертвовалъ этотъ Солимакъ Великолѣпный страстнымъ и робкимъ ласкамъ своей рабыни и заторопился вонъ изъ комнатки за перегородками, гдѣ ему нетерпѣлось; пошли обѣдать куда-то далеко, чуть ли не на Гороховую. Послѣ обѣда и долгой прогулки по дальнимъ улицамъ, Набросковъ, охотно желая не разлучаться съ Зиночкой, чаровавшей его искренностью своей страсти, рѣшился повести ее къ себѣ, въ Коломну. Были приняты всяческія предосторожности въ огражденіе благоприличія: Набросковъ, оставивъ Зиночку на улицѣ, позвонился и вошелъ въ квартиру одинъ; поговорилъ со смиренной старушкой, лицемѣрно поскорбѣлъ о томъ, что служба ея дочери мѣшаетъ ему имѣть удовольствіе представиться молодой хозяйкѣ квартиры, увѣрилъ въ нежеланіи пить чай и уже послѣ того, какъ старушка ушла въ кухню

и затихла тамъ, вышелъ, позвалъ продрогшую Зиночку и ввелъ ее къ себѣ, грозя ей пальцемъ, чтобы не дышала. Говорили шепотомъ, безъ лампы, при свѣтѣ одной лампадки, зажженной старушкой по случаю субботы, сидѣли на кровати, не раздвываясь; Набросковъ чувствовалъ себя какъ на иголкахъ и умолялъ Зиночку цѣловать его безъ излишняго шума. Теперь уже не было для него сомнѣній, что всѣ эти предосторожности нужны ему самому, а не для огражденія добраго имени Зиночки, но онъ однако пугался малѣйшаго шороха и. опять торопилъ Зиночку уходить. Разстаться же съ ея робкими ласками было жаль, почему и надо было идти съ ней опять на Пушкинскую.—Подобнымъ образомъ хороводились они нѣсколько вечеровъ подрядъ, шагая изъ конца въ конецъ города и заканчивая хоровоженье все-таки комнаткой за перегородками.

Тутъ, у себя, Зиночка была, конечно, свободнѣе, чѣмъ въ Коломиѣ. Утомившись предосторожностями, навязанными ей трусливымъ султаномъ, влюбленная рабыня давала волю чувству и льнула къ нему со всею очаровательностью умоляющей страсти, придававшей ей красивымъ глазамъ пламенную радость. Чтобы любоваться такимъ геніально-дивнымъ выраженіемъ любви въ черныхъ глазахъ, чтобы изучать его свободно, художнику пришлось въ концѣ концовъ подавить въ себѣ брезгливость къ перегородкамъ и предпочесть Коломиѣ Пушкинскую улицу: онъ сталъ почти что жить у Зиночки.

Дни его дѣлились на три неравныя доли. Утромъ онъ работалъ въ студіи, если не лежалъ съ книгой у себя; передъ вечеромъ шелъ въ Кирпичный, къ Зинаидѣ Михайловнѣ и ея новымъ благопріятелямъ, къ дамамъ и барышнямъ, посвящавшимъ много вниманія оригинальному молодому человѣку, а часу въ шестомъ, въ седьмомъ впадалъ въ нѣкій трансъ и становился разсѣяннымъ, тупѣлъ, нѣмѣлъ, рвался къ двери: наступалъ академическій часъ изученія непередаваемо-дивной экспрессіи,—тамъ, на Пушкинской.

Зинаида Михайловна, поражаясь странной переменѣй въ другѣ, начинавшемъ ежедневно въ одно и то же время заикаться и егозить на креслѣ, справлялась, не нашелъ ли онъ урока или какихъ-нибудь вечернихъ занятій, на которыя и торопится каждый вечеръ съ неукоснительностью чиновника; онъ хихикалъ, краснѣя, и подтверждалъ, что у него дѣйствительно нашлись вечернія работы, довольно срочныя и весьма отвѣтственныя. Но, указывая на то, что эти работы отнимаютъ все его вниманіе и затягиваются иногда до позд-

ней ночи, онъ не пожаловался другу, что ему приходится заниматься всю ночь, до утра:—хвалиться избыткомъ трудолюбія—черта не хорошая.

На самомъ дѣлѣ, онъ уже ночевалъ подрядъ нѣсколько ночей у Зиночки, дѣля съ ней узкую кровать, къ которой примацивалась вся мебель Зиночки: два вѣдскихъ стула и вся мебель какой-то изъ сосѣдокъ: одинъ табуретъ. Но лампа горѣла до утра, но молодые люди не раздѣвались. Впрочемъ, онъ именно *ночевалъ* эти ночи, а не спалъ, такъ-какъ заснуть не доводилось: влюбленная рабыня такъ занимательно проявляла обожаніе къ своему ледяному истукану что ночи пролетали незамѣтно.

Она проявляла обожаніе не только въ несмѣлыхъ ласкахъ и въ пламенной радости взглядовъ, но и въ признаніяхъ, еще болѣе льстившихъ его самолюбію, чѣмъ краснорѣчіе ея глазъ. Она говорила о своихъ мукахъ, причиненныхъ безнадёжной любовью, о силѣ перваго впечатлѣнія, которое произвелъ на нее задумчивый и гордый молодой господинъ гулявшій въ Таврическомъ, о ростѣ вниманія къ нему при каждой новой встрѣчѣ, объ отвращеніи къ собственной жизни при мысли о немъ и о лишеніяхъ, къ которымъ привело ее это отвращеніе, наконецъ,—о тоскѣ мечтаній, казавшихся ей несбыточными. Тотъ моментъ, когда онъ удостоилъ ее вниманія и заговорилъ съ ней, она клялась помнить до гроба!—такъ она была рада. Часъ и минуту этой встрѣчи она запомнила, случайно взглянувъ на большіе часы надъ зонтомъ когда завидѣла его неподалеку отъ себя, на Невскомъ.

Иногда Зиночка впадала въ меланхолію, загадочную и крайне интересную для наблюденій художника: черные глаза расширялись, тускнѣли, впивались въ него долгимъ, упорнымъ, загадочно-нѣмымъ взглядомъ, отъ котораго ему дѣлалось жутко, а сама она становилась неподвижной. При тишинѣ, всегда стоявшей въ этой странной квартирѣ, омертвѣлая дѣвушка съ красивымъ, но блѣднымъ лицомъ, съ мертвымъ взглядомъ внишала Наброскову священный ужасъ; онъ забывалъ благоприличіе и спѣшилъ оживить покойницу теплыми поцѣлуями,—горячихъ поцѣлуевъ у него не было. И мертвые глаза вдругъ вспыхивали и горѣли, и заволакивались блестящей влагой, и снова потухали, и снова горѣли, горѣли, кидая искры въ самую глубину его прохладной души... Онъ чувствовалъ, какъ хорошо кружатся у него голова отъ гордаго сознанія, что его любить до обожанія молодая дѣвушка, такая красивая, такая приличная.

На самомъ дѣлѣ, Зиночка была весьма приличной особой,

обладавшей прирожденнымъ тактомъ и умѣньемъ держаться; ея скромная и сдержанная манера говорить, свидѣтельствовала, что у ней недурной умокъ, чистое воображеніе, на которое не наложило слѣда ея прошлое; при ней, тактичной, скромной, неглупой, неохотно шла въ голову мысль объ этомъ прошломъ. А безъ нея Наброскову уже было скучно...

Съ первыхъ же дней, какъ началъ онъ присматриваться къ Зиночкѣ-Варѣ съ ревнивымъ вниманіемъ судебного слѣдователя, еще до ея трогательныхъ сообщеній о жизни при отцѣ, Набросковъ уже составилъ мнѣніе, что она получила кое-какое воспитаніе, нравственные устои, нѣкоторый лоскъ, любовь къ чистоплотности, чувство мѣры. Но эти задатки, сохранившіе душу Зиночки на ея скользкомъ пути, не получили дальнѣйшаго развитія: она была совершенно темный человѣкъ, едва умѣла читать, писала каракулями, знала внѣшнюю жизнь по разговорамъ кумушекъ въ зеленой лавкѣ. Наброскова нѣсколько расхолаживала эта темнота, но ему претилъ комическій педантизмъ тѣхъ интеллигентовъ, которые въ его положеніи вспыхнули бы раньше всего желаніемъ развивать кающуюся Магдалину. Было необходимо выяснитъ прежде характеръ отношеній между ними,—думалъ онъ,—а затѣмъ уже отправляться, съ общаго согласія, за тетрадками для уроковъ чистописанія.

Лишь одно можно было поставить въ укоръ этой тактичной и умненькой Зиночкѣ: ея несдержанность въ проявленіяхъ обожанія. Въ порывистыхъ ласкахъ кумиру она забывала собственное человѣческое достоинство, пресмыкалась передъ нимъ, какъ рабыня передъ повелителемъ... Но и тутъ оправдывало ее то, что она любила до безумія холоднаго человѣка, котораго приходилось умолять, какъ властелина, снисзойти къ принятію дами, повергнутой къ его ногамъ.

И властелинъ, уходя по утрамъ отъ Зиночки, разнѣженный и совѣстившійся, что онъ „полубогъ“, резсуждалъ не безъ фатоватой усмѣшки.

„Какъ она меня любитъ!.. Странновато, конечно, то, что я почти люблю женщину съ прошлымъ, захватанную случайными объятіями, число которыхъ неизвѣстно; люблю даже несомнѣннѣе, чѣмъ любилъ ее же, когда считалъ ее за обыкновенную мѣщаночку, мастерицу. Но, по вопросу объ объятіяхъ, сказать мимоходомъ, полезно обратиться къ сопоставленію этой женщины со вдовами: могъ бы вѣдь я полюбить вдову, схоронившую двухъ мужей... И память о нихъ не помѣшала бы моему счастью, если бы я полюбилъ вдову горячо, глубоко... Словомъ, этотъ вопросъ—весьма эластичная

тема. Другое дѣло—ея любовь ко мнѣ. Это психо-физическое явленіе страннѣ всякой странности, невѣроятное явленіе!.. Она обожаетъ меня до глупости, до потери смысла... Но и я хороша! Я просто себя не узнаю! Я чортъ знаетъ какимъ идиотомъ стала!.. Совсѣмъ какой-то Молохъ карманнаго формата, Геліогабалъ въ миниатюрѣ, Калигула... Хе хе, Калли-гул-ла... Ха-ха!.. Ужъ не потребовать ли мнѣ отъ петербургскаго муниципалитета замѣны всѣхъ монументовъ столицы моими изображеніями въ бронзѣ и мраморѣ?! Нѣтъ, ей-богу, глупо, глупо!..“

Но эти пріятельски-мягкія самобичеванія вызывали не тревогу совѣсти, а счастливую усмѣшку и не мѣшали въ сумерки рваться изъ гостиныхъ, предпочитая ихъ свѣту, теплу, любезности, остроумію, комфорту полутемную и прохладную комнатку за перегородками, гдѣ Набросковъ чувствовалъ себя царемъ.

Было однако въ ясной идилліи молодыхъ людей темное мѣсто, помимо моментовъ загадочной меланхоліи Зиночки,—вопросъ о кольцахъ и сережкахъ. Каждый вечеръ приходила на Пушкинскую, Набросковъ аккуратно визитировала ящикъ комода и, найдя коробочку на ея мѣстѣ, дѣлала мину.—Неприлично имѣть вещи, которыя... и такъ далѣе. Хотя его мало смущала, напримѣръ, дипломатикъ Зиночки, ея три-четыре платья, ея обстановка, всѣ принадлежащія ей вещи, о которыхъ тоже вѣдь имѣлось основаніе говорить „которыя“... и такъ далѣе. Но почему-то онъ упорно привязался къ мысли изгнать только пару сережекъ и кольца, о чемъ и ворчалъ ежедневно. Зиночка темнѣла, хмурилась, печально глядѣла на золотыя вещи и... Набросковъ снова находилъ ихъ въ комодѣ. „Хоть бы спрятала она ихъ, что ли, глупая!“—думала онъ, сердясь и въ то же время восхищаясь безхитростностью Зиночки.

Наканунѣ рокового дня Набросковъ особенно настойчиво „совѣтовала“ Зиночкѣ разстаться съ золотыми вещами, приводившими его въ негодованіе. Зиночка вспыхнула, въ глазахъ ея заблестѣли слезинки, и она сказала вадрагивающимъ голосомъ, но съ покорной мольбой въ глазахъ.

— Ты не понимаешь, Вася... Я же говорила, что ты напрасно думаешь дурно объ этомъ... Эти серги и кольца... моей мамы. Я расскажу тебѣ когда-нибудь, какъ я убѣждала отъ отца, въ одной рубашкѣ, ночью, въ холодъ... А взяла я только эту коробочку... Мнѣ было трудно жить, съ голоду помирала, а не расставалась же я съ ними. Все, что получила потомъ отъ отца,—всѣ вещи, браслеты, ложки, бѣлье,

платья, сериі,—все я проживала, закладывала, оставляла въ ломбардѣ... А эти, маминь,—никогда!.. Ей-богу, Вася!..

Онъ смотрѣлъ, какъ слезы Зиночки падали на коробочку, но нашелъ позволительнымъ проворчать съ презрительной миной.

— Все это такъ, быть можетъ... Я только о томъ, что мнѣ тяжело видѣть эти золотыя балаболки... Впрочемъ, какъ хочешь... Дѣло не мое...

На другой день онъ нашелъ Зиночку грустной, болѣе неговорливой, чѣмъ всегда, и меланхоличной до крайности. Даже поцѣлуи не придавали матово-чернымъ глазамъ радостнаго блеска. Зиночка покорно возвращала поцѣлуи и печально улыбалась, не оживляясь. Но Набросковъ не преминулъ заглянуть мимоходомъ въ комодъ. Коробочка лежала на мѣстѣ. Привычной рукой открылъ онъ ее, собираясь обрушить на гонимое золото перлы краскорѣчія, скопленные дорогой сюда, и расширилъ глаза отъ неожиданности!—на выцвѣтшемъ фіолетовомъ плюшѣ лежала двадцатипятирублевая бумажка, свернутая вчетверо, вещей же не было.

— Продала?—воскликнулъ онъ почти испуганно, обращаясь къ Зиночкѣ.

Она, вмѣсто отвѣта, кинулась къ кровати и припала лицомъ къ подушкѣ, глуша въ ней нервныя рыданія, отъ которыхъ вздрагивали ея плечи.

„Какая гадость, однако!“—подумалъ онъ въ досадѣ на себя, виновато подходя къ Зиночкѣ.—„Ну, что мнѣ сдѣлали эти вещи? Вѣдь я жертвы домогался, настаивая на ихъ продажѣ. Какъ будто я еще не увѣренъ, что Зиночка способна на всякія жертвы для меня, себялюбиваго, мелочнаго человѣчка!..“

— Перестань, Зиночка,—успокаивалъ онъ ее, поднимая и цѣлуя.—Ты знаешь, что мнѣ тяжело, когда ты плачешь... Ну, цѣлуй меня крѣпче.

Зиночка вошла въ его тяжелое положеніе и заставила себя облегчить гнетущую его тяжесть,—рыдать перестала. Но глядѣла убитой, была мрачна, старалась подавлять вздохи, но была не въ силахъ подавить легкихъ стоновъ, которые Наброскова удручали и трогали.

Съ ней совершалось что-то странное въ этотъ вечеръ. Она была тиха, молчалива, безстрастна, отказалась ѣсть, не слышала вопросовъ молодого человѣка, напрасно пытавшагося развеселить ее, шла съ опущенной головой. За обѣдомъ, къ которому она едва притронулась, она такъ упорно и такъ печально смотрѣла на сотрапезника, что внушала ему

смущеніе передъ сосѣдями ихъ столика, которые конечно смотрѣли, непременно должны были смотрѣть на Наброскова во всѣ глаза. Онъ поспѣшилъ встать изъ-за стола и увести ее, уйти самому отъ всѣхъ глазъ.

Возвращались они на Пушкинскую, какъ съ печальныхъ похоронъ, не нарушая молчанія. Набросковъ уже подумывалъ о томъ, что давненько онъ не заглядывалъ въ биргалки... И онъ разстался бы на этотъ разъ съ Зиночкой раньше обыкновеннаго, если бы не удержало смутное сознание вины въ ея мрачномъ настроеніи, нѣкоторое сочувствіе къ ней, любопытство, чѣмъ закончится эта сегодняшняя, непримѣрно упорная меланхолія Зиночки.

Она не поддавалась ни словамъ, ни ласкамъ, становилась все болѣе и болѣе печальной, молчаливой и держалась поодаль отъ Наброскова, который растянулся на постели на этотъ разъ даже въ пальто. Среди полной тишины, онъ раздумывалъ о настроеніи Зиночки, о томъ, какъ ему быть съ ней, что дѣлать и слышалъ, что она мечется по полу, тихо стоишетъ, точно отъ нестерпимой муки. Затихнетъ въ углу, впившись руками въ волосы, съ отчаяннымъ неподвижнымъ взглядомъ и снова припадетъ къ полу, томимая какимъ-то страданіемъ, снова застонетъ чуть слышно, боясь выдать себя. Наброскова встревожило наконецъ глубоко ея странное настроеніе. Онъ спустилъ ноги и спросилъ:

— Да что же это съ тобой, Зина?.. Поди же ты ко мнѣ!

Она подползла на колѣняхъ, роняя слезы, припала къ его ногамъ и, обнимая ихъ, зарыдала.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты презираешь меня?—шептала она въ отчаяніи.

— Я...

— Ты же все знаешь теперь!—тосковала Зиночка у его ногъ.—Развѣ виновата я въ томъ, что со мной люди сдѣлали?.. Прости меня!.. Не презирай меня!..

— Зиночка!—воскликнулъ онъ отъ всего сердца, глубоко тронутаго ея отчаянной мольбой, привлекая ее къ себѣ.— Даю тебѣ слово, что у меня и твои презрѣнія дѣтъ!.. Скажи, чѣмъ я могу убѣдить тебя, доказать тебѣ, что ты это напрасно?.. Откуда ты берешь, что я презираю тебя?

— „Презираешь!“—шептала она, убитая, помурая, прильнувъ къ нему и печально играя лацканомъ его пальто, какъ огорченный ребенокъ.—Ты спишь одѣтый, при огдѣ... Развѣжъ я такая поганая, что не могу присунуться къ тебѣ?..

Онъ разсмѣялся, восхищенный простотой доказательства,

котораго такъ несмѣло желала Зиночка. Его покорила и взволновала ея наивность.

— Только-то?—прошепталъ онъ, поднимая ея голову, цѣлуя ея заплаканные глаза.—Глушая плакса!.. Ну, погоди.

Онъ посадилъ ее на кровать и шагнулъ къ лампѣ.

— Ну, вотъ!—сказалъ онъ, дунувъ въ стекло.—Раздѣвемся, и все тутъ!—закончилъ онъ въ темнотѣ, чувствуя, что имъ овладѣваетъ нервная дрожь.

Однако не все еще было тутъ!—вздохи и легкіе стоны еще длились и только тогда перешли въ счастливый смѣхъ, когда у ледяного истукана закружилась голова. Чистосердечная страстность женщины вскипѣла водоворотомъ, соломенки измѣнили, утопающій пошелъ ко дну...

Но эта гибель принесла блаженство, отраду, миръ душѣ и тѣлу; она подружилась съ жизнью, прогнала мрачныя тучи, вызвала бодрое желаніе работать съ надеждой на успѣхъ; она внушила глубокую благодарность къ Зиночкѣ, помогшей съ такимъ радостнымъ, счастливымъ, признательнымъ чувствомъ этому перерожденію. Какъ бы ни воспѣвали воздержаніе апологеты кривой правды, близорукіе моралисты, мирящіеся съ тѣмъ, что существуетъ, что будто бы разумно уже потому, что оно дѣйствительно, а природа, выгоняемая въ дверь, все-таки рвется въ окна. Не нами и не нашими моралистами дана намъ природа, не намъ и осуждать ея непреложные законы. А за пренебреженіе этими законами она налагаетъ мрачныя цѣни на взбунтовавшійся духъ, называйся онъ самымъ гениальнымъ Ньютономъ, и мститъ за вольную и невольную вражду къ ней преждевременной дряхлостью, пессимизмомъ, челоуѣконенавистничествомъ и прочими духовными карами, до толкованій на Апокалипсисъ, включительно.

Впрочемъ, не оставляетъ она безъ наказаній и излишества, призывая къ отвѣту прежде всего тотъ же духъ; эту разыскательность природы Наброскову пришлось испытать на себѣ, и въ скоромъ времени.

Страстность безумно влюбленной Зиночки очаровывала его, счастлививала, одухотворяла, влюбляла въ жизнь. Съ восторгомъ голоднаго волка, терзающаго овечку, нашелъ онъ отвѣтъ на вопросъ, почему Зиночка такъ легко и быстро вздрагивала всякій разъ, когда онъ до нея дотрагивался: она была изъ тѣхъ, о которыхъ говорится: „натура богатая“.—Этого натурального богатства у бѣдной, скромной, дѣвушки оказалось такъ много, что хватило свести съ ума обоихъ. Не говоря уже о Зиночкѣ, которая отдалась любви

и страсти до самозабвенія, ревновала любовника къ каждой минутѣ, прожитой безъ нея, расцвѣла и вдвое похорошѣла отъ счастья,—самъ Набросковъ сталъ неузнаваемъ для себя и другихъ, влюбившись безъ ума въ эту полноту животной жизни,—забылъ для нея все, избѣгалъ гостинныхъ Кирпичнаго, заглядывалъ къ себѣ въ Коломну лишь изъ приличія, проводилъ день съ утра до вечера въ студіи, гдѣ работалъ съ небывалымъ одушевленіемъ и въ сумерки бѣжалъ сломя голову на Пушкинскую. Тамъ встрѣчала его пара огневыхъ черныхъ глазъ, которымъ блаженство придало чарующую красоту нетерпѣливой нѣги, влажный блескъ, лишавшій способности думать о чемъ-либо, кромѣ неистовства объятій, и снова начинались новыя оргіи вдвоемъ.

Вѣдь труденъ былъ лишь первый шагъ, или,—вѣрнѣе, высока казалась та песчаная куча, которая состояла изъ неискренности передъ собой, изъ лицемѣрія, изъ эгоизма, изъ мелочности духа,—изъ всего, что въ общемъ называлось самоуваженіемъ Василія Степаныча Наброскова, чловѣка недурного, удовлетворительнаго интеллигента, строгаго къ себѣ, а еще больше къ другимъ!—лишь только рухнула и весело осыпалась эта куча, подъ ней тотчасъ же образовалась привлекательная яма, куда охотно покатился Василій Степанычъ, кувыркаясь черезъ собственное самоуваженіе.—Начались оргіи вдвоемъ, безумныя ночи, излишества которыхъ не только не пугали, но еще влекли къ дальнѣйшимъ излишествамъ.

— Ты мой богъ!—пѣла пламенная Зиночка страстнымъ контрадьто, охватывая его шею, натискомъ горячей груди мѣшая ему вдохнуть,—ты властелинъ мой, жизнь, дыханіе мое! „Четыре часа, шестнадцать минутъ“—ты не понимаешь! Я передъ смертью буду шептать, вмѣсто молитвы: „четыре часа, шестнадцать минутъ“... Ты улыбнулся мнѣ, ты заговорилъ со мною!... Радость моя! счастье мое! Съ того часа я стала не жить, а ждать... Страдать и ждать, и хвататься за мои страданія, и все любить... Я часы стала любить, тѣ часы большіе, надъ зомтомъ, — они сказали мнѣ, когда я родилась для жизни, для любви! Пусти, сбрось меня!—я не стою тебя. Я тутъ повинна быть, у ногъ! топчи меня... Я ноги буду цѣловать... Ахъ, убей меня, ивломаи на куски! я руки твои буду цѣловать, смѣяться буду и умру... А не покидай! А не разлюби!

Онъ терялъ послѣднія крупичи разсудка и неистовствовалъ, кидаясь въ безумномъ порывѣ исполнять страстную мольбу,—ломалъ на куски, терзалъ... Но растерзанные куски

снова превращались въ Зиночку, цѣлую, невредимую, огневою, неутолимую.

Такъ не могло продолжаться съ нимъ безкомечно!—насталъ предѣльный моментъ, явилась усталость и привела за собою чувство пресыщенія, вызвавшего тревожный вопросъ, что будетъ дальше... Дальше видѣлось все то же: неутолимая, растущая страстность Зиночки, у которой не было иной вѣры, иной надежды, кромѣ ея глубокой любви, первой и, несомнѣнно, послѣдней въ ея безотраднѣйшей жизни. Съ каждымъ новымъ днемъ ея ласки, взгляды и рѣчи становились жарче, безумнѣе... А отъ заторопившись, зацѣпился любить, впадалъ въ мѣлкую задумчивость и съ испугомъ поглядывалъ въ зеркало, видя въ немъ тусклое, изможденное лицо,—чужое лицо, не Васио—синевадно-блѣдное. Поблекла и Зиночка; но не отъ излишества, а отъ тревожныхъ предчувствій: у женщинъ иная мѣрка для пресыщенія въ любви не мужская, бездонная.

Роль, предназначенная женщинамъ ея природою, удивительна!—богатырская, героическая это роль... Любовь,—вотъ имя женщины, вотъ ея настоящая, дѣйствительная жизнь. Въ любви она, повидимому, второстепенная фигура; но какіе свитки Сивиллы, герметики ушедшаго въ землю Египта укажутъ, разъяснятъ, дадутъ хотя бы намеки на то, къ чему является женщина въ любви: жертвой, рабыней, оживленнымъ механизмомъ, штампующимъ потомства при мудромъ управленіи мужчины, или же владычицей, вдохновительницей, альфой и омегой? Страшно подумать о врожденномъ героизмѣ женщины, не будучи ею, не имѣя ея героизма!.. Пороховая мина съ горящимъ фитилемъ,—вотъ положеніе матери этого „слабаго созданія“, „сосуда скудельнаго“, „недоразвившагося человѣка“, которому необходимо будто-бы покровительство, опека сильнаго пола, незнающаго катастрофъ, обязательныхъ для матери. А „слабое созданіе“, оправаясь отъ катастрофы, благополучно или не вполне благополучно, снова играетъ огнемъ близъ мины, увлекая за собой и того, своего сильнаго покровителя, которому эта мина столь же опасна, какъ сугробъ у забора, которому игра огнемъ—одно наслажденіе... И въ ней, „недоразвившемся мужчино“, нарастаетъ и крѣпнеть геройская, дерзкая страсть къ опасной игрѣ, когда ея сотоварищъ, мужчина доразвившійся, сильный полъ, катастрофъ не знающій, уже утомился, скучаетъ, ищетъ глазами собутыльника, зеленого стола и уходитъ, предоставляя ей-же, „сосуду скудельному“, всю съ послѣдствіями взрыва, бессонныя ночи надъ ними...

Въ какомъ неоплатномъ долгу мы у этого героя-богатыря, вѣчно обездоленнаго нашимъ ненужнымъ покровительствомъ!...

Не вѣрьте женщинѣ, когда она оплакиваетъ свою слабость и сѣтуетъ на соблазнителя,—изъ уваженія къ ней не вѣрьте!...—Она—сила, крѣпость, мощь, передъ которой ничто атлеты съ стопудовыми гирями. Она—источникъ жизни, которому мужчина расчищаетъ лишь дорогу. Внушите ей наконецъ это, и вы увидите, какъ съ годами исчезнуть съ проспекта жизни его непримиренныя тѣни.

Томясь и страдая душой, Набросковъ захотѣлъ повидаться съ Зинаидой Михайловной, напрасно искавшей его въ Коломнѣ, и поплелся какъ то прямо изъ студіи въ Кирпичный вмѣсто Пушкинской.

XVI.

— Что съ вами, Василій Степанъчъ?—спросила Зинаида Михайловна тихо и задумчиво, покончивъ дѣловые разговоры съ Набросковымъ. Вы увѣряете, что не больны, а выглядите скверно. Прямо, какой-то лимонъ жеванный, знаете!

Они сидѣли въ уютномъ салончикѣ мадамъ Дару, обстановкомъ съ неподражаемымъ вкусомъ, по-парижски, съ goblenовыми портьерами и обоями съ недурными ковіями Месонье, съ миниатюрной мягкой мебелью; тутъ, въ этомъ залцѣ, стояли сумерки; но изъ двери въ кабинетикъ падалъ темно-красный свѣтъ масляной лампы, которая пахла олифой и черезъ каждыя пять минутъ начинала хрипѣть, потухая. Зинаида Михайловна ненавидѣла эту вонючую копилку; но парижанамъ хотѣлось думать, что керосинъ отравляетъ воздухъ, что онъ буржуазенъ, дешевъ и махаленъ, какъ парвеню... Приходилось мириться съ архаическимъ освѣщеніемъ кабинетика и салончика, пользуясь ими для приѣма своихъ знакомыхъ или для корреспонденціи и наслаждаться чистымъ, яркимъ свѣтомъ керосина лишь въ собственной комнаткѣ.

Набросковъ окинулъ себя мимолетнымъ взглядомъ въ трюмо, увидѣлъ при сѣромъ полусумракѣ сѣрое лицо съ ввалившимися глазами, содрогнулся, задумчиво посмотрѣлъ на ногти, вздохнулъ и началъ жалобиться другу, понуривъ голову, черезъ силу подбирая слова.

— Передъ вами, Зинаида Михайловна, я скрывать не стану, даже рискуя, быть можетъ, оскорбить ~~ваше благо~~ откровенностями такого рода... такого характера. ~~Какой-то~~

Но начну съ нѣкотораго предисловія, чтобы показать больше самому себѣ, что я, правда, виновать, но заслуживаю снисхожденія. Видите ли... Гм!.. Дѣло въ томъ, что... блага жизни, какъ это изстари извѣстно, распредѣлены съ ужасной несправедливостью. Жить полною жизнью, удовлетворяя всѣ потребности организма, не всѣ имѣютъ возможность; и тѣ, которые имѣютъ эту возможность, совершенно игнорируютъ одно изъ социальныхъ золъ, существующее всегда, поражающее многихъ... Назовемъ это зло... голодомъ плоти. Сознаюсь, что это названіе неясно, но вы не потребуете отъ меня комментарий... Я думаю, я увѣренъ, что это зло поражаетъ многихъ. Отъ него страдаютъ, полагаю, всѣ молодые люди того и другого пола, достигшіе зрѣлости... У французовъ, если не ошибаюсь, этотъ возрастъ очень удобно называется—адюльтъ: и прилично, и въ то же время на адюльтерь намекаеть... Вы не сердитесь?—прервалъ онъ себя, понизивъ голосъ.

— Я слушаю. Не забывайте, что я по медицинской части, —усмѣхнулась Зинаида Михайловна.

— Помню объ этомъ съ сугубымъ удовольствіемъ, и продолжаю. Такъ вотъ видите ли... Какъ бы ни терзалъ своихъ жертвъ этотъ голодъ, адюльтерь, однако, строжайше воспрещенъ той старой ханжой, которую зовутъ общественнымъ мнѣніемъ,—особенно же въ практикѣ такъ называемой слабой половины человѣческаго рода. Если же оставить въ сторонѣ зрѣлыхъ дѣвушекъ съ одинокими женщинами и говорить только о молодыхъ мужчинахъ, то надо отмѣтить, что для сихъ послѣднихъ имѣются извѣстные приемы борьбы съ голодомъ, грозящіе здоровью, душѣ, карману, доброму имени, самоуваженію, совѣсти: интрижки, связи, развратъ... Если бы здѣсь горѣла вонъ хотя бы та парижская коптѣлка, вы замѣтили бы, что я покраснѣлъ. Но въ полумракѣ вы этого не замѣчаете, почему я и продолжаю, горя отъ смущенія. Беззастѣнчивые юноши способны находить молодящихся старушекъ, легкомысленныхъ мужнихъ женъ, лже-наивныхъ дѣвицъ, желающихъ быть обманутыми кѣмъ ни походя нѣтъ коварныхъ измѣнщиковъ; а юноши застѣнчивые, дурачки, какъ вотъ я, совѣстятся подличать и потому вынуждены находить иныя, мѣтѣе комфортабельныя приемы, если нѣтъ силъ выносить муки голода, и...

Не докончивъ предисловія, Набросковъ тяжело вздохнулъ, замолчалъ и послѣ минуты борьбы съ нерѣшительностью, отчаянно буркнулъ:

— Ну, однимъ словомъ... Я спутался, какъ говорится!

Признаніе сказалось нетерпѣливо, злобно, грубо; оно залило досаднымъ жаромъ лицо, уши, шею сорвавшагося молодого человѣка, готоваго избить себя за недостатокъ выдержки. Зинаида Михайловна, слышавшая тяжелое и сиплое дыханіе сосѣда, поняла, что ему было бы трудно отвѣтить тотчасъ же на ея вопросъ, почему заатаила дыханіе сама на цѣлый пятокъ минутъ, а потомъ спросила, какъ о знакомомъ человѣкѣ.

— Кто она такая?

— Она?... Гм!..

Набросковъ помолчалъ, всталъ, прошелся, потрогалъ для чего то цѣпочки у часовъ на каминѣ и, наконецъ, вспомнивъ поэта, имени котораго посвящена улица, гдѣ живетъ „она“, чуть слышно сказалъ:

— Неловко сознаться, легко догадаться.

— Это... Такая блѣдненькая?... Чернобровая?—спросила быстро, но какъ бы вскользь Зинаида Михайловна.

— Вы видѣли?—изумился, почти испугался Набросковъ.

-- Случайно, какъ-то... Вы шли подъ ручку къ театру, около недѣли тому, если не обманываетъ память, а мы съ Ольгой Владиміровной сидѣли въ ея экипажѣ у магазина Германа Корпуса, ждали Сомечку Стратановичъ.

— Гм!.. Но почему вы предположили, что мы идемъ въ театръ?—подозрительно спросилъ Набросковъ.

— Да мы сами поѣхали туда же,—объяснила Зинаида Михайловна съ такой простотой тона, которая подсказала Наброскову, что его сердечный другъ больше въ курсѣ дѣла, чѣмъ онъ ждалъ.

— Н-ну... Какъ вы ее нашли?—спросилъ онъ съ усиленіемъ и съ тревогой.

Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу. Дружба—дружбой, но есть проклятая разница въ социальныхъ положеніяхъ, какъ супруга врача, пребывающая въ сферахъ интеллигентной аристократіи и, съ другой стороны, недвусмысленная особа, въ близости съ которой неловко сознаться. Набросковъ потомился таки въ ожиданіи приговора дѣвушкѣ, все еще милой ему, и собственному своему вкусу. Но отвѣтъ не удовлетворилъ его любопытства.

— Было-бы легче, знаете, отвѣтить на вашъ вопросъ, если бы вы и я были двумя женщинами, или же оба—мужчинами,—начала дипломатію Зинаида Михайловна.—Но она, однако, показалась мнѣ...

Лучезарные глаза углубились въ изученіе плетеной салфетки, поднятой передъ лицомъ ихъ владѣлицы, которая

пріумолкла на минуту, очень томительную для Наброскова. Изучивъ узоры кружева, Зинаида Михайловна опустила руки и сдержанно высказала свое мѣнѣе.

— Она показалась мнѣ скромной, знаете.

„Силы небесныя! — Скромной!“ — подумалъ Набросковъ, негодуя. — „Какъ—будто это немудрое слово что иибудь значить при опредѣленіи Зины... Да вѣдь ужъ одна ея виѣшность недюжинная, красивое, матово-блѣдное лицо, всегда опущенная головка, ваглядъ бездонныхъ черныхъ глазъ загадочный, увлекающій, жуткій, улыбка мучительно-виѣжная, иногда—страдальчески-жесткая... вѣдь виѣшность одна этой странной дѣвушки просить, молить, настойчиво требуетъ цѣлыхъ страницъ самыхъ придирчивыхъ опредѣленій... Она—скромная!.. Ха!.. А та мука, пытка души, что неотвязно гнететъ меня при неотвязной мысли о ней, о завтрашнемъ днѣ съ ней,—адъ кромѣшныи упрековъ, сомнѣній, страховъ за себя, за нее,—упадокъ силъ, что теперь испытываю я, влача ноги въ ея молчаливый вертепъ: развѣ же всѣ эти страданія, порожденные во мнѣ Зиночкой, не заслуживаютъ дружескаго участія, самаго теплаго вниманія?.. Какъ, однако, себялюбиво-слѣпы, не отзывчивы счастливые люди, даже когда они твои друзья!“..

— Скромной? — спросилъ онъ насмѣшливо. — Гм!.. И только?

— Но что-же я могу еще сказать о ней, Василій Степанычъ?—развела руками Зинаида Михайловна.—Я видѣла ее мелькомъ... тамъ, на Морской,—въ теченіе какой-нибудь одной минуты, пока она проходила, объ руку съ вами, мимо фонаря въ окнѣ, я только и замѣтила, что она смотритъ вамъ въ глаза и что глаза у ней чрезвычайно красивые, выразительные... Многого не замѣтишь въ такой короткій срокъ. Выраженіе глазъ у ней... не заурядное. И, знаете... мнѣ казалось-бы, что... Надо имѣть глубокое чувство, чтобы глядѣть такъ въ глаза другому...

Она помолчала и задумчиво прибавила.

— Да, глаза у ней... знаете... И, вообще, она...

Но не докончила. Набросковъ вдохнулъ глубоко, продолжительно. Онъ тяжело шагаль по ковру, уронивъ голову. Зинаида Михайловна тихо и участливо спросила.

— Вы страдаете, Василій Степанычъ?

Отвѣтить: „да, я страдаю“, было бы слишкомъ ужъ просто, совсѣмъ не соотвѣтствовало бы тому „тому су“ кромѣшныхъ мукъ, среди которыхъ изгибалась ущемленная душа; и На-

бросковъ отвѣтилъ поэтому описательно, плетясь къ своему пуфу.

— Другъ мой,—простоналъ онъ упавшимъ голосомъ, падая въ кресло.—Бываютъ минуты, когда меня влечетъ къ землѣ, когда хочется лечь на полъ, опуститься... Даже на мостовую... Даже на самую грязную мостовую!..

И уронилъ голову на ладони, оперевъ локти въ колѣни.

Въ уютномъ салончикѣ стало совсѣмъ темно, а хрипучая парижанка, не привлеки ни чьей руки къ своему регулятору, курилась какъ березовая лучинишка. Молчанье длилось добрую четверть часа; молодой человѣкъ думалъ, сердясь на свое безволие, что вотъ уже настала для него роковой часъ рабства, когда нѣтъ силъ отказать себѣ въ желаніи плестись на Пушкинскую, гдѣ онъ будетъ покорно томиться душой, подъ огненными поцѣлуями; затихла въ всеемъ темномъ уголкѣ и Зинаида Михайловна, въ головѣ которой назрѣвалъ быть можетъ какой-нибудь планъ.

— Вы,—начала она медленно, чуть слышно,—любите ее?

Рискованный вопросъ дался ей съ трудомъ; онъ вызвалъ вѣроятно, бѣготню мурашей на лилейный лобъ: стыдливыя мураши чувствовались въ самомъ голосѣ обожаемой,—затрудненномъ и сдавленномъ.

— Мнѣ кажется...

Набросковъ хотѣлъ сказать: „Мнѣ кажется, что я еще впервые такъ мучительно, глубоко, такъ всецѣло захваченъ любовью,—этой любовью, этой страстью, непонятной и предосудительной... „Но не сказалъ этого, все еще дорожа яснымъ свѣтомъ лучезарныхъ синихъ глазъ. Соображая, почему это Зинаида Михайловна сегодня ни разу не назвала его Васей, онъ хладнокровно, почти дѣловымъ тономъ докончилъ прерванную раздумьемъ фразу: „мнѣ кажется“.

— ... что—да!

Молчанье снова разъединило друзей, отдавшихъ каждый собственнымъ думамъ, соображеніямъ, планамъ. Уличный шумъ, глухой рокотъ колесъ, отдававшійся въ дрожи паркета, въ ляганьи стакана и чашки о блюдца, мучительно напоминалъ жертвѣ любви, что уже пробилъ часъ пытки, безъ которой нѣтъ силъ обойтись; что двѣ узкія ручки съ обгрызенными ногтями уже заняты, конечно, приведеніемъ въ нищенски-кокетливый видъ оконной занавѣски, коробочекъ на комодѣ, постели,—узенькой, смиренной, но роковой, какъ бездна, постели... Что пара загадочныхъ глазъ уже зажгла въ своей черной глубинѣ искры; что, однимъ словомъ, Зиночка уже беспокоится, трепетно прислушиваясь.

не шагают ли по лѣстницѣ чьи-то лѣнныя ноги. И, думай не думай, а плестись „туда“ необходимо.

Онъ сталъ приподниматься, какъ разслабленный, но тотчасъ же снова упалъ въ кресло, охваченный стыдомъ, злобой на себя, отчаяніемъ.

— Чѣмъ же, чѣмъ все это кончится?—прошепталь онъ съ тоской.—Буря бы грянула, что-ли!.. Почему не разразится катаклизмъ какой-нибудь,—пожарище, смерть, наводненіе, которое смыло бы все?!

Зинаида Михайловна вышла изъ задумчивости, кончила свои соображенія, встала, заторопилась.

— Ахъ, я и забыла совсѣмъ!.. Знаете, вы меня простите,—я васъ не задерживаю болѣе.—Мнѣ нужно сейчасъ поѣхать въ... Вы куда, Василій Степанычъ, въ какую сторону?

— Я?—поднялъ онъ голову—Я—туда!

И отчаянно махнулъ рукой.

— То-есть, куда-же собственно?

— Туда... Въ конецъ Невскаго... Къ Знаменской,—глухо добавилъ Набросковъ, прибѣгая къ безсознательной лжи...

— Вотъ и отлично!—Поѣдемъ вмѣстѣ... Но я... не стѣсняю васъ?—вкрадчиво справилась Зинаида Михайловна.

— Ёдемъ,—согласился онъ поднимаясь.—Стѣсняться мнѣ передъ вами не къ чему;—вы докторъ, я больной. Грѣхъ мой предъ тобою,—горько усмѣхнулся онъ, беззаконіе мое есть выну... Я слѣзу у Пушкинской.

— Ахъ, вотъ какъ!—еще того лучше.—Мнѣ какъ-разъ въ Пале-Рояль. Тамъ остановилась одна моя бывшая одноклассница, Макарова... Помните Макарову?

— Помню. Каштановая такая... Изъ Белебея... Да, да,—помню... Но, Зинаида Михайловна... Если и она помнитъ меня, то... Забудьте при ней обо мнѣ, не говорите, что я живу въ Питерѣ.—Мнѣ мучительно видѣть знакомыхъ.

На площадкѣ у памятника онъ распростился съ другомъ и исчезъ въ воротахъ, теперь встрѣчавшихъ его уже привѣтливо, какъ закрѣпощеннаго данника. Уходя отъ Зинаиды Михайловны, остановившейся у воротъ, онъ подумалъ о томъ, что лучезарные смотрять ему вслѣдъ, но насколько этимъ не встревожился.

„Что-жъ?.. Пускай!.. Все равно... Пусть знаетъ она мѣстонахожденіе того застѣнка, гдѣ гибнетъ на духовной дыбѣ отвергнутый ею человѣкъ!.. Не она ли, прежде всего, виновата въ томъ, что мнѣ пришлось опуститься такъ низко, влачить свою любовь по самому дму социальнаго балакиря, пасть до его подонковъ?!“

Прошла недѣля и еще три дня.

Въ теченіе этой недѣли все было по прежнему: любила Зиночка съ нарастающей страстностью; покорно терпѣла сладкія пытки обожествленія Набросковъ, терзая себя вопросомъ, что будетъ?.. Раза два за эту недѣлю ходилъ въ Кирпичный, желая напомнить тамъ о своихъ терзаніяхъ; но Зинаида Михайловна съ безсердечной холодностью избѣгала разговора о сердечныхъ дѣлахъ друга, упорно сводя рѣчь на свои неудачи: ея хлопоты, поддержанные всѣми ея благопріятелями, успѣха не имѣли.—„Вотъ они друзья!“—злобылся Набросковъ. „Она и знать не желаетъ о моихъ кромѣшнихъ мукахъ!.. Чуждъ я ей!..“ И, отрясши прахъ Кирпичнаго отъ ногъ, влачилъ ихъ на Пушкинскую, гдѣ о немъ хотѣли знать страстно, лихорадочно. Зиночка, какъ бы въ какомъ-то предчувствіи, „хваталась“ за свою любовь съ отчаяннымъ нетерпѣніемъ, пылала, горѣла, сгорала, зажигая остывающаго любовника. Она стала еще ревнивѣе къ минутамъ его отсутствія: забла въ сумерки на Гороховой, поджидая Наброскова у студіи, нашла столовую съ поставкой обѣдовъ на домъ и очаровательно накрывала свой собственный треногій столъ, розовѣя отъ счастья угощать Васю „подомашнему“. Бывшій Чайльдъ-Гарольдъ, обезсилѣвъ отъ собственнаго безволія, уже подумывалъ иногда, любясь милой и любящей хозяйкой, что „не все-ли [равно?—буду жить съ нею!.. Богатая натура. Золотое сердце. Хорошенькій умокъ, которому не хватаетъ только развитія... Что же касается до прошлаго,—надо забыть!—Въ этомъ то и подвигъ... Тѣмъ болѣе, что не ея добрая воля привела бѣдную въ ряды подонковъ...“ Впрочемъ, минуту спустя, онъ позабывалъ о величій подвига и снова начиналъ ныть: „Но что будетъ?!.“

Въ теченіе же трехъ послѣдующихъ дней кромѣшныя муки вступили въ новый, совершенно непредвидѣнный фазисъ, и Набросковъ уже не разставался съ болѣзненнымъ желаніемъ опуститься на полъ, даже на мостовую, даже на грязную мостовую, кѣсрую онъ неустанно гравилъ эти три дня. Зиночка исчезла. Ея не было дома въ обычный часъ сумерекъ, она не возвращалась и ночью. Сгорая отъ уязвленнаго самолюбія, молодой человекъ лезилъ въ таинственной передней кого-нибудь изъ таинственныхъ обитателей квартиры, не глядя на пойманнаго, спрашивалъ, гдѣ Зиночка, не возвращалась-ли; ему стѣбали уклончиво, неопредѣленно и спѣшили исчезнуть за перегородками.— „Была, возвращалась, куда-то ушодши, не мжно досконале

знать того, обвините гаспадинъ"... И онъ сходилъ съ ума въ одиночествѣ, глубоко пристыженный, раздавленный неожиданнымъ одиночествомъ, и шелъ по стогнамъ столицы, размыскавая бѣглянку...

Не сразу, впрочемъ, грянула эта катастрофа,—были предвѣстники.—Въ одну изъ послѣднихъ ночей передъ бѣдой Зиночка впала, безъ всякой видимой причины, въ страшнѣйшую меланхолію отчаянно-страстного характера. Ея порывы были безумны, ласки жгучи, и она предавалась имъ точно въ отчаянной тоскѣ передъ казнью, прерывая ихъ рыданіями, отъ которыхъ конвульсивно билось ея тѣло. Она каталась по полу, едва сдерживая дикіе стоны, рвала волосы, вскакивала въ какомъ-то ужасѣ, кидалась къ молодому человѣку и билась о его грудь головой, нервно рыдая... Эти нестерпимыя муки загадочной дѣвушки дважды кончались истерикой, возбуждавшей сочувственный шорохъ за перегородками; но Зиночка овладѣвала собой и снова начинала рыдать и лобзать, стонать и мучиться въ полномъ сознаніи. Ночь была по-истинѣ адская... Даже Набросковъ оказался перепуганнымъ до послѣдней степени: онъ умолялъ Зиночку отпавить его за докторомъ. Но она и слышать не хотѣла о разлукѣ съ нимъ, хотя бы на одну минуту.—„Ты мой... мой!“—шептала она, задыхаясь, глядя на него безумными глазами, пламя которыхъ жгло его, мучило и счастливило, какъ никогда раньше.—„Нѣтъ, нѣтъ, я не больна, я нисколько не больна... Не уходи!.. Не покидай!..“ Онъ былъ разбитъ ея непостижимо-отчаянными ласками, удрученъ ея жгучей скорбью до потери силъ. И, переживъ эту адскую ночь, они спали какъ мертвые до сумерекъ.

Въ дальнѣйшемъ, ея поведеніе круто измѣнилось и выразилось въ подробностяхъ, которыя всякій неаинный человѣкъ счелъ бы опасными. Зиночка такъ же внезапно, такъ же безпричинно, стала холодна, замкнута, казалась утомленной, пресыщенной, хотѣла больше всего спать... Набросковъ, скучая безъ ласкъ, отъ пламени которыхъ ныль еще сутки назадъ, небрежно заигрывалъ съ мудреной дѣвушкой, но отвѣта не получалъ: она отстранялась съ тонкой улыбкой, нисколько не похожей на прежнюю. Когда же онъ, чувствуя на себѣ ея магнетическій взглядъ, поворачивалъ голову съ довольной улыбкой ожиданія, Зиночка опѣшила потупить, отвести глаза, глядѣла въ сторону, съ искорками непонятнаго веселья въ этихъ демоническихъ глазахъ. А въ послѣднюю ночь она даже смѣялась... Смѣялась тоже безпричинно, но весело; такъ смѣялась какимъ то сво-

Имъ смѣхомъ, что ея матово-блѣдное личико становилось возбуждающе красивымъ. Насмѣявшись же, она намекнула любовнику о необходимости переночевать нѣсколько ночей безъ него и спокойно простилась съ нимъ; поцѣловала его, но ея поцѣлуй былъ холоденъ на этотъ разъ.

Набросковъ, вспомнивъ, что у него есть своя квартира, и шагая въ Коломну, всю дорогу раздумывалъ о страшной пережвѣ съ Зиночкой.— „Такая непослѣдовательная, капризная натура!.. Самъ Мефистофель не въ силахъ предугадать, что выкажетъ въ слѣдующую минуту эта дѣвушка, съ загадочной и крайне интересной душой!..“

Долго онъ раздумывалъ о томъ, что способна выказать эта загадочная душа, получившая въ его глазахъ новый интересъ. Только о томъ не могъ онъ подумать, что она выкажетъ гнусную безпорядочность собаки, которой захотѣлось вернуться ad vomitum.

И она вернулась ad vomitum!—въ этомъ уже не могло быть сомнѣнiя. Бродя по стогамъ въ безплодныхъ поискахъ, Набросковъ имѣлъ достаточно времени надумать именно это объясненiе для бѣгства Зиночки. Она никуда не убѣгала, а скрывается лишь отъ него, избѣгаетъ его. Какой позоръ! какой стыдъ!.. Какъ хотѣлось бы упасть, ползти по грязи!.

Шагая безъ плана, туда и сюда, съ утра до поздней ночи, Набросковъ чувствовалъ, что у него на шеѣ, на плечахъ, за спиной нависли тяжелыя гири, которыя заставляютъ его ходить медленной поступью грузчиковъ, носящихъ огромныя тюки по мосткамъ пристаней на Бѣлой, еле двигая ногами. Нѣтъ аппетита, исчезло желанiе дѣлать что-либо, думать о чемъ-нибудь, кромѣ обиды. И нѣтъ никакой возможности облегчить душу жалобой кому-нибудь.—Кому?! Кому сказать о своемъ позорѣ!.. Безъ всякаго повода съ его стороны, безъ ссоры, безъ малѣйшаго неудовольствiя межъ имъ и Зиной... или Варей, что-ли?—она грубо, подло, мерako измѣнила своей рабской страсти, растопталъ, вбила въ позорную грязь свой культъ, нагло, безсовѣстно насмѣялась надъ нимъ!.. Ну, какъ это онъ могъ допустить себя до такого униженiя? Какъ онъ могъ повѣрить ея любви?! Стоила-ли ея любовь той оцѣнки, которую онъ, дур-ракъ, ей далъ!.. И, хуже всего,—онъ чувствуетъ, что лишешъ, необходимаго, что готовъ любить ее...

Гдѣ она, гдѣ?.. Въ какихъ гнусныхъ нѣдрахъ этого проклятаго города влачить она по грязи свою и его святиню, нагло хохоча надъ обманутымъ простакомъ?.. Гдѣ она?... И съ кѣмъ она?.. Съ кѣмъ, съ кѣмъ?!

Обиднѣ всего то, что... это всего обиднѣ!—Предпочла!.. Нашла лучше!

Однажды вечеромъ онъ долго сидѣлъ въ комнатѣ Зиночки, слышась перестроекъ и затавшихся за ними таинственныхъ жильцовъ, прислушиваясь къ шагамъ по лестницѣ, трепетно и безнадежно ожидая, не придетъ-ли, не вернется-ли... Потомъ, уже около [одиннадцати, сорвался съ мѣста, поквнулъ темную комнатку и побѣжалъ на Невскій; гдѣ бы онъ ни бродилъ въ поискахъ Зиночки, Невскій въ концѣ-концовъ былъ тѣмъ пунктомъ, который составлялъ и отправную и заключительную точку: на Невскомъ, казалось ему, онъ скорѣе всего поймаетъ гнусную тварь. Но онъ могъ бы не срываться съ мѣста, а сидѣть на немъ съ тѣмъ же успѣхомъ: какъ и во всѣ предыдущіе вечера, отправной и заключительный пунктъ, отъ Знаменской и до Адмиралтейства, изобилуеалъ тѣнями, среди которыхъ не было лишь Зиночки. Она исчезла, она скрывается..

— А!.. Такъ хорошо же!.. Не думай, мерзкая дрянь, что я стану скорбѣть о тебѣ, жалѣть о твоихъ поцѣлуяхъ!.. Продажныхъ поцѣлуевъ, какъ твои, накуплю здѣсь сколько угодно!.. Я докажу тебѣ, что умѣю платить равноцѣнной монетой!—Вотъ онѣ, твои сверстницы!—пусть будутъ онѣ и твоими соперницами, конкурентками по торговлѣ!..

Прошептавъ почти сквозь слезы эту угрозу, Набросковъ пустился догонять и обгонять [конкурентокъ Зиночки, придирчиво разглядывая ихъ лица. Десятки паръ недурныхъ и заурадныхъ глазъ притворно заискали въ отвѣтъ на его дерзкіе взгляды, дюжины губъ шептали ему вслѣдъ ципыньку... И она гдѣ-нибудь играетъ своими чудными глазами, и она гдѣ-нибудь шепчетъ въ этотъ мигъ „ципынька“... О, чортъ ее возьми!—какъ это досадно... Если, конечно, не нашла другого простака на мѣсто его, Наброскова, что кажется еще досаднѣе... Ну, да ладно!—Будетъ съ нею!—Полно!..

Онъ съ удвоеннымъ нетерпѣніемъ принялся выбирать женщину, чувствуя, какъ кипитъ измученное обидой сердце. Всѣ онѣ одинаковы, не лучше и не хуже ее. Надо взять любовь и учинить оргію, съ утонченнымъ, обдуманымъ неистовствомъ. Объ одномъ лишь позаботится онъ: о гарантіи собственнаго здоровья. Купить у продажной женщины право осмотрѣть ее до ничтожнѣйшаго волоска, и это наслѣдованіе будетъ имѣть прелесть цинизма.

Но выборъ не удался. Большинство изъ этихъ тѣней было ему уже знакомо, неоднократно уже возбуждало въ

чемъ отвращеніе вчужѣ... Въѣ казались скверными, наглыми, жалкими, пошлыми и дурными, дурными...

Погода стояла отвратительная, гнилая, прѣзривающая. Изморозь прогоняла съ Невскаго публику, рѣдѣли и тѣни. Приходилось сознаться, что отмстить безсовѣстной не такъ-то легко, какъ это казалось: душа претила...

Вдругъ, на углу Владимірскаго, обрисовалась изящная фигура, привлекавшая вниманіе Наброскова стройнымъ шагомъ, легкой и непринужденной походкой. Она была въ мѣховой кофточкѣ красиваго покроя, въ боа, въ маленькой гагачьей шапочкѣ и шла поспѣшно, не озираясь на прохожихъ. Набросковъ догналъ ее и сказалъ глухимъ, невеселымъ голосомъ:

— Гуляете, кажется? Позвольте проводить!

— Можно,—отвѣтила она, не оглянувшись.

— Идемте!—сказалъ онъ совсѣмъ ужъ замогильнымъ голосомъ, беря ее за локоть.

Она оглянулась на него, очевидно, испуганная мрачнымъ тономъ приглашенія и отняла руку.

— Виновата!—Вы не студентъ?—спросила она. У ней былъ красивый голосъ, звучный и мягкій.

— Хотя бы и такъ. Вамъ то не все ли равно?

— Pardon,—тихо, но рѣшительно сказала она, уходя отъ него.

— Что это значить?—оживился Набросковъ, метнувшись за ней въ искреннемъ изумленіи отъ ея тона, отъ ея безукоризненнаго произношенія.

— Позвольте, что это такое?.. Куда вы, кто вы?.. Я васъ прошу!

— Вамъ то не все ли равно?—повторила она его фразу, проведя рукой по направленію къ двумъ встрѣчнымъ и тремъ попутнымъ тѣнямъ.

— Но, позвольте!—остановилъ ее Набросковъ, вѣжливо придерживая ея руку.—Если такъ, то... Мнѣ крайне интересно.. Я прошу именно васъ!

— Не могу!—Она рѣшительно мотнула головой и отдернула руку.

— Я не пушу васъ, пока вы не будете добры объяснить, что все это значить...

— Но, разъ вы студентъ, то...

— Я не студентъ, я художникъ.

— А, если такъ,—дѣло другое. Идемъ.

Она сама взяла его подъ руку и повернула назадъ, въ сторону Владимірскаго.

— Почему вы боитесь студентов?—спросилъ Набросковъ.

— Не боюсь, а... Если говорить откровенно,—ненавижу.

— Но почему же?

— Видите ли, мой миленькій... Я же люблю откровенничать съ первымъ встрѣченнымъ, но вы мнѣ немножко нравитесь, и я сдѣлаю для васъ исключеніе: поболтаемъ. Надо вамъ сказать, что я имѣю основаніе ненавидѣть людей образованныхъ, ученыхъ, студентовъ. Среди студентовъ, нѣтъ сомнѣнія, масса честныхъ, которыми, какъ говорится, будетъ гордиться родина, но есть и негодяи, которые станутъ въ свое время господами-ташкентцами, Балалайкиными... Будутъ и попечители учебныхъ округовъ. У меня же есть глубокіе мотивы ненавидѣть особенно сихъ послѣднихъ!—закончила оригинальная тѣнь съ горечью.

— Кто вы?—воскликнулъ Набросковъ, пятась.—Вы интеллигентная женщина?

Онъ посмотрѣлъ прямо ей въ лицо. Она была очень недурна, хотя и не молода. Ея профиль, тонко очерченный носъ съ небольшою горбинкой, красивый ротъ и энергичные каріе глаза свидѣтельствовали, что она въ молодости была совсѣмъ красавица. Осмысленное лицо этой тѣни поразило Наброскова выраженіемъ увѣренности, которой не удержишь на подкрашенныхъ личинахъ, выдающихъ свою профессію безпокойной ласковостью взгляда.

— Въ сущности, васъ этотъ вопросъ долженъ бы интересовать менѣе всего,—отвѣтила она съ гримаской презрѣнія. Смягчивъ улыбкой свои слова, она прибавила съ легкимъ смѣхомъ.

— Вамъ то не все ли равно?

— Но это... ужасно!—прошепталъ молодой человѣкъ, содрогнувшись.

— Э, послушайте!—возразила она съ нетерпѣніемъ. Кончимъ, ко взаимному удовольствію, наши интересы и раскладываемся. Если вы расположены отъ избытка гражданскихъ чувствъ меня исповѣдывать, то у меня нѣтъ рѣшительно никакой охоты слушать въ сотый разъ о бѣломъ бычкѣ. Мы потеряемъ время. Угодно вамъ... проводить меня?

— Ахъ, да поймите же, это меня поражаетъ!.. Не могу же я такъ!.. И безъ того я настроенъ такъ скверно, а тутъ къ тому же... Но... Это, ей-богу, какая то мистификація!

— Да?—разсмѣялась она.—Ну, если только опасеніе мистификаціи останавливаетъ васъ, прекрасный молодой чело-

вѣкъ, то нѣтъ ничего легче, какъ раскрыть нашу загадку. Насъ это не задержать болѣе получаса.

— О, пераставьте!—вымолвилъ Набросковъ съ тоской.— Вы усиливаетесь быть гривуазной. Это мнѣ бьетъ по сердцу.

— Ахъ, боги!.. Вотъ какой чувствительный!.. Вы меня, откровенно, нѣсколько интригуете: Eh bien, стамемъ in-pocentes, когда такъ.— Красавецъ, хотите подарить вашу благосклонность кроткой Хлоѣ... Мы укроемся подъ сѣнь струй Совѣмъ недалеко: Московская, номеръ шестой.

— Нѣтъ, простите!.. Это съше мѣихъ силъ! Простите, что такъ случилось... Но моя судьба вѣчно обманываться въ выборѣ.

— Жаль!—сказала она, оставляя его руку.—И не ступать, и не полезный человѣкъ... Сугубо жаль!

— Да кто же вы?—снова догналъ ее Набросковъ. — Кто вы, скажите?—молилъ онъ тоскливо.

Она осталась вилась, посмотрѣла ему въ опечаленные глаза.

— Слушайте,—начала она, хмурая тонкія брови,—откровенно, вы мнѣ весьма нравитесь. Я не прочь бы провести съ вами вечеръ... Нѣтъ, не подъ тѣнью струй! — гадливо вставила она,—по-пріятельски. Замѣтно, что у васъ есть горе: оно сказало въ вашихъ первыхъ же словахъ; намъ было бы о чемъ поговорить сообща... Но, видите ли... Мнѣ до зарѣву вужно пять рублей на завтра, и я должна... ихъ найти, не теряя времени.

— Возьмите у меня эти проклятые пять рублей!—горячо воскликнулъ Набросковъ.

— Ah, merci!.. Отъ сердца,—спасибо! Но взять я не могу безъ права на эти деньги. Это, видите ли, тоже свыше силъ моихъ. Къ моему несчастью, у меня сохранились еще принципы, и я дорожу ими: они поддерживаютъ во мнѣ человѣка.

Голосъ ея дрогнулъ; торопливо шепнувъ „прощайте“, скользнувъ рукой по рукѣ молодого человѣка, она побѣжала прочь, какъ-будто боясь, чтобы не... не потерять драгоценныхъ минутъ, конечно.

Набросковъ былъ ошеломленъ этой встрѣчей. Онъ прислонился въ стѣнѣ дома на Владимірской, близъ котораго покинула его собесѣдница, и подмывалъ глаза. Черное небо, повисшее надъ рядами высокихъ домовъ, надъ проспектомъ съ его широкой рѣкой неподвижнаго и яркаго свѣта, смотрѣло задумчиво и сурово.—„Еженощно вижу я,—какъ будто говорило это сурово-задумчивое черное небо,—много потрясающихъ тайнъ гиганта-города, но молчу, тяжело, хмуро

молчу. Я покрываю великій челоѣческій омутъ. Я вижу въ немъ миллионъ кишачихъ тварей, ничтожныхъ на днѣ, чудовищно крупныхъ на поверхности. Горе ничтожнмъ!“

Зячечка, ея измѣна, какъ-то утратила рѣзкія, колющія очертанія, отодвинулась въ глубину разстроенной души. Сама она, быть можетъ, хохочущая надъ намъ въ этотъ моментъ, представилась трогательно-блѣдной, печальной жертвой, которую уже ждуть холодные когти горя ничтожнхъ. Набросковъ ощутилъ, какъ широко всколыхнулось у него сердце. И поплелся...

XVIII.

Онъ поплелся куда-нибудь промочить горло,—его мучила сильная жажда, давила ломота, предвѣщавшая лихорадку. На Литейномъ, неподалеку отъ Невскаго, два большія окна кидали яркій свѣтъ на тротуаръ; онъ пошелъ къ нимъ, увидѣлъ биргалку, вошелъ. Заведеніе было небольшое, но приличное и чисто содержимое. Посѣтителей же почти уже не оставалось, за однимъ столомъ сидѣли какіе-то нѣмцы съ „цайтунгами“ въ рукахъ; за другимъ, поодаль,—двѣ дамы, изъ которыхъ одна была ярко одѣта и сидѣла прямо, не шевелясь. Онъ спросилъ кружку пива и упалъ на стулъ.

— Э?—услышалъ онъ изумленный окликъ сзади себя и оглянулся. Въ двери показались трое почтенныхъ старичковъ чиновничьей внѣшности, которые прошли къ столу напротивъ дамъ, въ двухъ шагахъ отъ стола Наброскова. Но не они, конечно, окликнули Наброскова, и не нѣмцы: окликъ былъ похожъ на женскій, хотя и низкій голосъ. Набросковъ повернулъ голову въ сторону двухъ дамъ. Одна изъ нихъ, немолодая, но съ румянами на широкомъ лицѣ, смотрѣла на него и пріятельски улыбалась.

— Э?—повторила дама вопросительно.—Мы что-то сегодня носъ повѣсимши?

Набросковъ не отвѣчалъ, такъ-какъ она была совершенно ему незнакома. Она же продолжала смотрѣть прямо на него съ тою же улыбкой, широкой и сочувственной. Ему живо вспомнился вадрогнувшій на послѣднихъ словахъ голосъ тѣни, которая такъ широко всколыхнула его сердце поспѣшнымъ бѣгствомъ, и онъ взглянулъ на даму внимательно, пытливо.

— Что же не съ Варэй?—прошептала она, подавшись къ нему. Похлопавъ двумя пальцами о край своего стола, она указала на свободный стулъ.

— Присядьте-ка съ нами!—пригласила она.

Набросковъ содрогнулся при вопросѣ о Зиночкѣ.—„Знаюты! Всѣ уже объ этомъ знаюты!.. Но, можетъ быть, не знаетъ ли эта, гдѣ, съ кѣмъ та?“

Онъ не пересѣлъ, а, выпивъ кружку разомъ до капли, подошелъ къ столу двухъ женщинъ и оперся въ него руками. Говорившая съ нимъ, легкаго поведенія особа, смотрѣла на него живыми и пріятными глазами, уже въ гусиныхъ лапкахъ по вискамъ, пожилая, но еще въ соку,—полнотѣлая и крѣпкая. Съ такимъ лицомъ, не красивымъ, но пріятнымъ и добродушно плутоватымъ, дебелая тетушка могла еще рассчитывать на выгодную практику при какихъ-нибудь загулявшихъ подрядчикахъ по плотничной, по извозной части, цѣмлящихъ веселую, бойкую на языкъ, неутомимую въ попойкахъ хай-бабу. Та, что сидѣла противъ нея, молодая дѣвица въ вычурно яркомъ костюмѣ съ модной картинки, въ огромной шляпкѣ со снопомъ цвѣтовъ и бусъ на проволокахъ, дрожавшихъ самопроизвольно, была очень красива. Ее можно было-бы назвать совершенной красавицей, если-бы ея лицо, безпощадно накрашенное, не напоминало восковую голову на окнѣ парикмахерской,—оно было лишено рѣшительно всякаго выраженія. Тупы и бессмысленны были и ея красивые каріе глаза, скруженные пятнами сурмиль, холодными и тупыми казались пухлыя маленькія губы, ярко-пунцовыя отъ помады. Антипатичнѣе такой красоты молодой художникъ не могъ бы ничего себѣ представить, если бы имѣлъ расположеніе въ эту минуту представлять себѣ красивыхъ женщинъ.

— Вы... знаете?—спросилъ онъ добродушную хай-бабу, не сумѣвъ договорить, о чемъ началъ вопросъ.

— Васъ то? Знаю немножко!—подмигнула тетушка, всколыхавъ дебелыя плечи утробнымъ смѣхомъ.—А вы вотъ что, миленькій,—велите-ка намъ съ Груней дать по кружкѣ... Вотъ спасибо!—расплылась она въ пріятной улыбкѣ, увидѣвъ три поднятые пальца, которые Набросковъ показалъ мальчику.

— А знаю-то я васъ по тому случаю, что слушала васъ съ превеликимъ удовольствіемъ,—начала дебелая.—Эхъ, миленькій!.. И расчудесно же вы говорили... То есть такъ вы меня задѣли вашими хорошими словами за самое сердце, весь вечеръ плакала!.. Какъ вспомню эти ваши слова, такъ и зальюсь, такъ и зальюсь!..

Она, не переставая улыбаться, пролила пару слезинокъ, отпила изъ поданной кружки и размашистымъ жестомъ

встукнула себя по могучей талии, указуя самое сердце. Смигнувъ слезинки, снова хлебнула пива и продолжала:

— Хорошее у васъ сердечико, милый!.. Образованныхъ людей, которые понимающие, видно сразу.—Входите вы въ положеніе нашей сестры. Большое, большое спасибо вамъ, миленькій!

Снова взявшись за кружку, она кивнула красивой маскѣ, сидѣвшей неподвижно.

— Пей, Груня... Чего ты?

Деревянная красавица открыла изящный пунцовый ротикъ и, лѣниво гнуса металлическимъ, чистымъ голосомъ, ни съ того, ни съ сего обругала толстущку отборной цинической бранью, не выразивъ на неподвижномъ лицѣ ни злобы, ни оживленія.

— Подъ ты... Знаютъ и безъ тебя.

Набросковъ вскинулъ на нее глаза съ испугомъ; тетушка же не обратила никакого вниманія на бурлацкую брань красавицы и снова обратилась къ молодому человѣку.

— Только-то я вамъ скажу, милый,—хороши ваши слова за сердце щиплютъ, а ни къ чему!.. Тѣ, значить, которые изъ насъ, стало быть, съ совѣстью, и не думай образчатца!.. Ничего не выйдить милый!.. Одно огорченье!.. Возьмите, къ примѣру, боченокъ изъ-подъ керосину: крѣпкій огонь, прочищающій, а куда его дѣтъ, кромѣ какъ подъ керосинъ же опята?.. Такъ и наша сестра,—бочата керосиновые!..

Маска снова загнусѣла и выдѣлила изъ прекрасныхъ губокъ витѣватое сквернословіе, отъ котораго запылали уши у Наброскова. Огонь смущенно провелъ глазами черезъ плечо. Одинъ изъ чиновниковъ повернулся на стулѣ въ ихъ сторону и уже не спускалъ глазъ съ безжизненной маски. Раздражали ли ее слова дебелиой, было ли вычурное сквернословіе единственной формой человѣческой рѣчи молодой красавицы?—постичь не представлялось возможнымъ: ни единая черта ея лица не мѣнялась при этомъ отчетливомъ, но мирномъ сквернословіи.

— Съ инымъ съ кѣмъ ни на есть,—снова заговорила тетка, —ни за сто раковъ говорить не почла бы, ну а съ вами,—надо; надо поговорить!.. Потому—какъ вы сердце чувствительное имѣете, милый. И вотъ, сталъ быть, расскажу я вамъ, что пыталась я обратиться. Солдатка я была, изъ деревни. На старикѣ у меня—родные, домъ, обзаведенье, братья... Ежели бы мужа не забрали, жила бы я съ нимъ по сію пору честно, по-божески. Ну, а какъ взяли его въ солдаты, на второмъ году,—за другого забрали,—ждала, ждала я его, по молодому

дѣлу, и—въ столицу! А у него ужъ тутъ приехена, меня ужъ и на глаза не лущаетъ... Хучь помирай голодомъ,—такое мое сиротское дѣло!.. И въ семьѣ безъ мужа я—непристаль!.. Билась, билась я, по заводамъ работала, въ кирпичныхъ сараяхъ, на Калашниковой мѣшки шила... Работа школая, а заработокъ—грошъ да копа!.. У меня же дѣвченка по третьему году. Что ты будешь дѣлать?.. Вы нашего мужичьяго положенья не знаете?—мужъ со двора, жена—въ мяля! Последняя лошадь легче живетъ!.. Думаю: что-же?—что домой, что въ могилу... Эхъ, была не была!—махну-ка по всѣмъ по тремъ, коли ежели мужъ родной дорогу покажетъ!.. Да и махнула, такимъ манеромъ,—хе, хе!..

Она вытерла глаза, а красавица еще разъ прогнуслась трехэтажное сквернословіе. Это вывело изъ себя молодого человѣка. Онъ повернулся къ ней, красный отъ стыда и негодованія.

— Послушайте, бросьте же безобразничать!.. Въдъ вы женщина!

Маска не дрогнула ни единымъ мускуломъ; но уже не открывала больше пунцовыхъ губокъ и осталась до ухада въ своей деревянной неподвижности, напоминая гениальное произведение базарнаго скульптора. Только цвѣты и нанизанные шляпки, нервно дрожа, свидѣтельствовали о своей принадлежности живому человѣку. Тетка продолжала:

— Вотъ махаю я и махаю. Дочь выросла, пошла своимъ чередомъ гулять. Тутъ я и засомлѣвалась.—Что-же, думаю: ради дочери грѣхъ на душу приняла, а ее отъ своей бѣды не вызволила... Брошу! Пойду въ село!—Пошла...

Она остановилась и вскинула глазами въ сторону чиновниковъ. Одинъ изъ нихъ,—тотъ, что не спускалъ взгляда съ маски, поднялся, кивнулъ ей на дверь и отправился самъ на улицу. Тетка вполголоса сказала красавицѣ:

— Груня,—позвалъ!

Красавица встала и размѣренно-легкимъ шагомъ пошла за старикомъ, безучастная ко всему, съ равнодушнымъ лицомъ... Лишь нанизанные бусы дрожали и бились на прекрасной шляпкѣ.

— Пошла я въ село, упала въ ноги свекору, стала жить. Мука!.. живу манашенькой, вина-пива не пью, встаю до кочетовъ, ложусь въ полночь,—работаю, что быкъ... А совѣсть говоритъ мнѣ: „непристаль ты, непристаль!“ Да и люди добрые: пока все тихо, мирно,—ничего, будто и не замѣчаютъ, что я тутъ; а чуть-что не лады,—сейчасъ мнѣ чигень: „ты кто?—Вотъ ты кто!“ Билась года полтора, терпѣла... Топиться.

думала... А потомъ,—э!... была не была,—повидалася!—зпять на свою путь!...

Она разсмѣялась до слезъ, потомъ вздохнула и закончила.

— Нѣтъ, милый, — лѣвъ груздь въ кузовъ, коль ты груздь!.. Тѣ, которыя дуры, или еще вотъ безстыжія,—тѣмъ легко образчатца: все равно имъ. Или, еще скажемъ, полюбить, къ примѣру, какая. — Ну, тутъ иной разговоръ. Только нѣтъ такихъ, которыя полюбили бы порядочнаго человѣка!—все больше себѣ же на горе... Дармоѣдовъ, лодарей, мазуриковъ,—съ нашей же сестры сосугъ.. И тебѣ поби, и, голодъ, а то и ножъ въ тязиво!.. Вотъ какъ!.. Такая ужъ доля, сталь быть.—А говорили вы, милый, хорошо! Очень хорошо! Трогательно!

Она, повидимому, ничего не знала о Зинчкѣ: при ея словоохотливости тетка не сумѣла бы смолчать о подругѣ молодого человѣка, если бы ей было извѣстно что-нибудь. Расспрашивать же у ней о Зинѣ Набросковъ счелъ недостойнымъ Зины!—Даже и въ паденіи Зиночка казалась ему въ эту минуту безконечно выше и чище этихъ двухъ женщинъ. Онъ надумаль,—больше изъ вѣжливости,—спросить у добродушной тетушки, что съ ея дочерью, жива ли она, видитъ ли ее иногда неудачливая мать погибшей дочери?

— Груня то?—Да вотъ она сейчасъ пошла съ баринномъ... Духомъ обернется!—Подождете?

Набросковъ кинулъ на столъ мелочь и поспѣшилъ выйти

А. Гольдебаевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Уроки жизни.

Романъ Гюстава Жеффруа.

(Окончаніе).

VI.

Селина и Сесиль.

Съ этого времени женщины остались однѣ. Печальныя предчувствія матери въ дни осады Парижа сбылись. Мужъ въ сущности не служилъ ей поддержкой и теперь палъ такъ же, какъ и сыновья, подъ ударами таинственнаго рока, съ той лишь разницею, что онъ самъ, можно сказать, искалъ своей судьбы. Жюстенъ и Жанъ, наоборотъ, пали жертвою силы болѣе могучей, чѣмъ ихъ воля, совокупности обстоятельствъ, которыя не ими были созданы, и которыя распоряжались ими помимо нихъ, вопреки имъ. Они были убѣждены, что исполняютъ свой долгъ, слѣдуя судьбѣ. Тогда какъ несчастный старикъ просто поддавался судьбѣ и палъ побѣжденнымъ. Онъ вливалъ въ себя стаканъ за стаканомъ — вотъ вся его исторія. Ядовитые пары, каждый день помрачавшіе его мозгъ, просверлили, наконецъ, дыру, черезъ которую испарились и разумъ, и жизнь.

Какъ это случилось? Такъ опуститься, не бороться, даже не пытаться сопротивляться! Могло даже казаться, что онъ дѣлалъ это нарочно, что онъ хотѣлъ такимъ образомъ покончить счеты съ жизнью, исчезнуть и оставить на произволъ судьбы жену и дочерей. Но нѣтъ! Видно было, что ему было тяжело, что онъ захваченъ былъ злымъ рокомъ, онъ мучился отъ сознанія того зла, которое онъ самому себѣ причинялъ.

но онъ имѣлъ силы сопротивляться. Развѣ не высказалъ онъ этого своей женѣ въ ту ночь, когда вдругъ заговорилъ съ такою необыкновенною ясностью. Она вспомнила, какъ мучился несчастный. Онъ производилъ на нее впечатлѣніе пловца, который теряетъ почву подъ ногами и, чувствуя, что волна унеситъ его, не въ состояніи сдѣлать уже ни малѣйшаго усилія, чтобы спастись. Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ сознаетъ свое положеніе, и онъ сознательно осуждалъ себя, оплакивая свое безсиліе, понимая, что ему уже не вернуть здоровья, и какъ бы предчувствуя близкій конецъ, котораго теперь ничто уже не могло отсрочить.

Мужественная женщина не понимала, какъ можно безъ всякой борьбы такъ низко опуститься и безропотно покориться столь ужасной судьбѣ. Это, должно быть, такая болѣзнь, которая захватываетъ бѣдняковъ и всегда ихъ побѣждаетъ. Сколько людей, пораженныхъ ею, пытались бороться, но все-таки въ концѣ концовъ падали! И вмѣстѣ съ ними страдали ихъ близкіе—жены, дѣти. Вотъ она теперь осталась одна, одна съ двумя дочерьми!.. О, если бы Жанъ послушался ея, если бы въ послѣдній день онъ не убѣждалъ отъ нея, увлекаемый страстью борьбы на Перъ-Лашеаъ, гдѣ ему суждено было пасть мертвымъ среди мертвыхъ!.. Онъ былъ бы теперь съ ними и замѣнилъ бы имъ умершаго отца. Она говорила ему, предсказывала все, что произойдетъ, но онъ оставался глухъ къ ея мольбамъ... И она снова переживала тѣ же воспоминавія и горькія утраты.

„Встряхнись,—говорила она себѣ, надо забыть все это, надо думать о будущемъ, а не о прошломъ и постараться сдѣлать изъ дѣвочекъ хорошихъ женщинъ... Женщины! Что-то ждетъ ихъ въ жизни? Да такая же доля, конечно, какая и мнѣ досталась. Дѣти, которыя будутъ умирать, мужъ, который будетъ пить... И такъ будетъ всегда, всегда, пока міръ будетъ существовать. Людямъ слѣдовало бы стать разсудительнѣе, нужно, чтобы они научились довольствоваться малымъ и любить домашній очагъ, а пуще всего нужно, чтобы не было больше этихъ неожиданныхъ ударовъ, чтобы не было войнъ, нищеты, чтобы не было кабаковъ, гдѣ отравляются ядомъ“...

Она предавалась этимъ думамъ и иногда повѣряла ихъ дочерямъ, но несчастная не могла найти никакихъ средствъ отъ всѣхъ этихъ золъ. Она могла только просить своихъ дѣвочекъ быть такими какъ она, да, быть можетъ, и нѣтъ другого средства, какъ зорко слѣдить за самимъ собой.

Съ радостью, доставлявшей ей нѣкоторое утѣшеніе, видѣла она, что Сесиль понимаетъ ее, и тѣ немногія слова, которыми дѣвушка кротко отвѣчала ей, обнаруживали ея старанія и прямой характеръ. О, эта фразъ не любить. Она говорила только нѣсколько словъ:

— Успокойся, мама! Ну, мама, не мучь себя!..

Но эти слова произносились такимъ голосомъ, подкрѣплялись такимъ глубокимъ взоромъ прямыхъ и нѣжныхъ глазъ, что дѣйствительно успокаивали. Да, эта будетъ благоразумна и осторожна — можно быть увѣреннымъ въ этомъ.

Но Селина! Мать никогда не знала, а теперь меньше, чѣмъ когда либо, какъ держать себя съ этой взбалмошенной натурой. Всѣ усилія убѣдить ее рушились, разбивались объ этотъ упрямый лобъ, за которымъ происходила какая-то беспорядочная работа самаго легковѣснаго мозга. Казалось, она даже не слышала того, что ей говорили. Какъ бы ее ни уговаривали, ни увѣщевали, отъ нея ничего нельзя было добиться. Ея красивые глаза казались пустыми, а прелестная головка — безъ единой мысли. Мать узнавала въ ней веселый нравъ и легкомысліе отца, его вѣтренность и нерѣшительность. Но это вѣдь не мужчина, а слабая дѣвушка, безвольная, нѣжнаго сложенія... Откуда у нея такая дочь? Остальные трое, оба умершихъ и Сесиль, были такіе серьезные! Конечно, Жюстенъ и Жанъ не стали бы пить! А Сесиль не свихнется съ честнаго пути...

Мать безпрестанно мучилась этими опасеніями, то пре себя, то высказывая ихъ, когда оставалась наединѣ съ Сесиль, которая, не смотря на свои пятнадцать лѣтъ, была гораздо болѣе разсудительна и предусмотрительна, чѣмъ двадцатилѣтняя Селина. И всегда онѣ заканчивали разговоры объ этомъ такимъ заключеніемъ:

— Мы испытали уже все, что только возможно!.. Что же еще можетъ свалиться на насъ?..

Однажды, въ часъ ночи, Сесиль и мать услышали, какъ ключъ тихо повернули въ замкъ: то вернулась Селина. Она думала, повидимому, что мать и сестра не замѣтили ея поздняго прихода. Такъ продолжалось уже нѣсколько дней. Мать хорошо видѣла по тому, съ какимъ видомъ она выслушивала замѣчанія, что ни увѣщаніями, ни лаской, ни рѣзкостью нельзя было повліять на нее, и она предпочитала, чтобы дочь возвращалась лучше поздно, чѣмъ совсѣмъ не возвращалась и оставалась одна, безъ всякаго надзора въ необъятномъ Парижѣ. Первое время мать принимала на вѣру

и „сверхурочные часы“ въ мастерской, и то, что она провожала свою товарку или ухаживала за большой подругой, и что омнибусъ опоздалъ или не было мѣстъ въ омнибусѣ. Но однажды все разъяснилось—все это были выдумки и ложь: мать застала дочь съ какимъ-то негодяемъ, который при видѣ ея скрылся съ злой усмѣшкой. Дома были упреки, слезы, ссоры. За Селиной стали наблюдать. Но на всѣ вопросы отъ нея ничего не могли добиться, кромѣ какихъ-то неопредѣленныхъ объясненій. Когда возможно было, мать поджидала ее у мастерской. Но Селина и здѣсь часто обманывала ее и отъ этого становилась лишь болѣе озлобленной, ворчливой, грубой и раздражительной. А потомъ она стала дѣлать видъ, что относится ко всему этому съ полнымъ безразличіемъ, перестала отвѣчать или напѣвала что-нибудь сквозь зубы.

Мать была не изъ робкихъ, но ей пришлось, однако, уступить упорству и пассивной силѣ дочери. Она переносила этотъ поворъ съ безпокойствомъ и муками, нѣсколько утѣшаясь тѣмъ, что Селина каждый вечеръ возвращалась домой. Сесиль тоже пробовала уговорить сестру, и она въ отвѣтъ на свои попытки получала лишь дерзости и насмѣшки.

— Не случилось бы еще чего-нибудь похуже!—говорила всегда мать, не рѣшаясь ясиѣ выразить свои опасенія.

Сесиль боялась ее разспрашивать, но отчасти догадывалась, ожидая всего отъ Селины.

Въ этотъ вечеръ женщины, по обыкновенію, дѣлали видъ, что спятъ и Селина тихо раздѣлась въ потемкахъ, думая, что онѣ спятъ. Скоро, дѣйствительно, всѣ трое крѣпко заснули.

Вдругъ мать вскочила, разбуженная страннымъ звукомъ. Она прислушалась... Ничего... Она стала съ безпокойствомъ прислушиваться. Черезъ нѣкоторое время она снова услышала тотъ же звукъ, похожій на тихое мяуканье котенка.

— Сесиль!—взволнованно позвала она,—слышишь?

Сесиль тоже прислушивалась.

— Это, должно быть, кошка забралась въ кровать къ Селинѣ. Селина, Селина, ты не спишь?

Селина, вѣроятно, спала, потому что ничего не отвѣчала. Крики возобновились,—все то же слабое мяуканье.

Мать вскочила съ постели, зажгла свѣчу и босикомъ побѣжала прямо къ тому мѣсту, откуда раздавались крики,—къ постели Селины.

Она, казалось, спала, вся блѣдная. Инстинктъ подсказалъ.

матери всю правду. Однимъ движеніемъ сорвала она съ дочери одѣяло.

Охваченная горемъ и ужасомъ, она повзвала на помощь. Сесиль вскочила и подбѣжала къ матери. Селина неподвижно лежала на спинѣ. Воалѣ нея шевелилось маленькое существо.

— Ты родила!—простонала мать.

Селина повернула голову къ стѣнѣ, не говоря ни слова. Сесиль плакала. Мать, къ которой снова вернулось ея хладнокровіе, подобрала ребенка.

— Я думала, что ты его убила!—сказала она.

И видя, что Сесиль вся дрожитъ, почти теряя сознание, она прибавила:

— Ты не можешь пойти за акушеркой.... Какъ же быть? Ну, я сама пойду. Это совсѣмъ близко. Остаешься съ Селиной и не бойся.

Поспѣшно одѣвшись, она вышла, ощупью спускаясь по лѣстницѣ.

Тогда Сесиль сдержала слезы, стараясь, какъ мать, подавить горе, и нагнувшись къ Селинѣ, пожала ея горѣвшую руку и поцѣловала ея влажный лобъ.

— Тебѣ очень больно, бѣдная Селина?

Молчаніе сестры ее пугало, и она нѣжно прибавила:

— Это дѣвочка. Не бойся, я буду очень ее любить.

Селина повернула голову, сдѣлала движеніе рукой, глаза ея опустились на ребенка, который продолжалъ шевелиться и пищать, потомъ взглянула на сестру и сказала:

— Миѣ жарко.

Дѣйствительно, крупныя капли пота покрывали лицо и руки роженицы.

Сесиль пріоткрыла окно, взяла полотенце, вытерла лобъ, ротъ, шею и плечи ея. Все это она продѣлала молча и внимательно. Ее немного пугало то, что шевелилось на простынѣ, но ей хотѣлось заставить себя быть такой же спокойной и энергичной, какъ мать. Селина продолжала жаловаться, что ей жарко.

— Пить!—сказала она.

Сесиль дала ей напитокъ.

Селина перестала жаловаться и затихла. Дитя тоже успокоилось. Тогда Сесиль рѣшилась присмотрѣться къ нему. Сердце ея забилось. Въ ея жизни появилось нѣчто новое: ребенокъ, родившійся въ домѣ матери и ея и оиѣ, конечно, будетъ принадлежать и имѣ, какъ и Селинѣ. Она мысленно уже связывала свое будущее съ новорожденной и еѣ представлялось уже, какъ она шьетъ ей платьица или за руку

ведеть гулять въ воскресенье и ей слышится, какъ ребенокъ зоветъ ее „тетя“, „тетечка“, какъ покойную тетку изъ Андильи.

Но она сейчасъ же вернулась къ дѣйствительности и помяла, что на нихъ въ сущности свалилось новое несчастье: потерянная честь, покинутая дѣвушка-мать, отчаяніе матери, испытавшей столько горя, позоръ для всѣхъ троицъ, насмѣшки и сплетни всего квартала.

— Бѣдная Селина!... Мы поддержимъ ее... Только захочетъ ли она насъ слушаться?

Послышались шаги. Вернулась мать въ сопровожденіи молодой женщины. Незнакомка сняла шляпку, пальто, потребовала бѣлья, теплой воды и подошла къ постели Селины.

— Не бойтесь, сударыня, сейчасъ все будетъ кончено!— сказала она роженицѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ постель была приведена въ порядокъ, и ребенокъ, спеленутый въ полотенца, спалъ подлѣ матери. Акушерка сказала, что придетъ опять утромъ, если же понадобится ея присутствіе раньше, чего она не думаетъ, пусть придутъ за нею, а теперь нужно только дать покой Селинѣ. Она сдѣлала необходимыя указанія относительно ребенка и ушла.

Селина, можетъ быть, и спала, но другія двѣ даже не ложились, ожидая утра. Утромъ мать стала спрашивать Селину.

— Кто отецъ?—спросила она коротко роженицу, видя, что та немного отдохнула и теперь ровно дышала и спокойно смотрѣла вокругъ себя.—Ну говори! Не трудно же имя назвать.

Селина снова закрыла глаза.

— Ну—же!

— Ты его не знаешь,—сухо проговорила, наконецъ, Селина.

— Но ты-то знаешь его! Назови его! Я хочу его розыскать. Надѣюсь, онъ не откажется отъ своей дочери. Онъ, навѣрное, честный человекъ, хороший парень,—прибавила она, видимо желая успокоить самое себя.—Вы любите другъ друга!... Не одна ты имѣла ребенка до замужества. Обѣщаю тебѣ никогда не упрекать тебя. Для меня ты вѣдь все та же дорогая Селиночка, моя дѣвочка, какъ Сесиль... Какъ мать, я готова все вынести, даже позоръ, и если это уладится, если ты исполнишь свой долгъ, все будетъ забыто.

Селина не отвѣчала, не открывала глазъ, не видѣла лица матери, столь же выразительнаго, какъ звукъ ея голоса. Лобъ упрямыцы сморщился, и на лицѣ ея было нетерпѣніе и раздраженіе.

— Значить, онъ женать!... Ну, скажи же мнѣ правду, мнѣ нужно ее знать, такъ все же лучше. Однимъ горемъ больше или меньше послѣ этого горя—сказала она, указывая на ребенка.

Селина продолжала молчать, и лицо ея дышало злобой.

— Оставь ее пока въ покоѣ; она устала, и это причиняетъ ей боль,—видишь вѣдь,—вмѣшалась Сесиль, приходя на помощь сестрѣ.

— Пусть! Но ты вѣдь знала, Селина, что ты беременна; скажи мнѣ по крайней мѣрѣ, ты такъ хорошо все скрывающая, приготовила ли ты дѣтское бѣлье?

— Нѣтъ,—лаконически отвѣтила Селина.

Сесиль съ матерью оставили роженицу, перешли въ другую комнату, розыскали старое бѣлье и весь день провели за кройкой и шитьемъ, шепотомъ бесѣдуя о неожиданной драмѣ и безпрестанно забѣгая къ большой, чтобы принести ей чего-нибудь или дать молока ребенку.

— И сказать, что я даже ничего не замѣтила!—воскликнула мать.—Иногда, она мнѣ казалась, правда, очень утомленной, но она всегда уклонялась отъ отвѣтовъ на мои разпросы. Она обманывала, какъ всегда... Талія у нея была такая же тонкая, щеки розовыя; вчера еще она такъ быстро спустилась съ лѣстницы!.. Только этого намъ не хватало! Еще лишній ротъ кормить, такъ какъ на Селину нечего рассчитывать... если только она не перемѣнится послѣ этого, хотя я сомнѣваюсь!.. Ахъ, что за позоръ для нея, для меня, даже для тебя! Сплетничаютъ даже безъ всякаго повода, а теперь ужъ и говорить нечего! Шагу мельзья будетъ ступить, чтобы всѣ не глазѣли на насъ...

— Что дѣлать, мама! Случилось несчастье, постараемся и изъ него добро извлечь,—говорила серьезная пятнадцатилѣтняя дѣвушка. Будемъ любить малютку; если у нея нѣтъ отца, то все же Селина—ея мать, а ты мать Селины.

Ребенка записали отъ неизвѣстнаго отца и назвали Викториной. Селина заговорила только тогда, когда ей нужно было дать имя, и выразила желаніе, чтобы ее такъ назвали.

Селина скоро оправилась отъ родовъ. Нѣсколько разъ ее спрашивали о томъ, кто отецъ ребенка: разъ только она отвѣтила:

— Это не твое дѣло.

Недѣлю спустя послѣ родовъ, однажды утромъ, мать и Сесиль не нашли Селины; въ постели лежалъ только ребенокъ. На столѣ, подлѣ рожка, лежалъ клочекъ бумажки, на которомъ бѣглянка написала карандашомъ двѣ строчки:

„Не ищите меня. Мнѣ хорошо теперь. Я вамъ причиною непріятности—и уйду. Мама лучше меня будетъ ухаживать за Викторинной“.

— Несчастливая!—сказала Сесиль.

Она подняла ребенка, сжала его въ своихъ молодыхъ рукахъ и, какъ бы призывая въ свидѣтели будущее, проговорила, цѣлуя въ лобикъ дѣвочку:

— Я буду твоей мамой!

Но ребенокъ сталъ чахнуть и скоро умеръ, точно его безразсудная мать унесла съ собой его жизнь. Для Сесиль это было великое горе. Обѣ женщины проводили гробикъ на кладбище и вернулись, тѣсно прижавшись другъ къ другу, въ печальный домъ, показавшійся имъ совсѣмъ опустѣвшимъ.

Онѣ побывали во всѣхъ окрестностяхъ, втайнѣ опасаясь ужасной встрѣчи. Напрасно онѣ ждали. Потомъ онѣ рѣшили покинуть этотъ домъ. Несмотря на всѣ несчастія, случившіяся здѣсь: сумасшествіе отца отъ запоя, роды и бѣгство Селины, смерть Викторины, онѣ остались бы. Въ сущности исторія ихъ была самая обыкновенная, и бѣднота привыкла къ такимъ катастрофамъ. Но бѣднота все же не всегда сочувственно и человѣчно относится къ чужому страданію, и часто сосѣди безъ всякой причины жестоко преслѣдуютъ несчастныхъ мучениковъ жизни. На этотъ разъ, впрочемъ, было не такъ. Обѣ женщины сталкивались либо съ такими людьми, которые ими не интересовались, либо съ такими, что относились съ уваженіемъ къ нимъ, къ ихъ трауру, къ ихъ скромному и приличному образу жизни. Привратница, всегда занимавшаяся исключительно своими выигрышными билетами, не была сплетницей, а жильцы дома были люди спокойные, рабочіе, приказчики, утромъ уходившіе на работу и возвращавшіеся домой лишь вечеромъ, по воскресеньямъ отправлявшіеся на прогулки и потому не имѣвшіе времени ни для состраданія, ни для злословія. Къ тому же въ домѣ одни жильцы постоянно смѣнялись другими. Старикъ Шодрошъ не приходилъ съ самой смерти отца Помье; Патерно, страстный игрокъ на скачкахъ, переѣхалъ въ другой кварталъ, а новые квартиранты не спрашивали объ этихъ двухъ женщинахъ, которыхъ почти не видно было.

Но нужда заставила мать и дочь переѣхать—онѣ хотѣли найти квартиру поменьше и подешевле, но гдѣ-нибудь въ Бельвилѣ же, или неподалеку. Была и другая причина, заставлявшая ихъ перемѣнить квартиру: Сесиль оставила ма-стерскую г-жи Бессъ, у которой она не вырабатывала на

жизнь. Случайно прочла она одно изъ приклеенныхъ на стѣнахъ рукописныхъ объявленій, что въ магазинъ въ улицѣ Лафайетъ, требуются работницы, и убѣдила мать поселиться ближе къ Бютъ Шомонъ. Вблизи парка будетъ хорошій воздухъ, много свѣта, мѣсто для прогулокъ, и онѣ, можетъ быть, снова оживутъ.

Однажды вечеромъ онѣ вмѣстѣ разыскивали подходящую квартиру и, возвращаясь съ улицы Лафайетъ, остановили свой выборъ на улицѣ Секретанъ, которая прямо поднимается къ парку.

Тутъ-то онѣ наскоро и устроились.

Эта улица Секретанъ, въ то время узкая и темная, была впоследствии расширена, вычищена, перестроена и частью уничтожена. Въ тотъ годъ часть улицы между бульваромъ Вилетъ и улицей Боливаръ представляла собою одинъ изъ самыхъ жалкихъ закоулковъ, по которымъ когда-либо ходила парижская бѣдность. Собственники домовъ и подрядчики, на которыхъ падала отвѣтственность за ужасный видъ улицы, безъ всякаго желанія вызвать соответствующее впечатлѣнiе, создали обстановку, вполне подобающую бѣдности и безпросвѣтному труду. Никакой заботы объ оригинальности не было при постройкѣ этихъ домовъ и отдѣлкѣ лавокъ, какъ не было намѣренія изобразить мелодраматическое предмѣстье приемами, принятыми въ театрѣ или въ гуманитарной живописи. Во всемъ видна была лишь одна банальность, и сколько въ ней было зловѣщей красоты, сколько горькаго краснорѣчiя.

Какой-то непреодолимый законъ, созданный самою силою вещей, нагромоздилъ эти дома, неизвестно когда воздвигнутые, эти постройки, которыя едва лишь поставлены, уже казались ветхими. Камни, изъ которыхъ онѣ были сложены, уже съ самаго начала крошились и покрыты были плѣсенью. Буквы, намазанныя на стѣнахъ, сейчасъ же стекали грязными струйками, чернымъ цвѣтомъ похоронныхъ надписей. Краски, которыми раскрашивались переднiе фасады, становились желтыми и грязно-зелеными, а красная краска кабачковъ сгущалась и темнѣла точно кровавые слѣды давняго убiйства. Весь ужасъ социальныхъ низовъ развѣртывался естественно и свободно.

Было-ли это слѣдствiемъ самаго расположенiя улицы? Но, казалось, что въ самомъ воздухѣ было что-то сырое и пронизывающее, что вода въ ручьяхъ застоялась, что свѣтъ солнца проносится въ кварталѣ, не имѣя возможности заглянуть въ улицу, что мостовая всегда была покрыта жир-

ной грязью. Даже, когда небо прояснялось и зажигалось ярким солнцемъ, на этой улицѣ стоялъ постоянный туманъ, поднимавшійся, должно быть, изъ самой земли, изъ канавъ и заднихъ дворовъ, изъ грязныхъ отелей и кучъ разлагающихся съѣстныхъ припасовъ.

Ибо улица, гдѣ Сесиль съ матерью нашли себѣ пріютъ, изобиловала съѣстными припасами. Всюду открытыя витрины были переполнены и ломились отъ тяжести, и часть продуктовъ должны были раскладывать на тротуарахъ: говядина въ мясныхъ и колбасныхъ, сочащаяся кровью, блѣдная телятина, бараньи ноги, завернутыя, точно букеты, въ вырѣзаную бумагу, свинина, покрытая толстымъ слоємъ сала, гирлянды сосисокъ, розовыя легкія и фіолетовая печенка, сало и рубецъ—все, что у торговковъ обжорнаго ряда валяется на мраморныхъ столахъ или мокнетъ въ бакахъ. Это притягательный центръ для усталыхъ, голодныхъ, алчущихъ поѣсть.

Все это почему-то томило душу, какъ и окружающіе дома, какъ вся атмосфера. Овощи, фрукты, сыръ, разложенные въ лавкахъ грязныхъ домовъ, или прямо въ корзинахъ на тротуарахъ имѣли тотъ же видъ случайной пищи и напоминали скорѣе объѣдки.

Здѣсь бѣдность старалась жить отъ бѣдности.

Эти мелкіе торговцы были большею частью такъ же несчастны и жалки, какъ и тѣ, что стояли за лотками. Мясники, булочники, кабатчики—эти источники жизни для бѣдняковъ, боролись постоянно съ плохими плательщиками, и всѣ они пускали въ ходъ обычные приемы мелкихъ лавочниковъ, улавливая толпу въ свои сѣти.

Но человекъ такъ хорошо приспособляется къ жизни, одинаково во всѣхъ условіяхъ, такъ привыкаетъ къ постоянно повторяющимся обычнымъ явленіямъ, что толпа, двигавшаяся въ этой мрачной части улицы Секретанъ, между площадью Вилетъ и улицей Боливаръ, не казалась болѣе мрачной и зловѣщей, чѣмъ въ другихъ частяхъ города. На этой мостовой, какъ бы предназначенной быть мѣстомъ будущихъ баррикадъ, на этой улицѣ, на которой, казалось, рано или поздно естественно должно было развернуться черное знамя, дѣти бѣдняковъ весело играли, а лица взрослыхъ сіяли жизнерадостностью.

Стоя у воротъ домовъ, спускаясь къ бульвару или поднимаясь въ дни отдыха къ парку Вютъ-Шомошъ, мужчины имѣли видъ добрыхъ малыхъ, быстро приходящихъ въ хорошее расположеніе духа отъ трубки хорошаго табаку или стакана плохого вина. Женщины, какъ всѣ женщины пред-

мѣстья, были задумчивыя, какъ бы постоянно чѣмъ-то изумляемыя, или озабоченныя, съ пламенемъ въ глазахъ. Такая улица открывала глаза на подготовляющуюся социальную драму, на возможныя вспышки отчаянія и возмущенія, а также и на грустную красоту покорности, на долгое спокойное отношеніе къ своему жалкому прозябанію, на бѣдную матеріальную жизнь, оживляемую лишь радостями, которыя приобретаются въ лавочкахъ.

И въ этомъ не слѣдуетъ видѣть никакого осужденія. Нищета, безработица, безпокойство за завтрашній день—не пороки. Это несправедливости судьбы и недостатки цивилизаціи. Безпрерывный трудъ, бодрая энергія, забота о завтрашнемъ днѣ придавали особое значеніе всей этой картинѣ. Эта улица, какъ и много другихъ, прекрасна не своимъ видомъ, а благодаря толпѣ, которая даетъ блестящій примѣръ мужества и бодрости и обнаруживаетъ столько мужественной надежды.

Немного повыше улица расширялась и, за перекресткомъ съ улицей Боливаръ, фізіономія ея совершенно мѣнялась. Это была уже улица новыхъ парижскихъ кварталовъ съ пустошами, воздвигаемыми постройками и новыми домами, съ обычными рѣзными фасадами, балконами, вестибюлями. Налѣво, за насыпью раскинулся кварталъ тряпичниковъ. Направо,—между двумя новыми постройками, начинались холмистыя, запущенныя, глинистыя, поросшія рѣдкой травой пустоши. Въ тѣхъ уголкахъ, гдѣ трава была гуще, паслись стада коровъ изъ окрестныхъ молочныхъ фермъ. На вершинахъ холмовъ вырисовывались на фонѣ неба дома, и въ окнахъ отражались слабые небесные огоньки. Ниже видѣлась колокольня церкви Св. Георгія съ двухэтажнымъ домикомъ священника и деревянной галлереей.

Этотъ открывавшійся вазору видъ напоминалъ предмѣстья приморскаго города, задніе дома котораго теряются на гребняхъ и склонахъ береговыхъ скалъ. Къ дѣйствительному пейзажу присоединялся воображаемый пейзажъ. По вечерамъ, когда зажигались огни, газовые рожки сверкали какъ огоньки на молу, и лучи свѣта вспыхивали и потухали, какъ огни маяка.

Наконецъ, еще дальше, развертывалась феерія парка Бюгъ-Шомонъ.

Улица вела къ мѣсту отдыха, къ цвѣтамъ, деревьямъ, скамьямъ, зеленымъ лужайкамъ, къ широкому горизонту, открывавшемуся надъ зелеными холмами.

Несмотря на это сосѣдство, Сесиль съ матерью не хотѣли

оставаться на шумной улицѣ. Ихъ утомила уже эта картина, пресыщенная драмой жизни, онѣ нуждались въ покоѣ, но покоѣ полномъ. Едва устроившись на квартирѣ, онѣ уже заявили, что переѣзжаютъ и снова принялись за поиски, но ничего не находили по своему вкусу въ верхней, буржуазной части улицы Секретая. Онѣ перебрались на другую сторону парка, опять очутились въ Бельвиль, осмотрѣли Вилетъ и остановились, наконецъ, на маленькой улочкѣ Лувеъ, идущей вдоль церкви Бельвиль.

Онѣ наняли комнату съ кухней, окнами на улицу противъ большого запущеннаго сада бывшаго учебнаго заведенія, гдѣ привольно росли деревья, кустарники, цвѣты и трава. На широкой аллеѣ, въ тѣни старой стѣны, укрѣпленной подпорками, была устроена кегельная игра. Это было не дальше, чѣмъ въ десяти минутахъ отъ парка Бютъ-Шомонъ, черезъ который Сесиль проходила почти ежедневно, идя брать или относить работу. Въ свободное время мать и дочь могли сидѣть и гулять въ прекрасномъ саду, въ очаровательномъ паркѣ, этомъ оазисѣ въ городѣ труда и нищеты.

Подобно всѣмъ, что жили въ этихъ улицахъ и улочкахъ, переулкахъ, окрестныхъ пассажахъ, въ широкихъ улицахъ Вилетъ или въ предмѣстьѣ Бельвиль, онѣ вдругъ оказались владѣльцами обширнаго предмѣстья и могли наслаждаться его неожиданностями и прелестью. Садовники, использовавшіе эти неровности почвы, раукрасившіе лужайки и посадившіе эти деревья, доставляли много иллюзіи жителямъ квартала. Съ помощью нѣкотораго воображенія они могли, въ зависимости отъ времени года, погоды и часа дня видѣть любимые виды у подошвы извѣстнаго склона или при поворотѣ извѣстной аллеи. Правда, это только театральная природа, не больше какъ декорація, какъ бѣдное подраженіе видамъ Нормандіи, Вогезовъ, Юры, Швейцаріи или Бретани, но все-же воображеніе уносилось къ другимъ скаламъ, къ другой зелени, и тоска по родинѣ всѣхъ этихъ людей, живущихъ здѣсь, но родившихся въ другихъ мѣстахъ, могла найти въ этой искусственной природѣ очарованіе воспоминаній.

Это былъ апофеозъ искусственнаго, царство пріятной лжи, внезапное преобразование торговаго и фабричнаго района, гудѣвшаго отъ стука машинъ и наполненнаго дымомъ.

Внезапная прелесть этого прекраснаго сада дѣйствовала на вдумчивую, умную Сесиль, и она засиживалась тамъ въ свободныя минуты. Она предпочитала оставаться наверху, чѣмъ спускаться въ городъ, въ глубину парка. Всю недѣлю,

подобно другимъ, ей приходилось спускаться внизъ на поиски за заработкомъ. Но воскресенье принадлежало ей, и она пользовалась имъ, чтобы ознакомиться съ мѣстностью, гдѣ она жила, со всѣмъ кварталомъ, съ улицами, которыя она такъ быстро пробѣгала въ другіе дни утромъ и вечеромъ. Эта любовь къ домашнему очагу, эта потребность чувствовать себя въ своемъ углу создаетъ, такимъ образомъ, въ большихъ городахъ какъ бы отдѣльные маленькіе городки. Да и теперь еще можно найти у самыхъ воротъ Парижа, подлѣ городской заставы Бамволе или въ Монтрейль такихъ женщинъ, которыя никогда не переступали за ограду городскихъ фортификацій, у которыхъ никогда не являлось любопытства пойти посмотреть столицу.

Точно также, въ этомъ раскинувшемся за внѣшними бульварами кварталѣ, мать Сесиль, подобно множеству другихъ спокойныхъ женщинъ, очень трудолюбивыхъ хозяекъ и не склонныхъ къ прогулкамъ, знала изъ всего Парижа только то, что она видѣла на горизонтѣ: очертанія крышъ высокихъ зданій и колоколенъ въ клубахъ дыма. Для нея и подобныхъ ей, созданіе такого сада, какъ Бюгъ Шомонъ было благодѣяніемъ, значеніе котораго трудно оцѣнить. Туда-то мать выходила вмѣстѣ съ Сесилью вспомнить свою родную Бретань, еще разъ перебрать свои дѣтскія воспоминанія. Гротъ, каскадъ и озеро не много говорили ея уму и могли лишь поражать ее, какъ театральная декорация, но ручеекъ, бѣгущій по камнямъ, этотъ свѣтлый ручеекъ, въ которомъ отражались ели, и откуда пили дрозды, напѣвалъ ей знакомую деревенскую пѣсню.

А что испытывали тѣ, кто не въ деревнѣ родились, а въ разрушенной улицѣ, кто съ самаго рожденія перебирается изъ одного дома въ другой?

Эти, вспоминая случайные разговоры и кое-что изъ прочитаннаго въ книгахъ, пройдясь по маленькому парку, могутъ воображать, что совершали самыя далекія путешествія. Гора, терраса, степь, гранитный утесъ, поросшій лишаями, вмѣстѣ представлялись ихъ взору. Тутъ росли, казалось, самыя разнообразныя растенія, природа быстро мѣнялась и преображалась. Подобно имъ, Сесиль тоже иногда казалось на одинъ мигъ, на одинъ быстролетный мигъ, что она вдругъ очутилась на большой дорогѣ среди лѣса. Потомъ ей казалось, что она спускается по каменистой тропинкѣ, затерянной въ пустынь.

Зигагагами, какъ ртуть, спадала вода, по старымъ камнямъ прыгалъ потокъ, въ зеленоватомъ полумракѣ грота падалъ

каскадъ, лужица представлялась вдругъ цѣлымъ озеромъ.

Все это было такъ устроено и прилажено, чтобы какъ можно меньше занимать мѣста. Это была коллекція образцовъ, но устроители сада удивительно использовали его естественное положеніе. Малый размѣръ парка они сумѣли вознаграждать свободнымъ пространствомъ вверхъ и они прекрасно воспользовались холмами и долинами, чтобы создать въ этомъ углу Парижа дѣйствительно живописное мѣстечко. Спуски и подъемы способствовали созданію разнообразныхъ видовъ. И такимъ то образомъ мрачный Монфокомъ преобразился, одѣлся зеленью, благоухалъ цвѣтами, открылъ на разнообразныхъ сценахъ внезапныя смѣны картинъ жизни и природы—какъ бы цѣлый міръ въ миниатюрѣ.

Сесиль узнала садъ, его окрестности, узнала и Парижъ, какимъ онъ представляется издали и съ высоты.

Каждую минуту, при каждомъ поворотѣ улицы, на холмѣ Бельвиль передъ нею открывался грандіозный и шумный Парижъ. Съ такой-то улицы, вьющейся лентой къ какому-нибудь холму, съ порога такого-то домика, вырисовывающагося на фонѣ неба, открывался городъ и его далекія окрестности. Но съ высоты Бють Шомонъ, съ трехъ разныхъ пунктовъ, Сесиль представлялся самый широкій видъ.

По улицѣ Бацарисъ, идущей вдоль парка, направо вытянулись заборы, избушки, окруженные подсолнечниками и штоковыми розами, мелкія гостиницы, безконечныя пустоши, гдѣ иногда бродила какая-нибудь кляча, мѣстность, окоймленная домиками, надъ которой возвышаются двѣ колокольни и церква Бельвиль. Налѣво, черезъ рѣшетку видѣлись садъ и просѣка аллеи, а за деревьями—голубовато-сѣрый горизонтъ и, наконецъ, рѣзкій просвѣтъ, безконечное пространство, открывающееся съ улицы, теперь окруженной перилами и нависшей надъ водопадомъ.

Оттуда Бють Шомонъ казался маленькимъ, зеленымъ островкомъ, затеряннымъ въ пространствѣ. Онъ былъ сжатъ со всѣхъ сторонъ, окруженъ каменнымъ городомъ, улицами, домами, заводами. Казалось, что природа съ большимъ трудомъ завоевала этотъ клочекъ земли, и что только чудомъ внезапной фантазмогоріи взростила она здѣсь сосны и лиственницы, тополи и клены, березы и осины, вербы и ивы, цвѣты, скалы, воду. Можно было опасаться, что хрупкая декорация исчезнетъ, чувствовалось ощущеніе угрозы, надвигающейся борьбы. Но не было времени даже опредѣлить это впечатлѣніе, потому что тотчасъ-же захватывала красота

Монмартра, тонко очерченный холмъ, который такъ изящно и легко поднимается надъ зеленью Бють Шомона.

На горизонтѣ, за каштанами и ясеями выдѣлялись склоны Монмартра, покрытые травой, дома, бѣлыя стѣны и лѣса. Какъ только солнце освѣщало эти камни, и силуэтъ маленькой горки смутно вырисовывался въ золотой дымокѣ, воображеніе тотчасъ переносилось къ священнымъ холмамъ и храмамъ Греціи, внезапно выступавшей поверхъ зеленой завѣсы.

Спуститесь внизъ, бросьтесь въ долину зелени, поднимитесь въ лабиринтъ перваго холма, что подъ улицей Боливаръ,—оттуда видъ Монмартра измѣняется, тамъ онъ окруженъ домами, изрѣзанъ каменными линіями, вырисовывающими кривыя линіи, точно волны, поднимающіяся на штурмъ высокой скалы. Это бурное море, на которомъ видѣются, какъ корабельныя мачты, колокольные шпицы и тонкія фабричныя трубы. Дома, кажущіеся совсѣмъ близкими, какъ бы спускаются по откосу, чтобы броситься въ бездну. И вотъ нагляднымъ образомъ настоящее соединяется съ прошлымъ: совершенно естественно обрисовывается видъ черепичныхъ крышъ передняго плана, ровныхъ линій фасадовъ, открытых оконъ и сверкающихъ стеколъ и сразу переходятъ къ картинѣ, вырисовывающейся на гребняхъ застывшихъ волнъ, къ историческому Парижу, таинственно выступающему въ окрашенномъ разными цвѣтами туманѣ, къ традиціонному городскому кораблю, къ массивному собору Парижской Богоматери, къ холму Св. Жевевьевы, къ куполу Пантеона.

Пересѣките еще садъ, слѣдя по узору дорожекъ, по окраинѣ лужаекъ, гдѣ лѣбтутъ корзины красной герани надъ каскадомъ, откуда поднимаются пучки гортензій, вдоль тѣнистыхъ аллей, рядовъ скамеекъ, гдѣ болтаютъ старики, шепчутся женщины, спятъ утомленные мужчины, — и передъ вами предстанетъ небольшой подъемъ къ Бельведеру, откроется широкій видъ на туманный необъятный Парижъ, этотъ океанъ, усѣянный кораблями, и на промышленную равнину.

Вилетъ, Пантеонъ, Пре-Сень-Жерве, долина Добродѣтелей, Ромевиль придаютъ новый видъ старинному Парижу.

Городскія бойни, фабрики, заводы, доменные печи, трубы страшной грудой поднимаются тамъ, вблизи нависшихъ садовъ, искусственныхъ скалъ и озера, усѣяннаго лебедями. Вокругъ—дома и облака дыма. Картина навсегда запечатлѣвается въ памяти.

И, наконецъ, съ послѣдней стороны—огромное поле битвы, разстилающееся до холмовъ, закрывающихъ горизонтъ. Облака дыма, поднимающіяся изъ сгущенныхъ отдѣльными

группами здавій, которыя какъ бы сталкиваются и борются другъ съ другомъ, столь-же трагичны, какъ дымъ канонады или пожара. На такомъ далекомъ разстояніи не видно, какъ маневрируютъ войска, и проходитъ толпа, но они тамъ, и присутствіе ихъ чувствуется: измученные люди тѣснятся и торопятся въ изгибахъ почвы, въ ущельяхъ межъ высокихъ домовъ. Съ этого бельведера, съ этой высокой соціальной обсерваторіи, возвышающейся надъ Парижемъ, ясно видно движеніе огромного трудового города, работа его предмѣстій и окраинъ. Тамъ глухо и страстно дѣлается новая исторія, которая проявляется только въ грохотъ машинъ и медленно движущемся дымѣ, формируется, сцѣпляется, собирается народъ изъ стекающихся отовсюду силъ. Видно, какъ постепенно поднимается его жизнь, слышеть его гулъ и звукъ его голоса сквозь грохотъ звонкаго желѣза, выгружаемаго металла, вагоновъ, локомотивовъ, сквозь пронзительные свистки и яростный ревъ заводовъ.

И зеленый оазисъ теряетъ свой характеръ одиночества и представляется окруженнымъ многочисленной толпою; садъ отдыха наполняется голосами, которые говорятъ и выкрикиваютъ: „Нѣтъ отдыха“!

Зимой, когда раньше начинается темнѣть, Сесиль все-таки прошла черезъ садъ, возвращаясь домой. Она шла по широкой, ярко освѣщенной аллеѣ, и немного торопилась, глядя вокругъ себя, любуясь видомъ и пугаясь бродящихъ тѣней. Картина дѣйствительно была прекрасна. Вечеромъ всѣ рѣккія линіи утопали въ тѣни, и луга, и ельнички сливались въ таинственную, полную мечты картину. Подъ золотистымъ свѣтомъ газа и холоднымъ голубымъ сіяніемъ луны все исчезало въ зимнемъ туманѣ, чаща деревьевъ скрывалась, всѣ предметы какъ-бы окутывались въ саванъ, вода блестѣла, какъ таинственные зеркала. Это была фантазмгорія, какое-то воплощеніе сѣвернаго лѣса, гдѣ вотъ-вотъ должны были появиться молчаливыя, плавно скользящія холодныя феи, одѣтыя въ ледъ, снѣгъ и лунный свѣтъ.

Въ дурную погоду черныя силуэты, торопливыя и таинственные, проходятъ черезъ садъ, спѣша достигнуть какого-нибудь крова, какого-нибудь пропитанія. Они выходятъ изъ бѣлыхъ и голубоватыхъ слоевъ тумана на минуту показываются на какомъ-нибудь освѣщенномъ пространствѣ, снова исчезаютъ, такъ-же быстро уходятъ, какъ и появляются. Это тѣ самыя дѣвушки, которыя въ лѣтніе и весенніе вечера долго засиживаются гдѣ-нибудь въ тѣни, наслаждаясь скоропреходящими, но опьяняющими прелестями лѣтнихъ суме-

ректъ, и вдыхая въ себя разносящійся съ цвѣтниковъ ароматъ. Зимомъ-же эти безопасно гуляющія дѣвушки преобразуются въ обыкновенныхъ прохожихъ съ ледяными сердцами и лицами. Онѣ быстро проходятъ теперь вдоль опушки этого страшнаго, покрытаго снѣгомъ лѣса, въ которомъ могутъ быть волки и, пожалуй, похуже что-нибудь. Тѣни вызываютъ тревожное чувство; кажется, что онѣ кого-то подстерегаютъ, сидятъ въ засадѣ, въ туманѣ.

Съ Сесиль случилось приключеніе, сильно ее напугавшее. Къ ней, какъ и ко всѣмъ дѣвочкамъ-подросткамъ, молодымъ дѣвушкамъ и женщинамъ, которымъ приходится однѣмъ ходить по улицамъ, среди встрѣчающихся тамъ опасностей, часто приставали мужчины, часто она слышала надъ ухомъ разныя предложенія, шутки, грязныя слова. Какъ многія другія, она перебѣгала тогда на другую сторону улицы, входила въ первую попавшуюся лавочку, такъ или иначе обезкураживая назойливаго преслѣдователя. Но только одинъ, изъ нихъ, производившій впечатлѣніе скорѣе злодѣя, чѣмъ влюбленнаго, внушалъ ей ужасъ. Негодяй шелъ за ней по пятамъ, и все время, пока она проходила черезъ паркъ, не переставалъ дѣлать ей циничныя предложенія. Только при помощи молчанія, молодой дѣвушкѣ удалось заставить его отказаться отъ своего предпріятія. Черезъ два дня онъ снова появился, потомъ въ третій разъ. Вмѣшательство какого-то прохожаго въ первый вечеръ и присутствіе городского въ другой помогли Сесиль избавиться отъ гнуснаго голоса и ужасныхъ прикосновеній. Дѣйствительно, это существо было отвратительно: низкій лобъ, противный ротъ съ выступавшими наружу зубами, развратные хищные глаза, жаждавшіе добычи.

Несомнѣнно, это одинъ изъ тѣхъ, кто погубилъ Селину!—подумала Сесиль.

Эта мысль вернула ей мужество. Она почувствовала себя болѣе сильной, чѣмъ бандить, въ немъ отгадала она низкаго труса, несмотря на его грубыя слова.

При каждой встрѣчѣ онъ подходилъ къ ней, блѣдный и угрюмый, злобно насмѣшливый и вмѣстѣ съ тѣмъ трусливый и повторялъ обычныя припѣвы:

— Напрасно стараешься, все равно придешь къ этому!

Она оставалась, смотря на него, не опуская глазъ, и произносила:

— Вотъ ужъ именно къ этому-то я никогда не приду.

Кончилось тѣмъ, что онъ усталъ; онъ понялъ, что она не рождена для той судьбы, которую онъ ей готовилъ. Въ ней

было что-то спокойное и рѣшительное, хотя ей сердце сильно билось. Она продолжала свой путь, а онъ остался на мѣстѣ, провожая ее бранью. Какъ бы она потомъ ни мѣняла дорогу, она всегда встрѣчала его, но его настойчивость уже прошла. Наконецъ, она его не встрѣтила больше и свободно выдохнула.

Съ этихъ поръ она еще съ большей осторожностью, чѣмъ прежде, избѣгала подобныхъ встрѣчъ; предчувствуя на далекомъ разстояніи подозрительныя фигуры, онъ ускоряла шаги, укрывалась подъ защиту какого-нибудь серьезнаго спутника, который даже не подозрѣвалъ ея честнаго расчета и только тогда чувствовала себя вполнѣ въ безопасности, когда достигала узкой улицы Вилетъ и ея жалкихъ лавочекъ. Каждый разъ она испытывала удовольствіе, когда, завернувъ за уголъ улицы Лувенъ, подходила къ двери своего маленькаго домика, обнимала мать и вновь видѣла изъ окна старую стѣну на противоположной сторонѣ, заброшенный садъ, такой зеленый весной, а теперь весь покрытый снѣгомъ. Голуби и вороны летаютъ подъ низко нависшимъ небомъ. На высокой колокольнѣ церкви Бельвилъ звонятъ часы. Приходитъ ночь. Только время отъ времени слышатся чьи то шаги, отдѣльныя возгласы, стукъ экипажа. Наступаетъ почти полное молчаніе, и наконецъ—успокоеніе.

Когда снова вернулись прекрасныя лѣтніе дни, и Сесили исполнилось шестнадцать лѣтъ, она стала проводить съ матерью свободныя минуты въ привлекательной обстановкѣ Битъ-Шомона. Мать ея не была больна, по крайней мѣрѣ мелькая было бы точнымъ образомъ опредѣлить, чѣмъ она страдаетъ, но она измѣнилась, ослабѣла. Волосы этой пятидесятилѣтней женщины были почти бѣлы, сѣроватаго цвѣта стараго серебра, чрезвычайно блѣдное лицо оживлялось только острымъ взглядомъ глазъ и изгибами рта. Роды и бѣгство Селины истощили ея эмергичное сердце, теперь она, видимо, отказалась отъ борьбы, такъ какъ все было уничтожено вокругъ нея, и кромѣ того, она чувствовала себя въ безопасности съ Сесилью.

Сидя гдѣ-нибудь на скамьѣ, въ тѣни прекраснаго дерева, подлѣ матери, которую она надѣялась видѣть опять здоровою и сильною, дѣвушка начинала понимать, что ей бѣдная мать, всю свою жизнь была простодушнымъ созданиемъ. Все, что она дѣлала для воспитанія сыновей и дочерей, для охраны мужа, она дѣлала естественно, по инстинкту жизни, заключавшемуся въ ней. Она переносила всѣ событія, не понимая въ нихъ ничего, кромѣ своей непо-

средствешной обязанности, точь въ точь, какъ мать самка, которая защищаетъ свое гнѣздо, охраняетъ птенцовъ и слѣдить за ихъ хрупкой жизнью съ такимъ живымъ безпокойствомъ. Навѣрное, она имѣла бы ясную, счастливую старость, если бы она выполнила свою задачу до конца, если бы она видѣла, что весь этотъ маленькій мірокъ, высиженный ею, научился хорошо и сильно летать и улетѣлъ бы въ другое мѣсто строить свои гнѣзда. Если бы она не испытала горя, она едва замѣтила бы, что у нея была жизнь; трудъ и бѣдность не принимались бы тогда въ расчетъ. Тогда у нея былъ бы спокойный, удовлетворенный, безразличный видъ всѣхъ счастливыхъ. Но случилось не такъ, и ей до конца жизни приходится быть страдающей, тоскующей матерью. Лицо ея сдѣлалось печальнымъ и удивительно выразительнымъ.

— Миѣ ни въ чемъ не веало,—говорила она какъ-то дочери, во время нѣжной вечерней зари.—У насъ было все, чтобы жить въ довольствѣ и, можетъ быть, не будь осады, все устроилось бы иначе. Такая ужъ судьба! Я часто размышляю, что если бы твои братья были живы, отецъ не пилъ бы?..—А Селина? вела бы она себя хорошо?.. Нѣтъ, не думаю. Въ этой несчастной было что-то непонятное... Можетъ быть, я не сумѣла поставить ее на вѣрный путь. Она погибла прежде, чѣмъ я стала что-либо подозрѣвать. За отца я боролась больше, чѣмъ за нее, но его порокъ я видѣла. а въ Селинѣ ничего не было замѣтно... или я слѣпа была... Впрочемъ, я не умѣла бы помѣшать ни тому, ни другому... Видно,—это судьба, такова жизнь... Все-таки я еще не должна жаловаться, потому что ты у меня хорошая дочь и ты такою же останешься.

Она высказывала это Сесиль безъ малѣйшаго сомнѣнія и даже не требовала отъ нея подтвержденія.

— Видишь ли,—продолжала она,—теперь на тебѣ лежитъ забота о нашей семьѣ. Я не знаю, что ты будешь дѣлать; я не знаю, что нужно дѣлать, чтобы быть счастливой. Не смотря на все, я думаю однако, что тебѣ нужно выйти замужъ... но какъ поручиться, что выйдешь хорошо? Я вотъ была замужемъ, а ты видѣла, какъ кончилъ твой отецъ, какую дочь онъ имѣлъ! И все-таки онъ былъ честный человекъ и хорошій работникъ. Ну какъ тутъ угадать?

— Время терпѣть, мама; къ тому же и ты со мной. Можетъ быть я и выйду замужъ, но ты всегда останешься со мною.

— Взгляни-ка,—говорила мать, не отвѣчая на заявленіе

дочери, здѣсь есть камни и верескъ,—точно какъ въ Бретани. Мнѣ кажется, что я побывала тамъ. Я вспоминаю дороги и деревни, которыя я когда-то видѣла между Морле и Сентъ-Поль-Леонъ. Какъ тамъ красиво! А Росковъ?—Тамъ море, въ Росковѣ. Какая прелесть—море! Я хотѣла бы вмѣстѣ съ тобою посмотрѣть на море, но это слишкомъ далеко, а мы не такъ богаты... Можетъ быть, намъ слѣдовало переехать туда послѣ войны. Впрочемъ, нищета—всюду, въ деревнѣ и на берегу моря, какъ и на парижскихъ улицахъ... Не знаю, почему сегодня всѣ воспоминанія приходятъ мнѣ въ голову... Я была еще очень молода, когда покинула родину. Родители мои тогда умерли, и тетя изъ Андилы взяла меня къ себѣ. Въ то время Андилы было совсѣмъ маленькое мѣстечко, всего нѣсколько домиковъ, за то лѣсъ былъ прекрасный... Тамъ же я встрѣтила твоего отца, онъ работалъ въ замкѣ, неподалеку. Какъ давно это было!.. Теперь всѣ умерли: твои братья, отецъ, тетка изъ Андилы. Однѣ мы остались... А Селина, гдѣ-то она? Увижу-ли я ее еще когда-нибудь?.. Или, можетъ быть, лучше, чтобы я ее больше не видѣла.

— Вставай мама, солнце сѣло, какъ-бы не простудиться тебѣ...

Онѣ поднялись со скамьи и пошли по аллеямъ, между группами дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, солнце потухло, но теплота его еще оставалась на землѣ, вокругъ массивныхъ деревьевъ, надъ распустившимися цвѣтниками. Ночныя красавицы раскрывали свои чашечки, ночныя бабочки начинали кружиться въ воздухѣ. Вечеръ былъ восхитительный, но Сесиль оставалась задумчивой, замѣчая какую-то незнакомую грусть у матери.

Опасенія молодой дѣвушки сгладились было на время, но затѣмъ опять появились. Почти каждый день, лѣтомъ и осенью, онѣ вдвоемъ приходили къ лужайкамъ и шли вдоль ручейка, къ берегу озера, гдѣ плаваютъ лебеди. По воскресеньямъ онѣ слушали музыку: звуки оркестра мелодично разносились въ вечернемъ воздухѣ. Но мать ни за что не хотѣла подойти ближе видѣть солдатъ. Въ ней тогда оживали сцены на кладбищѣ Перъ-Лашезъ,—запахъ пороха, черныя руки на ружьяхъ, маленькій кровожадный лейтенантъ, отдавшій приказъ бросить ее къ стѣнѣ, и старшій, съ грустнымъ лицомъ, капитанъ, который такъ нѣжно увелъ ее къ воротамъ. Она рассказала теперь о томъ, о чемъ раньше никогда не говорила, и Сесиль слушала ее, вся дрожа, и затѣмъ поспѣшила увести мать, точно боясь, что солдаты

прервать свой мирный концертъ, бросятся на нихъ и потащатъ ихъ къ какой-нибудь зловѣщей стѣнѣ. Первое напряженіе временъ осады и коммуны осталось въ нихъ, онѣ наслѣдовали его отъ своихъ умершихъ родственниковъ.

Постепенно, отрывками, возстановлялась передъ дочерью жизнь матери. Это были спокойные и горькіе уроки, которые какъ-бы отождествлялись съ самими событіями,—уроки безъ наглядныхъ доказательствъ, безъ правоченія, безъ выводовъ. „Такова судьба, такова жизнь“, повторяла всегда преждевременно состарѣвшаяся женщина. „Береги себя“, прибавляла она тутъ-же, думая о шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ своей дочери. Подъ дѣйствіемъ этихъ простыхъ разсказовъ Сесиль быстро развивалась.

Слушая ихъ, она осматривалась вокругъ себя. Она видѣла людей, наблюдала ихъ, угадывала у всѣхъ однѣ и тѣ же драмы, болѣе или менѣе знакомыя ей, распредѣляла встрѣчавшіяся фязіономіи на беззаботныя, благодушныя, печальныя, злыя, полныя отчаянія. Она хорошо угадывала чувства всѣхъ матерей, связь, соединявшую ихъ съ дѣтьми, которыя играли сейчасъ вонъ тамъ, въ песокъ. Иногда, къ жентъ и дѣтямъ присоединялся мужчина, она радовалась или возмущалась, смотря по тому, было-ли у него осмысленное выраженіе или легкомысленное, видъ серьезнаго человека или пьяницы. Серьезныя осмысленныя лица, съ признаками сильной воли, были очень рѣдки. У нѣкоторыхъ наружный видъ обманывалъ съ перваго взгляда, но острая наблюдательность молодой дѣвушки открывала скоро какой-нибудь недостатокъ, какой-нибудь подозрительный признакъ. Грубіяны или подоарительный, а часто то и другое вмѣстѣ—вотъ эпитеты, которыми она надѣляла почти всѣхъ. Влюбленныя парочки внушали ей страхъ, каждый разъ въ влюбленной женщинѣ ей представлялась Селина, ея безразсудная глупость, распущенность, а въ любовникѣ — обманщикъ и хищникъ.

Она чуждалась и боялась молодыхъ мальчишекъ-подростковъ, которые больше кокетничали и ломались, чѣмъ молодая дѣвушка, и возмущалась ихъ фатоватымъ и наглнымъ видомъ. Навѣянная романами чувствительность, которая одно время смущала ея умъ, быстро исчезла. Ея сѣрые глаза трезво глядѣли на міръ, и мысль непрерывно работала въ этой умной, серьезной головкѣ. Сколько-бы она ни смотрѣла на проходившія влюбленныя парочки, она была увѣрена, что ея суженаго нѣтъ среди нихъ. Гдѣ-то онъ? Можетъ быть, она некогда не встрѣтитъ его.

Ея душевная мягкость и чувство состраданія возвращалось къ ней только при видѣ всякихъ жалкихъ и несчастныхъ бѣдняковъ, которые все еще пытались найти себѣ какую-нибудь приманку въ жизни. Она сочувственно слѣдила за однимъ такимъ типомъ, съ лицомъ получеловѣка-полусобаки, добрымъ на видъ, бородатымъ, съ выраженіемъ какой-то пугливости, точно за нимъ гнались, какъ онъ, обернувшись спиною къ прохожимъ, съ наслажденіемъ пилъ прямо изъ бутылки вино, смѣшанное пополамъ съ водою. Другой, сидя на скамьѣ, ѣлъ большой ломоть хлѣба и обрѣзки колбасы. Какое усердіе выражалось на его худомъ лицѣ, когда онъ пожиралъ это! Съ какой страстью пытался онъ протянуть хоть еще немного свою жалкую жизнь! А вотъ еще одинъ,—старикъ, глубокій старикъ, хотя держится совершенно прямо, весь съезжившійся, сморщенный, въ плохомъ пальто зеленоватаго цвѣта, въ котелкѣ съ почти оторванными полями; видѣющаяся подъ этой одеждой жалкая, едва живая фигурка, напрягши послѣднія силы, тянетъ дешевую, въ одно су, сигару, которую трудно раскурить. Онъ держитъ ее во рту обѣими руками—блѣдными и дрожащими руками, точно у мертвеца. И онъ вдыхаетъ ее въ себя, всячески приспособляется, съ ожесточеніемъ жаждая вкусить безкомечное наслажденіе.

У однихъ изъ воротъ Бюль-Шомона, на улицѣ Боливаръ, появилась однажды продавщица мотъ, какая-то странная, поражающая вниманіе своимъ драматическимъ видомъ. Одѣтая въ черное, съ черной повязкой на головѣ, съ сумкой на ремнѣ черезъ плечо, она напоминала монашенку или нищую, какую-нибудь монастырскую обитательницу, оторванную отъ своего убѣжища. Она пѣла, точно она была одна, съ безстрастнымъ лицомъ, съ опущенными глазами, хриплымъ голосомъ. Не говоря ни слова, она собирала деньги и уходила мужской походкой съ мѣшкомъ на боку, съ палкой въ рукѣ, продолжая свое безконечное странствованіе. Сесиль долго слѣдила взоромъ за этой фигурой, представляющей собою трогательный видъ бѣдности; ей хотѣлось-бы знать тайну ея жизни, причину ея скитаній,—можетъ быть, безцѣльныхъ и бессмысленныхъ.

Зимой прогулки прекращались, темнѣло рано. По воскресеньямъ не всегда бывало солнце. Въ этомъ году зима была ужасная, напоминавшая зиму осады по количеству выпадавшего снѣга, грудями лежавшаго воалѣ тротуаровъ, и по продолжительности морозовъ.

Другое несчастье, это то, что прекратилась работа: нищета,

настоящая нищета начала свирѣпствовать. Обѣ женщины, скрывая свое бѣдственное положеніе, страдали отъ холода и голода. Безъ хлѣба, безъ огня, цѣлые дни сидѣли онѣ въ своей квартирѣ съ каменнымъ поломъ. Сесиль пошла въ ломбардъ, но вещей, годныхъ въ закладъ, было не много. Ей удалось получить какую-то небольшую работу шитья въ кварталѣ, и она купила немного молока, бульона и мяса. Теперь она ближе узнала драму бѣдности, слѣды которой она замѣчала на столькихъ измученныхъ лицахъ.

Наконецъ опять появилась работа. Но мать все болѣла и должна была лечь въ постель. Сесиль позвала городского врача.

Явился непріятный господинъ, врачъ бѣдныхъ, который самъ имѣлъ видъ бѣдняка, и отъ котораго пахло спиртными напитками. Онъ не снялъ шляпы, едва осмотрѣлъ больную, бривжа предложилъ ей нѣсколько вопросовъ, назвалъ ее лѣвтяйкой и сказалъ, что дочь болѣе больна, чѣмъ она.

Въ порывѣ страстнаго озлобленія, какое она когда-либо испытывала въ жизни, Сесиль направилась къ двери и открыла ее. Она почувствовала на себѣ отвѣтственность, необходимость принять рѣшеніе, въ ней воскресли душа и языкъ рабочихъ, ея братьевъ.

— Убирайтесь къ чорту!—крикнула она доктору. Тотъ исчезъ, что-то ворча про себя, не написавъ даже рецепта.

Она заперла дверь, успокоила удивленную мать и привела сейчасъ же другого врача, на этотъ разъ ласковаго и внимательнаго.

— У нея ничего нѣтъ, кромѣ слабости и малокровія—сказалъ новый докторъ.

Онъ предписалъ ей покой, по возможности питательную пищу и нѣкоторыя лѣкарства, восстанавливающія и укрѣпляющія силы. Послѣ этого онъ отказался или скорѣе деликатно отсрочилъ плату за визитъ и ушелъ, ласково ободривъ ихъ. Дѣйствительно, мать скоро стала на ноги и могла снова помогать дочери. Имъ приходилось дѣлать всѣ усилія, вести строгій счетъ расходамъ, чтобы снова не терпѣть лишней. Затѣмъ Сесиль нѣсколько повезло. Она была искусная портниха. Воспользовавшись лучшимъ сезономъ для заработка, она нашла въ своемъ кварталѣ заказы на платья и костюмы, гдѣ которыми работала по воскресеньямъ. Благодаря экономной жизни, ей удалось скопить нѣсколько серебряныхъ, а затѣмъ и золотыхъ монетъ. Теперь она немного успокоилась.

Въ декабрѣ холода усилились, ибо было свинцоваго

цвѣта, деревья стояли бѣлыя, какъ весною во время цвѣтенія, и печально напоминали о прелести и благоуханіяхъ прекраснаго времени года. Изадали глазъ восхищался этимъ зрѣлищемъ точно такъ же, какъ и стеклами, разрисованными тонкими кристаллами и украшенными по краямъ болѣе грубыми кружевами. Мать и дочь не знали свѣтскихъ удовольствій или считали ихъ столь далекими для себя, что они стали казаться чѣмъ-то неосуществимымъ, химерическимъ. Онѣ чувствовали себя достаточно счастливыми, когда сидѣли въ одиночествѣ у себя въ квартирѣ передъ чашкой супа на столѣ, съ огнемъ въ плитѣ, на которой варилось немного мяса и овощей, въ то время какъ картофель жарился въ духовой печкѣ. Превосходно было и старое кресло. На немъ усаживалась Сесиль, чтобы шить, читать или отдохнуть послѣ трудового дня, а мать замѣтно усталой походкой ходила взадъ и впередъ, смотрѣла за плитой, ставила приборы на бѣлой скатерти.

Снаружи падаетъ смѣгъ хлопьями, стучитъ мелкій градъ, вѣтеръ бьетъ въ лицо прохожихъ. Обѣ женщины, сидящія въ теплой, хотя и убогой комнатѣ, внезапно вздрагиваютъ.

Селина... Гдѣ теперь Селина? Что дѣлаетъ она въ эту минуту? Онѣ думаютъ про себя, не смѣя заговорить объ этомъ громко. Слезы навертываются на глаза, но онѣ не смѣютъ плакать. Онѣ скрываютъ другъ отъ друга свои мысли. Когда то, давно, когда онѣ были всѣ вмѣстѣ, конечно, онѣ думали о всѣхъ тѣхъ, кто въ такой холодъ былъ безъ крова, подобно тому, какъ во время сильнаго вѣтра думаютъ о тѣхъ, кто плаваетъ въ морѣ. Сколько людей должны выходить наружу, бѣгать безъ отдыха, чтобы отстоять свою жизнь! Старики съ заиндивѣвшей бородой, люди всѣхъ возрастовъ, дрожащія отъ холода въ дырявыхъ блузахъ, другіе—въ сюртукахъ, на которыхъ черное сукно сдѣлалось тонкимъ, какъ листъ бумаги! Сколько жалкихъ женщинъ встрѣчаешь въ предмѣстьи, какія несчастныя фигуры съ красными носами и посинѣвшими щеками.

Но теперь эта Селина, Селина одна, которая находится тамъ на улицѣ. Селина одна страдаетъ отъ холода... Онѣ не дѣлятся своими мыслями, но только глядятъ одна на другую, и сходство ихъ думъ таково, что онѣ понимаютъ другъ друга, бросаются въ объятія и рыдаютъ. Затѣмъ тотчасъ же онѣ оправляются, призывая всю свою энергію,—какъ ослабѣвшая старуха, такъ и мужественная молодая дѣвушка.

На завтра и на послѣ-завтра тотъ же холодъ снаружи, на улицѣ, и та же нѣмая сцена внутри, въ комнатѣ. Небо и

земля имѣютъ одинаковый неумолимый видъ, ручки тверды, какъ тротуары. Обѣ женщины скажутъ слово и замолчатъ, прислушиваются къ шагамъ на улицѣ, или у себя на лѣстницѣ, къ шуму прохожихъ и возвращающихся къ себѣ домохозяйки.

Вдругъ чьи-то шаги останавливаются у ихъ двери, и чья-то рука мащупываетъ и стучитъ въ дверь.

Сесиль открываетъ, — передъ ней Селина.

Вѣришь это тѣбѣ Селины стоитъ на порогѣ, вся въ черномъ; лицо блѣдное, съ побурѣвшими скулами, глаза какъ у загнаннаго звѣря. Она нерѣшительно подвигается ближе:

— Это я... Я съ большимъ трудомъ васъ нашла! У насъ не знали вашего новаго адреса.

Голосъ у нея неузнаваемый, хриплый, и нѣтъ большого беззаботнаго дѣтскаго вида. Мать остается неподвижно сидѣть. Сесиль стоитъ воздѣ Селины. Несомнѣнно, обѣ сестры хотятъ обняться, но Сесиль замѣчаетъ, что Селина блѣднѣетъ и шатается. Она поддерживаетъ ее, мать встаетъ, и онѣ вдвоемъ подводятъ Селину къ креслу. При свѣтѣ лампы онѣ разсматриваютъ, какъ она стала жалка. Голова ея не прикрыта, бѣлокурные волосы усыпаны снѣгомъ, платье въ лохмотьяхъ, вокругъ шеи что-то въ родѣ мѣха, — истертаго, изъѣденнаго молью. Стоптаные башмаки, ветхая одежда пропитаны водой и покрыты грязью.

Она лишилась чувствъ, потому мало-помалу пришла въ сознание, но оставалась разслабленною, съ неподвижнымъ взглядомъ.

— У нея силъ нѣтъ больше!

— Откуда она пришла?

— Нужно переодѣть ее и уложить спать.

— Можетъ быть, она голодна?

Сесиль придвинула столъ къ сестрѣ, поставила передъ ней чашку супа, хлѣбъ, вино, остатки еще теплаго рагу, и несчастная дѣвушка набрасывается на ѣду, глотаетъ быстро, не останавливаясь, и кажется ненасытною. Сесиль вспоминаетъ бѣдняковъ въ Бюль Шомоа, которые пьютъ прямо изъ бутылки и откусываютъ отъ цѣлой булки. Она живо спускается внизъ, приноситъ яйца, сыръ, горшокъ варенья. Селина все еще продолжаетъ ѣсть, не разбирая ни вкуса, ни блюдо, которыя ей даютъ. Наѣвшись, она нѣсколько успокаивается, разнѣженная и согрѣтая теплотой отъ печки. Она все еще не можетъ произнести ни слова и смотритъ блуждающимъ взоромъ на постарѣвшую мать, на выросшую сестру.

— Ты даже меня не спросишь, гдѣ твоя маленькая дочка?— говоритъ мать.

— Моя дочка?—повторяетъ хриплый голосъ.

— Она умерла черезъ двѣ недѣли послѣ твоего ухода.

— Аа!

Селина остается съ открытымъ ртомъ, безъ слезинки, потому вся вдрагиваетъ.

— Постой!—говоритъ ей Сесиль.

Она становится на колѣни, снимаетъ съ сестры башмаки, какъ бы прилипшіе къ ногамъ отъ ледяной воды, затѣмъ—разорванные чулки, платье. Внизу у Селины ничего нѣтъ, кромѣ старой шерстяной юбки и рубашки изъ толстаго грубаго полотна. Изъ-подъ растегнутой рубашки видно исхудавшее, измученное, истощенное тѣло. Селина пошатывается. Сесиль ведетъ ее къ своей постели, укладываетъ, къ ея ледянымъ ногамъ кладетъ бутылку съ кипяткомъ, обернутую въ шерстяную тряпку, и цѣлуетъ ее.

Мать тоже подходитъ поцѣловать ее и тѣмъ-же машинальнымъ жестомъ, какъ дѣлала это когда-то прежде, оправляетъ ее, натягиваетъ одѣяло на плечи и кладетъ верхнюю перину на ноги. Селина сразу засыпаетъ; слышится ея дыханіе истощеннаго животнаго, нашедшаго, наконецъ, кровъ и забывшагося глубокимъ сномъ.

Объ женщины шопотомъ обмѣниваются нѣсколькими словами, чтобы подѣлиться горемъ.

— Я ее не узнаю болѣе,—говоритъ мать.—Помнишь, я какъ-то тебѣ говорила, что это не моя дочь! Это уличное созданіе! Откуда явилась она?

— Постараемся все-таки удержать ее у себя,—говоритъ Сесиль,—не нужно ничего спрашивать у ней.

— Она ничего и не скажетъ. Она измѣнилась, но упрямство осталось въ ней прежнее. Ты можешь быть увѣрена, что ничего не добьешься отъ нея. Да я, впрочемъ, предпочитаю ничего не знать.

Одѣ легли вдвоемъ на постели матери, но спали мало эту ночь, до разсвѣта прислушиваясь къ слабому дыханію Селины.

На другой день, при дневномъ свѣтѣ, онѣ лучше разсмотрѣли ее. Она оставалась попрежнему красивой, но что-то страшное было въ ней,—не только благодаря болѣзненному цвѣту лица, синевѣ вѣкъ и слѣдамъ побоевъ на вискѣ, но также еще благодаря тому выраженію цинизма и отжитой молодости, какое явственно читалось въ ея блуждающихъ глазахъ и складкахъ искривленнаго рта. Ей дали кофе съ

молокомъ, хлѣбъ, масло. Она поѣла, вздохнула удовлетворенно и снова улеглась въ темную постель. Сесиль по обыкновенію отправилась въ свой магазинъ. Мать, окончивъ работу по хозяйству, сѣла на свое мѣсто у окна; она ни слова не говорила дочери, ожидая напрасно чего-то отъ нея.

Когда Сесиль вернулась домой, Селина еще спала. Младшая сестра дала ей чулки, крѣпкіе башмаки, юбку, кофту. Было двѣнадцать часовъ дня. Селина умылась, причесалась въ углу, и всѣ трое усѣлись у стола, на которомъ дымился супъ, наполняя комнату свѣжимъ аппетитнымъ запахомъ. Потомъ Селина направилась къ окну, посмотрѣла на улицу, снѣгъ, на большой садъ.

— Скучно здѣсь,—проговорила она.

— Вовсе нѣтъ,—поспѣшно возразила Сесиль, не давая времени матери отвѣтить.—Этотъ садъ совсѣмъ какъ лѣсъ. Здѣсь очень много птицъ, зимою—воробьевъ, а весной всякаго рода пѣвчихъ птичекъ: соловьевъ, дроздовъ. Увѣряю тебя, здѣсь очень хорошо, когда бываетъ солнце.

— А тамъ лучше, гдѣ ты была?—спросила мать.

Селина только нервно разсмѣялась на это.

— Какъ ты себя чувствуешь? Хочешь работать со мною?—опять вмѣшалась Сесиль.

— Мнѣ лучше. Правда, я измоталась, бродя по снѣгу. Мнѣ было трудно добраться сюда... Да, я хочу работать.

— Въ такомъ случаѣ устроимся здѣсь, у окна.

Обѣ сестры сѣли одна противъ другой, какъ то дѣлали когда-то давно, и матери казалось, что она снова видитъ своихъ прежнихъ дѣтей. Но съ тѣхъ поръ пальцы Селины отвыкли отъ работы, на нихъ нѣтъ слѣдовъ иглы, они пожелтели отъ папирозъ. По тому, какъ она шьетъ медленно, какъ поминутно смотреть въ окно на улицу, въ садъ, хотя тамъ ей не на что смотрѣть, видно, что ей скучно. Она вѣваетъ, потягивается своимъ дряблымъ тѣломъ, поясницу ей ломитъ, ноги судорожно дрожатъ.

Вечеромъ Сесиль предложила ей пройтись вмѣстѣ по кварталу. Молодой дѣвушкѣ хотѣлось приласкать свою дикую и непокорную старшую сестру. Она повела ее въ магазинъ, гдѣ продаютъ жареное, купила жареную курицу, чтобы угостить сестру вкуснымъ обѣдомъ. Изъ скопленныхъ денегъ она взяла немного золота, повела сестру на базаръ противъ церкви, въ магазинъ готоваго платья, купила ей ватное пальто и шляпу.

Селина позволила себя побаловать; на минуту ей доставило удовольствіе порыться въ лентахъ и матеріяхъ. А снѣгъ

по прежнему продолжает падать хлопьями. Сестры возвращаются домой подъ руку, подъ однимъ зонтикомъ.

Сесиль питаетъ нѣкоторую надежду повліять на свою старшую сестру, такую усталую, разбитую, рядомъ съ которой она идетъ теперь увѣренной походкой съ рѣшительнымъ видомъ.

— Сколько ты зарабатываешь?—спрашиваетъ Селина.

— Смотря какъ: три, четыре франка въ день, а когда бываетъ работа на двоихъ, то съ мамой мы зарабатываемъ пять и шесть франковъ.

— А-а! И тебѣ весело?

— Я не скучаю. У меня всегда есть дѣло, и мама со мною.

Наступило молчаніе.

— А ты?—спросила Сесиль.—Вчера, когда ты пришла, ты не походила на тѣхъ, кому весело. Что-же ты дѣлала? Что ты дѣлаешь?—ласково спрашивала она.

— Все,—грубо отвѣтила Селина.

— Бѣдняжка! Неужели ты не хочешь снова жить съ нами теперь?

— Ахъ, не надоѣдай мнѣ!—воскликнула та, вырывая руку,—а то я сейчасъ-же уйду отъ тебя, хоть къ чорту.

Онѣ были уже у церкви, оставалось повернуть на Лассю, чтобы попасть на улицу Лувенъ.

— Ну, я не буду больше. Идемъ-же, не упрямясь. Вѣдь не захочешь-же ты, чтобы я напрасно купила курицу!

Селина пошла за сестрой. Такъ-же жадно, какъ наканунѣ, поѣла она супу, курицы, десертъ, потомъ легла спать, не уже съ болѣе здоровымъ лицомъ, и уснула болѣе спокойнымъ сномъ.

На другой день утромъ она захотѣла проводить Сесиль въ магазинъ, на улицу Лафайетъ.

— До свиданія, мама!—сказала она уходя, какъ въ то время, когда она была дѣвочкой.

Мать въ свою очередь поцѣловала ее. Сесиль посмотрѣла на лицо сестры, прильнувшее къ старческому лицу матери. Найдутъ-ли онѣ обѣ, подумала она, тѣ чувства, которыя нѣкогда взаимно питали другъ къ другу.

Обѣ сестры прошли Бюгъ Шомонъ. Солнечный лучъ украдкой освѣщаль зеленыя ели, голыя вѣтки, снѣжные холмы. Сесиль рассказывала о своихъ прогулкахъ съ матерью, обо всемъ, что ихъ интересовало, о деревьяхъ, цвѣтахъ, птицахъ, людяхъ. Селина слушала ее, изрѣдка прерывая какимъ-нибудь случайнымъ замѣчаніемъ. Вскорѣ онѣ

дошли до улицы Секретаевъ, вотъ каналъ, и онъ уже на улицѣ Лафайетъ. Это совсѣмъ близко одно отъ другого.

— Ты пойдешь со мною? — спрашиваетъ младшая сестра.

— Нѣтъ, лучше я подожду тебя, — отвѣчаетъ старшая.

И она прибавила нерѣшительно:

— У тебя есть еще немного денегъ? Я ихъ отдамъ тебѣ, будь спокоина. Мнѣ необходимо купить одну вещь.

Сесиль понимаетъ, что сестра не хочетъ уйти безъ денегъ, вернуться съ пустыми руками туда, гдѣ ее ожидаютъ. У честной дѣвушки подымается чувство негодованія и возмущенія.

— Мнѣ самой нужны деньги! Мама нездорова, мнѣ надо заботиться о ней. Дѣлай, какъ я, работай, оставайся съ нами.

— Такъ ты не дашь?

— Какая ты безсердечная, Селина.

Но старшая сестра, занятая одной мыслью, продолжаетъ настаивать.

— Такъ, значить, нѣтъ?

Сесиль съ грустью даетъ сестрѣ немного денегъ.

— Ты уходишь?

— Н-нѣтъ! Я сейчасъ вернусь.

— Прощай! — говоритъ Сесиль.

Догадка ея оказалась вѣрной. Когда она вышла изъ магазина, Селины не было.

Напрасно она прождала ее нѣсколько минутъ. Вернулась она одна. Мать вопросительно посмотрѣла на нее; дочь отвѣтила ей отрицательнымъ кивкомъ головы.

Прошла зима. Селина не вернулась. Мать ослабѣла еще больше, все чаще съ озабоченнымъ видомъ подолгу искоса поглядывала на Сесиль и отворачивалась, когда дочь, чувствуя ея взглядъ, подходила обнять ее. Она дѣлала всѣ усилія, чтобы казаться твердой, разговаривала, работала, иногда прерывала работу, словно подъ вліяніемъ сильной боли.

— Что съ тобою, мама?

— Ничего, это сейчасъ пройдетъ.

Наконецъ, наступила весна. Мать словно ожила, снова ходила гулять съ Сесиль, какъ вдругъ однажды, лѣтомъ, въ іюль, почувствовала себя плохо.

Сесиль побѣжала за докторомъ. Добрый врачъ покачалъ головой, далъ наставленія и обѣщалъ прійти еще разъ. Сесиль пошла проводить его на площадку лѣстницы.

— Ваша мать очень слаба, она очень истощена.

— У ней столько было горя! Столько горя, что больше его мелья и имѣть! Но она поправится, не правда-ли?

— За ней нуженъ хорошій уходъ,—уклончиво отвѣтила докторъ.—Итакъ, до завтра! Я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Что тебѣ сказалъ докторъ?

— Что завтра тебѣ будетъ лучше, мама.

— Можетъ быть. Но видишь-ли, Сесиль, не нужно обманывать себя. Я умираю, я чувствую это. Не пугайся—прибавила она, увидя взволнованное лицо дочери.—Я, вѣдь, не говорю, что это сейчасъ случится. Я могу еще долго протянуть. Но видишь-ли, я все-таки должна сказать когда-нибудь то, что мнѣ нужно тебѣ сказать. А потомъ объ этомъ уже никогда не будетъ рѣчи... Никогда!—повторила она послѣ нѣкотораго молчанія.

Она говорила это пониженнымъ, прерывающимся голосомъ. Сесиль прислонилась къ кровати матери.

— Выслушай меня,—продолжала та.—Много горя перенесла я въ жизни, и не будь тебя, я не жалѣла бы, что приходится умирать. Самое большое для меня горе—оставить тебя одну. Тебѣ семнадцать лѣтъ. Что ты будешь дѣлать?.. Я хочу сказать, что ты сдѣлаешь, если я умру теперь? Хорошо еще, что Селина насъ покинула. Она могла бы тебя погубить.

— О, мама!

— Впрочемъ,—это вѣрно, Сесиль, я неправа, прости меня. Ты меня утѣшаешь—говорила бѣдная женщина,—но что съ тобою дальше будетъ, сколько затрудненій встрѣтишь ты?.. И самое худшее то, что я не знаю, что сказать тебѣ, что посоветовать. Это меня мучить... Оставить тебя такъ, не имѣть возможности научить тебя, сказать тебѣ: „сдѣлай такъ-то, или сдѣлай вотъ такъ“. Обѣщай мнѣ беречь себя—у тебя никого нѣтъ, ты ничего не знаешь... Обѣщай мнѣ быть всегда моей дочкой, мужественной и честной.

Нѣсколько крупныхъ слезъ выкатилось изъ ея глазъ, закаленныхъ жизненными испытаніями, и остановились на синеватыхъ щекахъ.

Сесиль бросилась къ ней въ объятія, осушая своими поцѣлуями эти слезы страшнаго внутренняго страданія, раздиравшаго сердце матери. Обливаясь сама слезами, но стараясь говорить твердымъ голосомъ, она отвѣтила въ порывѣ какой-то необычайной энергіи.

— Ничего не бойся, мама! Ты будешь жить. А когда наступитъ день, что и тебя больше не будетъ, ты все-таки оста-

нешься съ твоей дочерью. Никогда не покину я тебя. Ты говоришь, что я ничего не знаю,—я все знаю. Ты говоришь, что у меня никого нѣтъ, кромѣ самой меня,—этого достаточно. Я сумѣю сохранить себя. Не теряй бодрости, соберись съ силами и не бойся за меня. Что касается до меня, я боюсь только одного—видѣть тебя умирающей. Такъ-то мамочка, вѣрь своей дочкѣ.

Героическая дѣвушка улыбается, а глаза матери снова блестятъ живымъ блескомъ, исхудавшее лицо свѣтится радостью. И въ самомъ дѣлѣ, она находитъ у себя достаточно силъ, чтобы сжать голову дочери въ своихъ объятіяхъ. Потомъ она кладетъ свою сѣдую голову на молодое и сильное плечо дочери и перестаетъ двигаться.

Съ минуто оставались онѣ въ такомъ положеніи. Затѣмъ Сесиль показалось удивительнымъ, что не слышии ни словъ, ни дыханія. Тогда она сняла со своей шеи руки матери, онѣ упали внизъ, безжизненныя. Она посмотрѣла въ лицо: глаза были открыты, но неподвижны, тѣло стало бѣлое какъ воскъ. Она хотѣла поднять мать, все тѣло повалилось.

— Мама! Мама!

Она обливала слезами лицо и безжизненные руки, но на отчаянные призывы не получала отвѣта.

Сесиль бросилась скорѣе къ сосѣдкѣ, къ доктору. Воды, укуса. Но все оказалось бесполезнымъ, и прибѣжавшій докторъ посоветовалъ дѣвушкѣ закрыть прекрасныя сѣрыя глаза матери; которые смотрѣли, не видя.

— Мама! Мамочка!

Сосѣдка предложила свои услуги. Сесиль согласилась принять ихъ. Вдвоемъ онѣ одѣли мертвую и затѣмъ, когда все было устроено, свѣча зажжена, всѣ распоряженія сдѣланы, молодая дѣвушка заявила напрямикъ, что ей больше никто не нуженъ, что она одна останется у тѣла матери. Усѣвшись въ большое кресло, она взяла холодную руку матери и всю ночь думала. Мысленно разговаривала она съ той, которая ее уже больше не слышала. Было уже очень поздно, когда она, обезсиленная, уронила голову на руку матери, которую все время продолжала держать и заснула подлѣ матери въ послѣдній разъ, точно совсѣмъ маленькій ребенокъ.

Она проснулась въ ледяной отъ стужи комнатѣ, при видѣ догоравшей свѣчки вспомнила все и увидала мертвую, всю въ бѣломъ, въ ея бѣлой постели.

На другой день Сесиль поспѣшно принялась шить себѣ траурное платьѣ. Услужливая сосѣдка провела съ нею ночь,

болтала, старалась занять молодую дѣвушку, отвлечь ее от горя. Она сообщила ей, что завтра четырнадцатое іюля, первое четырнадцатое іюля республики. Сесиль забыла об этомъ. Вечеромъ и довольно поздно ночью онѣ слышали выстрѣлы петардъ и ритуриели музыки, подъ которую танцевали на улицѣ. Только послѣ полуночи Сесиль легла въ постель и заснула или сдѣлала видъ, что спитъ. Время отъ времени она вставала, подходила къ матери, ощупывала ея руки, лобъ, гладила ея бѣлые волосы. Сосѣдка спала въ креслѣ.

Утромъ Сесиль пошла проводить гробъ въ церковь, потомъ на кладбище, гдѣ было погребено столько ея близкихъ и постороннихъ. Весь кварталъ украшенъ флагами, все населеніе веселится, ѣсть, пьетъ на столикахъ, разставленныхъ на тротуарахъ. Шумъ не прекращается при появленіи черныхъ дрогъ, за которыми слѣдуютъ молодая дѣвушка и жильцы ихъ дома.

Похороны быстро кончены. Сесиль приходитъ домой, приводитъ въ порядокъ комнату, снова плачетъ, убирая одежду и бѣлье, ставитъ свой приборъ на столъ и обѣдаетъ съ мыслью, что во всемъ этомъ она повинувается волѣ покойной. Вечеромъ она машинально выходитъ на улицу и теряется въ толпѣ.

На столбахъ, по улицамъ Бельвиль и Пиренеевъ, вокругъ меріи развѣваются флаги. На улицѣ Сорбье раскинулись праздничныя сооруженія, гремятъ бубны. Очаровательный видъ представляетъ эга широкая улица, окруженная садами, поднимающимися по холмамъ вверхъ, откуда вырисовываются въ дымкѣ дома, изукрашенные разноцвѣтными венеціанскими фонариками. Концерты на открытомъ воздухѣ играютъ то танцевальныя мелодіи, то патриотическія пѣсни. Передъ эстрадами, украшенными зеленью, гдѣ громко звучатъ трубы и нѣжно вадыхаютъ скрипки, толпа подпѣваетъ оркестру. Подъ мотивы танцевъ пляшутъ парочки, украшенные трехцвѣтными національными значками. Танцевальный ритмъ носится въ воздухѣ, какъ стая веселыхъ птичекъ. Группы прохожихъ останавливаются, прослушаютъ отрывокъ музыки и уходятъ далѣе, уступая мѣсто вновь пришедшимъ, заполняютъ собою улицы, проходятъ подъ триумфальными арками, украшенными флагами, цвѣтами, гирляндами, надписями, республиканскими изреченіями, любятъ остроумнымъ убранствомъ оконъ, чудесами парижскаго искусства изъ золоченой бумаги, символическими картинами, девизами, составленными изъ различныхъ цвѣточныхъ соче-

таней, и цвѣтными транспарантами. Все это горитъ при свѣтѣ газовыхъ огней, венеціанскихъ фонариковъ, сверкаетъ разноцвѣтнымъ блескомъ.

На перекресткахъ возвышаются на особыхъ предесталахъ статуи республики съ лавровыми вѣтвями и колосьями, пышныя какъ Цереры, а вокругъ этихъ мирныхъ богинь распѣваются воинственные пѣсни.

Все, кажется, поетъ: мостовыя, кабачки, улицы, переулки, рабочіе кварталы, бѣдные дворы, самыя ужасныя постройки этой отдаленной части Парижа. Обитатели жалкихъ лачугъ празднуютъ національный праздникъ; на сѣрыхъ влажныхъ камняхъ, на окнахъ безъ занавѣсокъ видѣются трехцвѣтныя украшенія. У входа въ дома, въ сѣняхъ видѣются среди зелени бюсты республики; жалкіе домишки и тѣ прикрѣпили къ своимъ обветшалымъ отъ старости и сумрачнымъ стѣнамъ огненные звѣзды.

Флаги, фонари, музыка, танцы прекращаются лишь у стѣны кладбища Перъ-Лашевъ,—ея суровая линия преграждаетъ путь веселью.

Сесиль дошла до этого мѣста, вся охваченная праздничнымъ шумомъ. Она думала обо всемъ, что произошло въ ея жизни, равно какъ и въ жизни столькихъ другихъ людей, до этого дня танцевъ, пѣнія, празднества и веселья. Она вспомнила о зимѣ во время войны 1870 года, когда она бродила вдоль побѣлѣвшихъ отъ снѣга аллей этого кладбища, держась за руку сестры Селины. Ей казалось, что она опять услышитъ черезъ этотъ праздничный трескъ петардъ и ракетъ глухіе пушечные выстрѣлы, гремящіе надъ Парижемъ. Она расплакалась, вспомнивъ вдругъ своего брата Жюстена, всегда серьезнаго и важнаго, убитаго тогда въ Бузенвалѣ; мать нашла его между трупами, разложенными рядами, какъ солдаты. Сесиль вспомнила также и Жана, такого добраго, кѣжнаго; она представила себѣ, какъ его убили у стѣны, точно бѣшеную собаку. Призраки появлялись въ видѣ ожившихъ фрескъ на темной стѣнѣ; предъ ней проходили: ея отецъ, ея добрый, хорошій старикъ, который убѣждалъ далеко отъ жены и дочерей, переставъ ихъ узнавать, и умеръ, священный сумасшедшей рубашкой; ея мать, только что ушедшая въ вѣчный покой, послѣ своей энергичной, молчаливой и скрытной жизни борца и мученицы; ея старшая сестра, Селина, павшая неизвѣстно гдѣ, одновременно живая и мертвая.

Перебирая такимъ образомъ свое прошлое, Сесиль почувствовала себя сразу вдругъ выросшей и измѣнившейся. Предъ ней мысленно пронеслась еще цѣлая вереница людей, жазъ

которой ясно отпечатлѣвались отдѣльныя фигуры. Она увидѣла, что она уже не маленькая дѣвочка, которой нужно учиться жизни, что она становится женщиной и что ей также пришло время принять участіе въ жизненномъ горѣ и счастьи.

Она покинула мрачную стѣну, простилась съ безмолвными тѣнями, которыя только что пронеслись передъ ней, и вытерла слезы, струившіяся по щекамъ. Свѣтъ, шумъ, толпа бѣдноты—все это говорило ея грустному сердцу, что дни радости и несчастья продолжаютъ. Сесиль Помье, вдумчивая и рѣшительная, вступила на жизненный путь.

Перев. съ франц. Е. С.

Конецъ.

Наши сестры.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

XII.

Въ квартирѣ Фрейды все еще никого не было. Маси уже два раза напрасно стучалась въ дверь, время летѣло быстро, и она начинала приходить въ отчаяніе.

— Достанется мнѣ отъ хозяйки,—угрюмо думала она, стоя у входа во флигель и не зная, на что ей рѣшиться; уйти-ли, продолжать-ли ждать?..

Сумерки приближались. Свѣтъ поднялся выше, въ небо, маленькія облака, еще недавно похожія на гордыхъ бѣлыхъ лебедей, потемнѣли, покрывшись у краевъ янтарно-лимонной желтизмой, а внизу отъ тѣней дворъ и строенія стали коричневыми. Въ маленькихъ грязныхъ оконцахъ ослѣпительно ярко играли косые лучи солнца.

— Ты еще здѣсь,—раздался вдругъ шамкающій старческий голосъ?—Подойди-ка ко мнѣ, дѣвочка,—хочу на тебя посмотреть.

Маси подняла глаза. Это была нищая Малка, милая старушка, дѣлившаяся съ сестрами Маси пряниками, когда находила ихъ въ своемъ мѣшечкѣ. Маси улыбнулась и быстро подошла къ ней, говоря на ходу:

— Здравствуйте, бабушка, а я думала, что васъ дома нѣтъ...

— Ну-ну, кто думаетъ о старухахъ, какъ живу?.. Я тоже была молода. Расскажи мнѣ о городѣ,—давно уже не была тамъ.

Она положила подлѣ себя мужскую палку, которую только что держала, плотно завернулась въ свои лохмотья и добродушно сказала:

— Вотъ двѣ недѣли, какъ больна. Своимъ маленькимъ умомъ понимаю, что меня зовутъ... туда. Ты думаешь, нѣтъ? Какъ живу... зовутъ. Безъ меня тамъ субботы не могутъ сдѣлать... Какъ живу,—разсмѣялась она. Видишь солнце. Ну, такъ и мы, какъ живу! А пока пою о томъ, какъ однажды нищій на печи сидѣлъ и не имѣлъ хлѣба, чтобы поѣсть.

Она старческимъ голосомъ, тонкимъ и дрожащимъ запѣла о нищемъ, который сидѣлъ на печи, и закончила куплетъ хлопаньемъ въ ладоши, качаньемъ головой и припѣвомъ: „тра-та, тра-та-та!“

— Вы все такая-же веселая, бабушка...

— Да,—говорила Малка,—я таки люблю потанцевать. И отчего нѣтъ, какъ живу? Копейка моя выпрошенная, не знаешь, что я тебѣ скажу, молодая дѣвочка? Она у всѣхъ выпрошенная, какъ живу! Человѣкъ любитъ обманывать, такъ ему легче. А я знаю, что у всѣхъ копѣйка выпрошенная. Одинъ просить словами, а другой—кулаками, какъ живу. Такъ не радоваться, яблочко мое? Нагнись, я тебѣ поцѣлую. Я люблю молодое, свѣжее, какъ живу.

Она говорила, шамкала, смѣялась, и, какъ голосъ невѣрнаго, неслись ея слова. Масы нагнулась. Кто-то подлѣ крикнулъ.

— Что тамъ такое? Опять Шая... Да, и играютъ.

Нѣсколько женщинъ бросились къ послѣднему флигелю, гдѣ уже стояла толпа полукругомъ.

— Пойду и я посмотрю,—проговорила Масы, обращаясь къ Малкѣ.

У стѣны стоялъ кривой, сѣденькій старичокъ, и, держа надбородкомъ скрипку, приложивъ къ ней ухо, точно прислушивался къ звукамъ, усердно пилилъ что-то уныло-веселое. Въ полукругѣ, разбрасывая руками, плясалъ плотный старикъ, съ густой сѣдой бородой, въ красной фуфайкѣ, и, охорашиваясь, пьяными глазами осматривалъ публику.

— Я танцую,—вскрикивалъ онъ хриплымъ голосомъ.— Шая танцуетъ... Народъ, дайте мѣсто. И нищій, и Шая, а ему весело. Играйте, Шмиль... Отчего умираетъ еврей? Отъ стыда, отъ стыда,—не отъ голода! Играйте, Шмиль! Тай, тай, тай...

Онъ билъ руками въ ладоши и подбрасывалъ ихъ вверхъ, прищелкивалъ пальцами, подпѣвалъ, а всѣ кругомъ вторили

ему, готовы сомкнуться въ кругѣ. Какая-то женщина, немолодая, полная и красная, подбѣжала къ нищему и крикнула:

— Я танцую съ вами, Шая!

— Люблю молоденькихъ женщинъ,—идите Двоя...

Онъ обхватилъ ее за спину и, вертя ногами, выкрикивалъ:

— Что случилось съ моей дочерью отъ первой жены? Она вышла замужъ,—отвѣтилъ онъ сейчасъ-же.—Танцуй, Шая!.. Безъ копейки вышла замужъ,—веселѣе, Шая!.. За старьевщика, за хорошаго старьевщика. Танцуй, Шая... Гдѣ она теперь? У своего мужа, у своего мужа, тай, тай, тай... Играйте, Шмиль, мои ноги старше вашихъ рукъ! Поймалъ мужа для своей дочки, тай, тай, тай...

— У васъ на свадьбѣ!—крикнулъ кто-то.

Кривой скрипачъ пилилъ, пилилъ. Онъ стоялъ уже полусгорбившись, судорожно согнувъ локти, а Шая все кричалъ, что его ноги старше рукъ музыканта.

Мася опомнилась, выбралась изъ толпы и снова зашла въ темный корридоръ, гдѣ играли дѣти. Шумъ и музыка едва доносились сюда. Какъ будто ее позвали, она нехотя оглянулась. Нищій все плясалъ, размахивалъ руками, и отсюда, въ красной фуфайкѣ, оборванный, онъ казался отвратительнымъ кровавымъ пятномъ на сѣромъ фонѣ грязнаго двора. Она отвернулась, вспомнивъ пріятныя комнаты, въ которыхъ вертѣлась, и ее охватила досада противъ сестеръ, которыя тащили ее сюда, не давали ей жить. Мелькнули мысль и раскаяніе, что она отлучилась отъ нихъ, но сейчасъ погасли... Женщины кричали, подпѣвали, ужасныя въ своихъ жалкихъ платьяхъ, и ихъ жесты, и нищій, и этотъ гнусный дворъ, съ гнусными строеніями, казалось, дразнили, что отсюда нельзя вырваться.

„Я не приду сюда больше“,—испуганно подумала Мася. Смутная радость охватила ее. Вспомнился хозяинъ, Володя, Миша, которые преслѣдовали ее, и теперь, среди этой нищеты и безнадежности, какъ о радугѣ, словно солнцемъ, обогрѣтая, она подумала о нихъ... Не человѣческое, но тѣло ей нужно было богатымъ людямъ, пусть тѣло, и въ тягостномъ настроеніи безпокойства служба показалась не мерзкой западной и неволей, а счастливой пристанью, предназначенной для избранныхъ.

Сторонясь дѣтей, она рѣшительно подошла къ комнаткѣ Фрейды, сказавъ себѣ, что сейчасъ-же уйдетъ, если никого

не застанеть. Замка уже не было на двери, и сама она была чуть притворена.

— Кто-то вернулся,—подумала Маса, съ бьющимся сердцемъ входя въ каморку.

Было тихо. Въ углу стояла четырнадцатилѣтняя Маля, бѣзъ кофточки, и умывалась изъ кружки, проливая воду прямо на полъ. У окна сидѣла Ханка, задумчиво выглядывала во дворъ и, какъ варослая, поминутно ломала тоненькіе пальчики, которые хрустѣли, словно отъ испуга. Она носила чистенькую пумсовую кофточку, и къ ея строгому дѣтскому лицу, съ узенькими морщинками на лбу, чрезвычайно не шла синяя ленточка, вплетенная въ черные волосы. Юбка на ней не была застегнута, и вся она казалась какой-то изумленно-потерявшейся, блуждавшей.

— Смотри-ка,—проговорила съ удивленіемъ Маля, вытирая лицо,—Маси!

Маси стояла, потрясенная отъ волненія, и губы ея дрожали, слова не выговаривались. Все ея равнодушіе за минуту назадъ, вся ея отчужденность моментально пропали, и что-то теплое, страдающее уже наливалось около сердца, какъ только она увидѣла знакомое худенькое лицо черно-волосой, черноглазой дѣвочки, которая выросла на ея рукахъ. Жалость и мученіе собрались въ клубокъ, и, какъ камень, утыканный остріями, подкатились къ горлу и поглотили въ глазахъ слезы, въ сердцѣ ужась.

— Гдѣ ты пропадала?—шепнула она.

Она быстро подошла къ ней и не то съ любовью, не то съ гнѣвомъ подняла ее со стула. Ханка равнодушно нагнулась, чтобы подобрать упавшую юбку, и столь трогательной мелькнула она въ одной рубашкѣ, съ стыдливими жестами ребенка, что Маса не выдержала отчаянія и тихо крикнула.

— Гдѣ-же ты была, дорогая моя, несчастная?

Маля мѣшала ей, мѣшала сердцу, желавшему тайны, и Маса, обернувшись къ дѣвочкѣ, съ тоской спросила:

— Ты сейчасъ уйдешь?

— Вотъ стемнѣетъ,—нагло отвѣтила Маля,—и пойду къ моему миленькому...

Она стала примѣрять какую-то кофточку съ красными разводами, напѣвая модную уличную пѣсеньку, и Маса вѣтъ себя отъ горя схватила Ханку за руки и потащила ее въ темный корридоръ, гдѣ играли дѣти. Ханка на ходу перевязала юбку и, очутившись во тьмѣ, среди шума дѣтскихъ

голосовъ, съ упрямствомъ уставилась на Маси, будто видѣла ее, и хотѣла показать взглядомъ, что ничего не скажетъ.

— Ну, Расскажи-же,—заговорила Маси, сдерживая слезы,— Расскажи-же, дорогая моя.

Ханка молчала. Какъ мертвая или какъ живая глина, стояла она и, казалось, думала о другомъ, нездѣшнемъ. Маси угрожала и требовала,—ни звука, ни слова не сорвалось съ ея губъ. И только тогда, когда та крѣпко заплакала, когда, обнявъ ее и припавъ къ ней лицомъ, замолила трогательными, плачущими словами, дѣвочка коротко, какъ въ пространство, тихо сказала:

— Бога нѣтъ.

Дѣти шумѣли, кричали, дрались. Они играли въ темнотѣ, привыкнувъ къ ней, какъ кошки, и она не мѣшала имъ. Мальчики и дѣвочки держались всегда вмѣстѣ, и тутъ, въ этомъ вонючемъ, грязномъ мѣстѣ, начиналась первая школа жизни. Они повторяли въ играхъ, нелѣпныхъ и преступныхъ, все то, что происходило въ семьяхъ, играли въ хозяина и работника, играли въ мужчину и женщину, представляли нищихъ, воровъ, и безправіе и развратъ царили здѣсь, какъ среди взрослыхъ.

Маси стояла и тихо трепетала: „Бога нѣтъ!..“ Это было какъ откровеніе, какъ паденіе въ бездну, безъ крыльевъ, съ камнемъ на шеѣ. „Богъ!.. Богъ!.. Что такое Богъ?..“

— Я любила Гришу,—шептала Ханка съ сожалѣніемъ, крѣпко прижимаясь къ затуманенной Маси,—да, любила... Ходила по городу нищенствовать и ему отдавала деньги. И о Богѣ не думала...

И она продолжала о Гришѣ, а Маси меланхолично слушала, вспоминая, какъ онъ и ей нравился, и какъ боролась съ собой, чтобы не отдаться ему.

— Вотъ ты плачешь,—просто говорила Ханка, и было страшно, что она говоритъ просто, а не съ ужасомъ, не съ содроганіемъ,—а я перестала. Слушаюсь Яшки, и дѣлаю все, что онъ прикажетъ... Я боюсь его... Не люблю, такъ ужъ не люблю, но слушаюсь, нищенствовать на улицу выхожу,—онъ все сдѣлалъ со мной.

— Почему-же ты мнѣ не рассказала?—съ отчаяніемъ вырвалось у Маси.

— Развѣ я твоя теперь? Я его,—дрожа, выговорила она.— И отъ солнца темно, и въ душѣ темно. Бога нѣтъ, и убить себя не могу...

Она не выдержала, заплакала и призналась.

— Теперь пришла изъ „дома“, Маси! Три дня я жила

тамъ и боялась, такъ я боялась. Замучили меня богатые! И старые, и молодые, а имъ дѣвочки не жалко!.. Нѣтъ Бога!..

Она казалась такой растерянной, испуганной, что это терзало Маси больше, чѣмъ само несчастье, чѣмъ всё бѣды ребенка. И обѣ стояли, обнявшись, смѣшавъ свои слезы, и вдыхали о томъ, что Бога нѣтъ, что некому ужъ ихъ защищать въ этой проклятой жизни. Безъ крыльевъ онѣ падали въ бездну съ камнемъ на шеѣ. Онѣ падали, все падали...

XIII.

Весна кончилась... Въ радостяхъ тепла, въ безустанномъ сіяніи дней, незамѣтно пролетѣли недѣли, мѣсяцы. Акація давно осыпалась, сухіе, запыленные листья валялись у стволовъ, трескались на вѣтвяхъ отъ солнца, — появились телѣжки съ крыжовникомъ, съ смородиной, и все это быстро, быстро пролетѣло какъ сохъ. Камни ужъ задышали зноемъ, асфальтъ повсюду, гдѣ былъ, размягчился, и всё люди, сколько ихъ находилось на улицѣ, жаловались на жару... Пришло лѣто...

Катя окончательно разсталась съ Маркусомъ, послѣ того, какъ изъ ревности онъ избилъ ее, и все чаще поговаривала о своихъ видахъ на ухаживавшаго за ней сапожника, который владѣлъ небольшой мастерской. Сапожникъ приходилъ по субботамъ, звалъ ее гулять, а она стыдливо отказывалась и вела себя такой недотрогой, что удивляла всѣхъ своимъ искусствомъ притворяться. По тѣмъ-же соображеніямъ о сапожникѣ, она почему-то прекратила связь съ Володей. Потомъ, неизвѣстно почему, отдалась Мишенькѣ, который отъ неожиданной побѣды совершенно потерялся, и съ такой опрометчивостью сталъ красть для нея деньги изъ комода, что скоро былъ пойманъ и избитъ отцомъ до полусмерти.

Маси съ того времени, какъ повидалась съ Ханкой, больше не отлучалась изъ дому и не то опустилась, не то приизилась. Сестры изрѣдка приходили къ ней, свиданія были невыносимы, и она сама первая торопилась прекратить ихъ. Жалость дорогая и жалость нѣжная потрясали, утомляли ее, и только о чемъ-нибудь свѣтломъ и пріятномъ хотѣлось ей мечтать. Ни въ чемъ она уже не находила опоры, утѣшенія, и въ мукахъ тяжелаго отчаянія не спала по ночамъ, чувствуя, что жизнь пропала. Съ зажмуренными

глазами она могла представить себя Ханку, и отъ всѣхъ угловъ, какъ говорящій звонъ, неслись къ ней слова: „Бога нѣтъ!..“ И сама глядѣла въ какую-то точку тьмы, и сама шептала: „Бога нѣтъ...“ Какъ будто до сихъ поръ была крѣпкая стѣна, о которую она опиралась безсознательно и твердо, и стѣна упала. Никогда она не думала о Богѣ, ничего не знала о томъ, какъ его славятъ, но все-же жило въ ней что-то самоувѣренное, гордое, ясный уголъ въ сердцѣ, гдѣ былъ Онъ. Она страдала, недоумѣвала, не понимала, но былъ Онъ! Слово сама была единственнымъ человѣкомъ въ мѣрѣ. Онъ долженъ былъ ее охранять, и какъ бумажка въ тру легко покорялась и принимала жизнь. Онъ добрый, Онъ мудрый, Онъ самъ несъ ее въ своихъ могучихъ рукахъ. Самъ опускался съ ней въ пропасти... „Бога нѣтъ?“— она строго спрашивала, будто стала судьей обманщика, а въ глубинѣ души, гдѣ былъ свѣтлый уголъ, висѣла пустота, скучная, безнадежная...

Но эти драгоцѣнные дни и ночи, когда она впервые почувствовала человѣка въ себѣ, и мозгъ ея заливался горячей кровью страданія, эти дни скоро прошли, перестали вспоминаться, и она какъ-бы махнула рукой на все. Иногда еще казалось ей, что хорошо было-бы убить себя, такимъ желаннымъ и радостнымъ чудился покой подъ землей, гдѣ ничего уже не нужно человѣку, и кругомъ и въ ней будетъ тишина, блаженная тишина. Но падали и падали удары на нее, какъ изъ судороги рождалась разнузданность, и, въ желаніи радостнаго возмездія, она выбѣгала по вечерамъ къ воротамъ, мечтая о любовникѣ, который-бы заплатилъ за ея страданія... Она шла и къ подругамъ слушать отравленные разговоры о любовныхъ связяхъ, счастливыхъ, несчастныхъ, заигрывала наивно и неумѣло съ ихъ любовниками, и будто за дѣломъ мчалась по чернымъ лѣстницамъ, съ мыслью встрѣтить свободнаго мужчину и сойтись съ нимъ. Какъ слѣпая, съ однимъ желаніемъ веселаго отомщенія тому, кого не было, тому, кто обманулъ ее, она нарочно попадалась на глаза хозяину и Володѣ, дразнила ихъ своими толканіями, нечаянными касаніями оголенныхъ рукъ, и словно любила, тайно ревновала Володю къ приходившимъ въ гости подросткамъ-барышнямъ... Но все еще не сдавалась ни отцу, ни сыну, боясь, какъ смерти этого послѣдняго шага.

Въ серединѣ іюля весь дворъ былъ потрясенъ и поставленъ на ноги самоубійствомъ служанки Лизы, которую нашли повѣсившеюся въ прачешной. Недѣлю тому назадъ

Маюрка снова побилъ ее и никто тогда не повѣрилъ ей угрозамъ лишить себя жизни. Теперь служанки, стоя подлѣ прачешной въ ожиданіи полиціи и оглядывая тѣло, лежавшее на полу, вспоминали ея слова и со страхомъ раздумывали—не о ней, о своей судьбѣ...

— Ей лучше,—говорила Маса тихимъ голосомъ, поднимаясь наверхъ съ Катей,—вѣрьте, ей лучше. Что еще ждеть насъ?

Весь день она провела въ странной, невыносимой тоскѣ, и когда вечеромъ Катя, какъ не разъ соблазняла, предложила ейъ пойти гулять, она съ лихорадочной радостью согласилась, словно только этого и ждала.

— Я не святая,—бормотала Катя,—сапожникъ долго раздумываетъ...

— Говорите, говорите,—просила Маса,—теперь мнѣ нужны слова, крѣпкія слова, какъ молотки, какъ топоры...

Въ первый разъ Маса увидѣла городской паркъ. Она шла, какъ въ туманѣ, за Катей, и не то ее радовало, что кругомъ было весело, оживленно, а люди въ освѣщеніи парковыхъ фонарей казались счастливыми, и не то, что доносился прибой моря, а музыка съ веранды какъ-бы подняла всѣхъ и носила по пахучимъ аллеямъ,—словно большую цѣпь она порвала и вырвалась на свободу. И когда къ Катѣ подошли знакомые солдаты, то сама заговорила съ ними, согласилась пойти къ одному на квартиру и все смѣялась, будто нашла ключъ къ жизни.

— Сегодня смѣяться, а завтра хоть смерть,—пронеслось у нея въ головѣ...

И пила пиво съ Катей, чокалась съ солдатиками, сидѣла у нихъ на рукахъ, и полупьяная едва вырвалась...

— Пропала жизнь,—угрюмо думала она на слѣдующее утро, проснувшись съ тяжелой головой и съ омерзѣніемъ вспоминающая, какъ провела наканунѣ вечеръ.

Она развела самоваръ и пошла въ комнаты. Столовая была залита свѣтомъ, и чистота, и красота обстановки на мигъ ослѣпили ее. Теперь,—подавленная, съ смутнымъ пониманіемъ того, что въ ней происходило,—не назойливыхъ враговъ-мучителей видѣла она въ мертвой роскоши, а мощную силу, которая укрывала людей отъ ударовъ. Они были дороги, цѣнны, безумный трудъ нуженъ былъ-бы для обладанія ими, но кто лучше ихъ, вѣрнѣе ихъ, могъ-бы ее защитить? Какъ воины молчаливые и всемогущіе стояли они здѣсь во всѣхъ комнатахъ, и не пропускали ни съ какой стороны несчастья, заботы.

Она незамѣтно проработала до завтрака, углубленная въ мысли о богатствѣ, и когда вернулась въ кухню, была еще долго полна мечтаніями.

Часа въ два прибѣжала дѣвочка со двора и сообщила, что Ханка ждетъ Маси въ подъездѣ.

— Опять что-то случилось,—беззвучно проговорила Маси, выбѣгая изъ кухни.

На лѣстницѣ ее насильно остановила служанка Роза, шедшая навстрѣчу съ веселымъ лицомъ.

— Куда вы?—спросила она,—а я къ вамъ. Что-то хорошее имѣю рассказать о себѣ.

— Хорошее?—недовѣрчиво переспросила Маси, спускаясь на двѣ ступеньки.—Идите наверхъ, я сейчасъ вернусь.

Она побѣжала дальше и, очутившись въ подъездѣ, сейчасъ-же замѣтила Ханку, стоящую у воротъ.

— Ну?—задыхаясь, спросила она, быстро подходя къ дѣвочкѣ.

Маси не видѣла ее больше двухъ недѣль и внимательно, какъ мать осмотрѣла ее лицо, одежду... Ханка еще больше осулась, подглазныя кости и подбородокъ выступили впередъ, и въ бѣленькой вязаной шали лицо ее казалось неземнымъ.

— Я пришла, Маси, сказать тебѣ... я должна была придти сказать...

Она опустила глаза, мучаясь, что должна огорчить сестру, а Маси видѣ себя потащила ее въ подъездъ и прерывающимся голосомъ крикнула:

— Ну, говори-же, говори.

— Бетю арестовали на улицѣ,—шепнула дѣвочка.

— Арестовали?—машинально переспросила Маси.

— Ну, да! Блюмка мнѣ передала. Блюмка—убѣжала, а Бетя—попалась. Теперь она—въ больницѣ.

Маси слушала, не прерывая, опѣпенѣвъ отъ ужаса, а Ханка уже рассказывала о болѣзни Бети, въ какомъ отдѣленіи больницы она лежитъ, и что теперь ей выдадутъ желтый билетъ.

— Ну, вотъ! му, вотъ,—прорвалась, наконецъ, Маси,—а я такъ просила васъ, я умоляла!

Она покрутилась въ подъездѣ и, остановившись противъ дѣвочки, мрачно спросила:

— Что-же будетъ?

— Не знаю,—отвѣтила Ханка.—Пропали мы!

Обѣ вдругъ замолчали, и то мучительное, что связывало

объихъ, дѣлало невыносимымъ видѣть другъ друга, глядѣть одна другой въ глаза.

— Ну, ступай,—прошептала, наконецъ, Маса, отворачиваясь.

— Прощай, Маса.

Онѣ разстались холодно, тайно недовольныя, что одна составляетъ обузу для другой, можетъ быть чувствуя, что кровныя связи начинаютъ разрываться.

— Въ жизни все неправда,—угрюмо думала Маса, поднимаясь по лѣстницѣ.

Въ кухнѣ было весело. Роза съ увлеченіемъ рассказывала какую-то исторію, и Маса послѣ колебанія подсѣла къ ней. Катя сейчасъ-же перебила дѣвушку и сообщила, что столяръ, ухаживавшій за Розой, вчера сдѣлалъ ей предложеніе.

— Не вижу здѣсь радости,—улыло отозвалась Маса.— Роза вѣдь мужчинъ не любитъ.

— Не люблю,—подхватила Роза.—Но ты вѣдь все знаешь, Маса.

— Она знаетъ,—съ наслажденіемъ выговорила Катя.

— Ну, вотъ! Что меня ждетъ дальше? Вездѣ заставляютъ жить съ мальчиками. А я не люблю, нѣтъ, не люблю этого. Выйду замужъ, и у меня будутъ дѣти. У меня будутъ дѣти,—съ восторгомъ повторила она.

Она стала описывать этихъ маленькихъ толстячковъ, набитыхъ жиромъ, вкусенькихъ, пахучихъ, съ бѣлой кожей, съ веселыми глазами, съ шелковыми волосками, и въ кухнѣ стало свѣтло и радостно, будто кто-то бросилъ сюда пригоршню грудныхъ дѣтей, и они заливались веселымъ пискомъ и смѣхомъ.

— Я люблю дѣтей,—все въ восторгѣ говорила Роза,—они честныя, только они и честныя.

— Честныхъ нѣтъ,—задумчиво протянула Маса.

— Честность мѣшаетъ,—отозвалась Катя.

— А я не могу такъ,—заспорила Роза.—Я съ двѣнадцати лѣтъ служу, и видѣла, и знаю, что кругомъ дѣлается, а душа хочетъ честности... честности. Я оттого и замужъ выхожу.

— Можетъ быть, Роза,—возразила Маса,—но у меня другое. Вотъ сестры пропали, и я сама уже не то, чѣмъ была. Нѣтъ, не то, не говори.

Она вдругъ поднялась и быстро вышла изъ кухни. Роза толкнула Катю и покачала головой.

Часовъ въ семь барыня собралась въ гости съ Володей

и Мишей, и Маси осталась одна на всю квартиру. Она съѣла въ качалку и долго оставалась неподвижной, вся во власти лѣнивыхъ, тягучихъ мыслей. Иногда она вспоминала Бету и видѣла ее далеко-далеко, въ черномъ туманѣ, но не жалѣла. И опять думала лѣниво, съ усиленіемъ, о Розѣ, о Катѣ, о богатствѣ и съ трудомъ поднялась, когда въ сосѣдней комнатѣ послышался шорохъ. Въ столовой никого не было, и она прилегла на кушетку. Но дремота уже прошла, лежать не хотѣлось, и теперь, поднявшись, перешла въ гостиную, открыла рояль и тронула нѣсколько клавишей.

— Я какъ барыня,—промелькнуло у нея.

Она бросилась въ широкое кресло, ошеломленная этой странной мыслью.

— Барыня! Маси—барыня!

Она опять поднялась и стала ходить по ковру, чувствуя, какъ у нея зарождается удовлетворенность оттого, что она одна среди этой роскоши, и можетъ, если захочетъ, испортить всѣ вещи, разбить дорогія зеркала, разрѣзать картины.

— Купать другія,—замирая, думала она, борясь съ желаніемъ разбить дорогую лампу.

Гдѣ-то скрикнула дверь. Маси насторожилась. Послышались твердые шаги.

— Барияъ,—подумала она, быстро выбѣгая въ переднюю.

Она столкнулась съ нимъ въ темнотѣ, испуганно отскочила, и снова приблизилась, чтобы взять у него палку и шляпу.

— Барыня дома?—шепнулъ онъ, уцѣпивъ ее въ щеку.

— Барыня ушла къ Г. Съ ними пошли Володя и Миша.

— А!—произнесъ онъ, судорожно зѣвнувъ.

Что-то хрюкнувшее, свиное продребезжало въ его голосѣ. Маси возилась у вѣшалки. Крадучись, онъ придвинулся къ ней и, не обращая вниманія на ея шепотъ, схватилъ за руку и привлекъ къ себѣ.

— Гдѣ Катя?—спросилъ онъ.

— Катя въ кухнѣ. Не трогайте, не трогайте,—сказала она, внимательно слѣдя за тѣмъ, что онъ дѣлалъ съ ней.

Она давно привыкла къ его объятіямъ, привыкла къ его лицу, къ коротенькой фигурѣ, съ выпяченнымъ животомъ на маленькихъ ногахъ, къ запаху табака изъ рта, и совсѣмъ не испытывала къ нему отвращенія. Даже къ страху, который вначалѣ владѣлъ ею, она постепенно привыкла, и что-то гнетуще-сучное, обидное поднималось въ ней, когда въ иные дни онъ ее не преслѣдовалъ..

— Ну-ну, иди,—мягко проворковалъ онъ.

Онъ уже крѣпко держалъ ее за талію, настойчиво толкалъ въ спальную, а она, колеблясь, шла, какъ-бы раздумывая, стоитъ-ли, и мелькомъ прислушивалась къ его бормотанію. Въ спальней, послѣ короткой борьбы, онъ ошущю усадилъ ее на широкой жемной кровати и, сторожа, чтобы она не поднялась, подождалъ, пока отдышется.

— Бога нѣтъ?—словно спрашивая, выговорила Маси.

Онъ засмѣялся короткимъ, дряньемъ смѣхомъ и сталъ ее растегивать.

— Вотъ у меня сестры,—еще разъ попѣталась Маси, не сопротивляясь ему,—и онѣ пропали. И всѣ мы несчастны!

Какъ будто искала опоры въ немъ, такъ произносила слова. Казалось ей, можетъ быть для уплаты за покорность, онъ отыщетъ слово жалости и скажетъ: „бѣдная“. Но онъ молчалъ, и только слышно было короткое дыханіе, сопѣніе, шуршаніе кофточкы, которую онъ уже снялъ съ нея и куда-то тыкалъ въ темноту. Теперь она сидѣла съ тоненькими голыми руками, прижавъ ихъ къ груди, какъ нищая, которую обворовывали, и безучастно и холодно прислушивалась къ звукамъ поцѣлуевъ.

— Я тебѣ дамъ денегъ,—услышала она его голосъ,—денегъ, денегъ...

Другого слова онъ не находилъ и тихо, баскомъ хрюкалъ: денегъ, денегъ, и прижимался крѣпко къ ея теплему тѣлу щеками, ушами.

— Я тебѣ дамъ денегъ, денегъ...

Она вскрикнула и вырвалась отъ него... Какъ пьяный, онъ бросился за ней, припрыгивая на коротенькихъ ногахъ, а она уже стояла у дверей и держа кофточку въ рукѣ потрясенная, съ ужасомъ, несмѣло молила.

— Не хочу, нѣтъ не хочу...

— Я тебѣ дамъ денегъ, денегъ...

Откуда-то съ высоты, словно спокойная женщина въ бѣломъ, спускалась тишина и не спѣша окутывала пядь за пядью, футъ за футомъ всѣ комнаты въ домѣ... Казалось Маси, что надъ ней зажегся свѣтъ, и онъ блисталъ и мамилъ къ чему-то лучшему, къ освобожденію отъ оковъ жизни. И мнилось ей. Лишь только тишина окутаетъ и этотъ грубый, тяжелый голосъ мужчины, лишь только умолкнетъ его скачущее дыханіе, она переступитъ пропасть и погрузится въ свѣтъ...

Нетерпѣливый звонъ пронесся по комнатѣ, и пылавшія радостью видѣнія разбѣжались вмигъ. Звонили, звонили, снопы свѣта врывались въ спальную, чей-то голосъ, до топ-

шоты знакомый, какъ бѣжавшій ручей, приближался все быстрѣе, быстрѣе, — мелькнули лица гимназистовъ, Кати.

— Ты шлюха, — крикнулъ ей въ упоръ визгливый женскій голосъ...

— Бариня, — замолила Маси, — бариня...

Раздался звукъ пощечины. Еще одинъ. Еще...

XIV.

Въ серединѣ осени, послѣ мытарствъ, неудачъ, сидѣнiя у факторши, Маси наконецъ пристроилась въ небогатой семьѣ бухгалтера. Здѣсь она нашла нѣчто новое, неожиданное, и это новое было то, что хозяйка нисколько не брезгала ею, съ перваго же дня посвятила въ свои дѣла, обращаясь къ ней, какъ къ равной, и совѣтовалась, и жаловалась, будто у Маси была власть помочь ей. И это показалось дѣвушка такимъ необыкновеннымъ, такимъ трогательнымъ, что она перестала замѣчать запущенность и неряшливость четырехъ маленькихъ комнатъ, бѣдность обстановки, отсутствiе гостиной, блеска, украшенiй, и всей благодарной душой привязалась къ семьѣ. Новымъ и непонятнымъ было еще и то, что на службѣ у богатаго магазиновладѣльца она получала семь рублей, должна была быть прилично одѣтой, и съ ней обращались, какъ съ нашимъ существомъ, которое по недоразумѣнiю считалось человѣкомъ, нуждающимся какъ и хозяйка въ платьѣ, въ пищѣ, въ чистой комнатѣ; здѣсь же у бухгалтера ей предложили восемь рублей, хозяйку можно было называть просто мадамъ, дѣтей по именамъ, и вся семья относилась къ ней, какъ къ родной. Мадамъ заботилась, чтобы она во время поѣла, бухгалтеръ, человѣкъ подъ пятьдесятъ, съ желтымъ высохшимъ лицомъ, добродушно шутилъ съ ней, называлъ Масинькой, старшiй сынъ Борисъ, молодой человѣкъ двадцати одного года, служившiй въ кофторѣ, при всѣхъ спрашивалъ ее о прошломъ, и никто на нее не кричалъ.

Маси, голодавшая въ теченiе двухъ мѣсяцевъ въ ожиданiи службы и только въ первый разъ заплакавшая, когда взяла на хлѣбъ у Бети, промышлявшей своимъ тѣломъ, быстро ожила здѣсь всѣми хорошими сторонами души своей. Обо всѣхъ своихъ бѣдахъ и огорченiяхъ она забыла и съ пыломъ завалила на свои плечи тяжелую работу обслуживания большой семьи, халатной, неряшливой, и съ ангельскимъ терпѣнiемъ покорилась капризамъ двухъ дѣвочекъ, Ани и Мани, двѣнадцати и тринадцати лѣтъ, и восьмилѣт-

няго мальчика Левочки, нетерпѣливаго, задорнаго, который за малѣйшее непослушаніе бросался на нее съ кулаками...

Съ появленіемъ дѣвушки въ домѣ появился и порядокъ, уютность, хозяйева начали обѣдать на бѣлой скатерти, всѣ дѣти стали носить свѣжее бѣлье, небольшія комнаты блестѣли чистотой, а она все не уставала работать, работать... Мадамъ, полная и рыхлая сорокапятилѣтняя женщина, просыпалась въ шесть часовъ утра, и съ этой минуты до поздней ночи Маси, не присѣвъ, вычищала, обмывала, подавала и стирала, и все это выходило у нея такъ тихо, такъ прекрасно и хорошо, что мадамъ часто говорила:

— Вотъ подожди, Маси, поживешь у насъ, и мы тебя замужъ выдадимъ. Почему ты не хочешь замужъ? Всѣ дѣвушки хотятъ замужъ. Нельзя еще знать, какое у тебя счастье...

Въ кухнѣ работала кухарка Голда, двадцатитрехлѣтняя женщина, обѣды готовила простые, дешевые, вкусныя, но Маси съ ней не сошлась. Она была краснощекая, съ виду здоровая, но съ подозрительно хриплымъ голосомъ и всегда жаловалась на какую-то простуду... Сама же не разъ лежала въ больницѣ, лечилась отъ нехорошихъ болѣзней, заразилась не мало юношей въ семьяхъ и на намеки о болѣзни сердито говорила:

— Если не вѣрите, хозяйка, позовите доктора, пусть осмотритъ меня. Я здоровѣе десятка такихъ, какъ вы.

Мадамъ она быстро забрала въ руки своимъ рѣшительнымъ, съ натискомъ характеромъ, и та, довольная ея вкусными, дешевыми обѣдами, сначала разрѣшила ей принимать знакомыхъ, а когда въ послѣдніе два мѣсяца къ ней сталъ заходить красивый парень, солдатъ Вельвель, сама приняла участие, чтобы этотъ Вельвель по освобожденіи отъ службы женился на Голдѣ.

Два мѣсяца незамѣтно пролетѣли на новомъ мѣстѣ. Наступала зима... Мадамъ уже часто ѣдила на рынокъ, въ домѣ все оказалось неподготовленнымъ, неустроеннымъ, приходили печники, плотники, повсюду стучали, и зимнія заботы веселой тѣнью легли на будничную жизнь.

Какъ-то вечеромъ Маси безъ дѣла сидѣла въ кухнѣ. Аня и Маня, какъ всегда, держались подлѣ солдата, который уже съ часъ сидѣлъ здѣсь, а Голда утѣжила купленную сегодня теплую кофточку.

— Ну вотъ,—произнесла она своимъ хриплымъ голосомъ, взглянувъ на Маси,—ты опять задумалась. Хотѣла бы знать, что у тебя въ головѣ?

Она оставила остывшій утюгъ, погрозила пальцемъ дѣвущкѣ, а солдатъ Вельвель, показавъ густые желтые зубы, весело сказалъ:

— Она скучаетъ за женихомъ. Я знаю что ей нуженъ женихъ. Надо будетъ таки привести сюда еще одного солдата.

Аня и Маня, теревившія ему усы, закричали въ одинъ голосъ:

— Приведи, Вельвель, приведи, — только красиваго...

— Развѣ я не красивый?—спросилъ солдатъ, поднявъ голову.

У него было свѣжее, крѣпкое лицо, съ совершенно дѣтскими глазами, но это выраженіе дѣтскости и незлобивости портить продолговатый, плоскій подбородокъ.

— Развѣ я не красивый,—повторилъ онъ бормоча....

Онъ схватилъ старшую, Аню, обнявъ, посадилъ къ себѣ на колѣни, и шепнулъ ей на ухо:

— Повернись, Аня, бокомъ ко мнѣ. Я хочу тебя поцѣловать, чтобы Голда не увидѣла!

Дѣвочка ловко и хитро исполнила его просьбу и, свернувъ глазами, также шепнула:

— Только покрѣпче... И обними, — вотъ здѣсь, вотъ здѣсь,—настаивала она, не выпуская его руки...

— Пусти ее,—притворно разсердилась Голда, хрипло захотавъ и закашлявшись.

— А я не хочу,—вдругъ заупрямилась Аня...

— И я къ нему сяду на руки,—защищала Маня, вскочивъ къ солдату на колѣни.

— Очень хорошо,—отозвалась Голда, — вы хотите отбить у меня жениха.

— Я такъ хочу,—строго и капризно настаивала Аня.

— И я хочу, я тоже,—разсмѣялась Маня, хлопая въ ладоши.

— Вы всё останетесь довольны,—проворчалъ Вельвель...

Онъ началъ шептаться съ дѣвочками, попеременно бросая то одной, то другой грубая, циничныя слова, а Аня, стиснувъ зубы и сурово глядя передъ собой, крѣпко прижимала его руку къ своему сердцу. Мани поднялась, перешла кухню, и прижала лобъ къ замерзшему стеклу окна. Она слухала и не слышала, слабо понимая, что съ ней происходитъ... Опять сегодня утромъ Борисъ допытывался, имѣла ли она возлюбленнаго? И тожь его былъ загадочный, манящій, и глаза плутовски смотрѣли, а онъ ей такъ нравился въ бѣлой сорочкѣ, свѣжій, опрятный, съ розовымъ лицомъ и розовой шеей. Онъ еще ни разу не поцѣловалъ ее, былъ мягокъ, какъ

бы свысока недоступенъ — и это не оскорбляло — и словно не замѣчалъ хорошенькой дѣвушки, которая заботилась о его платьѣ, о ботинкахъ, о бѣльѣ, которая нагоняла его у дверей, чтобы смахнуть пылинку съ пальто. И оттого, что онъ не замѣчалъ ея молодости, ея заботливости, что былъ красивымъ, домашнимъ любимцемъ и всегда пахнулъ духами, она невольно стала думать о немъ, мечтать... Сама не замѣчая, изо дня въ день подлѣ него, съ нимъ, въ одной атмосферѣ простоты и естественности, будто была его сестрой, сильно обязанная заботиться о его удобствахъ, она постепенно втянулась въ эту роль молчаливой помощницы юноши, и что-то теплое согрѣвало ея сердце, когда она вспоминала о томъ, что онъ существуетъ, что сейчасъ придетъ и потребуетъ ея услугъ. Онъ былъ хороше́нкій юноша, съ свѣтлыми, всегда завитыми усами и полными губами. Глаза его смотрѣли мягко, будто на нихъ падалъ сильный свѣтъ, и они жмурились. Не окрѣпшій голосъ пріятно вибрировалъ и, когда онъ произносилъ ея имя, Маси казалось, что онъ передаетъ ей по воздуху свою душу, такую же мягкую, золотистую, какъ и его волосы. Она такъ привыкла за шесть мѣсяцевъ службы у магазиновладѣльца, чтобы съ ней не церемонились, беспокоили, обнимали и цѣловали, когда угодно и кому угодно, что не понимала холодности Бориса, и съ таймой досадой спрашивала себя, чѣмъ же она тронетъ его бѣлыми неподвижными руками, его холодными, чистыми и невинными? А дни текли, становились тяжелѣе, наливались зимнимъ свинцомъ и какъ бы развѣчивали ея мечты.

Недѣлю тому назадъ онъ неожиданно спросилъ у нея о возлюбленномъ. Это произошло утромъ, въ его комнатѣ, когда онъ стоялъ у зеркала и причесывался. Отъ волненія Маси ничего не отвѣтила ему, въ эту минуту мечтая лишь о томъ, какъ была бы счастлива, если бы ей можно было причесать его и наблюдать, какъ отъ висковъ волосы начнутъ сворачиваться въ колечки... Сегодня утромъ онъ опять, но уже болѣе настойчиво, спросилъ о томъ же, и сдѣлалъ шагъ къ ней...

— Если я ему нравлюсь,—подумала она со волненіемъ...

— Чего она тамъ не видала,—проговорила Голда, дѣлая знакъ солдату.—Стоитъ какъ столбъ. Пойдемъ-ка Маси, поищемъ въ столовой хлѣба для Вельвеля. Онъ голоденъ...

Она уже сидѣла у него на колѣняхъ, а дѣвочки съ интересомъ слушали ихъ шепотъ.

— Я люблю борщъ, рѣдку съ саломъ, печенку съ лукомъ,—высчитывалъ солдатъ, играя руками у шеи Голды.—Я люблю

жирное мясо какъ твое,—прибавилъ онъ, покосившись, и поцѣловалъ ее въ затылокъ.

— Ты вспотѣлъ,—дѣловито произнесла она, вытирая ему лобъ рукой.—Разстегнись-ка. Я дамъ тебѣ сейчасъ поѣсть. Идешь, Маси? Не знаю, гдѣ вы тамъ хлѣбъ прячете.

У дверей раздалось восклицаніе... Кто-то знакомымъ голосомъ произнесъ: войдите же, Катя, а Голда крикнула: смотри-ка, Шейндель!

Маси быстро повернулась и усталилась на дверь.

— Шейндель!—медовѣрчиво спросила она.—Да это Шейндель и Катя. Ну, зайдите, же, что вы на порогѣ стоите? Сними шаль, Шейндель. Какъ вамъ съ мужемъ живетъ, Катя?

— Все хорошо, смѣясь говорила Шейндель, не шуми такъ! Пришла просить тебя быть у парохода,—сейчасъ же бросила она, не умѣя сдержаться отъ радости, — да да, у парохода. Я уважаю... въ Симферополь.

Голда между тѣмъ, помогая Катѣ снять пальто, весело приговаривала:

— Вы станетесь толстенькой, Катя. Навѣрно уже... Ну, ну, не говорите, я старый казакъ и сама могу догадаться... Гдѣ вы живете теперь?

Всѣ усѣлись на кровати, продолжая разговаривать, не зная, о чемъ раньше разсказать. Шейндель съ отступленіями, иногда смѣясь, иногда собираясь заплакать, сообщила Маси о своемъ счастьи, а Вельвель, стараясь помять что-нибудь въ этомъ шумѣ, нетерпѣливо спрашивалъ:

— Въ чемъ дѣло... Честное слово, — женщины никуда не годятся!...

— Теперь я счастлива, Маси, дорогая Маси,—какъ бы настаивала Шейндель, сжимая руки дѣвушки.—На дняхъ я познакомилась съ шуриномъ моего... жениха, заплакала она. Онъ пріѣхалъ изъ Симферополя за товаромъ...

— Не кричите такъ, Шейндель,—перебила ее Голда,—совсѣмъ не слышно Кати изъ-за васъ. Ну, ну, что же было дальше, Катя?

— ...Сидѣла у него... у нихъ въ гостиницѣ,—запѣтала Шейндель и даже не знала, куда глаза дѣвать. Такая у него важная жена, дорогая Маси, такая добрая. Вотъ вся въ золотѣ и добрая. Золото въ ушахъ, на пальцахъ, на груди. Она знаетъ поанглійски и по итальянски, спрашивала у меня о подругахъ... Я счастлива, Маси. Въ Симферополѣ дѣвушекъ ищутъ со свѣчами. Богатый городъ, а дѣвушекъ мало. Можетъ быть ты хочешь, дорогая Маси? Съ ними

пріѣхаль молодой человекъ... чтобы жениться. Я могу тебѣ помочь.

Она сама растрогалась и говорила уже сдавленнымъ голосомъ, вспоминая свои сомнѣнія и мученія послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, послѣ того какъ ея женихъ внезапно исчезъ.

— Когда же твоя свадьба? спросила Маси, чуть чуть сбитая съ толку.

— Свадьба? Свадьба уже была,—отвѣтила Шейндель, неожиданно наклоняясь къ ея уху.— Не говори никому... Свадьба была, но никто не знаетъ... Такъ нужно было. Только ты не бойся... Все будетъ уже тамъ въ Симферополѣ...

— Обвѣчалась?—разочарованно отозвалась Маси, внимательно взглянувъ на нее.

— Не говори никому,—опять шепнула Шейндель.

Теперь въ ея голосъ было что-то молящее, растерянное. Маси хотѣла было возразить, такой странной показалась ей эта исторія съ тайнымъ вѣчаніемъ, но, взглянувъ на блѣдное лицо Шейндель, на ея лихорадочно блестящія глаза—только, чтобы сказать что-нибудь, вымолвила:

— Ну дай Богъ тебѣ, Шейндель, дай Богъ...

— Вотъ и Симѣ помогу,—довольная, что Маси не настаиваетъ, весело проговорила Шейндель.—Пока она соберетъ сто рублей, я буду искать дѣвочку въ Симферополѣ. Я разсказала... мужу, и онъ обѣщаль мнѣ непремѣнно, непремѣнно найти ее.

— Кого найти?—пролепетала Голда, задыхаясь отъ смѣха.

— Дѣвочку Симы, Голда! Не мѣшайте намъ.

Солдаты уже опять играли съ дѣвочками, и Катя, внимательно наблюдавшая за ними, не выдержала и вмѣшалась.

— Можете постыдиться, большой человекъ,—стянувъ губы, произнесла она.—Вы вѣдь портите дѣвочекъ.

— Онъ меня портятъ,—отозвался равнодушно Вельвель, и всѣ засмѣялись.

— А я теперь не могу видѣть этого,—настаивала Катя, оглядывая всѣхъ съ торжествомъ.—Вотъ такъ и пропадаютъ дѣти. Сначала слушаютъ, а потомъ и все хотятъ. Я уже видѣла, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка сбѣжала съ любовникомъ служанки. Изъ богатой семьи дѣвочка...

Она опять съ торжествомъ посмотрѣла на каждого въ отдѣльности, сложила руки на груди и добродѣтельно прибавила:

— Сама не мало вынесла... отъ мальчиковъ. Вы должны ихъ гнать отсюда.

— ...Я хочу,—сердито произнесла Аня, теребя волосы у солдата.

— Не вѣрю вашимъ заботамъ о хозяйскихъ дѣтяхъ,—зашептала Голда.—Меня не проведете... Мы вѣдь всё говоримъ чортъ съ ними. Пропадутъ дѣти, — Дай Богъ, дай Богъ! Мы пропадаемъ, почему и имъ не пропадать? Сказать правду, я только то и дѣлала, что портила дѣтей. Они меня, — я ихъ. Всякій знаетъ, что я лежала въ больницѣ, и отчего у меня хриплый голосъ. Отъ кого заразились? Отъ хозяйскаго сына... Я бы скорѣе кошку пожалѣла, а не этихъ...

Они опять заговорили громко. Теперь уже Катя жаловалась на то, что ей, прослужившей на мѣстахъ около десяти лѣтъ, трудно привыкнуть къ мужу.

— Вы повѣрите, какъ сумасшедшая кружусь у себя. Живу въ темномъ и грязномъ подвалѣ, мужъ работаетъ, работаетъ, и я его не люблю. Кушаньевъ нашихъ въ ротъ не беру. Кружусь и спрашиваю себя, зачѣмъ я замужъ вышла? Чгобы быть нищей? Прежде работала для другихъ, но жила среди богатства, хотя чужого, но богатства. Ёла хорошо, вкусно, молодые люди бѣгали за мной. И могла рубль отложить...

Она сгала по мелочамъ разбирать какъ жила раньше, и какъ теперь, и выходило, что промѣняла счастье на горе. Голда сочувственно мотала головой и иногда тихо говорила:

— Я это знаю, я все это знаю, мой хорошій другъ, — и замужъ не выйду. Никогда не выйду. Промѣнять кухню на бѣдную комнатку! Я еще не сошла съ ума, Катя. Вы видите солдата, мой хорошій другъ, онъ дурачекъ, и я балуюсь.. Въ сорокъ пять, въ пятьдесятъ лѣтъ буду старухой, и пойду въ богадѣльню умирать. А если и въ больницу?... Но что смогу, — возьму отъ жизни...

— Моя бѣда, что забеременѣла,—со вздохомъ призналась Катя,—а то давно бы бросила мужа и пошла бы опять служить.

Въ передней раздался звонокъ, и разговоры оборвались. Дѣвочки выбѣжали изъ кухни, и сейчасъ же послышался голосъ Мани.

— Это Борисъ, а папа съ мамой еще не вернулись.

— Мнѣ некогда,—говорила Маса,—стоя передъ Шейм-дель...

Обѣ наскоро и торопясь условились, въ какой день встрѣтятся у парохода, и Маса побѣжала въ переднюю.

— Дѣти еще не спятъ,—недовольно произнесъ Борисъ,—сдавая ей пальто.

— Я сейчасъ ихъ уложу,—отвѣтила Маса, увлекая дѣвочекъ за собой.

Въ дѣтской стояли двѣ кровати и на одной изъ нихъ спалъ восьмилѣтній Левочка. Комната освѣщалась маленькой стѣнной лампочкой. Аня и Маня не хотѣли еще спать и долго капризничали—пока легли.

— Расскажи намъ о мужчинахъ,—попросила Аня, привлеченная Маси къ себѣ.

— Я вамъ расскажу о своей матери,—съ тяжелымъ чувствомъ промолвила дѣвушка.

— Вельвель цѣловалъ Голду, Вельвель цѣловалъ Голду,—страстно зашептала Аня,—вадыхая и прижимаясь къ щекамъ Маси.

Словно теряя сознание, она стала произносить любовныя слова и, горя какъ вареная, все крѣпче прижималась къ Маси.... Обѣ дѣвочки бились, трепетали, не понимая, что съ ними происходитъ. Только обѣ одному оиѣ думали, только одинъ вопросъ занималъ ихъ мысли!.... Каждый вечеръ оиѣ измучивали Маси своими объятіями, своими просьбами, разсказами, острыми, пряными, обѣ развращенныя съ ранняго дѣтства, и только въ единственномъ освѣщеніи оиѣ видѣли, знали, жаждали жизнь,—въ любовномъ, въ грѣховномъ, въ томъ, что нельзя громко назвать.....

— Довольно,—шепнула вдругъ Аня, раскрывшись. Ступай Маси, мы уже сами заснемъ.

Маси вышла съ тяжелой головой, съ одурманеннымъ сердцемъ. Въ столовой было темно, и она сейчасъ же натолкнулась на мебель.

— Это вы, Маси?—раздался голосъ Бориса.

— Да,—отвѣтила она вполголоса, вдрогнувъ.

— Возьмите мою одежду и башмаки,—я сейчасъ потушу свѣчу.

Она зашла въ комнату и, взглянувъ на него, вспыхнула и задрожала отъ волненія. Онъ лежалъ на бѣлоснѣжной подушкѣ, закрытый по грудь одѣяломъ, и какимъ-то безконечно милымъ, невиннымъ мелькнулъ онъ, съ своей красивой головой, бѣлолицый, бархатный.

— У васъ былъ возлюбленный,—ѣхась, спросилъ онъ, поворачиваясь на бокъ... Она отрицательно махнула головой и нагнулась, чтобы достать ботики... Внезапно она почувствовала ожогъ и покачнувшись безъ восклицанія, оглянулась. Нѣчто мраморное и великодушное какъ будто спускалось къ ней все ближе, ближе... Гдѣ-то внутри ея заколыхался знакомый запахъ его духовъ... Тысячи рукъ ласкали ея лицо. И со всѣмъ чувствомъ обожанія, благодарности за то, что къ ней ничтожной прикоснулись не трудовыя, пахучія руки, со

всѣмъ жаромъ молодости, сердца, крѣпко желавшаго любить, она припала къ его ладонямъ.

XV.

День этотъ, спустя три недѣли, несмотря на зимнее время, выдался мокрый, осенній, безъ тумана. На пристани толпился народъ, и вся гавань походила на широчайшую пасть, которая совершала заразу два дѣла: поглощала людей, ломовиковъ, дрожки, повозки, и выкрикивала разнообразными голосами. Шипѣли паровики, пробѣгавшіе подъ эстакадой стрѣлочники трубили въ рожки, стояли бивалы длинными рядами въ ожиданіи свободнаго пути, а на пароходахъ, сейчасъ же за сѣрой стѣной, отъезжали гудки, нѣжно пѣли сирены и матросы суетливо бѣгали по палубамъ.

— Вотъ идетъ Маса,—радостно проговорила Шейндель, замѣтивъ въ толпѣ дѣвушку.—Маса, Маса!

Она стояла въ серединѣ кучки людей, въ тепломъ пальто, повязанная шалью и уже теряла надежду повидаться съ подругой. Отъѣзжающіе торопились... Невѣстка Шейндель, полная дама въ огромной, съ красными перьями шляпѣ, съ десяткомъ колець на жирныхъ пальцахъ, нетерпѣливо оглядывалась по сторонамъ и поминутно шепталась съ своимъ мужемъ. Рядомъ стоялъ мужъ Шейндель, молодой человѣкъ съ подозрительнымъ лицомъ и недовѣрчивымъ взглядомъ, будто кто-то преслѣдовалъ его, а онъ хотѣлъ скрыться. Подлѣ этой главной пары, затаивъ смущеніе и безпокойство, разговаривали три дѣвушки, отправлявшіяся вмѣстѣ съ Шейндель въ Симферополь. Первая была невѣстой молодого человѣка, пріѣхавшаго съ шуриномъ Шейндель, другія двѣ шляпныя мастерицы, покидали городъ ради соблазнительныхъ заработковъ въ Симферополь, и вся эта кучка людей съ встревоженными лицами походила на шайку, убѣгавшую отъ грозившей опасности.

Въ сторонѣ держались, не смѣя оскорбить близостью толстую даму, мать Шейндель—Фрейда, бывшая чуть навеселѣ, старшая дочь ея Маля, Хамка, Гриша и Роза... Сима была тутъ же, все время не отходила отъ Шейндель и неустанно шептала ей что-то важное о Симферополь, о Константинополь....

— Вотъ здѣсь я, Маса, здѣсь,—крикнула Шейндель, бросившись впередъ,—я думала, что ты уже не придешь.

— Не кричи такъ,—стиснувъ зубы шепнулъ ей мужъ...

Шейндель покорно притихла и молча помахала руками. Маса сейчасъ же окружили свои, а Фрейда, при видѣ дѣ-

вупки, вдохновенно и краснорѣчиво подняла руки къ небу, будто этимъ жестомъ хотѣла призвать кого-то въ свидѣтели своей радости.

— Хочешь быть сумасшедшей, отправляйся домой,—зашипѣла Маля, уцпишувъ ее.

— Шейндель отыщеть мою дѣвочку,—раздался подлѣ Маси, голосъ Сими.

— И вы здѣсь,—обрадовалась Маси,—пу расскажите о себѣ, расскажите...

Но Шейндель перехватила ее, быстро заговорила о себѣ, и Маси слушая удивлялась, почему у нея блѣдное лицо и красные глаза.

— Ты плакала,—перебивала она ее,—но ты вѣдь счастлива?...

— Нѣтъ нѣтъ, Маси, я счастлива. Ты разсмотрѣла мою невѣстку? Видишь шурина? Это люди съ золотомъ, золотые мѣшки. Вотъ только...

Она быстро смахнула слезу, и стараясь, чтобы мужъ не замѣтилъ, указала глазами на трехъ дѣвушекъ.

Внезапно раздался первый звонокъ... Къ Шейндель быстро подошелъ мужъ и шепнулъ ей что-то на ухо. Она засуетилась и сейчасъ же заплакала. Три дѣвушки, сопровождаемая толстой дамой и ея мужемъ, двинулись къ пароходу.

— Простимся,—сказала Шейндель упавшимъ голосомъ, подходя къ матери.

— Дай Богъ тебѣ, дай Богъ тебѣ,—протянула Фрейда, вытирая глаза...

И такъ со слезами и улыбаясь, Шейндель обошла всѣхъ, а мужъ идя за ней, нетерпѣливо требовалъ, чтобы она торопилась...

— Богъ и ты,—проговорила Сима, показавъ два пальца—когда Шейндель подошла къ ней....

— Я чего-то боюсь, дорогая Маси,—тихо бормотала Шейндель, бросаясь на шею подругѣ...—Почему столько дѣвушекъ ѣдетъ съ нами? Но Богъ вѣдь за меня! За меня, Маси?...

— Этому будетъ конецъ?—разсердился мужъ.—Скорѣе вотъ уже второй звонокъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, пусти меня еще разъ къ матери.....

Довольныя, но задумчивыя, будто совершилось нѣчто роковое, не отъ человѣческихъ рукъ зависящее, возвращались женщины въ городъ. Раздѣлившись на группы, всѣ продолжали говорить о Шейндель, о ея судьбѣ. Однако все же звучало унылое въ ихъ словахъ, хотя каждое слово было радостью, милой надеждой. Фрейда уже вытрезвилась и, когда

поднялась на гору и увидѣла необъятное, темное море, остановилась и долго искала своими слабыми глазами какую-нибудь точку на подвижномъ просторѣ, чтобы умилиться и снова заплакать. Только Роза была откровенно недовольна и, идя рядомъ съ Маси, угрюмо говорила:

— Вотъ такъ мы и кончаемъ нашу жизнь... Я не вѣрю въ Шейндель. Вы вѣрите, Маси? Но влюбись въ свою мысль и въ петлю полѣзешь... какъ я съ столяромъ. Служанки у Бога, какъ у мота деньги. Человѣкъ сюда, человѣкъ туда, и ничего не осталось....

Она казалась совѣмъ прибитой послѣ своей несчастной истории съ замужествомъ. Назвавшійся столяромъ женихъ подготовилъ незаконное вѣнчаніе, на третій день совместной жизни обобралъ ее до послѣдней нитки и, предварительно поколотивъ, прогналъ отъ себя. Теперь она опять служила, потерявъ послѣднюю опору, и уже не вѣрила ни во что, ни въ дѣтей.... Маси знала ея исторію, но не хотѣла бередить ранъ дѣвушки и, затаивъ дыханіе, слушала слова, которыя безъ крика кричали о жестокихъ страданіяхъ чело-вѣка!

— Я могла бы сказать,—вдумчиво продолжала Роза,— что только однѣ мы идемъ на соръ, на отбросы. Кто еще развѣ? Весь міръ мнѣ представляется большой комнатой, съ хозяевами богачами. Люди средніе, менѣе богатые, служатъ имъ, ну, какъ зеркала, шкафы, столы, стулья... А мы—служанки соръ, отбросы... Вотъ полежимъ въ этой комнатѣ и насъ выбросятъ, раздавятъ ногами и даже не подумаютъ, что и мы чувствуемъ, понимаемъ... Чѣмъ мы хуже, спрошу васъ? Если, Маси, есть гдѣ-нибудь судъ надъ людьми, я найду что сказать противъ нихъ...

Вся печаль и ненависть раба, осмѣливавшагося возстать были теперь въ ея тихомъ голосѣ... Онѣ находились уже въ центрѣ города и всѣ сошлись, чтобы распротиться. Гриша вертѣлся подлѣ Маси, видимо желая пойти съ ней, и Ханка, подъ предлогомъ сказать сестрѣ что-то нужное, отвела ее въ сторону.

— Откажи ему,—попросила она, указывая глазами на Гришу.

Она вся сморщилась отъ холода, маленькая безкровная дѣвочка, и что то давишее, нѣжное полоснуло Маси, когда она взглянула на сестру... Но связи обрывались насильно, неизбежно. Въ разной жизни, съ разными заботами, каждая, одна въ борьбѣ со всѣмъ міромъ за какое то благополучіе, за какія то крохотныя радости,—обѣ стояли чужія другъ

другу и даже искра любви не могла соединить ихъ въ одномъ вздохѣ, въ одномъ пожалтвнн...

— Какъ-же мнѣ сказать ему?—не понимая, спросила Маси.

— Не знаю, Маси, но откажи ему. Я боюсь за тебя... нѣтъ же за тебя...

Она не хотѣла признаться, что ревнуетъ ее къ Гришѣ, какъ и ревновала все время, пока Маси жила дома, страдая оттого, что Гриша ухаживаетъ за ней.

— Не ходи съ нимъ,—попросила она опять,—не ходи съ нимъ.

Женщины распростились. Гриша стоялъ уже подлѣ Маси и, улыбаясь, спрашивалъ:

— Ты идешь, Маси?

— Нѣтъ, мнѣ нужно въ эту улицу,—уклончиво отвѣтила дѣвушка.

— И мнѣ туда-же. Я иду съ тобой, Маси.

Она растерянно посмотрѣла на Ханку, и та, обдавъ ее жаркимъ и тяжелымъ взглядомъ, повернула въ другую сторону и пошла одна. На улицѣ было мокро, безжизненно, какъ отходившіе, смотрѣли желтые отъ желтаго свѣта дома, и небо было такое-же грустное, отходившее.

— Какой день!—подумала Маси, оглядываясь на мокрыхъ людей, угрюмо шагавшихъ по тротуарамъ,—а мнѣ весело, на душѣ весело...

Она быстро подвигалась, довольная, что освободилась отъ унылыхъ женщинъ, чуть-чуть взволнованная всѣмъ, что произошло, и, искоса оглядывая Гришу, вспоминала, какъ онъ ей нравился.

— Онъ мнѣ нравился,—смѣялось у нея въ душѣ,—онъ мнѣ нравился!

— А ты все хорошенькая, Маси,—раздался вдругъ его голосъ.

Онъ уже курилъ папироску, стрѣлялъ въ нее глазами и тонко улыбался.

— Ты вѣдь должна быть моей, Маси, честное слово,—вотъ времени только нѣтъ повозиться съ тобой... Но ты будешь моей...

Если бы они были въ комнатѣ, Гриша-бы ее обнялъ... Приятный, какъ ребенокъ, какъ капризный ребенокъ, съ крохотными усиками, онъ неотразимо нравился смѣющимися голубыми глазами, и Маси только слезами удавалось отмо- литься въ тѣ ночи, когда жила дома. Что было въ немъ обаятельнаго? Онъ былъ грубоватъ, бессердеченъ; всѣ знали,

что онъ обираетъ дѣвушекъ, но всѣ его любили, ревновали будто онъ носилъ съ собой живую воду счастья и раздавалъ ее.

— Миѣ надо сюда, Гриша, не ходи со мной,—говорила Маса вволнованнымъ голосомъ.

— Сказать правду, Маса,—произнесъ онъ вкрадчиво,—ты миѣ нравишься, очень нравишься. Почему? Ты маленькая, добренькая кошечка.

— Миѣ не о чемъ говорить съ тобой,—пробормотала Маса, стараясь вырвать свою руку изъ его руки.

— Добренькая кошечка,—разсмѣялся Гриша.—Я вѣдь давно могъ сдѣлать тебя своей любовницей.

— Я уйду,—бросила она ему, повернувъ назадъ.

Онъ быстро нагналъ ее и снова взялъ ее дрожащую руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, Гриша, этого не будетъ...

Выросла знакомая улица, знакомый домъ, откуда ее выгнали полгода тому назадъ, и все сразу какъ-бы помертвѣло кругомъ нея. И она шла уже холодная, какъ этотъ зимній день, брезгливая къ голосу, который твердилъ о страсти, о радостяхъ любви. Она снова думала о немъ, о Борисѣ, и какъ-бы отрывалась отъ земли навстрѣчу счастью, которое уже было близко, въ ней

XVI.

Утро было зимнее, морозное, съ бѣлыми отъ снѣга улицами, и отсюда, изъ теплой дѣтской, пріятно было смотрѣть, какъ мелькали санки съ закутанными въ шубы людьми, хотя и не хватало чего-то... можетъ быть, звона бубенчиковъ. Аня и Маня, причесанныя и умытыя, въ кофейнаго цвѣта передничкахъ и въ воротничкахъ по-англійски, стояли у теплой стѣны и оживленно разговаривали о предстоящемъ елочномъ балѣ подъ новый годъ. Маса, стоя на козлышкахъ передъ кроватью, гдѣ лежалъ восьмилѣтній Левочка, уже четверть часа билась надъ мальчикомъ, который не давалъ себя одѣть. Она только-что одѣла дѣвочекъ, и очень торопилась, такъ какъ теперь и кухня была на ея рукахъ. Дня четыре тому назадъ произошелъ скандалъ въ домѣ. Мадамъ заподозрила Голду въ кражѣ женской рубашки, и отъ этого случилось то, чего никто не ожидалъ. Голда нагрубилась, а потомъ въ изступленіи гнѣва оттаскала мадамъ за волосы и хотя была достойно наказана, но изъ-за зимы ее сейчасъ некъмъ было замѣнить.

— Левочка вѣдь хорошій мальчикъ,—говорила Маса, стараясь поймать его ногу и обуть ее.

— Пошла,—крикнулъ онъ, отбросивъ ее толчкомъ въ грудь.

— Лева добренькій, правда, Аня?—спросила Маия, но не успѣла окочичить.

Левочка внезапно вскипѣлъ, вскочилъ, и въ одной рубашкѣ, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, бросился на Маса и схватилъ ее за волосы. Маса крикнула. Аня и Маия засмѣялись, наблюдая, какъ дѣвушка бессильно барахта-лась, боясь причинить мальчику боль неловкимъ дви-женіемъ.

— Я тебѣ носъ откушу,—завопилъ Левочка, когда Маса высвободила волосы изъ его рукъ.

— Ну, довольно, Левочка, довольно!—просила дѣвушка,—теперь дай ножку.

Два мѣсяца, какъ Маса была любовницей Бориса. Послѣ той ночи, когда онъ привлекъ ее къ себѣ и лишь къ утру отпустилъ, все стало ей дорогимъ въ этомъ домѣ, словно однимъ фактомъ превращенія въ любовницу хозяйскаго сына она породнилась и съ его близкими. Съ стыдливой нѣжностью она услуживала его матери, отцу, трепеща, чтобы тѣ не догадались и, какъ сестра, отдалась уходу за дѣвочками, за Левочкой, терпѣливо снося ихъ тиранство. Она не сказала громко, но чувствовала ясно и неотразимо, что забыла о прошломъ, словно оно было только скрѣплено съ новымъ, а теперь оторвалось и затерялось. Ни о комъ она не вспоминала, ни о сестрахъ, ни о подругахъ, знакомыхъ, всѣ ушли во тьму, стоявшую за дверьми этого милаго дома, и свѣтъ, и радость были только здѣсь, въ сумасшествіи рабства или въ думахъ о немъ, въ ожиданіи его прихода. Когда кончался трудовой мучительный день, начиналась ночь жены на минуту, счастья безъ словъ, и она была покорна Борису, испытывая отъ его дурныхъ, непонятныхъ ей капризовъ наслажденіе только оттого, что онъ позволялъ цѣловать свои руки... Случалось, онъ засыпалъ, не успѣвъ сказать ей, хочетъ-ли, чтобы она ушла. Тогда она усаживалась на кровати, чтобы не мѣшать ему, и покорно ждала, часто до утра, не смѣя и не желая потерять часовъ сидѣнія подлѣ него. Всѣ деньги ея уходили теперь на одежду, чтобы нравиться, быть милѣе, и каждый вечеръ, прежде чѣмъ пойти къ нему, надѣвала чистенькую бѣлую рубашку съ голубенькой каемкой, и ей казалось, что эта голубая кайма на рубашкѣ привяжетъ его больше, чѣмъ ея

сердце... Никогда и ни на что она не жаловалась ему, ничего не требовала, и даже не осмѣливалась говорить о своей любви, чтобы не потерять его. И чѣмъ онъ былъ равнодушнѣе, чѣмъ меньше жалѣлъ ее и какъ-бы снисходительно топталъ ея стыдливость, ея покорность, тѣмъ больше она привязывалась къ нему, пригвождалась, словно падала въ пропасть и не могла остановиться.

Левочка уже былъ одѣтъ и теперь не отставалъ отъ Мэси, не давая ей сдѣлать шага.

— Левочка, Левочка,—просила она.

Въ столовой былъ беспорядокъ, стулья стояли не на мѣстахъ, соръ валялся на полу и, казалось, что сейчасъ придутъ перевозчики и начнутъ выносить мебель.

— Кто его возьметъ отъ меня?—спрашивала Мэси.

Она вырвалась отъ него, побѣжала въ кухню, наскоро развела огонь и, схвативъ метлу, вернулась въ столовую. Левочка все не отставалъ отъ нея, держалъ ее за юбку и продолжалъ кричать. Вошла мадамъ, въ кофточкѣ наизнанку, и стала ловить Левочку, который при видѣ матери бросился бѣжать вокругъ стола. Мадамъ раскричалась и сейчасъ-же туго на туго перевязала голову полотенцемъ. Прибѣжали Аня и Маия и тоже начали ловить Левочку.

Часовъ въ десять все пришло въ порядокъ, и Мэси могла, наконецъ, пойти въ кухню позаботиться объ обѣдѣ. До полудня простояла она у плиты, призывала мадамъ, чтобы посоветоваться съ ней, какъ приготовить сладкій пирогъ, и такъ захлопоталась, что даже не выбѣжала навстрѣчу Борису, когда онъ вернулся изъ конторы.

Часа въ четыре пришла Перель. Это былъ ея день. Послѣ того, какъ у нея умерло трое дѣтей отъ оспы, она стала нищенствовать и ходила съ выжившимъ полуторогодовымъ ребенкомъ по домамъ за подающимъ. Сюда она приходила разъ въ двѣ недѣли, по четвергамъ, становилась у окна и не переступала порога кухни, пока Мэси не зазывала ее.

— Зайдите уже, Перель,—недовольно произнесла Мэси, увидѣвъ ее у окна.—Всегда вы ждете, чтобы васъ позвали.

— Такъ велитъ мое ремесло,—мрачно отвѣтила Перель, входя.

— Для меня вы не нищая, Перель, я вамъ не разъ говорила. Разверните мальчика, онъ согрѣется.

Перель осторожно присѣла на кровать, развязала шаль на спиикѣ и, освободивъ ребенка, посадила его на полъ. Мальчикъ былъ полнехкій, съ едва замѣтными слѣдами отъ оспы на лицѣ, но очень грязный, въ грязной руба-

печкѣ и въ однихъ чулочкахъ. Почувствовавъ теплоту, онъ сейчасъ-же, съ радостнымъ повизгиваніемъ, выставивъ подбородочекъ, поползъ по-полу.

— Прямо собачка,—съ удовольстіемъ выговорила Перель, слѣдя за нимъ.—Не кушай,—крикнула она, когда мальчикъ схватилъ шелуху отъ картофеля.

Ребенокъ поднялъ голову, поглядѣлъ матери внимательно въ глаза и опять поползъ, приложивъ теперь ко рту сложенную въ кулачекъ ручку. И все онъ повизгивалъ, останавливался, стучалъ кулачкомъ о полъ, оглядывался на мать, не понимая, почему ему стало вдругъ такъ пріятно, тепло. Мами намочила корку хлѣба въ молоко, положила ему въ ручку, и онъ, важно осмотрѣвъ дѣвушку, корку, быстро ползнулъ въ сторону.

— Имѣю вамъ рассказать новость!—промолвила Перель.

— Какую?—не то съ любопытствомъ, не то съ безпокойствомъ спросила Мами.

— Двѣ новости,—поправилась Перель.—У Ханочки показалась кровь изъ горла.—Э! э!.. Не блѣднѣйте! Что для васъ теперь Ханочка? По глазамъ вижу, что вамъ не до сестеръ.

— Это неправда, Перель,—съ усиліемъ возразила Мами и повторила: „Кровь изъ горла!“

— Пусть вы правы... Это еще не опасно, но кровь показалась... Смотрите, мой кормилецъ уже подъ кроватью...

Она вытащила ребенка за ножку, и тотъ, поморщившись какъ передъ слезами, опять ползнулъ туда-же, привлеченный кошкой, которая выглядывала на него и водила хвостомъ по полу.

— Я дамъ голову на отрѣзъ,—настаивала Перель,—что вы не знаете, гдѣ Бетя живетъ. Вы можете не отвѣтить, Мами,—не въ укоръ говорю вамъ, но что правда—то правда. Что-то давно вижу въ вашихъ глазахъ.

— Никто ни о комъ не думаетъ,—хотѣла возразить Мами, но ее вдругъ охватилъ стыдъ за то, что она сдѣлалась равнодушной ко всему, и слова не выговорились...—Вы зажгли мое сердце, съ тоской вырвалось у нея.

— И пусть горитъ,—подхватила Перель, встрепетавшись,—не жалѣйте его. Только тогда человекъ достоинъ своего имени, когда его сердце говорить. Лишь теперь вижу людей, но сказала-бы Мами, что не людей вижу, а сердца ихъ, въ окошечко. И сердца эти, Мами, не горятъ, не грѣютъ, а холодныя, какъ камни. Пусть горитъ ваше

сердце, молитесь кого-нибудь объ этомъ, но пусть оно горить, сгораетъ...

Что-то необычайное, новые звуки добра пылали въ ея словахъ. Казалось, холодное страданіе окружило ее ледянымъ моремъ и какимъ-то непостижимымъ чудомъ зажгло ея сердце, и оно, истекавшее кровью, дымилось, горѣло на глазахъ.

— Я не знаю, что со мной,—говорила Мэси, какъ-бы просыпаясь отъ дивнаго сна.—Я все потеряла, растеряла, и ничего мнѣ не нужно, и никого мнѣ не нужно... Вотъ плакала всю жизнь, а теперь люблю... я люблю, Перель...

Она не разъ порывалась рассказать Перель обо всемъ, обнявъ ее какъ пострадавшую мать, же разъ порывалась обросить, наконецъ, тайну души, которая томила и давила ее, и не могла. Ей хотѣлось дорогихъ, сердечныхъ словъ, всеисильныхъ словъ жалости, которые такъ легко, будто ключами раскрывали чужую душу и безъ потрясенія стыда вынимали изъ нея правду. Среди радости обезумленія, какъ молнія жгучая, зарождалась душевная мочь, дрожащій страхъ о предчувствіи беременности, и уже вырывались тайные вздохи, о чемъ, о комъ,—развѣ она могла знать?

— Я люблю,—говорила она въ упоеніи и печали, стоя передъ Перель, — и руки ея дрожали, и звуки ея дрожали, и сердце ея дрожало,—и готова на смерть. Что мнѣ до людей?...

— Отъ этого пьянѣетъ голова,—задумаво отвѣтила—Перель, и кажется, что плаваешь. Я любила разъ, давно уже,—но вышла за портного.

Очарованіе нарушилось, и снова стояли другъ противъ друга двѣ женщины, безправныя, безпомощныя, сестры всѣмъ страдающимъ сестрамъ и не утѣшало, нисколько не утѣшало, что одна была еще такъ молода и имѣла впереди надежды.

— Теперь,—продолжала Перель, какъ бы потухая съ каждымъ словомъ,—любви не знаю... У мужа уже мысли начали мутиться... По цѣлымъ днямъ онъ кричитъ объ Америкѣ и плачетъ передъ стѣной. Унять его нельзя, и свѣта не боится, и ходить по комнатамъ голый, какъ звѣрь. А этотъ маленькій нашъ кормилецъ...

— Я не знала, что вамъ такъ плохо,—виновато проговорила Мэси.

— Говорю вамъ, какъ въ окошечко сердца людей вижу. Посмотрите, кто меня кормитъ! Я его выучила.

Она опустила на колѣни, вытатила ребенка за ножку и, наскоро закутавъ его, произнесла:

— Проси, Гершеле...

Гершеле широко раскрылъ глаза и будто взрослый, будто пожималъ, съ усиленіемъ вытянулъ изъ подъ шали ручку и протянувъ ее Маси, махнулъ головой разъ, другой...

— Отъ этого разрывается сердце,—прошептала Маси, поцѣловавъ ручку ребенка.

— Правда?—подхватила Перель.—А вотъ онъ вырастетъ никому не будетъ нуженъ, и никто его не пожалѣетъ.... Зачѣмъ ему жить? Не понимаю, ничего не понимаю!...

Она опять закутала ребенка, подвязала шаль и, взявъ у Маси мелочь, произнесла:

— Мы заговорились, и я забыла вамъ сказать, что Ханочка хочетъ васъ видѣть. Вы придете?

— Я приду,—отвѣтила Маси,—я немножко подумаю и приду. Скажите ей... Перель кивнула головой и вышла, плотно притворивъ дверь, а Маси смотрѣла ей вслѣдъ, какъ бы потерявъ нить дѣйствительности. Черезъ минуту дверь опять открылась...

— Что такое, Перель?—очнувшись спросила Маси.

— Я забыла сказать вамъ главное... Изъ Симферополя было письмо.

— Отъ Шейндель?—обрадовавшись крикнула Маси.

— Не отъ Шейндель, а отъ одной изъ ухъавшихъ съ ней дѣвушекъ къ подругѣ. Всѣхъ четырехъ продали въ Константинополь, а можетъ быть въ Америку...

— Не можетъ быть,—проговорила Маси, безъ голоса.

— Продали,—угрюмо повторила Перель.—Фрейду вчера сняли съ веревки и едва спасли...

До вечера Маси ходила какъ въ туманѣ, томясь желаніемъ рассказать Борису о своемъ горѣ. И о Ханочкѣ она хотѣла спросить, и о своихъ подругахъ, которыя какъ ни жили, что ни дѣлали, всѣ падали въ одно мѣсто, — въ бездну... Но когда она дождалась ночи и, надѣвъ бѣленькую рубашку, пошла къ нему, когда увидѣла эту дорогую голову на бѣлой подушкѣ, эти глаза, которые просто и легко загорѣлись, лишь только она показалась въ комнатѣ, всѣ вопросы пропали, всѣ печали пропали... И она ничего не сказала ему. Сердце ея трепетало и, казалось, кругомъ было прекрасно, кругомъ жизнь была такъ хороша, что не слѣдовало уже кричать, ни биться, ни томиться. И только плавать можно было, прижавъ его голову къ своей груди, и легко дышать...

XVII.

Въ мартѣ Маси уже дѣлала всяческія усилія, чтобы скрыть беременность. И то, что она не знала, какъ это устроить,

что стыдилась и боялась довѣриться кому-нибудь, держало ее постоянно въ страхѣ и печали. Себственнымъ мучительнымъ опытомъ она пришла къ мысли перевязывать животь туго на туго полотенцами и ходить чуть сгорбившись. Передъ новой кухаркой она научилась дѣлать видъ, что голодна, хотя запахъ кушаньевъ вызывалъ въ ней тошноту. И работала она по прежнему, внимательно, лихорадочно, молчаливо перетерпывая тиранство и пакости отъ мальчика и дѣвочекъ... Но уже по иному, съ сомнѣніями поджидала ночей, и онѣ не приносили ей былого утѣшенія.

Теперь Борисъ рѣдко звалъ ее къ себѣ, и изъ его комнаты не раздавалось больше сигнальныхъ звуковъ. Она шла къ нему робкая, безсильная, чтобы вымолить любовь на часъ, хоть на полчаса, — и молча принимала страданіе при видѣ его хмураго, недовольнаго лица. Когда она устраивалась рядомъ съ нимъ, онъ начиналъ подозрительно разсматривать ея чуть распухшій носъ, губы и лежалъ какъ каменный, не возбуждаясь отъ ласки, хотя она и обнимала его, хотя и пыталась вдохнуть въ него страсть своей любовью, своею иѣжностью... Иногда она заговаривала о беременности, — не о своей, — наивно стараясь разгадать изъ его словъ, какъ бы онъ принялъ извѣстіе, но Борисъ холодно отмалчивался и только какъ-то разъ сказалъ:

— Ты, вѣроятно, забеременѣла отъ кого-нибудь, а теперь хочешь на меня свалить...

Онъ подозрительно, будто былъ правъ въ своихъ догадкахъ, посмотрѣлъ на нее, и она такъ испугалась его глазъ, злого голоса, что не ушла, а какъ то уползла изъ комнаты, и беззвучно проплакала до утра. Весь онъ измѣнился, весь сталъ непонятнымъ. Словно съ ростомъ жестокаго равнодушія къ ней, отвращенія къ ея дыханію, къ ея тѣлу, сошло все привлекательное, вся позолота его внѣшности, и изъ иѣжной кожи выдвинулся злой, угрюмый звѣрь, который ненавидѣлъ ее за право лежать съ нимъ, цѣловать его, плакать молча, безъ словъ. Случалось, она находила дверь его комнаты запертой на ключъ, и никакія мольбы не могли заставить его впустить ее. И самъ онъ не разъ уже намекалъ матери, чтобы та рассчитала Маса, и глухо сердился на непониманіе, которое вынуждало его сказать откровенно и ясно, почему онъ этого хочетъ...

Все перевернулось въ жизни Масы, и мечты о будущемъ, и мечты о ребенкѣ. Раньше она не стыдилась беременности. Когда всѣ радости еще не были изжиты, она любила свои мысли о беременности, и казалась себѣ великой матерью,

первой женщиной, которая родитъ человѣка. И гордо носилась по комнатамъ, сдерживая уста, которыя хотѣли подѣлиться, рассказать, всѣмъ и всему ея тайну. Теперь она будто опомнилась, будто послѣ большого сна проснулась, и мысли о ребенкѣ причиняли ей только страданіе... Онъ мѣшалъ ея тѣлу, ея душѣ и, казалось въ отмщеніе за грѣхъ, росъ внутри, раздувалъ ее, чтобы всѣ заклеили ея проступокъ. Онъ мучилъ ее, словно въ немъ сосредоточилось продолженіе жестокости Бориса, и страшно было, кричать хотѣлось, что какая-то сила, помимо воли, заставляетъ ее жить рядомъ, растить въ себѣ что-то чужое и злое и переплетаться съ нимъ. Каждая боль, минута усталости, все казалось нестерпимой вѣстью о томъ, что зло въ ней развивается, что зарождается дыханіе и образъ человѣка, погубившаго ее...

Собственное горе вернуло ее къ сестрамъ, и она опять стала ходить къ нимъ... Ханка, послѣ того какъ Яшку приговорили къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія, сошлась съ Гришей и занимала теперь комнатку въ одной изъ видныхъ улицъ города. Зимой она пролежала два мѣсяца въ больницѣ... Чахотка развивалась въ ней быстро, скачками, но она была такъ занята своей судьбой, своимъ дѣтскимъ несчастьемъ, что отнеслась къ болѣзни съ тайной радостью. Она очень мало выросла, щеки ея всегда лихорадочно порѣли, въ глазахъ установилось мягкое мерцаніе, но самый возрастъ привлекалъ къ ней мужчинъ, больше чѣмъ красота, и ежедневно она вырочала по нѣскольکو рублей. Ее звали въ гостиницы къ пріѣзжимъ старикамъ, къ зрѣлымъ мужчинамъ, звали въ притоны ради золотой молодежи, а на дому больше всего ее посѣщали гимназисты..

Иногда Маса заставляла ее свободной. Обѣ усаживались на кровати и какъ будто прожили жизнь и встрѣтились старухами, разговаривали о прошломъ. Одна только Ветя была имъ страшна. Та приходила нарумяненная, съ огромными серьгами-кольцами въ ушахъ, шуршала шелковой юбкой, и обѣ мучились, не узнавая сестры въ этомъ нахальномъ лицѣ... Все, рѣшительно все измѣнилось въ жизни Масы и кругомъ нея!

Между тѣмъ время шло, и во дворѣ и въ домѣ, сначала шепотомъ, а потомъ и громко заговорили о беременности Масы. Новая кухарка Фаня, смѣнившая Голду, желчная немолодая женщина, какъ-то разъ, не то шутя, не то серьезно сказала ей:

— Смотрю на васъ, Маси, и не понимаю... Что же,—вы думаете, мы слѣпныя? Вы вѣдь съ трудомъ на ногахъ держитесь.

— Что мнѣ дѣлать,—прошептала Маси,—не знаю, куда дѣвать глаза!

— Если бы спросили у меня три мѣсяца тому назадъ, я бы вамъ отвѣтила... Спросите у меня какъ вытянуть у него деньги?

— У кого,—испуганно спросила Маси.

— Перестаньте притворяться,—возмутилась Фаня.—У такого молодца я бы всѣ внутренности вырвала и ногами растоптала за такую штуку.

— Это не отъ него,—перебила ее Маси, покраснѣвъ,—нѣтъ, не отъ него...

— А отъ кого же, сумасшедшая? Расскажите-ка всю правду, и я васъ научу.

Она отбросила руки назадъ и стала рассказывать длинную исторію, какъ однажды добилась судомъ получать у хозяйскаго сына ежемѣсячно по десяти рублей на воспитаніе ребенка, и слова ея желѣзныя, огненные жгли, словно искры.

— Ко мнѣ прибѣгали, милая моя,—кричала она въ носъ; —прибѣгаль сынъ, потомъ отецъ, мать, а я лежала на грязной кровати, въ грязной комнаткѣ, вотъ съ такимъ животомъ, и плевала имъ въ лицо. Хотите удовольствіе получить отъ служанки,—заплатите...

— Мнѣ не нужны деньги,—сурово выговорила Маси.—Развѣ я продавалась? Я любила...

Фаня неистово засмѣялась, такой дикой показалась ей мысль любить хозяйскаго сына.

— Любовь, любовь, любовь,—повторила она, ставъ серьезной.—Вы съ ума сошли! Къ кому? Къ этимъ богатымъ разбойникамъ? Развѣ это свои люди? Или хорошо вамъ тутъ платять? Или вы можете изъ восьми рублей свою старость обезпечить? Да? Такъ о чемъ же вы говорите? Любить людей, которые покупаютъ васъ, какъ курицу за семь, восемь рублей и только что не рѣжутъ? Я бы на кусочки распилила свое тѣло, лишь бы мнѣ можно бы было бить ихъ по карману, и по карману, и еще по карману...

— Я боюсь васъ,—прошептала Маси.

— Не любите ихъ,—а меня вамъ бояться нечего... Вы думаете, я жить не хочу? Больше ихъ хочу, вѣрьте мнѣ. И

кричу оттого, что болитъ,—что если пропала, то изъ-за нихъ. Разказала бы вамъ свою исторію....

Дня черезъ два Маси опять не выдержала тоски и побѣжала къ Ханкѣ. Дѣвушку она застала за шитьемъ, и отъ этого ей сдѣлалось такъ скучно, что чуть было не ушла, не поздоровавшись.

— Опять вышиваешь!—съ досадою вырвалось у нея.

— Вотъ и ты,—спокойно произнесла Ханка, отложивъ шитье.—Двѣ недѣли тебя не было...

— Какъ здѣсь темно,—говорила Маси, медовольно оглядываясь.

Она никакъ не могла привыкнуть къ этой комнаткѣ, въ которой, казалось, каждое мѣстечко дышало преступленіемъ и развратомъ. Въ гостяхъ у Бети, она чувствовала себя лучше. Тамъ она всегда заставляла безпорядокъ, но комната была больше, воздуха было больше, и даже циничныя картины голыхъ круглыхъ женщинъ и жирныхъ упитанныхъ мужчинъ вносили что-то свѣтлое, ободряющее, какой-то свой кусокъ живого человѣка. Здѣсь,—темная кокурка, съ однимъ окномъ въ дворъ, даже уютная, чистенькая, съ каждой вещью на своемъ мѣстѣ, производила впечатлѣніе вырытой могилы.

— Я привыкла,—подумавъ отвѣтила Ханка, усаживая Маси на кровать.—Я не обманываю, когда говорю, что мнѣ и здѣсь хорошо.

Она вдругъ оборвалась, закашлялась и, какъ бы желая скрыть отъ сестры разбитые, шипящіе звуки, приложила ко рту худую руку, съ длинными, длинными пальцами.

— Ты опять кашляешь?—забезпокоилась Маси.

— Ну да,—съ слабой улыбкой отвѣтила дѣвочка.—Потеплѣло и опять начала кашлять. Дома ничего... вотъ когда тамъ закашляешься,—нехорошо. Прогоняютъ!...

— Прогоняютъ,—монотонно повторила Маси.

— Ну да... Вотъ такъ нравлюсь! Всякій говорить: какая тоненькая, какая молоденькая! Только больныхъ они не любятъ.

Раньше она стыдилась разказывать Маси о томъ, что тамъ. Теперь, чѣмъ становилась слабѣе, чѣмъ быстрѣе уходила изъ жизни,—возвращалась къ этому часто. Какъ будто оттого, что смерть была недалеко, она поднялась на высокую гору и, глядя сверху внизъ, могла обо всемъ говорить. И только одну сторону жизни, только тѣхъ еще осуждала, кто ради потѣхи оскорблялъ бѣдное человѣческое тѣло.

— А у меня скверно,—призналась Маса, отвернувшись от нея.

— У меня не лучше, Маса... Но со всѣмъ бы помирилась, со всѣмъ,—повторила она, сосредоточенно глядя передъ собой,—на людей бы не сердилась и болѣзнь свою любила,—но я Маса ничего не понимаю, ничего...

— Ты боишься смерти?—наугадъ спросила Маса.

Ханка внимательно, пронзительно посмотрѣла ей въ глаза и вдругъ, тихо, съ какимъ то новымъ выраженіемъ, какого еще Маса не знала въ ней, промолвила:

— Бога нѣтъ...

Это казалось легкимъ, неважнымъ, рѣшеннымъ въ минуту, но молчаніе, наступившее вслѣдъ за словами, дохнуло на обѣихъ бездоннымъ одиночествомъ.

— Зачѣмъ Богъ?—прошептала Маса, поблѣднѣвъ.

— Кто человѣку нуженъ на землѣ,—съ волненіемъ спросила Ханка.—Душа есть, и она голодна. Я хожу къ мужчинамъ,—зачѣмъ нужно такъ? Развѣ я могла бы ненавидѣть ихъ? Съ своей души сложу бремя и отдамъ Тому, Кто велѣлъ такъ. Но Его нѣтъ, Его нѣтъ!....

Маса не понимала ее, но поддавалась обаянію вышнихъ человѣческихъ словъ, которыя создавали на глазахъ какую-то новую землю, новую атмосферу, откуда дѣйствительность казалась такой пустой, ничтожной...

— Почему ты знаешь?—боязливо спросила она.

Ханка еще разъ посмотрѣла на нее, и, какъ-бы бросая истину, которая должна раздавить,—просто сказала:

— Всѣ люди знаютъ, что Его нѣтъ!..

— Всѣ люди?—всплеснувъ руками, крикнула Маса, думая, что вотъ, вотъ истина ей дается.

Но Ханка уже опять сомнѣвалась, высокая мысль потухла, и она съ волненіемъ говорила.

— Можетъ быть, Онъ есть? Но развѣ это Онъ?.. Онъ?.. Если я не понимаю,—угрюмо прибавила она,—пусть сдѣлаетъ, чтобы я поняла... Изъ боязни стала такой, но если-бы знала зачѣмъ, съ пляской, съ пѣсней отдала-бы свое тѣло людямъ. Вотъ сказала, что сержусь на людей. Нѣтъ, не сержусь! Ни на кого не сержусь, обо всѣхъ-бы я плакала, и о тѣхъ, что живутъ, и о тѣхъ, что родятся.

Она повторяла: „плакала“, и то были мертвые звуки, эхо давно угасшей души, непонятно, какими нитями еще связанной съ живымъ.

— А у меня плохо,—послѣ долгаго молчанія повторила

Маси.—Всѣ уже видятъ, и я не знаю, что мнѣ дѣлать. Ребенка ненавижу.. себя ненавижу... Бориса ненавижу.

Кто-то завоилдся у дверей. Вошелъ Гриша и, не разглядѣвъ въ темнотѣ Маси, громко сказалъ:

— Одѣвайся, Ханка,—за тобой пришелъ номерной изъ гостиницы.

— Нужно идти,—съ страннымъ выраженіемъ проговорила Ханка, и нельзя было понять, вдохнула-ли она, или всхлипнула.

— Не забудь принять порошка. Ты можешь тамъ раскашляться, а мнѣ нужны деньги...

— Здѣсь Маси,—равнодушно говорила Ханка, быстро переодѣваясь.—Она сидитъ на кровати, и ты ее не видишь.

— Маси?—холодно пробормоталъ онъ.

— Да, Маси. Зажги лампу. Гдѣ мои порошки?

Маси поднялась и, не глядя на обоихъ, стыдливо произнесла:

— Я ухожу, Ханка...

— Гдѣ моя порошки?—нетерпѣливо спрашивала Ханка и искала вездѣ, въ карманахъ, въ комодѣ, подъ подушкой.

Она была уже готова и въ шляпкѣ, въ кофточкѣ, стройная, съ большими, невинными глазами, казалась изящной, чистой дѣвушкой, выросшей въ богатствѣ.

Дома Маси встрѣтили торжественнымъ молчаніемъ. Въ столовой никого не было, кромѣ старика-бухгалтера съ женой, и, лишь только она показала въ комнатѣ, старикъ строго сказалъ:

— Ну, вотъ, бу-бу, ты и пришла! Подойди-ка. Намъ съ тобой нужно поговорить, бу-бу...

Маси вдругъ поблѣдѣла. Мадамъ оидѣла, сложивъ руки на груди, и строго смотрѣла на нее.

— Бу-бу, скажи, бу-бу, пожалуйста, Маси, чего тебѣ, бу-бу, нужно отъ Бориса, бу-бу?

Онъ откинулся на спинку стула, осѣдлалъ свой мясистый носъ пещею и презрительно, сверху внизъ—снизу вверхъ, осмотрѣлъ дѣвушку.

— Только Борисъ тебѣ нуженъ былъ!—ядовито бросила мадамъ!

— Я... я... къ Борису ничего не имѣю,—растерянно прошептала Маси.

— Бу-бу, это хорошо,—одобрилъ бухгалтеръ, но я, бу,—люблю ясность. Можетъ быть, ты и, бу-бу, имѣешь, но отъ доброты своей, бу, не хочешь имѣть?

-- Такая твоя благодарность!—опять вмѣшалась мадамъ.

— Обвинять нашего Бориса! И кто повѣритъ, что онъ съ тобой жилъ? Подумай, Маси... съ тобой! Посмотри-ка на себя. И ты хочешь увѣритъ, что онъ своими иѣжными выхоленными руками касался тебя! Я знаю, тебѣ нужно погубить его. Но за что? Развѣ ты не слыхала, что ему предлагаютъ три тысячи приданого?

— О придаюмъ, бу-бу, не нужно говорить,—пробормотать старикъ.

— Почему не нужно? Маси меня понимаетъ. Правда, ты меня понимаешь, Маси? Ты вѣдь добрая дѣвушка.

— Мнѣ трудно стоять,—безъ голоса выговорила Маси.

— Это не мое дѣло,—вспылилъ бухгалтеръ.—Она не можетъ, бу-бу, я могу съ тобой, бу-бу, разговаривать? Я-бы тебя, бу-бу, сейчасъ выгнать, но, бу-бу, я хочу по-человѣчески...

— Я тоже,—подхватила мадамъ сладкимъ голосомъ.—Вѣдь у тебя были любовники, признавайся, милая Маси. Что тутъ такого, если признаешься? Я тебя не осуждаю, иѣтъ, иѣтъ. Всѣ служанки имѣютъ любовниковъ, вы всѣ такія...

— Ну, правда,—собралась съ духомъ Маси,—я беременна отъ Бориса.

— Что такое, бу-бу-бу,—крикнулъ старикъ,—беременна?.. бу... отъ бу... нашего сына! Ты смѣешь это сказать, бу-бу?

— Хорошо, пусть она говоритъ,—перебила мадамъ, вскочивъ и уперевъ руками въ бока.—Что такое, моя красавица, непристойно тебѣ быть отъ него беременной? Весь міръ знаетъ, что служанки должны быть любовницами хозяйскихъ дѣтей. Вы вѣдь только ходите на работу и на это... Забеременѣла! А въ другомъ мѣстѣ ты не могла забеременѣть? Я могла взять старуху на твое мѣсто, и ваяла тебя, да тебя... для сына... ему вѣдь нужно. И не смѣй притворяться невинной, или я твое брюхо вырву. Ты со мной поговори. Навѣрно уже имѣла десятокъ любовниковъ, а? На дурачковъ думаешь напала? Неправда!.. Не жилъ мой сынъ съ тобой! Докажи-ка! Ты каждый разъ уходила изъ дому. Гдѣ ты шлялась? Сестры твои дѣвки!.. дѣвки!?. Отвѣчай, или я твой ротъ разорву?

Маси испуганно всхлипнула и шарахнулась въ сторону. Теперь уже оба лѣвли на нее съ кулаками, и глаза ихъ были налиты кровью.

— Ты была дѣвкой, и пришла дѣвкой, и уходишь дѣвкой,—вопила мадамъ, а старикъ грозно бормоталъ: бу-бу-бу...

— Я вѣдь ничего, ничего не требую,—тихо говорила Маси,

отступая, и уже громко плакала.—Я... любила, и онъ любилъ... но я не требую, нѣтъ не требую...

— Дай ей расчетъ, бу-бу,—кричалъ старикъ,—сейчасъ, сію минуту, бу-бу, что-бы духа ея не было, бу-бу бу...

А Маси все отступала, что-то говорила, плакала и каждый разъ заканчивала однимъ.

— Я ничего не требую... нѣтъ, не требую...

XVIII.

Первое время Маси была безутѣшна. Она сняла каморку на краю города и, какъ выгнанный ребенокъ, ласковый и любящій, по цѣлымъ днямъ плакала о Борисѣ, и въ душѣ ея не было ненависти ни къ нему, ни къ его роднымъ. Казалось, если бы ей позволили вернуться обратно, она расцѣловала бы порогъ этого дорогого дома и за одну только возможность жить по прежнему рядомъ съ Борисомъ, видѣть его, служить ему, ничего бы не потребовала и ни о чемъ бы не мечтала. Тоска по немъ не давала ей сосредоточиться, и она, въ душѣ склоняясь, находила его родныхъ правыми, а себя виноватой. Съ глазу на глазъ съ собой, служанка, выгнанная и опозоренная, она какъ бы теперь начинала постигать дерзость своихъ желаній. Онъ рисовался ей важнымъ, изящнымъ баринномъ, за которымъ бѣгаютъ богатя дѣвушки, и она жмурилась отъ страха, вспоминая, что когда-то лежала съ нимъ на кровати и обнимала его... Но еще больше страдала отъ другой большой тоски, тоски по квартирѣ, по кухонкѣ, по работѣ, и отъ всего было какое-то нездоровое безпокойство. Казалось, что никакая другая дѣвушка не сумѣетъ такъ присмотрѣть за Борисомъ, такъ прибрать въ его комнатѣ, такъ позаботиться о его удобствахъ, и безъ нея опять квартира опустится и нахлынетъ грязь и неряшество, какое она нашла, когда нанялась.

На время вернулась любовь къ своему ребенку, и она отдыхала душой, прислушиваясь къ его барахтанію и забавнымъ штучкамъ, которыя онъ продѣлывалъ съ ней. Она ловила его ручки или ножки и гладила, цѣловала ладонями рукъ эти бугорки на животѣ съ такой нѣжностью, точно это былъ Борисъ, точно это была часть Бориса, которую онъ подарилъ ей на прощаніе. А въ часы остраго страданія сердца, любила сидѣть у окна съ иглой въ рукахъ, думать о рубашечкахъ, пеленочкахъ, свивальникахъ и выкраивала изъ своихъ рубахъ бѣлье для ребенка.

Но самыя тяжелыя минуты Маси переживала по вечерамъ,

Иногда она убѣгала изъ дому. На улицѣ, какъ прозрѣвшая слѣпая, она колеблющимися шагами сворачивала влѣво или въ раздумьи направо, и отсюда уже, точно кто-то тащилъ ее на веревкѣ, прямо отправлялась въ улицу, гдѣ жилъ Борисъ.

— Я только на окна посмотрю,—говорила она себѣ,—только на окна...

И долго вертѣлась по кварталу прежде, чѣмъ рѣшиться, какъ воровка пробиралась во дворъ и, спрятавшись у какой-нибудь стѣны, отыскивала глазами комнату Бориса... Потомъ шла на улицу и, скрывъ лицо подъ шалью, какъ часовой, бродила назадъ и впередъ, и вскидывала поминутно глазами наверхъ, гдѣ мелькали тѣни въ двухъ освѣщенныхъ окнахъ столовой...

Но кончался уже второй мѣсяцъ жизни въ одиночествѣ, изсякали грошовыя сбереженія, и инныя заботы неотложныя, насущныя отбросили далеко наивныя мечты... Въ концѣ мая, послѣ выѣзда Бети въ другой городъ, гдѣ она попала въ роскошный „домъ“, съ Ханкой въ присутствіи гостя случился припадокъ и ее, истекавшую кровью, замертво отвезли въ больницу. Теперь Маса осталась совершенно одинокой. Съ утра голодная, не смѣя отъ стыда показаться людямъ, она не понимала и не постигала, что съ ней будетъ завтра, черезъ недѣлю... Ни о чемъ она уже не думала и съ тупымъ отчаяніемъ приняла извѣстіе о Бетѣ и Ханкѣ, — развѣ не безразлично, какъ погибнуть, кто погибнетъ? Иногда еще вспыхивала ненависть къ Борису, но уже такъ далеко отошла душой отъ прошлаго, столь прижатой и несчастной знавала себя, что и онъ казался забытымъ сновидѣніемъ... Истинно страшное сосредоточилось въ ребячкѣ, и весь ея гнѣвъ, помимо воды, палъ на него. Онъ стоялъ вездѣ и повсюду и какъ бы смѣялся надъ ея усиліями забыть о немъ.

Онъ трепыхался и бился въ ней, какъ деспотъ, расположившись въ самой ея душѣ, требовалъ вниманія, острой думы, и она снова возненавидѣла его. И съ нимъ, съ маленькимъ врагомъ, который занялъ всѣ мѣста, гдѣ ей нужно было пройти, только съ нимъ, съ глазу на глазъ, протекли дни послѣднихъ мѣсяцевъ.

Это произошло въ серединѣ іюля. Часа въ два ночи Маса внезапно поднималась въ кровати, почувствовавъ тонкую боль въ поясицѣ.

— Не можетъ быть,—со страхомъ прошептала она...

Боли уже не было... Она прилегла чуткая, насторожив-

шись, будто поджидала ту же боль и готовилась встрѣтить ее съ крикомъ. Опять она присѣла внезапно, какъ сброшенная, и задрожала и заплакала, испуганная одиночествомъ. Боли перемежались. Онѣ были отчетливыя, еще не очень мучительныя, и однако ей казалось, будто кто-то на зло тычетъ иголкой то въ поясницу, то въ животъ. Она сошла съ кровати и стала ходить по комнатѣ, охая и тряся головой. Время шло... Сонъ одолѣвалъ ее, и, какъ ребенокъ, она рвалась чуточку поспать. Кровать манила ее, стулъ манилъ, и отъ схватки до схватки ни одной минуты она серьезно не допускала, что опособна въ дѣйствительности родить. Отъ болѣе она начинала бѣгать, стараясь быстро представить себѣ какъ это произойдетъ. И чѣмъ дальше, ее все больше охватывалъ гнѣвъ, бессильная ярость сознанія, что ребенка она неизбежно должна родить. Ребенокъ! Она еще могла думать о немъ и видѣла, какъ онъ буравилъ ее внутри руками, ногами, головой...

Теперь она опять лежала на кровати животомъ внизъ и, кусая подушку, изрѣдка мычала глухими звуками. Боли учащались. Онѣ были уже другія, кислыя, нудныя, кололи, рубили, буравили и ихъ ничѣмъ нельзя было успокоить. Меси вскакивала и ложилась, торопливо отыскивая лучшее положеніе, кружила по комнатѣ и только лишь, когда начались настоящія схватки, заревѣла длинными звуками страданія...

— Это кончится,—умоляя спрашивала Меси,—это кончится?..

И опять ревѣла, просто, какъ животное, рвала на себѣ волосы, и минутами ее охватывала такая ярость противъ ребенка, что готова была руками достать его и задушить. А время шло, кошмарное, безъ часовъ, безъ минутъ... Сколько она уже мучилась? Годы, вѣка? Когда она жила?..

Къ вечеру она лежала обезсиленная, не кричала, не плакала и будто затаила месть и не хотѣла открыть никому, какъ отомстить, только вдрагивала... Внезапно она вскочила и сейчасъ же повалилась на подушку. Что-то новое, и невѣдомое, и свѣтлое мелькнуло въ знакомой дали. Слово тайна приближалась, сбросивъ темныя покровы. Меси широко-широко раскрыла глаза... Все занятая этимъ необычнымъ просвѣтленіемъ сознанія, она инстинктивно устроилась какъ нужно, натужилась и точно выталкивала изъ себя юную природу, невинную, дѣвственную, крикнула и отбросилась назадъ, облегченная... Раздался пискъ, можетъ быть рѣвкій, можетъ быть торжествующій... Меси лежала неподвижно, безъ

улыбки. Ребенокъ кричалъ, и къ сердцу ея подплывало и отплывало что-то злое и доброе, и враждебное. Тотъ мигъ, когда ей казалось, что открылись двери въ прекрасное, блаженное, исчезъ, и опять она была опозоренная, обиженная людьми... И ни одной минуты она не колебалась. Такъ же инстинктивно какъ устроилась для родовъ, она присѣла, посмотрѣла равнодушно на ребенка, который лежалъ, задржавъ ножки, и взяла его на руки.

— Это онъ,—холодѣя подумала она, не рѣшаясь больше взглянуть на него.

И повернулась, приподняла подушку и положила мальчика подъ нее.

— Богъ! Есть Богъ?—захотѣлось ей крикнуть...

Но не крикнула и сейчасъ же, какъ въ кипящую лаву всѣмъ тѣломъ, всей тяжестью спины откинулась назадъ. Что-то задрожало подъ ней, забилося... Угрюмая лежала Маса, не чувствуя жалости къ этимъ содроганіямъ, и словно радость отомщенія вошла въ ея душу, когда вдрагиванія подъ подушкой утихли. И такъ она заснула на ребенкѣ...

А съ улицы доносился веселый лѣтній шумъ, и нельзя было понять, почему люди не стоятъ здѣсь и не плачутъ... Всѣ торопились, всѣ бѣжали куда-то, шли, проходили... Нѣтъ, не эти могли сотворить день иной правды, иной жизни!...

Семень Юшкевичъ.

Я люблю этотъ городъ суровый,
Весь закованный въ сѣрый гранитъ.
Сводъ небесъ равнодушныхъ свинцовый,
Мрачныхъ храмовъ торжественный видъ.

* * *

Я люблю его ночи весною
Съ ихъ тревогой обманчивыхъ грезъ,
Май, окутанный мглой голубою,
Напоенный дыханьемъ березъ.

* * *

Я люблю его дождь и туманы,
Наводненья осенней порой,
Безконечные тучъ караваны,
И въ снѣгахъ его море зимой.

* * *

Всѣ капризы прощаю природы
И... терзаюсь стыдомъ одного:
Нѣтъ великаго чувства свободы
Въ мѣрно бьющемся сердцѣ его!

О. Боголюбова.

Письма Лассала къ Марксу.

Фердинанду Лассалу приходится долго ждать справедливой оцѣнки. Оскорбительныя для его памяти небылицы повторяются и теперь, 40 лѣтъ спустя послѣ его смерти. Но если личность Лассала не получила въ широкихъ кругахъ общества того признанія, на которое имѣеть право титаническое ея величіе, то это не должно возбуждать особаго удивленія. Вызванное имъ къ жизни движеніе, конечно, не могло прійтись по вкусу буржуазному обществу, затрагивая слишкомъ непосредственно его интересы. А съ движенія недовольство естественно перешло на личность организатора. Надо еще замѣтить, что для благонаправной критики, для ненавистническихъ нападокъ, жизнь Лассала представляетъ богатый матеріалъ. И отношенія его къ графинѣ Гацфельдтѣ, и многочисленныя любовныя похиженія, и, наконецъ, нелѣпая дуэль съ какимъ-то Янко Раковицемъ, кончившаяся безвременной смертью истомленнаго долгой борьбой вождя, да и инныя немалочисленныя противорѣчія, какъ то странно уживавшіяся въ его „огненной душѣ“—все это давало обильную пищу досужимъ языкамъ добродѣтельныхъ людей. Мелкая зависть къ его успѣхамъ (а этому баловню судьбы удача улыбалась даже въ пустякахъ свѣтской жизни) не могла ему простить, что онъ, этотъ демократъ и революціонеръ, одѣвается у лучшихъ портныхъ и поражаетъ сердца тѣхъ, на кого у буржуа самыя законныя притязанія.

Не апологіей Лассала занимаемся мы здѣсь: у него было много грѣховъ и несравненно болѣе тяжкихъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ съ злораднымъ негодованіемъ толковали добродѣтельные люди. Но именно потому, что мы знаемъ эти грѣхи и не думаемъ вовсе ихъ скрывать и умалать, мы имѣемъ право съ нѣкоторымъ скептицизмомъ отнестись къ источнику негодованія благочестивыхъ его критиковъ и напомнить извѣстныя слова, что въ обществѣ, гдѣ слишкомъ много и слишкомъ громко говорятъ о добродѣтели, дѣло добродѣтели обстоитъ, вѣроятно, очень плохо.

Но Богъ съ ними, съ добродѣтельными людьми. Нападки ихъ, въ общемъ, не столько злостны, сколько наивны, и бьютъ слишкомъ далеко отъ цѣли. Къ тому же теперь онѣ слышатся рѣже. Гораздо любопытнѣе оцѣнка другого рода, которую нашелъ Лассаль въ лагерѣ своихъ враговъ. Въ этомъ случаѣ тонъ задаютъ ученые, драпирующіеся въ тяжелую мантию безпристрастнаго изученія объективныхъ фактовъ. Враги поумнѣли. Вопли оскорбленной невинности не заглушили громкихъ раскатовъ подготовленной Лассалемъ грозы. Пришлось, какъ можно скорѣе и основательнѣе, позабыть и про добродѣтель, и про ея злого оскорбителя и перемѣнить фронтъ. Движеніе, связанное съ неприятно для національно-нѣмецкаго уха звучащими именами Маркса, Энгельса и Лассалья,—начало принимать характеръ и размѣры, не на шутку обеспокоившіе нѣмецкаго буржуа. Чтобы помочь злу, отвести грозный потокъ по другому руслу, онъ сталъ прибѣгать къ самымъ равнообразнымъ, сплошь да рядомъ другъ другу противорѣчащимъ средствамъ. И „законъ о социалистахъ“ Бисмарка, и Бисмарковскихъ же рукъ посланіе о социальной политикѣ 1881 года, и антисемитизмъ и социально-политическія попытки центра, и образованіе національ-соціальной и иныхъ партій—все, въ послѣднемъ счетѣ, преслѣдовало одинаковую цѣль: ослабить рабочее движеніе и приспособить его къ буржуазно-юнкерскимъ интересамъ. Въ нѣмецкой литературѣ,—научной и публицистической, соединенный походъ юнкера и буржуа оказался многими хорошо извѣстными фактами. Исторія, политическая экономія, чуть ли не антропология перекраивались, соотвѣтственно съ вождѣльними сторонниковъ „Ordnung“ и враговъ „Umsturz'a“. Не пощадила судьба даже имени Лассалья. Къ Марксу и Энгельсу, этихъ „не знающихъ отечества бродягамъ“ никакъ нельзя было подойти. Съ этими фанатиками, закоренѣлыми въ своемъ „непониманіи“ нѣмецкой жизни, которую они „легкомысленно мѣрили аршиномъ, годнымъ для специфическихъ англійскихъ условій“, ничего нельзя было сдѣлать. Другое дѣло Лассаль, о которомъ самъ Бисмаркъ сказалъ: „это былъ одинъ изъ привлекательнѣйшихъ людей, съ которымъ мнѣ приходилось сталкиваться; отнюдь не республиканецъ, онъ всегда былъ преисполненъ національныхъ и монархическихъ убѣжденій; идея, къ которой онъ стремился, была нѣмецкая имперія, въ этомъ у насъ была точка соприкосновенія“. Лассалья, тактика котораго была далеко не безупречна, который не былъ брезгливъ въ выборѣ средствъ и часто въ нихъ ошибался, нужно было попытаться представить въ подходящемъ для вдохновляющаго историковъ и политиковъ общественнаго класса освѣщеніи и показать его въ этомъ видѣ заблудшимъ людямъ:—„таковъ былъ вашъ вождь, таковы должны быть и вы всѣ“. И вотъ пошли пространныя разсужденія на тему, что въ сущности Лассаль былъ представителемъ идеи объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, что онъ никогда не впадалъ въ безпочвенный космополитизмъ, подобно Марксу и Энгельсу, а

оставался строго національнымъ, что самый демократизмъ его отнюдь не шелъ въ разрѣвъ съ господствующими династическими традиціями, словомъ, что въ „германской имперіи—Бисмарковской націи“¹⁾, и онъ видѣлъ осуществленіе своихъ завѣтныхъ мечтаній. Послушаемъ одного изъ этихъ историковъ. Профессоръ Теобальдъ Циглеръ, въ своей книгѣ объ умственныхъ и социальныхъ теченіяхъ въ Германіи въ XIX в., сравнивая Маркса и Лассалья, между прочимъ говоритъ:

„И Марксъ былъ еврей и гегельянецъ, какъ Лассаль, но совсѣмъ другой человѣкъ. Лассаль былъ ораторъ и народный агитаторъ, какъ Гуттенъ, съ пламеннымъ и искреннимъ темпераментомъ, находившійся подъ господствомъ не только чувственныхъ импульсовъ, но также и національныхъ и идеальныхъ инстинктовъ; эти-то инстинкты давали ему возможность опѣнить вполне личность и величіе Бисмарка, на демоническую сторону природы котораго онъ смотрѣлъ, какъ на нѣчто родственное; онъ былъ преисполненъ вѣры въ Пруссію, приравненіе которой къ гегемоніи надъ Германіей онъ открыто призналъ въ 1859 г.; Карлъ Марксъ, напротивъ, былъ человѣкъ холоднѣйшаго разсудка, съ критическимъ до безпощадности умомъ, лишенный идеаловъ, не питавшій никакихъ иллюзій, тоже агитаторъ, но не въ стилѣ Гуттена, а въ родѣ Мадзини и, если мнѣ позволить это сравненіе, похожій на паука, тихо ткающаго свою паутину и съ безошибочной увѣренностью ловящаго своихъ враговъ въ нее“.

Политическая партія, которую безчисленное множество слѣпыхъ поклонниковъ Бисмарковского творенія считаетъ своимъ злѣйшимъ врагомъ, до сихъ поръ, не смущаясь приговоромъ ученыхъ людей, какъ раньше она не смущалась злыми клеветами добродѣтельныхъ, продолжаетъ чтить въ Фердинандѣ Лассалѣ одного изъ трехъ своихъ великихъ учителей.

Настоящее движеніе,—говоритъ Эдуардъ Бернштейнъ въ своей извѣстной работѣ о Лассалѣ,—то же самое, зная котораго Лассаль поднималъ въ 1861 году. Все тѣ же цѣли, за которыя онъ борется, хотя измѣнились и средства, и требованія. Черезъ нѣсколько лѣтъ оно, быть можетъ, снова перемѣнитъ средства борьбы, но все же оно останется тѣмъ же движеніемъ. Лассаль не создалъ нѣмецкой рабочей партіи, какъ не создалъ ее кто-либо иной. Среди передовыхъ рабочихъ Германіи броженіе было очень сильно, когда Лассаль всталъ во главѣ ея. Но если его и нельзя назвать творцомъ партіи, то ему все же принадлежитъ слава, что онъ для нея свершилъ подвигъ столь великій, какихъ мало кому удается свершить. Тамъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ были только неопредѣленные желанія, онъ утвердилъ сознательное стремленіе; онъ привилъ нѣмецкимъ рабочимъ сознаніе ихъ исторической миссіи, она научилъ ихъ организоваться въ самостоятельную политическую партію. Этимъ онъ ускорилъ развитіе движенія по меньшей мѣрѣ на многіе годы“...

Такая оцѣнка имѣетъ, въ виду стремленій показать истинную физиономію Лассалья, тѣмъ большее значеніе, что Бернштейнъ менѣе чѣмъ кто либо пристрастенъ къ нему. Но объ этомъ ниже. Отмѣтимъ здѣсь только, что попытки ученыхъ людей подмѣнить истиннаго Лассалья и сдѣлать изъ него демократическаго агита-

1) Выраженіе Энгельса.

тора съ національ-либеральными тенденціями не возымѣли того дѣйствія, которое ими должно было быть достигнуто. Въ тѣхъ кругахъ, на которые рассчитывали, Лассаль остался тѣмъ, кѣмъ онъ былъ—„мыслителемъ и бойцомъ“. Но въ широкіхъ слояхъ нѣмецкой образованной публики еще живо противоположеніе „добраго и національнаго“ Лассалья злomu и не знающему отечества Марксу ¹⁾. Лежащій передъ нами томъ писемъ Лассалья къ Марксу служить блистательнымъ его опроверженіемъ.

Но прежде чѣмъ мы займемся этими письмами, бросающими очень любопытный слѣдъ на многіе, существенные не только для характеристики Лассалья, вопросы, нужно остановиться еще на одномъ пунктѣ. Мы говорили выше, что Лассаль не дождался пока справедливой оцѣнки; что многочисленныя нападки и искаженія его духовнаго облика исходятъ отъ людей, стоящихъ по эту сторону разрушенныхъ Лассалемъ устоевъ—это понятно. Но и въ его же лагерь, среди лицъ, непосредственно стоящихъ въ томъ движеніи, которое къ нему примыкаетъ, раздаются или раздавались голоса, суровость которыхъ часто повергаетъ насъ въ изумленіе. Въ особенности Бернштейнъ, авторъ лучшаго изслѣдованія о Лассаль, останавливаясь на многочисленныхъ его тактическихъ ошибкахъ, слишкомъ поддается вліянію авторитета Маркса и Энгельса, которые далеко не безпристрастно относились къ оставшемуся въ Германіи послѣднему изъ Могиканъ. Такое несправедливое къ Лассалю отношеніе уступаетъ теперь мѣсто спокойному и объективному разсмотрѣнію этой громадной личности. Теперь для этого и наступило время. Ни нападки, ни заигрыванія враждебно настроенныхъ группъ не смогли ослабить ни роста нѣмецкаго рабочаго движенія, ни привязанности, которая въ средѣ его чувствуется къ имени Ф. Лассалья. Споры о личности Лассалья не должны больше смущать ревнивыхъ поклонниковъ его великихъ товарищей. Исторія уготовила всѣмъ тремъ равныя, но одинаково почетныя мѣста.

Передъ нами лежатъ IV томъ издаваемой талантливыми публицистомъ и историкомъ нѣмецкой рабочей партіи, Францемъ Мерингомъ, коллекціи, озаглавленной „Изъ литературнаго наслѣдства Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассалья ²⁾“, содержащій въ себѣ письма Лассалья къ Марксу и Энгельсу, за періодъ 1849—1862 годы. Отвѣтныя письма, къ сожалѣнію, не дошли до насъ, такъ какъ по злой ироніи судьбы бумаги Лассалья находятся въ рукахъ лицъ, относящихся съ враждою къ крупному общественному движенію, связанному съ именемъ великаго агитатора. Изъ писемъ этихъ, для уясненія которыхъ примѣчанія

¹⁾ Предисловіе Меринга къ письмамъ Лассалья, XII.

²⁾ Остальные томы этого интереснаго изданія содержатъ въ себѣ ранніе труды Маркса и Энгельса, печатавшіеся въ *Neu Rheinische Zeitung, Deutsch—Französische Jahrbücher*. Историко-литературные и критическіе комментаріи лучшаго знатока этой литературы, Меринга, придають ему особое значеніе.

Меринга оказываютъ неоцѣненные заслуги, мы въ настоящей статьѣ постарались извлечь все, что окажется существеннымъ для характеристики, какъ личности Лассалья, такъ и отношеній его къ Марксу, относительно которыхъ до сихъ поръ господствовали весьма неясныя представленія. Далекое не все, конечно, интересно и заслуживаетъ вниманія въ этихъ письмахъ. Многія изъ нихъ трактуютъ о техническихъ подробностяхъ доставки разныхъ произведеній Маркса и иныхъ запрещенныхъ плодовъ печати въ Германію, ревниво оберегавшуюся прусскою полиціей. Многія, чисто дѣловаго содержанія, знакомятъ насъ съ тѣми затрудненіями, которыя приходилось претерпѣвать Марксу при печатаніи и изданіи его работъ, затрудненіями, неприятныя стороны которыхъ выпадали и на долю ведшаго переговоры съ издателями Лассалья. Но тѣ изъ нихъ, которыя раскрываютъ намъ внутренній міръ Лассалья въ эту скучную пору политической и общественной реакціи, полны самаго непосредственнаго для насъ интереса.

А поистинѣ скучную пору переживала Германія послѣ того, какъ кратковременной „веснѣ народовъ“ былъ положенъ безжалостный и кровавый конецъ. Добрый Михель, который такъ гордо было поднялъ свою бѣлокурую голову и такъ смѣло заговорилъ, на удивленіе своихъ властей, снова „успокоился, началъ терпѣливо и смиренно спать и храпѣть, пока не проснулся подъ скипетромъ 34 монарховъ“ (Heine, Michel nach dem März). Реакція сперва еще робкая, не вполне довѣряя, что все осталось по прежнему, скоро укрѣпилась въ ликованіяхъ побѣды и торжества и сильнѣе, чѣмъ когда либо, дала себя знать. Сейчасъ же послѣ насильственнаго распущенія національнаго собранія, въ Берлинѣ начались политическіе процессы съ ихъ издѣвательствомъ надъ правосудіемъ. И противъ Лассалья, какъ извѣстно, было возбуждено обвиненіе въ подстрекательствѣ къ вооруженному сопротивленію властямъ, такъ что первыя его письма къ Марксу писаны изъ Дюссельдорфской тюрьмы, гдѣ онъ отбывалъ предварительное заключеніе. Несмотря на самыя возмутительныя продѣлки прусской прокуратуры, Лассаль былъ оправданъ. Потянулись затѣмъ для всей Германіи и въ особенности для него долгіе и томительные годы полнаго отсутствія практической дѣятельности, совершеннаго затишья политической жизни; въ правительственныхъ сферахъ и при дворѣ, гдѣ Фридрихъ-Вильгельмъ IV все быстрѣе приближался къ сумасшествію, шла усиленная работа, дабы изъ памяти гражданъ были вытравлены всякіе слѣды разразившейся въ 48 году грозы. Лассаль жилъ въ Дюссельдорфѣ до 1859 года, поглощенный безчисленными процессами графини Гацфельдтъ, а затѣмъ съ 1854 г., когда, наконецъ, его изумительной энергіи удалось взять верхъ надъ наглыми претензіями мужа графини—въ работѣ надъ объемистымъ трудомъ о философіи Гераклита Темнаго. Въ 1857 году ему удалось добиться разрѣшенія пріѣхать въ Берлинъ, откуда онъ уѣзжалъ только на корот-

кіе сроки, между прочимъ въ 1862 году, чтобы повидаться съ Марксомъ и Энгельсомъ.

Послѣ этого свиданія переписка друзей прекратилась, по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ впоследствии.

Съ Карломъ Марксомъ Лассаль познакомился въ концѣ 40 г., когда Марксъ, находясь въ составѣ кельнскаго демократическаго комитета, издавалъ новую Рейнскую газету — органъ крайней лѣвой, къ которой принадлежалъ республиканецъ и социалистъ Лассаль. Имъ приходилось часто видѣться и толковать о жгучихъ вопросахъ дня, они сошлись на ты, а когда Лассалья арестовали, то Марксъ и Энгельсъ пошли въ составѣ депутаціи къ прокурору Амону, съ заявленіемъ протеста противъ грубѣйшихъ правонарушений, допущенныхъ мѣстной полиціей относительно Лассоля. Бернштейнъ говоритъ, что между Марксомъ и Лассалемъ никогда не существовало тѣсной дружбы, въ виду глубокаго различія въ ихъ характерахъ. Не отрицая, конечно, этого различія, хотя и понимая его нѣсколько иначе, чѣмъ почтенный профессоръ Циглеръ, мы не можемъ не замѣтить, что письма Лассалья отнюдь не подтверждаютъ словъ Бернштейна.

Конечно, Лассаль былъ слишкомъ исполненъ безграничнаго сознанія своей могучей индивидуальности, чтобы скромно ступать передъ деспотической натурой Маркса, какъ это дѣлалъ даже такой во всѣхъ отношеніяхъ большой человекъ, какъ Энгельсъ. Марксъ, съ другой стороны не терпѣлъ противорѣчій и привыкъ къ безусловному поклоненію со стороны, своихъ учениковъ. Но это не мѣшало имъ оставаться искренними друзьями.

Не даромъ именно къ Лассалю, и не разъ въ теченіе своей тяжелой изгнанической жизни, обращался Марксъ за денежной поддержкой или иной дружеской услугой. Не особенно велики были эти суммы, которыя Лассаль посылалъ Марксу, то 200 талеровъ ¹⁾ то 100 ²⁾, но и онѣ облегчали гнетъ неприглядной нищеты, тяготѣвшей надъ семьями эмигрантовъ. Не съ благотворительностью мы вмѣемъ здѣсь дѣло (Лассаль помогалъ многимъ, не только Марксу), а съ братской услугой, которая принималась въ томъ же духѣ, какъ оказывалась. Лассаль не ограничивался деньгами, онъ всячески старался улучшить положеніе дружеской семьи, находилъ для Маркса постоянную работу въ австрійской газетѣ, редактировавшейся двоюроднымъ братомъ его, искалъ издателей и книгопродавцевъ для его сочиненій, терпѣливо сносилъ придирки вѣчно недовольнаго Маркса. Лассаль охотно признавалъ превосходство Маркса, какъ научнаго дѣятеля. Не разъ говорятъ онъ въ письмахъ, что, занимаясь разработкой однихъ и тѣхъ же экономическихъ вопросовъ, что и Марксъ, онъ охотно воздержится вовсе отъ печатанія своего труда, такъ какъ не сомнѣвается, что общіе результаты, къ которымъ они пришли, бу-

¹⁾ Письмо 29.

²⁾ Письмо 44.

дуть гораздо лучше объяснены и изложены у Карла Маркса. Но и въ мельчайшихъ вопросахъ онъ не только высоко цѣнилъ мнѣніе своего старшаго друга, но даже противопоставлялъ его взглядамъ и сужденіямъ своихъ многочисленныхъ берлинскихъ друзей, въ средѣ которыхъ онъ чувствуетъ себя одинокимъ.

„У меня много друзей—пишетъ Лассаль, спрашивая совѣта Маркса по одному чисто личному и неприглядному дѣлу—и между ними есть дѣльные люди, какъ Дункеръ и Домъ. Но они не обладаютъ достаточной духовной независимостью для того, чтобы я могъ придавать особое значеніе ихъ сужденіямъ, когда они сходятся съ моими, да и не представляютъ изъ себя достаточно крупныхъ въ умственномъ отношеніи величинъ для того, чтобы я обратилъ вниманіе на ихъ со мною разногласія. Въ первый разъ за тринадцать лѣтъ я колеблюсь, первый разъ нуждаюсь въ человѣкѣ, который-бы обладалъ обоими этими качествами въ такой степени, что могъ-бы мнѣ помочь совѣтомъ: поэтому-то я и обращаюсь къ тебѣ... на что же въ противномъ случаѣ друзья, если нельзя съ ними посоветоваться ¹⁾).

Дѣйствительно дружескія отношенія между этими двумя великими дѣятелями, сказывающіяся въ той ревнивой заботливости, съ которою они стараются разъяснить малѣйшее недоразумѣніе или разногласіе (изъ писемъ Лассалья видно, что не только онъ одинъ придаетъ значеніе взаимной солидарности во взглядахъ), съ теченіемъ времени однако ослаблялись; ни переписка, въ неаккуратности которой повиненъ не только Марксъ, такъ часто упрекаемый за то своимъ корреспондентомъ, ни личныя свиданія въ 61 году, когда Марксъ пріѣзжалъ хлопотать о восстановленіи въ правахъ прусскаго подданства, ни въ 62 г., когда Лассаль поѣхалъ въ Лондонъ, не могли остановить разлада, коренившагося какъ въ характерахъ обоихъ борцовъ за одинъ идеалъ, такъ и въ различіи исторической обстановки, въ которой проходила ихъ дѣятельность.

Подъ вліяніемъ этого разлада у Маркса не разъ срывались несправедливыя и неосновательныя сужденія о бывшемъ другѣ, суровость которыхъ усугублялась тѣмъ непререкаемымъ авторитетомъ, которымъ пользовалось всякое его слово у его сторонниковъ.

По письмамъ Лассалья мы прослѣдимъ этотъ разладъ, его возникновеніе и развитіе, отдавая себѣ отчетъ въ томъ, кто въ чемъ былъ правъ во время спора, и кто оказался таковымъ, когда и предметъ спора, и участники его были унесены быстро текущими волнами политической жизни. Споровъ въ письмахъ было не мало, не всегда они касались принципиальныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что въ самыхъ основныхъ пунктахъ Марксъ и Лассаль не расходились.

Самостоятельность пролетаріата въ творествѣ новыхъ соціальныхъ формъ, обособленность его жизненныхъ интересовъ отъ остальныхъ общественныхъ классовъ была провозглашена

¹⁾ Письмо 36.

Марксомъ и Энгельсомъ въ извѣстномъ манифестѣ, появившемся въ февралѣ 1848 г.

Подавляющее вліяніе высказанныхъ тамъ идей захватило, конечно, и Лассалъ: его программа рабочихъ повторяетъ тотъ же ходъ мыслей. Кардинальный пунктъ ихъ, рѣзко отграничивающій единомышленниковъ Маркса и Лассалъ отъ представителей всѣхъ иныхъ прогрессивныхъ группъ, заключается именно въ томъ, что коренныя измѣненія общественнаго строя, стремленія къ которымъ исходятъ изъ разныхъ слоевъ общества, могутъ совершиться только въ интересахъ и какъ результатъ самостоятельной и сознательной работы пролетаріата. Взглядъ этотъ въ настоящее время пользуется полнымъ правомъ гражданства въ средѣ марксистовъ: въ концѣ 40-хъ годовъ онъ былъ достоиніемъ небольшой кучки лицъ, которая свое пониманіе социальнаго вопроса и средствъ къ его разрѣшенію смѣло и энергично противопоставляла какъ демократамъ, такъ и „истиннымъ“ социалистамъ.

Разсуждая о причинахъ неудачи венгерскаго возстанія, Лассалъ пишетъ Марксу:

„Изучая исторію Германіи въ 1848 и 1849 гг. я вывелъ непоколебимое слѣдствіе, что ни одна борьба не увѣнчается въ Европѣ болѣе успѣхомъ, если она сразу не будетъ чисто социалистической, никакая борьба не приведетъ къ счастливому концу, если она, скрывая лежащіе въ ея основѣ социальныя вопросы, выступитъ въ формѣ національнаго возстанія или буржуазнаго республиканизма; ни одна борьба не увѣнчается успѣхомъ, которая не изберетъ своимъ исключительнымъ паролемъ, какъ июнь 1848 года: „работа или смерть“ 1).

Въ одной изъ многочисленныхъ статей о Лассалѣ намъ пришлось какъ-то читать, что въ его дѣятельности цѣли политическія берутъ верхъ надъ социальными. Если мы обратимъ должное вниманіе на выписанныя нами слова, которыя съ достаточной ясностью показываютъ намъ на полосу общественной мысли, въ которую онъ попалъ (а нужно помнить, что Лассалъ въ 60-хъ г. писалъ то же самое, что въ 40), то встрѣтимся въ нихъ съ той же постановкой вопроса, которая находится въ извѣстномъ манифестѣ. Эта постановка, въ послѣднемъ счетѣ сводящаяся къ материалистическому пониманію исторіи, еще болѣе выразительно сказывается въ лассалевской характеристикѣ французскихъ дѣлъ.

Послѣ того, какъ кровь французскихъ рабочихъ обильно облила 9 июня 1848 г. улицы Парижа,—событія, подавшія сигналъ къ всеевропейской грозѣ, приняли характеръ фарса, непристойное содержаніе котораго получило достойное окончаніе 2 декабря 1851 года.

Въ первый разъ революцію сдѣлало четвертое сословіе. Буржуазія испугалась, забила въ набатъ и пошла походомъ на революцію. Вотъ какъ характеризовалъ значеніе этого историческаго

1) Письмо 3.

момента Марксъ: значеніе февральской революціи заключалось, по мнѣнію буржуазіи, въ томъ,

„что за буржуазной монархіей Людовика Филиппа могла только слѣдовать буржуазная республика, т. е. если прежде господствовала ограниченная часть буржуазіи именемъ короля, то теперь именемъ народа будетъ царствовать вся буржуазія цѣликомъ. Требования парижскаго пролетаріата — утопическій вадоръ, которому надо положить конецъ. На это заявленіе парижскій пролетаріатъ отвѣтили іюньскимъ возстаніемъ, самымъ колоссальнымъ событіемъ въ исторіи гражданскихъ войнъ въ Европѣ. Буржуазная республика побѣдила. На ея сторонѣ стояла финансовая аристократія, средней классъ, мелкая буржуазія, армія, организованный въ *garde mobile* босяцкій пролета ріатъ, интеллигенція, попы, сельское населеніе. На сторонѣ парижскаго пролетаріата не было никого, кромѣ него самого. Свыше 3.000 инсургентовъ было перерѣзано послѣ побѣды, 15.000 было сослано безъ суда. Послѣ этого пораженія пролетаріатъ отступаетъ на задній планъ революціонной сцены“¹⁾.

Эта побѣда буржуазіи надъ революціей была не послѣдней, хотя и осталась одной изъ самыхъ кровавыхъ. „Партія порядка“, раздавивъ пролетаріатъ, двинулись на слѣдующій, казавшійся имъ революціоннымъ классъ, на мелкую буржуазію. Послѣдняя, не моргнувша глазами во время іюльской рѣзни, съ паэосомъ вѣщала, что стоитъ только коснуться до палладіума республиканской свободы: всеобщаго избирательнаго права, и она выйдетъ на улицу. 31 мая всеобщее избирательное право было отмѣнено, три милліона французскихъ гражданъ лишились участія въ политической жизни страны. Демократы мелкой буржуазіи не цыкнули. Полагаясь на громы и молніи, которые метали демократы по поводу законопроекта объ отмѣнѣ избирательнаго права, Лассаль писалъ Марксу: ²⁾

„Отвѣтъ мнѣ немедленно, предполагають-ли французскіе *réfugiés* въ Лондонѣ, что въ Парижѣ по поводу проекта о реформѣ избирательнаго права вспыхнетъ возстаніе. Я, впрочемъ, глубоко убѣжденъ, что это случится и должно случиться. Соціализмъ или вѣрнѣе социалистическая французская партія нанесетъ себѣ страшный ударъ, если она не вынетъ по поводу такого жизненнаго вопроса меча изъ ноженъ. А если она подниметъ мечъ, то, по моему убѣжденію, ея побѣда несомнѣнна“.

А черезъ три недѣли, 6 іюня 1850 г., послѣ того, какъ проектъ сталъ закономъ а „*coup d'état* буржуазіи“ совершившимся фактомъ, Лассаль утѣшался, что новый избирательный законъ сослужитъ все-таки свою службу: „однимъ мощнымъ взмахомъ онъ поразилъ на смерть всѣ прудоно-жирарденовскія посредничества и посредствующія партіи. Дѣйствительно же революціонныя партіи почерпнуть изъ этого закона колоссальную силу. Я думаю, что мы уже въ августѣ будемъ имѣть въ Парижѣ революцію и войну въ Европѣ“. Исторія на оправдывала лассалевскихъ расчетовъ; революціи не было, среднія партіи не были убиты—

¹⁾ К. Marx, *Der 18 Brumaire de Louis Bonaparte*, стр. 14.

²⁾ Письмо 6.

банкротство зарвавшейся партіи порядка вызвало не народное возстаніе, а „18 брюмера Людовика Бонапарта“.

Безъ особаго труда, при безмолвномъ равнодушіи рабочихъ, бездѣйствіи національной гвардіи, онъ разогналъ національное собраніе, которое еще 6 ноября отвергло предложеніе Наполеона о восстановленіи всеобщаго избирательнаго права. Республику постигла печальная кончина. Во Франціи снова воздвигался тронъ, и по ступенькамъ его увѣренно всходилъ „Наполеонъ Малый“. Въ письмахъ Лассаля мы находимъ весьма любопытную характеристику переворота. Прежде всего Лассаля интересуеъ роль пролетаріата, затѣмъ крушеніе могущества буржуазіи, которая сумѣла пережить тысячи рабочихъ, но не смогла противостоять Бонапарту и его шайкѣ. Отсутствие въ этотъ драматическій моментъ на политической сценѣ пролетаріата, для Лассаля совершенно понятно: „это вытекаетъ изъ положенія. Разогнано было собраніе, бывшее par excellence предметомъ ненависти среди рабочихъ, уничтожившее всеобщее избирательное право. Само всеобщее избирательное право было восстановлено. Во всемъ этомъ не было ничего, что могло-бы вызвать возстаніе пролетаріата“¹⁾. Что же касается буржуазіи, то „она тутъ отрекается отъ политическаго владычества, за которое она боролась шестьдесятъ лѣтъ, побѣждая въ этой борьбѣ трехъ королей. Она отрекается отъ него потому, что сознаетъ и заявляетъ, что дальнѣйшее существованіе ея экономическихъ институтовъ возможно только при диктатурѣ военнаго деспотизма. Кругъ событій завершенъ. Неудовимымъ послѣдствіемъ іюньской побѣды была отмѣна всеобщаго избирательнаго права, мстью эринній за ту и другую стало 2 декабря. 2 декабря приблизило общество къ самому краю пропасти пролетарской революціи. Я вижу уже, какъ оно въ нее падаетъ“. Въ послѣднихъ строкахъ снова прорывается то революціонное нетерпѣніе, съ которымъ Лассаль и Марксъ смотрели на ходъ развивавшихся передъ ними событій. Это нетерпѣніе, которое и черезъ десятки лѣтъ не разъ заставляло ясный взоръ выдающихся политиковъ, не удивляетъ насъ ни въ Марксѣ, ни въ Лассалѣ. Еще разъ, какъ часто бываетъ въ исторіи политическихъ идей, „желаніе явилось отцомъ мысли“. „Въ 1851 г. время совсѣмъ еще не пришло для революціи во Франціи. Двадцать лѣтъ Наполеонъ терзалъ Францію, пока не довелъ ее до Седанскаго разгрома. А когда вспыхнула пролетарская революція, подняла голосъ коммуна, то обстоятельства измѣнились настолько, что опѣнивая эту великую трагедію, Фридрихъ Энгельсъ прежде всего долженъ былъ замѣтить: „условія борьбы существенно измѣнились. Восстанія въ старомъ стилѣ, уличная борьба съ баррикадами, за которой до 1848 года осталось рѣшающее значеніе, сильно устарѣли“²⁾. Но дѣло, конеч-

¹⁾ Письмо 13.

²⁾ Предисловіе Энгельса къ брошюрѣ Маркса „Die Klassenkämpfe in Frankreich“, стр. 13.

но, не въ ошибкахъ историческаго прогноза; за историческаго прювидца Лассаль себя не выдавалъ. Мы привели вкратцѣ взглядъ Лассалья на французскія событія только для того, чтобы на конкретномъ примѣрѣ показать, какъ понималъ исторію этотъ великій агитаторъ, котораго недавно у насъ выставили послѣдователемъ нѣмецкой идеалистической метафизики. Ясный реализмъ его оцѣнки переворота 2 декабря 1851 г. получаетъ правильное освѣщеніе, если мы сравнимъ его выводы съ тѣми, къ которымъ пришелъ Марксъ въ своихъ блестящихъ брошюрахъ, посвященныхъ французскимъ дѣламъ. Тѣ же принципы и тѣ же выводы объясняются единствомъ міросозерцанія, гегельянскіе корни котораго рѣзко выступаютъ въ разбираемыхъ нами письмахъ.

Мы не хотимъ загромоздить нашу статью выписками, которыхъ и безъ того слишкомъ много, хотя въ виду упорныхъ толковъ объ „идеализмѣ“, „національномъ полетѣ“, которыми якобы обладалъ Лассаль въ противоположность матеріалисту и космополиту Марксу, быть можетъ, стоило бы привести еще кое-какія характеристики отдѣльныхъ политическихъ моментовъ, въ которыхъ послѣдовательно проводится та мысль, что „точно такъ же, какъ папа не въ силахъ реформировать католическую церковь, такъ и въ предѣлахъ режима частной собственности, въ предѣлахъ господствующей системы производства немислимо проведеніе какой-либо реформы“ ¹⁾. Не знаю, подпишется ли подъ этими словами какой-нибудь метафизикъ-идеалистъ, но что они придутся весьма по сердцу самымъ непримиримымъ ортодоксамъ, матеріалистамъ и инымъ, это несомнѣнно. Когда мы знакомимся съ тѣмъ, какъ Лассаль понималъ трагическія и трагикомическія катастрофы въ сосѣдней Франціи, то для сопоставленія ихъ съ соответствующими взглядами Маркса, стоитъ только обратиться къ его великолѣпно написанной брошюрѣ о 18 Брюмера. Но и безъ этого мы съ полнымъ основаніемъ можемъ и дальше проводить аналогію во взглядахъ обоихъ мыслителей, и мы не сумѣемъ объяснить эти аналогіи иначе, какъ тѣмъ, что Лассаль держится той руководящей точки зрѣнія, которая подъ именемъ матеріалистическаго пониманія исторіи пользуется нынѣ столь плохой репутаціей.

Намъ недолго придется еще останавливаться на идейномъ единеніи обоихъ великихъ друзей. Особенно поучительны письма Лассалья именно тѣмъ, что онѣ, какъ уже замѣчено выше, даютъ матеріалъ для характеристики ихъ практическихъ разногласій, поведшихъ впоследствии къ коренному разрыву. Но прежде чѣмъ затронуть эти разногласія, принципиальный характеръ которыхъ часто весьма сомнителенъ, нужно же выяснить ту общую почву, на которой они стояли, и съ которой Лассаль якобы сошелъ,

1) Письмо 14.

хотя бы только для того, чтобы въ концѣ поставить вопросъ: „да дѣйствительно ли онъ въ этомъ повиненъ?“

Не французскими дѣлами, а нѣмецкими мы теперь займемся. Если революція по сравненію съ Франціею разыгралась въ Германіи въ миниатюрѣ, то про реакцію сказать этого никакъ нельзя. Реакція малымъ вообще не довольствуется, а послѣ великой побѣды надъ страшной „революціонной гидрой“ тѣмъ менѣе. Нѣмцы 50-хъ годовъ переживали возрожденіе феодально-абсолютистическаго строя. Удовольствіе, которое они при этомъ испытывали, было, конечно, спорное. Но они понимали, что за смертные грѣхи мартовскихъ дней приходится терпѣть справедливыя кары, которыя дѣйствительно и налагались, и нѣмцы терпѣли, основательно позабывъ или, по крайней мѣрѣ, далеко запрятавъ всѣ мечты объ объединенной Германіи, о конституціонномъ правительствѣ, о свободѣ печати, слова и т. д. Живые люди попрыгали: кто спасся бѣгствомъ отъ прусской полиціи, кто просто умолкъ, безсильно опустивъ руки; на поверхности же копошились всякіе сомнительные элементы, о которыхъ трудно было сказать, шпіоны ли они или поборники побѣжденныхъ идеаловъ. Такъ шло по меньшей мѣрѣ до конца 50-хъ годовъ, когда итальянская война и замѣна сумасшедшаго Фридриха-Вильгельма IV принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ (будущимъ императоромъ Вильгельмомъ) влили немного живой воды въ ихъ мертвую жизнь. Хотя принцъ Прусскій былъ знаменитъ не столько своимъ либерализмомъ, сколько жестокимъ подавленіемъ Баденскаго возстанія, но какъ ни какъ, а нѣмцы ожили. Но 11—12 лѣтъ, которые отдѣляютъ мартовскіе дни отъ конца реакціи, протекли въ глубочайшемъ безмолвіи, болѣзненно отражавшемся на всѣхъ тѣхъ, въ комъ берлинскія и вѣнскія пули не убили еще любви къ родинѣ и вѣры въ прогрессъ. Эта вѣра жила еще въ сердцахъ, но она болѣе не пламенѣла огнемъ, двигающимъ на подвиги, а гдѣ-то далеко въ тайникахъ души продолжала тлѣть, все болѣе и болѣе слабѣя отъ леденящихъ впечатлѣній безобразной дѣйствительности. Какъ естественны нотки отчаянія, прорывающіяся у лучшихъ умовъ того времени; какую несокрушимую и убѣжденную вѣру въ правоту своего историческаго дѣла нужно было имѣть, чтобъ въ эти трудные дни сохранить полную ясность анализа сложныхъ явленій, выдвигаемыхъ реакціей. Этой несокрушимой и убѣжденной вѣрой въ высокой степени и обладалъ Лассаль. Она помогла ему не впасть въ безотрадный и циничный пессимизмъ, утѣшающійся пустымъ брюзжаніемъ, а вынести тотъ поражающій своимъ реализмомъ взглядъ, которымъ проникнута вся его послѣдующая дѣятельность.

„Когда въ 1849 г. наступила полная побѣда реакціи, писалъ Лассаль въ 1855 г. ¹⁾, и солдатскіе штыки повсюду одержали верхъ, буржуазія сначала предалась было *dulci iubilo*. Ни въ чемъ не нуж-

¹⁾ Письмо 30.

даясь болѣе, чѣмъ въ прочныхъ порядкахъ, готовая ради этихъ порядковъ простить имъ всѣ грѣхи, она не сомнѣвалась, что теперь снова возвратится доброе старое домартовское время, и установится устойчивый порядокъ вещей. Немногихъ лѣтъ было достаточно, чтобы вмѣсто всѣхъ этихъ упованій буржуазія преисполнилась ясно выраженнаго недовольства".

Причина этого недовольства, къ которой не разъ возвращается Лассаль, заключается въ томъ, что „мы снова вернулись въ материнское лоно сословно-феодалной монархіи, и что капиталъ, какъ безродный плебей, еще разъ долженъ занять мѣсто на пяткахъ крупнаго землевладѣнія“ ¹⁾.

„Прежде всего, пишетъ Лассаль, это недовольство было вызвано, конечно, матеріальными условіями, ухудшеніе которыхъ было отчасти слѣдствіемъ политической неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Вѣдь мы совсѣмъ еще недавно, выступили въ ряды крупныхъ промышленныхъ странъ. Постепенное уничтоженіе средняго класса—повсемѣстное слѣдствіе современнаго крупнаго производства, раздвоеніе народа на крупныхъ капиталистовъ и пролетаріевъ—въ свою очередь прямое слѣдствіе промышленной системы—оба эти явленія начинаютъ осуществляться и все болѣе и болѣе даютъ себя чувствовать. Ни мелкая буржуазія, почти вся уже поглощенная этимъ процессомъ, ни болѣе состоятельная, которой онъ ежедневно все болѣе и болѣе угрожаетъ, не въ состояніи понять, что эта нивелляція средняго класса есть необходимое слѣдствіе нашихъ социальныхъ условій; они, что совершенно понятно, ставятъ ее на счетъ политическихъ порядковъ, обвиняя въ ней правительство“.

Каковъ же выходъ изъ этого положенія, естественно направляется вопросъ. У Лассалья отвѣтъ готовъ. Если въ его блестящемъ анализѣ нѣмецкихъ политическихъ условій недовольство буржуазіи принимаетъ большіе размѣры, чѣмъ въ дѣйствительности, то это все-таки не колеблетъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ приходитъ. Въ необходимомъ и близкомъ, по убѣжденію Лассалья, переворотѣ, который одинъ можетъ положить конецъ феодаальной реакціи, рѣшающимъ факторомъ окажется не буржуазія съ ея недовольствомъ—все равно велико оно или мало,—а пролетаріатъ, для котораго у Лассалья въ 52 году тѣ же слова, какъ и въ 55 г. Въ глухой тишинѣ безмолвія, когда, казалось, раздавлены были всѣ ростки новой жизни, онъ одинъ провидѣлъ зарожденіе новой могущественной силы. „Настоящія политическія условія,—пишетъ Лассаль, менѣе обезкураживаютъ рабочій классъ, менѣе даютъ его, чѣмъ буржуазію, потому что нѣмецкіе рабочіе и безъ того знаютъ, что они не могутъ питать никакихъ притязаній относительно самаго ближайшаго будущаго; и съ другой стороны потому, что они инстинктивно чувствуютъ, что усиленіе абсолютизма повлечетъ за собой сокращеніе прямого классового господства буржуазіи. Они пользуются поэтому этимъ переходнымъ временемъ, чтобы, какъ можно глубже, проникнуться классовымъ самосознаніемъ, всесторонне себѣ его уяснить и развить его теоретическія послѣдствія“.—„Мнѣ нечего тебѣ говорить—

¹⁾ Письмо 12.

писать онъ Марксу—какъ отрадно это движеніе. Оно будетъ имѣть послѣдствіемъ то, что у ближайшей революціи будетъ въ распоряженіи болѣе компактный и сознательный матеріалъ, чѣмъ тѣ разрозненные элементы, изъ которыхъ въ 1848 г. нужно было сымпровизировать рабочую партію. Если я не ошибаюсь, то именно среди этой кажущейся мертвой тишины зарождается настоящая нѣмецкая рабочая партія“¹⁾. Говорить въ 52 г., когда Германія, какъ замѣчаетъ самъ Лассаль, только что стала крупной промышленной націей, объ постепенномъ уничтоженіи среднихъ классовъ, о раздѣленіи народа на капиталистовъ и пролетаріевъ и т. д. значило, конечно, ошибаться, но ошибка эта, дополняемая убѣжденіемъ, что въ мертвой тиши реакціи зарождается рабочая партія, развѣ она не явилась блестящимъ предвосхищеніемъ будущаго развитія, дѣятельнымъ и творческимъ участникомъ котораго былъ прежде всего Лассаль?.. Конечно, никогда ошибки историческаго прогноза болѣе не естественны, какъ во времена, когда на вѣрованія и убѣжденія налагается безусловный запретъ, когда гнетъ феодальнаго произвола давить все, что есть жизнь. Но ошибки, въ которыхъ повинно большинство дѣятелей такихъ періодовъ народной жизни, грѣшатъ обыкновенно пессимизмомъ и безнадежностью; ошибаться въ противоположную сторону, опережать орлинымъ полетомъ мысли событія, на которыя насильственно налагается штемпель „конецъ“, могли въ то время только тѣ, кто равно далеки были отъ того, чтобы тѣшиться дешевыми революціонными замыслами, какъ отъ того, чтобы удовлетвориться бездѣятельнымъ ворчаніемъ на господствующіе порядки. Такимъ былъ въ Германіи Лассаль,—а тамъ далеко за моремъ—Марксъ и Энгельсъ.

Весной 1857 Лассаль покинулъ Дюссельдорфъ и переѣхалъ въ Берлинъ. Говоря объ этомъ переѣздѣ, Бернштейнъ замѣчаетъ, что, чувствуя потребность въ болѣе оживленномъ обществѣ, въ болшомъ просторѣ для практической дѣятельности, о чемъ, конечно, и помину не было въ маленькомъ прирейнскомъ городкѣ, Лассаль, черезъ посредство А. Ф. Гумбольдта, добился въ 1857 году разрѣшенія короля прусскаго на переѣздъ въ Берлинъ. Просить объ этомъ правительство, на которое онъ такъ рѣзко нападалъ, было не совсѣмъ, конечно, приятно. „Но Лассаль,—говоритъ Бернштейнъ,—бывшій по отношенію къ другимъ большимъ ригористомъ, къ себѣ примѣнялъ иныя соображенія; нельзя однако удивляться, что этотъ его шагъ вызвалъ порицанія со стороны нѣкоторыхъ его друзей“¹⁾. Намъ придется снова повторить здѣсь, что мы не апологію Лассалья пишемъ. Много у него грѣховъ, по-серьезнѣе, быть-можетъ, чѣмъ вышеописанный фактъ, если-бъ онъ былъ только фактомъ. А изъ писемъ Лассалья, которыя хотя и не были тогда напечатаны, но находились въ распоряженіи Берн-

¹⁾ Письмо 15.

²⁾ Предисловіе Бернштейна I, 27.

штейна, онъ-бы могъ увидѣть, что для категорическаго утвержденія у него не было оснований. Вотъ что во всякомъ случаѣ пишеть объ этомъ самъ Лассаль ¹⁾:

„Такъ какъ въ Рейнской провинціи все еще нѣтъ фирмы, которая бы издавала филологическія и философскія сочиненія (дѣло идетъ о печатаньи Гераклита), то я черезъ нѣсколько дней поѣду въ Берлинь и останусь тамъ до окончанія печатанья, которое можетъ затянуться до сентября или октября (75 печатныхъ листовъ) ²⁾. Полиція всячески противилась разрѣшить мнѣ пребываніе въ Берлинь. Однако моя рукопись, на которую я ссылался, уваженіе къ наукѣ, въ особенности къ эллинской древности, которое такъ охотно выставляется у насъ на показъ, - и, наконецъ, прибрѣтенная мною, къ сожалѣнію или на этотъ разъ, къ счастью, отъ усиленныхъ занятій болѣзнь глазъ.. все это заставило полицію уступить и разрѣшить мнѣ пребываніе на срокъ нѣсколько мѣсяцевъ.

„Долго я тамъ не продержусь, какъ-бы желательна и прямо необходима ни была для меня возможность снова прожить нѣкоторое время въ большемъ городѣ. По истеченіи срока меня, навѣрно, вышлютъ, къ тому же и недостатка въ поводахъ, вѣроятно, не будетъ... Даже если моя работа (здѣсь рѣчь идетъ о драмѣ Лассалья „Францъ фонъ-Зикингенъ“), не произведетъ зажигательнаго дѣйствія на большую публику, то несомнѣнно таково будетъ ея вліяніе на полицію, побудивъ ее убрать меня изъ Берлина. Я окажу bonne resistance, хотя это врядъ-ли много поможетъ“.

Если мы письмамъ Лассалья будемъ больше вѣрить, нежели утвержденіямъ, въ пользу которыхъ Бернштейнъ не приводитъ никакихъ фактовъ, то исторія о ходатайствѣ Гумбольдта передъ королемъ получаетъ нѣсколько легендарный характеръ. Просительствовать Лассалю не пришлось. Какъ ни вертѣлась дюссельдорфская полиція, ей все-таки пришлось выдать ему временное разрѣшеніе, а когда истекъ срокъ послѣдняго, то, за сумасшествіемъ короля, наступила уже эра либерализма, все существенное содержаніе которой сводилось, кажется, къ нѣкоторому незначительному ослабленію полицейскаго гнета. Къ тому же, когда Лассаль изданіемъ Гераклита проявилъ себя, какъ ученый 1-го ранга, даже берлинская полиція не могла уже больше обращаться съ нимъ, какъ съ бродягой ³⁾. Впрочемъ, довольно объ этомъ.

Перейдемъ къ болѣе интересному, „первому съ 1848 г.“ разногласію во взглядахъ съ Марксомъ. Вопросъ, по поводу котораго разгорѣлся между ними споръ, заключался въ политикѣ Пруссіи въ 1859 г. Въ 1859 году, какъ извѣстно, Наполеонъ заключилъ съ Кавуромъ договоръ, въ которомъ обѣщаль ему помощь въ войнѣ за освобожденіе Ломбардіи и сверженіе австрійскаго владычества въ Италіи. Помощь, которую обѣщаль Наполеонъ, отнюдь, конечно, не объясняется идейнымъ сочувствіемъ бывшаго карбонарія къ дѣлу, за которое сражался и умеръ

1) Письмо 33.

2) Писано въ апрѣлѣ.

3) Приниманіе Меринга, защищающаго Лассалья въ этомъ, какъ и въ другихъ пунктахъ отъ несправедливыхъ нападокъ Эдуарда Бернштейна.

Орсини. Для неустойчиваго трона героя 2 декабря нужна была популярная война, которая бы укрѣпила династію Луи Бонапарта и Евгѣніи Монтихо. Въ Германіи разгорѣлась полемика по поводу роли, которую должны занять остальные члены Германскаго союза, въ особенности Пруссія, при нападеніи Наполеона на Австрію; въ этой полемикѣ приняли участіе Лассаль и Энгельсъ. Первый выпустилъ брошюру: „Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens“, второй—двѣ брошюры специально военнаго характера: „Po und Rhein“, и „Savoyen, Nizza und der Rhein“. Точка зрѣнія, которая занята Лассалемъ, чрезвычайно обстоятельно критикуется Бернштейномъ ¹⁾, всецѣло раздѣляющимъ взглядъ Энгельса, а у насъ и г. Сурковымъ ²⁾, который Лассалья упрекаетъ въ недостаточной преданности дѣлу, и нашелъ себѣ горячаго защитника въ лицѣ П. Б. Струве въ его статьѣ „Еще о Лассаль“ ³⁾, а теперь на основаніи обстоятельнаго разбора писемъ Лассалья къ Марксу, и въ лицѣ Ф. Меринга, писателя, по взглядамъ и темпераменту имѣющаго мало общаго съ г. Струве. Раздѣляя въ общемъ воззрѣнія, высказанныя Струве въ цитируемой статьѣ, мы бы не стали снова настаивать на знакомыхъ отчасти русской читающей публикѣ фактахъ, если бы появившіяся уже послѣ опубликованія писемъ попытки снова изъ мрака забвенія откопать національнаго монархиста Лассалья не побудили насъ еще разъ внимательно рассмотреть заключающійся въ нихъ матеріалъ. Профессоръ Геркнеръ, въ сильно полянявшемъ третьемъ изданіи своего „Рабочаго вопроса“ ⁴⁾, доказываетъ, что въ Лассаль въ 59 г. были всѣ задатки для того, чтобы дальнѣйшій ходъ прусской исторіи превратилъ его въ прусскаго монархиста, увѣровавшаго въ Бисмарка. На вопросъ, кѣмъ былъ бы Лассаль, если бы онъ дожилъ до дарованія Бисмаркомъ нѣмецкому народу всеобщаго избирательнаго права, можно возразить не менѣе плодотворнымъ вопросомъ: а кѣмъ бы онъ былъ во время дарованія тѣмъ же Бисмаркомъ тому же нѣмецкому народу закона о социалистахъ.

Но предпочитай имѣть дѣло съ тѣмъ, кѣмъ Лассаль былъ въ дѣйствительности, и памятуя его политическій идеалъ: „Grossdeutschland moins les dynasties, мы ограничимся изложеніемъ вкратцѣ того новаго матеріала, который даютъ намъ письма, использованныя Струве только въ имѣвшихся у Бернштейна выпискахъ. Лассаль въ своей брошюрѣ указываетъ Пруссіи на тотъ един-

1) Введеніе, стр. 43 сл.

2) „Жизнь“, 1900 г., 12.

3) Перепечатана въ Сборникъ „На разные темы“, стр. 266. Не нужно смѣшивать съ замѣткой „Ф. Лассаль“, въ которой Струве насъ зоветъ главнымъ образомъ почему-то къ Фихте.

4) Второе изданіе, проникнутое оврадѣленнымъ мировоззрѣніемъ, отъ котораго теперь остались лишь слабыя слѣды, имѣется въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „Рабочій трудъ въ Западной Европѣ“. Изданіе „Образованія“.

ственно правильный путь, на который она должна стать, если только монархія въ Германіи вообще способна на національный образъ дѣйствій. Этотъ путь, по его мнѣнію, заключается въ слѣдующемъ: приближается моментъ, когда Пруссія должна рѣшиться, идти ли ей на помощь Австріи противъ Наполеона, или нѣтъ. Лассаль рѣшительно говоритъ „нѣтъ“. Война противъ Наполеона будетъ войной противъ Италіи, которая ведетъ, борясь за свою національную независимость, самую священную и справедливую войну. Война противъ Наполеона будетъ поддержкой Австріи, этого вѣрнѣйшаго оплота ярой реакціи, Австріи, которая постоянно была опаснѣйшимъ врагомъ всякой освободительной идеи. Война противъ Наполеона значила бы войну съ Франціей, съ французскимъ народомъ, которому освобожденіе Италіи кажется дѣломъ и справедливымъ, и вызываемымъ демократическими принципами. Въ этомъ вопросѣ всѣ демократическіе элементы французскаго народа солидарны съ Луи Наполеономъ, и война противъ него повела бы къ „культурно-историческому несчастью, такъ какъ доброе согласіе между двумя великими народами, нѣмцами и французами,—это пунктъ, отъ котораго безповоротно зависитъ вся политическая свобода, весь прогрессъ цивилизаціи въ Европѣ, всякое увеличеніе и осуществленіе духовныхъ интересовъ, словомъ, все развитіе демократіи и этимъ самымъ все развитіе культуры вообще“. „Отъ этого пункта зависитъ не только судьба опредѣленной націи, это *жизненный вопросъ всей европейской демократіи*“¹⁾. Война противъ Наполеона возможна лишь въ томъ случаѣ, если онъ захочетъ отнять у австрійцевъ добычу и оставить у себя, лишь въ томъ случаѣ, если она будетъ вестись „въ союзѣ съ итальянскимъ народомъ и съ демократическими элементами французской націи“. Поэтому ни шагу за Австрію, пусть ее раздавятъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.—Такъ писалъ Лассаль, при чемъ кореннымъ образомъ разошелся съ Марксомъ и Энгельсомъ. Сообщая Марксу въ маѣ 59 года о томъ, что онъ въ нѣсколько дней и ночей написалъ брошюру объ итальянской войнѣ, Лассаль говоритъ: „Я указалъ въ ней правительству въ высокой степени національный и популярный путь, по которому оно *in abstracto* очень хорошо могло бы пойти, *in concreto* же никоимъ образомъ не можетъ пойти и не пойдетъ. И такъ какъ оно не вступитъ на него, то я надѣюсь, что нашелъ²⁾ средство основательно его депопуляризировать“. Противъ лишенія популярности прусскаго правительства Марксъ, конечно, ничего не имѣлъ возразить, но фактическое положеніе европейскихъ дѣлъ представлялось ему совершенно въ другомъ свѣтѣ, нежели Лассалю. Энгельсъ, а за нимъ и Марксъ раздѣляли то усиленно защищавшееся австрійскими оффиціозами мнѣніе, что По является только предложеньемъ для Наполеона, истинная цѣль котораго—лѣвый берегъ.

1) Reden und Schriften, I, стр. 349. D. ital. Krieg u. d. Aufgabe Preussens.

2) II. 45.

Рейна, такъ что не за Австрію должна вступитья Пруссія, а за единую Германію противъ завоевательныхъ плановъ Бонапарта. Слухи о русско-французскомъ союзѣ, яко бы заключенномъ для подѣленія европейской карты въ удобномъ обѣимъ державамъ направленіи, принимались ими вполне на вѣру, и Энгельсъ даже писалъ: „Развѣ Рейнская провинція не имѣетъ другого призванія, какъ быть разоряемой войной только для того, чтобы Россія получила бы полную свободу на Вислѣ и Дунаѣ? Вотъ вопросъ, и мы надѣемся, что Германія скоро на него отвѣтитъ мечомъ“. „На одного изъ насъ,—продолжаетъ Энгельсъ,—было сдѣлано нападеніе третьимъ лицомъ, которое къ Италиі не имѣло никакого касательства, но зато тѣмъ болѣе было заинтересовано въ завоеваніи лѣваго рейнскаго берега, и противъ него-то, Дуна-Наполеона, противъ традицій первой французской имперіи мы всѣ должны встать. Это чувствовалъ народный инстинктъ, и онъ былъ правъ“. „Vive la guerre,—пишетъ Энгельсъ Лассалю,—если на насъ нападутъ французы и русскіе вмѣстѣ, если мы будемъ близки къ гибели, тогда въ этомъ отчаянномъ положеніи всѣ партіи, отъ нынѣ господствующей до Цица и Блума, окажутся никому негодными, и народъ обратится, чтобы спасти себя, къ самой энергичной“. Итакъ, за единую Германію, противъ Дуна-Бонапарта! Какъ видимъ, „первое съ 1848 г.“ разногласіе оказалось довольно существеннымъ, хотя оно покоилось только „на противорѣчащихъ сужденіяхъ о фактическихъ предпосылкахъ“, какъ говоритъ въ своей брошюрѣ о Фогтѣ Марксъ, замѣчая при этомъ, что рѣшить, кто былъ правъ, дѣло будущаго. Это будущее, говоритъ теперь Мейнингъ, уже наступило. Мы знаемъ, что Россія не думала активно вступать въ европейскія дѣла, въ 1859 г. ей не до того было; Наполеонъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы громогласно заявить, что его интересуетъ только Италия (читай Савойя и Ницца); свѣдѣнія же Лассала о томъ, что Вильгельмъ безусловно рѣшилъ помочь Австріи, вслѣдствіе чего онъ считалъ необходимымъ какъ можно скорѣе развѣнчать эту неизбежную, по его мнѣнію, войну, выставивъ ее орудіемъ реакціонныхъ, враждебныхъ народнымъ интересамъ цѣлей, были до нѣкоторой степени достовѣрны, такъ какъ Вильгельмъ, въ своей нерѣшительной политикѣ, подумывалъ и о вооруженномъ вмѣшателствѣ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія апостеріорной, слѣдуетъ признать, что взглядъ Лассала болѣе соответствовалъ дѣйствительности; соображенія же его о безграничномъ культурномъ вредѣ, который принесетъ демократіи и всякому цивилизаторскому прогрессу въ Европѣ война двухъ великихъ націй, съ ужасающей вѣрностью оправдались черезъ 11 лѣтъ¹⁾. Конечно, точка зрѣнія, на которой стояли удаленные отъ нѣмецкихъ дѣлъ Энгельсъ и Марксъ, была обширнѣе, они руководствовались такъ или иначе понятными интере-

1) См. Струве и Мейнингъ.

сами всей западной Европы, которой, по ихъ мнѣнію, грозила опасность отъ Наполеоновской политики. Лассаль же, ослѣпленный ненавистью къ Австріи, упускалъ изъ виду дѣйствительно неисчислимыя опасности дѣлу демократіи, если-бъ осуществились предположенія Энгельса и Маркса; но въ томъ-то и дѣло, что эти предположенія факты далеко не соответствовали. Если мы обратимся непосредственно къ матеріалу, который находится въ письмахъ, то прежде всего замѣтимъ, что споръ¹⁾, по словамъ Лассалья, шелъ не о принципѣ, который никогда не оспаривался, а о наиболѣе соответствующей политикѣ, и онъ готовъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ провозглашать *vive la guerre*, если крушеніе прусской политики, къ которой оно приведетъ, заставитъ народъ обратить взоры на самую энергичную партію. „Конечно“, говоритъ Лассаль, „но вѣдь только въ томъ случаѣ неудачная война послужитъ намъ на пользу, если эта война будетъ вестись правительствомъ, но противъ воли народа. Только въ популярной войнѣ съ Франціей, какъ я тебѣ уже писалъ, и какъ я ясно показывалъ въ своей брошюрѣ, вижу я несчастье. Если же вы сдѣлаете эту войну популярной, если вамъ удастся внушить народу убѣжденіе, что правительство должно предпринять ее въ нашихъ національныхъ интересахъ, то народъ поддержитъ правительство, и даже при самомъ неудачномъ исходѣ войны только съ большимъ трудомъ удастся его отъ него отвратить. Никогда не была прусская монархія популярнѣе, нежели въ 1807 г., и нѣчто подобное можетъ повториться; въ концѣ концовъ, исторія, конечно, побѣдитъ, но мы въ такомъ случаѣ изъ всѣхъ силъ старались бы работать противъ себя самихъ и страшно бы затруднили и замедлили дѣло. А если бы мы даже побѣдили, то было бы еще хуже. Побѣда надъ Франціей надолго осталась бы контръ-революціоннымъ событіемъ *par excellence*. До сихъ поръ, вопреки всѣмъ Наполеонамъ, Франція представляетъ собой для Европы революцію, ея поражение—пораженіе революціи.

„Въ нашемъ интересѣ слѣдующее: чтобы война была предпринята, чтобы она велась скверно, чтобы народъ получилъ убѣжденіе, что война ведется въ враждебномъ для него, въ династическомъ и реакціонномъ духѣ“²⁾.

Марксъ однако остался при своемъ мнѣніи. Здѣсь въ особенности приходится пожалѣть, что мы не имѣемъ его писемъ; изъ писемъ Лассалья можно только вывести, что Марксъ не придавалъ этому разногласію особаго принципіальнаго значенія. Быть можетъ, его личное возмущеніе Фогтомъ, о которомъ скажемъ ниже, содѣйствовало тому, что онъ ко всякому взгляду, практическіе результаты котораго шли въ пользу бонапартизма, относился съ крайней враждой. Марксъ долго вовсе не отвѣчалъ на письма Лассалья, въ которыхъ тотъ настоятельно требуетъ по-

¹⁾ Письмо 79.

²⁾ II. 47.

дробнаго обоснованія возраженій на его взгляды, а когда, наконецъ, въ ноябрѣ 59 года отвѣтилъ, то Лассалья его доводы не только не убѣдили, а еще болѣе укрѣпили въ прежнихъ взглядахъ. Практически, какъ замѣчаетъ Мерингъ, ихъ разногласіе потеряло смыслъ послѣ заключеннаго въ юлѣ 59 г. мира при Villafranca. Но инцидентъ съ Фогтомъ, въ которомъ приходилось касаться тѣхъ же вопросовъ, все-таки усилить и обострилъ ноты раздраженія, прорывавшіяся и въ этомъ спорѣ. А потомъ подоспѣла пора, когда Лассаль смогъ выступить на аренѣ практической политики; Марксъ сразу занялъ по отношенію къ планамъ и тактикѣ Лассалья отрицательное положеніе, и разрывъ сталъ совершившимся фактомъ. Но не монархизмъ Лассалья былъ тому причиною; если бы профессоръ Геркнеръ, Циглеръ и многіе иные повнимательнѣе прочли-бы письма Лассалья, то волосы стали-бы дыбомъ на лойяльныхъ головахъ бисмарковскихъ патріотовъ. Лассаль не стѣснялся въ выраженіяхъ, какъ не стѣснялся онъ и въ поступкахъ, и бисмарковскимъ патріотамъ слѣдовало-бы умѣрить свои восторги по адресу Лассалевскаго практицизма. Лассаль дѣйствительно шелъ на компромиссъ съ Бисмаркомъ, заходя слишкомъ далеко въ лагерь враговъ, въ своей враждѣ къ „этой ничтожной буржуазіи“.

Лассаль подавалъ руку Бисмарку, чтобы, поразивъ буржуазію общими силами, обрушиться затѣмъ на него самого. Это хорошо понималъ Марксъ и если, тѣмъ не менѣе, его порицалъ, то не только за его уступки будущему желѣзному канцлеру. Мы уже выше замѣтили, что за первымъ разногласіемъ послѣдовало скоро второе, въ которомъ одно недоразумѣніе слѣдовало за другимъ; не мало подчасъ обострялся тонъ переписки обоихъ друзей. Дѣло „шло объ инцидентъ въ Фогтомъ, который въ настоящее время забыть даже на роднѣхъ замѣшанныхъ въ немъ лицъ. Мерингъ, въ своихъ комментаріяхъ къ письмамъ Лассалья, снова вывелъ его на свѣтъ Божій, предполагая, что правильное его освѣщеніе сослужитъ пользу и для характеристики, какъ Маркса, такъ и Лассалья.

Неважная эта исторія, но въ интересующей насъ перепискѣ она играла большую роль. Займемся вкратцѣ и мы ею.

Кто читалъ „Былое и Думы“, помнитъ, вѣроятно, среди ряда мастерскихъ характеристикъ дѣятелей 48 года и строки, посвященныя извѣстному ученому, виднѣйшему представителю научнаго матеріализма, регенту германской имперіи, Карлу Фогту. Выстъ съ Бюхнеромъ и Молешотомъ имя его гремѣло, какъ поборника новаго яснаго и свободнаго міросозерцанія, побѣдоносно упразднявшаго тѣсячелѣтніе суевѣрія и предразсудки, тяжкими оковами лежащіе на человѣческой мысли. А упорный, непримиримый „до-мартовскій“ либерализмъ, символъ его политической вѣры, доставилъ ему многія сотни поклонниковъ среди той безформенной массы прогрессистовъ и буржуазныхъ демократовъ, способныхъ на все, только не на активную дѣятельность. И вотъ.

этотъ свѣточъ научной и политической мысли, этотъ изгнанникъ, до послѣдней возможности боровшійся за свободу германской имперіи, въ одинъ прекрасный день оказался бонапартистскимъ агентомъ, получавшимъ за опредѣленную политическую агитацію крупныя суммы денегъ. Скандалъ произошелъ, естественно, неописуемый. Случилось дѣло такимъ образомъ¹⁾. Карль Фогтъ выпустилъ въ 59 году памфлотъ, озаглавленный „Studien zur gegenwärtigen Lage Eugora's, въ которомъ защищаль полную нейтральность Германіи въ войнѣ между Франціей и Австріей. Изъ предыдущаго мы знаемъ, что эта нейтральность была въ высокой степени желательна Наполеону, и что ее же считаль желательной (не въ бонапартистскихъ, конечно, интересахъ) Лассаль. Послѣ выпуска ея Фогтъ обратился ко многимъ публицистамъ, въ томъ числѣ и къ нѣкоторымъ нѣмецкимъ эмигрантамъ, съ просьбой за приличное вознагражденіе участвовать въ вѣтѣваемомъ имъ журналѣ. Черезъ нѣкоторое время въ издававшейся въ Лондонѣ нѣмецкими эмигрантами газетѣ „das Volk“ появилась замѣтка, въ которой Фогтъ обвинялся въ томъ, что „онъ подкупленъ бонапартистскимъ правительствомъ, и что онъ, въ свою очередь, пытался подкупать крупными суммами вліятельныхъ нѣмецкихъ журналистовъ, чтобы они агитировали въ желательномъ для Бонапарта направленіи“. Замѣтка эта исходила не отъ Маркса, хотя послѣднему темныя продѣлки Фогта и были извѣстны со словъ нѣкоего эмигранта Блинда. Въ отвѣтъ на это Фогтъ поспѣшилъ въ какой-то швейцарской газетѣ облить помоями самыхъ грязныхъ инсинуацій нѣмецкую эмиграцію въ Лондонѣ — Schwefelbande, — какъ онъ ее называетъ, и ея главу, Маркса въ особенности. Марксъ, конечно, и не думаль было отвѣчать на эти нападки: по его мнѣнію, „пресса имѣеть право оскорблять писателей политиковъ, артистовъ и другихъ общественныхъ дѣятелей“, и дѣло, пожалуй, этимъ бы кончилось, если-бъ Вильгельмъ Либкнехтъ, корреспондировавшій въ „Allgemeine Zeitung“ въ Аугсбургѣ, къ слову сказать, достаточно реакціонный органъ, не напечаталь въ ней анонимнаго листка, составленнаго Блиндомъ, въ которомъ не только повторялись обвинения въ подкупѣ и предательствѣ, но и утверждалось, что у автора есть фактически неопровержимыя доказательства многочисленныхъ попытокъ Фогта путемъ подкупа нѣмецкихъ газетъ содѣять сильное движеніе въ пользу Франціи и вызвать въ демократической партіи Германіи убѣжденіе, что династическая война, предпринятая Наполеономъ, соответствуетъ демократическимъ принципамъ. Когда Фогтъ, въ отвѣтъ на эти разоблаченія, обвинилъ Allgemeine Zeitung въ клеветѣ, и послѣдняя обратилась въ Либкнехту съ требованіями представить доказательства, на которыя онъ ссылался, то Блиндъ, запрошенный о нихъ, отрекся отъ своихъ словъ, заявивъ, что онъ ничего не знаетъ, что онъ

¹⁾ См. примѣчаніе Меринга къ ст. 290, слѣд.

не писалъ даже этого листка и т. д. Доказательствъ, словомъ, никакихъ не было на лицо, обвиненіе казалось совершенно голословнымъ, но тѣмъ не менѣ эмигранту Фогту было въ жалобѣ отказано. Успокойся Фогтъ на этомъ, то къ „ореолу безвинно оклеветаннаго изгнанника прибавился-бы таковой же жертвы нѣмецкаго правосудія“, но онъ поспѣшилъ использовать эту побѣду; въ концѣ 59 г. онъ выпустилъ брошюру: „мой процессъ противъ Всеобщей Газеты“. Въ ней еще разъ повторялись старыя инсинуаціи противъ лондонской эмиграціи и Маркса; эмигранты обвинялись въ систематическомъ шантажированіи и вымогательствахъ; Фогтъ утверждалъ, что у него на рукахъ сотни писемъ, написанныхъ эмигрантами, въ которыхъ безъ какихъ-бы то ни было стѣсненій заявлялось, что объ участіи даннаго лица въ томъ или другомъ революціонномъ актѣ будетъ сдѣланъ кому слѣдуетъ доносъ, если не будетъ по такому-то адресу къ такому-то сроку внесена такая-то сумма; въ концѣ приводилось крайне отрицательное сужденіе изъ одного частнаго письма о Марксѣ; послѣдній характеризовался въ немъ, какъ человѣкъ, истинная цѣль котораго—его личное владычество: „я жалѣю въ интересахъ нашего дѣла, писалъ нѣкій Теховъ (тоже эмигрантъ), что Марксъ, наряду съ своимъ выдающимся умомъ, не обладаетъ благородной душой“. Во всей либальной прессѣ памфлетъ Фогта былъ встрѣченъ съ восторгомъ; въ двухъ передовицахъ воспользовалась имъ „Національная Газета“. Къ этому-то періоду относится первое письмо Лассала. По прочтеніи брошюры Фогта, онъ въ январѣ 1860 г. пишетъ Марксу, что памфлетъ послѣднaго хотя и не повредитъ Марксу въ глазахъ тѣхъ, кто его знаетъ, но зато повредитъ ему въ глазахъ всѣхъ, его незнающихъ.

„Ты, говоритъ онъ, не правъ въ томъ, что безъ какихъ бы то ни было доказательствъ, кромѣ простыхъ утверженій, повѣрилъ такому жалкому лгуну, какимъ заднимъ числомъ оказался Блиндъ. Фогтъ, какъ кажется, и какъ во всякомъ случаѣ показываютъ документы, безъ всякаго повода оскорбленъ въ своей чести. Съ нимъ поступили несправедливо, и понятно, если онъ, въ свою очередь, несправедливъ. Ты во всякомъ случаѣ долженъ на брошюру отвѣтить, причемъ мое мнѣніе таково, что если тебѣ не удастся собрать объективныя и убѣдительныя доказательства противъ Фогта, то ты долженъ заявить, что ты теперь, послѣ молчанія Блинда и т. д., признаешь неправоту своего утверженія о подкупѣ“.

Лассаль далѣе высказываетъ предположеніе, что деньги, бывшія въ распоряженіи Фогта, получались имъ не отъ Луи Бонапарта, а отъ венгерскихъ революціонеровъ, интересы которыхъ въ то время совпадали съ интересами Бонапарта; оба желали ослабить Австрію. Легко можно себѣ представить, что Марксъ, располагавшій, независимо отъ утверженій Блинда, доказательствами противъ Фогта, былъ весьма обиженъ совѣтомъ Лассала заявить громогласно: „простите, я ошибся, повѣривъ Блинду, ничего противъ Карла Фогта я сказать не могу“. Судя по пись-

му Лассалья, онъ отвѣтилъ довольно рѣзкимъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говорить о намѣреніи возбудить противъ Фогта уголовное обвиненіе. Лассаль настойчиво не совѣтовалъ этого дѣлать. Марксъ не послушался. Напротивъ, въ февралѣ 60 г. онъ подтвердилъ въ заявленіи, появившемся въ англійскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, путемъ свидѣтельскихъ показаній наборщиковъ, данныхъ подъ присягой, что свѣдѣнія о Фогтѣ были сообщены и изложены Блиндомъ, слова котораго о полной его непричастности къ дѣлу—наглая ложь. Далѣе онъ возбуждалъ преслѣдованіе противъ „Національной Газеты“, которая, какъ выше замѣчено, пользуясь памфлетомъ Фогта, обрушилась на Маркса съ обвиненіями въ рядѣ безчестныхъ и наказуемыхъ дѣланій. Наконецъ, онъ написалъ Лассалю громовое письмо, въ которомъ, давая, очевидно, волю всему накопившемуся въ немъ раздраженію, упрекалъ его въ пристрастномъ отношеніи къ дѣлу. Подробнѣйшее оправдательное письмо Лассали номѣчено 31 марта 1860 г. Онъ обстоятельнѣйшимъ образомъ естанавливается на каждомъ отдѣльномъ упрекѣ Маркса и очень ловко ихъ отражаетъ; онъ поддерживаетъ энергично свое прежнее мнѣніе вплоть до предложенія „*amende honorable*“ въ пользу Фогта, говоря, что онъ отнюдь не убѣжденъ въ томъ, что Фогтъ агентъ Бонапарта. Это, конечно, возможно, но такъ же возможно и то, что онъ агитировалъ на деньги венгерскихъ революціонеровъ. Что же касается процесса противъ „Національной Газеты“,—а Маркса, очевидно, особенно сердитъ отрицательное отношеніе къ нему Лассалья,—то, по мнѣнію послѣдняго, если ужъ возбуждать дѣло, то слѣдовало возбудить его противъ Фогта, а не противъ перепечатавшей его отвѣтъ газеты; во-вторыхъ, исходъ его почти несомнѣнно будетъ неблагоприятенъ, тѣмъ болѣе, что судьями во всякомъ случаѣ будутъ личные враги Маркса. „Здѣсь есть только либо реакціонные, либо либеральные судьи; первые—твои враги потому, что ты Марксъ; вторые—потому, что обвиняется „Національная Газета“¹⁾. Письмо это кончается длиннымъ, исполненнымъ искренняго негодованія, объясненіемъ *по поводу присланнаго* Марксомъ Лассалю анонимнаго листка, въ которомъ на Лассалья вносятся самыя возмутительныя и нелѣпыя обвиненія. Входить въ ихъ разсмотрѣніе нѣтъ никакой надобности. По мнѣнію Меринга, Марксъ пересылкой его Лассалю, хотѣлъ очевидно показать, что онъ никогда не повѣритъ клеветамъ на своихъ друзей, тогда какъ Лассаль подпалъ якобы подъ вліяніе Фогтовскихъ басенъ. Во всякомъ случаѣ конфликтъ между друзьями обострялся. Тѣмъ временемъ три инстанціи отказали Марксу въ его жалобѣ; первая—за отсутствіемъ клеветы, вторая—разсматривая Фогтовскія явизуци не какъ оскорбленіе Маркса, а оскорбленіе всей „Schweifelbande“, третья, наконецъ,—не найдя въ рѣшеніи второй ни-

1) Письмо 57.

другу и даже искра любви не могла соединить ихъ въ одномъ вздохѣ, въ одномъ пожалѣвьи...

— Какъ-же мнѣ сказать ему?—не понимая, спросила Маси.

— Не знаю, Маси, но откажи ему. Я боюсь за тебя... нѣтъ не за тебя...

Она не хотѣла признаться, что ревнуетъ ее къ Гришѣ, какъ и ревновала все время, пока Маси жила дома, страдая оттого, что Гриша ухаживаетъ за ней.

— Не ходи съ нимъ,—попросила она опять,—не ходи съ нимъ.

Женщины распростились. Гриша стоялъ уже подлѣ Маси и, улыбаясь, спрашивалъ:

— Ты идешь, Маси?

— Нѣтъ, мнѣ нужно въ эту улицу,—уклончиво отвѣтила дѣвушка.

— И мнѣ туда-же. Я иду съ тобой, Маси.

Она растерянно посмотрѣла на Ханку, и та, обдавъ ее жаркимъ и тяжелымъ взглядомъ, повернула въ другую сторону и пошла одна. На улицѣ было мокро, безжизненно, какъ отходившіе, смотрѣли желтые отъ желтаго свѣта дома, и небо было такое-же грустное, отходившее.

— Какой день!—подумала Маси, оглядываясь на мокрыхъ людей, угрюмо шагавшихъ по тротуарамъ,—а мнѣ весело, на душѣ весело...

Она быстро подвигалась, довольная, что освободилась отъ унылыхъ женщинъ, чуть-чуть взволнованная всѣмъ, что произошло, и, искоса оглядывая Гришу, вспоминала, какъ онъ ей нравился.

— Онъ мнѣ нравился,—смѣялось у нея въ душѣ,—онъ мнѣ нравился!

— А ты все хорошенькая, Маси,—раздался вдругъ его голосъ.

Онъ уже курилъ папироску, стрѣлялъ въ нее глазами и тонко улыбался.

— Ты вѣдь должна быть моей, Маси, честное слово,—вотъ времени только нѣтъ повозиться съ тобой... Но ты будешь моей...

Если бы они были въ комнатѣ, Гриша-бы ее обнялъ... Приятный, какъ ребенокъ, какъ капризный ребенокъ, съ крохотными усиками, онъ неотразимо нравился смѣющимися голубыми глазами, и Маси только слезами удавалось отмо- литься въ тѣ ночи, когда жила дома. Что было въ немъ обаятельнаго? Онъ былъ грубоватъ, безсердеченъ; всѣ знали,

что онъ обираетъ дѣвушекъ, но всѣ его любили, ревновали будто онъ носилъ съ собой живую воду счастья и раздавалъ ее.

— Миѣ надо сюда, Гриша, не ходи со мной,—говорила Маса взволнованнымъ голосомъ.

— Сказать правду, Маса,—произнесъ онъ вкрадчиво,—ты миѣ нравишься, очень нравишься. Почему? Ты маленькая, добренькая кошечка.

— Миѣ не о чемъ говорить съ тобой,—пробормотала Маса, стараясь вырвать свою руку изъ его руки.

— Добренькая кошечка,—разсмѣялся Гриша.—Я вѣдь давно могъ сдѣлать тебя своей любовницей.

— Я ухожу,—бросила она ему, повернуувъ назадъ.

Онъ быстро нагналъ ее и снова взялъ ея дрожавшую руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, Гриша, этого не будетъ...

Выростала знакомая улица, знакомый домъ, откуда ее выгнали полгода тому назадъ, и все сразу какъ-бы помертвѣло кругомъ нея. И она шла уже холодная, какъ этотъ зимній день, брезгливая къ голосу, который твердилъ о страсти, о радостяхъ любви. Она снова думала о немъ, о Борисѣ, и какъ-бы отрывалась отъ земли навстрѣчу счастью, которое уже было близко, въ ней

XVI.

Утро было зимнее, морозное, съ бѣлыми отъ снѣга улицами, и отсюда, изъ теплой дѣтской, приятно было смотрѣть, какъ мелькали санки съ закутанными въ шубы людьми, хотя и не хватало чего-то... можетъ быть, звона бубенчиковъ. Аня и Маня, причесанныя и умытыя, въ кофейнаго цвѣта передничкахъ и въ воротничкахъ по-англійски, стояли у теплой стѣны и оживленно разговаривали о предстоящемъ елочномъ балѣ подъ новый годъ. Маса, стоя на колѣняхъ передъ кроватью, гдѣ лежалъ восьмилѣтній Левочка, уже четверть часа билась надъ мальчикомъ, который не давалъ себя одѣть. Она только-что одѣла дѣвочекъ, и очень торопилась, такъ какъ теперь и кухня была на ея рукахъ. Дня четыре тому назадъ произошелъ скандалъ въ домѣ. Мадамъ заподозрила Голду въ кражѣ жемской рубашки, и отъ этого случилось то, чего никто не ожидалъ. Голда нагрубила, а потомъ въ наступленіи гнѣва оттаскала мадамъ за волосы и хотя была достойно наказана, но изъ-за зимы ее сейчасъ негѣмъ было замѣнить.

— Левочка вѣдь хорошій мальчикъ,—говорила Маса, стараясь поймать его ногу и обуть ее.

— Пошла,—крикнулъ онъ, отбросивъ ее толчкомъ въ грудь.

— Лева добренькій, правда, Аня?—спросила Маня, но не успѣла окончить.

Левочка внезапно вскипѣлъ, вскочилъ, и въ одной рубашкѣ, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, бросился на Маса и схватилъ ее за волосы. Маса крикнула. Аня и Маня засмѣялись, наблюдая, какъ дѣвушка безсильно барахталась, боясь причинить мальчику боль неловкимъ движеніемъ.

— Я тебѣ носъ откушу,—завопилъ Левочка, когда Маса высвободила волосы изъ его рукъ.

— Ну, довольно, Левочка, довольно!—просила дѣвушка,—теперь дай ножку.

Два мѣсяца, какъ Маса была любовницей Бориса. Послѣ той ночи, когда онъ привлекъ ее къ себѣ и лишь къ утру отпустилъ, все стало ей дорогимъ въ этомъ домѣ, словно однимъ фактомъ превращенія въ любовницу хозяйскаго сына она породнилась и съ его близкими. Съ стыдливой нѣжностью она услуживала его матери, отцу, трепеща, чтобы тѣ не догадались и, какъ сестра, отдалась уходу за дѣвочками, за Левочкой, терпѣливо сносая ихъ тиранство. Она не сказала громко, но чувствовала ясно и неотразимо, что забыла о прошломъ, словно оно было только скрѣплено съ новымъ, а теперь оторвалось и затерялось. Ни о комъ она не вспоминала, ни о сестрахъ, ни о подругахъ, знакомыхъ, всѣ ушли во тьму, стоявшую за дверьми этого милаго дома, и свѣтъ, и радость были только здѣсь, въ сумасшествіи рабства или въ думахъ о немъ, въ ожиданіи его прихода. Когда кончался трудовой мучительный день, начиналась ночь жены на минуту, счастья безъ словъ, и она была покорна Борису, испытывая отъ его дурныхъ, непонятныхъ ей капризовъ наслажденіе только оттого, что онъ позволялъ цѣловать свои руки... Случалось, онъ засыпалъ, не успѣвъ сказать ей, хочеть-ли, чтобы она ушла. Тогда она усаживалась на кровати, чтобы не мѣшать ему, и покорно ждала, часто до утра, не смѣя и не желая потерять часовъ сидѣнія подлѣ него. Воѣ деньги ея уходили теперь на одежду, чтобы нравиться, быть милѣе, и каждый вечеръ, прежде чѣмъ пойти къ нему, надѣвала чистенькую бѣлую рубашку съ голубенькой каемкой, и ей казалось, что эта голубая кайма на рубашкѣ привяжетъ его больше, чѣмъ ея

сердце... Никогда и ни на что она не жаловалась ему, ничего не требовала, и даже не осмѣливалась говорить о своей любви, чтобы не потерять его. И чѣмъ онъ былъ равнодушнѣе, чѣмъ меньше жалѣлъ ее и какъ-бы снисходительно топталъ ея стыдливость, ея покорность, тѣмъ больше она привязывалась къ нему, пригвождалась, словно падала въ пропасть и не могла остановиться.

Левочка уже былъ одѣтъ и теперь не отставалъ отъ Маси, не давая ей сдѣлать шага.

— Левочка, Левочка,—просила она.

Въ столовой былъ беспорядокъ, стулья стояли не на мѣстахъ, соръ валялся на полу и, казалось, что сейчасъ придутъ перевозчики и начнутъ выносить мебель.

— Кто его возьметъ отъ меня?—спрашивала Маси.

Она вырвалась отъ него, побѣжала въ кухню, наскоро развела огонь и, схвативъ метлу, вернулась въ столовую. Левочка все не отставалъ отъ нея, держалъ ее за юбку и продолжалъ кричать. Вошла мадамъ, въ кофточкѣ наизнанку, и стала ловить Левочку, который при видѣ матери бросился бѣжать вокругъ стола. Мадамъ раскричалась и сейчасъ-же туго на туго перевязала голову полотенцемъ. Прибѣжали Аня и Маия и тоже начали ловить Левочку.

Часовъ въ десять все пришло въ порядокъ, и Маси могла, наконецъ, пойти въ кухню позаботиться объ обѣдѣ. До полудня простояла она у плиты, призывала мадамъ, чтобы посоветоваться съ ней, какъ приготовить сладкій пирогъ, и такъ захлопоталась, что даже не выбѣжала навстрѣчу Борису, когда онъ вернулся изъ конторы.

Часа въ четыре пришла Перель. Это былъ ея день. Послѣ того, какъ у нея умерло трое дѣтей отъ оспы, она стала нищенствовать и ходила съ выжившимъ полуторогодовымъ ребенкомъ по домамъ за подаянiемъ. Сюда она приходила разъ въ двѣ недѣли, по четвергамъ, становилась у окна и не переступала порога кухни, пока Маси не занывала ее.

— Зайдите уже, Перель,—недовольно произнесла Маси, увидѣвъ ее у окна.—Всегда вы ждете, чтобы васъ позвали.

— Такъ велитъ мое ремесло,—мрачно отвѣтила Перель, входя.

— Для меня вы не нищая, Перель, я вамъ не разъ говорила. Разверните мальчика, онъ согрѣется.

Перель осторожно присѣла на кровать, развязала шаль на спинѣ и, освободивъ ребенка, посадила его на полъ. Мальчикъ былъ полненькiй, съ едва замѣтными слѣдами отъ оспы на лицѣ, но очель грязный, въ грязной руба-

щечкѣ и въ однихъ чулочкахъ. Почувствовавъ теплоту, онъ сейчасъ-же, съ радостнымъ повизгиваніемъ, выставивъ подбородочекъ, поползъ по-полу.

— Прямо собачка,—съ удовольствіемъ выговорила Перель, слѣдя за нимъ.—Не кушай,—крикнула она, когда мальчикъ схватилъ шелуху отъ картофеля.

Ребенокъ поднялъ голову, поглядѣлъ матери внимательно въ глаза и опять поползъ, приложивъ теперь ко рту сложенную въ кулачекъ ручку. И все онъ повизгивалъ, останавливаясь, стучалъ кулачкомъ о полъ, оглядывался на мать, не понимая, почему ему стало вдругъ такъ пріятно, тепло. Мами намочила корку хлѣба въ молоко, положила ему въ ручку, и онъ, важно осмотрѣвъ дѣвушку, корку, быстро ползнулъ въ сторону.

— Имѣю вамъ рассказать новость!—промолвила Перель.

— Какую?—не то съ любопытствомъ, не то съ безпокойствомъ спросила Мами.

— Двѣ новости,—поправилась Перель.—У Ханочки показалась кровь изъ горла.—Э! э!.. Не блѣднѣйте! Что для васъ теперь Ханочка? По глазамъ вижу, что вамъ не до сестеръ.

— Это неправда, Перель,—съ усиліемъ возразила Мами и повторила: „Кровь изъ горла!“

— Пусть вы правы... Это еще не опасно, но кровь показалась... Смотрите, мой кормилецъ уже подъ кроватью...

Она вытащила ребенка за ножку, и тотъ, поморщившись какъ передъ слезами, опять ползнулъ туда-же, привлеченный кошкой, которая выглядывала на него и водила хвостомъ по полу.

— Я дамъ голову на отрѣзъ,—настаивала Перель,—что вы не знаете, гдѣ Бетя живетъ. Вы можете не отвѣтить, Мами,—не въ укоръ говорю вамъ, но что правда—то правда. Что-то давно вижу въ вашихъ глазахъ.

— Никто ни о комъ не думаетъ,—хотѣла возразить Мами, но ее вдругъ охватилъ стыдъ за то, что она сдѣлалась равнодушной ко всему, и слова не выговорились...—Вы зажгли мое сердце, съ тоской вырвалось у нея.

— И пусть горитъ,—подхватила Перель, встрепетувшись,—не жалѣйте его. Только тогда человекъ достоинъ своего имени, когда его сердце говорить. Лишь теперь вижу людей, но сказала-бы Мами, что не людей вижу, а сердца ихъ, въ окошечко. И сердца эти, Мами, не горятъ, не грѣютъ, а холодныя, какъ камни. Пусть горитъ ваше

сердце, молитте кого-нибудь объ этомъ, но пусть оно горить, сгораетъ...

Что-то необычайное, новые звуки добра пылали въ ея словахъ. Казалось, холодное страданіе окружило ее ледянымъ моремъ и какимъ-то непостижимымъ чудомъ зажгло ея сердце, и оно, истекавшее кровью, дымилось, горѣло на глазахъ.

— Я не знаю, что со мной,—говорила Маса, какъ-бы просыпаясь отъ дивнаго сна.—Я все потеряла, растеряла, и ничего мнѣ не нужно, и никого мнѣ не нужно... Вотъ плакала всю жизнь, а теперь люблю... я люблю, Перель...

Она не разъ порывалась разсказать Перель обо всемъ, обнявъ ее какъ пострадавшую мать, не разъ порывалась сбросить, наконецъ, тайну души, которая томила и давила ее, и не могла. Ей хотѣлось дорогихъ, сердечныхъ словъ, всеильныхъ словъ жалости, которые такъ легко, будто ключами раскрывали чужую душу и безъ потрясенія стыда вынимали изъ нея правду. Среди радости обезумленія, какъ молнія жгучая, зарождалась душевная мочь, дрожащій страхъ о предчувствіи беременности, и уже вырывались тайные вздохи, о чемъ, о комъ,—развѣ она могла знать?

— Я люблю,—говорила она въ упоеніи и печали, стоя передъ Перель, — и руки ея дрожали, и звуки ея дрожали, и сердце ея дрожало,—и готова на смерть. Что мнѣ до людей?...

— Отъ этого пьянѣетъ голова,—задумчаво отвѣтила—Перель, и кажется, что плаваешь. Я любила разъ, давно уже,—но вышла за портного.

Очарованіе нарушилось, и снова стояли другъ противъ друга двѣ женщины, безправныя, безпомощныя, сестры всѣмъ страдающимъ сестрамъ и не утѣшало, нисколько не утѣшало, что одна была еще такъ молода и имѣла впереди надежды.

— Теперь,—продолжала Перель, какъ бы потухая съ каждымъ словомъ,—любви не знаю... У мужа уже мысли начали мутиться... По цѣлымъ днямъ онъ кричитъ объ Америкѣ и плачетъ передъ стѣной. Унять его нельзя, и свѣта не боится, и ходитъ по комнатамъ голый, какъ звѣрь. А этотъ маленькій нашъ кормилецъ...

— Я не знала, что вамъ такъ плохо,—виновато проговорила Маса.

— Говорю вамъ, какъ въ окошечко сердца людей вижу. Посмотрите, кто меня кормитъ! Я его выучила.

Она опустилась на колѣни, вытатила ребенка за кожу и, наскоро закутавъ его, произнесла:

— Проси, Гершеле...

Гершеле широко раскрылъ глаза и будто взрослый, будто понималъ, съ усиліемъ вытянулъ изъ подъ шали ручку и протянувъ ее Маси, махнулъ головой разъ, другой...

— Отъ этого разрывается сердце,—прошептала Маса, поцѣловавъ ручку ребенка.

— Правда?—подхватила Перель.—А вотъ онъ вырастетъ никому не будетъ нуженъ, и никто его не пожалѣетъ.... Зачѣмъ ему жить? Не понимаю, ничего не понимаю!...

Она опять закутала ребенка, подвязала шаль и, взявъ у Масы мелочъ, пронесла:

— Мы заговорились, и я забыла вамъ сказать, что Ханочка хочетъ васъ видѣть. Вы придете?

— Я приду,—отвѣтила Маса,—я немножко подумаю и приду. Скажите ей... Перель кивнула головой и вышла, плотно притворивъ дверь, а Маса смотрѣла ей вслѣдъ, какъ бы потерявъ нить дѣйствительности. Черезъ минуту дверь опять открылась...

— Что такое, Перель?—очнувшись спросила Маса.

— Я забыла сказать вамъ главное... Изъ Симферополя было письмо.

— Отъ Шейндель?—обрадовавшись крикнула Маса.

— Не отъ Шейндель, а отъ одной изъ уѣхавшихъ съ ней дѣвушекъ къ подругѣ. Всѣхъ четырехъ продали въ Константинополь, а можетъ быть въ Америку...

— Не можетъ быть,—проговорила Маса, безъ голоса.

— Продали,—угрюмо повторила Перель.—Фрейду вчера сняли съ веревки и едва спасли...

До вечера Маса ходила какъ въ туманѣ, томясь желаніемъ рассказать Борису о своемъ горѣ. И о Ханочкѣ она хотѣла спросить, и о своихъ подругахъ, которыя какъ ни жили, что ни дѣлали, всѣ падали въ одно мѣсто, — въ бездну... Но когда она дождалась ночи и, надѣвъ бѣленькую рубашку, пошла къ нему, когда увидѣла эту дорогую голову на бѣлой подушкѣ, эти глаза, которые просто и легко загорѣлись, лишь только она показалась въ комнатѣ, всѣ вопросы пропали, всѣ печали пропали... И она ничего не сказала ему. Сердце ея трепетало и, казалось, кругомъ было прекрасно, кругомъ жизнь была такъ хороша, что не слѣдовало уже кричать, ни биться, ни томиться. И только плавать можно было, прижавъ его голову къ своей груди, и легко дышать...

XVII.

Въ мартѣ Маса уже дѣлала всяческія усилія, чтобы скрыть беременность. И то, что она не знала, какъ это устроить,

что стыдилась и боялась довериться кому-нибудь, держало ее постоянно въ страхъ и печали. Себственнымъ мучительнымъ опытомъ она пришла къ мысли перевязывать животъ туго на туго полотемцами и ходить чуть сгорбившись. Передъ новой кухаркой она научилась дѣлать видъ, что голодна, хотя запахъ кушаньевъ вызывалъ въ ней тошноту. И работала она по прежнему, внимательно, лихорадочно, молчаливо перетерпывая тиранство и пакости отъ мальчика и дѣвочекъ... Но уже по иному, съ сомнѣніями поджидала ночей, и онѣ не приносили ей былого утѣшенія.

Теперь Борисъ рѣдко задалъ ее къ себѣ, и изъ его комнаты не раздавалось больше сигнальныхъ звуковъ. Она шла къ нему робкая, безсильная, чтобы вымолить любовь на часъ, хоть на полчаса, — и молча принимала страданіе при видѣ его хмураго, недовольнаго лица. Когда она устраивалась рядомъ съ нимъ, онъ начиналъ подозрительно разсматривать ее чуть распухшій носъ, губы и лежалъ какъ каменный, не возбуждаясь отъ ласки, хотя она и обнимала его, хотя и пыталась вдохнуть въ него страсть своей любовью, своею иѣжностью... Иногда она заговаривала о беременности, — не о своей, — наивно стараясь разгадать изъ его словъ, какъ бы онъ принялъ извѣстіе, но Борисъ холодно отмалчивался и только какъ-то разъ сказалъ:

— Ты, вѣроятно, забеременѣла отъ кого-нибудь, а теперь хочешь на меня свалить...

Онъ подозрительно, будто былъ правъ въ своихъ догадкахъ, посмотрѣлъ на нее, и она такъ испугалась его глазъ, злого голоса, что не ушла, а какъ то уползла изъ комнаты, и беззвучно проплакала до утра. Весь онъ измѣнился, весь сталъ непонятнымъ. Словно съ ростомъ жестокаго равнодушія къ ней, отвращенія къ ея дыханію, къ ея тѣлу, сошло все привлекательное, вся позолота его вѣшности, и изъ иѣжной кожи выдвинулся злой, угрюмый звѣрь, который ненавидѣлъ ее за право лежать съ нимъ, цѣловать его, плакать молча, безъ словъ. Случалось, она находила дверь его комнаты запертой на ключъ, и никакія мольбы не могли заставить его впустить ее. И самъ онъ не разъ уже намекалъ матери, чтобы та расчитала Масю, и глухо сердился на непониманіе, которое вынуждало его сказать откровенно и ясно, почему онъ этого хочетъ...

Все перевернулось въ жизни Маси, и мечты о будущемъ, и мечты о ребенкѣ. Раньше она не стыдилась беременности. . Когда всѣ радости еще не были изжиты, она любила свои мысли о беременности, и казалась себѣ великой матерью,

первой женщиной, которая родитъ человѣка. И гордо носилась по комнатамъ, одерживая уста, которыя хотѣли подѣлиться, рассказать, всѣмъ и всему ея тайну. Теперь она будто опомнилась, будто послѣ большого сна проснулась, и мысли о ребенкѣ причиняли ей только страданіе... Онъ мѣшалъ ея тѣлу, ея душѣ и, казалось въ отмщеніе за грѣхъ, росъ внутри, раздувалъ ее, чтобы всѣ заклеями ея проступокъ. Онъ мучилъ ее, словно въ немъ сосредоточилось продолженіе жестокости Бориса, и страшно было, кричать хотѣлось, что какая-то сила, помимо воли, заставляетъ ее жить рядомъ, растить въ себѣ что-то чужое и злое и переплетаться съ нимъ. Каждая боль, минута усталости, все казалось мстительной вѣстью о томъ, что зло въ ней развивается, что нарождается дыханіе и образъ человѣка, погубившаго ее...

Собственное горе вернуло ее къ сестрамъ, и она опять стала ходить къ нимъ... Ханка, послѣ того какъ Яшку приговорили къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія, сошлась съ Гришей и занимала теперь комнатку въ одной изъ видныхъ улицъ города. Зимой она пролежала два мѣсяца въ больницѣ... Чухотка развивалась въ ней быстро, скачками, но она была такъ занята своей судьбой, своимъ дѣтскимъ несчастьемъ, что отнеслась къ болѣзни съ тайной радостью. Она очень мало выросла, щеки ея всегда лихорадочно горѣли, въ глазахъ установилось мягкое мерцаніе, но самый возрастъ привлекалъ къ ней мужчинъ, больше чѣмъ красота, и ежедневно она выручала по нѣсколько рублей. Ее звали въ гостиницы къ пріѣзжимъ старикамъ, къ зрѣлымъ мужчинамъ, звали въ притоны ради золотой молодежи, а на дому больше всего ее посѣщали гимназисты...

Иногда Маса заставляла ее свободной. Обѣ усаживались на кровати и какъ будто прожили жизнь и встрѣтились старухами, разговаривали о прошломъ. Одна только Ветя была имъ страшна. Та приходила нарумяженная, съ огромными серьгами-кольцами въ ушахъ, шуршала шелковой юбкой, и обѣ мучились, не узнавая сестры въ этомъ нахальномъ лицѣ... Все, рѣшительно все измѣнилось въ жизни Масы и кругомъ нея!

Между тѣмъ время шло, и во дворѣ и въ домѣ, сначала шепотомъ, а потомъ и громко заговорили о беремености Масы. Новая кухарка Фаня, смѣившая Голду, желчная немолодая женщина, какъ-то разъ, не то шутя, не то серьезно сказала ей:

— Смотрю на васъ, Маси, и не понимаю... Что же,—вы думаете, мы слѣпныя? Вы вѣдь съ трудомъ на ногахъ держитесь.

— Что мнѣ дѣлать,—прошептала Маси,—не знаю, куда дѣвать глаза!

— Если бы спросили у меня три мѣсяца тому назадъ, я бы вамъ отвѣтила... Спросите у меня какъ вытянуть у него деньги?

— У кого,—испуганно спросила Маси.

— Перестаньте притворяться,—возмутилась Фаня.—У такого молодца я бы всё внутренности вырвала и ногами растоптала за такую штуку.

— Это не отъ него,—перебила ее Маси, покраснѣвъ,—нѣтъ, не отъ него...

— А отъ кого же, сумасшедшая? Расскажите-ка всю правду, и я васъ научу.

Она отбросила руки назадъ и стала рассказывать длинную исторію, какъ однажды добилась судомъ получать у хозяйскаго сына ежемѣсячно по десяти рублей на воспитаніе ребенка, и слова ея желѣзныя, огненные жгли, словно искры.

— Ко мнѣ прибѣгали, милая моя,—кричала она въ носъ; —прибѣгаль сытъ, потомъ отецъ, мать, а я лежала на грязной кровати, въ грязной комнаткѣ, вотъ съ такимъ животомъ, и плевала имъ въ лицо. Хотите удовольствіе получить отъ служанки,—заплатите...

— Мнѣ не нужны деньги,—сурово выговорила Маси.—Развѣ я продавалась? Я любила...

Фаня неистово засмѣялась, такой дикой показалась ей мысль любить хозяйскаго сына.

— Любовь, любовь, любовь,—повторила она, ставъ серьезной.—Вы съ ума сошли! Къ кому? Къ этимъ богатымъ разбойникамъ? Развѣ это свои люди? Или хорошо вамъ тутъ платять? Или вы можете изъ восьми рублей свою старость обезпечить? Да? Такъ о чемъ же вы говорите? Любить людей, которые покупаютъ васъ, какъ курицу за семь, восемь рублей и только что не рѣжутъ? Я бы на кусочки распилила свое тѣло, лишь бы мнѣ можно бы было бить ихъ по карману, и по карману, и еще по карману...

— Я боюсь васъ,—прошептала Маси.

— Не любите ихъ,—а меня вамъ бояться нечего... Вы думаете, я жить не хочу? Вольше ихъ хочу, вѣрьте мнѣ. И

кричу оттого, что болитъ,—что если пропала, то изъ-за нихъ. Рассказала бы вамъ свою исторію....

Для черезъ два Маси опять не выдержала тоски и побѣжала къ Ханкѣ. Дѣвушку она застала за шитьемъ, и отъ этого ей сдѣлалось такъ скучно, что чуть было не ушла, не повдоровавшись.

— Опять вышиваешь!—съ досадою вырвалось у нея.

— Вотъ и ты,—спокойно произнесла Ханка, отложивъ шитье.—Двѣ недѣли тебя не было...

— Какъ здѣсь темно,—говорила Маси, недовольно оглядываясь.

Она никакъ не могла привыкнуть къ этой комнаткѣ, въ которой, казалось, каждое мѣстечко дышало преступленіемъ и развратомъ. Въ гостяхъ у Бети, она чувствовала себя лучше. Тамъ она всегда заставала беспорядокъ, но комната была больше, воздуха было больше, и даже циничныя картины голыхъ круглыхъ женщинъ и жирныхъ упитанныхъ мужчинъ вносили что-то свѣтлое, ободряющее, какой-то свой кусокъ живого человѣка. Здѣсь,—темная конурка, съ однимъ оконцемъ во дворъ, даже уютная, чистенькая, съ каждой вещью на своемъ мѣстѣ, производила впечатлѣніе вырытой могилы.

— Я привыкла,—подумавъ отвѣтила Ханка, усаживая Маси на кровать.—Я не обманываю, когда говорю, что мнѣ и здѣсь хорошо.

Она вдругъ оборвалась, закашлялась и, какъ бы желая скрыть отъ сестры разбитые, шипящіе звуки, приложила ко рту худую руку, съ длинными, длинными пальцами.

— Ты опять кашляешь?—забезпокоилась Маси.

— Ну да,—съ слабой улыбкой отвѣтила дѣвочка.—Потеплѣло и опять начала кашлять. Дома ничего... вотъ когда тамъ закашляешься,—нехорошо. Прогоняютъ!...

— Прогоняютъ,—монотонно повторила Маси.

— Ну да... Вотъ такъ нравлюсь! Всякій говоритъ: какая тоненькая, какая молодецкая! Только больныхъ они не любятъ.

Раньше она стыдилась рассказывать Маси о томъ, что тамъ. Теперь, чѣмъ становилась слабѣе, чѣмъ быстрѣе уходила изъ жизни,—возвращалась къ этому часто. Какъ будто оттого, что смерть была недалеко, она поднялась на высокую гору и, глядя сверху внизъ, могла обо всемъ говорить. И только одну сторону жизни, только тѣхъ еще осуждала, кто ради потѣхи оскорблялъ бѣдное человѣческое тѣло.

— А у меня скверно,—призналась Маси, отвернувшись от нея.

— У меня не лучше, Маси... Но со всёмъ бы помирилась, со всёмъ,—повторила она, сосредоточенно глядя передъ собой,—на людей бы не сердилась и болѣзнь свою любила,—но я Маси ничего не понимаю, ничего...

— Ты боишься смерти?—наугадъ спросила Маси.

Ханка внимательно, пронзительно посмотрѣла ей въ глаза и вдругъ, тихо, съ какимъ то новымъ выраженіемъ, какого еще Маси не знала въ ней, промолвила:

— Бога нѣтъ...

Это казалось легкимъ, неважнымъ, рѣшеннымъ въ минуту, но молчаніе, наступившее вслѣдъ за словами, дохнуло на обѣихъ бездоннымъ одиночествомъ.

— Зачѣмъ Богъ?—прошептала Маси, поблѣднѣвъ.

— Кто человѣку нуженъ на землѣ,—съ волненіемъ спросила Ханка.—Душа есть, и она голодна. Я хожу къ мужчинамъ,—зачѣмъ нужно такъ? Развѣ я могла бы ненавидѣть ихъ? Съ своей души сложу бремя и отдамъ Тому, Кто велѣлъ такъ. Но Его нѣтъ, Его нѣтъ!....

Маси не понимала ее, но поддавалась обаянію высшихъ человѣческихъ словъ, которыя создавали на глазахъ какую-то новую землю, новую атмосферу, откуда дѣйствительность казалась такой пустой, ничтожной...

— Почему ты знаешь?—боязливо спросила она.

Ханка еще разъ посмотрѣла на нее, и, какъ-бы бросая истину, которая должна раздавить,—просто сказала:

— Всѣ люди знаютъ, что Его нѣтъ!..

— Всѣ люди?—всплеснувъ руками, крикнула Маси, думая, что вотъ, вотъ истина ей дается.

Но Ханка уже опять сомнѣвалась, высокая мысль потухла, и она съ волненіемъ говорила.

— Можетъ быть, Онъ есть? Но развѣ это Онъ?.. Онъ?.. Если я не понимаю,—угрюмо прибавила она,—пусть сдѣлаетъ, чтобы я поняла... Изъ боязни стала такой, но если-бы знала зачѣмъ, съ пляской, съ пѣсней отдала-бы свое тѣло людямъ. Вотъ сказала, что сержусь на людей. Нѣтъ, не сержусь! Ни на кого не сержусь, обо всёхъ-бы я плакала, и о тѣхъ, что живутъ, и о тѣхъ, что родятся.

Она повторяла: „плакала“, и то были мертвые звуки, эхо давно угасшей души, непонятно, какими нитями еще связанной съ живымъ.

— А у меня плохо,—послѣ долгаго молчанія повторила

Маси.—Всѣ уже видятъ, и я не знаю, что мнѣ дѣлать. Ребенка ненавижу.. себя ненавижу... Бориса ненавижу.

Кто-то завопилъ у дверей. Вошелъ Гриша и, не разглядѣвъ въ темнотѣ Маси, громко сказалъ:

— Одѣвайся, Ханка,—за тобой пришелъ номерной изъ гостиницы.

— Нужно идти,—съ страннымъ выраженіемъ проговорила Ханка, и желая было понять, вздохнула-ли она, или вслипла.

— Не забудь принять порошка. Ты можешь тамъ раскашляться, а мнѣ нужны деньги...

— Здѣсь Маси,—равнодушно говорила Ханка, быстро переодѣваясь.—Она сидитъ на кровати, и ты ее не видишь.

— Маси?—холодно пробормоталъ онъ.

— Да, Маси. Зажги лампу. Гдѣ мои порошки?

Маси поднялась и, не глядя на обонхъ, стыдливо пронесла:

— Я уйду, Ханка...

— Гдѣ мои порошки?—нетерпѣливо спрашивала Ханка и искала вездѣ, въ карманахъ, въ комодѣ, подъ подушкой.

Она была уже готова и въ шляпкѣ, въ кофточкѣ, стройная, съ большими, невинными глазами, казалась изящной, чистой дѣвушкой, выросшей въ богатствѣ.

Дома Маси встрѣтили торжественнымъ молчаніемъ. Въ столовой никого не было, кромѣ старика-бухгалтера съ женой, и, лишь только она показалась въ комнатѣ, старикъ строго сказалъ:

— Ну, вотъ, бу-бу, ты и пришла! Подойди-ка. Намъ съ тобой нужно поговорить, бу-бу...

Маси вдругъ поблѣднѣла. Мадамъ сидѣла, сложивъ руки на груди, и строго смотрѣла на нее.

— Бу-бу, скажи, бу-бу, пожалуйста, Маси, чего тебѣ, бу-бу, нужно отъ Бориса, бу-бу?

Онъ откинулся на спинку стула, осѣдлалъ свой мясистый носъ пенсне и презрительно, сверху внизъ—снизу вверхъ, осмотрѣлъ дѣвушку.

— Только Борисъ тебѣ нуженъ былъ!—ядовито брошла мадамъ!

— Я... я... къ Борису ничего не имѣю,—растерянно прошептала Маси.

— Бу-бу, это хорошо,—одобрилъ бухгалтеръ, но я, бу,—люблю ясность. Можетъ быть, ты и, бу-бу, имѣешь, но отъ доброты своей, бу, не хочешь имѣть?

-- Такая твоя благодарность!—опять вмѣшалась мадамъ.

— Обвинять нашего Бориса! И кто повѣритъ, что онъ съ тобой жилъ? Подумай, Маса... съ тобой! Посмотри-ка на себя. И ты хочешь увѣритъ, что онъ своими иѣжными выхолещеными руками касался тебя! Я знаю, тебѣ нужно погубить его. Но за что? Развѣ ты не слыхала, что ему предлагаютъ три тысячи приданого?

— О приданомъ, бу-бу, не нужно говорить,—пробормоталъ старикъ.

— Почему не нужно? Маса меня понимаетъ. Правда, ты меня понимаешь, Маса? Ты вѣдь добрая дѣвушка.

— Миѣ трудно стоять,—безъ голоса выговорила Маса.

— Это не мое дѣло,—вспылилъ бухгалтеръ.—Она не можетъ, бу-бу, я могу съ тобой, бу-бу, разговаривать? Я-бы тебя, бу-бу, сейчасъ выгналъ, но, бу-бу, я хочу по-человѣчески...

— Я тоже,—подхватила мадамъ сладкимъ голосомъ.—Вѣдь у тебя были любовники, признавайся, милая Маса. Что тутъ такого, если признаешься? Я тебя не осуждаю, иѣтъ, иѣтъ. Всѣ служанки имѣютъ любовниковъ, вы всѣ такія...

— Ну, правда,—собралась съ духомъ Маса,—я беременна отъ Бориса.

— Что такое, бу-бу-бу,—крикнулъ старикъ,—беременна?.. бу... отъ бу... нашего сына! Ты смѣешь это сказать, бу-бу?

— Хорошо, пусть она говоритъ,—перебила мадамъ, вскочивъ и уперевъ руками въ бока.—Что такое, моя красавица, непристойно тебѣ быть отъ него беременной? Весь міръ знаетъ, что служанки должны быть любовницами хозяйскихъ дѣтей. Вы вѣдь только годитесь на работу и на это... Забеременѣла! А въ другомъ мѣстѣ ты не могла забеременѣть? Я могла взять старуху на твое мѣсто, и ваяла тебя, да тебя... для сына... ему вѣдь нужно. И не смѣй притворяться невинной, или я твое брюхо вырву. Ты со мной говори. Навѣрно уже имѣла десятокъ любовниковъ, а? На дурачковъ думаешь напала? Не правда!.. Не жилъ мой сынъ съ тобой! Докажи-ка! Ты каждый разъ уходила изъ дому. Гдѣ ты плясала? Сестры твои дѣвки!.. дѣвки!?. Отвѣчай, или я твой ротъ разорву?

Маса испуганно вскрикнула и шарахнулась въ сторону. Теперь уже оба дѣвли на нее съ кулаками, и глаза ихъ были налиты кровью.

— Ты была дѣвкой, и пришла дѣвкой, и уходишь дѣвкой,—вопила мадамъ, а старикъ грозно бормоталъ: бу-бу-бу...

— Я вѣдь ничего, ничего не требую,—тихо говорила Маса,

отступая, и уже громко плакала.—Я... любила, и онъ любилъ... но я не требую, нѣтъ не требую...

— Дай ей расчетъ, бу-бу,—кричалъ старикъ,—сейчасъ, сію минуту, бу-бу, что-бы духа ея не было, бу-бу бу...

А Маси все отступала, что-то говорила, плакала и каждый разъ заканчивала однимъ.

— Я ничего не требую... нѣтъ, не требую...

XVIII.

Первое время Маси была безутѣшна. Она сняла каморку на краю города и, какъ выгнанный ребенокъ, ласковый и любящій, по цѣлымъ днямъ плакала о Борисѣ, и въ душѣ ея не было ненависти ни къ нему, ни къ его роднымъ. Казалось, если бы ей позволили вернуться обратно, она расцѣловала бы порогъ этого дорогого дома и за одну только возможность жить по прежнему рядомъ съ Борисомъ, видѣть его, служить ему, ничего бы не потребовала и ни о чемъ бы не мечтала. Тоска по немъ не давала ей сосредоточиться, и она, въ душѣ склоняясь, находила его родныхъ правыми, а себя виноватой. Съ глазу на глазъ съ собой, служаянка, выгнанная и опозоренная, она какъ бы теперь начинала постигать дерзость своихъ желаній. Онъ рисовался ей важнымъ, изящнымъ баринкомъ, за которымъ бѣгаютъ богатя дѣвушки, и она жмурилась отъ страха, вспоминая, что когда-то лежала съ нимъ на кровати и обнимала его... Но еще больше страдала отъ другой большой тоски, тоски по квартирѣ, по кухонкѣ, по работѣ, и отъ всего было какое-то нездоровое безпокойство. Казалось, что никакая другая дѣвушка не сумѣетъ такъ присмотрѣть за Борисомъ, такъ прибрать въ его комнатѣ, такъ позаботиться о его удобствахъ, и безъ нея опять квартира опустится и нахлынетъ грязь и неряшество, какое она нашла, когда маялась.

На время вернулась любовь къ своему ребенку, и она отдыхала душой, прѣслушиваясь къ его барахтанію и забавнымъ штучкамъ, которыя онъ продѣлывалъ съ ней. Она ловила его ручки или ножки и гладила, цѣловала ладонями рукъ эти бугорки на животѣ съ такой нѣжностью, точно это былъ Борисъ, точно это была часть Бориса, которую онъ подарилъ ей на прощаніе. А въ часы остраго страданія сердца, любила сидѣть у окна съ иглой въ рукахъ, думать о рубашечкахъ, пелемочкахъ, свивальникахъ и выкраивала изъ своихъ рубахъ бѣлье для ребенка.

Но самыя тяжелыя минуты Маси переживала по вечерамъ,

Иногда она убѣгала изъ дому. На улицѣ, какъ прозрѣвшая слѣпая, она колеблющимися шагами сворачивала влѣво или вѣ раздумьи направо, и отсюда уже, точно кто-то тащилъ ее на веревкѣ, прямо отправлялась въ улицу, гдѣ жилъ Борисъ.

— Я только на окна посмотрю,—говорила она себѣ,—только на окна...

И долго вертѣлась по кварталу прежде, тѣмъ рѣшиться, какъ воровка пробиралась во дворъ и, спрятавшись у какой-нибудь стѣны, отыскивала глазами комнату Бориса... Потомъ шла на улицу и, скрывъ лицо подъ шалью, какъ часовой, бродила взадъ и впередъ, и вскидывала поминутно глазами наверхъ, гдѣ мелькали тѣни въ двухъ освѣщенныхъ окнахъ столовой...

Но кончался уже второй мѣсяцъ жизни въ одиночествѣ, изсякали грошовыя сбереженія, и инныя заботы неотложныя, насущныя отбросили далеко наивныя мечты... Въ концѣ мая, послѣ выѣзда Бети въ другой городъ, гдѣ она попала въ роскошный „домъ“, съ Ханкой въ присутствіи гостя случился припадокъ и ее, истекавшую кровью, замертво отвезли въ больницу. Теперь Маса осталась совершенно одинокой. Съ утра голодная, не смѣя отъ стыда показаться людямъ, она не понимала и не постигала, что съ ней будетъ завтра, черезъ недѣлю... Ни о чемъ она уже не думала и съ тупымъ отчаяніемъ приняла извѣстіе о Бетѣ и Ханкѣ, — развѣ не безразлично, какъ погибнуть, кто погибнетъ? Иногда еще вспыхивала ненависть къ Борису, но уже такъ далеко отошла душой отъ прошлаго, столь приближенной и несчастной знавала себя, что и онъ казался забытымъ свидѣніемъ... Истинно страшное сосредоточилось въ ребенкѣ, и весь ея гнѣвъ, помимо воли, палъ на него. Онъ стоялъ вездѣ и повсюду и какъ бы смѣялся надъ ея усиліями забыть о немъ.

Онъ трепыхался и бился въ ней, какъ деспотъ, расположившись въ самой ея душѣ, требовалъ вниманія, острой думы, и она снова возненавидѣла его. И съ нимъ, съ маленькимъ врагомъ, который занялъ всѣ мѣста, гдѣ ей нужно было пройти, только съ нимъ, съ глазу на глазъ, протекли дни послѣднихъ мѣсяцевъ.

Эго произошло въ серединѣ іюля. Часа въ два ночи Маса внезапно поднялась въ кровати, почувствовавъ тонкую боль въ поясницѣ.

— Не можетъ быть,—со страхомъ прошептала она...

Боли уже не было... Она прилегла чуткая, насторожив-

шисъ, будто поджидала ту же боль и готовилась встрѣтить ее съ крикомъ. Опять она присѣла внезапно, какъ подброшенная, и задрожала и заплакала, испуганная одиночествомъ. Боли перемежались. Онѣ были отчетливыя, еще не очень мучительныя, и однако ей казалось, будто кто-то на зло тычетъ иглой то въ поясницу, то въ животъ. Она сошла съ кровати и стала ходить по комнатѣ, охая и тряся головой. Время шло... Сонъ одолѣвалъ ее, и, какъ ребенокъ, она рвалась чуточку поспать. Кровать мамила ее, стулъ манилъ, и отъ схватки до схватки ни одной минуты она серьезно не допускала, что способна въ дѣйствительности родить. Отъ боли она начинала бѣгать, стараясь быстро представить себѣ какъ это произойдетъ. И чѣмъ дальше, ее все больше охватывалъ гнѣвъ, бессильная ярость сознанія, что ребенка она неизбѣжно должна родить. Ребенокъ! Она еще могла думать о немъ и видѣла, какъ онъ буравилъ ее внутри руками, ногами, головой...

Теперь она опять лежала на кровати животомъ внизъ и, кусая подушку, изрѣдка мычала глухими звуками. Боли учащались. Онѣ были уже другія, кислыя, нудныя, кололи, рубили, буравили и ихъ ничѣмъ нельзя было успокоить. Меси вскакивала и ложилась, торопливо отыскивая лучшее положеніе, кружила по комнатѣ и только лишь, когда начались настоящія схватки, заревѣла длинными звуками страданія...

— Это кончится,—умоля спрашивала Меси,—это кончится?..

И опять ревѣла, просто, какъ животное, рвала на себѣ волосы, и минутами ее охватывала такая ярость противъ ребенка, что готова была руками достать его и задушить. А время шло, кошмарное, безъ часовъ, безъ минутъ... Сколько она уже мучилась? Годы, вѣка? Когда она жила?..

Къ вечеру она лежала обезсиленная, не кричала, не плакала и будто затаила месть и не хотѣла открыть никому, какъ отомстить, только вздрагивала... Внезапно она вокочила и сейчасъ же повалилась на подушку. Что-то новое, и невѣдомое, и свѣтлое мелькнуло въ знакомой дали. Слово таина приближалась, сбросивъ темныя покровы. Меси широко-широко раскрыла глаза... Все занатая этимъ необычнымъ просвѣтленіемъ сознанія, она инстинктивно устроилась какъ нужно, нагужилась и точно выталкивала изъ себя юную природу, невинную, дѣвственную, крикнула и отбросилась назадъ, облегченная... Раздался пискъ, можетъ быть рѣвкій, можетъ быть торжествующій... Меси лежала неподвижно, безъ

улыбки. Ребенокъ кричалъ, и къ сердцу ея подплывало и отплывало что-то злое и доброе, и враждебное. Тотъ мигъ, когда ей казалось, что открылись двери въ прекрасное, блаженное, исчезъ, и опять она была опозоренная, обиженная людьми... И ни одной минуты она не колебалась. Такъ же инстинктивно какъ устроилась для родовъ, она присѣла, посмотрѣла равнодушно на ребенка, который лежалъ, задрать ножки, и взяла его на руки.

— Это онъ,—холодѣя подумала она, не рѣшаясь больше взглянуть на него.

И повернувшись, приподняла подушку и положила мальчика подъ нее.

— Богъ! Есть Богъ?—захотѣлось ей крикнуть...

Но не крикнула и сейчасъ же, какъ въ кипящую лаву всѣмъ тѣломъ, всей тяжестью спины откинулась назадъ. Что-то задрожало подъ ней, забилося... Угрюмая лежала Маса, не чувствуя жалости къ этимъ содроганіямъ, и словно радость отомщенія вошла въ ея душу, когда вдрагиванія подъ подушкой утихли. И такъ она заснула на ребенкѣ...

А съ улицы доносился веселый лѣтній шумъ, и нельзя было понять, почему люди не стоятъ здѣсь и не плачутъ... Всѣ торопились, всѣ бѣжали куда-то, шли, проходили... Нѣтъ, не эти могли сотворить день иной правды, иной жизни!...

Семень Юшковичъ.

Я люблю этотъ городъ суровый,
Весь закованный въ сѣрый гранитъ.
Сводъ небесъ равнодушныхъ свинцовый,
Мрачныхъ храмовъ торжественный видъ.

* * *

Я люблю его ночи весною
Съ ихъ тревогой обманчивыхъ грезъ,
Май, окутанный мглой голубою,
Напоенный дыханьемъ березъ.

* * *

Я люблю его дождь и туманы,
Наводненья осенней порой,
Безконечные тучъ караваны,
И въ снѣгахъ его море зимой.

* * *

Всѣ капризы прощаю природы
И... терзаюсь стыдомъ одного:
Нѣтъ великаго чувства свободы
Въ мѣрно бьющемся сердцѣ его!

О. Боголюбова.

Письма Лассаля къ Марксу.

Фердинанду Лассалю приходится долго ждать справедливой оцѣнки. Оскорбительныя для его памяти небыллицы повторяются и теперь, 40 лѣтъ спустя послѣ его смерти. Но если личность Лассаля не получила въ широкихъ кругахъ общества того признанія, на которое имѣетъ право титаническое ея величіе, то это не должно возбуждать особаго удивленія. Вызванное имъ къ жизни движеніе, конечно, не могло прійтись по вкусу буржуазному обществу, затрагивая слишкомъ непосредственно его интересы. А съ движенія недовольство естественно перешло на личность организатора. Надо еще замѣтить, что для благонаправленной критики, для ненавистническихъ нападокъ, жизнь Лассаля представляетъ богатый матеріалъ. И отношенія его къ графинѣ Гацфельдтъ, и многочисленныя любовныя похождения, и, наконецъ, нелѣпая дуэль съ какимъ-то Янко Раковицею, кончившаяся безвременной смертью истомленнаго долгой борьбой вождя, да и нныя немалочисленныя противорѣчія, какъ то странно уживавшіяся въ его „огненной душѣ“—все это давало обильную пищу досужимъ языкамъ добродѣтельныхъ людей. Мелкая зависть къ его успѣхамъ (а этому баловню судьбы удача улыбалась даже въ пустякахъ свѣтской жизни) не могла ему простить, что онъ, этотъ демократъ и революціонеръ, одѣвается у лучшихъ портныхъ и поражаетъ сердца тѣхъ, на кого у буржуа самыя законныя притязанія.

Не апологіей Лассаля занимаемся мы здѣсь: у него было много грѣховъ и несравненно болѣе тяжкихъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ съ злораднымъ негодованіемъ толковали добродѣтельные люди. Но именно потому, что мы знаемъ эти грѣхи и не думаемъ вовсе ихъ скрывать и умалять, мы имѣемъ право съ нѣкоторымъ скептицизмомъ отнестись къ источнику негодованія благочестивыхъ его критиковъ и напомнить извѣстныя слова, что въ обществѣ, гдѣ слышкомъ много и слышкомъ громко говсрять о добродѣтели, дѣло добродѣтели обстоитъ, вѣроятно, очень плохо.

Но Богъ съ ними, съ добродѣтельными людьми. Нападкы ихъ, въ общемъ, не столько злостны, сколько наивны, и бьютъ слишкомъ далеко отъ цѣли. Къ тому же теперь онѣ слышатся рѣже. Гораздо любопытнѣе оцѣнка другого рода, которую нащелъ Лассаль въ лагерѣ своихъ враговъ. Въ этомъ случаѣ тонъ задаютъ ученые, дразирующіеся въ тяжелую мантию безпристрастнаго изученія объективныхъ фактовъ. Враги поумнѣли. Вопли оскорбленной невинности не заглушили громкихъ раскатовъ подготовленной Лассалемъ грозы. Пришлось, какъ можно скорѣе и основательнѣе, позабыть и про добродѣтель, и про ея злого оскорбителя и перемѣнить фронтъ. Движеніе, связанное съ неприятно для національно-нѣмецкаго уха звучащими именами Маркса, Энгельса и Лассалья,—начало принимать характеръ и размѣры, не на шутку обезпокоившіе нѣмецкаго буржуа. Чтобы помочь злу, отвести грозный потокъ по другому руслу, онъ сталъ прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ, сплошь да рядомъ другъ другу противорѣчащимъ средствамъ. И „законъ о социалистахъ“ Бисмарка, и Висмарковскихъ же рукъ посланіе о социальной политикѣ 1881 года, и антисемитизмъ и социально-политическія попытки центра, и образованіе національ-соціальной и иныхъ партій—все, въ послѣднемъ счетѣ, преслѣдовало одинаковую цѣль: ослабить рабочее движеніе и приспособить его къ буржуазно-юнкерскимъ интересамъ. Въ нѣмецкой литературѣ,—научной и публицистической, соединенный походъ юнкера и буржуа сказался многими хорошо извѣстными фактами. Исторія, политическая экономія, чуть ли не антропология перекраивались, соотвѣтственно съ вождѣльними сторонниковъ „Ordnung“ и враговъ „Umsturz'a“. Не пощадила судьба даже имени Лассалья. Къ Марксу и Энгельсу, этимъ „не знающимъ отечества бродягамъ“ никакъ нельзя было подойти. Съ этими фанатиками, закоренѣлыми въ своемъ „непониманіи“ нѣмецкой жизни, которую они „легкомысленно мѣрили аршиномъ, годнымъ для специфическихъ англійскихъ условій“, ничего нельзя было сдѣлать. Другое дѣло Лассаль, о которомъ самъ Бисмаркъ сказалъ: „это былъ одинъ изъ привлекательнѣйшихъ людей, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться; отнюдь не республиканецъ, онъ всегда былъ преисполненъ національныхъ и монархическихъ убѣжденій; идея, къ которой онъ стремился, была нѣмецкая имперія, въ этомъ у насъ была точка соприкосновенія“. Лассалья, тактика котораго была далеко не безупречна, который не былъ брегливъ въ выборѣ средствъ и часто въ нихъ ошибался, нужно было попытаться представить въ подходящемъ для вдохновляющаго историковъ и политиковъ общественнаго класса освѣщеніи и показать его въ этомъ видѣ заблудшимъ людямъ:—„таковъ былъ вашъ вождь, таковы должны быть и вы всѣ“. И вотъ пошли пространныя разсужденія на тему, что въ сущности Лассаль былъ представителемъ идеи объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, что онъ никогда не впадалъ въ безпочвенный космополитизмъ, подобно Марксу и Энгельсу, а

оставался строго національнымъ, что самый демократизмъ его отнюдь не шелъ въ разрѣвъ съ господствующими династическими традиціями, словомъ, что въ „германской имперіи—Бисмарковской націи“¹⁾, и онъ видѣлъ осуществленіе своихъ завѣтныхъ мечтаній. Послушаемъ одного изъ этихъ историковъ. Профессоръ Тео-бальдъ Циглеръ, въ своей книгѣ объ умственныхъ и социальныхъ теченіяхъ въ Германіи въ XIX в., сравнивая Маркса и Лассалья, между прочимъ говоритъ:

„И Марксъ былъ еврей и гегельянецъ, какъ Лассаль, но совсѣмъ другой человекъ. Лассаль былъ ораторъ и народный агитаторъ, какъ Гуттенъ, съ пламеннымъ и искреннимъ темпераментомъ, находившійся подъ господствомъ не только чувственныхъ импульсовъ, но также и національных и идеальныхъ инстинктовъ; эти-то инстинкты давали ему возможность оцѣнить вполне личность и величіе Бисмарка, на демоническую сторону природы котораго онъ смотрѣлъ, какъ на нѣчто родственное; онъ былъ преисполненъ вѣры въ Пруссію, призваніе которой къ гегемоніи надъ Германіей онъ открыто призналъ въ 1859 г.; Карлъ Марксъ, напротивъ, былъ человекъ холоднѣйшаго разсудка, съ критическимъ до безпощадности умомъ, лишенный идеаловъ, не питавшій никакихъ иллюзій, тоже агитаторъ, но не въ стилѣ Гуттена, а въ родѣ Маданини и, если мнѣ позволятъ это сравненіе, похожій на наука, тихо ткущаго свою паутину и съ безошибочной увѣренностью ловящаго своихъ враговъ въ нее“.

Политическая партія, которую безчисленное множество слѣпыхъ поклонниковъ Бисмарковскаго творенія считаетъ своимъ злѣйшимъ врагомъ, до сихъ поръ, не смущаясь приговоромъ ученыхъ людей, какъ раньше она не смущалась злобными клеветами добродѣтельныхъ, продолжаетъ чтить въ Фердинандѣ Лассалѣ одного изъ трехъ своихъ великихъ учителей.

„Настоящее движеніе,—говоритъ Эдуардъ Бернштейнъ въ своей известной работѣ о Лассалѣ,—то же самое, знамя котораго Лассаль подвѣялъ въ 1861 году. Все тѣ же цѣли, за которыя оно борется, хотя измѣнились и средства, и требованія. Черезъ нѣсколько лѣтъ оно, быть можетъ, снова перемѣнитъ средства борьбы, но все же оно останется тѣмъ же движеніемъ. Лассаль не создалъ нѣмецкой рабочей партіи, какъ не создалъ ее кто-либо иной. Среди передовыхъ рабочихъ Германіи броженіе было очень сильно, когда Лассаль всталъ во главѣ ея. Но если его и нельзя назвать творцомъ партіи, то ему все же принадлежитъ слава, что онъ для нея свершилъ подвигъ столь великій, какихъ мало кому удается свершить. Тамъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ были только неопредѣленные желанія, онъ утвердилъ сознательное стремленіе; онъ привилъ нѣмецкимъ рабочимъ сознание ихъ исторической миссіи, она научилъ ихъ организоваться въ самостоятельную политическую партію. Этими онъ ускорилъ развитіе движенія по меньшей мѣрѣ на многіе годы“...

Такая оцѣнка имѣетъ, въ виду стремленій показать истинную физиономію Лассалья, тѣмъ большее значеніе, что Бернштейнъ менѣе чѣмъ кто либо пристрастенъ къ нему. Но объ этомъ ниже. Отмѣтимъ здѣсь только, что попытки ученыхъ людей подмѣнить истиннаго Лассалья и сдѣлать изъ него демократическаго агита-

¹⁾ Выраженіе Энгельса.

тора съ національ-либеральными тенденціями не возымѣли того дѣйствія, которое ими должно было быть достигнуто. Въ тѣхъ кругахъ, на которые рассчитывали, Лассаль остался тѣмъ, кѣмъ онъ былъ—„мыслителемъ и бойцомъ“. Но въ широкихъ слояхъ нѣмецкой образованной публики еще живо противоположеніе „добраго и національнаго“ Лассалья слому и не знающему отечества Марксу¹⁾. Лежащій передъ нами томъ писемъ Лассалья къ Марксу служить блистательнымъ его опроверженіемъ.

Но прежде чѣмъ мы займемся этими письмами, бросающими очень любопытный слѣдъ на многіе, существенные не только для характеристики Лассалья, вопросы, нужно остановиться еще на одномъ пунктѣ. Мы говорили выше, что Лассаль не дождался пока справедливой оцѣнки; что многочисленныя нападки и искаженія его духовнаго облика исходятъ отъ людей, стоящихъ по эту сторону разрушенныхъ Лассалемъ устоевъ—это понятно. Но и въ его же лагерѣ, среди лицъ, непосредственно стоящихъ въ томъ движеніи, которое къ нему примыкаетъ, раздаются или раздавались голоса, суровость которыхъ часто повергаетъ насъ въ изумленіе. Въ особенности Бернштейнъ, авторъ лучшаго изслѣдованія о Лассалѣ, останавливаясь на многочисленныхъ его тактическихъ ошибкахъ, слишкомъ поддается влиянію авторитета Маркса и Энгельса, которые далеко не безпристрастно относились къ оставшемуся въ Германіи послѣднему изъ Могиканъ. Такое несправедливое къ Лассалю отношеніе уступаетъ теперь мѣсто спокойному и объективному разсмотрѣнію этой громадной личности. Теперь для этого и наступило время. Ни нападки, ни заигрыванія враждебно настроенныхъ группъ не смогли ослабить ни роста нѣмецкаго рабочаго движенія, ни привязанности, которая въ средѣ его чувствуется къ имени Ф. Лассалья. Споры о личности Лассалья не должны больше смущать ревнивыхъ поклонниковъ его великихъ товарищей. Исторія уготовила всѣмъ тремъ равныя, но одинаково почетныя мѣста.

Передъ нами лежитъ IV томъ издаваемой талантливымъ публицистомъ и историкомъ нѣмецкой рабочей партіи, Францемъ Мерингомъ, коллекціи, озаглавленной „Изъ литературнаго наслѣдства Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассалья²⁾“, содержащей въ себѣ письма Лассалья къ Марксу и Энгельсу, за періодъ 1849—1862 годы. Отвѣтныя письма, къ сожалѣнію, не дошли до насъ, такъ какъ по злой ироніи судьбы бумаги Лассалья находятся въ рукахъ лицъ, относящихся съ враждою къ крупному общественному движенію, связанному съ именемъ великаго агитатора. Изъ писемъ этихъ, для уясненія которыхъ примѣчанія

¹⁾ Предисловіе Меринга къ письмамъ Лассалья, XII.

²⁾ Остальные томы этого интереснаго изданія содержатъ въ себѣ ранніе труды Маркса и Энгельса, печатавшіеся въ *Neu Rheinische Zeitung, Deutsch-Französische Jahrbücher*. Историко-литературные и критическіе комментаріи лучшаго знатока этой литературы, Меринга придаютъ ему особое значеніе.

Мернига оказываютъ неоцѣненные заслуги, мы въ настоящей статьѣ постарались извлечь все, что окажется существеннымъ для характеристики, какъ личности Лассалья, такъ и отношеній его къ Марксу, относительно которыхъ до сихъ поръ господствовали весьма неясныя представленія. Далекое не все, конечно, интересно и заслуживаетъ вниманія въ этихъ письмахъ. Многія изъ нихъ трактуютъ о техническихъ подробностяхъ доставки разныхъ произведеній Маркса и иныхъ запретныхъ плодовъ печати въ Германію, ревливо оберегавшуюся прусскою полиціей. Многія, чисто дѣлового содержанія, знакомятъ насъ съ тѣми затрудненіями, которыя приходилось претерпѣвать Марксу при печатаніи и изданіи его работъ, затрудненіями, неприятныя стороны которыхъ выпадали и на долю ведшаго переговоры съ издателями Лассалья. Но тѣ изъ нихъ, которыя раскрываютъ намъ внутренній міръ Лассалья въ эту скучную пору политической и общественной реакціи, полны самаго непосредственнаго для насъ интереса.

А поистинѣ скучную пору переживала Германія послѣ того, какъ кратковременной „веснѣ народовъ“ былъ положенъ безжалостный и кровавый конецъ. Добрый Михель, который такъ гордо было поднималъ свою бѣлокурую голову и такъ смѣло заговорилъ, на удивленіе своихъ властей, снова „успокоился, началъ терпѣливо и смиренно спать и храпѣть, пока не проснулся подь скипетромъ 34 монарховъ“ (Heine, Michel nach dem März). Реакція сперва еще робкая, не вполне довѣряя, что все осталось по прежнему, скоро укрѣпилась въ ликованіяхъ побѣды и торжества и сильнѣе, чѣмъ когда либо, дала себя знать. Сейчасъ же послѣ насильственнаго распушенія національнаго собранія, въ Берлинѣ начались политическіе процессы съ ихъ издѣвательствомъ надъ правосудіемъ. И противъ Лассалья, какъ извѣстно, было возбуждено обвиненіе въ подстрекательствѣ къ вооруженному сопротивленію властямъ, такъ что первыя его письма къ Марксу писаны изъ Дюссельдорфской тюрьмы, гдѣ онъ отбывалъ предварительное заключеніе. Несмотря на самыя возмутительныя продѣлки прусскою прокуратуры, Лассаль былъ оправданъ. Потянулись затѣмъ для всей Германіи и въ особенности для него долгіе и томительные годы полного отсутствія практической дѣятельности, совершеннаго затишья политической жизни; въ правительственныхъ сферахъ и при дворѣ, гдѣ Фридрихъ-Вильгельмъ IV все быстрѣе приближался къ сумасшествію, шла усиленная работа, дабы изъ памяти гражданъ были вытравлены всякіе слѣды разразившейся въ 48 году грозы. Лассаль жилъ въ Дюссельдорфѣ до 1859 года, поглощенный безчисленными процессами графини Гацфельдтъ, а затѣмъ съ 1854 г., когда, наконецъ, его изумительной энергіи удалось взять верхъ надъ наглыми претензіями мужа графини—въ работѣ надъ объемистымъ трудомъ о философіи Гераклита Темнаго. Въ 1857 году ему удалось добиться разрѣшенія пріѣхать въ Берлинъ, откуда онъ уѣзжалъ только на корот-

кіе сроки, между прочимъ въ 1862 году, чтобы повидаться съ Марксомъ и Энгельсомъ.

Послѣ этого свиданія переписка друзей прекратилась, по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ впоследствии.

Съ Карломъ Марксомъ Лассаль познакомился въ концѣ 40 г., когда Марксъ, находясь въ составѣ кельнскаго демократическаго комитета, издавалъ новую Рейнскую газету — органъ крайней лѣвой, къ которой принадлежалъ республиканецъ и социалистъ Лассаль. Имъ приходилось часто видѣться и толковать о жгучихъ вопросахъ дня, они сошлись на ты, а когда Лассаль арестовали, то Марксъ и Энгельсъ пошли въ составѣ депутаціи къ прокурору Амону, съ заявленіемъ протеста противъ грубѣйшихъ правонарушений, допущенныхъ мѣстной полиціей относительно Лассалья. Бернштейнъ говоритъ, что между Марксомъ и Лассалемъ никогда не существовало тѣсной дружбы, въ виду глубокаго различія въ ихъ характерахъ. Не отрицая, конечно, этого различія, хотя и понимая его нѣсколько иначе, чѣмъ почтенный профессоръ Циглеръ, мы не можемъ не замѣтить, что письма Лассалья отнюдь не подтверждаютъ словъ Бернштейна.

Конечно, Лассаль былъ слишкомъ исполненъ безграничнаго сознанія своей могучей индивидуальности, чтобы скромно ступать передъ деспотической натурой Маркса, какъ это дѣлалъ даже такой во всѣхъ отношеніяхъ большой человекъ, какъ Энгельсъ. Марксъ, съ другой стороны не терпѣлъ противорѣчій и привыкъ къ безусловному поклоненію со стороны, своихъ учениковъ. Но это не мѣшало имъ оставаться искренними друзьями.

Не даромъ именно къ Лассалю, и не разъ въ теченіе своей тяжелой изгнанической жизни, обращался Марксъ за денежной поддержкой или иной дружеской услугой. Не особенно велики были эти суммы, которыя Лассаль посылалъ Марксу, то 200 талеровъ ¹⁾ то 100 ²⁾, но и онѣ облегчали гнетъ неприглядной нищеты, тяготѣвшей надъ семьями эмигрантовъ. Не съ благотворительностью мы вмѣемъ здѣсь дѣло (Лассаль помогалъ многимъ, не только Марксу), а съ братской услугой, которая принималась въ томъ же духѣ, какъ оказывалась. Лассаль не ограничивался деньгами, онъ всячески старался улучшить положеніе дружеской семьи, находилъ для Маркса постоянную работу въ австрійской газетѣ, редактировавшейся двоюроднымъ братомъ его, искалъ издателей и книгопродавцевъ для его сочиненій, терпѣливо сносилъ придирки вѣчно недовольнаго Маркса. Лассаль охотно признавалъ превосходство Маркса, какъ научнаго дѣятеля. Не разъ говоритъ онъ въ письмахъ, что, занимаясь разработкой однихъ и тѣхъ же экономическихъ вопросовъ, что и Марксъ, онъ охотно воздержится вовсе отъ печатанія своего труда, такъ какъ не сомнѣвается, что общіе результаты, къ которымъ они пришли, бу-

¹⁾ Письмо 29.

²⁾ Письмо 44.

дуть гораздо лучше объяснены и изложены у Карла Маркса. Но и въ мельчайшихъ вопросахъ онъ не только высоко цѣнилъ мнѣніе своего старшаго друга, но даже противопоставлялъ его взглядамъ и сужденіямъ своихъ многочисленныхъ берлинскихъ друзей, въ средѣ которыхъ онъ чувствуетъ себя одинокимъ.

„У меня много друзей.—пишетъ Лассаль, спрашивая совѣта Маркса по одному чисто личному и неприглядному дѣлу—и между ними есть дѣльные люди, какъ Дункеръ и Домъ. Но они не обладаютъ достаточной духовной независимостью для того, чтобы я могъ придавать особое значеніе ихъ сужденіямъ, когда они сходятся съ моими, да и не представляютъ изъ себя достаточно крупныхъ въ умственномъ отношеніи величинъ для того, чтобы я обратилъ вниманіе на ихъ со мною разногласія. Въ первый разъ за тринадцать лѣтъ я колеблюсь, первый разъ нуждаюсь въ чловѣкѣ, который-бы обладалъ обоими этими качествами въ такой степени, что могъ-бы мнѣ помочь совѣтомъ: поэтому-то я и обращаюсь къ тебѣ... на что же въ противномъ случаѣ друзья, если нельзя съ ними посоветоваться ¹⁾).

Дѣйствительно дружескія отношенія между этими двумя великими дѣятелями, сказывающіяся въ той ревнивой заботливости, съ которою они стараются разъяснить малѣйшее недоразумѣніе или разногласіе (въ писемъ Лассалья видно, что не только онъ одинъ придаетъ значеніе взаимной солидарности во взглядахъ), съ теченіемъ времени однако ослаблялись; ни переписка, въ неаккуратности которой повиненъ не только Марксъ, такъ часто упрекаемый за то своимъ корреспондентомъ, ни личныя свиданія въ 61 году, когда Марксъ прѣѣзжалъ хлопотать о возобновленіи въ правахъ прусскаго подданства, ни въ 62 г., когда Лассаль поѣхалъ въ Лондонъ, не могли остановить разлада, коренившагося какъ въ характерахъ обоихъ борцовъ за одинъ идеалъ, такъ и въ различіи исторической обстановки, въ которой проходила ихъ дѣятельность.

Подъ вліяніемъ этого разлада у Маркса не разъ срывались несправедливыя и неосновательныя сужденія о бывшемъ другѣ, суровость которыхъ усугублялась тѣмъ непререкаемымъ авторитетомъ, которымъ пользовалось всякое его слово у его сторонниковъ.

По письмамъ Лассалья мы прослѣдимъ этотъ разладъ, его возникновеніе и развитіе, отдавая себѣ отчетъ въ томъ, кто въ чемъ былъ правъ во время спора, и кто оказался таковымъ, когда и предметъ спора, и участники его были увнесены быстро текущими волнами политической жизни. Споровъ въ письмахъ было не мало, не всегда они касались принципиальныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что въ самыхъ основныхъ пунктахъ Марксъ и Лассаль не расходились.

Самостоятельность пролетаріата въ творествѣ новыхъ социальныхъ формъ, обособленность его жизненныхъ интересовъ отъ остальныхъ общественныхъ классовъ была провозглашена

¹⁾ Письмо 36.

Марксомъ и Энгельсомъ въ известномъ манифестѣ, появившемся въ февралѣ 1848 г.

Подавляющее влияние высказанныхъ тамъ идей захватило, конечно, и Лассаль: его программа рабочихъ повторяетъ тотъ же ходъ мыслей. Кардинальный пунктъ ихъ, рѣзко отграничивающій единомышленниковъ Маркса и Лассалья отъ представителей всѣхъ иныхъ прогрессивныхъ группъ, заключается именно въ томъ, что коренныя измѣненія общественнаго строя, стремленія къ которымъ исходятъ изъ разныхъ слоевъ общества, могутъ совершиться только въ интересахъ и какъ результатъ самостоятельной и сознательной работы пролетаріата. Взглядъ этотъ въ настоящее время пользуется полнымъ правомъ гражданства въ средѣ марксистовъ: въ концѣ 40-хъ годовъ онъ былъ достояніемъ небольшой кучки лицъ, которые свое пониманіе социальнаго вопроса и средствъ къ его разрѣшенію смѣло и энергично противопоставляли какъ демократамъ, такъ и „истиннымъ“ социалистамъ.

Разсуждая о причинахъ неудачи венгерскаго возстанія, Лассаль пишетъ Марксу:

„Изучая исторію Германіи въ 1848 и 1849 гг. я вывелъ непоколебимое слѣдствіе, что ни одна борьба не увѣнчается въ Европѣ болѣе успѣхомъ, если она сразу не будетъ чисто социалистической, никакая борьба не приведетъ къ счастливому концу, если она, скрывая лежащіе въ ея основѣ социальные вопросы, выступитъ въ формѣ національнаго возстанія или буржуазнаго республиканизма; ни одна борьба не увѣнчается успѣхомъ, которая не изберетъ своимъ исключительнымъ паролемъ, какъ іюнь 1848 года: „работа или смерть“¹⁾.

Въ одной изъ многочисленныхъ статей о Лассалѣ намъ пришлось какъ-то читать, что въ его дѣятельности цѣли политическія берутъ верхъ надъ социальными. Если мы обратимъ должное вниманіе на выписанныя нами слова, которыя съ достаточной ясностью показываютъ намъ на полосу общественной мысли, въ которую онъ попалъ (а нужно помнить, что Лассаль въ 60-хъ г. писалъ то же самое, что въ 40), то встрѣтимся въ нихъ съ той же постановкой вопроса, которая находится въ известномъ манифестѣ. Эта постановка, въ послѣднемъ счетѣ сводящаяся къ материалистическому пониманію исторіи, еще болѣе выразительно сказывается въ лассалевской характеристикѣ французскихъ дѣлъ.

Послѣ того, какъ кровь французскихъ рабочихъ обильно обогрила 9 іюня 1848 г. улицы Парижа,—событія, подавшія сигналъ къ всевропейской грозѣ, приняли характеръ фарса, непрстойное содержаніе котораго получило достойное окончаніе 2 декабря 1851 года.

Въ первый разъ революцію сдѣлало четвертое сословіе. Буржуазія испугалась, забила въ набатъ и пошла походомъ на революцію. Вотъ какъ характеризовалъ значеніе этого историческаго

¹⁾ Письмо 3.

момента Марксъ: значеніе февральской революціи заключалось, по мнѣнію буржуазіи, въ томъ,

„что за буржуазной монархіей Людовика Филиппа могла только слѣдовать буржуазная республика, т. е. если прежде господствовала ограниченная часть буржуазіи именемъ короля, то теперь именемъ народа будетъ царствовать вся буржуазія цѣликомъ. Требованія парижскаго пролетаріата — утопическій вадоръ, которому надо положить конецъ. На это заявленіе парижскій пролетаріатъ отвѣтилъ іюньскимъ возстаніемъ, самымъ колоссальнымъ событіемъ въ исторіи гражданскихъ войнъ въ Европѣ. Буржуазная республика побѣдила. На ея сторонѣ стояла финансовая аристократія, средній классъ, мелкая буржуазія, армія, организованный въ *garde mobile* босяцкій пролета ріатъ, интеллигенція, попы, сельское населеніе. На сторонѣ парижскаго пролетаріата не было никого, кромѣ него самого. Свыше 3.000 инсургентовъ было перерѣзано послѣ побѣды, 15.000 было сослано безъ суда. Послѣ этого пораженія пролетаріатъ отступаетъ на задній планъ революціонной сцены“ 1).

Эта побѣда буржуазіи надъ революціей была не послѣдней, хотя и осталась одной изъ самыхъ кровавыхъ. „Партіи порядка“, раздавивъ пролетаріатъ, двинулись на слѣдующій, казавшійся имъ революціоннымъ классъ, на мелкую буржуазію. Послѣдняя, не моргнувшая глазомъ во время іюльской рѣзни, съ пафосомъ вѣщала, что стоитъ только коснуться до палладіума республиканской свободы: всеобщаго избирательнаго права, и она выйдетъ на улицу. 31 мая всеобщее избирательное право было отмѣнено, три милліона французскихъ гражданъ лишились участія въ политической жизни страны. Демократы мелкой буржуазіи не выжили. Полагаясь на громы и молніи, которые метали демократы по поводу законопроекта объ отмѣнѣ избирательнаго права, Лассаль писалъ Марксу: 2)

„Отвѣтъ мнѣ немедленно, предполагаютъ-ли французскіе *réfugiés* въ Лондонѣ, что въ Парижѣ по поводу проекта о реформѣ избирательнаго права вспыхнетъ возстаніе. Я, впрочемъ, глубоко убѣжденъ, что это случится и должно случиться. Соціализмъ или вѣрнѣе соціалистическая французская партія нанесетъ себѣ страшный ударъ, если она не вынетъ по поводу такого жизненнаго вопроса меча изъ ноженъ. А если она подниметъ мечъ, то, по моему убѣжденію, ея побѣда несомнѣнна“.

А черезъ три недѣли, 6 іюня 1850 г., послѣ того, какъ проектъ сталъ закономъ а „*coup d'état* буржуазіи“ совершившимся фактомъ, Лассаль утѣшался, что новый избирательный законъ со-служитъ все-таки свою службу: „однимъ мощнымъ взмахомъ онъ поразилъ на смерть вѣѣ прудоно-жирарденовскія посредничества и посредствующія партіи. Дѣйствительно же революціонныя партіи почерпнуть изъ этого закона колоссальную силу. Я думаю, что мы уже въ августѣ будемъ имѣть въ Парижѣ революцію и войну въ Европѣ“. Исторія на оправдывала лассалевскихъ расчетовъ; революціи не было, среднія партіи не были убиты—

1) К. Маркс, *Der 18 Brumaire de Louis Bonaparte*, стр. 14.

2) Письмо 6.

банкротство зарвавшейся партии порядка вызвало не народное восстание, а „18 брюмера Людовика Бонапарта“.

Безъ особаго труда, при безмолвномъ равнодушнѣ рабочихъ, бездѣйствіи національной гвардіи, онъ разогналъ національное собраніе, которое еще 6 ноября отвергло предложеніе Наполеона о восстановленіи всеобщаго избирательнаго права. Республику постигла печальная кончина. Во Франціи снова воздвигался тронъ, и по ступенькамъ его увѣренно всходилъ „Наполеонъ Малый“. Въ письмахъ Лассаля мы находимъ весьма любопытную характеристику переворота. Прежде всего Лассаля интересуетъ роль пролетаріата, затѣмъ крушеніе могущества буржуазіи, которая сумѣла перерѣзать тысячи рабочихъ, но не смогла противостоять Бонапарту и его шайкѣ. Отсутствие въ этотъ драматическій моментъ на политической сценѣ пролетаріата, для Лассаля совершенно понятно: „это вытекаетъ изъ положенія. Разогнано было собраніе, бывшее *par excellence* предметомъ ненависти среди рабочихъ, уничтожившее всеобщее избирательное право. Само всеобщее избирательное право было восстановлено. Во всемъ этомъ не было ничего, что могло-бы вызвать восстаніе пролетаріата“¹⁾. Что же касается буржуазіи, то „она тутъ отрекается отъ политическаго владычества, за которое она боролась шестьдесятъ лѣтъ, побѣда въ этой борьбѣ трехъ королей. Она отрекается отъ него потому, что сознаетъ и заявляетъ, что дальнѣйшее существованіе ея экономическихъ институтовъ возможно только при диктатурѣ военнаго деспотизма. Кругъ событій завершенъ. Неудовимымъ послѣдствіемъ іюньской побѣды была отмена всеобщаго избирательнаго права, мсткою эриннѣ за ту и другую стало 2 декабря. 2 декабря приблизило общество къ самому краю пропасти пролетарской революціи. Я вижу уже, какъ оно въ нее падаетъ“. Въ послѣднихъ строкахъ снова прорывается то революціонное нетерпѣніе, съ которымъ Лассаль и Марксъ заирали на ходъ развивавшихся передъ ними событій. Это нетерпѣніе, которое и черезъ десятки лѣтъ не разъ заставляло ясный взоръ выдающихся политиковъ, не удивляетъ насъ ни въ Марксѣ, ни въ Лассалѣ. Еще разъ, какъ часто бываетъ въ исторіи политическихъ идей, „желаніе явилось отцомъ мысли“. „Въ 1851 г. время совсѣмъ еще не пришло для революціи во Франціи. Двадцать лѣтъ Наполеонъ терзалъ Францію, пока не довелъ ее до Седанскаго разгрома. А когда вспыхнула пролетарская революція, подняла голосъ коммуна, то обстоятельства измѣнились настолько, что оцѣнивая эту великую трагедію, Фридрихъ Энгельсъ прежде всего долженъ былъ замѣтить: „условія борьбы существенно измѣнились. Восстанія въ старомъ стилѣ, уличная борьба съ баррикадами, за которой до 1848 года осталось рѣшающее значеніе, сильно устарѣли“²⁾. Но дѣло, конеч-

¹⁾ Письмо 13.

²⁾ Предисловіе Энгельса къ брошюрѣ Маркса „Die Klassenkämpfe in Frankreich“, стр. 13.

но, не въ ошибкахъ историческаго прогноза; за историческаго прорицателя Лассаль себя не выдавалъ. Мы привели вкратцѣ въгладь Лассалья на французскія событія только для того, чтобы на конкретномъ примѣрѣ показать, какъ понималъ исторію этотъ великій агитаторъ, котораго недавно у насъ выставили послѣдователемъ нѣмецкой идеалистической метафизики. Ясный реализмъ его оцѣнки переворота 2 декабря 1851 г. получаетъ правильное освѣщеніе, если мы сравнимъ его выводы съ тѣми, къ которымъ пришелъ Марксъ въ своихъ блестящихъ брошюрахъ, посвященныхъ французскимъ дѣламъ. Тѣ же принципы и тѣ же выводы объясняются единствомъ міросозерцанія, гегельянскіе корни котораго рѣзко выступаютъ въ разбираемыхъ нами письмахъ.

Мы не хотимъ загромождать нашу статью выписками, которыхъ и безъ того слишкомъ много, хотя въ виду упорныхъ толковъ объ „идеализмѣ“, „національномъ полетѣ“, которыми якобы обладалъ Лассаль въ противоположность матеріалисту и космополиту Марксу, быть можетъ, стоило бы привести еще кое-какія характеристики отдѣльныхъ политическихъ моментовъ, въ которыхъ послѣдовательно проводится та мысль, что „точно такъ же, какъ папа не въ силахъ реформировать католическую церковь, такъ и въ предѣлахъ режима частной собственности, въ предѣлахъ господствующей системы производства немислимо проведеніе какой-либо реформы“¹⁾. Не знаю, подпишется ли подъ этими словами какой-нибудь метафизикъ-идеалистъ, но что они придутся весьма по сердцу самымъ непримиримымъ ортодоксамъ, матеріалистамъ и инымъ, это несомнѣнно. Когда мы знакомимся съ тѣмъ, какъ Лассаль понималъ трагическія и трагикомическія катастрофы въ сосѣдней Франціи, то для сопоставленія ихъ съ соответствующими взглядами Маркса, стоитъ только обратиться къ его великолѣпно написанной брошюрѣ о 18 Брюмера. Но и безъ этого мы съ полнымъ основаніемъ можемъ и дальше проводить аналогію во взглядахъ обоихъ мыслителей, и мы не сумѣемъ объяснить эти аналогіи иначе, какъ тѣмъ, что Лассаль держится той руководящей точки зрѣнія, которая подъ именемъ матеріалистическаго пониманія исторіи пользуется нынѣ столь плохой репутацией.

Намъ недолго придется еще останавливаться на идейномъ единеніи обоихъ великихъ друзей. Особенно поучительны письма Лассалья именно тѣмъ, что онѣ, какъ уже замѣчено выше, даютъ матеріалъ для характеристики ихъ практическихъ разногласій, поведшихъ впоследствии къ коренному разрыву. Но прежде чѣмъ затронуть эти разногласія, принципиальный характеръ которыхъ часто весьма сомнителенъ, нужно же выяснитъ ту общую почву, на которой они стояли, и съ которой Лассаль якобы сошелъ,

1) Письмо 14.

хотя бы только для того, чтобы въ концѣ поставить вопросъ: „да дѣйствительно ли онъ въ этомъ повиненъ?“

Не французскими дѣлами, а нѣмецкими мы теперь займемся. Если революція по сравненію съ Франціею разыгралась въ Германіи въ миниатюрѣ, то про реакцію сказать никакъ нельзя. Реакція малымъ вообще не довольствуется, а послѣ великой побѣды надъ страшной „революціонной гидрой“ тѣмъ менѣе. Нѣмцы 50-хъ годовъ переживали возрожденіе феодально-абсолютнаго строя. Удовольствіе, которое они при этомъ испытывали, было, конечно, спорное. Но они понимали, что за смертные грѣхи мартовскихъ дней приходится терпѣть справедливыя кары, которыя дѣйствительно и налагались, и нѣмцы терпѣли, основательно позабывъ или, по крайней мѣрѣ, далеко запрятавъ всѣ мечты объ объединенной Германіи, о конституціонномъ правительствѣ, о свободѣ печати, слова и т. д. Живые люди прятались: кто спасся бѣгствомъ отъ прусской полиціи, кто просто умолокъ, безсилно опустивъ руки; на поверхности же копошились всякіе сомнительные элементы, о которыхъ трудно было сказать, шпіоны ли они или поборники побѣжденныхъ идеаловъ. Такъ шло по меньшей мѣрѣ до конца 50-хъ годовъ, когда итальянская война и замѣна сумасшедшаго Фридриха-Вильгельма IV принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ (будущимъ императоромъ Вильгельмомъ) влили немного живой воды въ ихъ мертвую жизнь. Хотя принцъ Прусскій былъ знаменитъ не столько своимъ либерализмомъ, сколько жестокимъ подавленіемъ Баденскаго возстанія, но какъ ни какъ, а нѣмцы ожили. Но 11—12 лѣтъ, которые отдѣляютъ мартовскіе дни отъ конца реакціи, протекли въ глубочайшемъ безмолвіи, болѣзненно отражавшемся на всѣхъ тѣхъ, въ комъ берлинскія и вѣнскія пули не убили еще любви къ родинѣ и вѣры въ прогрессъ. Эта вѣра жила еще въ сердцахъ, но она болѣе не пламенила огнемъ, двигающимъ на подвиги, а гдѣ-то далеко въ тайникахъ души продолжала тлѣть, все болѣе и болѣе слабѣя отъ ледяныхъ впечатлѣній безобразной дѣйствительности. Какъ естественныя нотки отчаянія, прорывающіяся у лучшихъ умовъ того времени; какою несокрушимую и убѣжденную вѣру въ правоту своего историческаго дѣла нужно было имѣть, чтобъ въ эти трудные дни сохранить полную ясность анализа сложныхъ явленій, выдвигаемыхъ реакціей. Этой несокрушимой и убѣжденной вѣрой въ высокой степени и обладалъ Лассаль. Она помогла ему не впасть въ безотрадный и пассивный пессимизмъ, утѣшающійся пустымъ брюзжаніемъ, а вынести тотъ поражающій своимъ реализмомъ взглядъ, которымъ проникнута вся его послѣдующая дѣятельность.

„Когда въ 1849 г. наступила полная побѣда реакціи, писалъ Лассаль въ 1855 г. ¹⁾, и солдатскіе штыки повсюду одержали верхъ, буржуазія сначала предалась было *dulci iúbilo*. Ни въ чемъ не нуж-

¹⁾ Письмо 30.

даясь болѣе, чѣмъ въ прочныхъ порядкахъ, готовая ради этихъ порядковъ простить имъ всѣ грѣхи, она не сомнѣвалась, что теперь снова возвратится доброе старое домартовское время, и установится устойчивый порядокъ вещей. Немногихъ лѣтъ было достаточно, чтобы вмѣсто всѣхъ этихъ упованій буржуазія преисполнилась ясно выраженнаго недовольства".

Причина этого недовольства, къ которой не разъ возвращается Лассаль, заключается въ томъ, что „мы снова вернулись въ материнское лоно сословно-феодалной монархіи, и что капиталъ, какъ безродный плебей, еще разъ долженъ занять мѣсто на запяткахъ крупнаго землевладѣнія“ ¹⁾.

„Прежде всего, пишетъ Лассаль, это недовольство было вызвано, конечно, матеріальными условіями, ухудшеніе которыхъ было отчасти слѣдствіемъ политической неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Вѣдь мы совсѣмъ еще недавно, выступили въ ряды крупныхъ промышленныхъ странъ. Постепенное уничтоженіе средняго класса—повсемѣстное слѣдствіе современнаго крупнаго производства, раздвоеніе народа на крупныхъ капиталистовъ и пролетаріевъ—въ свою очередь прямое слѣдствіе промышленной системы—оба эти явленія начинаютъ осуществляться и все болѣе и болѣе даютъ себя чувствовать. Ни мелкая буржуазія, почти вся уже поглощенная этими процессомъ, ни болѣе состоятельная, которой онъ ежедневно все болѣе и болѣе угрожаетъ, не въ состояніи понять, что эта нивелляція средняго класса есть необходимое слѣдствіе нашихъ социальныхъ условій; они, что совершенно понятно, ставятъ ее на счетъ политическихъ порядковъ, обвиняя въ ней правительство“.

Каковъ же выходъ изъ этого положенія, естественно напрашивается вопросъ. У Лассалья отвѣтъ готовъ. Если въ его блестящемъ анализѣ нѣмецкихъ политическихъ условій недовольство буржуазіи принимаетъ большіе размѣры, чѣмъ въ дѣйствительности, то это все-таки не колеблетъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ приходитъ. Въ необходимомъ и близкомъ, по убѣжденію Лассалья, переворотѣ, который одинъ можетъ положить конецъ феодальной реакціи, рѣшающимъ факторомъ окажется не буржуазія съ ея недовольствомъ—все равно велико оно или мало,—а пролетаріатъ, для котораго у Лассалья въ 52 году тѣ же слова, какъ и въ 55 г. Въ глухой тишинѣ безмолвія, когда, казалось, раздавлены были всѣ ростки новой жизни, онъ одинъ провидѣлъ зарожденіе новой могущественной силы. „Настоящія политическія условія,—пишетъ Лассаль, менѣе обезкураживаютъ рабочій классъ, менѣе даютъ его, чѣмъ буржуазію, потому что нѣмецкіе рабочіе и безъ того знаютъ, что они не могутъ питать никакихъ притязаній относительно самаго ближайшаго будущаго; и съ другой стороны потому, что они инстинктивно чувствуютъ, что усиленіе абсолютизма повлечетъ за собой сокращеніе прямого классового господства буржуазіи. Они пользуются поэтому этимъ переходнымъ временемъ, чтобы, какъ можно глубже, проникнуться классовымъ самосознаніемъ, всесторонне себѣ его уяснить и развить его теоретическія послѣдствія“.—„Мнѣ нечего тебѣ говорить—

¹⁾ Письмо 124

писать онъ Марксу—какъ отрадно это движеніе. Оно будетъ имѣть послѣдствіемъ то, что у ближайшей революціи будетъ въ распоряженіи болѣе компактный и сознательный матеріалъ, чѣмъ тѣ разрозненные элементы, изъ которыхъ въ 1848 г. нужно было сымпровизировать рабочую партію. Если я не ошибаюсь, то именно среди этой кажущейся мертвой тишины зарождается настоящая нѣмецкая рабочая партія“¹⁾. Говорить въ 52 г., когда Германія, какъ замѣчаетъ самъ Лассаль, только что стала крупной промышленной націей, объ постепенномъ уничтоженіи среднихъ классовъ, о раздѣленіи народа на капиталистовъ и пролетаріевъ и т. д. значило, конечно, ошибаться, но ошибка эта, дополняемая убѣжденіемъ, что въ мертвой тиши реакціи зарождается рабочая партія, развѣ она не явилась блестящимъ предвосхищеніемъ будущаго развитія, дѣятельнымъ и творческимъ участникомъ котораго былъ прежде всего Лассаль?.. Конечно, никогда ошибки историческаго прогноза болѣе не естественны, какъ во времена, когда на вѣрованія и убѣжденія налагается безусловный запретъ, когда гнетъ феодальнаго произвола давить все, что есть жизнь. Но ошибки, въ которыхъ повинно большинство дѣятелей такихъ періодовъ народной жизни, грѣшатъ обыкновенно пессимизмомъ и безнадежностью; ошибаться въ противоположную сторону, опережать орлинымъ полетомъ мысли события, на которыя насильственно налагается штемпель „конецъ“, могли въ то время только тѣ, кто равно далеки были отъ того, чтобы тѣшиться дешевыми революціонными замыслами, какъ отъ того, чтобы удовлетвориться бездѣятельнымъ ворчаніемъ на господствующіе порядки. Такимъ былъ въ Германіи Лассаль,—а тамъ далеко за моремъ—Марксъ и Энгельсъ.

Весной 1857 Лассаль покинулъ Дюссельдорфъ и переѣхалъ въ Берлинъ. Говоря объ этомъ переѣздѣ, Бернштейнъ замѣчаетъ, что, чувствуя потребность въ болѣе оживленномъ обществѣ, въ болѣе широкомъ просторѣ для практической дѣятельности, о чемъ, конечно, и помину не было въ маленькомъ прирейнскомъ городкѣ, Лассаль, черезъ посредство А. Ф. Гумбольдта, добился въ 1857 году разрѣшенія короля прусскаго на переѣздъ въ Берлинъ. Просить объ этомъ правительство, на которое онъ такъ рѣзко нападалъ, было не совсѣмъ, конечно, приятно. „Но Лассаль,—говоритъ Бернштейнъ,—бывшій по отношенію къ другимъ большимъ ригористомъ, къ себѣ примѣнялъ иныя соображенія; нельзя однако удивляться, что этотъ его шагъ вызвалъ порицанія со стороны нѣкоторыхъ его друзей“¹⁾. Намъ придется снова повторить здѣсь, что мы не апологію Лассаля пишемъ. Много у него грѣховъ, по-серьезнѣе, быть-можетъ, чѣмъ вышеописанный фактъ, если-бъ онъ былъ только фактомъ. А изъ писемъ Лассаля, которыя хотя и не были тогда напечатаны, но находились въ распоряженіи Берн-

¹⁾ Письмо 15.

²⁾ Предисловіе Бернштейна I, 27.

штейна, онъ-бы могъ увидѣть, что для категорическаго утвержденія у него не было оснований. Вотъ что во всякомъ случаѣ пишетъ объ этомъ самъ Лассаль ¹⁾:

„Такъ какъ въ Рейнской провинціи все еще нѣтъ фирмы, которая бы издавала филологическія и философскія сочиненія (дѣло идетъ о печатаньи Гераклита), то я черезъ нѣсколько дней поѣду въ Берлинъ и останусь тамъ до окончанія печатанья, которое можетъ затянуться до сентября или октября (75 печатныхъ листовъ) ²⁾. Полиція всячески противилась разрѣшить мнѣ пребываніе въ Берлинѣ. Однако моя рукопись, на которую я ссылаюсь, уваженіе къ наукѣ, въ особенности къ эллинской древности, которое такъ охотно выставляется у насъ на показъ, - и, наконецъ, приобретенная мною, къ сожалѣнію или на этотъ разъ, къ счастью, отъ усиленныхъ занятій болѣзнь глазъ.. все это заставило полицію уступить и разрѣшить мнѣ пребываніе на срокъ нѣсколько мѣсяцевъ.

„Долго я тамъ не продержусь, какъ-бы желательна и прямо необходима ни была для меня возможность снова прожить нѣкоторое время въ большомъ городѣ. По истеченіи срока меня, навѣрно, вышлютъ, къ тому же и недостатка въ поводахъ, вѣроятно, не будетъ... Даже если моя работа (здѣсь рѣчь идетъ о драмѣ Лассалья „Францъ фонъ-Зикингенъ“), не произведетъ зажигательнаго дѣйствія на большую публику, то несомнѣнно таково будетъ ея вліяніе на полицію, побудивъ ее убрать меня изъ Берлина. Я окажу болѣе resistance, хотя это врядъ-ли много поможетъ“.

Если мы письмамъ Лассалья будемъ больше вѣрять, нежели утвержденіямъ, въ пользу которыхъ Бернштейнъ не приводитъ никакихъ фактовъ, то исторія о ходатайствѣ Гумбольдта передъ королемъ получаетъ нѣсколько легендарный характеръ. Просительствовать Лассалю не пришлось. Какъ ни вертѣлась дюссельдорфская полиція, ей все-таки пришлось выдать ему временное разрѣшеніе, а когда истекъ срокъ послѣдняго, то, за сумасшествіемъ короля, наступила уже эра либерализма, все существенное содержаніе которой сводилось, кажется, къ нѣкоторому незначительному ослабленію полицейскаго гнета. Къ тому же, когда Лассаль издавіемъ Гераклита проявилъ себя, какъ ученый 1-го ранга, даже берлинская полиція не могла уже больше обращаться съ нимъ, какъ съ бродягой ³⁾. Впрочемъ, довольно объ этомъ.

Перейдемъ къ болѣе интересному, „первому съ 1848 г.“ разногласію во взглядахъ съ Марксомъ. Вопросъ, по поводу котораго разгорѣлся между ними споръ, заключался въ политикѣ Пруссіи въ 1859 г. Въ 1859 году, какъ извѣстно, Наполеонъ заключилъ съ Кавуромъ договоръ, въ которомъ обѣщалъ ему помощь въ войнѣ за освобожденіе Ломбардіи и сверженіе австрійскаго владычества въ Италіи. Помощь, которую обѣщалъ Наполеонъ, отнюдь, конечно, не объясняется идейнымъ сочувствіемъ бывшаго карбонарія къ дѣлу, за которое сражался и умеръ

¹⁾ Письмо 33.

²⁾ Писано въ апрѣлѣ.

³⁾ Примѣчаніе Меринга, защищающаго Лассалья въ этомъ, какъ и въ другихъ пунктахъ отъ несправедливыхъ нападокъ Эдуарда Бернштейна.

Орсини. Для неустойчиваго трона героя 2 декабря нужна была популярная война, которая бы укрѣпила династію Луи Бонапарта и Евгѣнія Монтихо. Въ Германіи разгорѣлась полемика по поводу роли, которую должны занять остальные члены Германскаго союза, въ особенности Пруссія, при нападеніи Наполеона на Австрію; въ этой полемикѣ приняли участіе Лассаль и Энгельсъ. Первый выпустилъ брошюру: „Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens“, второй—двѣ брошюры спеціально военнаго характера: „Po und Rhein“, и „Savoyen, Nizza und der Rhein“. Точка зрѣнія, которая занята Лассалемъ, чрезвычайно обстоятельно критикуется Бернштейном¹⁾, всецѣло раздѣляющимъ взглядъ Энгельса, а у насъ и г. Сурковымъ²⁾, который Лассалья упрекаетъ въ недостаточной преданности дѣлу, и нашла себѣ горячаго защитника въ лицѣ П. Б. Струве въ его статьѣ „Еще о Лассаль“³⁾, а теперь на основаніи обстоятельнаго разбора писемъ Лассалья къ Марксу, и въ лицѣ Ф. Меринга, писателя, по взглядамъ и темпераменту имѣющаго мало общаго съ г. Струве. Раздѣляя въ общемъ воззрѣнія, высказанныя Струве въ цитируемой статьѣ, мы бы не стали снова настаивать на знаковыхъ отчасти русской читающей публикѣ фактахъ, если бы появившіяся уже послѣ опубликованія писемъ попытки снова изъ мрака забвенія откопать національнаго монархиста Лассалья не побудили насъ еще разъ внимательно разсмотрѣть заключающійся въ нихъ матеріалъ. Профессоръ Геркнеръ, въ сильно полинявшемъ третьемъ изданіи своего „Рабочаго вопроса“⁴⁾, доказываетъ, что въ Лассаль въ 59 г. были всѣ задатки для того, чтобы дальнѣйшій ходъ прусскій исторіи превратилъ его въ прусскаго монархиста, увѣровавшаго въ Бисмарка. На вопросъ, кѣмъ былъ бы Лассаль, если бы онъ дожилъ до дарованія Бисмаркомъ нѣмецкому народу всеобщаго избирательнаго права, можно возразить не менѣе плодотворнымъ вопросомъ: а кѣмъ бы онъ былъ во время дарованія тѣмъ же Бисмаркомъ тому же нѣмецкому народу закона о социалистахъ.

Но предпочитая имѣть дѣло съ тѣмъ, кѣмъ Лассаль былъ въ дѣйствительности, и памятуя его политическій идеалъ: „Grossdeutschland moins les dynasties, мы ограничимся изложеніемъ вкратцѣ того новаго матеріала, который даютъ намъ письма, использованныя Струве только въ имѣвшихся у Бернштейна выпискахъ. Лассаль въ своей брошюрѣ указываетъ Пруссіи на тотъ един-

1) Введеніе, стр. 43 сл.

2) „Жизнь“, 1900 г., 12.

3) Перепечатана въ Сборникѣ „На разныя темы“, стр. 266. Не нужно смѣшивать съ замѣткой „Ф. Лассаль“, въ которой Струве насъ зоветъ главнымъ образомъ почему-то къ Фихте.

4) Второе изданіе, проникнутое опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, отъ котораго теперь остались лишь слабыя слѣды, имѣется въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „Рабочій трудъ въ Западной Европѣ“. Изданіе „Образованія“.

ственно правильный путь, на который она должна стать, если только монархія въ Германіи вообще способна на національный образъ дѣйствій. Этотъ путь, по его мнѣнію, заключается въ слѣдующемъ: приближается моментъ, когда Пруссія должна рѣшиться, идти ли ей на помощь Австріи противъ Наполеона, или нѣтъ. Лассаль рѣшительно говоритъ „нѣтъ“. Война противъ Наполеона будетъ войной противъ Италіи, которая ведетъ, борясь за свою національную независимость, самую священную и справедливую войну. Война противъ Наполеона будетъ поддержкой Австріи, этого вѣрнѣйшаго оплота ярой реакціи, Австріи, которая постоянно была опаснѣйшимъ врагомъ всякой освободительной идеи. Война противъ Наполеона значила бы войну съ Франціей, съ французскимъ народомъ, которому освобожденіе Италіи кажется дѣломъ и справедливымъ, и вызываемымъ демократическими принципами. Въ этомъ вопросѣ всѣ демократическіе элементы французскаго народа солидарны съ Луи Наполеономъ, и война противъ него повела бы къ „культурно-историческому несчастью, такъ какъ доброе согласіе между двумя великими народами, нѣмцами и французами,—это пунктъ, отъ котораго безповоротно зависать вся политическая свобода, весь прогрессъ цивилизаціи въ Европѣ, всякое увеличеніе и осуществленіе духовныхъ интересовъ, словомъ, все развитіе демократіи и этихъ самымъ все развитіе культуры вообще“. „Отъ этого пункта зависать не только судьба опредѣленной націи, это *жизненный вопросъ всей европейской демократіи*“¹⁾. Война противъ Наполеона возможна лишь въ томъ случаѣ, если онъ захочетъ отнять у австрійцевъ добычу и оставить у себя, лишь въ томъ случаѣ, если она будетъ вестись „въ союзѣ съ итальянскимъ народомъ и съ демократическими элементами французской націи“. Поэтому ни шагу за Австрію, пусть ее раздавятъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.—Такъ писалъ Лассаль, при чемъ кореннымъ образомъ разошелся съ Марксомъ и Энгельсомъ. Сообщая Марксу въ маѣ 59 года о томъ, что онъ въ нѣсколько дней и ночей написалъ брошюру объ итальянской войнѣ, Лассаль говоритъ: „Я указалъ въ ней правительству въ высокой степени національный и популярный путь, по которому оно *in abstracto* очень хорошо могло бы пойти, *in concreto* же никоимъ образомъ не можетъ пойти и не пойдетъ. И такъ какъ оно не вступить на него, то я надѣюсь, что нашелъ²⁾ средство основательно его депопуляризовать“. Противъ лишенія популярности прусскаго правительства Марксъ, конечно, ничего не имѣлъ возразить, но фактическое положеніе европейскихъ дѣлъ представлялось ему совершенно въ другомъ свѣтѣ, нежели Лассало. Энгельсъ, а за нимъ и Марксъ раздѣляли то усиленно защищавшееся австрійскими оффиціозами мнѣніе, что По является только предлогомъ для Наполеона, истинная цѣль котораго—лѣвый берегъ.

1) Reden и Schriften, I, стр. 349. D. ital. Krieg u. d. Aufgabe Preussens.

2) II. 45.

Рейна, такъ что не за Австрію должна вступиться Пруссія, а за единую Германію противъ завоевательныхъ плановъ Бонапарта. Слухи о русско-французскомъ союзѣ, яко бы заключенномъ для подѣленія европейской карты въ удобномъ обѣмѣ державамъ направленіи, принимались ими вполне на вѣру, и Энгельсъ даже писалъ: „Развѣ Рейнская провинція не имѣетъ другого призванія, какъ быть разоряемой войной только для того, чтобы Россія получила бы полную свободу на Вислѣ и Дунаѣ? Вотъ вопросъ, и мы надѣемся, что Германія скоро на него отвѣтитъ мечомъ“. „На одного изъ насъ,—продолжаетъ Энгельсъ,—было сдѣлано нападеніе третьимъ лицомъ, которое къ Италіи не имѣло никакого касательства, но зато тѣмъ болѣе было заинтересовано въ завоеваніи лѣваго рейнскаго берега, и противъ него-то, Луи-Наполеона, противъ традицій первой французской имперіи мы всё должны встать. Это чувствовалъ народный инстинктъ, и онъ былъ правъ“. „Vive la guerre,—пишетъ Энгельсъ Лассалю,—если на насъ нападутъ французы и русскіе вмѣстѣ, если мы будемъ близки къ гибели, тогда въ этомъ отчаянномъ положеніи всё партіи, отъ нынѣ господствующей до Цица и Блума, окажутся никуда негодными, и народъ обратится, чтобы спасти себя, къ самой энергичной“. Итакъ, за единую Германію, противъ Луи-Бонапарта! Какъ видимъ, „первое съ 1848 г.“ разногласіе оказалось довольно существеннымъ, хотя оно покоилось только „на противорѣчащихъ сужденіяхъ о фактическихъ предпосылкахъ“, какъ говоритъ въ своей брошюрѣ о Фогтѣ Марксъ, замѣчая при этомъ, что рѣшить, кто былъ правъ, дѣло будущаго. Это будущее, говоритъ теперь Мерингъ, уже наступило. Мы знаемъ, что Россія не думала активно вступать въ европейскія дѣла, въ 1859 г. ей не до того было; Наполеонъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы громогласно заявить, что его интересуетъ только Италія (читай Савойя и Ницца); свѣдѣнія же Лассалиа о томъ, что Вильгельмъ безусловно рѣшилъ помочь Австріи, вслѣдствіе чего онъ считалъ необходимымъ какъ можно скорѣе развѣнчать эту неизбежную, по его мнѣнію, войну, выставивъ ее орудіемъ реакціонныхъ, враждебныхъ народнымъ интересамъ цѣлей, были до нѣкоторой степени достовѣрны, такъ какъ Вильгельмъ, въ своей нерѣшительной политикѣ, подумывалъ и о вооруженномъ вмѣшательствѣ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія апостеріорной, слѣдуетъ признать, что взглядъ Лассалиа болѣе соответствовалъ дѣйствительности; соображенія же его о безграничномъ культурномъ вредѣ, который принесетъ демократіи и всякому цивилизаторскому прогрессу въ Европѣ война двухъ великихъ націй, съ ужасающей вѣрностью оправдались черезъ 11 лѣтъ¹⁾. Конечно, точка зрѣнія, на которой стояли удаленные отъ нѣмецкихъ дѣлъ Энгельсъ и Марксъ, была обширнѣе, они руководствовались такъ или иначе понятными интересами

¹⁾ См. Струве и Мерингъ.

сами всей западной Европы, которой, по ихъ мнѣнію, грозила опасность отъ Наполеоновской политики. Лассаль же, ослѣпленный ненавистью къ Австріи, упускалъ изъ виду дѣйствительно неисчислимыя опасности дѣлу демократіи, если-бъ осуществились предположенія Энгельса и Маркса; но въ томъ-то и дѣло, что этимъ предположеніямъ факты далеко не соответствовали. Если мы обратимся непосредственно къ матеріалу, который находится въ письмахъ, то прежде всего замѣтимъ, что споръ¹⁾, по словамъ Лассалья, шелъ не о принципѣ, который никогда не оспаривался, а о наиболѣе соответствующей политикѣ, и онъ готовъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ провозглашать *vive la guerre*, если крушеніе прусской политики, къ которой оно приведетъ, заставитъ народъ обратить взоры на самую энергичную партію. „Конечно“, говоритъ Лассаль, „но вѣдь только въ томъ случаѣ неудачная война послужитъ намъ на пользу, если эта война будетъ вестись правительствомъ, но противъ воли народа. Только въ популярной войнѣ съ Франціей, какъ я тебѣ уже писалъ, и какъ я ясно показываю въ своей брошюрѣ, вижу я несчастье. Если же вы сдѣлаете эту войну популярной, если вамъ удастся внушить народу убѣжденіе, что правительство должно предпринять ее въ нашихъ національныхъ интересахъ, то народъ поддержитъ правительство, и даже при самомъ неудачномъ исходѣ войны только съ большимъ трудомъ удастся его отъ него отвратить. Никогда не была прусская монархія популярнѣе, нежели въ 1807 г., и нѣчто подобное можетъ повториться; въ концѣ концовъ, исторія, конечно, побѣдитъ, но мы въ такомъ случаѣ изъ всѣхъ силъ старались бы работать противъ себя самихъ и страшно бы затруднили и замедлили дѣло. А если бы мы даже побѣдили, то было бы еще хуже. Побѣда надъ Франціей надолго осталась бы контръ-революціоннымъ событіемъ *par excellence*. До сихъ поръ, вопреки всѣмъ Наполеонамъ, Франція представляетъ собой для Европы революцію, ея поражение—пораженіе революціи.

„Въ нашемъ интересѣ слѣдующее: чтобы война была предпринята, чтобы она велась свѣрсно, чтобы народъ получилъ убѣжденіе, что война ведется въ враждебномъ для него, въ династическомъ и реакціонномъ духѣ“²⁾.

Марксъ однако остался при своемъ мнѣніи. Здѣсь въ особенности приходится пожалѣть, что мы не имѣемъ его писемъ; изъ писемъ Лассалья можно только вывести, что Марксъ не придавалъ этому разногласію особаго принципиальнаго значенія. Быть можетъ, его личное возмущеніе Фогтомъ, о которомъ скажемъ ниже, содѣйствовало тому, что онъ ко всякому взгляду, практическіе результаты котораго шли въ пользу бонапартизма, относился съ крайней враждой. Марксъ долго вовсе не отвѣчалъ на письма Лассалья, въ которыхъ тотъ настоятельно требуетъ по-

1) Письмо 79.

2) П. 47.

дробнаго обоснованія возраженій на его взгляды, а когда, наконецъ, въ ноябрѣ 59 года отвѣтилъ, то Лассалья его доводы не только не убѣдили, а еще болѣе укрѣпили въ прежнихъ взглядахъ. Практически, какъ замѣчаетъ Мерингъ, ихъ разногласіе потеряло смыслъ послѣ заключеннаго въ іюль 59 г. мира при Villafranca. Но инцидентъ съ Фогтомъ, въ которомъ приходилось касаться тѣхъ же вопросовъ, все-таки усилить и обострилъ нотки раздраженія, прорывавшіяся и въ этомъ спорѣ. А потомъ подоспѣла пора, когда Лассаль смогъ выступить на аренѣ практической политики; Марксъ сразу занялъ по отношенію къ планамъ и тактикѣ Лассалья отрицательное положеніе, и разрывъ сталъ совершившимся фактомъ. Но не монархизмъ Лассалья былъ тому причиною; если бы профессоръ Геркнеръ, Циглеръ и многіе иные повнимательнѣе прочли-бы письма Лассалья, то волосы стали-бы дыбомъ на лойяльныхъ головахъ бисмарковскихъ патриотовъ. Лассаль не стѣснялся въ выраженіяхъ, какъ не стѣснялся онъ и въ поступкахъ, и бисмарковскимъ патриотамъ слѣдовало-бы умѣрить свои восторги по адресу Лассалевскаго практицизма. Лассаль дѣйствительно шелъ на компромиссъ съ Бисмаркомъ, заходя слишкомъ далеко въ лагерь враговъ, въ своей враждѣ къ „этой ничтожной буржуазіи“.

Лассаль подавалъ руку Бисмарку, чтобы, поразивъ буржуазію общими силами, обрушиться затѣмъ на него самого. Это хорошо понималъ Марксъ и если, тѣмъ не менѣе, его порицалъ, то не только за его уступки будущему желѣзному канцлеру. Мы уже выше замѣтили, что за первымъ разногласіемъ послѣдовало скоро второе, въ которомъ одно недоразумѣніе слѣдовало за другимъ; не мало подчасъ обострялся тонъ переписки обихъ друзей. Дѣло „шло объ инцидентъ въ Фогтомъ, который въ настоящее время забыть даже на родинѣ замѣшанныхъ въ немъ лицъ. Мерингъ, въ своихъ комментаріяхъ къ письмамъ Лассалья, снова вывелъ его на свѣтъ Божій, предполагая, что правильное его освѣщеніе сослужитъ пользу и для характеристики, какъ Маркса, такъ и Лассалья.

Неважная эта исторія, но въ интересующей насъ перепискѣ она играла большую роль. Займемся вкратцѣ и мы ею.

Кто читалъ „Былое и Думы“, помнитъ, вѣроятно, среди ряда мастерскихъ характеристикъ дѣятелей 48 года и строки, посвященныя извѣстному ученому, виднѣйшему представителю научнаго матеріализма, регенту германской имперіи, Карлу Фогту. вмѣстѣ съ Бюхнеромъ и Молешотомъ имя его гремѣло, какъ поборника новаго яснаго и свободнаго міросозерцанія, побѣдоносно урааднявшаго тѣсячелѣтніе суевѣрія и предразсудки, тяжкими оковами лежащіе на человѣческой мысли. А упорный, непримиримый „до-мартовскій“ либерализмъ, символъ его политической вѣры, доставилъ ему многія сотни поклонниковъ среди той безформенной массы прогрессистовъ и буржуазныхъ демократовъ, способныхъ на все, только не на активную дѣятельность. И вотъ.

этотъ свѣточъ научной и политической мысли, этотъ изгнанникъ, до послѣдней возможности боровшійся за свободу германской имперіи, въ одинъ прекрасный день оказался бонапартистскимъ агентомъ, получавшимъ за опредѣленную политическую агитацію крупныя суммы денегъ. Скандалъ произошелъ, естественно, неописуемый. Случилось дѣло такимъ образомъ¹⁾. Карль Фогтъ выпустилъ въ 59 году памфлотъ, озаглавленный „Studien zur gegenwärtigen Lage Europa's, въ которомъ защищала полную нейтральность Германіи въ войнѣ между Франціей и Австріей: Изъ предыдущаго мы знаемъ, что эта нейтральность была въ высокой степени желательна Наполеону, и что ее же считалъ желательной (не въ бонапартистскихъ, конечно, интересахъ) Лассаль. Послѣ выпуска ея Фогтъ обратился ко многимъ публицистамъ, въ томъ числѣ и къ нѣкоторымъ нѣмецкимъ эмигрантамъ, съ просьбой за приличное вознагражденіе участвовать въ затѣваемомъ имъ журналѣ. Черезъ нѣкоторое время въ издававшейся въ Лондонѣ нѣмецкими эмигрантами газеткѣ „das Volk“ появилась замѣтка, въ которой Фогтъ обвинялся въ томъ, что „онъ подкупленъ бонапартистскимъ правительствомъ, и что онъ, въ свою очередь, пытался подкупать крупными суммами вліятельныхъ нѣмецкихъ журналистовъ, чтобы они агитировали въ желательномъ для Бонапарта направленіи“. Замѣтка эта исходила не отъ Маркса, хотя послѣднему темныя продѣлки Фогта и были извѣстны со словъ нѣкоего эмигранта Блинда. Въ отвѣтъ на это Фогтъ поспѣшилъ въ какой-то швейцарской газетѣ облить помоями самыхъ грязныхъ инсинуацій нѣмецкую эмиграцію въ Лондонѣ — Schwefelbände, — какъ онъ ее называетъ, и ея главу, Маркса въ особенности. Марксъ, конечно, и не думалъ было отвѣчать на эти нападки: по его мнѣнію, „пресса имѣетъ право оскорблять писателей политиковъ, артистовъ и другихъ общественныхъ дѣятелей“, и дѣло, пожалуй, этимъ бы кончилось, если-бъ Вильгельмъ Либкнехтъ, корреспондировавшій въ „Allgemeine Zeitung“ въ Аугсбургѣ, къ слову сказать, достаточно реакціонный органъ, не напечаталъ въ ней анонимнаго листка, составленнаго Блиндомъ, въ которомъ не только повторялись обвинения въ подкупѣ и предательствѣ, но и утверждалось, что у автора есть фактически неопровержимыя доказательства многочисленныхъ попытокъ Фогта путемъ подкупа нѣмецкихъ газетъ создать сильное движеніе въ пользу Франціи и вызвать въ демократической партіи Германіи убѣжденіе, что династическая война, предпринятая Наполеономъ, соответствуетъ демократическимъ принципамъ. Когда Фогтъ, въ отвѣтъ на эти разоблаченія, обвинилъ Allgemeine Zeitung въ клеветѣ, и послѣдняя обратилась къ Либкнехту съ требованіями представить доказательства, на которыя онъ ссылался, то Блиндъ, запрошенный о нихъ, отрекся отъ своихъ словъ, заявивъ, что онъ ничего не знаетъ, что онъ

¹⁾ См. примѣчаніе Меринга къ ст. 290, слѣд.

не писалъ даже этого листка и т. д. Доказательствъ, словомъ, никакихъ не было на лицо, обвиненіе казалось совершенно голословнымъ, но тѣмъ не менѣ эмигранту Фогту было въ жалобѣ отказано. Успокойся Фогтъ на этомъ, то къ „ореслу безвинно оклеветаннаго изгнанника прибавился-бы таковой же жертвы нѣмецкаго правосудія“, но онъ успѣшилъ использовать эту побѣду; въ концѣ 59 г. онъ выпустилъ брошюру: „мой процессъ противъ Всеобщей Газеты“. Въ ней еще разъ повторялись старыя инсинуаціи противъ лондонской эмиграціи и Маркса; эмигранты обвинялись въ систематическомъ шантажированіи и вымогательствахъ; Фогтъ утверждалъ, что у него на рукахъ сотни писемъ, написанныхъ эмигрантами, въ которыхъ безъ какихъ-бы то ни было стѣсненій заявлялось, что объ участіи даннаго лица въ томъ или другомъ революціонномъ актѣ будетъ сдѣланъ кому слѣдуетъ доносъ, если не будетъ по такому-то адресу къ такому-то сроку внесена такая-то сумма; въ концѣ приводилось крайне отрицательное сужденіе изъ одного частнаго письма о Марксѣ; послѣдній характеризовался въ немъ, какъ человѣкъ, истинная цѣль котораго—его личное владычество: „я жалѣю въ интересахъ нашего дѣла, писалъ нѣкій Теховъ (тоже эмигрантъ), что Марксъ, наряду съ своимъ выдающимся умомъ, не обладаетъ благородной душой“. Во всей либеральной прессѣ памфлетъ Фогта былъ встрѣченъ съ восторгомъ; въ двухъ передовицахъ воспользовалась имъ „Національная Газета“. Къ этому-то періоду относится первое письмо Лассала. По прочтеніи брошюры Фогта, онъ въ январѣ 1860 г. пишетъ Марксу, что памфлетъ послѣднаго хотя и не повредитъ Марксу въ глазахъ тѣхъ, кто его знаетъ, но зато повредитъ ему въ глазахъ всѣхъ, его незнающихъ.

„Ты, говоритъ онъ, не правъ въ томъ, что безъ какихъ бы то ни было доказательствъ, кромѣ простыхъ утверженій, повѣрилъ такому жалкому лгуну, какимъ заднимъ числомъ оказался Блиндъ. Фогтъ, какъ кажется, и какъ во всякомъ случаѣ показываютъ документы, безъ всякаго повода оскорбленъ въ своей чести. Съ нимъ поступили несправедливо, и понятно, если онъ, въ свою очередь, несправедливъ. Ты во всякомъ случаѣ долженъ на брошюру отвѣтить, причемъ мое мнѣніе таково, что если тебѣ не удастся собрать объективныя и убѣдительныя доказательства противъ Фогта, то ты долженъ заявить, что ты теперь, послѣ молчанія Блинда и т. д., признаешь неправоту своего утверженія о подкупѣ“.

Лассаль далѣе высказываетъ предположеніе, что деньги, бывшія въ распоряженіи Фогта, получались имъ не отъ Луи Бонапарта, а отъ венгерскихъ революціонеровъ, интересы которыхъ въ то время совпадали съ интересами Бонапарта; оба желали ослабить Австрію. Легко можно себя представить, что Марксъ, располагавшій, независимо отъ утвержденій Блинда, доказательствами противъ Фогта, былъ весьма обиженъ совѣтомъ Лассала заявить громогласно: „простите, я ошибся, повѣривъ Блинду, ничего противъ Карла Фогта я сказать не могу“. Судя по пись-

му Лассалья, онъ отвѣтилъ довольно рѣзкимъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говорить о намѣреніи возбудить противъ Фогта уголовное обвиненіе. Лассаль настойчиво не совѣтовалъ этого дѣлать. Марксъ не послушался. Напротивъ, въ февралѣ 60 г. онъ подтвердилъ въ заявленіи, появившемся въ англійскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, путемъ свидѣтельскихъ показаній наборщиковъ, данныхъ подъ присягой, что свѣдѣнія о Фогтѣ были сообщены и изложены Блиндомъ, слова котораго о молной его непричастности къ дѣлу—наглая ложь. Далѣе онъ возбудилъ преслѣдованіе противъ „Національной Газеты“, которая, какъ выше замѣчено, пользуясь памфлетомъ Фогта, обрушилась на Маркса съ обвиненіями въ рядѣ безчестныхъ и наказуемыхъ дѣяній. Наконецъ, онъ написалъ Лассали громовое письмо, въ которомъ, давая, очевидно, волю всему накопившемуся въ немъ раздраженію, упрекалъ его въ пристрастномъ отношеніи къ дѣлу. Подробнѣйшее оправдательное письмо Лассали помѣчено 31 марта 1860 г. Онъ обстоятельнѣйшимъ образомъ устанавливается на каждомъ отдѣльномъ упрекѣ Маркса и очень ловко ихъ отражаетъ; онъ поддерживаетъ энергично свое прежнее мнѣніе вплоть до предложенія „*amende honorable*“ въ пользу Фогта, говоря, что онъ отнюдь не убѣжденъ въ томъ, что Фогтъ агентъ Бонапарта. Это, конечно, возможно, но такъ же возможно и то, что онъ агитировалъ на деньги венгерскихъ революціонеровъ. Что же касается процесса противъ „Національной Газеты“,—а Маркса, очевидно, особенно сердить отрицательное отношеніе къ нему Лассалья,—то, по мнѣнію послѣдняго, если ужъ возбуждать дѣло, то слѣдовало возбудить его противъ Фогта, а не противъ перепечатавшей его отвѣтъ газеты; во-вторыхъ, исходъ его почти несомнѣнно будетъ неблагопріятенъ, тѣмъ болѣе, что судьями во всякомъ случаѣ будутъ личные враги Маркса. „Здѣсь есть только либо реакціонные, либо либеральные судьи; первые—твой враги потому, что ты Марксъ; вторые—потому, что обвиняется „Національная Газета“¹⁾. Письмо это кончается длиннымъ, исполненнымъ искренняго негодованія, объясненіемъ *по поводу присланнаго* Марксомъ Лассали анонимнаго листка, въ которомъ на Лассали вводятся самыя возмутительныя и недѣльныя обвиненія. Входить въ ихъ разсмотрѣніе нѣтъ никакой надобности. По мнѣнію Меринга, Марксъ пересылкой его Лассали, хотѣлъ очевидно показать, что онъ никогда не повѣритъ клеветамъ на своихъ друзей, тогда какъ Лассаль подпалъ якобы подъ вліяніе Фогтовскихъ басенъ. Во всякомъ случаѣ конфликтъ между друзьями обострился. Тѣмъ временемъ три инстанціи отказали Марксу въ его жалобѣ; первая—за отсутствіемъ клеветы, вторая—разсматривая Фогтовскія инсинуаціи не какъ оскорбленіе Маркса, а оскорбленіе всей „Schweifelbande“, третья, наконецъ,—не найдя въ рѣшеніи второй ни

¹⁾ Письмо 57.

чего законопротивнаго. Лассаль, искусившійся въ процессахъ и на собственной спинѣ извѣдавшій прелести нѣмецкой юстиціи, оказался правымъ. Узнавъ объ этомъ, онъ ограничивается слѣдующими негодующими словами: „никогда не складываются мои губы въ усмѣшку болѣе глубокаго презрѣнія, какъ если въ моемъ присутствіи начинаютъ говорить о нашихъ судьяхъ и о нашей справедливости. „Каторжники, по моему, весьма почтенные люди, по сравненію съ нашими судьями“ ¹⁾. Но Марксъ не унывалъ, и, между прочимъ, съ денежной помощью Лассалья ²⁾ выпустилъ въ свѣтъ свою брошюру, озаглавленную „Herr Vogt“. Въ послѣдней самымъ убѣдительнымъ образомъ доказывается все ничтожество и лживость вѣроломныхъ заявленій Фогта, вся вздорность его обвиненій и несомнѣнно бонапартистскій характеръ его агитаціи. „Не доставало, пишетъ Мерингъ, только квантитачіи о полученіи Фогтомъ денегъ изъ Тюльерійскаго дворца, которыя, какъ извѣстно, въ 1871 г. были найдены среди другихъ бумагъ. Въ августѣ 59 г. Фогтъ получилъ 40.000 фр. за бонапартистскую агитацію“ ³⁾. „Благодарю тебя, пишетъ 19 января 1861 г. Лассаль, за громадное наслажденіе, доставленное намъ твоимъ Фогтомъ. Мы смѣялись, какъ сумасшедшіе, читая его—графиня и я. Само собой, что юмористическая сторона брошюры не самая же важная... это во всѣхъ отношеніяхъ мастерское произведеніе. Я долженъ такимъ образомъ тебѣ сознаться, что я считалъ твое убѣжденіе о подкупѣ Карла Фогта Бонапартомъ совершенно справедливымъ. Разъ Фогтъ предлагалъ гонораръ и за статьи, которыя помѣщались въ другихъ газетахъ, то такой образъ дѣйствій въ высокой степени подозрителенъ. Но я даже охотно признаю, что, независимо отъ внѣшнихъ доказательствъ, одно внимательное чтеніе его различныхъ произведеній, какому ты ихъ подвергъ, должно было развить глубокое и твердое нравственное убѣжденіе въ этомъ направленіи. . Сознаюсь, и считаю себя обязаннымъ это сдѣлать, такъ какъ я тогда тебя порицалъ за мнимую неосторожность и поспѣшность“. Какъ видимъ, инцидентъ, подавшій было поводъ къ обостренію отношеній, окончился ко всеобщему удовольствію. Еще больше, чѣмъ про вопросъ объ итальянской войнѣ, про него можно сказать, что онъ никакихъ принциповъ не задѣвалъ, и что недоразумѣніе вызывалось только недостаточной освѣдомленностью Лассалья съ одной стороны и слишкомъ утрированной чувствительностью Маркса съ другой; ихъ отношенія снова стали налаживаться какъ нельзя лучше.

Въ 1861 г. Лассаль принималъ самое дѣятельное участіе въ хлопотахъ о натурализаціи Маркса въ Пруссіи. Въ этомъ году была издана амнистія для политическихъ преступниковъ, столь неопредѣленно составленная, что подъ нее мало кто вообще

¹⁾ Письмо 62.

²⁾ Письмо 63.

³⁾ Стр. 300.

подходилъ. Марксъ, въ частности, который по амнистіи получалъ право возвратиться въ Пруссію, могъ попасть въ нее только въ качествѣ иностранца, котораго каждое мгновеніе можно выслать изъ страны, такъ какъ за 10 лѣтъ изгнанія онъ утратилъ, какъ и всѣ остальные эмигранты, права прусскаго гражданства.

Законъ былъ дѣйствительно придуманъ остроумно, великодушію новаго правительства заявлялось всенародно актомъ милосердія, прощенія бывшихъ враговъ; съ другой стороны для бывшихъ враговъ, которыхъ новое правительство считало, очевидно, не только бывшими, но и настоящими, измышлялась такая обстановка, что ни одинъ изъ нихъ не рѣшался переселиться въ любезное отечество, не будучи увѣреннымъ, что его не попросятъ въ скоромъ времени удалиться изъ него. Прошеніе Маркса о вторичной натурализаціи было оставлено безъ послѣдствій, планы совмѣстнаго изданія съ Лассалемъ большой политической газеты, завѣтной мечты Лассалья, рухнули; унылая изгнанническая жизнь на чужбинѣ увѣковѣчивалась.

Наступилъ 62 г., послѣдній въ нашей перепискѣ, знаменательный для Фердинанда Лассалья. Къ этому году относится начало его продолжавшейся только 2 года агитаціи. Весной 62 г. онъ произнесъ свои знаменитыя рѣчи „о конституціи“ и „объ особенной связи идеи рабочаго сословія съ настоящимъ историческимъ періодомъ“, и жажда практической дѣятельности, которой онъ буквально сгоралъ, и которую не могли ослабить ни его публицистическія, ни научныя работы, наконецъ-то черезъ 14 лѣтъ получила удовлетвореніе ¹⁾. И вотъ тутъ-то, на почвѣ этой практической дѣятельности, которая поставила имя Лассалья наряду съ именами Маркса и Энгельса, и произошелъ разрывъ съ Марксомъ. Въ іюлѣ того же 62 г. Лассаль съѣздилъ въ Лондонъ, чтобъ повидаться съ Марксомъ. Съ тѣхъ поръ переписка прекратилась. „Было-бы несправедливо заключать изъ этого, говорить Бернштейнъ, что между ними во время этого посѣщенія произошелъ разрывъ. Возможно, что въ устной бесѣдѣ принципиальное различіе во взглядахъ яснѣе проявилось, нежели раньше“. Но какія же это различія? тѣ разногласія, съ которыми мы познакомились на основаніи разобранныхъ писемъ, несмотря на ихъ временную значительность, отнюдь не сводились къ разнороднымъ исходнымъ точкамъ. Да, Лассаль многое понималъ иначе, чѣмъ Марксъ, на многое иначе смотрѣлъ, но не мѣшало же это обоимъ быть энергичными соборниками одного и

¹⁾ Въ 59 г. онъ писалъ: „я буду продолжать заниматься политико-экономическими и философско-историческими вопросами,— исторію я понимаю въ смыслѣ соціального и культурнаго развитія,—если начало практическихъ движеній не остановитъ, наконецъ, что было-бы весьма желательно, всякую теоретическую дѣятельность. Какъ охотно оставилъ-бы я неналисаннымъ то, что знаю, если-бы взаимнѣе этого удалось сдѣлать хоть что-нибудь изъ того, что мы (партія) можемъ“.

того же дѣла и сознавать это. Дѣло, очевидно, не въ предше-ствующихъ разногласіяхъ, а въ послѣдующихъ. Это подтверждается и Бернштейномъ, который говоритъ, что разрыва между друзьями не произошло. Близкій другъ и ученикъ Энгельса и его душеприказчикъ долженъ хорошо это знать. Разрыва дѣйствительно не произошло въ Лондонѣ, зато потомъ, во время этихъ неполныхъ двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ развивалась лихорадочная дѣятельность Лассаля, матеріала для разрыва накопилось достаточно.

Мерингъ въ концѣ своихъ примѣчаній приводитъ весьма важное письмо Маркса къ преемнику Лассаля въ Нѣмецкомъ Рабочемъ Союзѣ, Швейцеру, въ которомъ онъ резюмируетъ всѣ возраженія противъ дѣятельности Лассаля. Марксъ пишетъ:

„Что касается Лассалевскаго союза, то онъ былъ основанъ во время реакціи. Послѣ 15-ти лѣтняго сна Лассаль—и это его безсмертная заслуга—снова вызвалъ къ жизни рабочее движеніе въ Германіи. Но онъ совершилъ большія ошибки. Онъ слишкомъ поддавался непосредственнымъ условіямъ того времени. Свою маловажную исходную точку—полемику съ карликомъ Шульце-Деличемъ онъ сдѣлалъ центральнымъ пунктомъ своей агитаціи; государственную помощь онъ выставилъ противъ самопомощи. Онъ, такимъ образомъ, снова подхватилъ пароль, который подалъ Бюше, глава Французскаго католическаго социализма въ 1848 г., въ борьбѣ съ дѣйствительнымъ рабочимъ движеніемъ. Оправданіе для него онъ могъ искать только въ его непосредственной мнимой practicability (осуществимости).

Для этого онъ долженъ былъ утверждать его осуществимость въ ближайшемъ будущемъ. „Государство“ превратилось такимъ образомъ въ прусское государство. Это вынудило его на уступки прусской монархіи, прусской реакціи (феодалной партіи) и даже клерикаламъ. Съ государственною помощью рабочимъ ассоціаціямъ Бюше онъ соединилъ чартистскій лозунгъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Онъ не обратилъ вниманія на то, что условія въ Англіи и Германіи различны. Онъ упустилъ изъ виду поученія, которыя дала по вопросу всеобщаго избирательнаго права вторая имперія (bas—empire). Онъ съ самаго начала придалъ своей агитаціи религіозно-сектантскій характеръ, какъ это случается со всякимъ, кто утверждаетъ, что пананея противъ страданій массы у него въ карманѣ. Въ дѣйствительности всякая секта религіозна. Онъ отрицалъ далѣе, именно какъ основатель секты, всякую естественную связь съ прежними движеніями. Онъ впалъ въ ошибку Прудона, видя реальный базисъ не въ классовомъ движеніи, а предписывая послѣднему его теченіе по опредѣленному доктринерскому рецепту.

То, что я говорю здѣсь *post festum*, я по большей части уже высказалъ Лассалю, когда онъ въ 62 году прѣзжалъ въ Лондонъ и пригласилъ меня стать вмѣстѣ съ нимъ во главѣ новаго движенія“¹⁾.

Всѣ доводы, которые приводитъ Марксъ, стносятся только къ періоду агитаціи Лассаля въ „союзѣ“, отнюдь не къ предшествующему времени. Оцѣнка, выраженная въ этихъ словахъ, долгое время была канонической въ глазахъ безусловныхъ поклонниковъ Маркса. Еще Бернштейнъ въ 92 году сильно находился подъ вліяніемъ; и его пристрастная оцѣнка Лассаля на-

¹⁾ Стр. 862.

шла не мало продолжателей въ лицѣ Суркова и др.: тѣмъ не менѣе односторонность ея врядъ ли кѣмъ теперь будетъ отрицаться. Въ приведенныхъ словахъ Маркса есть доля истины, и доля эта большая, чѣмъ то было бы приятно безусловнымъ апологетами—ученикамъ Лассалья. Его производительныя товарищества съ государственной помощью давно отошли въ область заслуженнаго забвенія, его кокетничанье съ Бисмарковскою реакціей, вызванное ожесточенною ненавистью къ „прогрессивной“ буржуазіи, было недостойно великаго дѣла, которому онъ служилъ. Это все правда, быть можетъ, и неприятная.

Но какъ далеко отступаетъ эта неприятная правда назадъ, когда мы вспоминаемъ о „чартистскомъ лозунгѣ всеобщаго избирательнаго права“. Марксъ еще въ 68 году могъ писать объ урокъ, данномъ второй имперіей по вопросу всеобщаго избирательнаго права. Но оно оказалось способнымъ дать изумленнымъ современникамъ и совсѣмъ иные уроки,—это пророчески понялъ Лассаль. Теперь, конечно, можно съ удивленіемъ пожимать плечами по поводу пренебрежительнаго отношенія Энгельса къ великой реформѣ 1866 года, но сорокъ лѣтъ назадъ нужно было обладать твердой, какъ скала, вѣрой въ трудящіяся массы, чтобы, не взирая на позорные результаты императорскихъ плебисцитовъ, выдвинуть въ центръ агитаціи этотъ „чартистскій“ лозунгъ!

Сектантскій характеръ движенія ставитъ далѣе Марксъ въ упрекъ Лассалю. По существу онъ правъ, но зато „имя Лассалья стало лозунгомъ, который тѣмъ болѣе воодушевлялъ массы, чѣмъ далѣе проникали въ нихъ его произведенія“.

Обаяніе, исходящее отъ великой личности, идетъ на пользу дѣла, которому она служитъ, и за это партія Маркса можетъ быть только благодарна Лассалю.

Разобранныя нами письма подтверждаютъ убѣжденіе, выносимое изъ чтенія Лассалевскихъ рѣчей. Это убѣжденіе идетъ въ разрѣзъ съ шаблонными характеристиками, преобладающими въ научной и популярной литературѣ. Особенно быть на нихъ въ претензіи несправедливо. Исходятъ онѣ изъ общественнаго слоя, который Лассалья искренно ненавидѣлъ. Естественно, что онъ и послѣ смерти преслѣдуется и искажаетъ личность человѣка, такъ беспощадно съ нимъ боровагося, такъ много ему принесшаго вреда. Но затушевать факты ученымъ людямъ не удастся. Въ этомъ отношеніи буржуазной легендѣ о Лассалѣ опубликованныя письма готовятъ скорый и немилостивый конецъ. Они говорятъ намъ, что въ августѣ 1864 г. въ могилу безвременно сошелъ общественный дѣятель, міровоззрѣніе котораго сложилось подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Маркса; ученикъ его въ принципиальныхъ вопросахъ социальнаго обновленія, съ нимъ ни въ чемъ не расходившійся“. Но они также говорятъ намъ, что ранняя смерть похитила общественнаго работника съ самостоятельнымъ складомъ мыслей, не останавливавшася передъ авторитетомъ учителя,

а идущаго своимъ путемъ. Они не затрогиваютъ самаго драматическаго времени его жизни, но вѣдь мы и такъ знаемъ, что онъ тѣмъ приобрѣлъ себѣ безсмертное имя, что „въ рѣшающій моментъ въ сознательномъ и непримиримомъ противорѣчїи съ Марксомъ, на свою собственную отвѣтственность передъ судомъ исторїи предпринялъ историческій шагъ, открывшій новые горизонты“¹⁾.

А. Яковлевъ.

¹⁾ Мерингъ, предисловіи.

Къ генезису матеріалистическаго пониманія исторіи.

Установленіе научнаго генезиса какой-либо теоріи, претендующей не на обработку узкой полоски человѣческаго знанія, а на выработку стройнаго и цѣльнаго міросозерцанія, представляетъ очень большія трудности. Приходится внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы не принять случайныя выраженія и фразы за предвосхищеніе или даже провозглашеніе той или иной теоріи, съ другой же стороны весьма часто приходится вскрыть подъ совершенно иной старой словесной оболочкой зародышъ новой теоріи ¹⁾. При установленіи генезиса историческаго матеріализма, только что отмѣченная трудность усугубляется еще тѣмъ особеннымъ обстоятельствомъ, что теорія эта можетъ быть, да и уже не разъ была очень легко вульгаризована и сведена къ самымъ тощимъ и пошлымъ фразамъ о преобладающей роли лавочническихъ расчетовъ надъ всѣми сокровенными побужденіями человѣка. Опошленная и обезображенная до подобной житейской тривіальности, теорія эта затѣмъ уже безъ труда можетъ быть отыскава въ произведеніяхъ поэтовъ и прозаиковъ самой сѣдой древности.

Если у какого-либо поэта или прозаика древности или среднихъ вѣковъ, въ порывѣ меланхоліи или житейскаго разочарованія, вырвалась фраза о томъ, что надъ всѣми людскими дѣлами

¹⁾ Всякая научная теорія есть дѣло рукъ преемственной работы поколѣній ученыхъ людей, и чѣмъ геніальнѣе, плодотворнѣе теорія, тѣмъ длиннѣе рядъ лицъ, подготовившихъ ея появленіе. Но вмѣстѣ съ этимъ нужно и возможно установить того ученаго, который первый геніально обобщилъ разрозненныя частичныя работы ряда ученыхъ въ одну стройную теорію и необходимо избѣгать того частаго злоупотребленія эволюционнымъ методомъ, которое выражается въ стремленіи свести данную теорію къ такимъ ея элементарнымъ составнымъ частямъ, которыя какъ разъ не составляютъ ея особенности и безъ всякаго препятствія могутъ быть соединены и со многими множествомъ другихъ теорій.

тяготѣть власть денегъ, то вы можете быть увѣрены, что какой-либо нѣмецкій доцентъ, всю свою оригинальность видящій въ томъ, чтобы доказывать неоригинальность великихъ людей,—можете быть увѣрены, что онъ раскопаетъ эту меланхолическую фразу и, страхнувшись съ нея пыль вѣковъ, преподнесетъ ее какъ доказательство, что Марксъ имѣетъ многочисленныхъ предшественниковъ въ своей исторической философіи.

Стоя на этой наивной точкѣ зрѣнія, не трудно, конечно, всѣхъ великихъ философовъ древности причислить къ несомнѣннѣйшимъ предшественникамъ историческаго матеріализма.

Даже одинъ изъ величайшихъ идеалистовъ, божественный Платонъ, съ этой точки зрѣнія можетъ быть причисленъ къ провозвѣстникамъ историческаго матеріализма. Порывшись въ его сочиненіяхъ съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ доказать неоригинальность Маркса, вы найдете у него такую фразу: „И войны, и возстанія, и битвы вызываются ничѣмъ инымъ, какъ тѣломъ и его желаніями, ибо всѣ войны рождаются среди насъ изъ-за приобрѣтенія имущества“¹⁾.

И у Софокла въ его „Антигонѣ“ мы читаемъ, что „деньги больше всего служатъ причиной плохихъ законовъ и плохихъ нравовъ среди людей, онѣ заводятъ ссоры въ городахъ и изгоняютъ обитателей изъ ихъ домовъ, онѣ направляютъ самыя прекрасныя души на то, что есть самаго постыднаго и гибельнаго въ человѣкѣ и научаютъ ихъ всякую вещь превратить въ зло и нечестіе“.

Желѣзомъ рѣшаются споры, порожденные „проклятою“, какъ выражается Варгудій, „жаждою золота“ *aurei sacra fames*.

Въ „Превращеніяхъ“ Овидія встрѣчаются такія строки:

*Effiduatur opes, irritamenta malorum
Jamque posens ferrum ferroque posentius aurum
Prodierat: prodit bellum quod pugnat utroque.*

(„Выкапываются богатства, возбуждители зла, является губительное желѣзо и еще болѣе губительное золото, является и война, которая ведется желѣзомъ и золотомъ“).

Извѣстный австрійскій социологъ Гумпловичъ прямо называетъ Аристотеля предшественникомъ экономическаго матеріализма. „Мысль—пшшгъ онъ—которая, казалось, была приобрѣтеніемъ экономической науки новѣйшихъ временъ, что политическія и общественныя измѣненія являются слѣдствіемъ экономическихъ отношеній, реорганизація которыхъ влечетъ за собою соотвѣтствующую реорганизацію государственнаго строя—и эта мысль была уже асно высказана Аристотелемъ. Онъ замѣчаетъ, что общество, приобрѣтая и накопляя богатства, вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣтаетъ силу и политическія права (Polit. VI (IV) cap. 5 § 5).

¹⁾ Цит. у Н. Русанова. Жизнь и сочиненія Ваховена „Рус. Мысль“ 1899 г. № VI стр. 204. Нижешприводимыя цитаты одѣланы нами изъ русскихъ переводовъ.

и что усиливающееся имущественное равенство непременно влечет за собою преобразование государственного строя" 1).

Мы видимъ такимъ образомъ, что если стать на точку зрѣнія тѣхъ критиковъ исторической теоріи Маркса, вся оригинальность которыхъ исчерпывается стремленіемъ доказывать неоригинальность великихъ теорій, то мы увидимъ изъ приведенныхъ цитатъ, что уже античная древность заложила начала экономического матеріализма.... если конечно, очень узко понимать эту историческую теорію и свести ее къ общей фразѣ и если очень широко толковать случайныя фразы античныхъ философовъ и возводить эти фразы въ историческую теорію.

Приближаясь отъ древности къ новому времени, мы безъ труда можемъ привести цѣлыя сотни подобнаго рода историческихъ матеріалистовъ. Напр. Шекспарь, конечно, долженъ быть зачисленъ въ предшественники матеріалистическаго пониманія исторіи, ибо въ „Тимонѣ Аѳинскомъ“ онъ написалъ такія сильныя строки о власти золота:

Да, этотъ плутъ сверкающій начнетъ
И связывать, и расторгать обѣты,
Благословлять проклятое, людей
Ницъ повергать предъ застарѣлой язвой,
Разбойниковъ почему-то окружать,
Отличьями, колѣнопреклоненьемъ,
Сажая ихъ высоко, на скамьи
Сенаторовъ. Вдовѣ давно отжившей
Дастъ жениховъ...

(Пер. П. Вейнберга).

Возьмите книгу Менгера „Das Recht auf vollen Arbeitsertrag“ или книгу Georg Adler'a и вы тамъ найдете перечисленные десятковъ подобныхъ предшественниковъ историческаго матеріализма. И не только критики, но даже и иные изъ сторонниковъ этой теоріи зачислили въ ея предшественники людей, случайно обмолвившихся о всесильной власти денегъ, о силѣ матеріальныхъ расчетовъ. Людвигъ Вольтманъ, смѣшивающій синтезъ различныхъ теорій съ простымъ сбросированіемъ изложенія этихъ теорій въ одну книгу, заявляетъ напр., что „чистиннымъ предшественникомъ матеріалистической философіи исторіи въ широкомъ смыслѣ этого слова былъ Джіовани Баттиста Вико“ 2), авторъ книги „Principii di una scienza nuova“ (1725). Въ числѣ предшественниковъ историческаго матеріализма фигурируютъ Ле Шевалье, Аристотель, Гаррингтонъ, Мандевилль, арабскій историкъ Ибнъ-Халдунъ, Руссо, Сэнъ-Симонъ, Прудонъ, Лоренцъ Штейнъ и т. д., и т. д.

Мы совершенно не станемъ останавливаться на тѣхъ мнѣньихъ предшественникахъ историческаго матеріализма, о кото-

1) Ср. Л. Гумпловичъ. Очеркъ исторіи социологіи. Спб. 1899 стр. 23—29.

2) Ср. L. Wollmann. Der historische Materialismus. Dusseldorf 1906 стр. 11.

рыхъ мы выше говорили. Передъ нами стоитъ двоякаго рода задача—дать характеристику тѣхъ первыхъ провозвѣстниковъ этой теоріи, у которыхъ она была не случайно вырвавшейся фразой, а болѣе или менѣе систематическимъ построениемъ, и во вторыхъ уяснить тѣ вліянія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ эта теорія получила систематическое обоснованіе въ произведеніяхъ ея классиковъ—Маркса и Энгельса.

Внимательное знакомство съ французской и нѣмецкой литературой, предшествовавшей появленію главныхъ сочиненій Маркса, ясно показываетъ, что теорія историческаго матеріализма, не получивъ законнаго и логически стройнаго вида, проповѣдывалась цѣлымъ рядомъ историковъ и публицистовъ ¹⁾, а съ другой стороны внимательное знакомство съ первыми литературными произведеніями Маркса показываетъ, что въ началѣ своей литературной дѣятельности Марксу оставалась чуждой эта теорія. Марксъ, конечно, родился Марксомъ, но марксистомъ онъ не родился, а сдѣлался. И теорію историческаго матеріализма онъ началъ исповѣдовать, а затѣмъ и проповѣдовать лишь съ 1845 г.

Нарушая хронологическую послѣдовательность, мы, прежде чѣмъ коснемся истинныхъ предшественниковъ матеріалистическаго пониманія исторіи, должны будемъ дать общій очеркъ тѣхъ многообразныхъ вліяній нѣмецкихъ философовъ и публицистовъ, отъ которыхъ Марксъ получалъ толчокъ въ сторону развитія экономическаго матеріализма. Не затрагивая совершенно этихъ вліяній во всей ихъ полнотѣ, мы въ общихъ чертахъ остановимся только на той ихъ сторонѣ, которая имѣетъ непосредственный интересъ для установленія генезиса исторической теоріи Маркса.

Знакомясь съ литературными теченіями въ Германіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ истекшаго вѣка, мы увидимъ, что эти теченія, точно лучи изъ свѣтящейся точки, расходились въ разныя стороны, исходя изъ системы Гегеля. Всѣ они прежде и раньше всего старались установить свое положительное или отрицательное отношеніе къ Гегелю и только уже послѣ этого брались за построеніе собственной теоріи.

На первый взглядъ кажется чрезвычайно страннымъ, кажется какимъ-то психологическимъ капризомъ, что на философской основѣ гегелевскаго идеализма могло развиться матеріалистическое пониманіе исторіи. Что можетъ быть общаго между безплотнымъ и безкровнымъ идеализмомъ Гегеля, съ его надземною и ствлеченною мудростью и старою, реалистической исторической теоріей Маркса, съ ея боевымъ и живымъ общественнымъ со-

¹⁾ Въ виду ограниченнаго размѣровъ этой статьи и въ виду того, что мы предполагаемъ помѣстить на страницахъ „Образованія“ рядъ спеціальныхъ очерковъ о генезисѣ марксизма, мы можемъ лишь бѣгло коснуться крупнѣйшихъ французскихъ и нѣмецкихъ философовъ и публицистовъ, предвосхитившихъ основную идею исторической философіи Маркса.

держаніемъ? Но простая историческая справка показываетъ намъ, что въ философіи Гегеля имѣлись какіе-то такіе элементы, которые заставляли дѣлать изъ его ученія живые общественно-теоретическіе и общественно-практическіе выводы. Прежде чѣмъ знакомиться съ этими элементами, мы наведемъ только что указанную историческую справку.

Обращаясь прежде всего къ Германіи, мы видимъ, что здѣсь изъ послѣдователей Гегеля обособилось цѣлое крыло такъ называемыхъ лѣвыхъ гегельянцевъ, которые сумѣли вложить въ философію Гегеля прогрессивнѣйшее общественное содержаніе. Изложеніе идей лѣваго крыла гегельянства совершенно не входитъ въ задачу этого очерка, мы хотѣли лишь указать на историческій фактъ выведения изъ философіи Гегеля прогрессивной общественной программы ¹⁾. Для поясненія этого факта мы позволимъ себѣ привести лишь два родныхъ намъ примѣра:—превосходныя слова автора „Былое и Думи“ и автора „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“. Читатель не поспѣетъ на насъ за длинную цитату изъ Герцена—она такъ блестяще и рельефно отбѣиваетъ только что указанное двойственное вліяніе философіи Гегеля.

„Гегель во время своего профессорства въ Берлинѣ долею отъ старости, а вдвое отъ довольства мѣстомъ и почетомъ, намѣренно взвинтилъ свою философію надъ земнымъ уровнемъ и держался въ средѣ, гдѣ всѣ современные интересы и страсти становятся довольно безразличными, какъ зданія и села съ воздушнаго шара; онъ не любилъ зацѣпляться за эти проклятыя практическіе вопросы, съ которыми трудно ладить и на которые надобно было отвѣчать положительно. Насколько этотъ насильственный и неоткровенный дуализмъ былъ вопіюще въ наукѣ, которая отправляется отъ снятія дуализма, легко понятно. Настоящій Гегель былъ тотъ скромный профессоръ въ Іенѣ, другъ Гельдерлина, который спасъ подъ полой свою феноменологію, когда Наполеонъ входилъ въ городъ; тогда его философія не вела ни къ индѣйскому квіетизму, ни къ оправданію существующихъ гражданскихъ формъ. Гегель держался въ кругу отвлеченій, для того, чтобы не быть въ необходимости касаться эмпирическихъ выводовъ и практическихъ приложеній, для нихъ онъ изобрѣлъ очень ловко тихое и безбурное море эстетики; рѣдко выходилъ онъ на воздухъ и то на минуту, запыхавшись какъ больной, но и тогда оставлялъ въ діалектической запутанности именно тѣ вопросы, которые всего болѣе занимали современнаго человѣка. Чрезвычайно слабыя умы, окружавшіе его, принимали букву за самое дѣло, имъ нравилась пустая игра діалектики. Въроятно старику иной разъ бывало тяжело и совѣстно смотрѣть на недалекую видность черезъ край удовлетво-

¹⁾ Ср. объ этомъ подробнѣе въ моей статьѣ „Къ вопросу о значеніи философіи Гегеля для основныхъ положеній марксизма“. „Жизнь“ 1900, Августъ.

ренныхъ учениковъ своихъ. Діалектическая метода, если она не есть развитіе самой сущности, воспитаніе ея, такъ сказать, въ мысль, становится чисто внѣшнимъ средствомъ гнать сквозь строй категорій всякую всячину“.

„Когда я привыкъ къ языку Гегеля, пишетъ Герценъ въ заключеніе, и овладѣлъ его методой, я сталъ разглядывать, что Гегель гораздо ближе къ нашему воззрѣнію, чѣмъ къ воззрѣнію своихъ послѣдователей. Таковъ онъ въ первыхъ сочиненіяхъ, таковъ вездѣ, гдѣ его гений закусывалъ удила, неся впередъ, забывая „бранденбургскія ворота“. Философія Гегеля—алгебра прогресса, она необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра преданій, пережившихъ себя“.

Въ этихъ прекрасныхъ словахъ Герцена превосходно очерчено могущественное, а бы сказали, антимистическое вліяніе *діалектическаго* метода Гегеля, не оставляющаго „камня на камнѣ отъ міра преданій пережившихъ себя“.

Превосходно выразилъ эту идею одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ современниковъ Герцена—Н. Г. Чернышевскій въ своей знаменитой статьѣ „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“:

„Вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія, кто понялъ этотъ высшій, вѣчный повсемѣстный законъ, кто пріучился примѣнять его ко всякому явленію—о, какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе, онъ не жалеетъ ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говоритъ: пусть будетъ, что будетъ, а будетъ все-таки на нашей улицѣ праздникъ“.

Грандіозная панлогическая система философіи Гегеля оказала могущественное вліяніе на классиковъ теоріи историческаго матеріализма прежде и раньше всего своимъ діалектическимъ методомъ, методомъ, заставлявшимъ смотрѣть на дѣйствительность, какъ на безостановочный процессъ творчества новыхъ и отмиранія старыхъ идей и отношеній. Эта діалектическая точка зрѣнія съ формальной стороны устанавливала взглядъ на исторію какъ на строго законосообразный, бессознательно совершающійся процессъ развитія, въ которомъ всякое развивающееся явленіе таятъ въ себѣ залогъ смерти, начало самоотрицанія, перехода въ свою противоположность. Окружающая дѣйствительность представлялась съ этой точки зрѣнія процессомъ безпрестаннаго столкновенія, безпрестанной борьбы противоположныхъ теченій, бурлящихъ въ гранитныхъ берегахъ исторической необходимости. Дѣйствительность съ этой точки *разумна*, но, какъ мы видѣли, она въ то же самое время противорѣчива, въ ней безостановочно совершается двусторонній процессъ умиранія стараго, уходящаго въ безвозвратное прошлое, и рожденіе новаго,

которому принадлежит будущее. Но подъ дѣйствительностью, въ виду только что указаннаго противорѣчиваго ея характера, нельзя понимать просто все существующее, дѣйствительное выше просто существующаго, говорилъ самъ Гегель. Въ наполненномъ противорѣчивыми теченіями существующемъ разумною дѣйствительностью является лишь то, что еще не пережило себя, что еще находится въ процесѣ развитія, соотвѣтствуетъ общему направленію исторической эволюціи. Въ виду этого, діалектическая точка зрѣнія строго обязывала къ крайне внимательному отношенію къ дѣйствительности, тщательному ея изученію, ибо только это изученіе могло вскрыть „разумное“ въ этой дѣйствительности и на этомъ „разумномъ“ построить свою общественную дѣятельность.

Это превосходно отмѣтили Н. Чернышевскій. „Какъ необходимое предохранительное средство противъ поползновеній уклониться отъ истины въ угожденіе личнымъ желаніямъ и предразсудкамъ, былъ выставленъ Гегелемъ знаменитый „діалектическій методъ мышленія“. Сущность его состоитъ въ томъ, что мыслитель не долженъ успокаиваться ни на какомъ положительномъ выводѣ, а долженъ искать, нѣтъ ли въ предметѣ, о которомъ онъ мыслить, качествъ и силъ, противоположныхъ тому, что представляется этимъ предметомъ на первый взглядъ; такимъ образомъ, мыслитель былъ принужденъ обзрѣвать предметъ со всѣхъ сторонъ, и истина являлась ему не иначе, какъ слѣдствіемъ борьбы всевозможныхъ противоположныхъ мѣній. Этимъ способомъ, вмѣсто прежнихъ одностороннихъ понятій о предметѣ, мало-по-малу являлось полное, всестороннее изслѣдованіе, и составлялось живое понятіе о всѣхъ дѣйствительныхъ качествахъ. Объяснить дѣйствительное стало существенно обязанностью философскаго мышленія. Отсюда явилось чрезвычайное вниманіе къ дѣйствительности“¹⁾.

Эта-то сторона гегелевской діалектики и была усвоена Марксомъ, сдѣлавшись составною частью матеріалистическаго пониманія исторіи; что же касается, такъ сказать, догмы этой діалектики, то она была отброшена. Съ догматической стороны діалектика Гегеля весьма существенно отличается отъ діалектики Маркса. На это ясно и опредѣленно указалъ Марксъ въ предисловіи ко второму изданію перваго тома „Капитала“.

„Мой діалектическій методъ—писалъ онъ тамъ—въ основѣ не только отличается отъ метода Гегели, но и представляетъ его прямую противоположность. Для Гегели мыслительный процесъ, въдобавокъ превращаемый имъ подъ именемъ идеи въ особый субъектъ, является деміургомъ дѣйствительности, образующей лишь внѣшнее проявленіе его. У меня, наоборотъ, идеальное есть ничто иное, какъ принесенное въ человѣческую голову

¹⁾ Ср. „Очерки гегелевскаго періода русской литературы“ Спб. 1892 г. 258 стр.

и превращенное въ ней матеріальное. Мистифицирующую сторону гегелевской діалектики я подвергъ критикѣ почти 30 лѣтъ тому назадъ въ эпоху, когда она была еще общей модой. Но какъ разъ въ то время, когда я обрабатывалъ первый томъ „Капитала“, брызжащіе, наглые и дюжинные эпигоны, въ настоящее время руководящіе мнѣніемъ образованнаго общества въ Германіи, задумали третировать Гегеля въ такомъ родѣ, какъ бравый Моисей Мендельсонъ третировалъ, въ эпоху Лессинга, Спинозу, а именно какъ „мертвого пса“. Поэтому я открыто призналъ себя ученикомъ этого великаго мыслителя и даже мѣстами, въ главѣ о теоріи цѣнности, *кокетничалъ свойственнымъ ему способомъ выраженія*. Мистификація, испытанная діалектикой въ рукахъ Гегеля, нисколько не препятствуетъ признать, что Гегель впервые изобразилъ ея общія формы движенія съ широкой точки зрѣнія и сознательнымъ образомъ. У Гегеля діалектика стоитъ вверхъ ногами. Надо перевернуть ее, чтобы найти рациональное ядро подъ мистической оболочкой.

Діалектика, бывшая у Гегеля, по его собственному выраженію, „методомъ развитія понятія отъ самого себя“, „движущимъ принципомъ понятія, не только разлагающимъ, но и воспроизводящимъ отдѣльности“, послѣ того, какъ Марксъ совелкъ съ нея „мистическую оболочку“, весьма утратила свой метафизической характеръ и очень близко подошла къ теоріи эволюціи. Діалектику, легшую въ основу матеріалистическаго пониманія исторіи, отдѣляла отъ эволюціи лишь крѣпко съ нею сросшаяся „логика противорѣчій“, заставляющая признать ту возможность внезапнаго перерыва постепеннаго хода развитія и рѣзкаго превращенія явленія въ свою противоположность, которую исключаетъ строго эволюціонная теорія.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ заключенію, что Гегель повліялъ на историческій матеріализмъ формальною стороною своего діалектическаго метода, тою его стороною, которая устанавливала эволюціонную точку зрѣнія на человѣческую исторію, осложнивъ эту точку зрѣнія теоріей наростанія противорѣчій, разрѣшаемыхъ катастрофой.

„Новѣйшая нѣмецкая філософія нашла свое завершеніе,—пишетъ Энгельсъ,—въ гегелевской системѣ, величайшая заслуга которой состоитъ въ томъ, что она въ первый разъ представила весь естественный, историческій и духовный міръ въ видѣ процесса, т. е. изслѣдовала его въ безпрерывномъ движеніи, измѣненіи и развитіи и пыталась обнаружить взаимную внутреннюю связь этого движенія и развитія. Людямъ, держащимся этой точки зрѣнія, исторія человѣчества перестала казаться нелѣпой путаницей бессмысленныхъ насилій, которыя равно всё осуждаются передъ судейскимъ кресломъ теперь лишь соврѣннаго філософскаго разума и которыя лучше всего забыть какъ можно скорѣе. Исторія людей явилась процессомъ развитія самого человѣчества, и задача научной мысли свелась къ тому, чтобы прослѣ-

днѣ послѣдовательныя ступени этого процесса среди всѣхъ его будто бы ложныхъ путей, и доказать внутреннюю его законосообразность среди всѣхъ кажущихся случайностей“.

Диалектическій методъ, представляющій въ произведеніяхъ Маркса и Энгельса своеобразную комбинацію метафизической диалектики Гегеля съ положительною теоріею эволюціи, хотя и составляетъ и исторически, и логически характерную черту экономическаго матеріализма, не, конечно, его не исчерпываетъ.

Диалектическій методъ самъ по себѣ совмѣстимъ, какъ это показываетъ хотя бы примѣръ самого Гегеля, и съ диалектическимъ пониманіемъ исторіи. Экономическій матеріализмъ характеризуется диалектическимъ методомъ съ формальной стороны, и мы должны, показавъ въ общихъ чертахъ, въ какомъ видѣ перешелъ этотъ методъ отъ Гегеля къ Марксу, мы должны будемъ теперь остановиться на выясненіи генезиса, такъ сказать, догмы историческаго матеріализма, должны будемъ установить родословную самого содержанія историческаго ученія Маркса. Для этого намъ надо будетъ въ самыхъ общихъ чертахъ обрисовать тѣ теченія нѣмецкой жизни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ покойнаго вѣка, которыя дали толчокъ, послужили элементами, изъ которыхъ сложилась доктрина соціального матеріализма ¹⁾.

Германія тридцатыхъ и первой половины сороковыхъ годовъ, т. е. той эпохи, когда сложилось мировоззрѣніе Маркса, по своему соціально-экономическому и политическому положенію, представляла очень безотрадную картину. Разбитая на самостоятельныя крошечныя государства, такія крошечныя, что, по выраженію Гейне, иныя изъ нихъ можно было дѣликомъ унести на сапогахъ въ дождливую погоду, Германія представляла собою страну одинаково отсталую и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніи.

Каждое государство Германіи представляло собою замкнутое хозяйственное цѣлое, охраняемое высокими стѣнами таможенныхъ пошлинъ. Таможенные перегородки, разбиравшія Германію на десятки самодовлѣющихъ хозяйственныхъ единицъ, съ ничтожнымъ рынкомъ сбыта, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе превращались въ тормазъ широкаго экономическаго развитія. Въ нѣмецкой промышленности тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка господствовало еще ремесло и домашняя промышленность. Но давно и безвозвратно прошло уже и тогда то время, когда ремесло было, по нѣмецкой поговоркѣ, „золотымъ дномъ“. Цеховыя формы хозяйства распознались подъ напоромъ новой жизни и уже не обеспечивали ремесленнику сытую старость и не могли уже регулировать производство.

¹⁾ Въ виду уже указанныхъ обстоятельствъ, намъ придется кратко затронуть этотъ вопросъ и остановится лишь на тѣхъ теченіяхъ, которыя имѣютъ самое непосредственное отношеніе къ исторической теоріи Маркса.

„Экономическое развитие Германіи, говоритъ Зомбартъ, дошло до мертвой точки: старыя организаціонныя формы отказывались служить, а новая организація производства еще не окрѣпла. Этимъ объясняются тѣ жалобы на „нужду“ и „бѣдность“, которыя мы слышимъ тогда со всѣхъ сторонъ Германіи. Перенаселеніе, излишекъ рабочихъ въ деревняхъ, безработица въ городахъ, вѣчное исканіе работы въ городѣ и деревнѣ—вотъ характерныя черты того времени“¹⁾. Какъ справедливо замѣчаетъ Зомбартъ, Германія находилась тогда на стадіи земледѣльческой страны, наканунѣ ея перехода къ самостоятельному промышленному развитію.

Мучительный процессъ прорыванія новыхъ хозяйственныхъ формъ всей своею тяжестью ложился на массу мелкихъ крестьянъ и ремесленниковъ, которые, будучи выброшены изъ старой хорошо наѣженной коленіи хозяйственного развитія, или оставались совсѣмъ безъ труда и заработка, или же попадали въ безжалостную кабалу „первоначальнаго накопленія“. Съ глубокою ненавистью относились они къ машинамъ, вытѣснявшимъ ихъ изъ одной отрасли труда за другою и время отъ времени глухо волновались, съ бѣшенствомъ ломая и уничтожая ненавистныя машины.

Особенно печально было положеніе ткачей, среди которыхъ, по указанію Шмоллера, многія тысячи умирали отъ голоднаго тифа²⁾.

П. Кампфмейеръ приводитъ слѣдующія описанія современниковъ ужасающей нищеты нѣмецкихъ ткачей сороковыхъ годовъ: „Положеніе арестанта въ исправительномъ заведеніи или въ штрафныхъ ротахъ представляется гораздо болѣе завиднымъ, по отсутствію работъ, по царствующему тамъ порядку и даже гуманности, чѣмъ жизнь ткача. Съ неотразимой силой нужда врывается во всѣ семьи, а между тѣмъ нельзя отрицать, что отцы семейства убиваютъ не только свои силы, но и силы своихъ дѣтей на то, чтобы поддержать хозяйство, чтобы отстранить отъ него голодь и нужду, чтобъ избѣжать постепеннаго обнищанія“³⁾. Положеніе другихъ рабочихъ было немногимъ лучше. Въ сороковыхъ годахъ Йеллинггаузъ опубликовалъ факты, рисующіе ужасающее матеріальное положеніе нѣмецкихъ рабочихъ сороковыхъ годовъ. Онъ показалъ, что они получали по истинѣ нищенское вознагражденіе, но и это нищенское вознагражденіе не уплачивалось имъ наличными деньгами. „Рабочіе часто въ продолженіе многихъ лѣтъ не получали ни одного феннига заработной платы

¹⁾ Ср. В. Зомбартъ. Очерки промышленнаго развитія Германіи. Спб. 1900 г. стр. 14.

²⁾ Ср. Schmoller. Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe in XIX. Jahr. v. 450.

³⁾ П. Кампфмейеръ. Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. Спб. 1898, стр. 129.

наличными деньгами, забирая вмѣсто того товары, которые предлагались имъ за совершенно невозможныя цѣны¹⁾).

Не лучше было и положеніе крестьянства. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, нѣмецкое крестьянство еще далеко не ликвидировало послѣднихъ остатковъ общиннаго строя, который при тогдашнихъ условіяхъ тяжело давилъ на маломощные слои деревенскаго населенія. По даннымъ Мейтцена, еще въ 1848 году не была еще выкуплена цѣлая треть всѣхъ конныхъ и пѣшихъ повинностей. Но эти остатки общиннаго строя уже нисколько не охраняли крестьянина отъ быстро растущаго обнищанія и нимало не помогали ему справиться съ быстро нараставшими требованиями налоговой тяготы. Голодные и оборванные крестьяне мѣстами глухо волновались, а осенью 1830 г. верхне-гессенскіе крестьяне возстали, сожгли и разграбили помѣстья и амбары и были усмирены лишь саблями драгуновъ.

Не веселѣе было и политическое положеніе страны. Вся общественная жизнь находилась подъ угнетающимъ вліяніемъ деспотизма, существовавшего къ тому же въ десяткахъ экземпляровъ, сообразно съ раздробленіемъ Германіи на десятки отдѣльныхъ государствъ. Изъ всѣхъ общественныхъ классовъ лишь одно дворянство играло сколько-нибудь крупную историческую роль, съ надменнымъ презрѣніемъ относясь къ бюргерамъ и отстраняя ихъ не только отъ всякаго участія въ работѣ государственной машины, но и отъ всѣхъ отвѣтственныхъ и важныхъ общественныхъ должностей. Нѣмецкіе бюргеры тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка представляли собою нѣчто до чрезвычайно робкое и забитое, не дерзавшее заявлять свое право на участіе въ работѣ государственной машины и не научившееся смѣлой политически - членораздѣльной рѣчи. Представительныя учрежденія, существовавшія въ тогдашней Германіи, были до крайности ограниченны въ размахѣ и районѣ своей дѣятельности и отстранены отъ участія въ разрѣшеніи самыхъ насущныхъ и неустрашимыхъ запросовъ жизни.

Періодическая печать была забита и запугана. Особенно тяжелымъ стало положеніе нѣмецкой печати послѣ бурныхъ революціонныхъ событій тридцатыхъ годовъ во Франціи. Всѣ жалкія льготы, аптекарскими дозами отпущенныя нѣмецкой печати въ теченіе десятилѣтій, были снова отобраны, и она очутилась въ совершенно безправномъ положеніи. Нѣмецкая цензура неистовствовала, вытравляя изъ газеты самыя робкія, хотя бы чисто репортерскіе отзвуки происходившей во Франціи революціонной борьбы.

„Молодая Германія“ просто задыхалась въ цензурныхъ тискахъ. Гейне, котораго никто не заподозритъ въ революціонномъ настроеніи, Гейне, который употреблялъ всѣ старанія, чтобы не нажать „исторій“, даже и онъ съ раздраженіемъ писалъ въ это

¹⁾ Ibid., стр. 128.

тяжелое время своему надателю: „Вы хотите знать мое определенное мнѣніе? Извольте: я проповѣдую открытую войну противъ Пруссіи на животь и смерть. Добромъ тутъ ничего не добиться. Я, какъ вамъ извѣстно, доводилъ свою умѣренность до весьма сомнительныхъ размѣровъ, и вы поэтому не можете объяснить мое мнѣніе бурной раздражительностью. Я ненавижу обычныхъ демагоговъ, и ихъ образъ дѣйствія моя отталкиваетъ, но я теперь готовъ протянуть руку самымъ необузданнымъ бунтовщикамъ и дѣйствовать съ ними заодно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ объ отомщеніи пруссакамъ за ихъ постыдныя козни и коварства“¹⁾).

А между тѣмъ въ это же самое время нѣмецкая интеллигенція переживала свой періодъ „бури и натиска“. Нѣмецкая учащаяся молодежь была вся охвачена и увлечена идеей общественнаго служенія, вся проникнута глубокимъ убѣжденіемъ въ предстоющей ей громадной исторической миссіи. Къ Германіи тридцатыхъ годовъ XIX в. можно было вполнѣ примѣнить слова, сказанныя Гейне о Германіи конца XVIII в.:—„Вся Германія спала свинцовымъ сномъ, и только въ ея литературномъ мірѣ замѣчалось самое усиленное кипѣніе“. Учащаяся молодежь носилась съ планами общественнаго обновленія, съ презрѣніемъ и негодованіемъ относилась къ „филистерамъ“, по тѣперешней терминологіи—„буржуа“. Нѣмецкая изящная литература и философія достигла замѣчательнаго развитія, выдвинувъ цѣлый рядъ гениальнѣйшихъ дѣятелей.

И въ то самое время, какъ во Франціи тридцатыхъ годовъ шла ожесточенная социальная борьба, когда тамъ сама жизнь съ ея значительно болѣе опредѣлившимися и обострившимися социальными противорѣчіями, съ ея выраженной классовою борьбою вызвала замѣчательный расцвѣтъ утопической литературы, въ это самое время въ Германіи классовая борьба существовала еще въ самомъ зачаточномъ видѣ, нѣмецкая буржуазія, въ противоположность французской, еще не выступала съ радикальными политическими притязаніями, нѣмецкій рабочій классъ еще совершенно не выступалъ на политическую арену, и лишь нѣмецкая интеллигенція охвачена была социальнымъ броженіемъ, съ жаднымъ вниманіемъ слѣдя за развитіемъ социальнаго движенія и социальной литературы во Франціи.

И подъ вліяніемъ такъ сложившихся историческихъ обстоятельствъ, въ анализъ которыхъ здѣсь не мѣсто входить, нѣмецкая интеллигенція прониклась глубокимъ убѣжденіемъ, что Германіи предстоитъ совершенно особый путь развитія, по жеторому ее поведетъ не классовая борьба, какъ во Франціи и Англіи, а она, нѣмецкая интеллигенція. Нѣмецкая интеллигенція тридцатыхъ годовъ была убѣждена, что на ея долю выпала

¹⁾ Ср. Lud. Geiger. Das junge Deutschland und die preussische Censur. Berlin. 1900. Ср. также нашу статью „Юридическое положеніе печати въ Германіи“, „Рус. Мысль“, 1903. № 1.

громадная и счастливая историческая миссія избавить нѣмецкій народъ отъ всѣхъ социальныхъ мытарствъ и бѣдствій и, лишь теоретически переживъ всѣ тѣ стадіи социальнаго развитія, которыя были добыты во Франціи и Англіи кровью и желѣзомъ, практически миновать эти стадіи и сразу ввести нѣмецкій народъ въ обитавшую землю, избавивъ его отъ скитанія по промежуточнымъ ступенямъ социальнаго развитія.

Цѣлый рядъ нѣмецкихъ писателей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ на разные лады повторяетъ въ разныхъ вариацияхъ ту идею, что Германію мнѣетъ чаша ожесточенной социальной борьбы классовъ, что она лишь „теоретически“ переживетъ эту борьбу, а практически сразу перейдетъ къ „гуманному“ строю человеческой жизни.

„Если въ Германіи—пишетъ типичный представитель нѣмецкой интеллигенціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ Моэсъ Геасъ— не существуетъ кружнаго социально-политическаго движенія, то оно возмѣщается движеніемъ духовнымъ“. И если во Франціи только массовое движеніе можетъ добиться справедливости, то въ Германіи эту роль сыграетъ образованное меньшинство. „Во Франціи, идеалъ Гесса, гуманизмъ представленъ пролетариатомъ, а въ Германіи духовной аристократіей“¹⁾.

Во Франціи и въ Англіи для достиженія „гуманизма“ необходимо произвести переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ, тогда какъ въ Германіи для этого надо лишь вызвать переворотъ въ умахъ, учли вожаки нѣмецкой интеллигенціи. *Отсталость* социальнаго развитія Германіи нѣмецкіе „народники“ тридцатыхъ годовъ принимали за *особенность* нѣмецкой исторіи, особенность, рѣзко отлучающую Германію отъ западныхъ странъ (Англіи и Франціи) и заключающуюся въ томъ, что Германія должна миновать капиталистическую стадію развитія. Въ редактированномъ Гессомъ журналѣ „Gesellschaftsspiegel“ эта мысль развивалась очень настойчиво. Въ статьѣ нѣкоего Мейера „Буржуазная свобода“ доказывалось, что только „наивныя акономиды“ желаютъ, чтобы Германія копала но стопамъ социальнаго развитія Англіи. Пойти по алмамъ столамъ, говоритъ Мейеръ, это значитъ ввергнуть нѣмецкій народъ въ нищету и бѣдствія²⁾.

¹⁾ Ср. Neue Anekdota berg. von Karl Grün Darmstadt. 1845. стр. 225.

²⁾ Во всѣхъ этихъ теоріяхъ нѣмецкихъ гуманистовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ русский читатель не можетъ не удивить знакомыхъ родныхъ ногъ. Наши народники не уставали повторять, что Россія прѣзвана, наглядѣвшись на опытъ западной Европы, теоретически пережить, то, что „западные страны“ пережили практически и, миновавъ капиталистическое чистилище, сразу попасть въ рай „гуманистическаго“ общества. Какъ извѣстно еще Чернышевскій въ своей знаменитой статьѣ „О философскихъ предубѣжденіяхъ противъ общиннаго землевладѣнія“ съ увлеченіемъ развивалъ эту мысль, подхваченную затѣмъ всей народнической литературой. Нѣмецкіе „народники“ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и русскіе народники семидесятыхъ годовъ одинаково возводили отсталость своей родины въ ея особенность, одинаково превозносили

Въ согласіи съ этимъ, нѣмецкіе интеллигенты равнодушно или прямо отрицательно относились къ политической дѣятельности. Ни капитализмъ, ни либерализмъ, учили нѣмецкіе народники, не въ состояніи разрѣшить социальный вопросъ. „Политически-либеральныя стремленія, писалъ Гессъ, для меня болѣе чѣмъ безразличны“. ¹⁾ Въ оппозиціонную роль буржуазіи Гессъ совершенно не вѣрилъ. Нѣмецкая буржуазія, говоритъ онъ, слишкомъ много вкусила уже отъ древа познанія, для того, чтобы теперь съ энтузіазмомъ браться за освободительныя задачи. На мировомъ рынкѣ, писалъ Гессъ, нѣмецкая буржуазія совершенно бессильна, передъ лицомъ своихъ иностранныхъ конкурентовъ, слишкомъ ее опередившихъ. „Нѣмецкая буржуазія обречена вѣчно лавировать на тихомъ океанѣ нѣмецкой отсталости, переходя отъ страха къ упованію“.

Можно бы безъ особаго труда привести изъ нѣмецкой литературы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ сотни выписокъ, характеризующихъ это народничество нѣмецкой интеллигенціи, но въ виду спеціальной задачи этого очерка мы не станемъ больше останавливаться на этомъ крайне интересномъ вопросѣ, предполагая посвятить ему рядъ отдѣльныхъ очерковъ. Здѣсь же намъ остается только отмѣтить, что и Марксъ уплатилъ свою дань этому „народничеству“, этой типичной интеллигентской философіи. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ статья Маркса „Къ критикѣ гегелевской философіи права“, напечатанная въ *Deutsch-Französische Jahrbücher* въ 1844 году.

„Подобно тому, говоритъ Марксъ, какъ древніе народы переживали свое прошлое въ воображеніи, въ мифологіи, подобно этому мы, нѣмцы, пережили свое грядущее въ мысляхъ, въ философіи. Мы являемся философскими современниками новѣйшаго времени, не будучи въ то же время его историческими современниками. Нѣмецкая философія является идеальнымъ продолженіемъ нѣмецкой исторіи. И потому, когда вмѣсто того, чтобы критиковать *oeuvres incomplètes* нашей реальной исторіи, мы критикуемъ *oeuvres posthumes* нашей идеальной исторіи, философію, то критика наша принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, о которыхъ современность гласитъ: *that is the question*“ ²⁾. „Нѣмцы, говоритъ Марксъ страницей дальше, продумали политически то, что другіе народы продѣлали“.

Марксъ въ этой же статьѣ доказываетъ, что въ Германіи частичный общественный переворотъ „совершенно невозможенъ,

мощь интеллигенціи, одинаково вѣрили въ возможность путемъ теоретическаго размышленія устранять необходимость переживания тѣхъ или иныхъ стадій развитія.

¹⁾ Ср. „*Gesellschaftsspiegel*“. Hrg. von Hesse. Iserlohn. Bd. I, выпускъ I-ый стр. 2.

²⁾ Ср. *Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx*. Stuttgart. 190 Bd. I, s. 389.

возможенъ только политическій переворотъ 1). Черезъ четыре года нѣмецкая исторія блистательно опровергла эти слова.

Политическій, а не общій переворотъ, писалъ Марксъ, можетъ совершить какой-либо отдѣльный общественный классъ, но въ Германіи „ни одинъ классъ не обладаетъ достаточною послѣдовательностью, рѣзкостью, мужествомъ для того, чтобы сдѣлаться отрицательнымъ представителемъ общества, ему недостааетъ для этого той душевной широты, которая хотя-бы на минуту заставила его отождествить себя со всемъ народомъ... Взаимоотношенія различныхъ сферъ нѣмецкаго общества носятъ поэтому не драматическій, а эпическій характеръ“ 2).

Резюмируя смыслъ своей статьи, Марксъ пишетъ: „Единственнымъ практически возможнымъ освобожденіемъ Германіи является ея теоретическое освобожденіе, которое провозгласило бы самого человѣка глубочайшею сущностью человѣка. Въ Германіи эмансипація отъ средневѣковья возможна только какъ эмансипація отъ всякаго частичнаго устраненія средневѣковья. Въ Германіи нельзя сломить ни одного изъ видовъ рабства, не сломивъ всякое, все рабство“ 3).

И въ письмѣ Маркса къ Руге ясно звучатъ тѣ же интеллигентски-гуманистическія нотки. О классовой борьбѣ здѣсь не говорится ни слова, и вся надежда возлагается на то, что „Зоологическому міру филистеровъ сдѣлается невыносимымъ, непрерывнымъ существованіе страдающаго человѣчества, которое мыслить, и мыслящаго человѣчества, которое угнетаютъ“ 4).

Сдѣланныхъ нами указаній намъ пока достаточно для того, чтобы убѣдиться, что въ Германіи тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ передовые публицисты цѣлкомъ стояли на гуманистически-интеллигентской точкѣ зрѣнія и на сознательную дѣятельность интеллигенціи возлагали ту историческую миссію, которую во Франціи выполняла борьба общественныхъ классовъ. Намъ предстоитъ теперь посмотреть, какъ постепенно разсѣивались первоначальныя туманности интеллигентской идеологіи, и какъ изъ нихъ постепенно дифференцировалась классовая точка зрѣнія, точка зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому, намъ необходимо еще остановиться на Людвигѣ Фейербахѣ, оказавшемъ громадное вліяніе своимъ гуманизмомъ на нѣмецкую интеллигенцію тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и на классиковъ доктрины историческаго матеріализма. Въ свой талантливой книжкѣ: „Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie“, Фр. Энгельсъ говоритъ, что послѣ выхода знаменитаго со-

1) Ibid. 395 стр.

2) Ibid. 396 стр.

3) Ibid. стр. 398.

4) Ср. письмо Маркса къ Руге (отъ мая 1843 г.) въ „Aus dem literarischen Nachlass von Marx“ Stutt. 1902 стр. 370.

чиненія Фейербаха „Сущность христіанства“ энтузіазмъ былъ всеобщій, мы всѣ моментально сдѣлались послѣдователями Фейербаха“¹⁾.

Если Гегель оказалъ на Маркса прочное вліяніе лишь съ чисто формальной стороны, со стороны своего діалектическаго метода, то вліяніе Фейербаха распространялось уже и на содержаніе складывавшагося міросозерцанія Маркса, придавая ему—на первыхъ порахъ его развитія—ясно выраженный гуманистическій характеръ. Въ центрѣ всей философской системы Фейербаха стоить живой, чувствующій и дѣйствующій человекъ. „Богъ былъ моею первою мыслью, разумъ—второю, а человекъ—третьей и послѣдней“, писалъ Фейербахъ. „Моимъ первымъ стремленіемъ“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „было сдѣлать философію дѣломъ человечества. Но кто разъ вступилъ на этотъ путь, тотъ неизбѣжно приходитъ, наконецъ, къ тому, чтобы сдѣлать человека дѣломъ философіи и уничтожить самую философію, ибо дѣломъ человечества послѣдняя становится именно благодаря тому, что перестаетъ быть философіей“.

Эмпиризмъ правъ, говоритъ Фейербахъ, когда онъ доказываетъ, что всѣ наши идеи порождаются чувствами, но онъ только забываетъ при этомъ, что самый важный, самый существенный чувственный объектъ человека есть самъ человекъ, что лишь при взглядѣ человека на человека загорается свѣтъ сознанія и ума. Правъ поэтому идеализмъ, когда онъ ищетъ въ человекѣ начала идей, но онъ не правъ, желая ихъ вывести изъ изолированнаго какъ бы самаго по себѣ существующаго человека, фиксированнаго въ образѣ души, слова Я безъ чувственно даннаго Ты. Лишь путемъ общенія, лишь путемъ разговоровъ человека съ человекомъ возникаютъ идеи. Не въ одиночку, не самъ-другъ, мы приходимъ къ познанію и къ разуму вообще. Для того, чтобы возникъ человекъ, и въ духовномъ, и въ физическомъ отношеніи необходимо существованіе двухъ людей; общеніе человека съ человекомъ есть основной принципъ и критерій истинности и всеобщности. Отдѣльный человекъ, говоритъ далѣе Фейербахъ, самъ по себѣ взятый, не представляетъ сущности человека ни какъ моральнаго, ни какъ мыслящаго существа. Сущность человека заключается лишь въ общеніи, въ единеніи человека съ человекомъ.

Чисто теоретическимъ путемъ, путемъ одного размышленія, говоритъ Фейербахъ въ статьѣ „Принципы философіи будущаго“, нельзя установить что такое истина. „Истина есть лишь вся совокупность человеческой жизни и бытія“²⁾. „Намъ говорить, пишетъ Фейербахъ, что наука не разрѣшаетъ загадки жизни, но что же изъ этого слѣдуетъ? Что необходимо обратиться къ вѣрѣ? Но вѣдь это бы значило бросаться изъ огня да въ полымя.“

¹⁾ Ср. F. Engels L. Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. Stuttg. 1895 г. стр. 11.

²⁾ Ср. Feuerbach Sämtl. Werke т. II, стр. 344.

Нѣтъ, изъ этого слѣдуетъ лишь, что ты долженъ перейти къ жизни, къ практикѣ. Сомнѣніе, которое не разрѣшаетъ теоріи, разрѣшитъ тебѣ практика“¹⁾).

И Фейербахъ прямо ставитъ философіи задачу „дѣлать не книги, а людей“.

Горячая симпатія къ человѣку, къ его живымъ вопросамъ и интересамъ, вѣра въ свѣтлую, „гуманную“ будущность, ожидающую человѣка, проходитъ живительнымъ источникомъ черезъ всю философію Фейербаха, будя человѣка къ радости и побѣдоносной борьбѣ за свое человѣческое самоопредѣленіе. Гуманистическое теченіе, охватившее нѣмецкую интеллигенцію тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, нашло свое яркое философское выраженіе въ произведеніяхъ Фейербаха и яркое публицистическое выраженіе въ произведеніяхъ Мозеса Гесса, Карла Грюна, и др. Но это классическое выраженіе было вмѣстѣ съ тѣмъ и завершеніемъ гуманизма нѣмецкой внѣклассовой интеллигенціи.

По мѣрѣ дальнѣйшаго социальна-экономическаго развитія Германіи, по мѣрѣ того, какъ нѣмецкій капитализмъ дѣлалъ все болѣе увѣренныя шаги, а нѣмецкая буржуазія научалась выражать свои экономическія требованія въ политически членораздѣльной формѣ, по мѣрѣ всего этого и нѣмецкая интеллигенція начинаетъ утрачивать вѣру въ какое то особое историческое призваніе Германіи, которой, яко-бы въ противоположность Англии и Франціи, суждено сразу попасть въ обѣтованный рай „гуманистическаго“ строя, минуя стадію капиталистическаго чистилища. Съ начала сороковыхъ годовъ въ Германіи начинается усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, что даетъ сильный толчокъ развитію металлургической и горнозаводской промышленности. Во всѣхъ отрасляхъ производства замѣчается быстрый прогрессъ техники. Основаніе общегерманскаго таможеннаго союза (1834 г.) уничтожило барьеры, о которые равнивалось широкое развитіе промышленности, и дѣятельность Листа скоро показала, какіе быстрые успѣхи дѣлала нѣмецкая буржуазія на пути развитія своего классового сознанія. Соціальное броженіе въ самой Германіи и въ особенности во Франціи дѣйствовало въ ту же сторону классовой дифференціаціи первоначальныхъ туманностей гуманистической идеологіи.

Какъ мы сейчасъ увидимъ, даже типичнѣйшій представитель этой идеологіи, уже не разъ цитированный нами Мозесъ Гессъ, въ своихъ позднѣйшихъ статьяхъ начинаетъ критически относиться къ своей прежней вѣрѣ въ особую историческую миссію Германіи, начинаетъ признавать, что ей не миновать ни классовой борьбы, ни капитализма.

Въ статьяхъ Гесса, относящихся ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ, перою уже начинаютъ звучать, какъ на это спра-

¹⁾ Ibid. стр. 411.

ведливо указывает Д. Койгенъ, нотки материалистическаго пониманія исторіи. Въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Deutsche—Brusseler-Zeitung“ за 1847 г., Гессъ беретъ исходной точкой не туманные порывы гуманной интеллигенціи, а „осязательные интересы“ („greifbaren Interessen“) „трудящихся классовъ“. Теперь уже онъ возлагаетъ свои надежды не на дѣятельность нѣмецкой интеллигенціи, а на дѣйствіе экономическихъ факторовъ, такъ какъ только эти факторы даютъ намъ въ руки „объективную, матерьяльную власть“ для реализаціи нашихъ идеаловъ. Гессъ самъ смѣется надъ своими прежними мечтаніями о великой роли интеллигенціи и о „вѣчныхъ истинахъ“. Онъ смѣется теперь надъ утопическими построеніями, которыя, по утверженію ихъ авторовъ, могутъ быть примѣнены „во всякое время и въ любомъ мѣстѣ, а легче всего въ первобытное время, въ дѣвственныхъ лѣсахъ, если только идеалы эти не противорѣчатъ „вѣчнымъ истинамъ“ и здравому человѣческому смыслу“. Его теперешній идеалъ, говоритъ Гессъ, не есть „вѣчная истина“ а есть лишь необходимое слѣдствіе объективнаго хода экономическаго развитія. ¹⁾

Въ статьѣ „Die Verhandlungen des gesetzgebenden Staatskörpers der Republik Waadt über die Sociale Frage“ Гессъ показываетъ, что буржуазія, какъ бы народолюбива она не была, въ силу объективнаго хода развитія капиталистическихъ отношеній не въ силахъ разрѣшить соціальный вопросъ, и она не можетъ поэтому взять на себя ту историческую миссію, которую выполняетъ другой, ей антогонистичный классъ. Изъ своихъ прежнихъ интеллигентска-гуманистическихъ взглядовъ Гессъ сохранилъ лишь въ неприкосновенности свое прежнее непониманіе и отрицаніе политической дѣятельности.

Менѣе послѣдовательно и законченно, съ большими противорѣчіями и недомолвками, продѣлалъ ту же эволюцію отъ субъективно-интеллигентской точки зрѣнія къ объективно-классовой и другой крупный представитель нѣмецкой публицистики тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ—Карлъ Грюнъ.

Но какъ сама по себѣ не любопытна эта эволюція, какъ не объясняетъ она намъ очень многое въ механикѣ образованія интеллигентской идеологіи, но въ этой статьѣ мы не можемъ на ней останавливаться, такъ какъ и Гессъ и Грюнъ стали проповѣдывать зачаточныя формы материалистическаго пониманія исторіи въ ту эпоху, когда это пониманіе уже сложилось въ головахъ Маркса и Энгельса и сложилось подъ огнемъ борьбы съ Гессомъ, Грюномъ и т. д., въ періодъ, когда эти послѣдніе еще стояли на своей отвлеченной гуманистической точкѣ зрѣнія „человѣческой природы“ и „вѣчныхъ истинъ“, а поэтому ни Грюнъ, ни Гессъ

¹⁾ Ср. интересную книгу D. Koigen. Zur Vorgeschichte des modernen philosoph. Soc. in Deutschland. Bern. 1901 стр. 180.

никакъ не могутъ считаться предшественниками исторической доктрины Маркса.

Какъ мы увидимъ ниже, въ число этихъ предшественниковъ по справедливости должны быть зачислены многіе французскіе публицисты, историки и экономисты, но прежде чѣмъ перейти къ нимъ и покинуть Германію, мы должны будемъ нѣсколько остановиться на замѣчательномъ нѣмецкомъ ученомъ Лоренцѣ Штейнѣ, который въ Германіи первый при изслѣдованіи текущихъ явленій болѣе или менѣе послѣдовательно сталъ на точку зрѣнія историческаго материализма.

Черезъ все сочиненіе Лоренца Штейна о социальномъ движеніи во Франціи (сочиненіе появилось въ 1842) ясно проводится идея историческаго реализма, авторъ указываетъ реальный субстратъ идеологическихъ теченій, отмѣчаетъ историческую роль классовой борьбы. Л. Штейнъ прямо говоритъ, что политическая власть въ современномъ государствѣ находится въ зависимости отъ имущественнаго положенія данной социальной группы. Смѣну различныхъ французскихъ конституцій Штейнъ прямо сводитъ къ историческимъ переменамъ въ родѣ классовой борьбы.¹⁾ Штейнъ показываетъ далѣе, какъ на почвѣ расхожденія экономическихъ интересовъ, происходитъ обособленіе политическихъ партій, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и обостряется стремленіе къ экономическому равенству.²⁾ „Строгое, глубокое обособленіе борющихся классовъ, говоритъ Штейнъ, складывается лишь постепенно. Оно всегда идетъ рука объ руку съ разрастающимся значеніемъ матеріальной жизни, инныя обстоятельства отгѣсняютъ его на задній планъ, другія толкаютъ впередъ, но въ общемъ оно постоянно идетъ впередъ и превращается въ рѣшительное, матеріально созрѣвшее и внутренне сознанное противорѣчіе.“³⁾ Штейнъ показываетъ, какъ въ ходѣ историческаго развитія постоянно измѣнялись историческія позиціи, занимаемыя различными классами, и какъ новые классы постепенно занимали позиціи, пройденныя старыми. И французскія социальныя теоріи Штейнъ рассматриваетъ какъ выраженія классовой борьбы.

„Нельзя довольствоваться, говоритъ Штейнъ, простыми пожеланіями и надеждами, необходимо считаться съ существующимъ положеніемъ вещей (mit dem Gegebenen) и съ законами, въ его основѣ лежащими и его измѣняющими, необходимо для того, чтобы, выставяя наши идеалы, мы бы не только выражали пожеланія, чтобы они осуществились, но и могли доказать, что они *должны* наступить“ (курсивъ мой)⁴⁾.

Подобнаго рода выраженіями очень богата книга Штейна, и знакомство съ этою книгою должно убѣдить всякаго, что теорія

¹⁾ Ibid. стр. 141.

²⁾ Lorenz von Stein. Der Soc. und Kom. in heutigen Frankreich. Leipzig. 1842 стр. 53, 54, 55.

³⁾ Ibid. стр. 29, 86.

⁴⁾ Ibid. стр. 74.

историческаго матеріализма, хотя еще и не будучи вполне послѣдовательно проведена и сформулирована, все же получила уже свое выраженіе у Штейна. Это доказывается какъ общимъ характеромъ и отдѣльными выраженіями книги нѣмецкаго ученаго, такъ, не въ меньшей степени, и тѣмъ приемомъ, который оказали этой книгѣ публицисты нѣмецкой радикальной интеллигенціи, какъ мы уже видѣли, носившіеся съ великою историческою миссіей, предстоящей нѣмецкой внѣклассовой интеллигенціи. Ополчились противъ Штейна прежде всего уже знакомые намъ М. Гессъ и Карлъ Грюнъ, которыхъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, крайне шокировалъ грубый матеріализмъ нѣмецкаго ученаго. М. Гессъ прежде всего возмущается тѣмъ, что, по мнѣнію Штейна, новое социальное ученіе „порождается только пролетариатомъ, а у послѣдняго—потребностями желудка (Noth des Magens). Французы не подали никакого повода къ подобнаго рода ошибокъ. Правда, французскій социализмъ возникъ не изъ необходимости мышленія, не изъ-за голодной потребности (Noth des Kopfes), но и не изъ-за потребности желудка, онъ возникъ изъ потребности сердца, изъ сочувствія къ страданію человѣчества“. „Французы, говоритъ Штейнъ, правда, только благодаря страданію человѣчества, дошли до социалистическихъ принциповъ, но отнюдь не собственныя страданія заставили французскій пролетариатъ съ такимъ прекраснымъ воодушевленіемъ отдаться социалистическому принципу ¹⁾. Еще сердитѣе ополчился на Штейна Карлъ Грюнъ. „Для Штейна“, негодуетъ Грюнъ, „пролетариатъ образуетъ особый классъ общества. Вотъ какъ! Орудіе исторіи смѣшивается съ идеей исторіи.... Пролетариатъ, какъ выраженіе матеріальной нужды, ненормальнаго положенія низшихъ классовъ народа, какъ выраженіе несоотвѣтствія между потребностями и средствами для ихъ удовлетворенія, этотъ вопросъ голода (Hungerfrage) долженъ служить мотивомъ, истиннымъ историческимъ мотивомъ социализма! Нѣтъ, голодъ есть лишь орудіе, которымъ пользуется человѣческое развитіе.... И истинной идеей пролетариата, насущною необходимостью французской общественной реформы является созданіе человѣка, цѣльнаго, воистину самоопредѣляющагося человѣка (des Menschen, des ganzen und wahrhaft sich selbst bestimmenden Menschen). А г. Штейнъ думаетъ, что онъ видитъ дѣло лишь съ классомъ голодающей черни“ (hungernden Pöbels“) ²⁾.

И нѣмецкая радикальная интеллигенція считала, что ея вожаки, Гессъ и Грюнъ, окончательно ровбили и осрамили Штейна, обнаруживъ его грубый матеріализмъ. Одинъ изъ современниковъ писалъ Вейтлингу, что „докторъ Штейнъ“ совершенно уничтоженъ Гессомъ, критика котораго заставила Штейна безо-

¹⁾ Ср. „Neue Anecdota“. Hrg. von Karl Grün. Darmstad. 1845. стр. 220—225.

²⁾ Ср. Ibid. 263 стр.

мощно оправдываться, ссылаясь на то, что его не поняли ¹⁾).

Приведенныя выдержки изъ сочиненія Лоренца Штейна и та критика, которую встрѣтило это сочиненіе показываютъ, что въ лицѣ Штейна мы имѣемъ въ Германіи одного изъ первыхъ ученыхъ, ставшихъ при анализѣ общественныхъ теченій на точку зрѣнія классовой борьбы, возникающей на почвѣ обособленныхъ и враждебныхъ экономическихъ интересовъ различныхъ общественныхъ группъ. Было бы натяжкой утверждать, что Л. Штейнъ далъ сколько-нибудь законченную и продуманную теорію историческаго материализма, такой теоріи Л. Штейнъ не развилъ, но онъ предвосхитилъ и выразилъ нѣкоторыя ея основныя послышки.

Но эти послышки историческаго материализма и Лоренцъ Штейнъ, и упомянутые нами нѣмецкіе публицисты заимствовали, какъ это не подлежитъ никакому сомнѣнію, у французскихъ философовъ и публицистовъ первой половины девятнадцатаго вѣка. Лоренцъ Штейнъ въ своей, уже не разъ цитированной нами книгѣ указываетъ на своего французскаго предшественника—Сенъ-Симона. Сенъ-Симонъ, по словамъ Штейна, первый указалъ на значеніе классовыхъ противорѣчій ²⁾ и въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона мы дѣйствительно находимъ цѣлую схему и систему „индустриальнаго материализма“, хотя, какъ мы ниже увидимъ, этотъ „индустриальный материализмъ“ очень существенно отличается отъ историческаго материализма Маркса, и всѣ старанія, дѣлаемыя Бартомъ и другими для ихъ отождествленія, представляють собою явныя натяжки.

Одною изъ центральныхъ идей, настойчиво проводимыхъ Сенъ-Симономъ, была идея объ опредѣляющемъ значеніи „индустриіи“ въ ходѣ общественнаго развитія. „Мы придаемъ слишкомъ большое значеніе, писалъ Сенъ-Симонъ, формѣ правленія.... Законъ, опредѣляющій власть и формы правленія, не такъ важенъ, не имѣетъ такого вліянія на счастье націй, какъ господствующій характеръ собственности. Парламентарская форма правленія есть лишь форма, содержащемъ же является собственность (la propriété est le fond) ³⁾. „Богатство, пишетъ Сенъ-Симонъ въ другомъ мѣстѣ, есть истинная и единственная основа всякаго политическаго вліянія, всякаго политическаго значенія“ ⁴⁾. По Сенъ-Симону, справедливо замѣчаетъ г. И. Ивановъ „вопросъ о политическомъ строѣ общества ничто иное, какъ вопросъ о производительности—и все, что способствуетъ ей—является правиломъ позитивной морали. Съ этой точки зрѣнія Сенъ-Симонъ опредѣляетъ нравственныя, политическія и международныя от-

¹⁾ Ср. „Die Communisten in der Schweiz nach den bei Weitling vorgefundenen Papieren. Zurich. 1843. стр. 82.

²⁾ Stein L. I. с. 177 стр.

³⁾ Ср. 19-ый томъ собранія сочиненій Сенъ-Симона (Oeuvres de Saint-Simon. Paris. 1865—1878) стр. 81—83.

⁴⁾ Ibid т. 18-ый, стр. 203.

ношенія и очень подробно разъясняет назначеніе правительственной власти при индустріальномъ строѣ¹⁾. При этомъ Сень-Симонъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій стремится установить причинную связь между „индустріей“, „производительностью“ и чисто идеологическими явленіями.

Такъ, напр., онъ доказываетъ, что на почвѣ господства ремесла развиваются различныя формы „идолопоклонства“, что распространенію лютеранства содѣйствовалъ прогрессъ „искусствъ и ремеселъ“, вызванный развитіемъ мировой торговли и т. д.

При всемъ этомъ, Сень-Симонъ усердно подчеркивалъ законсообразность историческаго развитія. „Система социальной организаціи, говоритъ Сень-Симонъ, не выдумывается, она является результатомъ подмѣченного и обнаруженнаго новаго сплетенія идей и интересовъ“. „Одна система, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, можетъ постепенно исчезнуть только по мѣрѣ того, какъ соврѣтетъ и разовьется другая система, способная ее замѣнить“. Сень-Симонъ далѣе показываетъ, что, напр., политическая экономія не руководила развитіемъ народнаго хозяйства, а, наоборотъ, подмѣчала и научно выясняла *стихійный* ходъ развитія хозяйства.

И надо замѣтить, что уже контсты обвиняли Сень-Симона въ „индустріальномъ матеріализмѣ“.

Отсюда само собою понятно, что за воѣ выраженія Сень-Симона въ духѣ историческаго матеріализма, въ родѣ приведенныхъ нами выше, съ радостью схватились противники исторической теоріи Маркса съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ доказать этимъ полную неоригинальность историко-философскихъ взглядовъ Маркса. Такъ, напр., Бартъ прямо заявляетъ, указавъ на Сень-Симона, что „Марксъ не прибавилъ ни единой новой мысли къ тому, что онъ уже нашелъ, онъ только провелъ эти мысли въ систему съ помощью гегелевской спекулятивной энергіи“²⁾.

Но достаточно хотя сколько нибудь внимательно проанализировать тѣ основные термины, которыми оперируетъ Сень-Симонъ, чтобы убѣдиться, что „индустріальный матеріализмъ“ Сень-Симона весьма существенно отличается отъ историческаго матеріализма Карла Маркса.

Ив. Ивановъ, написавшій обширное и добросовѣстное изслѣдованіе о Сень-Симонѣ и сень-симонизмѣ, основанное не только на внимательномъ изслѣдованіи всѣхъ напечатанныхъ трудовъ Сень-Симона, но и на знакомствѣ съ его рукописями, приводитъ многочисленныя выдержки изъ трудовъ Сень-Симона, выдержки, позволяющія намъ вскрыть истинное реальное содержаніе, которое Сень-Симонъ вкладывалъ въ термины „индустрія“, „производительность“, „индустріалы“ и т. д.

¹⁾ Ср. Ив. Ивановъ. Сень-Симонъ и сень-симонизмъ. Москва. 1901. стр. 546.

²⁾ Ср. P. Barth. Die Philosophie der Geshichte als Sociologie. Leipsig 1897. стр. 309.

Если Сень-Симонъ постоянно говоритъ о классѣ „индустріаловъ“, какъ о самой вліятельной, всеопредѣляющей общественной группѣ, то не надо спѣшить заключать отсюда, что у Сень-Симона идетъ при этомъ рѣчь о буржуазіи или рабочихъ.

У Сень-Симона центральное понятіе „индустріалы“ означаетъ собственно совокупность двухъ классовъ—ученыхъ, индустріаловъ теоретическихъ и непосредственныхъ производителей, индустріаловъ прикладныхъ. Индустріаловъ, говоритъ Сень-Симонъ, можно отождествить съ націей, точнѣе говоря съ *націей работающей и нравственной*—*la nation travaillante et morale*. Эти индустріалы представляютъ собою „народъ“—*le peuple*. И лишь ничтожная кучка народа, по вычисленію Сень-Симона $\frac{1}{20}$ всего населенія, не принадлежитъ къ „индустріаламъ“ и имѣетъ противоположныя имъ интересы. Какой же признакъ объединяетъ въ одинъ цѣльный классъ „индустріаловъ“ самые разношерстные общественные элементы? Признакъ этотъ—производительность труда, индустріалы—это трудящійся и производительный классъ—*la classe labougeuse et productrice*, которому противостоитъ классъ не производителей, „трутней“. Интересы всѣхъ различныхъ общественныхъ элементовъ, вошедшихъ въ классъ индустріаловъ, совершенно совпадаютъ. Во главѣ индустріаловъ стоятъ и должны стоять „главы промышленныхъ предпріятій—естественные вожди народа, потому что они распоряжаются ежедневными работами“. Интересы предпринимателей и рабочихъ вполне совпадаютъ, и за удовлетвореніемъ всѣхъ своихъ нуждъ рабочіе должны обращаться къ предпринимателямъ. И въ своемъ обращеніи къ индустріаламъ Сень-Симонъ напиралъ на то, что политическіе интересы „главъ“ индустріи и работниковъ изъ низшихъ классовъ „совершенно аналогичны“, вполне соответствуя интересамъ „гражданскаго большинства націи“¹⁾.

Достаточно хотя сколько-нибудь критически отнестись къ этому реальному смыслу, вкладываемому Сень-Симономъ въ понятіе „индустріи“, „индустріаловъ“, чтобы убѣдиться, что индустріальный матеріализмъ Сень-Симона еще очень и очень далекъ отъ историческаго матеріализма Маркса Точками соприкосновенія этихъ обѣихъ теорій служитъ общее имъ признаніе зависимости политическихъ и идеологическихъ формъ отъ экономической основы и общее имъ пониманіе, что всѣ прогрессивныя политическія и общественныя движенія могутъ успѣшно опираться только на „производительные“ классы, и что „производительность“ лежитъ во главѣ угла успѣшной соціальной политики.

Но этимъ и ограничивается все сходство между исторической теоріей Сень-Симона и Маркса. Сень-Симону осталась совершенно чужда та детализація экономическаго фактора, которая составляетъ всю суть историческаго матеріализма—указаніе на опредѣляющее

¹⁾ Ср. Ив. Ивановъ. Сень-Симонъ и сень-симонизмъ. Москва. 1901 г. стр. 588—589.

значение не экономического фактора вообще, а условий производства въ частности. А затѣмъ, какъ мы уже видѣли, Сень-Симону оставалось чуждымъ пониманіе основного нерва историческаго матеріализма—теоріи классовой борьбы. Для Сень-Симона предприниматели и рабочіе, банкиры и приказчики, купцы и ремесленники—все это одинъ классъ. А проглядѣвъ классовое расчлененіе современнаго общества, совершенно не понявъ расхожденія классовыхъ интересовъ, Сень-Симонъ не могъ, конечно, разработать и теоріи историческаго матеріализма, не могъ уяснить себѣ ни истиннаго значенія классовой борьбы, ни основныхъ силъ, опредѣляющихъ ходъ экономическаго развитія народа.

Но зато со времени Сень-Симона, отчасти подъ его вліяніемъ, а отчасти независимо отъ него, цѣлый рядъ французскихъ историковъ и публицистовъ постепенно начинаетъ теоретически разрабатывать и практически примѣнять теорію историческаго матеріализма.

Ученикъ Сень-Симона, историкъ Тьерри съ увлеченіемъ доказывалъ необходимость изученія народныхъ, массовыхъ движеній и интересовъ для правильнаго пониманія хода историческаго развитія. Онъ горько жаловался на то, что французскіе историки, вмѣсто исторіи французскаго народа, занимались исключительно исторіей династій и полководцевъ. Но подъ изображеніемъ жизни „народа“ Тьерри понималъ изображеніе жизни третьяго сословія, идеологомъ котораго онъ постоянно и неизмѣнно оставался. Изучая же историческое прошлое и живое настоящее третьяго сословія въ Англии и во Франціи, Тьерри замѣтилъ обособленность интересовъ этого сословія отъ интересовъ феодаловъ, замѣтилъ, что борьба между третьимъ сословіемъ и феодалами вращается вокругъ оси экономическихъ интересовъ. Уже въ своей ранней работѣ объ англійской революціи Тьерри указываетъ, что революція эта была вызвана „борьбою классовъ и интересовъ“ и расколола англійскій народъ на два враждующихъ класса съ противоположными экономическими интересами—классъ феодаловъ, борющихся за свои старыя привилегіи, и классъ буржуазіи, борющейся за признаніе своихъ правъ. Тьерри не разъ подчеркиваетъ, что борьба эта велась исключительно за реальные интересы, все же остальное было лишь предлогомъ или внѣшнею оболочкою. Тьерри, даже указываетъ, что пресвитеріанство третьяго сословія и англиканство феодаловъ были лишь внѣшними прикрытіями реальныхъ интересовъ.

Французскіе историки реставраціи въ лицѣ Минье, Гизо и др. усиленно подчеркивали опредѣляющее значеніе экономическаго фактора, рѣшающую историческую роль классовой борьбы. Гизо прямо заявляетъ, что, „чтобы понять политическія учрежденія, надо изучить различные слои, существующіе въ обществѣ, и ихъ взаимныя отношенія. Чтобы понять эти различные общественные слои, надо знать природу поземельныхъ отношеній“. Изображая исторію англійской революціи, Гизо показываетъ, что революціи

эта была выразительницей борьбы буржуазіи противъ аристократіи. Религіозная и политическая борьба въ Англии XVII в. „прикрывала собою, по словамъ Гизо, борьбу различныхъ классовъ за власть и вліяніе“.

Также ясно и отчетливо указываетъ на историческую роль классовой борьбы и экономическихъ интересовъ и другой французскій историкъ времени реставраціи—Миье, изображавшій французскую революцію, какъ слѣдствіе классовой борьбы, обусловливающей, по его утверженію, формы политическаго и гражданскаго быта народа.

Но мы не станемъ останавливаться на французскихъ историкахъ времени реставраціи, такъ какъ соответствующія указанія уже были сдѣланы въ русской литературѣ.¹⁾

Намъ хотѣлось бы въ заключеніе этого бѣглаго перечня предшественниковъ исторической теоріи Маркса указать лишь на Жанъ-Жака Руссо и Прудона, о которыхъ совершенно не упомянулъ Вельтовъ.

Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Разсужденіе о происхожденіи и причинахъ неравенства между людьми“ („Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes“ (Geneve, mdccclxxxii) Руссо предвосхитилъ инны основныя идеи историческаго матеріализма. Глубоко скорбя объ утерянныхъ человѣкомъ цивилизованныхъ расъ беззлобности, простоты и безхитростной радости бытія первобытной эпохи, Руссо, для объясненія этого нравственнаго паденія человѣка, все время привлекаетъ факторы соціального порядка. Въ противоположность обычнымъ, въ особенности въ тогдашнее время, обличителямъ чловѣческихъ грѣховъ, Руссо объясняетъ возникновеніе этихъ грѣховъ не тѣмъ, что умъ человѣка „заблудился“, что человѣкъ пересталъ слушать голосъ своей „природы“,—Руссо для объясненія нравственной перемѣны человѣка набрасываетъ чрезвычайно интересную схему соціальной эволюціи, какъ первопрічины измѣненія нравственной „природы“ человѣка.

„Быть, нравы, все міровоззрѣніе цивилизованнаго человѣка такъ рѣзко и такъ невыгодно отличается отъ быта, нравовъ и міровоззрѣнія человѣка первобытнаго только благодаря тому, усердно доказываетъ Руссо, что въ жизни перваго господствуетъ частная собственность, а дикарь ея не знаетъ. Нравственное грѣхопаденіе современнаго человѣка началось, по словамъ Руссо съ того момента, какъ возникла частная собственность. Вторую часть своего знаменитаго трактата Руссо начинаетъ съ знаменитой фразы: „Первый, кто окружилъ заборомъ участокъ земли, и заявилъ—онъ принадлежитъ мнѣ, найдя при этомъ людей, настолько простоватыхъ (assez simples), что они ему повѣрили, этотъ человѣкъ былъ истиннымъ основателемъ цивилизованнаго общества“. Рисуя коренное отличіе между цивилизованнымъ че-

¹⁾ Ср. Н. Вельтовъ. Къ вопросу о развитіи монист. взгляда на исторію. СПб. 1893.

ловѣкомъ и дикаремъ, Руссо говоритъ далѣе: „Металлургія и земледѣліе послужили тѣми двумя искусствами, изобрѣтеніе которыхъ и вызвало эту великую революцію. Для поэта это золото и серебро, но для философа это желѣзо и хлѣбъ цивилизовали людей и погубили человѣчскій родъ... И, быть можетъ, самой существенной причиной того, что Европа раньше, или по крайней мѣрѣ, прочнѣе и совершеннѣе цивилизовалась, чѣмъ другія части свѣта, служить то, что она богаче желѣзомъ, и ея земля больше производитъ хлѣба.“¹⁾

Далѣе Руссо говоритъ, что именно эта социальная „медленная эволюція вещей“ („lente succesion des choses“) объясняетъ намъ безконечное множество тѣхъ проблемъ морали и политики, которыя не могли разрѣшить философы.“²⁾

Французскіе философы, современники Руссо обыкновенно для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ апеллировали къ послѣдней инстанціи—человѣческой „природѣ“. Въ полную противоположность имъ и предвосхищая одну изъ основныхъ идей Маркса, Руссо постоянно указывалъ, какъ мы видѣли, на измѣнчивость человѣческой природы подъ вліяніемъ социальной эволюціи. И на послѣднихъ страницахъ своего знаменитаго трактата Руссо снова останавливается на вопросѣ объ измѣняемости человѣческой природы. „Человѣчество одного вѣка, говорятъ онъ, существенно отличается отъ человѣчества другого вѣка, и этимъ объясняется, почему Діогенъ не нашелъ искомага человѣка. Это потому, что онъ искалъ среди своихъ современниковъ человѣка исчезнувшей эпохи.“³⁾ Новая потребность, появляющаяся у человѣка, новая искусства, развиваемыя имъ, отсюда не нарождаются его „природой“ (n'ont aucun vrai fondement dans la nature), говорятъ Руссо.⁴⁾

Было бы, конечно, очень большой натяжкой утверждать, что Руссо былъ „историческимъ матеріалистомъ“. Онъ былъ во многомъ и существенно еще очень и очень далекъ отъ этого, что, конечно, не требуетъ особенныхъ доказательствъ. Не подлежитъ только сомнѣнію, какъ это показываютъ приведенныя нами цитаты, что Руссо сумѣлъ гениально предвосхитить инны изъ основныхъ руководящихъ идей исторической философіи Маркса, въ виду чего, при установленіи генезиса этой философіи было бы несправедливо забыть о гениальномъ женеvскомъ философѣ.

Не справедливо было бы пройти и мимо Прудона, у котораго мы тоже найдемъ въ зародышевомъ видѣ нѣкоторыя идеи историческаго матеріализма, хотя опять таки Прудонъ въ общемъ оставался совершенно чуждъ историческому матеріализму.

¹⁾ Ср. J. J. Rousseau. Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les Hommes. Collection complète des oeuvres de J. J. Rousseau. Tome I. A Geneve mdccclxxx стр. 98.

²⁾ Ibid. стр. 126.

³⁾ Ibid. стр. 126.

⁴⁾ Ibid. стр. 127.

Въ чрезвычайно интересномъ сочиненіи Прудона „De la création de l'ordre dans l'humanité ou principes d'organisation politique“ (Besançon 1843) мы находимъ въ зародышѣ многія основныя идеи историко-философской теоріи Маркса. Исторія, доказываетъ здѣсь Прудонъ, можетъ быть объяснена только политической экономіей. Политическая экономія, говоритъ онъ, раскрываетъ намъ анатомію всякаго общества. („Анатомію буржуазнаго общества надо искать въ политической экономіи“ писалъ впоследствии Марксъ). Исторія политической экономіи, пишетъ здѣсь Прудонъ, больше содѣйствуетъ пониманію историческаго развитія, чѣмъ „пѣлая толпа философовъ“ („la foule des philosophes“). „Прогрессъ общества, говоритъ Прудонъ, пзмѣряется прогрессомъ промышленности и усовершенствованіемъ орудій“. Политическія же формы представляютъ лишь внѣшнія формы общественной жизни ¹⁾.

Такими выраженіями пестритъ названное произведеніе Прудона, и терминологія и смыслъ его замѣчаній очень часто напоминаютъ историческую теорію, развитую впоследствии Марксомъ и получившую неудачное имя историческаго материализма.

На Прудонѣ мы и закончимъ нашъ бѣглый перечень предшественниковъ исторической философіи Маркса.

Мы видимъ, что общественный составъ этихъ предшественниковъ былъ чрезвычайно пестръ, но, несмотря на эту чрезвычайную пестроту, нельзя не замѣтить того любопытнаго явленія, что теорія историческаго материализма въ ея зачаточномъ видѣ всегда исповѣдывалась общественнымъ слоемъ, выдвинутымъ на аванъ-сцену исторической жизни и борющимся за признаніе своихъ, еще не признанныхъ правъ. Авторъ интересной статьи „Ueber die Anfänge der Lehre vom Klassenkampf“ ²⁾ показалъ, что хотя одними изъ первыхъ послѣдовательныхъ провозвѣстниковъ историческаго материализма и явились буржуазные французскіе историки времени реставраціи, но что они исповѣдовали эту теорію лишь до тѣхъ поръ, пока буржуазія была еще борющимся за признаніе своихъ правъ классомъ. Послѣ же того, какъ буржуазія добилась этого признанія и почувствовала за своею спиною „железную поступь“ новаго общественнаго класса, послѣ этого историкъ реставраціи, одинъ за другимъ, начали отказываться отъ теоріи историческаго материализма, все болѣе переходя на этическую, морализирующую точку зрѣнія. Историческій материализмъ былъ поэтому не только теоретическимъ обобщеніемъ, но и орудіемъ общественной борьбы. И это необходимо имѣть въ виду для того, чтобы понять его историческія судьбы.

П. Берлинъ.

¹⁾ Цитировано въ книгѣ Koigen'a стр. 252—256.

²⁾ Ср. „Die Neue Zeit“ 1902 г. №№ 9 и 10.

Общественная благотворительность какъ факторъ воспитанія.

Что такое благотворительность? Слово говорить ясно: дѣланіе блага другому. Казалось бы, что дѣятельность, направленная ко благу ближнихъ, должна пользоваться общимъ сочувствіемъ, а между тѣмъ какъ часто приходится видѣть и слышать, что слова благотворитель, благотворительность произносятся со снисходительной усмѣшкой и презрительнымъ тономъ. Одними благотворительность одобряется и горячо пропагандируется, другими она лишь допускается и терпится, какъ жалкій компромиссъ, третьими безусловно осуждается, и не только въ отдѣльныхъ ея проявленіяхъ, но и въ самой идеѣ. Чѣмъ однако вызывается такое различное отношеніе къ одному и тому же предмету? Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ благотворительность терпитъ участь всѣхъ понятій, слишкомъ широкихъ и потому не вполне определенныхъ, понятій, охватывающихъ слишкомъ сложный и разнообразный кругъ дѣйствій и явленій, въ которомъ не всегда легко разобраться. Каждый актъ благотворительности включаетъ въ себя: психологію благотворителя, его мотивы и цѣли, характеръ жертвы, форму помощи, психологію благотворимаго, его отношеніе къ жертвователю и жертвѣ, полезность для него оказываемой помощи, наконецъ общественное значеніе данной формы благотворительности. При такой массѣ возможныхъ для оцѣнки благотворительности критеріевъ, субъективныхъ и объективныхъ, во избѣжаніе неправильности и односторонности сужденія, необходимо попытаться охватить явленіе въ цѣломъ, выяснитъ сущность благотворительности.

Человѣкъ связанъ тысячами нитей съ окружающей общественной средой, онъ работаетъ для общества, служить ему и въ свой чередъ пользуется его услугами. Но эти взаимныя услуги не носятъ характера благотворительности. Область благотворительности находится внѣ области объема услугъ, внѣ области правъ и обязательствъ, законовъ и обычаевъ даннаго общественнаго строя. Благотворительность есть дѣятельность свободной личной воли и чистаго альтруизма. Даю не потому что обязанъ дать, а по-

тому что хочу дать, даю не для того, чтобы получить обратно, а совершенно безкорыстно. Оговоримся, что изъ свободы и безкорыстія благотворительности нельзя дѣлать вывода о ея безпричинности. Общественная симпатія, альтруизмъ есть лишь высшее проявленіе слагавшагося исторически инстинкта общности, выраженіе ощущенія солидарности съ людьми, зависимости блага личнаго отъ блага общаго.

Почвой для благотворительности является социальное неравенство. Въ обществѣ есть сильные и слабые, богатые и бѣдные, развитые и невѣжественные, счастливые и несчастные. Прогрессъ челоуѣчества заключается въ устраненіи этого неравенства, и дѣло жизни каждой личности состоитъ въ борьбѣ за осуществленіе болѣе справедливаго общественнаго строя. Но въ борьбѣ за общественный идеаль, по пути къ нему мы не можемъ быть глухи къ насущнымъ нуждамъ, къ лишенимъ и страданіямъ окружающихъ. Чувство жалости къ униженному и обездоленному, стремленіе возмущенной совѣсти смягчить социальную несправедливость облегченіемъ мукъ ея жертвъ—вогь источникъ истинной благотворительности. Человѣкъ съ его матеріальными и духовными нуждами—ея объектъ. Орудіями помощи служатъ деньги, предметы и личный трудъ. Успѣхъ благотворительности, ея плодотворность обуславливается съ одной стороны силой альтруистическихъ чувствъ благотворителя, его готовностью на жертвы, съ другой—его уваженіемъ къ личности благотворимаго, чуткимъ, внимательнымъ отношеніемъ къ его психологіи, пониманіемъ его нуждъ и запросовъ. Благотворительность, направленная на нужды не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыхъ общественныхъ группъ, носить названіе общественной. Общественная благотворительность можетъ исходить въ свою очередь не отъ единицъ, а отъ группъ, союзовъ и кружковъ, и чѣмъ постановка ея шире, чѣмъ она планомѣрнѣй и организованиѣй, тѣмъ она совершеннѣй, тѣмъ болѣе приближается она по характеру къ общественной дѣятельности. Самоуправляющееся государство, рассматриваемое, какъ попечительство народа о своихъ нуждахъ, есть наивысшая идеальная форма общественной благотворительности и вмѣстѣ конечная ея точка.

Если мы теперь отъ теоретическихъ положеній и идеальныхъ построеній перейдемъ къ дѣйствительности, мы столкнемся съ массой самыхъ уродливыхъ извращеній идеи благотворительности. Передъ глазами нашими пройдетъ рядъ хорошо воѣмъ знакомыхъ, типичныхъ фигуръ „благодѣтелей“: кулака разоряющаго населеніе и одѣляющаго копейками нищихъ, купца, ради орденовъ или дворянства жертвующаго на бѣдныхъ, фабриканта, убивающаго рабочаго непосильной, нездоровой, скуднооплачиваемой работой и сооружающаго для него больницы и богадѣльни, барыни благотворительницы, устраивающей въ пользу бѣдныхъ балы и маскарады, отъ когорыхъ, за покрытіемъ тысячныхъ расходовъ, на долю бѣдняковъ переппадаютъ жалкіе гроши, дамы патронессы,

надѣляющую голытьбу носовыми платками и чепчиками съ розовыми ленточками—цѣлая галерея фальсификаторовъ и акробатовъ благотворительности, которымъ она обязана отрицательнымъ къ ней отношеніемъ большинства искреннихъ и честныхъ людей.

Но это отрицательное отношеніе несправедливо, такъ какъ въ приведенныхъ примѣрахъ очевидно нѣтъ ни тѣни истинной благотворительности, ни малѣйшаго ея признака. Гдѣ искренняя забота о благѣ ближняго у хищниковъ и эксплуататоровъ, разливающихихъ вокругъ себя море зла и страданій и лицемѣрно отчерпывающихъ его каплями своей помощи? Гдѣ безкорыстіе, разъ добро дѣлается изъ побужденій самаго грубаго, мелочнаго эгоизма: изъ тщеславія, расчета, самосохраненія, ради полученія благодарности, орденовъ, чиновъ, благъ загробной жизни? О какой разумности помощи можетъ идти рѣчь, разъ оказывается она по мимоетному капризу, безъ смысла и системы, безъ признанія нужды и даже безъ желанія ее понять, ради личнаго развлеченія, отъ скуки праздної, сытой жизни. Никому не помогая и ничего не исправляя, являясь лишь удобнымъ и дешевымъ средствомъ самооправданія для общественныхъ паразитовъ и тунеядцевъ, такая ложная благотворительность вноситъ глубокую порчу въ общественные нравы, развивая лицемѣріе, жестокость, самодовольство и презрѣніе къ слабому въ однихъ и сѣя униженіе, злобу, зависть, раболопство и лѣнь въ другихъ.

Къ такому же выводу, путемъ громаднаго личнаго опыта, приходитъ извѣстный американскій милліонеръ и благотворитель Карнеги. Возставая противъ личной благотворительности, покаяющейся на началахъ даровщины, Карнеги говоритъ: „Милостыня, несомнѣнно развращаетъ и берушаго, и дающаго: перваго тѣмъ, что унижаетъ нравственно и уничтожаетъ побужденіе къ самодѣятельности, труду и бережливости, второго—тѣмъ, что успокаиваетъ и обманываетъ его совѣсть, заставляя думать, будто онъ дѣлаетъ дѣйствительное добро, раздавая копейки, и обезцѣниваетъ самый актъ милосердія отсутствіемъ въ немъ, при ничтожной подачкѣ, чувства лишенія и самовоздержанія“. Благотворительность, ложно направленная, по мнѣнію Карнеги не только не благо, а, напротивъ, серьезное препятствіе къ улучшенію общественнаго быта. „Для человѣчества было бы выгоднѣе милліоны богатствъ даже выбросить въ море, нежели раздавать ихъ лицамъ лѣнливымъ, безнравственнымъ и часто подверженнымъ пьянству. Изъ каждой тысячи долларовъ, истрачиваемыхъ нынѣ на такъ называемую благотворительность, по крайней мѣрѣ 950 тратятся неразумно и притомъ настолько неразумно, что производятъ гораздо большее зло, чѣмъ то, которое старались уничтожить“.

Благотворительность, по убѣжденію Карнеги, должна быть направлена не на удовлетвореніе личныхъ нуждъ, а нуждъ общественныхъ, въ формѣ устройства различныхъ полезныхъ общественныхъ учрежденій: бесплатныхъ библиотекъ, школъ, универ-

ситетовъ, народныхъ дворцовъ и театровъ, больницъ, общественныхъ парковъ и банъ и т. п. При этомъ на первый планъ Карнаги ставитъ учрежденія просвѣдительнаго характера. Соглашаясь съ основными положеніями Карнаги, великій англійскій гуманистъ и общественный дѣятель Гладстонъ дополняетъ ихъ предложеніемъ, чтобы благотворительная дѣятельность исходила не отъ отдѣльныхъ лицъ, а отъ кружковъ лицъ, отъ филантропическихкихъ лигъ или союзовъ.

Крайне интересно и цѣнно отношеніе къ вопросу о благотворительности великаго моралиста нашего Л. Толстого. Когда то послѣ посѣщенія имъ Ляпинскаго дома, содрогнувшись отъ встрѣченнаго тамъ зрѣлища людскаго горя и нищеты и сознавая свое личное безсиліе помочь этой беднѣ горя, Толстой обратился съ горячимъ призывомъ къ обществу, чтобы оно любовнымъ участіемъ, дружно, всѣмъ міромъ подняло бы давящую братьевъ его тяжесть голода, холода и нищеты. Когда Толстой развивалъ свои планы благотворительности передъ извѣстнымъ сектантомъ Сютяевымъ, онъ услышалъ отъ него суровый приговоръ:

— „Пустая эта ваша затѣя, и ничего изъ этого добра не выйдетъ.

— Какъ не выйдетъ? Отчего же пустое дѣло, что мы поможемъ тысячамъ, хоть сотнямъ несчастныхъ? Развѣ дурно по евангельски голаго одѣть, голоднаго накормить.

— Знаю, знаю, да не то вы дѣлаете. Развѣ такъ помогать можно? Ты идешь, у тебя попроситъ человекъ 20 копѣекъ. Ты ему дашь. Развѣ это милостыня? Ты дай духовную милостыню, научи его; а это что же ты далъ? Только значить— „отъяжись“.

Горькій опытъ доказалъ Толстому правоту Сютяева и привелъ его къ убѣжденію, что матеріальная помощь въ громадномъ большинствѣ случаевъ бесполезна, а нерѣдко и прямо вредна, что бѣда не въ нищетѣ матеріальной, а въ нищетѣ умственной и нравственной, что никакія искусственныя перемѣны внѣшнихъ условій жизни не помогутъ людямъ, развѣ вѣтъ въ нихъ самихъ, ни представленія объ иной лучшей жизни, ни стремленія и силъ къ ея осуществленію. „Научи ихъ“ говоритъ Сютяевъ. Но учить однимъ лишь словомъ нельзя, можно учить лишь всею жизнью. „То, что съ перваго раза сказалось мнѣ, говоритъ Толстой, при видѣ голодныхъ и холодныхъ у Ляпинскаго дома, именно то, что я виноватъ въ этомъ и что такъ жить, какъ я живу, нельзя, нельзя и нельзя; это одно была правда, и я ужаснулся тому заблужденію, въ которомъ я жилъ. Я стоялъ по уши въ грязи и другихъ хотѣлъ вытаскивать изъ этой грязи“.

Впослѣдствіи, работая на голодѣ, Толстой снова приходитъ къ тому же заключенію, что не во внѣшнихъ условіяхъ, не въ атмосферическихкихъ случайностяхъ и не въ экономической неурядицѣ деревенской жизни причины голода. Причины его глубже, причины его въ упадкѣ народнаго духа, въ душевной апатіи, въ

беснадежно унылой покорности судьбѣ, въ незнаніи своихъ силъ и невѣрїи въ нихъ. Для подъема экономическаго благосостоянія народа необходимо духовное его возрожденіе.

Любопытную и поучительную параллель съ приведенными личными взглядами представляетъ разрѣшеніе вопроса о благотворительности конституціей, выработанной французскимъ національнымъ собраніемъ 1791 года. Провозглашая равенство и братство людей конституція гласитъ: „государство должно создать и организовать общественную помощь для облегченія участи, какъ бѣдныхъ калѣкъ, такъ и всѣхъ безработныхъ бѣдняковъ. Здѣсь подразумѣвается, конечно, не простая милостыня, потому что нищенство принижаетъ человѣка, заставляетъ его терять чувство собственного достоинства, унижать его, принуждая гнуть спину передъ себѣ подобными,—словомъ ведетъ человѣка къ постоянному нравственному паденію. Конституція не желаетъ болѣе ничего подобнаго, такъ какъ это подрываетъ величіе націи и потому заявляетъ, что отнынѣ благотворительность становится не частной добродѣтелью, а общественнымъ долгомъ. Но съ точки зрѣнія любви къ ближнему или лучше сказать съ точки зрѣнія солидарности людей, соединенныхъ въ общество, и въ области благотворенія должны быть намѣчены пункты, которые слѣдуетъ поставить выше всѣхъ прочихъ: этотъ пунктъ—всеобщее обученіе: ибо, какъ сказалъ Христосъ „не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человѣкъ“ Онь живѣтъ духомъ! Конституція, вполнѣ понимая высоту этого изреченія, заявляетъ, что ею будетъ выработано и организовано народное образованіе, общее для всѣхъ гражданъ и бесплатно“.

Какіе-же выводы и обобщенія даетъ намъ право сдѣлать приведенный матеріалъ? Прежде всего должна быть рѣшительно отвергнута личная благотворительность, какъ заключающая въ себѣ ложь, внутреннее противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ общественный строй, возвышающій и обогащающій однихъ, унижаетъ и разоряетъ другихъ, и вотъ обязанные своимъ благополучіемъ неправдѣ этого строя счастливы, виновные въ окружающемъ ихъ злѣ, вмѣсто того, чтобы бороться съ этимъ несправедливымъ строемъ, вмѣсто того, чтобы выбиваться самимъ изъ его грязи, идутъ грязными сокровищами своими благотѣльствовать несчастнымъ. Естественно, что обиженные относятся къ тѣмъ, въ комъ инстинктивно чувствуютъ своихъ обидчиковъ, неискренно, съ подозрительностью и недоверіемъ, а жертвы ихъ принимаютъ съ затаеннымъ раздраженіемъ,—психологія, прекрасно подмѣченная Толстымъ въ его опытахъ благотворительности. Основная цѣль благотворительности, любовное единеніе людей между собой, такимъ образомъ не достигается. Особенно вредна денежная помощь. Не говоря о томъ, что деньги для богача благотворителя самый легкій способъ откупиться отъ грѣховъ, не говоря о томъ, что деньги, при существующей общественной несправедливости, всегда болѣе или менѣе носятъ на себѣ печать Каина,

поступая въ безконтрольное распоряженіе людей, нескѣленныхъ жизнью, онѣ даютъ имъ возможность пріобрѣтать себѣ любя услуги людей. Какое назначеніе получать деньги, что будетъ ими куплено—не трудно предвидѣть при такихъ условіяхъ.

Личный трудъ для другого есть наиболѣе чистая форма благотворительности, но такъ какъ трудъ этотъ можетъ быть лишь очень ограниченъ, то заслуживаетъ полнаго сочувствія предложеніе Карнеги направить на удовлетвореніе народныхъ нуждъ пріобрѣтенный за деньги трудъ общественныхъ работниковъ. Въ общеніи—сила, и поэтому вполне цѣлесообразно стремленіе Гладстона и Толстого объединить для дружной работы всѣхъ заботящихся о народномъ благѣ. Идя дальше и видя въ благотворительности поправку къ общественной несправедливости, мы можемъ предвидѣть, что съ увеличеніемъ числа лицъ, работающих на пользу общую и съ ростомъ этой поправки, наступитъ наконецъ время, когда несправедливость будетъ до конца исправлена, и частная благотворительность, выполнивъ свое назначеніе, исчезнетъ. Таковъ, до нѣвѣстной степени, былъ моментъ французской революціи, когда народъ, ставши самъ хозяиномъ своей судьбы и взявши на себя заботу о своихъ нуждахъ, заявилъ въ составленной имъ конституціи, что „отнынѣ благотворительность становится не частной добродѣтелью, а общественнымъ долгомъ“. Конечная цѣль всякой разумной опеки есть самоупражденіе; благотворительность, какъ попечительство сильнаго о слабомъ, упразднить себя тогда, какъ осуществить свой идеалъ водворенія равенства и братства въ отношеніяхъ между людьми. Достигнетъ же она этого только тогда, когда всѣ силы свои сосредоточитъ на умственномъ и нравственномъ развитіи народа. Главная ошибка нынѣ существующей благотворительности заключается въ томъ, что она преимущественно заботится объ удовлетвореніи матеріальныхъ нуждъ человѣка, удѣляя мало вниманія нуждамъ духовнымъ, тогда какъ должно бы быть какъ разъ наоборотъ. Ошибка эта начинается сознаваться. Въ жертву народному просвѣщенію несетъ свои милліоны Карнеги, къ духовному возрожденію человѣчества направлена вся дѣятельность Толстого, во имя словъ Христа „не хлѣбомъ однимъ живътъ живътъ чловѣкъ“ вводятъ всеобщее обученіе французскіе демократы, и провозглашенная ими истина, что живътъ чловѣкъ духомъ, повторяется черезъ сто лѣтъ русскимъ крестьяниномъ Сютеевымъ, требующимъ, какъ дара благотворенія, не матеріальной, а духовной милостыни...

Мы можемъ накормить голоднаго и одѣть раздѣтаго, разъ жизнь столкнетъ насъ съ нимъ, но это будутъ лишь добрыя поступки, обязательныя для всѣхъ, кто имѣетъ гордость считать себя чловѣкомъ. Иное дѣло отдавать свои силы на дѣятельность помощи голоднымъ и холоднымъ, на ту благотворительность, какую хотѣлъ организовать Толстой своей проповѣдью. „Пустая вата!“ какъ назвалъ Сютеевъ это наполненіе бездонной бочки.

это срываніе сорныхъ травъ съ оставленіемъ въ почвѣ ихъ жорней. Въ рѣшеніи же вопроса, гдѣ лежать эти корни, здравый смыслъ и непосредственное чувство Сютаева сходятся съ основными положеніями современной философіи. Жизнь есть воплощеніе духа, говоритъ она намъ, матерія—лишь его явленіе. Не содержаніе опредѣляется формой, а форма содержи́мъ, и поэтому стремится воздѣйствовать на явленія жизни, которая есть творчество духа, помимо духа, есть и логическая и практическая несообразность. Матеріальныя лишенія и страданія—результаты духовной немощи, духовной слѣпоты, и истинная забота о благѣ такого слѣпота не въ томъ, чтобы сдѣлаться вѣчнымъ его поводыремъ и кормильцемъ, а въ томъ, чтобы, излечивъ его слѣпоту, дать ему возможность самому найти себѣ дорогу и препятаніе. Постыгшимъ всю глубину этой философіи истиннымъ благотворителемъ является для насъ некрасовскій дядюшка Яковъ:

Молча крѣпилась Феклуша сиротка,
Глядя, какъ пряники дѣти жуютъ,
А какъ увидѣла въ книжкахъ картинки—
Такъ на глаза навернулись слезинки;
Сжалился, далъ ей букварь старина:
„Коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!“

— „Будешь умна ты, не будешь бѣдна“, добавимъ мы по адресу всей сиротливой народной массы, представительницей которой является здѣсь Феклуша. И вы всё, стремящіеся творить благо родной странѣ, не пряники, а книжки несите ей, не богачи и пріюты воздвигайте, а школы и библіотеки. Богатый знаніемъ, бодрый духомъ народъ сумѣетъ самъ себѣ добыть и пряники, и все, чего бы ни пожелалось ему...

II.

Установивъ понятіе общественной благотворительности и указавъ наиболѣе желательное ея направленіе, перейдемъ къ темъ статьямъ, къ выясненію роли, какую могла и должна была бы играть общественная благотворительность въ дѣлѣ воспитанія нашего юношества.

Обычно принято подраздѣлять воспитаніе на физическое, умственное и нравственное. Современная школа сосредоточиваетъ всё усилія свои на образованіи ума, очень мало удѣляетъ вниманія физическому развитію и совершенно игнорируетъ вопросы нравственнаго воспитанія. Что касается семьи, то большинство родителей, привыкши идти рутинными путями и предоставляя педагогамъ обрабатывать своихъ дѣтей, какъ тѣмъ по циркулярамъ полагается, сами мало интересуются вопросами воспитанія. Не имѣя никакихъ руководящихъ принциповъ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія, но инстинктивно чувствуя важность послѣдняго, съ какой то почтительной робостью относятся они

къ нему: чѣмъ-то такимъ большимъ, темнымъ и практически неразрѣшимымъ, чего благоразуміе и покойнѣе не трогать, представляется имъ оно! И это смутное совнаніе важности и трудности задачи имѣетъ свои основанія. Умъ со всѣми его знаніями есть лишь орудіе дѣятельности, дѣло же нравственнаго воспитанія создать самого дѣятеля, т. е. ни мало, ни много создать человѣка. Нужно создать индивидуума съ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства, съ глубокими чувствами и сильной волей, нужно создать члена общества съ ярко выраженными общественными стремленіями, съ уваженіемъ къ личности другого, съ чуткимъ терпимымъ и любовнымъ отношеніемъ къ окружающимъ. Знанія можно передать преподаваніемъ, но никакія усилія педагоговъ не сообщатъ человѣку душевной силы, никакими поученіями не вдохнешь въ человѣка живого чувства любви, и всякая каеэдра морали будетъ всегда неизбѣжно каеэдрой лажества. Не словами, а средой, не проповѣдью, а жизнью воспитывается человѣкъ. „Два правила даль-бы я для воспитанія, говоритъ Л. Толстой: самому не только жить хорошо, но работать надъ собой, постоянно совершенствуясь, и ничего не скрывать изъ своей жизни отъ дѣтей... А чтобы не страшно было показывать дѣтямъ всю правду своей жизни, надо сдѣлать свою жизнь хорошей или, по крайней мѣрѣ, менѣе дурной. И потому воспитаніе другихъ включается въ воспитаніе себя, и другого ничего не нужно“.

Мысль простая и глубоко вѣрная, но остается вопросомъ: какъ же работать надъ собой, какими путями совершенствоваться, какъ сдѣлать свою жизнь хорошей? Среди молодежи, стремящейся къ совершенствованію, стремленіе это нерѣдко проявляется въ такой уродливой формѣ: составляется подробный списокъ добродѣтелей и пороковъ и вѣшается для постоянного напоминанія на стѣнкѣ; нравственный подвижникъ строго анализируетъ каждый свой поступокъ, подгоняетъ его подъ ту или другую категорію и, то каясь, то глядя себя по головкѣ, старается упражняться въ добродѣтеляхъ и бороться съ пороками. Интересный примѣръ взаимопомощи въ дѣлѣ подобнаго нравственнаго совершенствованія являютъ намъ герои Толстого, кн. Нехлюдовъ и Иртенъевъ. Достойные друзья заключили между собой договоръ: не скрывать другъ отъ друга ни малѣйшаго душевнаго движенія, чтобы путемъ постоянного взаимнаго контроля поддерживать другъ друга на стезѣ добродѣтели. Вы помните, конечно, умилительную сцену, послѣдовавшую между друзьями послѣ избиенія однимъ изъ нихъ, кн. Нехлюдовымъ своего лакея Васьки. Это жеманное самобичеваніе съ одной стороны, это нѣжное участіе къ грѣху товарища съ другой. Голубиное воркованіе надъ гнуснымъ поступкомъ ярко изображаетъ намъ, до какого извращенія нравственнаго чувства доводитъ нравственный спортъ.

Въ обществѣ, гдѣ массы убиваютъ здоровье непосильнымъ трудомъ, дано видѣть праздныхъ сытыхъ людей, продѣлывающихъ

безцѣльными тѣлодвиженіями ради сохраненія здоровья. Но какъ ни противоестественна гимнастика, замѣняющая трудъ, она хоть достигаетъ своей цѣли физическаго развитія, тогда какъ гимнастика душевная, еще болѣе нелѣпая и противоестественная, достигаетъ обратныхъ результатовъ, развращая до мозга костей занимающихся ею. Отъ жизни и людей человѣкъ переноситъ вниманіе на свою особу, нянчится съ ней, роется въ душѣ, въ своемъ маленькомъ внутреннемъ мірѣ, искореняя дутые пороки и культивируя тепличныя добродѣтели. Если человѣкъ занимается этимъ душевнымъ развратомъ въ одиночку, мы имѣемъ въ результатъ дряблага эгоиста, самодовольнаго резонера и черстваго формалиста. Если душевному разврату предаются въ компаніи, какъ это было у нашихъ друзей, къ эгоизму присоединяется фаризейство, щеголяющее передъ людьми показными добродѣтелями и лицемернымъ раскаяніемъ въ грѣхахъ.

Какъ рѣшаетъ вопросъ о нравственномъ совершенствованіи самъ Толстой? Послѣ крушенія своихъ филантропическихъ плановъ, придя къ сознанію, что нельзя вытаскивать изъ грязи другихъ, не выйдя самому изъ нея, что начинать нужно съ переустройства личной жизни, онъ въ цѣломъ рядѣ статей проводитъ мысль, что прежде чѣмъ творить добро, нужно отойти отъ зла. „Недѣланіе зла“, воздержаніе отъ зла, вотъ „первая ступень“. Но освобожденіе отъ зла не ступень, это—сама далекая, желанная цѣль. А пути къ ней? Гдѣ эти пути? Вѣдь зло не уродливый наростъ на доброй почвѣ, который можно отсѣчь рѣшительной операціей, это—ядъ, пропитывающій организмъ, и постепенная систематическая нейтрализація этого яда есть сущность жизненнаго процесса. Не виѣшними, а внутренними путями дурныхъ привычекъ прикованъ человѣкъ къ своему образу жизни, къ своей средѣ.

И есть ли такой магическій мечъ, который могъ бы сразу разсѣчь эти пути, не повреждая самого тѣла, не разрушая жизни?

Аскеты думали разрѣшить вопросъ объ освобожденіи отъ зла удаленіемъ отъ жизни, бѣгствомъ отъ ея соблазновъ. Напрасныя усилія! Въ своемъ внутреннемъ мірѣ они уносили зло съ собой въ пустыню. Не живя дѣйствительностью, отшельникъ не могъ не жить воспоминаніями, въ душевной пустотѣ, создававшейся отсутствіемъ впечатлѣній, съ необыкновенной силой разыгрывалось воображеніе, рисовавшее картины, своей яркостью превосходящія дѣйствительность. Постоянная, напряженная дума о грѣхѣ, приковывая къ нему вниманіе, рождала грѣхъ, который, подобно мнѣческому Антею, возставалъ тѣмъ съ большей силой, чѣмъ ниже старались его низвергнуть. Получалась бессмысленная борьба, ничего съ собой не несущая, кромѣ лишеній, жертвъ и страданій.

Какъ ни далекъ Толстой отъ аскетическаго идеала, но ненависть къ злу увлекаетъ его, и аскетическая тенденція незамѣтно-

для него самого, но очень рѣзко пробивается въ его проповѣди нравственнаго совершенствованія. Помнимо „недѣланія“ и „первой ступени“ особенно ярко оказалась она въ крейцеровой сонатѣ.

Источникомъ всѣхъ заблужденій аскетизма является лежащій въ основѣ его философскій дуализмъ, т. е. признаніе въ мірѣ двухъ абсолютныхъ началъ добраго и злого, матеріи и духа, Бога и діавола. При этомъ взглядъ плоть съ ея потребностями приобрѣтаетъ самостоятельное положеніе, а зло—реальный, конкретный характеръ.

При монашизмѣ, т. е. признаніи одного мірового начала, понятіе зла дѣлается относительнымъ.

Какъ холодъ есть лишь большее или меньшее отсутствіе тепла, а тьма—отсутствіе свѣта, такъ зло есть лишь большее или меньшее отсутствіе добра. Ни одному разумному человѣку не придетъ въ голову вмѣсто того, чтобы зажечь свѣтъ, пытаться разогнать тьму руками. А нравственная гимнастика и аскетическіе подвиги, это именно такія попытки съ негодными средствами. Здѣсь происходитъ то, что бываетъ съ косцами, неумѣющими косить и приписывающими неудачу работы недостаткамъ косъ и всячески пробующими наладить косы вмѣсто того, чтобы усвоить приемы косбы. Люди, невѣрящіе въ силы духовныя и не умѣющіе ими пользоваться, приписываютъ зло своей жизни искушеніямъ плоти и вмѣсто того, чтобы начать жить духомъ и творить благо, безуспѣшно стараются бороться со зломъ или уйтись отъ него. А между тѣмъ есть лишь одно зло въ мірѣ, съ которымъ можно и должно бороться, это—невѣденіе людьми своего блага. Сотвори самъ и научи другого. Сотвори волю Отца жизни и научить тому же людей, возвѣститъ имъ вѣсть объ ихъ благѣ, было великимъ дѣломъ жизни Христа. До Христа жизнь людей, борьба эгоистическихъ стремленій за матеріальныя блага регулировалась внѣшнимъ насиліемъ заповѣдей и законовъ. Христосъ освободилъ людей отъ рабства плоти, открывъ имъ, что живы они не хлѣбомъ однимъ, а духомъ, и что плоть лишь орудіе духа. Онъ освободилъ ихъ отъ цѣпей закона, открывъ имъ, что благо ихъ въ любви, въ воплощеніи въ формы жизни идеи братства людей. Почему же люди остаются рабами, почему не берутъ они своего блага, разъ оно дѣйствительно благо?

Для того, чтобы та или иная истина легла въ основу жизни, чтобы изъ отвѣченной идеи она превратилась въ дѣйственную силу, нужно, чтобы изъ области сознанія или вѣрованій она перешла въ область чувства. Какъ же пробудить въ себѣ чувство любви, или, вѣрнѣе, какъ развить его, ибо зародышъ его есть въ каждомъ человѣкѣ. Чтобы любовь стала для человѣка дѣйствительнымъ благомъ, нужно ощутить ее какъ таковое, пережить ее, какъ благо. Полюбить другого можно, лишь войдя въ тѣсное общеніе съ нимъ, сливъ свою жизнь съ чужой жизнью. Обкунувшись въ море людского горя и страданій, столкнувшись лицомъ

къ лицу съ униженными и обездоленными, испытаетъ чувство состраданія, жалости, и чувство жалости, повторяясь и суммируясь, превратится во всезахватывающее чувство дѣятельной любви. Забудешь о себѣ и просто, само собой, поступишь личными благами въ пользу другого. Не будешь думать о томъ, какъ выбраться изъ грязи, а выскочишь изъ нея, чтобы подать руку помощи сосѣду. Самоотреченіе совершится безъ чувства лишенія или жертвы, просто, легко и радостно, безъ аскетическихъ терзаній, безъ нравственнаго наясничества.

Мы возвращаемся къ тому пункту, изъ котораго вышли. Если воспитаніе нравственное совершается воздѣйствіемъ среды, если воспитаніе сводится къ самовоспитанію среды и прежде всего родителей и если это самовоспитаніе можетъ достигаться лишь живою дѣятельностью на благо ближняго, ясна становится связь воспитанія съ общественной благотворительностью. Пусть жизнь родителей нерѣдко поконится на антиобщественныхъ началахъ, тѣмъ болѣе нуждается она въ поправкѣ. Если благотворительность направлена на дѣйствительное благо, она не можетъ сама во себѣ сдѣлаться зломъ или ложью оттого, что будетъ исходить не изъ вполне чистаго источника. Если же она окажется въ равномъ противорѣчій съ направленіемъ жизни благотворителя—тѣмъ лучше, тѣмъ ярче выступитъ ложь жизни. Переустройство личной жизни, котораго прежде всего требуетъ Толстой—дѣло трудное, передъ которымъ малодушно отступали даже сильные волей люди, хотя бы головнымъ путемъ ясне осознавали всю безнравственность своей жизни. Такъ пусть же, оставаясь въ томъ же виѣшнемъ положеніи, они попытаются начать дѣлать добро, не то, которое такимъ считается, а истинное добро. Можетъ быть, они увлекутся работой дѣланія блага, можетъ быть сама эта работа создастъ у нихъ потребность въ иной жизни и, почувствовавъ, что неудобно работать ее въ модномъ пиджакѣ или корсетѣ, они обросятъ то и другое. Почему знать? Можетъ быть для искренно стремящихся къ улучшенію своей жизни дѣланіе добра окажется и болѣе легкой, и болѣе надежной „первой ступеню“, чѣмъ „недѣланіе“ зла.

Но можетъ возникнуть вопросъ, откуда явится это стремленіе къ лучшей жизни у родителей или воспитателей, людей въ большинствѣ случаевъ со сложившимися убѣжденіями и взглядами, сжившихся съ окружающимъ ихъ зломъ и, можетъ быть, даже постронвшихъ жизнь свою на этомъ злѣ. Оно не только должно явиться подѣ влияніемъ правильно понятыхъ задачъ воспитанія, оно уже есть, скажу больше, оно—естественная, роковая необходимость. Уже само отмѣчаемое Толстымъ желаніе родителей скрыть отъ дѣтей неправду своей жизни доказываетъ стремленіе родителей сохранить за собой уваженіе дѣтей, оберечь ихъ отъ развращающаго примѣра, сдѣлать ихъ лучше, чѣмъ они сами. Та самая совѣсть, которая, какъ бы ни глушила ее жизнь, облачаетъ дурные поступки наши, для родителей вопло-

щается въ лицѣ дѣтей ихъ. Дѣтская чистота и невинность воспитываютъ родителей, вызываютъ въ нихъ стремленіе самимъ быть лучше и чище.

Какъ ни странно, но къ тому же улучшенію своей жизни толкаютъ родителей эгоистическія побужденія. Семейный эгоизмъ, заставляющій родителей губить окружающую жизнь, принося ее въ жертву семейному благополучію, въ силу заключающагося въ немъ внутренняго противорѣчія, носитъ самъ въ себѣ свое осужденіе и кару, и палачами его являются дѣти. Животная любовь ждетъ себѣ отвѣта. Но голосъ крови говоритъ слабѣе въ дѣтяхъ, чѣмъ въ родителяхъ, и жертвами эгоизма дѣтей, вырощенныхъ эгоистами ихъ родителями, падаютъ прежде всего сами же родители. Такимъ образомъ животный инстинктъ самосохраненія требуетъ отъ родителей развивать въ дѣтяхъ чувство любви къ людямъ, и весь трагизмъ судьбы родителей, не выполнившихъ этой задачи, заключается въ томъ, что камень общечеловѣческой любви, отвергнутый ими при постройкѣ зданія семейнаго благополучія, оказался необходимой основой семейнаго счастья.

Но этого мало. Чувство любви родителей къ дѣтямъ носитъ обычно слѣпой, стихійный характеръ, въ чувствѣ дѣтей къ родителямъ преобладаетъ, напротивъ, элементъ сознательности, разумности. Родители любятъ своего ребенка, каковъ онъ есть, дѣти въ основу своего чувства кладутъ уваженіе къ родителямъ, взаимное пониманіе, духовную связь. Отсюда нерѣдко взаимная неудовлетворенность, отсюда всѣмъ извѣстная тяжелая рознь между отцами и дѣтьми. Во избѣжаніе этой-то розни, чтобы дѣти не уходили отъ родителей или, что еще хуже, не отворачивались отъ нихъ, родители должны, воспитывая дѣтей, воспитывать и самихъ себя, должны рука объ руку, добрыми товарищами, идти по пути нравственнаго совершенствованія. Наибольше благодарными полемъ для совмѣстной работы родителей и дѣтей, работы объединяющей и возвышающей и тѣхъ и другихъ, является указанная нами въ первой главѣ общественная благотворительность на пользу народнаго просвѣщенія.

Какovy должны быть условія этой общей работы, этого единенія родителей и дѣтей? Первое—полная искренность отношеній. Пусть родители не лгутъ дѣтямъ и если они не въ силахъ основать своей жизни на началахъ общественной справедливости, пусть не скрываютъ отъ молодежи противорѣчій и темныхъ сторонъ этой жизни, пусть, не преувеличивая значенія своей благотворительности, смотреть сами и приучаютъ молодежь смотрѣть на нее, какъ на компромиссъ, общественная цѣнность котораго возрастаетъ въ зависимости отъ размѣра жертвъ на общественное дѣло.

Второе условіе, это—искренность чувства, руководящаго дѣятельностью. Чтобы это была не дряблая сантиментальность, воспитанная чтеніемъ чувствительной литературы, а здоровое чувство живой любви, мы уже говорили, что нужно. Молодежь должна

возможно глубже войти въ жизнь, возможно шире и свободнѣе обращаться съ людьми, для чего съ пути ея должны быть устранены перегородки привилегированнаго положенія, основныя предразсудковъ, имущественнаго неравенства. Важность этого лучше всего выяснится изъ приѣра. Вотъ сынъ помѣщика, живущій въ имѣнїи отца. Слыша постоянно разговоры домашнихъ о недобросовѣстности рабочихъ, объ отказахъ крестьянъ отъ работъ, о порубкахъ, потравахъ, о крестьянской неблагодарности, юноша незамѣтно копнѣтъ въ душѣ своей непрїязненные чувства къ этому крестьянину, котораго онъ наблюдаетъ лишь издали, въ полѣ или изъ оконъ барскихъ хоромъ. Но вотъ случайность или обстоятельства жизни заставляютъ его войти вплотную въ жизнь деревни, вынудить въ ея нужды, уяснить себѣ психологию крестьянина и ему смѣшно и дико кажется недавнее враждебное настроеніе по отношенію къ этой средѣ. Мѣняется уголь зрѣнія на поступки людей, мѣняется отношеніе къ нимъ, является сочувствіе къ людямъ, потребность придти къ нимъ на помощь. Итакъ жизнь молодежи должна складываться и течь внѣ тѣхъ общественныхъ перегородокъ, которыя, какъ говоритъ Толстой, „люди воздвигли между собою, чтобы веселье богача не нарушалось дикими воплями оскотинившихся людей и стономъ холода, голода и нищеты“.

Въ какихъ практическихъ формахъ выразится общественная благотворительность молодежи въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія? Сознательно и настойчиво ограничиваемъ мы эту дѣятельность цѣлями просвѣщенія, потому что всѣ отрицательныя стороны матеріальной благотворительности, отмѣченныя нами для взрослыхъ, для дѣтей съ ихъ чувствительнымъ самолюбіемъ, съ ихъ умственной и нравственной неуравновѣшенностью, возрастаютъ вдвое. Предвидя упрекъ, что мы искусственно стремимся разграничить духовныя нужды отъ матеріальныхъ, тогда какъ въ жизни онѣ тѣсно слиты, спѣшимъ оговориться. Тотъ, кому придется учить голоднаго, естественно предварительно накормить его, но это сдѣлается само собой, не какъ цѣль, а какъ условіе дѣятельности. Можетъ быть столкновеніе благотворителя съ матеріальной нуждой вызоветъ въ немъ стремленіе сократить свои потребности ради удовлетворенія потребностей нуждающихся и дать такимъ образомъ толчокъ къ переустройству жизни, каковаго хочетъ Толстой, но подходитъ къ человѣку, сближаться съ нимъ мы должны только какъ съ человѣкомъ т. е. существомъ, весь смыслъ существованія котораго лежитъ въ духовной жизни. Можетъ быть въ этомъ то уваженіи къ сущности человѣческой личности лежитъ ключъ къ объясненію того явленія, что милостыня духовная не оскорбляетъ и не унижаетъ, ни дающаго, ни берущаго, какъ это дѣлаетъ милостыня матеріальная.

„Духовная милостыня“ своему народу или вѣрнѣе возвратъ ему своего историческаго долга могъ бы быть сдѣланъ нашею интеллигентной молодежью прежде всего въ формѣ личнаго про-

свѣтительнаго труда. Мы живемъ, окруженные неграмотнымъ темнымъ людомъ: научить прежде всего грамотѣ и затѣмъ, пользуясь всякимъ случаемъ, пополнять знанія всѣхъ, съ кѣмъ сталкивается насъ жизнь, есть ближайшая наша обязанность. Гдѣ только возможно, могли бы быть организованы групповыя занятія: такъ зимой каждый изъ учащейся молодежи могъ бы, насколько позволяетъ ему время, вести вечернія или воскресныя занятія съ нѣсколькими дѣтьми бѣдняковъ или подростками мастеровыми, живущими съ нимъ бокъ о бокъ. Лѣтомъ на каникулахъ такія же занятія, хотя можетъ быть и не такія правильныя могли бы вестись въ деревнѣ съ крестьянскими ребятами. Форма занятій могла бы быть самая разнообразная: уроки, бесѣды, чтенія, чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, осмотры музеевъ, научныя экскурсіи, ботаническія, зоологическія и т. п. Къ наукѣ могло бы быть приобщено и искусство. Молодежь совместно могла бы организовывать музыку, пѣніе, посѣщеніе картинныхъ галлерей, театр. Уча, мы учимся, и вся эта просвѣтительная дѣятельность приносила бы юнымъ просвѣтителямъ не меньшую пользу, чѣмъ просвѣщаемымъ: имъ приходилось бы пополнять свои знанія, продумывать и систематизировать ихъ для передачи другимъ, выработывались бы педагогическія приемы, воспитывались общественныя инстинкты, развивались организаторскія способности.

Вторая послѣ личнаго труда форма просвѣтительной благотворительности это—снабженіе школъ книгами для чтенія и всевозможными образовательными пособіями. Число школъ у насъ ежегодно растетъ, растетъ и число читателей, но далеко не при всѣхъ школахъ есть бібліотеки, да и имѣющіяся бібліотеки скудны числомъ книгъ и неудовлетворительны ихъ подборомъ. А между тѣмъ народная литература растетъ не по днямъ, а по часамъ, обогащаясь не только количественно, но и качественно. И для нашей учащейся молодежи, такъ страстно любящей чтеніе, такъ хорошо знающей цѣну книги, напоить своего далекаго, жаждущаго знанія товарища изъ народа, изъ того источника воды живой, что бьетъ такъ свѣтло и обильно вокругъ нея, это—великое и святое дѣло. Практически дѣло это распадается на выборъ книгъ, или составленіе каталога, покупку книгъ и размылку ихъ по школамъ. Въ настоящее время среди учащейся молодежи существуетъ немало такъ называемыхъ литературныхъ кружковъ, ставящихъ своею цѣлью, путемъ чтенія и разбора литературныхъ произведеній, развитіе литературный вкусъ и критическую мысль. Задача кружковъ для содѣйствія народному просвѣщенію въ значительной степени включаетъ въ себя задачу литературныхъ кружковъ. Знакомство съ народной литературой, съ цѣлью выбора книгъ для народныхъ бібліотекъ, могло бы дать молодежи неисчерпаемый матеріалъ для критики и самаго широкаго обмѣна мнѣній, съ той существенной разницей въ характерѣ работы, что въ литературныхъ кружкахъ она

производилась для себя въ эгоистическихъ цѣляхъ саморазвитія, а здѣсь, осуществляя ту же задачу саморазвитія, она производилась бы съ высокой благородной цѣлью развитія другого. Если чтеніе хорошей книжки доставляетъ наслажденіе, то чтеніе той же книжки, предназначаемой для читателя изъ народа, когда мысленно переживаются его впечатлѣнія, его удовольствіе, это уже не только двойное наслажденіе, это—прекрасная школа нравственнаго чувства.

Послѣ выбора книгъ дальнѣйшая дѣятельность проектируемыхъ кружковъ заключается въ приобрѣтеніи намѣченныхъ каталоговъ книгъ на средства, общими силами изысканныя, и въ отправкѣ библиотекъ знакомымъ учителямъ и учительницамъ и вообще лицамъ, преданнымъ дѣлу народнаго просвѣщенія, въ рукахъ которыхъ посланныя книги могли бы быть наилучше использованы.

Въ предѣлы дѣятельности кружковъ, кромѣ устройства библиотекъ входитъ снабженіе школъ различными наглядными образовательными пособіями, каковы: коллекціи картинъ по тѣмъ или инымъ отраслямъ знанія, гербаріи, зоологическія и минералогическія коллекціи, волшебные фонари съ картинами къ нимъ, образовательныя игры, приборы для физическихъ и химическихъ опытовъ и т. п.

Не могу не сказать двухъ словъ о громадномъ образовательномъ значеніи собранія коллекцій для учащагося юношества. Вся сущность науки сводится къ установленію связи между предметами и явленіями, а собраніе коллекцій, осуществляя какъ разъ эту цѣль, не только содѣйствуетъ выработкѣ методическаго научнаго мышленія, но и развиваетъ способность къ практической научной работѣ. Нельзя сказать, чтобы отдѣльные лица среди молодежи не занимались собраніемъ коллекцій и сейчасъ, но обычно дѣло это дѣлается крайне вяло, безпорядочно, безсистемно, можетъ быть потому, что дѣлается по личной прихоти, какъ забава, безъ плана и цѣли. Сознаніе важности и полезности этого дѣла для другихъ заставитъ отнестись къ нему серьезнѣе, съ большимъ вниманіемъ и интересомъ и соответственно подниметъ его значеніе, какъ орудія, развивающаго умъ и наблюдательность. Нужно ли распространяться много о томъ, какими драгоценнѣйшимъ пособіемъ для школьнаго преподаванія послужатъ всѣ эти коллекціи и приборы, какими оживляющимъ и закрѣпляющимъ въ памяти свѣдѣнія матеріаломъ явятся они, сколько, наконецъ, высокаго удовольствія внесутъ они въ учащуюся крестьянскую среду. Стоитъ только вспомнить, какъ жаждетъ, напримѣръ, до иллюстрацій неизбалованный обиліемъ ихъ крестьянскій мальчишъ.

А между тѣмъ въ любой интеллигентной семьѣ найдется масса старыхъ, никому ненужныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, и вырванныя изъ нихъ и наклеенныя на картонъ иллюстраціи, разсортствованныя по содержанию, могутъ дать пре-

красныя коллекціи картинъ по исторіи, этнографіи, зоологіи, быту, искусству. И вся эта работа въ зимніе вечера явится для нашихъ дѣтей пріятнымъ и полезнымъ времяпровожденіемъ, точно также какъ въ лѣтнее время такое времяпровожденіе дадутъ совмѣстныя экскурсіи для собиранія растеній и насѣкомыхъ. Если мы ко всему этому прибавимъ, что сооруженіе волшебныхъ фонарей, вполне возможное домашними средствами при покупкѣ лишь стеколъ, перочетъ книжекъ и фабрикація образовательныхъ игръ и приборовъ дадутъ широкое поле для примѣненія физическаго труда, который сейчасъ замѣняется нелѣпой гимнастикой, мы получимъ полную картину пользы предлагаемыхъ кружковъ для дѣла физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія.

Третьей формой благотворительности съ просвѣтительными дѣлами можетъ быть помощь для продолженія образованія наиболѣе способнымъ изъ оканчивающихъ курсъ въ народной школѣ. Если мы представимъ себѣ, сколько силъ и талантовъ, которые могли бы стать свѣточами родной земли и ея гордостью, гибнутъ затертыми тяжелыми условіями среды, нерѣдко ожесточаясь въ безплодной борьбѣ съ ними и становясь врагами общества и жертвами ссылки и каторги, мы поймемъ, что наша учащаяся молодежь, счастливыя, наслаждающіеся на пиру знанія, не могутъ оставаться равнодушными къ судьбѣ обездоленныхъ товарищей своихъ. Помочь они имъ могутъ или личнымъ трудомъ, или учрежденіемъ общественныхъ стипендій.

Такова въ общихъ чертахъ та благотворительная дѣятельность, которой, при сочувствіи и поддержкѣ родителей, могла бы отдать свои силы наша молодежь.

Резюмируемъ вкратцѣ наши основныя положенія. Ответственная благотворительность, если она хочетъ быть не вѣчнымъ жалкимъ палліативомъ, не унижительной и развращающей милостыней, а тѣмъ, чѣмъ она должна быть, а именно, серьезной поправкой общественной несправедливости, должна быть направлена на удовлетвореніе не матеріальныхъ, а духовныхъ потребностей народа. Бѣдность народа въ его невѣжествѣ, и только сильный умственно и развитой нравственно народъ создастъ себѣ счастливыя внѣшнія условія существованія. Воспитаніе подрастающаго поколѣнія совершается прежде всего воздѣйствіемъ среды, самою жизнью. Не душевная бухгалтерія, не нравственный спортъ, не аскетическая борьба со зломъ и не внѣшнее насиліе заповѣдей и законовъ, а лишь живая любовная дѣятельность на благо ближняго, т. е. общественная благотворительность въ лучшемъ смыслѣ слова является единственнымъ истиннымъ факторомъ нравственнаго воспитанія. Но такъ какъ разумность компромисса и его нравственное самооправданіе заключаются въ искренномъ его стремленіи къ самоупражденію, наша работа о ближнемъ, общественная благотворительность, должна быть направлена къ развитію духовной самостоятельности народа.

Духовный голосъ народа, его жажда знанія должны встрѣтить глубокое пониманіе и сочувственный отзывъ среди развивающейся духовно молодежи. Содѣйствуя попутно цѣлямъ финансоваго и умственнаго воспитанія, благотворительная дѣятельность молодежи на пользу народнаго просвѣщенія, вся пронизанная теплымъ духомъ любви и участія къ ближнему, является могучимъ факторомъ нравственнаго воспитанія, развивая общественныя инстинкты и альтруистическія чувства, не говоря уже о томъ чувствѣ глубокаго нравственнаго удовлетворенія, какое даетъ осуществленіе высокой цѣли духовнаго развитія родной страны.

А. Бутиновичъ.

Мертвое царство.

(Разказы Леонида Андреева).

„И Слабостью рожденные три птицы—Уныніе, Отчаянье, Тоска,—три черныя уродливыя птицы злобѣще рѣютъ надъ его душою и воѣ поютъ ему угрюмо пѣсню о томъ, что онъ ничтожная букашка, что ограничено его сознанье, бессильна Мысль, смѣшна святая гордость—и что бы онъ ни дѣлалъ—онъ умретъ“...

М. Горькій. „Человекъ“.

ГЛАВА I.

— Вы читали послѣдній разказъ Леонида Андреева?—спросилъ меня восторженный почитатель молодого писателя.

— Нѣтъ, еще не читалъ!

— Да неужели?.. Ну, батенька, жалѣю я васъ! читайте скорѣй: страшно страшный разказъ!

— Да что же въ немъ такого особеннаго?

— Чудакъ право! Развѣ, „особенное“ на словахъ передашь—лепеталъ мой знакомый;—масса настроенія—вотъ вамъ „особенное“! Вы знаете, „Стѣна“, „Бездна“, „Въ туманѣ“ блѣднѣютъ передъ этимъ разказомъ...

— Еще страшнѣе?

— Куда! Говорю вамъ, что-то непередаваемо! Вы только подумайте, сколько бѣдствій приходится переживать иному человеку!?

Молодой священникъ... жена... дѣти... приходъ... кажется, жить бы, да радоваться... Какъ вдругъ тонетъ въ рѣкѣ шестилѣтній сыннишка, въ которомъ мать души не чаешь... Проходить нѣсколько лѣтъ... Попадья мечтаетъ о томъ, что у ней родится другой сынъ, похожій на прежняго, и рождаетъ идіота. Дѣвочка

Настя, на которую родители махнули рукой, тоже становится полудиоткой... Этого мало... Бѣдная женщина съ горя начинает пить запоемъ... Въ припадкѣ тоски она вѣшается... Ее спасаютъ... Она не перестаетъ пить... Случайно сжигаетъ все имущество и обгораетъ сама... Умираетъ, и умираетъ какъ разъ въ то время, когда отецъ Василій хочетъ съ нею начать новую жизнь. Но этимъ не кончается... Священникъ принимаетъ участіе въ крестьянинѣ,—опредѣляетъ его на работу, крестьянина засыпаетъ пескомъ во время работы. Въ концѣ концовъ самъ о. Василій сходитъ съ ума и умираетъ... А вокругъ—цѣлое море мертвящей нужды и безысходнаго горя—и нѣтъ ни откуда спасенья!... Вотъ, наша жизнь! Право, какъ прочтешь, какъ подумаешь... прямо страшно становится жить, а главное, охота пропадаетъ... Посмотришь, люди борятся, страдаютъ... Горячія головы увлекаются ровными мечтами... Безумно стремятся къ новой „разумной жизни“... падаютъ, разбиваются, обливаются кровью и снова прутьъ противъ рожна... И къ чему все это?... Человѣкъ предполагаетъ, а „зловѣщая, таинственная преднамѣренность рока“ располагаетъ... И какъ ни вертись, а отъ этой преднамѣренности никуда не уйдешь... Никуда! Теперь скажите, развѣ не то же я говорилъ вамъ, да и вашимъ пріятелямъ, когда вы разрисовывали жизнь, дѣли ваши гимны въ честь „смілаго сокола“ и великолѣпнаго человѣка... Эхъ, господа, господа! Къ чему все это? Совѣтую прочесть „Жизнь Василя Фивейскаго“—поучительный рассказъ!... Отрезвляетъ!... И мой знакомый разстался со мной; „гордись собою“, онъ спѣшилъ по дѣламъ службы, и радовался тому, что нѣтъ въ жизни радости... что все это одинъ обманъ. Онъ былъ увѣренъ, что глубоко правъ въ томъ, что ни къ чему не стремится... Зачѣмъ? Къ чему? Развѣ Андреевъ не то же говорилъ?!

И я прочелъ послѣдній рассказъ Леонида Андреева, этотъ „страшно страшный рассказъ“... Тяжелое, непріятное чувство овладѣло мною... Въмѣсто „зловѣщей и таинственной преднамѣренности рока“ въ каждой строкѣ разсказа выступала слишкомъ очевидная *преднамѣренность* автора, и эта преднамѣренность казалась мнѣ зловѣщею и роковою... Мнѣ чудилось, что я стою въ темной и тихой церквѣ, стою подлѣ трупа. Тамъ же смерти сливается съ дымомъ каддила, а подъ мрачными сводами властно раздаются душу надрывающія слова, этотъ „стонъ панихиды надеждъ“. „Вся персть, вся пепель, вся сѣнь“... За этимъ стономъ, повинуюсь зловѣщей преднамѣренности, все живое, все оживленное и радостное исчезало безслѣдно, какъ дымъ, точно его и не было. Всѣ другія человѣческія слова замирали и разступались передъ тремя сестрами „Уныніемъ, Отчаяніемъ, Тоской“... и если у „трехъ сестеръ“ Чехова была хоть мечта „о Москвѣ“, у этихъ трехъ сестеръ не было никакой мечты. Одна дорога—на кладбище, одинъ кладбищенскій припѣвъ:—„и что бы онъ ни дѣлалъ—онъ умретъ“!...

Я вспомнил всё прежние очерки Леонида Андреева, и передо мной вырос цѣлый городъ мертвыхъ, городъ, о которомъ великій поэтъ смерти, Эдгаръ Поэ, когда-то писалъ:

... Здѣсь смерть себя воздвигла тронъ,
Здѣсь городъ *призрачный*, какъ сонъ
Стоять въ уединеннѣ *странномъ*.

Въ своемъ небольшомъ очеркѣ „Въ туманѣ“ Л. Андреевъ, говоритъ, между прочимъ, о своемъ героѣ гимназистѣ: „Слово *женщина* было огненными буквами выжжено въ мозгу Павла. Онъ *первымъ* видѣлъ его на каждой страницѣ. Люди говорили тихо, но когда встрѣчалось слово *женщина*, они какъ будто *выкрикивали* его. И это было для Павла самое непонятное и страшное слово“... Такимъ словомъ, непонятнымъ и страшнымъ является для Леонида Андреева слово *смерть*. Огненными буквами оно выжжено на всѣхъ произведеніяхъ молодого художника. Первымъ видитъ онъ его въ великой „книгѣ судебъ“ и не просто произноситъ это слово, а выкрикиваетъ его.

Желая провѣрить это впечатлѣніе, сталъ я вновь перечитывать произведенія Л. Андреева, рассказъ за рассказомъ. Я развернулъ на удачу небольшой очеркъ „Въ подвалѣ“. Я не думалъ о смерти, не звалъ ее, но она была ужъ тутъ какъ тутъ. Отъ каждой страницы рассказа вѣяло ей холоднымъ тѣлѣтворнымъ дыханіемъ. „У Хижнякава—читалъ я— было больное, безкровное тѣло, изнѣженное въ работѣ, изнѣденное страданьями и водкой, и смерть уже сторожила его. Самое ужасное было для него сознавать, что нужно жить. Больше всего въ мірѣ ему хотѣлось, чтобы кто-нибудь свали приложилъ револьверъ къ затылку и выстрѣлилъ“... Этотъ живой мертвецъ большую часть времени проводилъ въ постели, отъ малѣйшаго солнечнаго луча пряча голову подъ одеяло...

Я разгърнулъ другой рассказъ „Ангелочекъ“. Въ жалкомъ, безсильномъ героѣ его, ютившемся въ грязномъ подвалѣ и безпомощно лежавшемъ на неудобной холодной постели, въ каждой чертѣ лица его я прочелъ то же страшное „Memento mori“. Когда-то Иванъ Савичъ, бывший статистикъ, пилъ водку... затѣмъ началъ харкать кровью и пересталъ пить... зато стала пить его жена, грубая, грязная мѣщанка... Напившись, она била своего чахоточнаго мужа... А онъ... „лежалъ молчаливый, съжившійся отъ постоянной злобы и думалъ о несправедливости и ужасѣ человѣческой жизни“...

Я продолжалъ свой обзоръ. „Онъ не вѣрилъ въ Бога, не хотѣлъ жизни и не боялся смерти“ — прочелъ я скорбный листъ купца Лаврентія Петровича въ рассказѣ „Жили были“. Онъ лежалъ въ больницѣ и былъ кандидатомъ на кладбище. „Все, что было въ немъ силы и жизни, все было растрчено и изжито безъ нужды, безъ пользы, безъ радостъ“...— вотъ послужной списокъ Лаврентія Петровича. Онъ относился „съ недовѣріемъ къ тому, что кто-нибудь можетъ любить жизнь“...

„Я дальше иду—все гробы, да гробы—
У каждого призракъ стоитъ,
Одинъ на одномъ громоздятся гробы,
И мрачно ужасенъ ихъ видъ“...

Я дальше иду, а мнѣ навстрѣчу „тянутся страшныя въ своей безкровной худобѣ руки бабушки („Въ темную даль“)... тянется маленькое, но уже „изболѣвшее сердце“ семнадцатилѣтней Нички, блѣдненькой и худенькой дѣвушки, тянется сердце, въ которомъ „то поютъ веселыя птички, то каркаютъ черныя вороны“... передо мной не грязный подвалъ, а роскошный домъ богача, но и въ этомъ домѣ, среди этого пышнаго великолѣпія, смерть уже поселилась... опять смерть!.. Опять „гробы, да гробы!“...

Безкровные, безжизненные дряхлые люди, вѣриѣ, какія-то тѣни окружали меня. Я искалъ глазами хоть одного „живого“ человѣка, но увъ! живого человѣка я не могъ найти... Передо мною стоялъ или, вѣриѣ, лежалъ уже новый мертвецъ, титулярный совѣтникъ Данковъ, престарѣлый содержатель „дома терпимости“... Я увидѣлъ темную массу лежащаго и чѣмъ-то прикрытаго человѣка... страшное лицо, крупное, припухшее, посинѣвшее лицо утопленника, пробывшаго нѣсколько дней подъ водой“...

Я перелистывалъ дальше, но смерть всегда стояла на своемъ посту и зорко сторожила несчастнаго, обезсиленнаго человѣка. Обрывки душъ и обломки духа носились по мутнымъ волнамъ жизни и погибали безъ борьбы и безъ надежды...

Эту толпу безжизненныхъ призраковъ смѣнила цѣлая толпа самоубійцъ и убійцъ, и эта новая толпа тоже жадно стремилась навстрѣчу смерти, навстрѣчу пеглѣ, револьверу или ножу.

Вотъ героиня „Молчанія“—Вѣра. Она молчить, молчить, какъ убитая, но уже ясно, что ея надорванная душа стремится навстрѣчу холодному безмолвію смерти... „Ея рука лежала наверху бѣлаго одѣяла и почти не отдѣлялась отъ него; такая она была бѣлая, прозрачная и „холодная“... Ей нечѣмъ жить и не зачѣмъ, она уже мертва, хотя еще не убила себя. Она бросается ночью поѣздъ.

А вотъ другой самоубійца; это человѣкъ, обойденный судьбой. Его имя Сергій Петровичъ. „Все видѣнное говорило, что и для него возможно было-бы относительное счастье, но въ то же время онъ никогда не получить его—никогда!.. Плоскій носъ, толстыя губы и нивкій лобъ дѣлали его похожимъ на другихъ и стирали съ его лица индивидуальность... Бывали мгновения, когда онъ точно просыпался отъ сна и съ ужасомъ сознавалъ, что онъ все тотъ-же ничтожный и мелкій человѣкъ... и тогда онъ мечтаетъ“... Онъ мечтаетъ... о чемъ-бы вы думали?—О самоубійствѣ... Только одинъ моментъ этотъ человѣкъ началъ жить, когда кончалъ съ жизнью всѣ счеты... Смерть жила... смерть царяла... смерть торжествовала, и казалось мнѣ, что я слышу слова

Иванушки-дурачка, который говорил на праздники жизни: „та-свать бы вамъ не перетаскать“...

А вотъ рассказъ „Ложь“. Молодая пара. Онъ помѣшанъ на томъ, что всюду „ложь“. Этотъ безымянный герой говоритъ о своей безымянной подружѣ: „Я думалъ о томъ, что она лжетъ, я думалъ о смерти, и мнѣ казалось, что эти сумеречно освѣщенныя стѣны уже видѣли мою смерть, и оттого онѣ такъ холодны и прямы“.

— Я убью тебя—говоритъ онъ ей.—Убей—спокойно отвѣчаетъ она ему.—Иногда такъ скучно жить;—и этъ ее убилъ... я съ отвращеньемъ пытаюсь бѣжать изъ этого „Мертваго царства“, отъ этой *Лжи*, отъ этихъ мертвыхъ душъ на просторѣ жизни, на чистый воздухъ, но, увы, вмѣсто чистаго воздуха, меня охватываетъ странный, неподвижный *туманъ*. „Въ туманѣ“ желтомъ и холодномъ, „на сломанныхъ стебляхъ тихо умирають запоздалые, болѣзненно яркіе цвѣты“, въ туманѣ желтомъ и холодномъ зрѣеть, какъ гнойная рана, преступленіе юноши гимназиста. Этотъ юноша боленъ скверной болѣзью. Онъ „процентъ“. Нелѣпо, безцѣльно и безобразно безумно убиваетъ онъ публичную женщину столовымъ ножомъ, „облѣпленнымъ хлѣбнымъ мякишемъ... голый животъ еще вздувался, и Павелъ ткнулъ въ него ножомъ, какъ въ пузырь“... А потомъ тѣмъ же ножомъ покончилъ съ собой.

Какая гадость! дальше, дальше изъ этого *тумана*! Но... дальше—„*Бездна*“. Изъ бездны несется отрывистый крикъ „помогите!“ скорѣе туда! но и тамъ тоже все кончено, кончено со всѣмъ, что является для насъ такимъ дорогимъ и завѣтнымъ. Какъ это произошло? Я только что съ любовью провожалъ глазами ихъ, такихъ „красивыхъ, молодыхъ и чистыхъ“... ее—въ платьѣ гимназистки, его—въ красивой формѣ технолога... Они говорили „о силѣ, красотѣ и безсмертной любви“... Первая любовь озаряла ихъ милыя лица. Сама жизнь, прекрасная какъ чистый лебедь, протягивала ко мнѣ свою бѣлоснѣжную шею. Но и этихъ двухъ художникъ не пощадила. Они попали въ Бездну, „и черная бездна поглотила его“, поглотила ее... Первая невинная любовь была растоптана какими-то пьяными озвѣрѣвшими негодяями... Но этого мало: когда юноша нашелъ поруганное обезчещенное тѣло отнятой у него подружки, онъ тоже опяньблъ отъ страсти, забылъ свои слова о „силѣ, красотѣ и безсмертной любви“ и совершилъ надъ беззащитнымъ измученнымъ тѣломъ тоже гнусное насиліе...

Да что-же это такое?! Дальше некуда идти! Дальше „*Стѣна*“. Стѣна, „живая и подлая, равнодушная и тупая“. Объ эту стѣну бьются окровавленными головами прокаженные и полные отчаянія кричать „зловоннымъ и гнуснымъ голосомъ:—Убейте насъ!“

„Убейте насъ!“—Этотъ пароль и лозунгъ почти всѣхъ на-ніаковъ-героевъ Андреева съ отвратительной назойливостью звучалъ въ моихъ ушахъ. Эти „обреченные“ на смерть, эти обре-

кающие себя и других на то же глядѣли на меня, „какъ живые“, хотѣлъ я сказать, но лучше скажу, глядѣли, какъ мертвые, которымъ любящая рука не „закрыла глазъ“ вопреки законамъ божескимъ и человѣческимъ, не закрыла потому, что такъ хотѣла *предназначенность* автора.

Даже „золотые сердца годы“, годы дѣтства вставали предо мной при чтеніи рассказовъ Л. Андреева, отмѣченные печатью тоски и проклятья. Развѣ дѣти въ произведеніяхъ Андреева—дѣти?—Это какіе-то старика! Развѣ маленький мальчикъ „Валя“, съ большой книгой въ рукахъ, книгой о страшныхъ волшебникахъ, похожъ на ребенка? Даже когда онъ спитъ въ своей дѣтской постелькѣ, на бѣломъ личикѣ его, „такомъ-же бѣломъ, какъ подушки“, отражаются мрачныя тѣни смерти: „Казалось, черные глаза его, прямые и строгіе, требуютъ отвѣта и грозятъ бѣдою и невѣдомымъ горемъ, а губы кривятся въ странную ироническую усмѣшку“...

А Петька? („Петька на дачѣ“)... ему всего 10 лѣтъ, а онъ, этотъ вялый, тоскующій Петька, уже усталъ жить. Можетъ-быть, онъ проживетъ положенное ему время, никого не убьетъ и даже, сверхъ ожиданія, съ собой не покончитъ, но лучше бы художникъ и его прикончилъ. Развѣ Петька живетъ? Онъ цѣлый день прислуживаетъ въ парикмахерской. Онъ слышитъ только два слова; „Мальчикъ, воды!“ вмѣсто тепла и ласки онъ получаетъ только колотушки. Для него „только и свѣта, что въ окнѣ“, но хоть въ окнѣ, да есть-же ему свѣтъ, для Петьки и этого нѣтъ. Въ окно парикмахерской нагло глядитъ полусвѣтъ „домовъ терпимости“, въ окно парикмахерской безстыдно несетъ зловоніе разврата. Нѣтъ, смерть все-таки лучше, чѣмъ *такая* жизнь. Авось, утѣшалъ я себя мыслью, и Петька какъ-нибудь додумается до самоубійства.

Вѣдь герой „Ангелочка“, Сашка, уже близокъ къ такому рѣшенію вопроса, „быть или не быть“. Этому маленькому Гамлету „временами хотѣлось перестать дѣлать то, что называется жизнью. Но...ему было 18 лѣтъ, и онъ не зналъ всѣхъ способовъ, какими люди перестаютъ жить, когда захотятъ этого“... значить, остановка только за этимъ. Если-бы Сашка зналъ, какъ сдѣлать, чтобы „не быть“, онъ бы не почувствовалъ никакого страха „передъ тою непонятной, невѣдомой страной, страной, откуда нѣтъ и не было возврата“, какъ почувствовалъ большой Гамлетъ.

Но довольно! слишкомъ довольно! Я посмотрѣлся на то, какъ люди умираютъ, убиваютъ себя, убиваютъ другихъ... Я хотѣлъ знать, какъ люди живутъ, смѣются, веселятся... я хотѣлъ видѣть, „какъ цвѣтеть бѣлый наливъ“... Но такихъ людей у г. Андреева нѣтъ.

И въ саду его творчества бѣлый наливъ не цвѣтеть... у молодого художника

„Сады надеждъ бемолвны,
Имъ больше не цвѣсти“.

Герои Андреева или умираютъ, потому что не могутъ и не хотятъ жить, или живутъ только потому, что не смѣютъ умереть, живутъ, такъ сказать, по инерціи, хотя и жить-то имъ нечѣмъ. Я вспомнилъ такого „живого мертвеца“ Андрея Николаевича, эту „Кикамору“, какъ называетъ этого героя когда-то любившая его дѣвушка... трудно сказать, кто больше мертвецъ, хозяинъ-ли его квартиры, который, напившись и потерявъ „двѣ кошійки щербатыхъ“ причитаетъ плача—„Господи, да когда-же ты приберешь меня?“—или Андрей Николаевичъ, эта чернильная клякса? Только одного хочетъ Андрей Николаевичъ: сидѣть „у окна“, смотрѣть, какъ живутъ другіе, и не испытывать того страха, который идетъ вмѣстѣ въ жизнь. Въ эти минуты время застывало для него. Такъ могли проноситься годы, и ни одного чувства, ни одной мысли не прибавилось-бы въ *омертвѣвшей* душѣ. Андрей Николаевичъ подмѣнилъ жизнь сидѣньемъ „у окна“, но это сидѣнье—не жизнь.

Я нашелъ у Леонида Андреева „Смѣхъ“, но это смѣхъ маскарада. Равнодушные люди хохотали надъ негѣпой маской, и никто не хотѣлъ видѣть, никто не хотѣлъ понять, что подъ этой, ничего не выражающей маской, льются „незримыя міру слезы“, слезы оскорбленной любви, слезы истекающаго кровью сердца.

Я нашелъ у г. Андреева пляску, но это была „пляска мертвецовъ“ у „Стѣны“ среди замирающихъ стонovahъ больныхъ несказанной боли. „Ихъ было четверо... они сходились, расходились, обнимали другъ друга и кружились, и лица у нихъ были блѣдныя, измученныя, безъ улыбки. Одинъ изъ нихъ заплакалъ, потому что усталъ отъ безконечнаго танца“.

Я нашелъ у г. Андреева сильнаго смѣлаго человѣка, онъ бросаетъ въ лицо жизни дерзкій вызовъ: „умремъ, а не сдадимся!“ Но... этотъ человѣкъ—воръ. („Въ подвалѣ“).

Я нашелъ у г. Андреева беззавѣтно и безкорыстно любящую дѣвушку („На рѣкѣ“), но она—проститутка. Ей некуда идти. Всею душой она прилѣпилась къ титулярному совѣтнику Данкову, а этотъ Данковъ содержатель публичнаго дома, уже разлагающійся трупъ, и этотъ трупъ не согрѣетъ никакое преданное сердце и не воскреситъ никакая жертва¹⁾.

Я нашелъ у Л. Андреева людей, которые мечтаютъ не только о револьверѣ или петлѣ. Они, эти люди, стоятъ „выше жизни“ или, вѣрнѣе, внѣ жизни. Они всею душой, всеми помыслами ушли въ мечту о „Большомъ шлемѣ“. За этимъ большимъ шлемомъ они совершенно не видятъ другъ друга... они благоденствуютъ! но и тутъ смерть слишкомъ зло подшутила: она

¹⁾ Проститутки фигурируютъ у Андреева чуть не въ каждомъ рассказѣ: „Въ подвалѣ“, „На рѣкѣ“, „Въ туманѣ“, въ „Взвѣдѣ“, въ рассказѣ „Петька на дачѣ“.

сбѣшала карты игроковъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда у одного изъ нихъ былъ на рукахъ „большой шлемъ“. Онъ скоропостижно умеръ на своемъ посту—у зеленого поля. Его партнеры-мечтатели поняли весь трагизмъ происшедшаго. Этого несчастнаго счастливаца они проводили въ другой міръ, туда, гдѣ зеленое поле замѣняютъ Елисейскія поля, такими глубоко почувствованными словами: „и никогда онъ не узнаетъ, что на рукахъ у него былъ вѣрный большой шлемъ... Никогда!“

Есть у Андреева только одинъ живой человѣкъ. Этотъ человѣкъ счастливъ, этотъ человѣкъ радуется жизни, онъ страшно любилъ жизнь, людей и весь Божій міръ... но и этого человѣка доктора, повинувая „предзнамѣренности“ художника, приговорили къ смерти, и онъ умираетъ и съ великою скорбью чувствуетъ всѣмъ своимъ существованіемъ, что никогда не увидитъ „какъ цвѣтеть бѣлый наливъ. Никогда!“

Я захопнулъ книгу съ какою-то злобой! Что-то кошмарное, безнадежное, какъ желтый и холодный туманъ, давило меня. Больницы, подвалы... постели и снова постели... могилы... могилы безъ конца... дома терпимости... пьяный угаръ... веревка, револьверъ и ножъ—вотъ та милая „обстановочка“, въ которой вмѣсто жизни была какая-то слякоть, да „горе, горе, горе“!..

Не нужно было присматриваться къ физиономіямъ героевъ Д. Андреева, чтобы видѣть, что всѣ они, за немногими исключеніями, больные, ненормальные люди. Можно было-бы сказать: нормальный герой Андреева—это ненормальный человѣкъ. Вотъ идиотъ, неимѣющій имени, въ рассказѣ „Жизнь Василя Ойвейскаго“, тамъ-же полуидиотка Настя, тамъ-же страдающій религіознымъ помѣшательствомъ (*mania religiosa*) священникъ, тамъ-же алкоголичка и страдающая галлюцинаціями жена священника—это все въ одномъ рассказѣ!... Вотъ безымянный герой рассказа „Ложь“, тоже сумасшедшій; вотъ докторъ Керженцовъ, страдающій маніей величія и еще въ дѣтствѣ обнаруживавшій признаки нервного расстройства („Мысль“); гимназистъ Павелъ („Въ туманѣ“), равнодушно не могущій слышать слово „женщина“; технологъ Нѣмовецкій („Бездна“), совершающій гнусное насиліе надъ беззащитнымъ тѣломъ поруганной подружки... Сергій Петровичъ („Сергій Петровичъ“), этотъ человѣкъ безъ особенныхъ примѣтъ, этотъ случайный нищепанецъ „на часъ“, убивающій себя, чтобы хоть на минуту почувствовать себя сильнымъ, „особеннымъ“; наконецъ меланхоликъ и алкоголикъ Нижнаковъ и узкогрудый Иванъ Савичъ—бывшій статистикъ—все это слабые, выражаясь словами Ибсена („Привидѣнія“), „какъ-бы подточенные червями люди“. Диагнозъ доктора Керженцова, поставленный имъ надъ своей болѣзвью, вполне приложимъ къ большинству изъ этихъ привидѣній: „*Это дегенерация*... Я одинъ изъ вырождающихся—говорилъ докторъ Керженцовъ—какихъ много, какого можно найти, если поискать повнимательнѣе, среди васъ. Мои нравственныя воззрѣнія вы можете объяснить не

сознательною продуманностью, а дегенераціей“. „Дегенерантъ“— вотъ названіе этихъ „запоздалыхъ, болѣзненно яркихъ цвѣтовъ“...

На почвѣ этой физической „подточенности“, этой дегенераціи, не можетъ быть, разумѣется, жизнерадостнаго творчества. Дряблость духа поражаетъ насъ почти въ каждомъ героѣ Л. Андреева. Дегенерація Павла гимназиста, Керженцова и Нѣмовецкого выражается особенно ярко въ цѣломъ рядѣ фактовъ половой извращенности, а иногда въ полной аморализаціи. Такъ на примѣръ, докторъ Керженцовъ, будучи студентомъ, крадетъ у бѣдныхъ товарищей деньги, кутитъ на нихъ и странно доволенъ, что никто его не уличилъ и что онъ такъ безтрепетно переступилъ законы Божескіе и человѣческіе... Когда умираетъ его отецъ, онъ идетъ къ его любовницѣ и его больше всего приводитъ въ восторгъ мысль, что она отдается ему на глазахъ трупа. Гимназистъ Павелъ рисуетъ на бумажкахъ всякія мерзости, а Нѣмовецкій совершаетъ насиліе надъ тѣломъ своей подруги— всѣ эти черты разложенія и раньше жестокой эпикурейской талантъ Достоевскаго отмѣчалъ въ нашей литературѣ. Вспомните отца Карамазовыхъ, который совершилъ гнусность надъ юрдиной дѣвкой, крайне уродливой Елизаветой Смердящей... Вспомните Свидригайлова, который хвастался, что „чувствуетъ влеченіе къ маленькимъ тшедушнымъ дѣвочкамъ“ („Преступленіе и наказаніе“). Вспомните Ставрогина, который, по словамъ одного изъ своихъ товарищей, по своей извращенности могъ конкурировать съ извѣстнымъ маркизомъ Де-Садъ („Вѣсы“).

Эдгаръ Поэ когда-то удѣлялъ вопросу объ извращенности не мало мѣста въ своихъ произведеніяхъ („Черный котъ“, „Демонъ извращенности“, „Паденіе дома Эшеръ“). Толкованіе Эдгаромъ Поэ этой типичной черты дегенерантовъ въ высшей степени глубоко и служитъ великолѣпнымъ дополненіемъ и, такъ сказать, предсказаніемъ „Бездны“ Л. Андреева и его рассказовъ „Въ туманѣ“ и „Мысль“. Нужно замѣтить, что „Демонъ извращенности“ Эдгара Поэ получаетъ доступъ въ душу почти каждаго человѣка. „Насколько вѣрно, что я живу“—говоритъ одинъ изъ героевъ Эдгара Поэ—настолько-же несомнѣнно для меня, что извращенность является однимъ изъ самыхъ первичныхъ побужденій человѣческаго сердца, одной изъ основныхъ нераздѣлимыхъ способностей, дающихъ направленіе характеру человѣка. Кто-же не чувствовалъ сотни разъ, что совершаетъ глупость или низость только потому, что, какъ онъ знаетъ, онъ не долженъ-бы этого дѣлать. Эта непосредственная жажда души мучить себя (вспомните „жестокой талантъ“ Достоевскаго—В. Л.)—и именно пронаводитъ насиліе надъ собственной природой—дѣлать зло ради самого зла—побуждала меня продолжать несправедливость,—говоритъ алкоголикъ, герой рассказа „Черный котъ“... Въ рассказѣ „Демонъ извращенности“ Эдгаръ Поэ возвращается къ той-же темѣ и указываетъ на то-же свойство души. „На нѣчто

парадоксальное, что мы можем назвать, говорить онъ, извращенностью. Мы стоимъ на краю *бездны*. Мы глядимъ въ бездну— у насъ кружится голова. Наше первое движеніе отступить отъ опасности, но непонятнымъ образомъ мы остаемся—(вспомните Нѣмоведца въ „Безднѣ!“—В. Л.)—мало-по-малу наша дремота и головокруженіе и ужасъ сливаются въ одно *туманное* неопредѣленное чувство—посредствомъ измѣненной еще болѣе незамѣтныхъ это *туманное* чувство принимаетъ явственныя очертанія... Но изъ этихъ нашихъ *тумановъ* (вспомните преступленіе сифилитика гимназиста, совершенное „Въ туманѣ“—В. Л.),—тумановъ ползущихъ надъ краемъ бездны, возникаетъ до осязательности формы гораздо болѣе страшное, чѣмъ сказочный духъ, всякій демонъ,—и однако это не болѣе какъ *Мысль*. Но мысль ужасающая, охватывающая насъ холодомъ до глубины души (вспомните доктора Керженцева убивающаго друга и упивающагося „Мыслью“ объ этомъ преступленіи—В. Л.), мысль, проникающая насъ всецѣло жестокой услугой своего ужаса. Нами овладѣваетъ весьма простая мысль:—А что если броситься внизъ съ такой высоты! что испытали-бы мы тогда? и мы страшно хотимъ этого полета—этого бѣшенаго паденія—именно потому, что оно связано съ самой ужасной, самой чудовищной смертью“.

Таковъ „Демонъ извращенности“ Эдгара Поэ, и таковы (скажемъ мы между прочимъ) „смутные намеки“ въ произведеніяхъ этого художника на творчество Л. Андреева.

Разумѣется, изъ того факта, что въ каждомъ почти изъ насъ сидитъ этотъ „демонъ“, вовсе не слѣдуетъ, что всѣ должны бросаться въ бездну, расплываться „въ туманѣ“ и падать отъ предательскихъ ударовъ собственной мысли: задерживающіе центры насъ охраняютъ. Но герои Л. Андреева безвольны. Благодаря полному безволю они превращаются въ какія-то привидѣнія, въ какія-то колеблющіяся тѣни... Хижниковъ, наиримѣръ, боялся собственного голоса и собственныхъ мыслей. Онъ молился кому-то, чтобы день не приходилъ, и ему всегда можно было лежать подъ грудой тряпья, не шевелясь и не мысля, мечтая о самоубійствѣ. Онъ желалъ, чтобы *кто-нибудь другой* убилъ его... То же самое и прокаженные у „стѣны“. Они кричали другимъ: „убейте насъ! убейте насъ“. Хижниковъ любилъ воровъ, „потому что они смѣлые“, а Сергій Петровичъ благоговѣлъ передъ Натцце, потому что онъ воспитѣлъ сильнаго человѣка. Ивана Савича („Ангелочекъ“) жена бьетъ, а маленькій сынишка презираетъ его за слабость и ложь и объясняется съ отцомъ, какъ взрослый съ ребенкомъ. „Ну, что еще? Совсѣмъ, ну, совсѣмъ какъ маленькій“, сурово шепталъ Сашка надъ всхлипывающимъ отцомъ.

Андрей Николаевичъ („У окна“) приходилъ въ ужасъ отъ жизни, въ которой такъ много неожиданнаго и непонятнаго... Онъ отказался отъ счастья любви, даже въ это время у него не выросли крылья, и онъ бѣжалъ, какъ и у Вересаева герой разказа „Встрѣча“ бѣжалъ отъ счастья. Андрею Николаевичу хотѣлось

жениться... Но онъ былъ чужовѣкомъ, который заблѣваетъ отъ перемены квартиры, а тутъ являлось столько новаго, что онъ могъ умереть: идти къ священнику, искать шаферовъ, которые могутъ не явиться, а тогда за ними надо ѣхать, торговаться съ извозчиками; потомъ идти или ѣхать въ церковь, которая можетъ быть заперта, а сторожъ потерялъ ключъ и народъ смѣтой... и т. д., и т. д.

А что дѣлаетъ студентъ Нѣмовецкій, при видѣ измученнаго тѣла своей подруги? Набросился на него, „дѣлая, плача, чувствуя передъ собой какую то бездну, темную, страшную, притягивающую. *Нѣмовецкаго не было*, Нѣмовецкій остался гдѣ-то позади, а тотъ, кто былъ, теперь съ страшной жестокостью мялъ горячее податливое тѣло и говорилъ съ хитрой усмѣшкой безумнаго: Отзовись, или ты не хочешь? Я люблю тебя, люблю тебя!“ Для гимназиста Павла лучше умереть, лучше убить себя и другого, чѣмъ поговорить съ отцомъ о своей болѣзни, болѣзни, правда, скверной, и серьезно начать лѣчиться. А вѣдь гимназистъ Павелъ—мыслящій юноша и со своимъ другомъ отцомъ онъ ведетъ бесѣды о „ироституціи“ и о „процентѣ“ заблѣвающихъ... („Въ туманѣ“)...

Безволіе, граничащее съ потерей личности и принимающее патологическій отпечатокъ, лучше всего выливается въ формулу: „Нѣмовецкаго не было“. Лучше не нужно счастья, только бы не пошевеливаться, только бы не подняться съ постели навстрѣчу солнцу изъ-подъ груды тряпья... Постель не даромъ является пьедесталомъ для большинства этихъ дряблыхъ, лишенныхъ индивидуальности людей.

Подавленность одиночества, чувство крайней безпріютности, покинутости и беспомощности глядятъ въ глаза читателю изъ всѣхъ этихъ парикмахерскихъ, больницъ, подваловъ и даже высокихъ хоромъ. Въ разсказѣ „Большой шлемъ“ витязи зеленого поля сходятся, играютъ, расходятся и никто изъ нихъ не спроситъ своего партнера, есть-ли у него хоть какое-нибудь пристанище въ жизни? Куда онъ улетучивается, когда перестаетъ винтить?

Безымянному герою разсказа „Ложь“ казалось, что десятки людей ходятъ взадъ и впередъ, ждуть, дрогнуть и молчать, и думать о чемъ-то своемъ, загадочномъ и печальномъ.

Между всѣми героями Л. Андреева легла „бездонная пропасть, которая отдѣляетъ человѣка отъ человѣка, дѣлаетъ его такимъ одинокимъ, несчастнымъ и слабымъ“. По разному тоскуютъ и плачутъ ихъ больныя сердца. Что общаго между о. Игнатіемъ и его женою и дочерью? Что общаго у Василя Фивейскаго и его семьи? Что общаго между Сергѣемъ Петровичемъ и его другомъ Новиковымъ? Между купцомъ Лаврентіемъ Петровичемъ и цѣлымъ міромъ? Между „иностранцемъ“, мечтающимъ болѣзненно о свободной Европѣ, и его коллегами, беззаботно прожигающими жизнь? Что общаго между Николаемъ и его родными, отъ которыхъ онъ уходитъ „Въ темную даль“? Что общаго между гимна-

вистомъ Павломъ и его прогрессивнымъ отцомъ даже въ тѣ минуты, когда они бесѣдуютъ на общія темы?... Развѣ отецъ знаетъ, что творится съ его глубоко несчастнымъ мальчикомъ? Что, наконецъ, общаго между докторомъ Керженцовымъ и его знаменитымъ отцомъ?

Бездонная пропасть легла между ними, и болѣзненное одиночество давить ихъ своимъ кошмаромъ, и въ то же время они сами бѣгутъ отъ людей, какъ бѣжитъ животное, почувшавшее смерть, отъ своей стаи... Они со страхомъ, съ отвращеніемъ, съ презрѣніемъ думаютъ о другомъ человѣкѣ. „Да вамъ же скучно безъ людей?“—говоритъ Наташа Андрею Николаевичу,—„да что въ нихъ, въ людяхъ? Свара одна, да непріятности. Не такъ скажешь, не такъ сядешь... одинъ-то я самъ себѣ господинъ, а съ ниминадо“...

Купецъ Лаврентій Петровичъ („Жили были“) спрашиваетъ больничную прислугу: „А можно сдѣлать такъ, чтобы совѣмъ ко мнѣ не пускали?“ и когда ему отвѣчаютъ утвердительно,—угрюмый больной весь этотъ день выглядитъ веселѣе.

Характерно, что многіе изъ этихъ больныхъ, одинокихъ людей переоцѣниваютъ себя и недооцѣниваютъ, презираютъ другихъ... „Я былъ единственный человѣкъ, котораго я уважал“, говоритъ о себѣ Керженцовъ... Лаврентій Петровичъ „съ вызовомъ и насмѣшкой смотрѣлъ на всѣхъ обитателей больницы... Онъ глядѣлъ на дьякона и злорадно шепталъ:—дур-ракъ!... Потомъ онъ глядѣлъ на спящаго студента, котораго днемъ цѣловала дѣвушка, и еще съ большимъ злорадствомъ поправлялся—дур-раки!“... Отецъ Василій Оивейскій думалъ о себѣ, что онъ „избранъ“ совершить чудо—спасти весь міръ... Даже маленькій Сашка глядѣлъ волочкомомъ и презиралъ всѣхъ и своего отца въ томъ числѣ.

Всѣ эти одинокіе люди бѣгутъ отъ другихъ людей въ свой темный уголъ, въ свое одиночество, дальше отъ этихъ чужихъ „сгибающихся людей“. Одиночество ихъ послѣднее пристанище, но въ то же время одиночество и могила ихъ; вѣдь то же одиночество заставляетъ ихъ глубоко прочувствовать страшную трагедію покинутости, подавленности и безпріятности. Тотъ же Лаврентій Петровичъ, который такъ радовался, когда узналъ, что его никто „изъ близкихъ“ не будетъ посѣщать, переживалъ страшную тоску одиночества, когда на его глазахъ загорались счастьемъ первой весенней любви два любящія сердца. Тотъ же Керженцовъ, который съ гордостью говорилъ: „я люблю, что я одинокъ, и ни одинъ любопытный взглядъ не проникъ въ глубину моей души съ ея темными провалами и безднами“, тотъ же Керженцовъ приходитъ въ ужасъ и отчаяніе отъ своего одиночества и въ сильныхъ словахъ характеризуетъ его—говоря: „великое и грозное одиночество, когда и свади, и впереди, и кругомъ віющая пустота; ужасное одиночество, когда тотъ, который живетъ, чувствуетъ, мыслитъ, который такъ дорогъ и единственный, такъ малъ, и безконечно ничтоженъ, и слабъ, и каждую секунду готовъ потухнуть. Зловѣщее одиночество, когда самого себя и соста-

вляю лишь ничтожную частичку, когда я въ самомъ себѣ окруженъ угрюмо молчаливыми, таинственными врагами. Куда ни иду, я всюду несу ихъ съ собою. Одинокій въ пустыни вселенной, и въ самомъ себѣ не имѣю я друга. Безумное одиночество, когда я не знаю, кто я одинокій?!“... („Мысль“).

Итакъ, болѣзнь воли, отсутствіе задерживающихъ центровъ разорванность мыслей, упорная апатія и постепенное угасаніе, личности, обособленность отъ людей, боязнь жизни и безумная мечта о смерти—таково „мертвое царство“ въ произведеніяхъ Л. Андреева. Безнадежность, безутѣшность и бесполезность устилаютъ холодною снѣжною пеленою прошедшее, настоящее, будущее этихъ „живыхъ мертвецовъ“. „Набатъ“ ужаса, „Молчанье“ смерти, „Бездна“ безобразія, „Туманъ“ разврата, „Стѣна“ преграда и, наконецъ, преднамѣренность „Рока“—вотъ тѣ привраки, которые—сильнѣе жизни. Они отрицаютъ жизнь, они развѣдаютъ душу, они убиваютъ надежду, они помрачаютъ мысль, они знаютъ только одно проклятое слово, это слово: „никогда“.

ГЛАВА II.

У великаго американскаго писателя Эдгара Поэ, „страшнаго и причудливаго безумнаго человѣка“, который умѣлъ чувствовать само чувство, есть удивительно сильно написанный разсказъ, заглавіе котораго „Молчаніе“. Передъ нами печальная область, которую Дьяволъ проклялъ заклятіемъ Молчанія... Проклялъ и рѣку, и долину, и небо, и громъ, и вихри водяныхъ лилій... И стали они проклятые и погрузились въ безмолвіе... И человѣкъ задрожалъ, отвратилъ лицо свое и убѣжалъ прочь... Убѣжимъ этого человѣка былъ гигантскій утесъ. Тамъ на вершинѣ утеса сидѣлъ человѣкъ, и глаза его были безумны отъ заботы, и въ немногихъ морщинахъ на его щекахъ великій художникъ прочелъ повѣсть скорби, и усталости, и отвращенія къ человѣчеству, и жаднаго стремленія къ одиночеству. Человѣкъ сидѣлъ на утесѣ, склонивши голову на руку, и взиралъ на картину безутѣшности. И человѣкъ трепеталъ въ уединеніи, а ночь убывала, а онъ сидѣлъ на утесѣ. И только безмолвіе заставило его покинуть утесъ и бѣжать въ пустыню...

Этотъ одинокій человѣкъ, проникнутый отвращеніемъ къ человѣчеству—герой Леонида Андреева. Эта область, проклятая заклятіемъ молчанія—жизнь, которую онъ изображаетъ. „Дико-звучащая струна“ его лиры отняла у жизни прелесть и смыслъ, интересъ и борьбу, обративъ ея сіяющій дворецъ въ заколдованный замокъ, а гимнъ славы въ стонъ панихиды.

Приглядываясь къ индивидуальности художника, мы прежде всего не можемъ не замѣтить родственности его таланта таланту вышеупомянутаго Э. Поэ.¹⁾ Намъ думается, мы не ошибемся, если Э. Поэ назовемъ духовнымъ отцомъ Л. Андреева. Произведе-

¹⁾ Сопоставленіе этихъ двухъ писателей было сдѣлано нами около года тому назадъ въ „Одѣскихъ Новостяхъ“.

денія американскаго поэта, который „весь былъ обвѣянъ изысканнымъ чувствомъ странности“, могутъ послужить прекраснымъ ключемъ къ большому творчеству Л. Андреева и отгѣнить характерныя черты его индивидуальности, его стиля, въ особенности благодаря тому, что Э. Поэ дѣлалъ часто то, чего совсѣмъ не дѣлаетъ Л. Андреевъ: онъ часто мимоходомъ говорилъ о характерныхъ чертахъ новаго искусства, о приемахъ и направленіи своего творчества, правда косвенно, когда создавалъ пѣлый рядъ типовъ своихъ причудливыхъ художниковъ. Мы стараемся воспользоваться его образами и какъ бы невзначай оброненными словами, для уясненія литературной фizioноміи нашего молодого писателя.

Э. Поэ, оказавшій такое огромное вліяніе на представителей „новаго искусства“, стоитъ какъ-бы на рубежѣ двухъ столѣтій. До него мы видимъ представителей нѣмецкаго романтизма первой четверти 19-го вѣка: Новалиса, Тика, Гофмана и другихъ его предшественниковъ, его духовныхъ отцовъ, послѣ него мы видимъ представителей „новаго искусства“ Аннунціо, Водлера, Уайльда, Метерлинка, Пшибышевскаго и другихъ его послѣдователей, его духовныхъ дѣтей.

Э. Поэ родился въ Балтиморѣ въ 1811 г. Его мать была актрисой, отецъ увлекался театромъ... Э. Поэ рано осиротѣлъ и былъ взятъ на воспитаніе богатымъ купцомъ Алленомъ. Поступивши въ университетъ, онъ велъ разгульную жизнь и за безчинства былъ изгнанъ изъ университета. Безъ денегъ, безъ друзей скитался онъ по Европѣ, велъ жизнь, полную приключеній, и въ концѣ концовъ подалъ въ Петербургъ, гдѣ, какъ и покойный Помяловскій, бродилъ по кабакамъ и велъ разгульную жизнь бродяги. Его разыскали, помогли ему перебраться на родину, гдѣ Э. Поэ въ 1827 г. издалъ сборникъ своихъ юношескихъ стиховъ. Поэтъ до конца своихъ дней много пилъ, испытывая крайнюю нужду... Умеръ онъ, какъ и Помяловскій, въ госпиталѣ, куда былъ доставленъ въ пьяномъ видѣ изъ кабака случайными собутыльниками.

Въ 1901 году на нашемъ рынкѣ одновременно съ новымъ изданіемъ его рассказовъ, выщущенныхъ фирмой „Скорпионъ“ въ Москвѣ, появились „Рассказы“ Леонида Андреева въ изданіи товарищества „Знаніе“. Издатели сочиненій Э. Поэ, въ своей краткой замѣткѣ о томъ, что Э. Поэ оказалъ вліяніе и на нашего Достоевскаго, ни словомъ не обмолвились объ Л. Андреевѣ ¹⁾.

А между тѣмъ вліяніе Э. Поэ на Л. Андреева очевидно. Сравните нѣсколько произведеній того и другого: „Мысль“, „Молчаніе“, „Набатъ“ Л. Андреева, „Демонъ извращенности“, „Молчаніе“, „Колъкольчики и Колокола“ Э. Поэ.

¹⁾ Объясняется это отчасти тѣмъ, что Л. Андреевъ, при выходѣ въ свѣтъ 1-го тома Э. Поэ въ 1901 г., былъ еще неизвѣстенъ, хотя въ томъ-же 1901 г. уже приобрѣлъ извѣстность съ выходомъ въ свѣтъ его книги „Рассказы“.

Подобно тому, какъ въ разсказѣ г. Андреева убійца-докторъ Керженцовъ ведетъ свой дневникъ и письменно исповѣдывается передъ нами въ своемъ преступленіи, въ тончайшихъ ощущеніяхъ своей больной души собираясь предстать передъ судомъ, такъ въ разсказѣ „Демонъ извращенности“ убійца исповѣдывается передъ нами устно во всемъ, что пережилъ онъ, совершивъ преступленіе, но исповѣдывается уже послѣ суда. И содержащійся въ домѣ для умалишенныхъ на испытаніи докторъ Керженцовъ, и отбывающій наказаніе герой Э. Поэ—оба люди далеко не нормальные. Послѣдній подробно объясняетъ посѣтителю, почему онъ носитъ вандалы. „Если-бы я не былъ такъ пространенъ—говорить онъ—вы совѣтъ не поняли-бы меня влп, какъ этотъ весь подлый сбродъ, сочли-бы меня сумасшедшимъ“. Разсказъ каторжника о томъ, какъ онъ задумалъ преступленіе и что чувствовалъ послѣ совершенія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ напоминаетъ странички изъ дневника Керженцова. Напримѣръ: „недѣли и мѣсяцы я размышлялъ о средствахъ убійства“ говоритъ герой Э. Поэ, или „невозможно представить себѣ, какое роскошное чувство удовлетворенія возникло въ моей груди, когда я размышлялъ о своей полной безопасности“.. и т. д.

Фабулы разсказовъ „Молчаніе“ рѣзко отличаются одна отъ другой: вѣрнѣе было бы сказать—у Э. Поэ нѣтъ никакой фабулы. То, что Э. Поэ сказалъ объ одномъ изъ своихъ героев („Паденіе Дома Эшеръ“), то вполне приложимо къ этому разсказу: „Непобѣдимымъ ужасомъ вѣстъ отъ этого чистаго отвлеченія, которое *ипохондрикъ* старался положить на полотно“. Оба автора изображаютъ чувство, переживаемое человѣкомъ, когда его со всѣхъ сторонъ объемлетъ царство безмолвія. Помните, съ какимъ ужасомъ бѣжитъ о. Игнатій отъ безмолвной могилы дочери? Помните, какі трепещетъ въ уединеніи этотъ суровый старикъ? То же самое переживаетъ и одинокій герой Э. Поэ, когда бѣжитъ въ пустыню, блѣдный отъ ужаса въ области, которую дьяволъ проклялъ заклятіемъ молчанія.

Наконецъ сравнимъ „Колокольчики и Колокола“ Э. Поэ и „Набатъ“ Л. Андреева. Въ этомъ стихотвореніи „съ особеннымъ подборомъ звуковъ, а также и словъ“ поэтъ, передавая, какъ поютъ колокола свадебный гимнъ и *requiem*, между прочимъ, рисуетъ, если можно такъ выразиться, картину Набата. Прислушайтесь на одну минуту, „какъ стонетъ Мѣдный Адъ“ у Э. Поэ... ¹⁾.

1) „Эти звуки въ дикой мукѣ сказку *ужасовъ* твердятъ,
Точно *молятъ* имъ помочь...“

Каждый звукъ
То длиннѣе, то короче
Выкликаетъ свой испугъ.

И испугъ ихъ такъ великъ.
Такъ безуменъ каждый крикъ,
Что разорванные крики, неспособные звучать,
Могутъ только *биться, виться и кричать*, кричать. кричать!!

Безумная быстрота звуковъ, властно разгоняющихъ сонъ ночи, звуковъ, выражающихъ ужасъ и отчаянный призывъ на помощь— вотъ содержаніе обоихъ образовъ...

Мы могли-бы еще сослаться на рассказъ Л. Андреева „Смѣхъ“ и рассказъ Э. Поэ „Гопъ-Фрогъ“, въ которыхъ замѣчаются нѣкоторыя черты, правда, отдаленнаго сходства.

Но, разумѣется, не въ этихъ, иногда, часто внѣшнихъ чертахъ обнаруживается вліяніе Э. Поэ на Л. Андреева. Мы напомнимъ читателямъ господствующій мотивъ всѣхъ произведеній Э. Поэ. Та же „панихида надеждъ“, то же молчаніе смерти, та же безутьность и безрадостность, то же мучительное одиночество. Американскій поэтъ, какъ и нашъ молодой художникъ, ведетъ за собою читателя „въ край печальный, нелюдимый, къ край, тоскою одержимый“. Его герои, какъ и герои Л. Андреева, жадно стремятся къ одиночеству и трепещутъ въ уединеніи... Тѣ же дегенеранты: алкоголики („Черный котъ“), морфинисты („Овальный портретъ“, „Сказки извилистыхъ горъ“), ипохондрики („Паденіе дома Эшеръ“), сумасшедшіе („Демонъ извращенности“) проходятъ передъ нами въ „Мертвое царство“!

„И Ангелы, съ мѣсть поднимаясь, блѣднѣютъ.
Они утверждаютъ, объятые тьмой,
Что эта трагедія жизнью зовется,
Что Червь—Побѣдитель той драмы герой!“

Мы отнюдь не забываемъ, что героя Л. Андреева отъ героя Э. Поэ отдѣляетъ почти цѣлое столѣтіе. Герой Э. Поэ, это *последній* человекъ умирающей феодальной эпохи, обитающій въ старинномъ замкѣ или въ домѣ, искрошившіеся камни котораго говорятъ о вѣкахъ, о цѣломъ рядѣ поколѣній, о внѣшнемъ и внутреннемъ разложеніи. Вспомните старинный Домъ Эшеръ, замокъ Метценгерштейна со старинными портретами и страшными легендами, дворецъ Герцога, гдѣ появилась „Маска Красной Смерти“, королевскіе чертоги въ рассказѣ „Гопъ Фрогъ“; средневѣковой легендой вѣетъ отъ „Овальнаго портрета“, и отъ „Тѣни“, и отъ „Маски Красной Смерти“...

Герой Л. Андреева обычно ютится по угламъ и подваламъ. Это—последній мѣщанинъ, но не мѣщанинъ въ родѣ какого-либо крупнаго капиталиста—угольного или нефтяного короля, не последний отпрыскъ аристократіи денежнаго мѣшка, смѣнившей на западъ аристократію „Крови и Желѣза“ и уже ожидающей себя смѣны тоже: у насъ среди крупныхъ буржуа еще не народился последний, и пока мы присутствуемъ при народженіи первыхъ

А теперь прочтите „Набатъ“ Л. Андреева: „Вамъ! Вамъ! Вамъ!—выбрасывалъ кто-то высокій, сильный, нетерпѣливый—читаемъ мы у Л. Андреева.—Теперь звуки были ясны и точны и легли *съ безумной быстротой*. Они легли прямо, какъ грозные глашатаи бѣдствія, у которыхъ нѣтъ времени оглянуться назадъ, и глаза расширены *отъ ужаса*, легли они съ неудержимой быстротой, и сильныя обгоняли слабыя. Набатъ звалъ отчаянно, въ смертельной мукѣ“.

денежных королей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, при этомъ и рожденіи происходитъ гибель мелкаго производителя въ борьбѣ противъ крупнаго „въ борьбѣ безъ надежды на побѣду“ („Въ подвалѣ“), это безсиліе „щербатой копейки“, эту мучительную агонію, эту гибель болѣзненно ощущаетъ читатель почти въ каждомъ разсказѣ Л. Андреева.

Отчасти, благодаря этому различію двухъ генеалогій, одной, ведущей свое начало отъ „Желѣза и Крови“, отъ средневѣковаго замка, другой, ведущей свое начало отъ „щербатой копейки“, произведенія Э. Поэ и Л. Андреева имѣютъ различные оттѣнки. Въ разсказахъ Э. Поэ „Смерть исполнинская глядитъ“. Его герои умѣютъ умирать удивительно красиво, его герои любятъ смерть за ея тайну. Повинуясь склонности человѣка „опредѣлять неопредѣлимое“, „объять необъятное“, они съ жадной любовнательностью стремятся навстрѣчу гибели, если гибель— „открытіе“... Э. Поэ могъ съ полнымъ правомъ сказать: „здѣсь смерть себя воздвигла тронъ“: Эта смерть ужасна, но и царственно прекрасна. У Э. Поэ смерть—это загадка, это великій гамлетовскій вопросъ: что будетъ „тамъ“.

Не такова смерть въ мертвомъ царствѣ Л. Андреева. Это не исполнинскій образъ, не „владѣтельная особа“, это не великій вопросъ, а проклятый вопросъ. Жалкая и безобразная, она ютится по угламъ и подваламъ, и скалитъ на насъ свои отвратительные гнилые зубы. Герои Л. Андреева не думаютъ о томъ, что будетъ „тамъ“, они полны того, что мучить ихъ „здѣсь“, зачастую они не вѣрятъ въ это „тамъ“ и въ смерти видятъ не открытіе, а ширвану, а „покой небытія“, который освобождаетъ отъ безнадежной борьбы.

Точно также и одиночество героевъ носить у каждаго художника свои черты. Одиночество трагическаго сверхчеловѣка на скалѣ и одиночество немочаленнаго безрезультатной суетой маленькаго человѣка, лежащаго на цѣлой горѣ тряпья—какіе различные образы..

Вспомните, какъ мучится одинокій Хижняковъ при одной мысли, что „скоро ему нужно вставать, чтобы бороться за жизнь (Въ „Подвалѣ“ новые разсказы Л. Андреева 50 стр.)... Вспомните, какъ „возвышенно чело“ героя Э. Поэ въ разсказѣ „Молчаніе“. Правда, и тѣ и другіе живые мертвецы, каждая черточка въ нихъ свидѣтельствуетъ о распаденіи, о началѣ конца, но за спиною живыхъ мертвецовъ Э. Поэ всегда стоитъ „Демонъ невоздержанности“, демонъ праздности и пресыщенія, а за спиною героевъ Л. Андреева стоитъ блѣдный призракъ *Нужды*, „безпросвѣтной, мертвящей нужды“, блѣдный призракъ непосильной работы, заставляющій бѣднаго и жалкаго, изголодавшагося и утомленнаго человѣка простираетъ свои тощія руки навстрѣчу „Смерти-избавительницѣ“.

Но несмотря на эти различія „тотъ-же постоянный припѣвъ: „Нѣтъ больше! Больше никогда“, тѣ же неразлучныя три сестры

„Уныніе, Отчаянье, Тоска“, также... „много *безумія* въ драмѣ ужасной“.

Теперь, указавъ на сродство душъ обоихъ писателей, мы попытаемся заглянуть въ мастерскую ихъ творчества. Э. Поэ будетъ нашимъ путеводителемъ. Своеобразность приѣмовъ обоихъ писателей заключается въ сгущеніи мрака жизни, они абстрагируются отъ свѣтлыхъ сторонъ жизни, они не видятъ „ни свѣту, ни радости“. Въ такое отчаянье, въ такой мракъ они повергаютъ душу не только человѣка, но и душу всей природы. Ея туманы, ея бездны, ея метель сливаются съ туманами и безднами человѣческой души, истерзанной и разбитой, сливаются и страшно сгущаютъ мракъ той „ямы глубокой“, въ которую должна сойти одинокая, безпріютная жизнь. Другой жизни художники не замѣчаютъ...

У Э. Поэ есть небольшой рассказъ „Островъ Фей“. Во время одного изъ своихъ странствованій художникъ случайно набрелъ на мѣсто, гдѣ была небольшая рѣчка съ островомъ, западный край котораго „казался лучезарнымъ гаремомъ цвѣтущихъ красавицъ. Онъ блисталъ и вспыхивалъ подъ косвеннымъ взоромъ заката и улыбался своими нѣжными цвѣтами... Во всемъ видѣлась *жизнерадостность*, блаженство бытія... Восточный край острова былъ объятъ глубокою тѣнью. Все было провякнуто мрачной, прекрасной и полной умиротворенія *печалью*... Темныя деревья склонялись какъ бы подъ гнетомъ скорби, они представлялись согбенными, торжественно угрюмыми призраками и точно говорили о надгробной печали, о преждевременной смерти... Тѣнь деревьевъ тяжело упала въ воду, и, казалось, сама хоронила себя въ ней, напитывая мракомъ глубину, и поглощалась рѣкой, и новыя тѣни мгновенно исходили отъ деревьевъ на смѣну прежнихъ, скрывшихся въ могилу“...

Человѣческая жизнь это тотъ-же „Островъ Фей“, но не „Островъ мертвыхъ“ Беклина. У „Острова Фей“ есть своя западная—*жизнерадостная* сторона и своя *печальная*—восточная. Г. Ибсенъ, Гауптманъ, М. Горькій, Л. Н. Толстой отражаютъ въ широкой рѣкѣ своего творчества обѣ стороны этого острова, но въ томъ-то и своеобразие Э. Поэ и Л. Андреева, что они видятъ, только „Островъ Мертвыхъ“, только одну половину острова жизни, не ту, гдѣ царитъ *жизнерадостность*, а ту, гдѣ вѣетъ глубокою скорбью смерти. Отъ явленій они берутъ *тѣни* и хоронятъ въ своемъ творествѣ, какъ въ могилѣ. Жизнь во всей своей полнотѣ такъ хороша, такъ цѣнна для человѣка, когда есть „чѣмъ“ жить, когда знаешь, зачѣмъ живешь, но Э. Поэ и Л. Андреевъ не перестаютъ повторять, что жизнь, это „яма глубокая“. И въ то время, какъ для насъ, чуждыхъ могильнаго настроенія, эта „яма“ является только штрихомъ на свѣтломъ фонѣ цѣлаго острова жизни, та „яма глубокая“, которая „вырыта заступомъ“ воображенія художниковъ, жадно поглощаетъ всю жизнь безъ остатка и такъ глубока, что, какъ въ безднѣ погребаетъ и

первую любовь, и золотые годы дѣтства, и правду, и честь, и свободу.

Отчего Э. Поэ так *болѣзненно остро* переживалъ уныніе, отчаянье, тоску? Какими средствами онъ пользовался, чтобы заставить читателя увѣровать въ „Мертвое Царство“? „Его необузданная фантазія была результатомъ той напряженной умственной сосредоточенности и самозамкнутости, которая является лишь при условіи исключительныхъ моментовъ крайне *искусственного возбужденія*“. Такъ характеризуетъ Э. Поэ своего поэта и психондрика въ разсказѣ „Паденіе дома Энгель“ (318 стр. I).

Интересно, что о томъ же искусственномъ возбужденіи говорить и герой Шибышевскаго Фалькъ, этотъ человекъ, который безъ коньяку и шагу ступить не можетъ:

„Мы обязаны сдѣлаться хранителями священнаго вдохновенія. Но какъ же его вызвать, если уже нѣтъ его? Разумѣется, посредствомъ алкоголя“...

Разсказываютъ, что фантазія Гофмана начинала усиленно работать въ мрачной обстановкѣ трактировъ. Разсказываютъ, что годы разгула Э. Поэ совпадали съ самымъ блестящимъ періодомъ его творчества.

Вы, вѣроятно, замѣтили, что воображеніе большинства героевъ Э. Поэ настраивается на особый „страшный ладъ“ подъ влияніемъ опиума („Овальный портретъ“), морфія („Сказки извилистыхъ горъ“) или опьяненія алкоголемъ, во время пиршества („Тѣнь“).

Въ чемъ заключается это искусственное возбужденіе, это вдохновеніе? Въ „Сказкѣ извилистыхъ горъ“ герой этой сказки разсказываетъ о себѣ: „Морфія оказавъ свое обычное дѣйствіе, а именно надѣлилъ весь виѣшній міръ *напряженностью интереса*. Въ трепетѣ листа, въ цвѣтѣ прозрачной былинки, въ жужжаньи пчелы, въ сверканьи росы, въ слабыхъ ароматахъ, исходящихъ изъ лѣса, во всемъ этомъ возникла цѣлая вселенная внушеній, веселыя и нестрыя вереницы *рапсодической* и несвязанной методомъ рѣчи“...

Но и помимо этого крайне *искусственного* „истерического возбужденія“ сама нервная организація художника, въ силу своей болѣзненной впечатлительности, „какъ воздушная лютица“, звучитъ отъ едва уловимаго дуновенія вѣтерка. Э. Поэ, какъ и его большой герой, Робертъ Эшеръ, „очень страдалъ отъ *болѣзненной остроты ощущеній*“.

Если у Э. Поэ мы усматриваемъ необузданность фантазій, подъ влияніемъ искусственнаго возбужденія и удивительно „острое воспріятіе красоты“ подъ „влияніемъ болѣзненной остроты ощущеній“, то у Л. Андреева мы наблюдаемъ отсутствіе этого искусственнаго возбужденія и скорѣе замѣчаемъ рассудочность и придуманность образовъ, замѣчаемъ бѣдность фантазій, что выражается даже въ однообразіи обстановки, въ которую онъ помещаетъ своихъ героевъ. вмѣстѣ съ этимъ однако и у Л. Андреева

бросается въ глаза та же „болѣзненная острота ощущеній“, благодаря которой онъ, какъ и Э. Поз, слышитъ, и „неба содроганье и горній ангеловъ полеть“.

Для иллюстраціи этой болѣзненной остроты ощущеній мы напомнимъ читателямъ одно мѣсто изъ разсказа Э. Поз „Паденіе дома Эшеръ“. Вотъ что разсказываетъ другъ послѣдняго изъ дома Эшеръ. „Передо мной предсталъ угрюмый Домъ Эшеръ. Не знаю почему, но только взглянулъ я на зданіе, чувство нестерпимой тоски охватило меня... Я омотрѣлъ на эти *зябнущія* стѣны, на *разтѣденные* стволы сѣдыхъ обветшалыхъ деревьевъ— и душа моя была подавлена уныніемъ, которое я не сравню *ни съ чѣмъ изъ земныхъ ощущеній*... Есть несомнѣнно грустныя *сочетанія* самыхъ простыхъ естественныхъ предметовъ, имѣющія власть дѣйствовать на насъ именно такимъ образомъ“...

Здѣсь мы видимъ, какъ другъ послѣдняго изъ дома Эшеръ, при мысли о томъ, что ему придется присутствовать при неминуемой катастрофѣ, *благодаря остротѣ ощущеній*, такъ настраиваетъ свое воображеніе, что для него угасающая жизнь ветхаго распадающагося дома сливается съ угасающею жизнью его послѣднихъ обитателей. Элементы физическіе—эти грустныя сочетанія зябнущихъ стѣнъ и сѣдыхъ обветшалыхъ деревьевъ разтѣденныхъ вѣтвями, налагаютъ свою властную печать на элементы внутренніе, на характеръ и жизнь владѣльца дома Эшеръ и наоборотъ.

Въ послѣднемъ разсказѣ Л. Андреева особенно ярко проявилась эта болѣзненная острота ощущеній. Вы помните описаніе грозы въ тотъ день, когда герой разсказа „Жизнь Василя Ойвейскаго“ прогнѣвалъ небо, задумавъ совершить чудо и воскресить крестьянина. Эта удушливая атмосфера, этотъ блескъ молніи и мракъ церкви, это молчаніе церкви и раскаты грома крайне болѣзненно воспринимаются о. Василиемъ. Безумцу кажется, что лицо мертвеца превращается въ неподвижную маску его сына идиота. „Внезапно, загораясь ослѣпительнымъ свѣтомъ, раздрается до самыхъ ушей неподвижная маска и ходоть, подобно грому наполняетъ всю тихую церковь... О. Василій открываетъ ослѣпленные глаза, поднимаетъ голову вверхъ и видитъ, падаетъ все... въ самыхъ основахъ своихъ разрушается и падаетъ міръ“.

Когда читаешь эту сцену, небольшой отрывокъ изъ которой даетъ только блѣдное представленіе о всей картинѣ, невольно поддаешься настроенію ужаса о. Василя передъ паденіемъ міра. За этимъ описаніемъ чувствуется болѣзненное настроеніе художника, которое онъ, повидимому, переживаетъ во время грозы.

Но какимъ образомъ произошло то, что читатель поддался на минуту настроенію художника? Художникъ такъ настроилъ свое воображеніе, и такъ же настраивается воображеніе читателя. Отчего? Какими средствами пользуется художникъ для созданія *опредѣленною* настроенія? „Онъ тонко понималъ цвѣты и эффекты!“—опять отвѣчаетъ намъ Э. Поз.

Тонкое пониманіе сочетаній цвѣтовъ и эффектовъ помогаетъ художникамъ усиливать впечатлѣніе и подчеркивать тѣ неуловимые тоны и звуки, которые могутъ уловить, благодаря своей чуткости, только они.

Въ разсказѣ Э. Поэ „Маска Красной Смерти“, отъ котораго вѣетъ ужасомъ и необычной красотой, художникъ повѣствуетъ о страшной болѣзни, подъ названіемъ „Красная Смерть“, которая опустошала страну. У заболѣвшаго черезъ поры просачивалась торопливыми каплями кровь, и онъ очень быстро умиралъ. Но принцъ Просперо собралъ придворныхъ рыцарей и дамъ въ пышное зданіе, которое было „дѣтищемъ его фантазіи эксцентричной, но величественной“.

Теперь обратите вниманіе, *какимъ путемъ* художникъ создаетъ *цѣлое множество пестрыхъ виднѣній*?... Изъ семи комнатъ въ особенноти выдѣлялась одна, стѣны, потолокъ и полъ которой покрывалъ черный бархатъ; въ эту комнату, освѣщенную черезъ цвѣтные стекла не внутреннимъ свѣтомъ, а изъ корридора, гдѣ стояли у оконъ треножки съ жаровней, никто не рѣшался входить, такъ какъ „эффектъ огненнаго сіянія, струившагося черезъ стекла цвѣта алой крови“, придавалъ лицамъ выраженіе „Красной Смерти“, по прихоти принца. И вотъ на фонѣ этой траурной комнаты появляется страшная фигура, закутанная въ саванъ. Одежда незваной гостьи запачкана кровью, всѣ черты лица обрызганы яркочерными пятнами и говорятъ объ ужасѣ... Моментально затихло веселье... Смятеніе проносится по заламъ. Сама „Красная Смерть“ подкралась къ пирующимъ „и простерла надъ всѣмъ свое безбрежное владычество... И каждый умеръ, застывъ въ той позѣ, какъ упалъ... И огни треножниковъ погасли“...

Этотъ разсказъ, ужасный и фантастическій, прекрасно показываетъ, какъ тонко понималъ художникъ цвѣта и эффекты! При помощи ихъ онъ сумѣлъ нарисовать обстановку причудливую и необычную, странно гармонировавшую съ представленіемъ о Красной Смерти и вызывающую страшную галлюцинацію.

Заключая человѣка въ необычную обстановку, художникъ заставляетъ пережить его то, „что не случилось ни съ однимъ изъ смертныхъ“. Въ этомъ отношеніи Метерлинкъ является его прямымъ наслѣдникомъ, когда говоритъ: „надо *прибавить что-то къ обыденной жизни* людей, чтобы понять ихъ“ („Въ Домѣ Драмы“ 197). Э. Поэ какъ бы экспериментируетъ надъ человѣческой душой, стремясь къ открытію сѣвернаго полюса человѣческаго духа.

Л. Андреевъ, подобно Э. Поэ, пользуется сочетаніемъ цвѣтовъ и эффектовъ, хотя знаетъ немного этихъ сочетаній и зачастую повторяется. Такъ, напримѣръ, Л. Андреевъ не разъ пользуется сопоставленіемъ бѣлаго цвѣта одѣяла или подушекъ и мертвенно-блѣдныхъ и безкровныхъ лицъ или рукъ его героевъ (Валя Вѣра); обычно его герой лежитъ въ постели въ ожиданіи смерти.

иногда на кучѣ тряпья, самъ превращаясь въ какую-то изношенную тряпку (Данковъ, Хижняковъ).

Какъ и Э. Поэ, Л. Андреевъ стремится застигнуть врасплохъ человѣческое сердце въ одинъ изъ исключительно рѣдкихъ моментовъ жизни, ослѣпительно ярко освѣщающихъ потемки чело-вѣческой души, для чего пользуется той же необычной обстановкой (Бездна, Молчаніе, На рѣкѣ, Въ темную даль и т. д.).

Къ этимъ „необычнымъ размѣрамъ замысла“, къ этому новому и эффектиному сочетанію красокъ, къ этой психологій момента, художники Э. Поэ и Л. Андреевъ еще присоединяютъ „особенное сочетаніе звуковъ и словъ“, подбирая самыя характерныя слова, часто поражающія своею неожиданностью и правдивостью... Вы помните, какъ въ отвѣтъ на безумныя мечты одинокаго чело-вѣка о его погибшей возлюбленной „воронъ каркнулъ—никогда“. Въ это набитое, будничное слово „никогда“ поэтъ вложилъ цѣлую бездну тоски и безнадежности. Самое это слово на англійскомъ языкѣ звучитъ, какъ карканье ворона, и художникъ прекрасно воспользовался звукоподражаніемъ для усиленія впечатлѣнія. А помните „зябнущія“ стѣны „Дома Эшеръ“, говорящія о томъ, что жизнь покинула эту холодную обитель; помните темныя деревья, которыя „склонились, какъ бы *подъ гнетомъ скорби*“?... и т. д. Вѣдь за этими словами слышится величественное геціемъ природы.

У Э. Поэ были свои слова! Онъ умѣлъ пользоваться этими одухотворенными словами... Не даромъ онъ „провозглашалъ идею силы словъ“...

У него была и еще черта—это удивительно музыкально развитое чувство, помогавшее ему сочетать звуки словъ такимъ образомъ, что получалась плавная, музыкально звучащая рапсодическая рѣчь. „Сонъ во снѣ“ навѣваетъ на читателя эта музыка словъ, и читатель на волнахъ настроенія уносится отъ земли въ воздушный замокъ художника.

Только что отмѣченные нами черты, только въ меньшемъ масштабѣ, замѣчаемъ мы у Л. Андреева. Слова туманъ, бездна, стѣна такъ блѣдно и такъ обыкновенно звучащія въ нашей разговорной рѣчи, въ произведеніяхъ Л. Андреева выражаютъ рядъ глубокихъ настроеній и превращаются изъ простыхъ словъ въ слова *со значеніемъ*, въ грозные символы разврата, извращенности и безвыходности. Располагая свои слова въ размѣрно звучащую плавную рѣчь, Л. Андреевъ иногда сливаетъ эти слова съ голосами природы, съ дыханіемъ мертвыхъ вещей, оживающихъ подъ его кистью. Помните описаніе метели, которая сѣрой ночью пришла къ жилищу о. Василія, объятаго восторженной мечтой о чудѣ и точно искала этого безумца съ его сыномъ идиотомъ, чтобы вырвать у него его мечту... И она нашла ихъ. „Она прильнула къ окну сѣрымъ безцвѣтнымъ глазомъ. Ихъ двое! двое! двое!.. Метель качается *на черныхъ и слѣпыхъ* звукахъ колокола и поетъ: ихъ двое, двое!“

Прочтите весь отрывокъ. Рапсодическая мѣрность рѣчи, звукоподражательность, благодаря которой метель съ ея завываніемъ превращается въ живое существо, повторяющее множество разъ одно слово „двое“, не обычность эпитетовъ, въ родѣ „слѣпые, черные звуки“—вотъ приемы, посредствомъ которыхъ художникъ заражаетъ читателя настроеніемъ „унынія, отчаянія, тоски“, и, благодаря белѣзнейной остротѣ ощущеній, сгущаетъ мракъ жизни въ одну тяжелую непроницаемую тучу, за которою не видно солнца.

„Стиль долженъ жить“ говорилъ великій безумецъ Ницше. Стиль Э. Поэ—стиль Л. Андреева живетъ и даетъ жизнь безотрадному „Мертвому царству“... Форма его произведеній вполне соотвѣтствуетъ ихъ содержанію.

ГЛАВА Ш.

Леонидъ Андреевъ не только духовный сынъ Э. Поэ, отошедшаго въ 1849 г. въ вѣчность, Л. Андреевъ въ то же время собрать по настроенію плѣмому ряду художниковъ нашихъ дней, представителей „больного искусства“, въ произведеніяхъ которыхъ отразился тотъ-же стиль „Modern'е“...

Кто эти художники?—Загляните въ витрины нашихъ книжныхъ магазиновъ, и вы прочтете ихъ имена, наряду съ популярнымъ именемъ Леонида Андреева, загляните въ наши салоны, и вы на вѣзномъ столѣ увидите ихъ произведенія... Вотъ драмы Габріеля д'Аннунціо „Мертвый городъ“ и другія... (книга издана въ 1900 г.), вотъ романы и стихотворенія Роденбаха, этого мрачнаго толкователя „души вещей“, его „Мертвый Брюгге“ (1904 г.), „Выше жизни“ (1902 г.). Вотъ романтическія „Пьесы“ Матерлинка, сотканныя изъ луннаго свѣта (1904 г.), его „Жуазель“, „Вѣчная любовь“, „Непрошенная“, „Въ домѣ“ и т. д. Вотъ Пшибышевскій, этотъ страстный изслѣдователь челоѣческой души, своей книгой „Ношо заріенс“ возбудившій такъ много толковъ... Вотъ Гамсунъ съ его „Паномъ“ (1901 г.), воскресившимъ „эпосъ естественнаго челоѣка“ и поэзію борьбы половъ... Всѣ эти художники принадлежать къ одному поколѣнію съ Л. Андреевымъ, и для всѣхъ этихъ книгъ въ настоящее время наступилъ „сезонъ“. Говорить о представителяхъ „здороваго искусства“ не входитъ въ нашу задачу.

Наша публика, которая еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ не хотѣла знать произведеній „декадентовъ“ и съ гомерическимъ хохотомъ на всѣ лады повторяла знаменитую фразу: „о, закрой свои бѣдныя ноги“, и „заблѣдными ногами“ ничего не видѣла, теперь захлебывается отъ восторга и на всѣ лады повторяетъ нѣтъ Бога, кромѣ „больного искусства“, и нѣтъ пророковъ, кромѣ Пшибышевскаго, Гамсуна, Аннунціо и другихъ. *Fata sua habent libelli!*..“

Что книги имѣютъ свою судьбу, это никогда такъ не чувство-

валось, какъ въ наше смутное время. Попробуйте сравнить двѣ книги: „Творчество“ Э. Золя и „Номо variens“ Пшибышевскаго. Много-ли лѣтъ отдѣляютъ эти книги, а между тѣмъ передъ нами встаютъ какіе-то антиподы.

Прислушайтесь къ разговорамъ художника Клода и литератора Сандоза—этихъ провозвѣстниковъ *натурализма*... А затѣмъ также внимательно попробуйте слѣдить за діалогами художника Микиты и романиста Фалька, этихъ „рыцарей духа“, смѣло выступившихъ въ походъ противъ крайностей натурализма. Художники Э. Золя родились на рубежѣ между В. Гюго и Бальзакомъ, художники Пшибышевскаго на рубежѣ между Э. Золя и Бодларомъ. „Мы всѣ насковозъ пропитаны романтизмомъ—воскликаетъ Клодъ—теперь намъ не легко отдѣлаться отъ него. Для этого нужны радикальныя средства“. Этотъ пылкій новаторъ въ области искусства съ безстрашною рѣшимостью Д. И. Писарева восклицаетъ: „Приближается день, когда удачно нарисованная морковь произведетъ революцію“ (Творчество, 32 стр.)... Романистъ Сандозъ стремится создать міръ, въ которомъ „мы лишь *случайное* явленіе, въ которомъ каждая *случайно* пробѣжавшая собака, каждый камень, лежащій на дорогѣ, дополняли и объясняли бы насъ“... Дать *правдивую* картину существующаго міра—вотъ задача этого искусства, вступившаго въ борьбу съ романтизмомъ, точно такъ же, какъ теперь вырождающійся романтизмъ вступаетъ въ борьбу съ нимъ.

Область этого искусства—*натура*.

Цѣль художника—*истина*, а источникъ этой истины наука.

По мнѣнію Сандоза романисты и поэты „должны обратиться къ источнику истины—наукѣ“ (32 стр.). Сандозъ нерѣдко указываетъ на необходимость примѣненія физиологическаго метода къ искусству... Сандозъ рисуетъ планъ своей работы такимъ образомъ: „Я изберу какую-нибудь семью—трезво фантазируетъ онъ—и буду шагъ за шагомъ изучать жизнь всѣхъ ея членовъ, ихъ прошлое, ихъ поступки, стремленіе, воздѣйствіе однихъ на другихъ. Однимъ словомъ, у меня будетъ *человѣчество* въ миниатюрѣ, и я смогу прослѣдить условія его роста и движенія“.

Характерно, что этотъ планъ работы завершается такимъ заманчивымъ концомъ: „*И у меня будетъ маленькій домикъ*“. Мы знаемъ, что Э. Золя въ точности выполнилъ всѣ „мечты“ своего Сандоза, иногда превращая свои произведенія въ цѣлыя научныя трактаты (Плодородіе). Эти произведенія, какъ научныя трактаты, грѣшили тѣмъ, что много въ нихъ было литературы, а какъ художественныя произведенія грѣшили тѣмъ, что много въ нихъ было „науки“... И не смотря на этотъ недостатокъ, несмотря на грубость и рѣзкость красокъ Э. Золя, великій художникъ представлялъ свои картины жизни *человѣчества* не на „всемирныя“, а на *всечеловѣческія* „очи“.

Теперь прослѣдите за разговорами Фалька и Микиты—этихъ дѣтищъ Пшибышевскаго.

Разъ пошелъ я въ Парижъ—разсказываетъ Микита—къ одному изъ великихъ заправляхъ—натуралистовъ... Вотъ и спрашиваю этого заправилу; къ чему, собственно, рисовать то, что въ природѣ въ тысячу разъ лучше, и что, въ концѣ концовъ, не имѣетъ значенія?

— Природа—и смыслъ и значеніе!

— Но не картофель же?

Тутъ творецъ картофельнаго поля вышелъ изъ себя.—Именно картофель! Это—природа! Все остальное—ерунда!.. Фантазія! Смѣшно! Это только вспомогательное средство! Это только въ крайнемъ случаѣ“...

Какова область новаго искусства? Должно-ли оно изображать видимый внѣшній міръ природы?.. По мнѣнію Фалька, оно должно искать „новыхъ міровъ, лежащихъ внѣ явленія, внѣ сознанія, внѣ формы проявленія“. Какъ-бы въ подтвержденіе этихъ словъ Фалька Микита ссылается на одного гениальнаго скульптора. „Смотрите—сказалъ послѣдній—вотъ пять пальцевъ, которые можно видѣть и осязать—тутъ онъ растопырилъ пальцы—но здѣсь, здѣсь между пальцами, этого нельзя видѣть, этого нельзя осязать, но тутъ-то и заключается самая суть“.

Какова цѣль этого искусства? Для Фалька искусство—путь къ облагораживанію *избранныхъ*, „святой путь къ *вѣчному* жизни“.

Какими приемами пользуется художникъ, посвященный въ тайны этого искусства?“—Замѣчая явленія, „недоступныя для нашего сознанія, которыя какъ молніи рождаются въ нашей душѣ, явленія, продолжающіяся *тысячную долю секунды*“, новый художникъ употребляетъ новые символы, новыя слова, новыя звуки для этихъ новыхъ явленій.

Для такого творчества въ то же время должна быть новая, болѣе тонкая нервная организація, долженъ быть новый „*высшій разрядъ людей*“, какъ утверждаетъ Пшибышевскій. Его герои принадлежать къ этому высшему разряду людей. Его Фалькъ и Микита постоянно „искусственно возбуждаютъ себя“ коньякомъ, оба страдаютъ „болѣзненной остротой ощущеній“. Микита—гемій. Онъ „видитъ, какъ звукъ переходитъ въ краску... Онъ пишетъ аккордами... Микита видитъ, какъ трава растетъ, какъ кричитъ небо“.

Исторія европейской литературы знала такихъ художниковъ. Укажемъ хотя бы на Тика, на Гофмана, писавшихъ въ Германіи въ эпоху романтизма, въ критическую эпоху начала прошлаго столѣтія. Между прочимъ, Тикъ, страдавшій затруднительнымъ кровообращеніемъ, унаследованнымъ страхомъ передъ привидѣніями и врожденной меланхоліей, доходившей до границъ безумія, говорилъ, что „краска звучитъ... У cadaго цвѣта свой особенный языкъ“... Онъ видѣлъ даже, „какъ цвѣты и тоны цѣлуются другъ съ другомъ“. Другой нѣмецкій романтикъ Гофманъ, авторъ страшныхъ разсказовъ и въ то же время знаменитый композиторъ, большую часть жизни проведеній въ трактирахъ, когда попалъ

въ больницу, смѣшивалъ своихъ больничныхъ сторожей съ музыкальными инструментами и говорилъ о взаимномъ отношеніи тонень, какъ объ одушевленныхъ личностяхъ. Есо музыка разсказывала, его разсказы звучали. Не забывайте, что эти художники уже жили сто лѣтъ тому назадъ.

Новые художники Микита и Фалькъ, принадлежа къ „высшему разряду людей“, пишутъ не для толпы, которую они презираютъ, не для демоса, отъ котораго слишкомъ пахнетъ потомъ, и о которомъ такъ часто говоритъ Э. Золя,—сердца Фалька и Микиты не загораются бурнымъ пламенемъ при словѣ „человѣчество“, для нихъ это слово, только *слово* и притомъ старое, какъ миръ. Они знаютъ, что тѣ тончайшія впечатлѣнія, которыя воспринимаютъ и воспроизводятъ они, „доступны двумъ, тремъ, самое большее десяти наиболѣе смѣлымъ изъ современниковъ“.

Итакъ, какъ видите, получаются два разные полюса въ мирѣ искусства, два разные типа художниковъ. Здоровый и трезвый художникъ - буржуа, у котораго есть подъ конецъ его разсудительной жизни „свой маленькій домикъ“, а рядомъ съ нимъ больной, искусственнымъ образомъ возбужденный, вдохновенный художникъ послѣдній буржуа, у котораго подъ конецъ его бурнаго творчества не только „нѣтъ маленькаго домика“, а улетучивается, какъ у Фалька, весь капиталъ, на проценты съ котораго онъ живетъ сначала. Одному художнику служить матеріаломъ случайныя явленія, другому *исключительныя*.

Одинъ изображаетъ картофельное поле, другой то невидимое, которое находится между пальцами и составляетъ суть. Одинъ рисуетъ грубыми, яркими красками, его девизъ—Plein air! Другой слышитъ краски, видитъ звуки, которыхъ не видитъ почти никто, и посредствомъ этихъ красокъ и звуковъ, одѣтыхъ въ сумракъ ночи, говоритъ съ избранными. Одинъ проповѣдуетъ „протокольную эстетику и опирается на выводы науки, другой паритъ на крыльяхъ фантазій, одинъ демократъ, проповѣдующій счастье человѣчества, другой аристократъ, презирающій и это счастье, и этотъ демосъ. Одинъ служитъ своему вѣку, другой утѣшается мгновеньемъ, а въ моментъ просвѣтленія—„*lucida intervalla*“ говоритъ о вѣчности и не желаетъ служить никому и ничему.

Одинъ весь отдается содержанію, у другого преобладаетъ красота формы, причудливость, изящество и необычность художественныхъ приемовъ.

Направленное противъ крайностей натурализма Клодовъ и Сандозовъ, за вѣшнимъ миромъ забывавшихъ о внутреннемъ мирѣ, въ погоню за научными выводами забывавшихъ о границахъ искусства и науки, „новое искусство“ или, вѣрнѣе, „больное искусство“, то есть та часть новаго искусства, котораго выразителями являются Шибышевскій, Уайльдъ, Аннунціо и другіе, впадо въ новую крайность и перегнуло согнутую палку въ противоположную сторону.

Правда, новымъ западно-европейскимъ художникамъ, — этимъ властителямъ рѣчи, „удалось такъ отполировать мысль, что она блеститъ и поражаетъ“, и Бурже не даромъ видѣлъ основную черту декадентскаго стиля въ стремленіи придать независимость страницѣ, фразѣ въ страницѣ, слову въ фразѣ, но въ то-же время новое искусство отгородилось отъ жизни человѣчества, отъ вѣчно тревожнаго и новаго вопроса:

„Отчего подъ ношей крестной
Весь въ крови влечется правый?“

Вмѣсто человѣчества въ произведеніяхъ „Большаго искусства“ выступилъ на сцену одинокій человѣкъ, вмѣсто проклятаго земного вопроса, выступилъ полный трагизма вѣчный вопросъ о смерти. Такимъ образомъ то же „Мертвое Царство“, съ тѣми-же живыми мертвецами мы находимъ не только у Э. Поз, не только у Л. Андреева. Роковой вопросъ о смерти, ея же не преjdeши, ставить всё вышеприведенные художники. „Если жизнь не удастся тебѣ, если ядовитый червь пожираетъ твое сердце, знай что удастся смерть“ — эти слова Заратустры могли-бы послужить эпиграфомъ къ многимъ изъ новыхъ книгъ... Во всѣхъ этихъ книгахъ тотъ-же призывъ Э. Поз: „Нѣтъ больше! Больше никогда!“.. Та же жажда закрыть глаза на все... Тотъ-же безумный трепетъ передъ волею слѣпца рока; та же вакханалія страсти, большой, извращенной страсти, тотъ-же „безстыдный мозгъ“, — та же растерянность мысли передъ вѣковыми загадками и та же пытка, когда эта немощная мысль,

„Какъ подстрѣленная птица
Подняться хочетъ и не можетъ —
Нѣтъ ни полету, ни размаху,
Висятъ поломанные крылья,
И вся дрожитъ, прижавшись къ праху,
Въ сознаньи своего безсилья“...

Гютшегъ.

Взгляните на эти „унылые, печальные края“... Передъ вами вырастаютъ дѣлные мертвые города Брюгге, Мивены... Отъ одного глѣтъ красотой, отъ другого ужасомъ, одинъ зоветъ къ себѣ, другой отталкиваетъ, но каждый изъ нихъ „городъ призрачный, какъ сонъ“.

Брюгге былъ когда-то полною кипучей, промышленной жизни. Онъ былъ торговой гаванью, и тысячи кораблей приходили къ нему. Но море ушло отъ этого города, а вмѣстѣ съ нимъ ушла и жизнь, волны жизни перестали биться о берегъ „Мертваго Брюгге“. Вотъ въ этотъ городъ слѣзши со своимъ горемъ герой Роденбаха Гюгъ — неутишенный вдовецъ послѣ смерти возлюбленной жены. При описаніи этого мертваго города мы попытаемся сохранить краски художника, поражающія своей нѣжностью..

Мертвой супругѣ Гюга долженъ былъ соответствовать мертвый городъ... Брюгге вполне соответствовалъ этому желанію... Онъ

самъ былъ положенъ въ гробницу изъ каменныхъ набережныхъ съ похолодѣвшими артеріями его каналовъ, когда перестало въ немъ биться великое сердце моря. Грусть безутѣшнаго вдовца совпадала съ грустью самаго великаго изъ сѣрыхъ городовъ, съ меланхоліей этого сѣраго оттѣнка, этого вѣчнаго полутраура, брюггскихъ улицъ, гдѣ всѣ дни походятъ на день всѣхъ усопшихъ. Этотъ средневѣковой клерикальный городъ настолько пустъ и безмолвенъ, отличается столь заразительнымъ молчаніемъ, что люди ходятъ тихо, говорятъ шопотомъ, какъ будто въ комнатѣ, гдѣ есть больной. Въ этой заглохшей атмосферѣ не ходятъ, а скользятъ монахи въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ и кажутся скорѣе сестрами бѣлыхъ лебедей, плавающихъ по бѣлымъ каналамъ... И повсюду съ безутѣсныхъ колоколенъ, возвѣщающихъ смерть часа, сыплются, какъ холодныя капли, полныя слезъ ноты приходскихъ колоколовъ, падающія точно изъ кропильницы чьихъ-то грѣховъ...

Какъ прекрасна эта увѣковѣченная художникомъ смерть, и развѣ онъ не правъ былъ, говоря, что „каждый городъ является личностью, кажется душевнымъ настроеніемъ, которое послѣ мимолетнаго пребыванія въ немъ сообщается нашей душѣ“... Это настроеніе сообщается и читателю и не хочетъ развѣяться даже при соверпаніи нѣскольکو комичной фигуры праздношатающагося Гюга, который бездѣльничаетъ и проѣдаетъ проценты съ капитала и проливаетъ горячія слезы...

Какъ-бы въ параллель этому городу, по волѣ другого художника, на нашихъ глазахъ вырастаютъ Микены, этотъ древній городъ, гдѣ когда-то волновалась и дрожала подъ горячими лучами южнаго солнца великая историческая жизнь, полная красоты и жгучей страсти и гдѣ теперь остались однѣ историческія могилы съ „драгоценными трупами“.

Въ этотъ „мертвый городъ“ являются двѣ молодыя пары въ поискахъ за „драгоценными трупами“. Археологъ Леонардъ и его сестра Марія, поэтъ Александръ и его слѣпая жена Анна связаны неразрывными узами дружбы. Въ этомъ городѣ разыгрывается страшная трагедія рока, захотѣвшаго разорвать эти узы. Леонарда—типичнаго декадента, человѣка съ распатанной первой системой ошьяняютъ горячія ласки родной сестры. Онъ, къ ужасу своему, начинаетъ шлать преступною страстью къ послѣдней. Въ то же время его жизнерадостная сестра, совершенно не замѣчающая этого, въ свою очередь къ ужасу своему не можетъ не любить жизнерадостнаго поэта Александра, мужа ея печальной ослѣпшей подруги. Самъ Александръ жаждетъ этой любви и все больше отдаляется отъ своей жены, которая чувствуетъ себя всею покинутой и одинокой и хочетъ убить себя; но прежде, чѣмъ она исполняетъ свой замыселъ, живой мертвецъ Леонардъ въ источникѣ топить свою сестру Марію, пылающую зноемъ страсти. По прихоти слѣпца рока жизнерадостное гибнетъ; осужденное на смерть остается жить. По прихоти рока.

слѣпая прозрѣваетъ, а для зрячихъ навсегда меркнетъ солнце счастья.

Надъ Біанкой-Маріей исполняются вѣщія слова Антигоны, монологъ которой незадолго до смерти читала Марія.

„Смерть уведетъ меня, полную жизни,
Смерть приготовитъ мнѣ брачное ложе,
Свадебный гимнъ пропоетъ“.

Микены—это брачное ложе погибшей отъ знойной страсти Маріи. Присмотритесь къ этому брачному ложу такъ поразительно гармонирующему съ разыгравшейся трагедіей. Вотъ какъ описывала этотъ городъ сама Марія. „Эго было послѣ полудня одного изъ жаркихъ августовскихъ дней. Вся Аргосская равнина лежала позади насъ, какъ озеро пламени... Мнѣ казалось, что я очутилась въ сказочной странѣ, за предѣлами міра, словно за порогомъ смерти. Всѣ предметы получали для моихъ глазъ могильное выраженіе, внушавшее мнѣ, я не знаю, какое предчувствіе“.

Смертью вѣетъ отъ этого города съ его историческими могилами, смертью вѣетъ отъ болѣзненной страсти Леонарда. Художнику удалось съ поражающею насъ *расточительностью* выковырять изъ золота своего таланта драгоценную гробницу для своей жизнерадостной героини.

Той же смертью вѣетъ и отъ жизни героевъ романа Пшибышевскаго „Номо саріенъ“. Геніальный художникъ Микита отъ безнадежной любви убиваетъ себя, его соперника Фалька не спасаетъ „безстыдный мозгъ“. „Міръ гибнетъ! Міръ гибнетъ! въ ужасѣ восклицаетъ, подобно Василию Ойвейскому, этотъ распадающийся сверхъ-человѣкъ. Пріятель Фалька—Гродскій, надъ которымъ Фалькъ продѣлывалъ свои опыты для наблюденія „надъ упадкомъ и вырожденіемъ“, передъ самоубійствомъ говорить Фальку: „Мой мозгъ одинъ только разъ захотѣлъ, и странно—онъ хочетъ смерти“. Юная дѣвушка Марія, обезчещенная Фалькомъ, бросается въ рѣку не будучи въ силахъ вынести покинутости.

„Каждый носитъ въ себѣ—говоритъ старикъ въ драмѣ Метерлинка „Въ домѣ“—не одну причину, побуждающую его разстаться съ жизнью“. Такова *Трагедія смерти*, въ объятія къ которой, по волѣ рока, спѣшитъ „вымирающій человѣкъ“.

Эта *Трагедія смерти* вѣчно стоитъ передъ глазами обитателей „Мертваго царства“. Всѣ они, какъ и герои Леонида Андреева, боятся жизни, ея грозныхъ обваловъ, тумановъ и безднъ. Въ только что упомянутой удивительно вязкой и характерной драмѣ Метерлинка „Въ Домѣ“, восьмидесятилѣтній старикъ, прибѣжавшій ночью извѣстить родителей о трагической смерти ихъ дочери, долго не рѣшается нанести ударъ семейству, стоитъ около дома въ сумракѣ ночи и наблюдаетъ, что въ эти минуты творится „Въ домѣ“, гдѣ даже и не предчувствуютъ смерти. „Я

не думалъ,—говорить старикъ,—чтобы были въ жизни такія печальныя вещи, и чтобы эта жизнь могла ввухать такой страхъ *тѣмъ, кто на нее смотритъ*“... Такимъ „домомъ“, за порогомъ котораго стоитъ невидимо смерть, ввухающая трепеть, кажется современному большому искусству жизнь современного человѣка.

Та же боязнь жизни, ея будущаго, ея роковыхъ загадокъ, желаніе *не смотреть* ей въ глаза вырываетъ изъ устъ героини Аннуцціо — Джульетты („Невинная жертва“, 114) такія слова: „Нѣтъ, нѣтъ, Туллио! *Не говори о будущемъ*... Развѣ ты не знаешь, что это дурная примѣта. Только сегодня, сегодня... Думай о вынѣшнемъ днѣ, о часѣ, который проходитъ“...

„Безконечное счастье мгновения“ въ виду угрозы будущаго, полная неспособность и невозможность стать господиномъ положенія дѣлаютъ то, что герой этого большого искусства себя считаетъ порожденіемъ случая, будущее—царствомъ судьбы. „И что бы онъ ни дѣлалъ, онъ умретъ“,—вотъ та страшная *Трагедія рока* холодомъ котораго вѣетъ отъ всѣхъ этихъ книгъ. Рокъ преслѣдуетъ и Василія Эвсейскаго, и Фалька, и Гюга, и Леснарда, и Туллио, и героевъ Метерлинка. Формула безнадежной покорности волѣ рока вычеканена Аннуцціо на драгоцѣнныхъ гробницахъ его „Мертваго горца“. „Могучій вихрь несетъ насъ— и ве звѣю. въ какому кобпу—говорить Александръ свей слѣпой жевѣ. Мы стали добычей ирраціи, непродельной силы. Мы избѣгали слась до этого часа, потому что одно молчаніе казалось вавбеліе достойнымъ спссьбомъ *подчиниться необходимости*. Все, что совершается—неизбѣжно“ (93 стр.). Страхъ охватывалъ и Фалька, этого вымирающаго, послѣдняго челсвѣка, сознающаго, что „онъ только орудіе въ рукахъ какой-то вещи... Онъ брется противъ этого, но даже и сопротивление опредѣлено заравѣ. И такъ какъ онъ подчиняется этому, то это *подчиненіе необходимо*... Онъ долженъ“!...

И Александръ, и Фалькъ опускаютъ руки передъ этою необходимостью и подчиняются ей. Эта необходимость выноситъ имъ свой смертный приговоръ.

Передъ лицомъ неумолимаго слѣпого рока, среди призраковъ прошлаго стоитъ *слабый* одинокій человѣкъ; среди драгоцѣнныхъ труповъ разыгрывается *трагедія одиночества*. Бодрый могучій индивидуализмъ сильныхъ людей, когда-то разорвавшій средневѣковыя путы, потопившій въ бурномъ морѣ мертвые города, ослабительнымъ солвцемъ всепокоряющаго разума разогнавшій вѣковую тьму и разсѣявшій, какъ дымъ, дѣлая веревницы привидѣній, выродился въ мучительную тоску одинокаго послѣдняго человѣка, выродился въ безсильную мечту слабыхъ о сильномъ. Сергѣй Петровичъ Леонида Андреева прекрасно иллюстрировалъ эту мечту о сильномъ, мечту о сверхъ-человѣкѣ Нитцше. А между тѣмъ на нашихъ глазахъ разыгралась трагедія Нитцше: Нитцше создалъ культъ одинокаго, избраннаго человѣка. „Цѣль человечества, — писалъ онъ — не въ конечныхъ результатахъ, а

въ тѣхъ высшихъ экземплярахъ людей, которые человечество производить". Нитцше училъ, что „народъ—это обходъ, который дѣлаетъ природа, чтобы создать 6—7 великихъ людей“... Такъ Нитцше-философъ училъ, а знаете что Нитцше-человѣкъ переживалъ? Почитайте его письма. „Какія муки! Какое одиночество! Какая тоска—надоѣло жить!“ пишетъ Нитцше Брандесу ¹⁾. Въ другомъ его письмѣ мы читаемъ: „Я не хочу быть больше одинокимъ, хочу опять стать *человѣчкомъ*, но, увы, мнѣ такъ трудно выучиться этому ²⁾“.

Великаго художника Мопассана у насъ знаютъ, у многихъ его произведенія—вастольная книга, но многіе-ли за опьяняющимъ разгуломъ страсти, за неслыханно смѣлыми и болѣзненно яркими списаніями полового чувства слышали одинокую тоскующую душу больного человѣка, послѣдняго выходца изъ стараго общества. Въ разсказѣ „Одиночество“, какъ бы резюмирующемъ тоску вѣка, тоску многихъ одинокихъ душъ, Мопассанъ писалъ: „Наше великое мученіе въ жизни заключается въ томъ, что мы постоянно одни, и всѣ наши усилія, всѣ наши дѣйствія направлены лишь къ тому, чтобы избѣжать этого одиночества“... Въ то же время самъ Мопассанъ бѣжить отъ людей, борется „противъ души толпы“ и спѣшитъ на встрѣчу одиночеству, на лоно природы. Мы говоримъ о его полуавтобиографической повѣстидневникѣ „На водѣ“... Вотъ онъ далеко отъ всего міра, онъ одинъ, и потому онъ счастливъ. Вдругъ случайно онъ встрѣчаетъ влюбленную парочку. „Тогда,—пишетъ Мопассанъ—мсе одиночество стало мнѣ невыносимымъ... Я почувствовалъ въ сердцѣ такое стремленіе любить, что чуть не вскрикнулъ отъ горя. Потомъ мнѣ стало стыдно мсей слабости и, не желая сознаться, что я такой же человѣкъ, какъ другіе, я сталъ обвинять лунный свѣтъ въ томъ, что онъ помутилъ мой разумъ“ (На Водѣ). Помните въ разсказѣ „Жили-были“ одинокаго впохондрика Лаврентія Петровича. Онъ считаетъ всѣхъ желающихъ жить „дураками“. Но посмотрите, что онъ переживаетъ, когда на его глазахъ люди любить другъ друга. Онъ, который, быть можетъ, никогда не любилъ, начинаетъ тосковать по этой любви, по ласкѣ горячей и любовной... по жизни.

Герой мертваго Брюгге, точно также жадно стремится къ одиночеству и также отъ одиночества стремится къ другому человѣку, а когда этотъ другой или вѣрнѣе другая пошлая женщина хочетъ повивуть его, онъ „ощутилъ ужасъ при мысли остаться снова одному, лицомъ къ лицу съ городомъ, не имѣя ничего общаго между собой и городомъ“.

Герой Гамсуна Ганъ тоже бѣжить дальше стъ людей. „Куда?—говоритъ этотъ „необыкновенный избранный человѣкъ“—я самъ не знаю. Но далеко, далеко отсюда, въ Африку что ль, въ Индію; ибо я принадлежу лѣсамъ и одиночеству“. Но и одиночество

¹⁾ Риль „Фридрихъ Нитцше“, стр. 20.

²⁾ Тамъ-же, стр. 20.

Гана не спасает и онъ подставляет лобъ подъ пулю, только бы бѣжать „отъ себя“, отъ одиночества („Панъ“). Фалькъ, этотъ „*Номо sapiens*“, съ презрѣніемъ отворачивается отъ людей, потому что только одного себя считаетъ истинно сильнымъ. Онъ замыкается въ одиночество, а одиночество наводитъ на него все тотъ же ужасъ. „Онъ снова чувствовалъ предостерегающій страхъ—говоритъ Пшибышевскій о Фалькѣ—только бы не быть одному... Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ!“ Мало того, отъ самого себя Фалькъ отворачивается съ презрѣніемъ, потому что съ отчаяніемъ видитъ свою слабость, свою немощность вымирающаго человѣка. „У меня нѣтъ никакой маніи величія, но я не встрѣчалъ человѣка, который могъ бы сравняться со мной“—говорилъ Фалькъ подъ вліяніемъ „вдохновенія“. И тотъ же самый Фалькъ, въ моментъ „похмѣлья“, совнавая, что превращается въ развалины, испытываетъ такое чувство, какъ будто онъ сейчасъ распадается на части, и говоритъ о себѣ: „Не сумасшедшій ли я въ концѣ концовъ. Да, да. У меня голова не въ порядкѣ... *Отращеніе къ себѣ, отращеніе къ людямъ* убиваетъ меня, какъ гангрена. Я, быть можетъ, могъ бы кое-что сдѣлать, но безразсудныя распутства изгрызли мою волю: я шелъ, уничтожалъ и страдалъ“ (400. Н. Sap.).

Тулліо, который хочетъ быть „дальше отъ міра“, въ то же время часто переживаетъ „*чувство изолированности*“ своего существованія среди молчаливыхъ признаковъ внѣшняго міра“.

Тѣ же черты подчеркивали уже раньше у Керженцова („Мысль“).

Въ этомъ двойственномъ отношеніи къ одиночеству, къ себѣ и къ людямъ скрывается характерная черта „дифференцированнаго“ человѣка“. Ни одному художнику не удалось такъ ярко изобразить эту дифференцированность современнаго человѣка, какъ это удалось сдѣлать Пшибышевскому. Съ великимъ нечеловѣческимъ страданіемъ чувствовалъ Фалькъ „двѣ души въ большой душѣ своей“, чувствовалъ „два сердца, которыя бились одно о другое“... Душа великая и душа подлая—„циничная“ разрываютъ его тѣло на части, разсѣиваютъ мысль, парализуютъ волю. Никакой непосредственности!... Фалькъ не просто чувствовалъ, а „игралъ въ чувство“.

„Онъ мертвецъ потому, что онъ съ дѣтства не жилъ...“

„Потому, что до гроба не будетъ онъ жить.“

„Потому что онъ каждое чувство спѣшилъ,

Чуть оно возникало, умомъ разложить“.

Подобно герою Мопассана „На Водѣ“, онъ почти въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ говоритъ объ ужасѣ, который онъ испытываетъ при мысли, что „непосредственное наслажденіе или страданіе—*все это стало въ немъ литературой, чѣмъ-то искусственнымъ*“. Эта мысль его убиваетъ. Въ то же время для Фалька „нѣтъ никакихъ установленныхъ правилъ“; въ немъ все сливается: натуральное и дѣланное, правда и ложь.

Герой Аннуаціо, Тулліо („Невинная жертва“) точно также всю свою жизнь колебался между двумя формулами, съ одной стороны

„онъ былъ убѣжденъ не только въ избранности своей природы, но и въ исключительности, онъ думалъ, что эта исключительность облагораживаетъ всякій его поступокъ“ а съ другой стороны тотъ-же самый Туллио говорилъ о себѣ: „что за важность, буду только тѣмъ, чѣмъ въ мы должны быть—грязью въ грязи“... Тѣ же двѣ души—великая и подлая, тѣ же развалины.

Интересно, что профессоръ А Риль, характеризуя Фридриха Нитцше, какъ художника и мыслителя, обнаруживаетъ въ немъ тѣ же черты распадѣнія, тѣ же черты дифференцированнаго чело-вѣка, которыя мы только что обнаруживали у Мопассана, у Керженцова, Фалька, Туллио, Гюга. Вотъ эта блестящая характеристика великаго безумца: „Его называютъ многозвучнымъ и удивляются многосторонности или, вѣрнѣе, многострунности его ума, но въ немъ отсутствовалъ объединенный аккордъ звуковъ. Величіе отличается простотой, въ немъ прежде всего есть единство, а Нитцше—*натура двойственная*. Онъ былъ склоненъ къ преклоненію и въ то же время обладалъ острымъ холоднымъ умомъ. И такъ какъ онъ доводилъ всегда свое поклоненіе до безпредѣльности, то ему всегда приходилось святотатственнымъ ударомъ разбивать божественный образъ, которому онъ поклонялся. Гдѣ нечему было поклоняться, тамъ онъ создавалъ предметъ для поклоненія: онъ выдумалъ „Свободомыслящаго“, создалъ образъ „свѣтъ-человѣка“; несомнѣнно, что онъ впоследствии разрушилъ-бы и этотъ кумиръ... Его отрицательно критическій умъ не позволялъ ему ни на чемъ останавливаться и гналъ его отъ одного міровоззрѣнія къ другому. Каждое теченіе, которому онъ слѣдовалъ, онъ проходилъ до конца и даже *шелъ дальше конца*. Онъ—*натура, саморазрушающаяся* по существу, подобно развалинамъ великаго духа, въ которомъ недостаетъ душевнаго соотвѣтствія“¹⁾...

Леонидъ Андреевъ и Шибышевскій въ докторѣ Керженцовѣ и въ литераторѣ Фалькѣ дали яркіе образы этой *трагедіи мысли*, у которой нѣтъ точки опоры, и которая овладѣваетъ чело-вѣкомъ въ то время, какъ чело-вѣкъ уже не можетъ овладѣть ею.

Ту же двойственность когда-то отмѣчали романтики, создавая цѣлый рядъ романовъ, въ которыхъ чело-вѣкъ всюду видѣлъ собственнаго двойника и доходилъ до безумія отъ мучительнаго раздвоенія и ужаса передъ этимъ раздвоеніемъ.

У Гоголя въ повѣсти „Носъ“, у Достоевскаго въ повѣсти „Двойникъ“ это раздвоеніе выливается у одного въ комическую, у другого въ траги-комическую форму...

Несомнѣнно, эта *трагедія мысли*, которая убиваетъ собственнаго господина, это раздвоеніе уже свидѣтельствуетъ о болѣзненныхъ процессахъ. И если присмотрѣться къ обитателямъ „Мертваго царства“, то почти всѣ они, за немногими исключеніями—больные люди, какъ и большинство героевъ Леонида

¹⁾ Риль, Фридрихъ Нитцше, какъ художникъ и мыслитель, стр. 147.

Андреева. Ихъ одиночество—это одиночество больныхъ людей, одиночество впохондриковъ, развалины ихъ духа—это развалины ихъ тѣла. Вы помните тотъ діагнозъ болѣзни современнаго сверхчеловѣка, который дѣлаеть докторъ Керженцовъ; почти такой же діагнозъ мы находимъ у другого героя, уже не російскаго, а западно-европейскаго сверхчеловѣка. Прежде всего у Туллио („Невинная жертва“) мы находимъ тѣ же черты раздвоенія или, вѣрнѣе, дифференцированности. Вся его жизнь „отрывочная, нелогичная, бесвязная, составлена изъ цѣлага ряда кризисовъ... Въ немъ живуть тенденціи всякаго рода, всевозможныя противоположности... Ассоціаціи расширялись, центръ тяжести перемѣщался, и его личность становилась другою. Волна идей и циркулировавшей крови заставляли являться на подвижной основѣ его и новыя фигуры, точно у него было *нѣсколько душъ*“..

Какъ видите, тѣ же черты, какія мы уже наблюдали и у Нитцше, и у Фалька, и у Керженцева. Теперь познакоимся съ діагнозомъ, который ставитъ надъ собою, а вмѣстѣ и надъ своими братьями этого, по опредѣленію Аннунціо, „аналитикъ, идеологъ и софистъ эпохи упадка“... „Ипертрофія нѣкоторыхъ міровыхъ центровъ—говоритъ онъ—не давала необходимаго соотвѣтствія для нормальной умственной жизни. Я до мелочей могъ слѣдить за собою и въ то же время имѣлъ всѣ порывы недисциплинированныхъ существъ. Не разъ мнѣ приходили на умъ неожиданныя преступныя идеи. Заблужденіе, глупость, слѣпота, несчастья всякаго рода, постоянное и смутное движеніе въ насъ *животнаго и атавистическаго* происхожденія“.

Присмотритесь къ семейной жизни этого героя—вы невольно вспомните слова доктора Керженцова—„это дегенерація“: полное вырожденіе на каждомъ шагѣ, въ каждомъ поступкѣ. Подобно тому, какъ алкоголикъ Фалькъ предавался неограниченной свободной любви, а, женившись, мучился мыслию, что онъ „не первый“ *владѣетъ тѣломъ* своей жевы, и, чтобы быть этимъ первымъ, тайкомъ отъ жены оболъщаетъ невинную Маритъ, точно также и Туллио вмѣняеть своей женѣ, вмѣняеть не разъ, о чемъ цинично ей призывается и въ то же время начинаетъ испытывать страшныя муки, кагда узнаеть, что отвергнутая имъ жевя въ минуту отчаянья отдалась другому. И кагда его жевя, еще недавно безжалостно покинутая мужемъ, родила ребенка отъ другого, Туллио, во время своихъ паденій поклонявшійся женѣ, какъ образу въ кіотѣ, теперь, толкнувъ жену на это паденіе, сватотатственной рукой разбиваетъ этотъ образъ; вмѣсто благоговѣнія „къ святой женщинѣ“, буржуа-собственникъ чувствуетъ преврѣніе „въ падшей женщинѣ“ и убиваетъ ея ребенка, потому что онъ отъ кого-то другого, котораго жевя никогда не любила. Такова *трагедія любви* послѣднихъ буржуа.

Зачѣмъ Туллио живетъ на свѣтѣ? Чѣмъ полна его жизнь?... Онъ богатъ. У него есть капиталъ. какъ у Гюга, какъ у Фалька. Этотъ капиталъ онъ прожигаетъ. Первые буржуа были бережливы—

они накопляли... Ихъ наслѣдники—послѣдніе буржуа не знаютъ счета деньгамъ и расточаютъ „отцовскіе червонцы“. Туллио—этотъ паразитъ, неоднократно высказываетъ, что „его цѣль *отъ-нятие наслажденіемъ*“, и въ жертву этимъ наслажденіямъ онъ готовъ принести все: и счастье, и здоровье, и жизнь своихъ близкихъ, и чѣмъ болше страданіе этихъ близкихъ, тѣмъ острѣе, тѣмъ глубже его наслажденіе, а потомъ, съ невиннымъ видомъ жертвы рока, этотъ Туллио спѣшитъ воскликнуть: „Почему зародышъ такой садической извращенности лежитъ въ каждомъ человѣкѣ“?...

Повинуясь этой садической извращенности, отъ своей жены, во имя свободной любви, онъ шель къ чужимъ женщинамъ, отъ чужихъ женщинъ онъ шель къ своей женѣ, на которую смотрѣлъ, какъ собственникъ, въ великосвѣтскихъ салонахъ тотъ же Туллио могъ бы клеймить съ чувствомъ оскорбленной добродѣтели тѣ зловредныя ученія, которыя разрушаютъ семью и проповѣдуютъ повальный развратъ. Слово *женщина* поистинѣ было выжжено въ его мозгу огненными буквами. Вы только посмотрите, что творится съ этимъ рабомъ „демона извращенности“, когда онъ видитъ чужую женщину, которая могла принадлежать другому, а должна принадлежать ему. „Страшная чувственная ревность разлилась во мнѣ—говоритъ Туллио—разлилась, высушивши всѣ мои внутренніе хорошіе источники, питаюсь грязью, лежащей въ низменности моего животнаго существа... Я не могъ отдѣлать ее отъ сладострастной фигуры, рисуемой мнѣ воображеніемъ“... Помните гимназиста у Леонида Андреева—Павла. Трагедія Павла не въ томъ, что онъ заразился скверной Солѣзнію, а въ томъ, что его отношенія къ женщинѣ принимаютъ болѣзненно острый извращенный характеръ. *Воображеніе* окружаетъ холоднымъ и желтымъ туманомъ его юную, еще дѣвственную мысль... Что ждало Павла героя Л. Андреева? Онъ долженъ былъ пережить то же, что Туллио, ту же *трагедію любви*, ту же „жестокую агонію, низменная удовлетворенія, подлыя условія, предложенныя и принятыя безъ краски стыда, неожиданныя порывы, толкавшіе до границы безумія, до паденія въ *бездну разврата*“ (44, „Невинная жертва“), все это узналъ Нѣмовецкій—попавшій въ бездну, все это могъ до тонкости узнать Павелъ, поглощенный туманомъ, да онъ и узналъ уже не мало...

Что должно было получаться въ результатъ этой вѣчной погони за „наслажденіемъ“, за „ликованіемъ танцующихъ надъ пропастью“. Отвращеніе къ себѣ, отвращеніе къ людямъ, отвращеніе къ жизни, усталость и пресыщеніе заставляли Туллио или бродить „всюду, но дальше отъ міра“, или искусственными средствами возбуждать свою похоть.

Пресыщеніе и усталость, какъ результатъ поклоненія „демону невоздержанности“—это черта не однихъ героевъ Аннунціо. Развѣ не то же пресыщеніе и не та же усталость отъ вѣчнаго угара заставляютъ художника Мопассана мечтать „О возвращеніи къ

первобытной жизни“ (333, I). Мопассанъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые, по его словамъ, „едва достигаютъ 30 лѣтъ, для нихъ уже все кончено. Ихъ ничто больше не развлекаетъ, они испытали всѣ наши скудные наслажденія“. На то же пресыщеніе „скудными наслажденіями“ указываетъ Нитцше въ своихъ письмахъ, называя „исторію своей юности сплошнымъ ужасомъ, роковымъ паденіемъ и расслабленіемъ“... ¹⁾

Интересно сопоставить съ этими послѣдними буржуа въ европейскомъ смыслѣ, паразитами, проживающими унаслѣдованный капиталъ послѣднихъ мелкихъ производителей Леонида Андреева. Съ одной стороны—недоѣданіе и зависть къ чужому благополучію („Сергій Петровичъ“, „У Окна“, „Ангелочекъ“), а съ другой—пресыщеніе и презрѣніе ко всѣмъ земнымъ благамъ. Здѣсь усталость отъ безнадежной погони за хлѣбомъ насущнымъ, тамъ усталость отъ страстной погони скучающаго паразита за наслажденіемъ еще неизвѣданнымъ; здѣсь отвратительная нищета человѣка убиваемаго жизнью, тамъ безумная роскошь сверхъ-человѣка, убивающаго жизнь. Ликованіе танцующихъ надъ пропастью людей, которые говорятъ: „а послѣ насъ хоть потопъ“—и муза людей пресмыкающихся, подавленныхъ во прахъ“.

Въ послѣдней своей повѣсти „Жизнь о. Василия Ойвейскаго“ Леонидъ Андреевъ рисуетъ въ высшей степени яркую и въ то же время безотрадную картину жизни мелкаго производителя, впервые обращая свое вниманіе не на городского ремесленника, а на жителя деревни. „Словно самъ строгій законъ причинности не имѣлъ власти надъ этой простой и фантастической жизнью,—пишетъ художникъ.—Крѣпкая стихійная воля къ такому-же стихійному, могучему творчеству—и *уродливое прозябанье* гдѣ-то на границѣ между жизнью и смертью... Онъ могъ, казалось, перевернуть самую землю. А въ дѣйствительности... былъ *постоянно голоденъ*, голодала его жена, и дѣти, и скотина... Въ отчаянныхъ потугахъ что-то построить, что-то создать, онъ расплывался по землѣ—и *все разсыпалось, все валилось*, все отвѣчало ему дикой насмѣшкой и глумленіемъ“. (36 стр.).

Это уродливое прозябанье постоянно голодныхъ мелкихъ производителей, и уродливое прожиганіе жизни, постоянно пресыщенныхъ послѣднихъ буржуа, какъ-то нелѣпо сближаютъ этихъ людей на почвѣ вырожденія, на почвѣ же экономическихъ противорѣчій жизни.

Сопоставляя героя западно-европейскаго большого искусства и героя Л. Андреева, мы не можемъ не замѣтить еще одного крупнаго различія въ фізіономіяхъ тѣхъ и другихъ, различія, которое сразу бросается въ глаза. Дѣло въ томъ, что передъ героями Л. Андреева, кромѣ власти копейки, стоитъ еще власть патріархальныхъ условій... Какой-нибудь Андрей Николаевичъ, этотъ чиновникъ-мѣщанинъ мечтаетъ, „что и онъ-бы могъ быть чело-

¹⁾ Риль, „Фридрихъ Нитцше“, 20.

вѣкомъ, который умѣетъ зарабатывать много денегъ, и у него тогда былъ-бы домъ съ сияющими стеклами и красивая жена у окна"... Сергѣя Петровна "первое что могло-бы приблизить къ счастію—это свобода отъ чужого и неприятнаго труда" ("Сергѣя Петровна")...

Но вмѣстѣ съ этимъ ярмомъ труда и властью копееки герой Л. Андреева чувствуетъ какую-то приниженность и придавленность. Передъ нимъ та "Стѣна", которой нѣтъ передъ героями Аннуціо, Роденбаха, Гамсуна и т. д. Передъ нимъ область, которую—не дьяволъ проклялъ заклятіемъ "Молчанія", а уродливыя условія жизни, которыя рисовались отцу Игнатію, какъ что-то "большое, гранитное, страшное, полное невидимыхъ опасностей..." Это что-то убиваетъ Вѣру... Это что-то вызывало въ душѣ Николая ("Въ темную даль") тяжелое чувство, это что-то раньше времени сломило его... "Минутами по всему тѣлу Николая пробѣгала мгновенная дрожь странной боязни, и казалось, что волосы на затылкѣ поднимаются, какъ у оцетинившагося звѣря"...— Разсказывай, гдѣ былъ, что дѣлалъ?—спрашиваетъ его отецъ.— "По тѣлу Николая пробѣгала та же странная дрожь испуга"...— Николай, какъ и Вѣра, молчит... Присутствіе "стѣны" чувствуется во всѣхъ поступкахъ героевъ Л. Андреева, и дѣлаетъ образы нашего художника еще болѣе мрачными, еще болѣе безнадежными. Въ произведеніяхъ западно-европейскихъ представителей "больного искусства", нѣтъ затравленнаго звѣря, нѣтъ стѣны, нѣтъ "чего-то" гранитнаго, страшнаго, полнаго невидимыхъ опасностей".

Однако, несмотря на только что указанныя различія опасностей, и тѣ и другіе — обитатели "Мертваго Царства", и тѣ и другіе—"мертвыя души", и тѣ и другіе изнемогаютъ подъ бременемъ безысходныхъ, роковыхъ противорѣчій, и тѣ и другіе не имѣютъ силъ для борьбы съ великими Рока, который съ одинаковымъ равнодушіемъ сметаетъ съ пыльной дороги жизни, какъ бесполезный мусоръ, и послѣдняго мелкаго производителя, и послѣдняго сына "Кунона". И тѣ и другіе стремятся "къ небытію, къ концу, къ отдыху, къ „субботѣ субботъ“...

Передъ нами сынъ больной больной вѣка. Онъ распадается... Его организмъ изношенъ какъ ненужная ветошь, и когда передъ нимъ встаетъ призракъ смерти, онъ—тщедушный и хилый, жившій себя, привѣтствуетъ эту смерть съ воодушевленіемъ, болѣе искреннимъ, чѣмъ дѣлали это когда-то могучіе гладіаторы, своимъ трагическимъ возгласомъ привѣтствовавшіе послѣднихъ цезарей Рима: "Ave Caesar! Ave! Morituri te salutant"...

Таково больное искусство нашихъ дней, таково больной герой его. Служитель этого искусства могъ-бы съ полнымъ правомъ примѣнить къ себѣ тѣ слова, которыя обращаетъ къ себѣ у Лангмана "Молодой человѣкъ, 1895 года"... "Я роюсь—говоритъ этотъ молодой человѣкъ въ тайникахъ моей души, которыя душа прячетъ отъ самой себя, и грубо выставляя ихъ на свѣтъ..."

Я разлагаю... ощущенія до тѣхъ поръ, пока не прихожу къ счастливому заключенію, что въ этихъ ощущеніяхъ нѣтъ ни силы, ни красоты.

Эгоизмъ мой не настоящій, не истинный и альтруизмъ мой не настоящій; все у меня развито на половину...

Я чую тонкій запахъ разложенія обветшалаго міросозерцанія, я ищу знаменій и предсказаній, возвѣщающихъ нѣчто новое. Вѣчная погоня за настроеніями...

Все невиданное, неслыханное и неиспытанное волнуетъ меня. Это оттого, что я старъ, несмотря на мои молодые годы. Мои нервы стары... Основное мое свойство *половинчатость*. Я вылитъ не изъ одного металла, а составленъ изъ отдѣльныхъ кусковъ. Такъ я и бреду по пыльной дорогѣ жизни". ¹⁾

Мы должны извиниться передъ читателями за цѣлую массу цитатъ, на которыя мы постоянно принуждены были ссылаться въ нашей работѣ. Но эти цитаты намъ были нужны, какъ цифры статистику для того, чтобы обосновать наши выводы. Мы хотѣли путемъ цѣлага ряда сопоставленій указать на духовное родство Леонида Андреева съ „молодымъ человѣкомъ 95 года“.

Мы хотѣли не только подчеркнуть болѣзненность содержанія и искусственность формы въ творествѣ Л. Андреева, но указать, что тѣ же черты свойственны цѣлому большому поколѣнію художниковъ пессимистовъ.

Мы ни слова не говорили о произведеніяхъ А. П. Чехова, этого пессимиста изъ пессимистовъ, потому что намъ хотѣлось *главнымъ образомъ* говорить о творествѣ Леонида Андреева, а развѣ можно, *между прочимъ*, говорить о Чеховѣ.

Глава IV₂

Итакъ, мы видѣли жалкую и отвратительную смерть въ произведеніяхъ Леонида Андреева, таинственную смерть у Эдгара Поэ, прекрасную смерть героев Роденбаха, тлѣтворную смерть распадающагося человѣка у Пшибышевскаго... Гдѣ же корни этого „Мертваго Царства?“

Вымираніе послѣднихъ, вымираніе Робертовъ Эшеровъ и приидевъ Просперо, Керженцовыхъ и Хижняковыхъ, Фальшовъ и Туллио свидѣтельствуетъ не только о болѣзни, о распаденіи индивидуальнаго организма, но и о болѣзни социальнаго организма, и это главное. Далеко не случайно цѣлой вереницей призраковъ проносятся передъ мятежной душой современнаго человѣка всѣ эти герои большого искусства. Эти призраки—показатели настроенія идеологовъ опредѣленныхъ социальныхъ слоевъ, они не только свидѣтельствуютъ объ индивидуальныхъ отклоненіяхъ, исключительныхъ и случайныхъ, они бросаютъ яркій свѣтъ на состояніе общественныхъ отношеній въ данный моментъ...

¹⁾ Лангманъ „Молодой человѣкъ 95 года“. „Драмы и новеллы“ стр. 334.

„Ужасъ и фатальность бродили во всё вѣка, зачѣмъ-же указывать, къ какому времени относится мой рассказъ“, такъ говорилъ когда-то Э. Поэ. Великій поэтъ смерти глубоко заблуждался. Не вездѣ и не во всё времена бродили ужасъ и фатальность, облекая настроеніе цѣлыхъ общественныхъ слоевъ въ глубокой трауръ. Они приходили къ отживающему обществу въ тѣ эпохи, которыя называлъ Сенъ-Симонъ, а за нимъ О. Контъ „критическими“. Въ такія „тяжелыя времена“ цѣніе цѣнѣтъ уже предвѣщало грядущій разсвѣтъ, переоцѣнку всѣхъ цѣнностей и могучую радостную жизнь для однихъ; предвѣщало „последнюю зарю“, гибель старыхъ боговъ и безнадежную смерть для другихъ. И тогда ужасъ и фатальность приходили къ растерявшемуся человѣку. Едва замѣтная трещина „Дома Эшеръ“ тщательно задылывалась, но зданіе грозило паденіемъ, трещина расплзалась, и напрасно бдительная стража была тревогу и кричала свое „слушай“. Потрясенныя тѣни прошлаго въ ужасѣ начинали метаться. Онѣ боязливо прятали въ сумракъ ночи свои мертвенныя лица, только бы не видѣть проклятой, неумолимой необходимости. Съ дрожью въ голосѣ жаловались на слѣпой рокъ тѣ, которыхъ отрицала эта необходимость, этотъ „слѣпой рокъ“... Въ отчаяньи они пытались остановить, повернуть назадъ колесо исторіи, усердно подкладывали палки подъ его зубцы, суровой правдѣ дѣйствительности, волнуясь и спѣша, они противопоставляли „возвышающій обманъ“ и миражи разстроенаго воображенія. Въ какомъ-то смятеніи „вымирающіе“, подобно принцу Просперо, забирались отъ власти рока въ причудливыя пышныя чертоги, въ безумной оргіи искали забвенія. „Красная Смерть“ („Маска Красной Смерти“ Э. Поэ) появлялась, „яко тать въ нощи“, среди пирующихъ, и безумная оргія блѣднѣла передъ трезвой правдой неванной гостыи.

Такой эпохой печали былъ конецъ 18-го и начало 19-го столѣтія въ Германіи. Въ тотъ бурный періодъ, когда Франція отъ имени естественнаго разума, невѣдавшаго преградъ, говорила разслабленной Европѣ „встань! возьми одръ свой и ходи“, Германія, съ ея феодально-крѣпостными отношеніями, въ страхѣ отвращивалась отъ „бѣсовскихъ навожденій“. Правда, былъ моментъ когда „подъ Наполеоновской розгой“ Германія ввела кой-какія реформы, но этотъ моментъ скоро прошелъ и отживающее восторжествовало, хотя элементы разложенія были слишкомъ очевидны.

Феодально патріархальныя отношенія уже противорѣчили дѣйствительности, вопросъ заключался въ томъ, что побѣдитъ?... Прошлое или грядущее? Завѣты католицизма, абсолютизма, крѣпостничества или идеалы гуманизма, реформація и просвѣщенія? Средніе вѣка или 1789 годъ? Мертвая догма или естественный разумъ? Отживающіе слои или народившіеся классы? Феодальное помѣстье или капиталистическое предпріятіе? Набожныя мечтанія

или голый чистоганъ? Сила или право? Короли, дворянство и духовенство посидѣли отвѣтить на этотъ вопросъ...

Въ то же время идеологія должна была заняться „оправданіемъ“ отживающаго, и она этимъ усердно занялась. Вмѣсто *истинной* науки, которая идетъ всегда вослѣдъ развитію, создается фальсифицированная наука, которая „оправдываетъ“ и прикрываетъ винограднымъ листкомъ добродѣтели наготу, далеко не красиваго, дряхлаго тѣла.

Начинается поворотъ къ тому „готическому варварству“, которое клеймила эпоха просвѣщенія. Недавніе послѣдователи древнихъ, страстные поклонники классиковъ возвращаются къ родной старинѣ, къ жизни средневѣковья, къ догмѣ и къ авторитету. Зарождается вмѣсто классическаго гуманизма средневѣковый романтизмъ...

Въ области юриспруденціи историческая школа хотѣла протестовать противъ якобы фривольнаго духа, но фактически была протестомъ противъ духа 1789 г. „Право разума“ просвѣтителей могло быть только правомъ буржуазнаго разума, но какъ таковое оно означало свой историческій прогрессъ, тогда какъ историческая школа отрѣзывала возможность всякаго историческаго развитія, такъ какъ она выставляла въ качествѣ основы исторически бывшее, только потому что оно было „историческимъ“.

По словамъ Гегеля эта школа была худшимъ ругательствомъ, которое только можно было бросить въ лицо Германской націи.

Но вскорѣ долженъ былъ появиться молодой борецъ, который навѣкъ заклеилъ историческую школу, какъ школу, которая оправдываетъ сегодняшнюю низость вчерашнею низостью и называетъ крикъ крѣпостного противъ кнута преступнымъ, разъ этотъ кнутъ вѣковой, историческій кнутъ...

Этотъ-же молодой борецъ сказалъ о двадцатыхъ годахъ, что единственная область литературы, въ которой бился еще тогда духъ живъ—философія, перестала говорить по-нѣмецки, такъ какъ нѣмецкій языкъ пересталъ быть языкомъ мысли. Духъ говорилъ таинственнымъ языкомъ, такъ какъ доступныя пониманію слова перестали быть понятными...

Въ области искусства мы видимъ тоже процвѣтаніе романтизма. Германія въ этомъ „движеніи“ оказалась впереди только потому, что понадобилось быть позади.

Какъ относились къ великимъ дѣламъ вѣка и къ призыву Франціи призванные представители Германской литературы конца 18-го, начала 19-го столѣтій, лучше всего видно изъ того, что маститый Гете,—этотъ Олимпіецъ, жаловался не разъ своимъ читателямъ на поднятый Франціей шумъ, который мѣшалъ ему работать. „Послѣ битвы при Іенѣ—пишетъ Кнебель—мы изучали здѣсь подъ руководствомъ Гете остеологию. Время для этого самое подходящее, такъ какъ поле было покрыто препаратами¹⁾).

¹⁾ Заимствуемъ цитату у Брандеса, IV т.

Но настоящее поле, усыянное мертвыми костями, было не тамъ; это прекрасно поняли представители нѣмецкаго романтизма, этой *поэтической остеологии*. Поэзія романтиковъ была трубой архангела, будившей не живыхъ, а мертвыхъ. Изъ могилъ, изъ истлѣвшихъ гробовъ поднимались блѣдные призраки и при лунномъ свѣтѣ начинали свою ужасную „пляску мертвецовъ,“ на зло всѣмъ требованіямъ естественнаго разума, на зло грому и молніи пробудившейся жизни во Франціи...

Романтизмъ въ Германіи представлялъ, по словамъ профессора Карѣва ¹⁾, проповѣдь квиетизма, общественнаго индифферентизма, исключительнаго погруженія въ личную жизнь, да и то, по общему характеру движенія, въ жизнь однимъ чувствомъ, одной фантазіей, однимъ созерцаніемъ: литература отворачивалась отъ дѣйствительности, признавая въ ней лишь одну пошлость и если пыталась воедѣйствовать на жизнь, то лишь въ смыслѣ возвращенія къ временамъ господства чувства и фантазіи.

Такимъ образомъ разлагающейся патриархально феодальной формѣ общественныхъ отношеній соответствовали „жалкіе остатки умирающаго образа мыслей.“

Больное искусство, больные цвѣты расцвѣтали въ эту ночь подъ Ивана Купала въ Германіи, въ эту ночь привидѣній и блѣднаго страха. Властителями думъ въ Германіи становятся больные измученные смутной эпохой люди: Гаренбергъ (Новалисъ), въ юности пытавшійся покончить съ собой и умершій отъ чахотки 29 лѣтъ; Тикъ, страдавшій врожденной меланхоліей, доводившей его до безумія; Клеменсъ Брентано, кончившій религиознымъ помѣшательствомъ; драматургъ Клейстъ, который застрѣлилъ себя и свою возлюбленную; Гофманъ, авторъ полныхъ ужаса сказокъ, страдавшій галлюцинаціями. Когда онъ писалъ свои произведенія ночью, то просилъ свою жену сидѣть съ нимъ рядомъ, такъ какъ испытывалъ страхъ.

Брандесъ ²⁾ приводитъ страничку изъ дневника этого больного художника: „1804 г. Съ четырехъ до 10 сидѣлъ въ новомъ клубѣ. Крайне напряженное состояніе къ вечеру. Мысли о смерти не даютъ покоя... Двойникъ... 1809. Странная фантазія приходитъ въ голову во время балета... Мнѣ кажется, какъ будто я вижу свое „Я“ сквозь увеличительное стекло, всѣ двигающіеся вокругъ меня созданія мои „я“, и я сержусь на то, что они дѣлаютъ, какъ поступаютъ. 1810. Почему и во снѣ, и бодрствуя, я такъ много думаю о безуміи.“

Таковъ былъ нѣмецкій романтикъ начала прошлаго столѣтія. Его слезоточивая муза, вся сотканная изъ луннаго свѣта, вмѣсто правъ человѣка возводила „въ перлъ созданія“ права сердца, вмѣсто свободы націй провозглашала только свободу подового чувства, вмѣсто благородства духа, благородство происхожденія,

¹⁾ IV т. 270 стр. Профессоръ Карѣвъ „Исторія Западной Европы“.

²⁾ Брандесъ, IV. 134 стр.

вмѣсто рыцарей безъ страха и упрека изображала рыцарей печальнаго образа, вмѣсто жизни смерть, вмѣсто солнца лунный свѣтъ. Представители романтизма, вмѣсто законовъ мысли превозносили произволь фантазіи, вмѣсто образовъ дѣйствительности создавали отраженія въ зеркалахъ, вмѣсто стремленія къ великимъ цѣлямъ вѣка изображали безцѣльное томленье душъ, изнывающихъ отъ любви, вмѣсто естественной любви проповѣдовали искусство любви, „игру въ чувство“. Идею произведеній замѣнила мелодія, мѣръ обращался въ сонъ, а сонъ въ мѣръ; сердце читателя, какъ челнокъ уносилось на волнахъ настроеній въ море „фантазіи безбрежной“, завывало о буряхъ и битвахъ земли, изнывавшей подъ бременемъ проклятыхъ вопросовъ, и въ то же время робко трепетало передъ непостижимымъ и непонятнымъ. Этотъ трепеть прекрасно формулировалъ нѣмецкій романтикъ Гофманъ въ словахъ: Дьяволъ всюду суеть свой хвостъ“.

Мы нарочно подробно остановились на характеристикѣ этой смутной эпохи съ ея романтизмомъ, такъ какъ у *большого* искусства прошлаго вѣка очень много общихъ чертъ съ большимъ искусствомъ нашего времени, которое точно также является отраженіемъ современнаго критическаго періода. ¹⁾ Это необходимо для дальнѣйшихъ выводовъ, для болѣе внимательнаго изслѣдованія той почвы, на которой зиждется „Мертвое Царство“ и той дороги, которая ведетъ человѣчество изъ царства ужаса и фатальности въ царство радости и свободы.

Мы уже знаемъ, что по закону мировой діалектики, только что разсмотрѣнная нами критическая эпоха, когда многимъ казалось, что нѣтъ исхода изъ Вавилонскаго плѣненія, смѣнилась эпохой органической—буржуазной. Никакая идеологія, никакая сила, никакія заклинанія не могли совершить чуда и воскресить трупъ феодально-патріархальныхъ отношеній... Буржуазія ихъ разрушила съ неумолимостью рока... Она пришла и стала творить новый мѣръ по образу своему и подобию. Она утопила набожную мечтательность въ холодной водѣ экономическаго разсчета; она разоблачила лѣнивую неподвижность и жемѣ, чѣмъ въ сто лѣтъ своего существованія, создала болѣе всеобъемлющую и колоссальныя производительныя силы, чѣмъ всѣ предшествующіе поколѣнія взятыя вмѣстѣ. Подчиненіе силъ природы, введеніе машинъ, примѣненіе химіи въ промышленности и земледѣліи, паровое судоходство, желѣзныя дороги, электрической телеграфъ, подчиненіе культурѣ цѣлыхъ частей свѣта, улучшеніе рѣкъ, внезапно выросшіе изъ земли цѣлые народы—кто изъ предшествующихъ вѣковъ могъ предчувствовать, что такія огромныя производительныя силы таятся въ нѣдрахъ общественнаго труда...

¹⁾ Говоря объ этой эпохѣ, мы ни слова не говорили о Берне, Платенъ, Гейне—представителяхъ искусства будущаго, которые выступали борцами противъ оживающей идеологіи; точно также Новалисъ, Тикъ, Гофманъ далеко не исчерпываютъ своими болѣзненными произведеніями всѣхъ теченій романтизма.

Но и эта органическая эпоха прошла. „Везумнымъ разумное стало, и благо во зло превратилось“. Буржуазія, которая на мѣсто „мертвѣго царства“ феодально-крѣпостной эпохи, провозгласила „свободный договоръ“, и вызвала къ жизни мертвые города, разрушила китайскія стѣны, сама оказалась въ положеніи волшебника, который забылъ слова заклинанія и не можетъ справиться съ вызванными имъ силами.

И снова опустилась ночь, и снова дѣлами вереницами стали проноситься блѣдные призраки. И снова противорѣчія общественнаго строя стали болѣзненно отражаться въ сознаніи идеологовъ, и снова разорвано сердце человѣка, потому что міръ разорванъ на двое, на ветхій и новый.

Идеологи отживающаго класса, *благодаря высокому развитію своего интеллекта*, не могутъ не сознавать гнилости и ветхости того міра, къ которому они принадлежатъ и который оправдываютъ. Принадлежа къ отживающимъ слоямъ, они предчувствуютъ рожденіе чего-то новаго... Но они не видятъ нарождающихся слоевъ, они имъ чужды, они внѣ поля ихъ зрѣнія. Правда среди нихъ замѣчаются и сознательные фальсификаторы, но замѣчаются и такіе, которые оказываются въ полномъ одиночествѣ „ни въ сѣхъ, ни въ оныхъ“ и переживаютъ великую трагедію разорванаго сердца и разорванности мысли.

Мы видимъ снова тѣ же болѣзненные симптомы, которые замѣчались и 100 лѣтъ тому назадъ, только на фонѣ различныхъ общественныхъ формъ.

Трагедія благородства замѣнилась драмой мѣщанства. И передъ рыцарями накопленія, подобно тому, какъ передъ рыцарями большой дорогѣ всталъ воочію вопросъ „быть или не быть“. Годы чистоганъ проникъ во всѣ поры общественной жизни. Копеечные расчеты и безумная трата, слѣпое счастье и неожиданный крахъ, колоссальныя богатства и вошіющая нищета, борьба за внутреній рынокъ и травля національностей: негровъ, евреевъ, поляковъ, чеховъ... борьба за виѣшній „мировой рынокъ“ и милитаризмъ, разрушеніе „домашняго очага“ и проституція... И надъ всѣмъ этимъ формула суровая и безстыдная: „Nemo homini lupus est“... Въ этой войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ „люди гибнутъ за металлъ“... Мракъ и отчаянное болѣзненное чувство одиночества и безнадежности давятъ тяжелымъ кошмаромъ мелкаго производителя, котораго побиваетъ болѣе крупный соперникъ, давятъ крупнаго, которому по волѣ „слѣпѣго рока“ грозить крахъ...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ на выставкѣ французскихъ художниковъ взоры всѣхъ приковала такая картина: Громадное полотно... Съ неба сыплется радужный дождь: „золото! золото падаетъ съ неба!“ И вотъ, за этимъ золотомъ за этимъ „счастьемъ“ устремились жадные, жестокіе, безстыдные люди... Они давили другъ друга... Тутъ и старшій, и малый, дѣлая гора тѣль... Слабый падаетъ, болѣе сильный выбирается на плечи другого... Искаженные лица... ужасъ и зависть, боль и жадность

„одухотворяют“ эти живыя фигуры... Шкурный вопросъ во всей своей безотраднѣйшей наготѣ смотрѣлъ на зрителей... „Это вы!“ говорилъ художникъ... А толпа стояла, смотрѣла, а потомъ отходила отъ той картины, и каждый спѣшилъ попасть въ ту же свалку...

Тяжелое время! Смутная эпоха!

На этомъ колеблющемся базисѣ общественныхъ отношеній производства строится болѣзненная призрачная идеологія. Эту связь бытія и сознанія въ высшей степени ярко подчеркиваетъ австрійскій писатель Лангманъ ¹⁾ въ своемъ очеркѣ, уже упомянутомъ нами: „молодой человекъ 95 года“. Вотъ какъ этотъ молодой человекъ характеризуетъ наше время: „Подобно голоднымъ волкамъ, проходимъ мы по опѣившей, засыпанной снѣгомъ пустынѣ жизни... Каждый видитъ въ другомъ врага, завистника, злостнаго клеветника; каждый боится обнаружить свою наготу и проявить свою слабость, чтобы не раздражить алчность бѣшеной отъ голода стаи; каждый боится упасть, и каждый страдаетъ слабостью духа. Чудится будто всѣ бѣгутъ взапуски неизвестно откуда и неизвестно куда, бѣгутъ съ развѣвающимися одеждами въ одномъ и томъ-же направленіи, точно съ пожара, и никто не знаетъ зачѣмъ. Ей-богу, будто при возникновеніи новой религіи... Во всѣ времена люди заботились о хлѣбѣ и о кровѣ для себя, жены и ребенка. Но, мнѣ кажется, лихорадочная озабоченность, которую мы видимъ теперь, есть нѣчто новое, исключительное, присущее нашему удивительному столѣтію. Купецъ, офицеръ, актеръ, ремесленникъ, Франція, Германія, христіанинъ, еврей, капиталистъ, рабочій—все это живетъ въ безумномъ страхѣ, свойственномъ этому какому-то переходящему столѣтію... Страхъ передъ старостью, одиночествомъ, передъ всѣмъ непривычнымъ, передъ работою и праздностью, передъ другими и передъ нами самими лишаетъ наше бытіе всякой прелести... Страхъ передъ жизнію начинается въ юные годы... Затѣмъ начинается погоня за хлѣбомъ, служба у людей, которые въ свою очередь находятся на службѣ у мамона... Быть рабомъ раба унижительно... А есть люди, которые счастливы, если они могутъ быть рабами... И вотъ начинается самая разнузданная конкуренція. О, вы бѣдныя, голодныя собаки!..

Эта болѣзнь социальнаго организма фатально ведетъ къ болѣзни организма индивидуальнаго.

Подобно тому, какъ сто лѣтъ тому назадъ отживающіе общественные слои столкнулись лицомъ къ лицу съ нарождающимися, естественныя права человека съ исторически приобретеннымъ правомъ, при чемъ фальсифицированная наука, вѣрная прислужница господъ положенія, взяла на себя благородную задачу защищать „историческій кнутъ“, такъ теперь войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, необузданной безпощадной конкуренціи волковъ, мы видимъ, про-

¹⁾ „Драмы и новеллы“ Лангманъ 325 стр.—378.

тивуюставляется солидарность людей, а противъ этой все растущей *солидарности* поднимаетъ свой мечъ фальсифицированная наука, возводитъ въ перлъ созданія формулу „*Homo homini lupus est*“, и всѣми силами пытается спасти отживающую идеологию отъ иной, нарождающейся, которой принадлежитъ будущее и которая провозглашаетъ: „впередъ сомнѣннымъ строимъ! Въ массѣ, а не въ одиночку!“

Гдѣ-же черпаютъ ученые фальсификаторы, идеологи голаго чистогана, свои аргументы?.. Кто хочетъ найги отвѣтъ на этотъ вопросъ. кто хочетъ видѣть, какъ циничная душа отживающихъ словъ прикрываетъ грязь голыхъ интересовъ „возвышающимъ обманомъ“ прогрессивной идеологии, тотъ сперва пусть присмотрится къ одному изъ представителей этихъ словъ, къ Фальку (*Homo variens*), къ этому избранному среди избранныхъ. Вотъ онъ, конкурируя со своимъ другомъ, отнявъ у него подругу, а его довелъ до самоубійства, и тотчасъ-же надъ гнусной дѣйствительностью строить прогрессивную идеологию, опираясь на теорію полового подбора.. Вотъ онъ обольстилъ дѣвушку, а затѣмъ на другой день пришелъ и сказалъ ей, что онъ женатъ, и дѣвушка покончила съ собой, и тотчасъ Фалькъ, этотъ *распадающийся* человекъ начинаетъ говорить о Богѣ Діонисѣ, о томъ, что онъ, какъ „*оргійная* природа“ разрушаетъ, чтобы созидать .. и т. д., и т. д. Бульгарная наука имѣетъ не одного такого Фалька. Ученые фальсификаторы именемъ Дарвина хотятъ прикрыть наготу голаго чистогана: конкуренцію они приравниваютъ къ естественному подбору и горячо защищаютъ ее отъ „нивелировщиковъ“ будто бы во имя прогресса, во имя счастья человѣчества.

Ученые фальсификаторы усердно стремятся „бальзамировать трупъ“, заделать трещину распадающагося дома Эшеръ и окружить ореоломъ прогресса уже вымирающаго послѣдняго человека. Путь къ прогрессу они видятъ тамъ, гдѣ царитъ слѣпной хаосъ грубаго эгоизма и такъ называемая игра естественныхъ силъ. Моральное возрожденіе общества они видятъ тамъ, гдѣ торжествуютъ противуобщественные элементы. Въ своей знаменитой полемикѣ противъ Дюринга, одинъ изъ истинныхъ и великихъ ученыхъ, вполне правильнымъ признавалъ раздраженіе Дюринга по поводу ошибочнаго и односторонняго примѣненія дарвиновскихъ принциповъ къ общественной жизни: „Разъясняемая въ дарвиновскомъ смыслѣ деморализующая борьба за существованіе сдѣлалась нынче популярнымъ девизомъ—писалъ Дюрингъ— превратилась въ теоретическое оправданіе гнуснѣйшаго эгоизма. Основывать собственное существованіе на разрушеніи другого—вотъ принципъ, вылупившійся въ циничной наготѣ изъ теоріи борьбы за существованіе“.

Защищая этотъ quasi-прогрессъ, торжество голаго чистогана, отъ реакціонныхъ поползновеній „нивелировщиковъ“, эти „бальзамировщики трупа“ утверждаютъ, что въ природѣ происходитъ борьба за существованіе. Такимъ образомъ происходитъ есте-

ственный подборъ; среди животныхъ самыя одаренныя, наиболее приспособленныя къ условіямъ, торжествуютъ въ борьбѣ за существованіе. Тоже происходитъ и въ человѣческомъ обществѣ.

Обыкновенно забываютъ при этомъ, что и у животныхъ существуетъ материнская любовь—этотъ инстинктъ рода, становящійся часто въ противорѣчіе съ индивидуальнымъ эгоизмомъ, и у животныхъ сильнѣйшій самецъ становится на стражѣ и зачастую жертвуетъ своей жизнью для защиты слабѣйшихъ. Помните, Тургеневскаго воробья, который поставилъ втупикъ и охотника, и собаку своей самоотверженной защитой птенцовъ?.. Помните часто передаваемую сцену изъ жизни обезьянъ?.. Охотники напали на цѣлое стадо обезьянъ... Обезьяны обратились въ бѣгство и скоро были внѣ опасности. Только одна маленькая слабая обезьянка отстала отъ стада и жалобно кричала... Гибель ея была неминуема, охотники уже торжествовали побѣду. И вогъ отъ стада отдѣлился старый самецъ, на глазахъ охотниковъ подошелъ къ слабому члену своего рода, поднялъ обезьянку и унесъ... И никто изъ охотниковъ не рѣшился воспользоваться „счастливымъ случаемъ“ и лишить стадо этого лучшаго выразителя родового инстинкта.

Тѣ кто приравниваютъ борьбу за существованіе среди животныхъ, къ борьбѣ за существованіе современнаго человѣческаго общества съ его стихійной конкуренціей, забываютъ, что борьба за существованіе въ чисто животной формѣ была закономъ лишь первобытнаго человѣка. Когда-то, правда, въ охотѣ и въ борьбѣ за самку первобытной *Homo sapiens* пользовался дубиной, зубами и когтями. Но, мало-по-малу, дубина—это естественное удлиненіе рукъ, изъ естественнаго орудія превратилось въ искусственное, а естественный человѣкъ, „*Homo sapiens*“, превратился въ историческаго человѣка. И тогда въ борьбѣ за существованіе сталъ побѣждать не сильнѣйшій, не избранный, не „идеальный типъ“, а зачастую худшій, ловкій „практикъ“, умѣющій обдѣлывать дѣла, а главное, тотъ, кто принадлежалъ къ сословію „*beati possidentes*“, къ классу счастливыхъ обладателей искусственныхъ орудій... ибо появились классы, которые не обладали этими „искусственными орудіями“.

Здѣсь-то и обнаруживается, что современная конкуренція и естественный подборъ—далеко не одно и то же. Эта коммерческая конкуренція, обращающая человѣка въ звѣря, которому нѣтъ равнаго среди самыхъ хищныхъ звѣрей, обращающая человѣка въ животное, которому нѣтъ равнаго среди самыхъ грязныхъ животныхъ—вовсе не ведетъ къ прогрессу...

Нѣтъ! истинная наука, наука будущаго, не занимается апологіей голаго чистогана и не занимается травлей человѣка, лишеннаго „искусственныхъ орудій“ въ борьбѣ за существованіе. Эта наука предвидитъ со своихъ высшихъ вершинъ, что дарвиновскій законъ борьбы за существованіе, послѣ паденія „мертваго царства“, завершится тѣмъ, что для всѣхъ существъ создадутся оди-

наково благопріятныя условія существованія и борьбы за существованіе. Это вовсе не означает казарменной нивеллировки и торжества „мигающаго человѣка“, какъ утверждаютъ проповѣдники сверхъ-человѣка.

Ни одинъ изъ великихъ жрецовъ будущаго не утверждалъ, что онъ стремился къ равенству тѣлесному и духовному, къ равенству способностей и наклонностей, этихъ естественныхъ орудій въ борьбѣ за жизнь. Подобное равенство привело бы къ гибели прогресса, ибо—рычагъ прогресса—это различіе индивидуумовъ. Равноправность индивидуумовъ—не есть механическое равенство. „Нивеллировщики“ по терминологіи сверхъ-человѣка Фалька, говоря, что для всѣхъ долженъ быть обезпеченъ одинаковый исходный пунктъ въ отношеніи общественныхъ условій развитія, вовсе не думаютъ устранить борьбу за существованіе. Они прекрасно сознаютъ, что прекращеніе *коммерческой конкуренціи* не есть прекращеніе борьбы за существованіе, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ.

Эта борьба за существованіе будетъ существовать всегда, и въ ней лежитъ залогъ развитія человѣчества, но будетъ она означать въ *человѣческомъ* обществѣ борьбу съ физической природой, борьбу благороднѣйшихъ честолюбій и великихъ талантовъ изъ за „лавровъ Мильтіада“ изъ-за того, кто больше принесетъ пользы тому самому человѣчеству, оплеваніемъ и оклеветаніемъ котораго такъ усердно занимается вымирающій, послѣдній человѣкъ. Такая борьба будетъ возвращеніемъ отъ противуестественной травли человѣка человѣкомъ, къ естественной борьбѣ между человѣкомъ и не-человѣкомъ, между человѣкомъ и поработаемой, но сопротивляющейся человѣку природой. Эта борьба будетъ полна величайшихъ побѣдъ, потому что человѣкъ обладаетъ тѣмъ, чего нѣтъ у другихъ животныхъ: онъ познаетъ законы своего развитія и благодаря этому изъ трепещущаго раба слѣпой необходимости превратится въ ея сознательнаго ученика и господина.

Съ яснымъ умомъ и пылающимъ сердцемъ войдетъ „Освобожденный Прометей“ въ свое свѣтлое жизнерадостное царство, гдѣ будутъ торжествовать не личные, а общественные инстинкты и гдѣ особенно ярко выразится громадное различіе между человѣкомъ и животнымъ.

Между планомерно организованной борьбой за существованіе въ *человѣческомъ* обществѣ и безсознательно-стихійной борьбой въ мирѣ животныхъ, между искусственными орудіями производства, могучими механическими двигателями, усовершенствованіе которыхъ наблюдается и теперь чуть не ежегодно, и между естественными орудіями животныхъ зубами, клыками и когтями, которые измѣняются въ тысячи лѣтъ. Мнимые дарвинисты все это забываютъ, потому что забыли главное: *человѣкъ можетъ быть названъ мыслящимъ животнымъ, но животное—мыслящимъ человѣкомъ, никогда!*

На ряду съ этимъ стремленіемъ „защитниковъ прогресса“ возвести современную анархію производства въ законъ природы, конкуренцію провозгласить борьбой за существованіе, въ которой будто-бы вырабатывается избранный человекъ, этотъ сверх-человекъ, на ряду съ этимъ стремленіемъ оправдать и *окружить ореоломъ дѣйствительность*, мы замѣчаемъ другое стремленіе современныхъ намъ философовъ идеалистовъ бѣжать *отъ дѣйствительности* въ міръ иной, въ міръ среднихъ вѣковъ, въ міръ грезъ и мечты, гдѣ „нѣтъ ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная“. Если фальсификаторы дарвинизма оправдываютъ дѣйствительность во имя природы, то метафизики отрицаютъ дѣйствительность во имя сверхъ-природы во имя другого міра, фальсифицированнаго, предпочитаютъ лучше вѣрить въ бытіе и даже въ черта, чѣмъ въ современность“.

„Въ истинномъ познаніи мысль обрабатываетъ эмпирическую дѣйствительность, въ идеалистической философіи мысль проектируетъ свою тѣнь и хочетъ заслониться ею отъ дѣйствительности... Человекъ научается находить отблескъ счастья въ мечтахъ, онъ поетъ и рассказываетъ сказки о счастливой жизни, часто приписывая ее своимъ предкамъ, онъ куритъ одуряющія вещества, пьетъ опьяняющіе напитки, чтобы ярче были его сны¹⁾).

Это бѣгство отъ дѣйствительности покойный С. Я. Надсонъ отмѣтилъ въ великолѣпномъ образѣ, въ уста людей мгновенья вложивъ такіа слова:

„Пусть насъ давятъ угрюмыя стѣны тюрьмы,
Мы сумѣемъ ихъ скрыть за цвѣтами,
Пусть въ нихъ царство мышей, паутины и тьмы—
Мы спугнемъ это царство огнями!

Пусть насъ тяжкая цѣпь безпощадно гнететъ,
Да за то *нѣтъ для грезы границы*:
Что ей цѣпь? Цѣпь она, какъ бичевку порветъ
И умчится свободнѣе птицы“... („Мгновенье“).

Сверх-человекъ Фалькъ и мистикъ о. Василій Өивейскій, вотъ два образа, освѣщающіе двѣ стороны идеологии „мертвого царства“... Одинъ въ противорѣчій дѣйствительности видитъ творчество „оргіиной природы“, другой *въ чудѣ*, въ религиозномъ экстазѣ ищетъ спасенія отъ безысходной дѣйствительности, отъ вѣковыхъ народныхъ страданій и великихъ чаяній изстрадавшихся, обезсиленныхъ людей.

Фридрихъ Ницше, въ своей книгѣ „Происхожденіе трагедіи“ или „эллинизмъ и пессимизмъ“, это бѣгство отъ дѣйствительности „возводитъ въ перлъ созданія“... Онъ сопоставляетъ съ *ужасомъ* человека при видѣ противорѣчій жизни, тотъ исполненный прелести *восторгъ*, который поднимается *при самоубиеніи* изъ глубочайшихъ нѣдръ человека „даже самой природы“, этимъ самымъ онъ „заглядываетъ въ сущность діонисовскаго состоянія, пред-

¹⁾ Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. „Основы позитивной эстетики“, Луначарскій (27—129 стр.).

ставляемаго нами всего яснѣе при помощи сравненія съ опьяненіемъ. Вліяніе наркотическаго напитка, заставляющаго всѣхъ первобытныхъ людей и народы наливаться въ своихъ гимнахъ... пробуждаетъ то діонисовское настроеніе, при высококомъ напряженіи котораго все субъективное въ человѣкѣ исчезаетъ до полного самозабвенія. Уже въ Германіи въ средніе вѣка, благодаря тому-же вліянію Діониса, собирались огромныя толпы, которыя все увеличивались, переходя съ пѣніемъ и пляскою изъ одного мѣста въ другое: въ этихъ пляскахъ св. Іоанна и св. Витта мы снова узнаемъ вакхическіе хоры грековъ, происхождение которыхъ теряется на пространствѣ Малой Азіи вплоть до Вавилона... Давъ волю своему воображенію пусть представляютъ себѣ милліоны существъ, съ ужасомъ простертыхъ во прахъ: тогда только можно приблизиться къ діонисовскому объясненію. Тутъ рабъ становится свободнымъ. Тутъ рушатся всѣ неподвижныя враждебныя преграды, установленныя между людьми нуждой, насиліемъ и наглою модой. Тутъ, при благовѣстіи о міровой *гармоніи*, всякій не только чувствуетъ себя соединеннымъ, *примиреннымъ* и слившимся со своимъ ближнимъ, но и образуетъ съ нимъ одно цѣлое... 1).

Этотъ культъ Діониса у здоровыхъ и прекрасныхъ грековъ, у современныхъ дегенерантовъ просто выродился въ дряблѣе, отвратительное распутство немощныхъ „утонченныхъ неудачниковъ“, и въ этомъ распутствѣ нѣтъ ни красоты, ни благородства, за то есть „опьяненіе“, помогающее закрыть глаза. И Фалькъ и о. Василій, каждый по своему предаются этому *опьяненію*. Развѣ мистическое отчужденіе о. Василія, развѣ экстазы его—не прекрасное средство бѣжать отъ преднамѣренности рока, бѣжать отъ ужаса? Бѣжать отъ народнаго гора, которое къ нему пришло?

Развѣ постоянное опьяненіе Фалька коньякомъ и страстью не даетъ ему возможности чувствовать себя Богомъ хоть на одно мгновенье?! Богомъ—„въ вѣнкѣ изъ смѣха, въ вѣнкѣ изъ розъ!“

ГЛАВА V.

Оглядываясь на пройденный нами „скорбный путь“ дѣйствительности, на большыя произведенія большого искусства, на большого героя, большого художника мы невольно спрашиваемъ себя: неужели среди всѣхъ этихъ образовъ нѣтъ и намека на „живого человѣка, на живую душу?“.. Въ самомъ дѣлѣ, *есть-ли лучъ свѣта въ мертвомъ царствѣ?*

Герой драмы Аннунціо „Слава“ не видитъ въ жизни живой души и въ этомъ видитъ оправданіе того, что является хранителемъ народной гнилости и говоритъ: „Я-бы охотно легъ въ преждевременную яму, которую вы роете для меня, если-бы я видѣлъ среди васъ настоящаго человѣка. Но часъ еще не пробилъ. Новый человѣкъ еще не родился, и у насъ еще нѣтъ

1) Фридрихъ Нитцше. т. VIII, 26 стр. переводъ Антоновскаго.

охоты умирать. Если наличная жизнь сурова и бесплодна, то не вамъ ее оплодотворить. Въ глубинѣ вашихъ глазъ я не вижу великой судьбы, а одно лишь головокруженіе, вы не принадлежите еще къ расѣ созидателей“... Правда, въ этой драмѣ Фламма, соперникъ этого хранителя народной гнилости побѣждаетъ его, но и самъ онъ падаетъ подъ натискомъ той толпы, которую онъ презираетъ, и душа которой такъ ненавистна его душѣ. Повидимому, самъ художникъ не видитъ просвѣта, не видитъ новаго „настоящаго человѣка“...

А между тѣмъ, этотъ просвѣтъ, этотъ „лучъ въ мертвомъ царствѣ“ читатель найдетъ и въ произведеніяхъ Леонида Андреева, и у Шибышевскаго, найдетъ вѣрнѣе не лучъ, а проблески этого луча.

Вспомните одинъ моментъ въ послѣдней повѣсти Леонида Андреева, когда священникъ, пораженный „ожиданіемъ“ темнаго люда, позвалъ, къ себѣ народное горе, и оно къ нему пришло, глубокое какъ море и мрачное, какъ осенняя ночь, пришло и потребовало отъ отца Василя вѣсти о спасеніи. Великій переворотъ началъ происходить въ душѣ отца Василя, онъ уже началъ предчувствовать новую жизнь, онъ уже почувствовалъ живого Бога, но это былъ моментъ...

Вспомнимъ одинъ моментъ въ жизни Ивана Савича, бывшаго статистика („Ангелочекъ“), когда „чудилось погибшему человѣку, что онъ услышалъ жалѣющій голосъ изъ того *чуждаго міра*, гдѣ онъ жилъ когда-то, и откуда былъ изгнанъ навѣки. Тамъ не знаютъ о грязи и унылой брани, о тоскливой слѣпо жестокой борьбѣ эгоизмовъ“...

О томъ-же *чуждомъ мірѣ*, гдѣ чисто, радостно и свѣтло, говорить одинъ изъ проклятыхъ, у „Стѣны“. „Пусть стоитъ „Стѣна“, но развѣ трудъ не есть ступень къ вершинѣ? Насъ много, и жизнь наша тягостна... Устелемъ трупами землю, на трупы набросимъ новые трупы и такъ дойдемъ до вершины. И если останется одинъ, то онъ увидитъ новый міръ. И съ *веселой надеждой* оглянуся я—и одинъ спины увидѣлъ, равнодушныя, жирныя, усталыя“... Не забывайте однако, что этотъ человѣкъ, призывающій къ подвигу—тоже и проклятый, что голосъ его тоже гнусавъ, а дыханіе смрадно...

Вспомнимъ еще одного героя Андреева „Иностранца“... Онъ тоже болѣзненно мечтаетъ о чуждомъ новомъ мірѣ. Этотъ европеецъ задыхается. Онъ жаждетъ воздуха: какъ рвется это хрупкое сердце изъ „Мертваго Царства“, изъ міра пошлости въ тотъ край, гдѣ люди *живутъ* по другому... Но и образъ „Иностранца“ страшно блѣденъ, едва, едва мелькаетъ, чтобы на нашихъ-же глазахъ растаять, какъ розовое облачко...

Вспомните, наконецъ, Николая изъ очерка „Въ темную даль“. Вспомните этотъ характерный діалогъ между мѣщаниномъ отцомъ и степнымъ оромъ, его сыномъ.

— Ты сказалъ когда-то, что ненавидишь всю *нашу жизнь*—

раздѣльно выговаривая каждое слово спрашиваетъ отецъ—ты и теперь ненавидишь ее?

— Да, я ненавижу ее отъ самаго дна до самаго верху.—Ненавижу и не понимаю.

— Ты нашелъ лучше?

— Да нашелъ. Да, нашелъ—твердо повторилъ Николай.

— Останься съ нами.

— Это немисливо, отецъ. И ты это знаешь.

И Николай уходитъ изъ роскошнаго дома, сооруженнаго издивненіемъ хозяйна, отца, уходитъ отъ чужихъ ему людей „въ темную даль“...

Вѣрить-ли самъ художникъ въ эти проблески луча? Вѣрить-ли онъ напримѣръ, что Николай нашелъ новую жизнь? Отчего онъ рисуетъ Николая какимъ-то хищникомъ, который на ѣду набрасывается, какъ голодный волкъ, а поѣвши грубо похлопываетъ себя по животу, правда, „немного насмѣшливо“, хищникомъ, который не можетъ и не хочетъ заглянуть въ душу своей хорошей жаждущей свѣта сестренки? Отчего, наконецъ, онъ вернулся домой и зачѣмъ?..

Читатель гораздо больше одухотворяетъ этотъ образъ, чѣмъ дѣлаетъ это авторъ. Читатель незамѣтно для себя *не замѣчаетъ*, тѣхъ тѣней „мертваго царства“, которыя рѣютъ даже и надъ этой фагурой, по волѣ художника... Но читатель знаетъ Николая и вѣрить ему и убѣждается, что Николай нашелъ новую жизнь; знаетъ, что тотъ, кто зоветъ „просіять и погаснуть“—не прокаженный, и не гвусавый у него голосъ.

У Пшибышевскаго мы тоже находимъ тѣ же проблески свѣтлаго луча. Кто можетъ когда-нибудь забыть этого фанатика идеи Черскаго (Номо Sapiens), его разговоръ съ разлагающимся Фалькомъ, который для безконечнаго счастья мгновенья готовъ пожертвовать всѣмъ этимъ міромъ, а подойдя къ неприятному половому конфликту приходитъ въ отчаянье и кричить: „Міръ гибнетъ! Міръ гибнетъ!“.

„Милый Фалькъ—говорить этому послѣднему человѣку прошлаго Черскій—этотъ человѣкъ будущаго.—„Есть страданье совершенно иное, которое чувствуетъ тотъ, кто слился въ одно со всѣмъ человѣчествомъ, въ чьихъ жилахъ переливается цѣлый адъ страданій. Я знаю, что для васъ не существуетъ понятія „человѣчество“. Душа ваша слишкомъ мала, чтобы объять весь міръ. Сердце ваше бьется только для вашихъ женъ, возлюбленныхъ и дѣтей. Вы специалисты въ любви... Все у васъ мелко и грязно... Что такое ваша философія? Я читалъ вашего Штирнера и Нитше. Все это ложь, мелкая, низкая ложь! Нужно было устранить все великое, все трудное, и любовь, и состраданіе, и жертву, и человѣчество, и Бога, потому что это все мѣшаетъ вашему пицечваренію. Жертву надо было представить безконечно смѣшной, потому что жертвовать собой такъ безконечно трудно... Вы говорите „Я“... Ваше „я“ служить лишь для того, чтобы

придать вамъ смѣлость переступать ваши маленькіе законы, регулирующие ваши маленькія желанія... Вы, Фалькъ, несмотря на вашъ самоподавляющій индивидуализмъ, все-же маленькій человѣкъ. Къ чему свела ваша жизнь? Къ распутству и половой похоти... У меня съ вами нѣтъ ничего общаго. Во мнѣ исчезло все личное... Душа моя безконечно расширилась... Я люблю и знаю человечество не какъ понятіе, а какъ корень моей души, я чувствую его въ каждомъ біеніи моего сердца. Я чувствую, что, если я принесу себя въ жертву милліонамъ, то это будетъ нѣчто иное, чѣмъ пресмыкаться, потѣть и бѣгать за каждой женщиной"...¹⁾

Вы знаете, что сдѣлалъ Фалькъ въ концѣ бесѣды съ Черскимъ? Онъ вдругъ схватилъ руку Черскаго и поцѣловалъ. Онъ понялъ, что у Черскаго есть принципы, есть вѣра, есть воля, онъ понялъ, что Черскій безсмертенъ, „потому что, когда есть принципы, тогда не умираютъ!“...

И Николай, и Черскій, эти „фанатики“ съ неподвижнымъ взоромъ боговъ знаютъ, что „имъ, борцамъ, страдальцамъ безъ пріюта не видѣтъ нивъ цвѣтущихъ Ханаана“, но они не падаютъ духомъ, они идутъ „въ темную даль“, гордо провозглашаютъ „со щитомъ или на щитѣ“, сознавая, что]

„Въ битвѣ грозной, безжалостной, дикой
Нужно грезы о счастьи проклясть“.]

Девизъ пастора Брандта у Г. Ибсена „Все или ничего“, этотъ-же девизъ вдохновляетъ на борьбу и Николая, и Генрих-Литейщика, и доктора Штокмана, и Черскаго. Тяжело было литейщику Генриху, отливавшему колоколъ для всего міра, пить на вершинахъ то „питье горькое и соленое“, которое прислала ему долина... Онъ не выдержалъ! Онъ долженъ былъ умереть, но умирая онъ все-таки вѣрить, что

„Тамъ въ вышнѣи звонятъ колокола
Восходитъ солнце. „Ночь долга“.“

„Ночь долга“—эти послѣднія слова великаго мастера страшнымъ проклятьемъ тяготѣютъ надъ человѣкомъ будущаго. Въ борьбѣ противъ мертваго царства и Николай, и Черскій, и Ольга (Homo sapiens) должны *перестать быть самими собою*, и въ этомъ потрясающей трагизмъ этихъ людей будущаго.

Эти „Бѣлые вороны“—„Жертвы“ долгой ночи. Они должны стать фанатиками, отказаться отъ жизни, грезы личнаго счастья проклясть, но они глубоко чувствуютъ всю красоту, все обаяніе радостной гармонической жизни. Они должны жить одной сотой своей души, превращаясь въ какихъ-то суровыхъ аскетовъ, но они полны великой мечты о прекрасной гармонически развитой личности, полны мечты не о „мигающемъ человѣкѣ“, не о „безстыдномъ сверхъ-человѣкѣ“, а о человѣкѣ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова.

¹⁾ Homo Sapiens, стр. 329—331. Пшибышевскій.

Интересно сопоставить мрачныя фигуры Черскаго, Ольги и Николая, фигуры людей, переставших быть самими собою, обрекших себя на жертву, съ Вересаевскими Наташей и Таней. Обѣ онѣ до конца *остаются самими собою*, обѣ счастливы, потому что живутъ такъ, какъ имъ этого хочется и вовсе не считаютъ себя жертвами. И вовсе не проповѣдуютъ жертвы. Таня по словамъ Сергѣя „Пролетарій до мозга костей“, ея личность совершенно сливается съ милліонами такихъ же личностей. *Иными Таня и Наташа не могутъ быть*. Для нихъ жить для себя—это жить для другихъ. Съ торжествомъ будущаго ихъ души органически слиты, имъ не нужно врать съ прошлымъ своего „я“. У нихъ нѣтъ черты кающихся дворянъ или кающихся буржуа, онѣ цѣльныя, онѣ—изъ одного металла съ нарождающимися слоями. И онѣ не вѣруютъ, а увѣрены.

Передъ нами „два міра“, два типа людей. Съ одной стороны мы видимъ Николая, сына мѣщанина, и Черскаго, съ другой стороны Керженцова и Фалька, Туллио и Гюга—этихъ „утонченныхъ неудачниковъ“. Современное тяжелое время, эта „долгая ночь“ осудила и тѣхъ и другихъ на одиночество. Но не забывайте, что есть одиночество и одиночество! Есть одиночество *слабыхъ* людей, не нашедшихъ Бога живого и уже предчувствующихъ гибель старыхъ боговъ, презирающихъ человѣчество и жертвующихъ минутному счастью своего „я“ счастьемъ другихъ. Это одиночество „безъ догмата“ полно отвращенія къ себѣ, и къ другимъ, и къ жизни. Эти *слабые* одинокіе люди впереди ничего не видятъ, ихъ грядущее „иль пусто, иль темно“. Подобно Василію Оявейскому или Фальку, они на разные лады повторяютъ „Міръ гибнетъ“ и громко возвѣщаютъ, что человѣчество существуетъ ради нѣсколькихъ избранныхъ. Но и это ихъ не утѣшаетъ, и они погибаютъ.

Съ другой стороны мы видимъ одиночество сильныхъ. Они тоже презираютъ „мѣщанство“, но они любятъ великое и гордое человѣчество. Они живутъ въ ту же долгую ночь, но они съ глубокою вѣрой смотрятъ въ глаза грядущему, потому что нашли живого Бога, потому что разгадали загадку сфинкса. Они безсмертны, потому что „у нихъ принципы“, они убѣждены, что избранные существуютъ для человѣчества, а не человѣчество для избранныхъ. Они прекрасно понимаютъ, что единственный путь къ возвышенію человѣческаго типа заключается въ томъ, чтобы поднять уровень людей толпы. Чѣмъ выше поднимается постаментъ, тѣмъ выше воздвигается на немъ колонна. Но и наиболѣе высоко стоящая личность все-таки остается *человѣкомъ*. Она не станеть мнить себя сверхъ-человѣкомъ, и чѣмъ она выше, тѣмъ менѣе ея высокомеріе. Съ величіемъ духа вырастаетъ и высота цѣлей, и чувство несоответствія между достигнутымъ и предметомъ стремленія. Сверхъ-человѣкъ не можетъ быть цѣлью человѣка, ибо чѣмъ бы стала тогда цѣль сверхъ-человѣка ¹⁾. Цѣль

¹⁾ Риль „Фридрихъ Нитше“, 148.

этих сильныхъ одинокихъ людей совпадаетъ съ волей необходимости, которая отрицаетъ старый міръ и ведетъ къ новому міру. И если для слабыхъ одинокихъ людей эта необходимость превращается въ капризы Слѣзнаго Рока, то для сильныхъ эта необходимость становится свободною необходимостью. Сильные, одинокіе люди мучительно чувствуютъ, что „ночь долга“, но въ тоже время они радостно сознаютъ, что все движется, все течетъ.

100 лѣтъ тому назадъ, когда нѣмецкій романтикъ пѣлъ отходную будущему и въ началѣ вѣнкомъ неуязвимой славы истлѣвшіе гробы, уже тогда жили сильные одинокіе люди, которые предвѣщали радость созидательной эпохи, великое торжество жизни...

И они не ошиблись!

Феодалу и епископу не удалось реставрировать готическаго варварства среднихъ вѣковъ и патриархально-феодольныя отношенія должны были необходимо уступить могучей, полной творчества жизни буржуазной эпохи—и они уступили.

Но все течетъ, все измѣняется... „Лишь неизмѣнчива измѣнчивость одна!“ Исчезло творчество буржуазной эпохи, исчезла жизнерадостность у буржуазнаго искусства. Нѣмецкаго романтика Гофмана, Тика, Новалиса смѣняетъ новый романтикъ нашего времени и хочетъ увѣрить насъ, что міръ гибнетъ...

Но міръ не гибнетъ и не погибнетъ... Разумнымъ безумное станетъ и зло превратится во благо!..

Чѣмъ станетъ это безумное, это зло стараго міра?—мы не знаемъ. Но мы убѣждены, что эта новая жизнь прійдетъ, повинная закону мировой діалектики, „въ міръ прійдетъ она въ силѣ и славіи своей, съ яркимъ свѣточемъ счастья въ очахъ“.

Въ какіе образы, ослѣпительно прекрасные воплотится эта жизнь, мы тоже не можемъ сказать, но мы ясно видимъ передъ глазами триумфальное шествіе возрожденнаго *жизнерадостнаго* человѣчества. Этой жизнерадостности не достаетъ современному одинокому человѣку, эта жизнерадостность должна быть основной чертой будущаго.

И Черскій и Николай—люди этого будущаго, но не они будущіе люди. Намеки на этого будущаго человѣка мы встрѣчаемъ у Г. Ибсена, у М. Горькаго; основныя его черты: цѣльность, непосредственность, жизнерадостность.

Намъ думается, что не столько художникъ будущаго, сколько будущій художникъ сможетъ съ полнымъ правомъ повторить слова Ибсеновскаго Освальда („Привидѣнія“): „Во всѣхъ моихъ картинахъ воплощалась, именно, *жизнерадостность*. Вездѣ и постоянно темою для нихъ была *жизнерадостность*, на нихъ изображались всегда свѣтъ, и солнечное сіяніе, и праздничное веселье, и сіяющія отъ радости и довольства человѣческія лица“.

Мы знаемъ, что этотъ свѣтъ заливалъ картины художниковъ у Э. Золя, этихъ провозвѣстниковъ натурализма (Творчество), пришедшаго смѣнить мертвые болѣзненные образы сумрачнаго мистическаго романтизма. Цѣлое море свѣта должно возсіять въ

искусствѣ будущаго, которое смѣнить болѣе романтическое искусство вымирающаго человѣка нашихъ дней. И въ этомъ здоровомъ искусствѣ будутъ отброшены въ сторону крайности натурализма: „картофельное поле“, „научный трактатъ“, протоколированія уродливыхъ и случайныхъ явленій. Правдивое изображеніе типичныхъ явленій, какъ вѣшняго, такъ и внутренняго міра—освобожденнаго отъ мѣщанскаго налета; жизнь во всей ея полнотѣ и красотѣ, ея величіе и смыслъ,—вотъ что станетъ содержаніемъ будущаго здороваго искусства.

Какое значеніе для будущей жизни имѣютъ художники болѣе здороваго искусства:—ихъ психологическое творчество слишкомъ ясно говорить, что въ этомъ лучшемъ изъ міровъ далеко не все обстоитъ благополучно. Трагическая гибель феодальныхъ рыцарей у Э. Поэ, мѣщанская драма мелкаго производителя и трагедія рока, постигающая послѣднихъ западно-европейскихъ буржуа—все это симптомы переживаемаго нами упадка отживающихъ формъ. Развѣ слѣпой не замѣтитъ за этою трагедіей смерти, трагедіей любви и трагедіей мысли всей мерзости, всѣхъ уродствъ того, что зовется „жизнью“.

Но у современнаго читателя отношеніе къ изображенію этого уродства, этого мрака жизни самое различное. Не такъ давно мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такой сценки... Въ одномъ домѣ собралось большое общество. Тутъ были солидные люди, съ положеніемъ, друзья почтенной хозяйки, была молодежь, товарищи ея дѣтей. Словомъ были „отцы и дѣти“. На столѣ шумѣлъ самоваръ, и, какъ водится, кипѣла бесѣда на злобу вѣка. „Умы пробуждаются—весело жить!“—съ радостнымъ возбужденіемъ, говорилъ, сынъ хозяйки... Это радостное возбужденіе горѣло въ глазахъ его пріятелей... Весело было на нихъ смотрѣть.

Только хозяйка дома, да нѣсколько друзей ея „восьмидесятниковъ“, какъ окрестила ихъ молодежь, все хмурились и никакъ не могли понять ихъ оживленія... Усталая пассивная, разочарованная во всѣхъ и во всемъ, почтенная мать, семейства съ какою-то тоскою глядѣла на эту радость. Она далека была отъ „человѣка въ футлярѣ“, знавшаго только одну фразу „какъ бы чего не вышло“, но у нея на безкровныхъ устахъ постоянно была другая, не менѣе мертвящая фраза: „Эхъ, господи, господи! *Ничего изъ этого не выйдетъ*“... Радость молодежи, трунившей надъ „запоздалой чеховщиной“ ее раздражала. И вотъ она не выдержала и заговорила. Она рисовала жизнь безъ свѣта и безъ радости... Она утверждала, что въ жизни „нѣтъ исхода“, что лучше это съ грустью признать, „сидѣть и не рипаться“, чѣмъ вѣчно порываться и разочаровываться... Нѣтъ ужъ, съ меня довольно! Напрыгалась, насмотрѣлась я, пора и честь знать. Теперь господа, всѣ вы повторяете мое прошлое съ тѣми же ошибками, съ тѣми-же горькими опытомъ. Когда-то я была такою, какъ вы. Скоро станете вы такими, какъ я, и тогда увидите, и бездну, и стѣну тамъ, гдѣ теперь видите цѣлое море

свѣта и просторъ для безумныхъ пометовъ. Не я говорю вамъ это, а сама жизнь!.. Почитайте-ка Леонида Андреева.. Вѣдь онъ—вашъ, ну, я отстала, а вѣдь этотъ писатель принадлежитъ къ *вашему* поколѣнью, а что онъ пишетъ? Видитъ онъ исходъ? Нѣтъ, господа не видитъ—нигдѣ и ни въ чемъ. И онъ правъ, тысячу разъ правъ.—Нѣтъ ужъ позвольте—перебилъ хозяйку юный другъ ея сына.—Тотъ Л. Андреевъ, за которого вы прачетесь—вовсе не нашъ! Это только *вашъ* Л. Андреевъ твердитъ за одно съ вами: „ничего изъ этого не выйдетъ!“.. А *нашъ*—говоритъ вмѣстѣ съ нами, обращаясь ко всѣмъ мирно спящимъ: „полюбуйтесь-ка на то, что зовете вы жизнью... Такъ жить нельзя!“... Онъ не указываетъ исхода,—говорите вы.—Мы и безъ него нашли этотъ исходъ. А вы и знаете этотъ исходъ, да не можете почувствовать его—И. Л. Андреевъ здѣсь не причемъ... Вы и безъ него будете твердить до могилы: „ничего изъ этого не выйдетъ“... А мы вамъ говоримъ „выйдетъ! Да, да выйдетъ... Это не вра, а увѣренность!.. У Леонида Андреева, въ послѣдней повѣсти его, крестьянинъ живетъ „ожиданіемъ“, а мы живы осуществленіемъ... Вся ваша бѣда господа, „дяди Вани“ и, госпожи, сестры „трехъ сестеръ“, что вы—говорилъ нервно юноша, сжигая гнѣвнымъ взглядомъ почтенную женщину—что вы мертвы, и *вашъ* Андреевъ мертвъ, *вашъ*, а не нашъ, не забывайте, и до того вы мертвы, что никакое „чудо“ Василя Ойвейскаго, никакое горе, никакое ожиданіе васъ не воскресятъ...

Есть у Метерлинка драма „Синяя Борода“... Прочтите-ка... Про васъ написана. „Синяя Борода“ бралъ себѣ женъ, привозилъ въ свой замокъ и каждой изъ нихъ говорилъ:—Вотъ ключи отъ всѣхъ дверей, отъ всѣхъ сокровищъ, пользуйтесь всѣми ключами, не трогайте только одного золотого ключа...—Разумѣется, каждая жена не могла утерпѣть и попыталась отворить заветную дверь. За это „Синяя борода“ запиралъ ослушницу въ подземелье страшное и мрачное, какъ могила. И вотъ попадаетъ въ это подземелье шестая жена „Синей Бороды“, и въ его отсутствіе рѣшаетъ освободить всѣхъ узницъ, измученныхъ, ослабѣвшихъ, почти ослѣпшихъ. Оказывается, что отъ солнца, отъ жизни ихъ всѣхъ отдѣляетъ одна только ветхая дверь съ ослабѣвшимъ затворомъ. При крикахъ ужаса, на глазахъ трепещущихъ узницъ, Аріона безъ труда открываетъ выходъ изъ подземелья, и цѣлое море свѣта врывается въ могилу несчастныхъ. Въ это время крестьяне напали на „Синюю Бороду“, который возвращался въ замокъ и ранили его, связали и принесли безпомощнымъ въ замокъ. И что-же? Всѣ пять женъ, всѣ пять измученныхъ узницъ „Синей Бороды“ покорно вернулись въ замокъ, не въ силахъ послушаться приказанія „Синей Бороды“. Смотри—говорила Аріона одной изъ нихъ—дверь открыта, и поля такъ зелены... Луна и звѣзды освѣщаютъ всѣ дороги, а заря, разлившись по лазурному своду, указываетъ намъ миръ, полный надеждъ... Не пойдешь-ли ты?—Нѣтъ—сухо отвѣчала ей вѣрная жена.

„Синяя борода“—это „обстоятельства“, на которые вы ссылаетесь, подземелье—это мѣщанская пошлость... которая васъ засасываетъ.

Развѣ „Пѣсня о Соколѣ“, или крикъ „Буревѣстника“—не пѣсня, не крикъ той-же Аріоны? А что вы ей отвѣчаете изъ вашего подземелья?—Нѣтъ! Нѣтъ! И нѣтъ... ужъ подлинно—„имѣ, гагарамъ, недоступно наслажденіе битвы жизни... Громъ ударовъ ихъ пугаетъ“—съ презрѣніемъ продекламировалъ юноша и умоляетъ...

Молчали всѣ... Молчала и почтенная женщина. Безъ оскорбленнаго самолюбія, безъ злобы глядѣла она на „пылкаго и рѣзкаго противника“... Невыразимая тоска, цѣлое море тоски и отчаянія отражалось на ея измученномъ мертвенно-блѣдномъ лицѣ. „Ничего изъ этого не выйдетъ“ говорили ея страдающіе глаза...

Теперь я вспомнилъ эту сценку, и она ярко освѣтила мнѣ физиономіи читателей Леонида Андреева. Каждый изъ нихъ знаетъ и любитъ *своего* Л. Андреева и *по своему*.

Одни читатели слышатъ въ его произведеніяхъ одно только слово „Никогда“, и еще болѣе замыкаются въ свое подземелье, въ свое „Мертвое царство“ вмѣстѣ съ Хижняковымъ, Иваномъ Савичемъ, Петькой и Вѣрой...

Другіе увлекаются Л. Андреевымъ, какъ отрицателемъ мрачныхъ сторонъ жизни. Не тоска, а гнѣвъ закипаютъ въ ихъ сердцахъ при видѣ „Стѣны“, при чтеніи рассказовъ „Молчаніе“, „Въ темную даль“.

Не забудьте, что эти же самые читатели знаютъ на память „Пѣсню о Соколѣ“ и „Буревѣстникѣ“. Такихъ читателей на западѣ нѣтъ. Нѣтъ, быть можетъ, потому, что передъ западно-европейскимъ читателемъ буржуа уже давно нѣтъ подземелья, нѣтъ двери, въ которую нельзя войти... Не нуженъ имъ и „золотой ключъ“...

О Леонидѣ Андреевѣ часто говорятъ, какъ о писателѣ „съ настроеніемъ“, въ то же время забываютъ о его читателяхъ „съ настроеніемъ“, о читателѣ, который нажилъ себя, и читателѣ, которому улыбается жизнь.

„Въ пестрой драмѣ всякъ свое найдетъ“, мертвый увидитъ, что весь міръ гибнетъ, и поспѣшитъ сложить на пустой груди ненужныя руки... А живой прочтетъ, что гибнетъ то, что и должно погибнуть и радостно подниметъ молотъ кузнеца... Если мертвый Керженцовъ мечталъ о томъ, чтобы избрѣсти такой составъ, который-бы разрушилъ весь этотъ міръ, въ которомъ такъ много боговъ, но нѣтъ единаго Бога, то живой человекъ полонъ великой мечты о другомъ мірѣ, зарожденіе которого онъ ясно видитъ среди руинъ, тумановъ и бездны современной жизни.

Тотъ, кто извѣдалъ эту мечту, тотъ знаетъ, сколько въ ней смысла, и красоты и несокрушимой силы, сколько въ ней матеріала для увѣренности въ исходѣ. Такой *человекъ* гонить отъ

себя „зловѣщія три птицы, Уныніе, Отчаянье, Тоску“ и говоритъ вмѣстѣ съ Ибсеномъ, этимъ великимъ художникомъ здороваго искусства будущаго:

„Можетъ быть, я вдребезги
Разобью свой чепецъ...
Но какъ пріятно
Такъ быстро мчаться“.

Пусть-же новое искусство, искусство *здоровое*, искусство *вильныхъ* одинокихъ людей изображаетъ намъ эту „мечту“, „этого чловѣка“, эту борьбу... Пусть искусство радостно глядитъ въ глаза грядущему, заставляетъ чловѣка высоко поднимать голову, не страшиться жизни и ненавидѣть смерть, и находитъ исходъ изъ противорѣчій жизни въ грядущихъ судьбахъ нарождающихся общественныхъ слоевъ.

Пусть новое здоровое искусство глубже рисуетъ жизнь этихъ нарождающихся слоевъ... Ада Негри, Марія Канонницкая, Лангманъ, Нѣмцовскій, Жеромскій, Горькій и Гауптманъ съ его „Ткачами“ идутъ на встрѣчу этому грядущему и передъ глазами читателя рисуютъ новый міръ, не на смерть обреченный, а міръ полный борьбы за жизнь, міръ полный надеждъ на побѣду, но объ этомъ здоровомъ искусствѣ и о новомъ мірѣ мы еще поговоримъ.

В. Львовъ.

Записки городского головы.

(Продолженіе).

V.

Прежде чѣмъ перейти къ слѣдующей сессіи 1908—1904 годовъ, надо упомянуть еще о двухъ думскихъ дѣлахъ. Выбрали ревизионную комиссію. Врядъ ли есть еще города въ Россіи, кромѣ Баку, гдѣ года три не было ревизіи. Когда то была ревизионная комиссія, но свѣта Божьяго ея протоколы не увидали. Такъ и остались они въ дѣлахъ управы. Ревизоръ отъ рожденія Гасанъ-бекъ Меликовъ винилъ управу въ преднамѣренномъ сокрытіи этихъ драгоценныхъ документовъ... Одинъ изъ нихъ мнѣ попался въ руки. Чего-либо болѣе безцвѣтнаго, скучнаго, чѣмъ эти протоколы, нельзя было себѣ представить. Это скорѣе придирки къ опискамъ, чѣмъ ревизіи. А сколько матеріаловъ для ревизіи могли бы найти эти господа въ управѣ, если бы умѣли искать. Обвинять же бывшую управу въ преднамѣренномъ сокрытіи ревизионныхъ протоколовъ могъ только г. Меликовъ. Дума должна ей спасибо сказать, что пожалѣла думу и сберегла время.

Я давно говорилъ въ думѣ, что желательно для самой управы имѣть ревизионную комиссію. Поговорили, выбрали цѣлыхъ 12 человекъ. Упрашивали долго. Кое-кого упростили. Хлопоталъ открытій лидеръ оппозиціи Ирецкій. Говорилъ онъ хорошія рѣчи о томъ, что не сыскомъ должна заниматься ревизионная комиссія, а должна помогать управѣ. Слова были прекрасныя, но чувствовалось другое: ну, братъ, теперь держись!

Оказался выбраннымъ составъ разнообразный: три-четыре интеллигентныхъ гласныхъ съ г. Ирецкимъ во главѣ, неизбежныя гг. Меликовъ и Гаджіевъ, остальные больше для усиленія того, что скажутъ эти послѣдніе.

Сразу явилось въ засѣданіе семь человекъ. Остальные пять вовсе и не ходили, въ томъ числѣ интеллигенты. Начали горячо съ предсѣдателемъ г. Ирецкимъ во главѣ, окружили себя большой

тайной, сдѣлали похода два на больницу и лѣчебницы, и кончилось тѣмъ, что г. Ирещій подалъ заявленіе объ отставкѣ. Видно ничего добраго онъ отъ этой работы не ожидалъ.

Затѣмъ еще выбрали нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ въ помощь г. Меликову его товарища по „Каспію“ Ахмедъ-бека Агаева, а въ предсѣдатели попалъ русскій гласный г. Райченко, старый отставной чиновникъ губернскаго правленія. Попалъ онъ весьма неожиданно для кого-бы то ни было, вѣроятно и для него самого. Избраніе его доказало только силу „каспійцевъ“.

Съ этой минуты вся ревизія стала заключаться въ одномъ: изловить управу, а еще лучше меня въ какой-нибудь оплошности, а еще лучше, если можно, то и пустить обвиненіе въ злоупотребленіи. Было, какъ мы увидѣли послѣ, и такое обвиненіе.

Въ маѣ 1908 года были празднества 200-лѣтія Петербурга. Съѣхались всѣ головы Россіи, но врядъ ли кого отпускали съ такими разговорами, какъ въ нашей бакинской думѣ.

Если земцевъ, писателей, адвокатовъ объединяютъ кое какія организаціи, которыя даютъ имъ собираться и дѣлиться мыслями, то ничего подобнаго нѣтъ у городскихъ дѣятелей. Каждый городъ живетъ свей замкнутой жизнью, пользуется лишь своимъ опытомъ. Для нашего брата нѣтъ никакого обмѣна мыслей, ни въ литературѣ, ни въ устномъ общеніи между собой. Вдругъ судьба посылаетъ петербургскія торжества! Нужно быть лишеннымъ всякаго общественнаго чутія, чтобы не радоваться такому случаю. Собраться съ людьми, дѣлающими одно дѣло съ тобою, всегда даетъ надежду, что изъ этого можно извлечь пользу и для себя, и для дѣла. Бывшій земскій гласный, я понималъ значеніе съѣздовъ. Понятно, что я стремился въ Петербургъ.

Мнѣ въ голову не приходило, что могутъ быть препятствія.

О поѣздѣ пришлось говорить въ думѣ по поводу адреса и подношеній. Составленный мною адресъ былъ принятъ большинствомъ, вмѣсто подарка рѣшено было установить бакинскую стипендію въ одномъ изъ столичныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Адресъ былъ самый обыкновенный. Ходили слухи довольно тревожные о судьбѣ самоуправленія въ Петербургѣ, такъ какъ выработывался новый уставъ. Въ адресѣ бакинская дума желала петербургской думѣ восторжествовать надъ теченіями обратными тѣмъ, которыя легли въ основаніе городского самоуправленія.

Говоря объ адресѣ и подношеніи, я поднялъ вопросъ и о депутаціи, не сомнѣваясь, что депутатомъ назначать меня. Когда кѣмъ-то изъ гласныхъ было названа мое имя, гласный Топчибашевъ замѣтилъ, что я человѣкъ занятой, и что депутатами можно выбрать двухъ гласныхъ бакинцевъ, по своимъ дѣламъ жившимъ въ столицѣ.

Я понялъ, что г. Топчибашевъ хочетъ меня уколоть. Онъ всегда повидимому считалъ, что дума не тогда держитъ высоко свое знамя, когда высоко поднимаетъ достоинство своего головы, а тогда, когда наоборотъ, унижая его, показываетъ свое право.

распоряжаться имъ, какъ своимъ наемникомъ. Но я не могъ стать на эту точку зрѣнія и отвѣтилъ, что я во всякомъ случаѣ поѣду.

— Хотя бы дума высказалась противъ?

— Хотя бы дума высказалась противъ.

— Какъ же такъ?

— Да такъ. Возьму отпускъ у губернатора и поѣду, потому что быть головой и не быть въ Петербургъ, когда соберутся всѣ головы, я не считаю возможнымъ, какъ для достоинства бакинскаго самоуправленія, такъ и для себя лично.

Тогда послышались голоса за то, чтобы я былъ депутатомъ.

— А на чей счетъ вы поѣдете?—послышался голосъ.

— Если дума ассигнуетъ деньги, то на думскій, если нѣтъ, то на свой. Мнѣ безразлично. Это вопросъ какихъ-нибудь четырехсотъ рублей.

Дума командировала меня. Вопросъ же о деньгахъ былъ рѣшенъ думой уже безъ меня. Когда я уже уѣхалъ, вопросъ былъ рассмотрѣнъ подъ предсѣдательствомъ замѣстителя.

Въ Петербургъ меня ожидало горькое разочарованіе. Я ждалъ обильна мыслей, ловилъ случай видѣть коллегъ по службѣ и замѣтилъ, къ печали своей, что мѣняться нечѣмъ и не съ кѣмъ. Не даромъ есть „земель“ но нѣтъ „городца“. Видно нечего искать того, чему языкъ нашъ даже не подыскалъ соответствующаго слова.

Ждалъ поучиться муниципалитетному краснорѣчію. Слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ адреса другихъ городовъ и ничего не выслушалъ. Даже нашъ жалкій адресъ, который былъ бы однимъ изъ блѣдныхъ адресовъ русскихъ земствъ, кое кому показанъ слишкомъ живымъ.

Съ чувствомъ грусти вернулся во свояси. Въ Петербургъ мнѣ полиція привела одиннадцатилѣтнюю дѣвочку. Оказалась дѣвочка изъ Баку, дочь сапожника, окончившая въ Баку народную школу. Пріѣхала она поступать въ гимназію. Кто-то ее направилъ прямо къ министру. Полиція ее перепроводила ко мнѣ, а я обратно доставилъ ее въ Баку. Въ гимназію она все-таки поступила. Добилась своего. Говорите послѣ этого, что перевелись Ломоносовы.

VI.

Съ перваго же сентябрьскаго засѣданія сессіи 1903—1904 г. опредѣлилось настроеніе думы. Меня буквально начали травить. Помню такой инцидентъ: такъ какъ мы, перешедши въ новый домъ, далеко не отдѣланный, должны были тѣсниться кое-какъ, и такъ какъ наиболѣе отдѣлкой запаздывалъ думскій залъ, то засѣданія думскія начали происходить въ залѣ сравнительно небольшомъ. Между тѣмъ публика ломилась на засѣданія. Съ повѣстокомъ думскихъ не сходили сенсаціонныя заглавія, предвѣщавшія бурю. А публика на бурю падка. Желавшіе большею частью

не вмѣщались въ залѣ. Я ли велѣлъ сдвинуть скамейки гласныхъ, или сторожъ самъ ихъ сдвинулъ, чтобы больше мѣста отвести подъ публику—не помню. Помню только, что гласнымъ въ проходахъ приходилось тѣсниться. А толстый человекъ вовсе не могъ пройти, такъ что двумъ-тремъ сидящимъ приходилось привставать—чтобы его пропустить. Сейчасъ вскакиваетъ гл. Гасанъ-бекъ Меликовъ и заявляетъ о томъ, что гласнымъ тѣсно. Черезъ пять минутъ кто-нибудь входитъ, новое заявленіе о пренебреженіи къ гласнымъ. Вскорѣ еще слышится ропотъ. Жалуются, что преднамѣренно публикѣ отдано предпочтеніе передъ гласнымъ-хозяиномъ.

Но это представленіе гласныхъ о себѣ какъ о хозяевахъ, о которомъ я уже писалъ, проявлялось не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Гласный (конечно, не всякій) считалъ себя вправѣ идти въ любое отдѣленіе, въ члену управы, къ любому служащему и требовать немедленнаго исполненія его личнаго дѣла. Такъ уже было заведено, что для гласнаго во всякое время открыты всѣ двери, всѣ столы, всѣ книги. Дѣло гласнаго или дѣло челоуѣка, за котораго гласному угодно было хлопотать, дѣлалось немедленно. Земельныя дѣла лежали годами, а стоило гласному похлопотать, чтобы таковое и въ повѣстку было внесено внѣ очереди, и немедленно рассмотрѣно. Таковъ былъ порядокъ. И я долженъ сознаться, что первое время не могъ слишкомъ круто перевернуть этотъ порядокъ. И ко мнѣ являлся гласный и при мнѣ требовалъ дѣло, и много дѣлъ немедленно рѣшалось. Только тогда я могъ начать противодѣйствовать такому порядку, когда почувствовала опору въ третьемъ элементѣ. Гласный, какой посмѣлѣе, вѣтъ-вѣтъ да и нарвется на исторію съ какимъ-либо служащимъ. Нѣкоторые изъ лучшихъ служащихъ стали вмѣ въ лицо говорить, что гласный также долженъ ждать своей очереди, какъ и всякій другой обыватель. Сначала раза два-три ко мнѣ приходили жаловаться, и я не могъ не оправдать служашаго. Это придавало и мнѣ бодрости, и мало по малу всякія привилегіи гласнымъ въ кабинетѣ головы исчезли. Уменьшились, хотя и не исчезли они, кажется, и въ кабинетахъ членовъ управы. Воздухъ мало по малу очищался. Хозяева оставались на словахъ въ думскихъ засѣданіяхъ, но увы! приказчики переставали ихъ бояться, признавая лишь одну хозяйку—безымянную думу.

Естественно, что такая ломка старыхъ порядковъ большинству не нравилась. Не нравилась она даже интеллигентнымъ гласнымъ. Только лучшіе поняли, что я правъ, и не дѣлали даже попытокъ вліять на дѣла иначе, какъ въ думѣ или комиссіяхъ. За то тѣ, которые имѣли прежде громадное вліяніе на дѣла лишь окольными путями, тѣ меня возненавидѣли до послѣдней степени и въ своей ненависти дошли до поведенія прямо нечеловѣческаго. Я говорю про редакцію „Каспія“. За смертію одного изъ гласныхъ мусульманъ въ думу вошелъ кандидатъ къ глас-

нымъ Ахмедъ-бекъ Агаевъ, главный послѣ гг. Топчибашева и Меликова дѣятель „Каспія“. И вотъ эти господа начали противъ меня удивительный походъ не только на столбцахъ своей газеты, но и въ думѣ. Оговариваюсь: второе полугодіе 1903 г. г. Топчибашевъ по болѣзни почти не посѣщалъ думу, такъ, что ему всего два-три раза пришлось пускать въ меня свои стрѣлы.

Каждое почти засѣданіе начиналось съ заявленія Гасанъ-бека Меликова или о неудобствѣ размѣщенія скамеекъ, или о томъ, что холодъ въ залѣ мѣшаетъ гласнымъ заниматься и т. д. Затѣмъ по рѣдкому вопросу Гасанъ-бекъ Меликовъ не говорилъ разъ, два, три... Каждый самый пустой вопросъ разсматривался по формѣ, по существу, съ исторической и всякихъ другихъ точекъ зрѣнія. Забывалась Гасанъ-бекомъ Меликовымъ одна точка зрѣнія — правдивая. Все сводилось къ тому, что Новиковъ никуда не годный голова, что управу надо подѣ судъ.

Докладываешь постановленіе училищной комиссіи или водопроводной комиссіи. Гласный Гасанъ-бекъ Меликовъ непременно встаетъ и начинаетъ говорить, что или комиссія была въ неудовлетворительномъ, по его мнѣнію, составѣ, или что рѣшено какъ разъ обратное тому, что я докладываю. Гласный не смущался, если отъ другихъ членовъ комиссій получалъ безусловное опроверженіе.

Весьма тяжелое свойство г. Меликова было то, что онъ во всемъ видѣлъ зло и злоупотребленіе; притомъ особенно онъ много зла видѣлъ тамъ, гдѣ было наиболѣе добра. Въ наслѣдство я при вступленіи получилъ два дѣла по обвиненію служащихъ управы гг. Васильева и Терентьева въ злоупотребленіи. Производились длиннѣйшія дознанія, шли долго разговоры въ думѣ и кончились тѣмъ, что гг. Васильевъ и Терентьевъ были признаны виновными. Тяжелое положеніе служащихъ самоуправленій. Служилъ себѣ вѣрой и правдой, и вдругъ человѣку захочется тебя облаять и сказать, что ты воръ. Смолчать — обидно. Идти въ судъ — во-первыхъ процедура слишкомъ длинна; во-вторыхъ человѣкъ, тебя оклеветавшій, несмотря на очевидность клеветы и нелѣпость обвиненія, задрапировается въ тогу отца города, пекущагося о дѣтницѣ, и благодаря тому выйдетъ сухъ изъ воды. Онъ же радѣлъ объ общемъ благѣ...

Долженъ отдать справедливость г. Меликову. У него были два качества. Онъ былъ неутомимый членъ всѣхъ возможныхъ комиссій, первый на мѣстѣ, послѣдній при выходѣ. Можетъ быть имъ руководило желаніе найти мон или управскія Ахиллесовы пятны, можетъ быть въ немъ надо было видѣть и репортера „Каспія“ — но какъ ни какъ, непремѣнный членъ всѣхъ комиссій — былъ драгоцененъ.

Другое неоспоримое свойство его — это то, что онъ, хотя длинно и пристрастно, но всегда говорилъ о дѣлѣ, не уклоняясь въ стороны. Онъ умно говорилъ, и я, признаюсь, не безъ удовольствія слушалъ его рѣчи. Видишь, что все это неправда, что

онъ хочетъ тебѣ или другому кому сдѣлать неприятность, что не пользы дѣла онъ ищетъ, а добивается своей цѣли—но тѣмъ не менѣе долженъ отдать ему справедливость, его можно было слушать безъ гримасы.

За то совершенно правильно заявилъ гласный Агаевъ, что я дѣлаю гримасы, когда онъ говоритъ; грѣшный я человекъ: дѣлать гримасы! Какъ ни старался, отъ этой дурной для предсѣдателя привычки не могъ отдѣлаться, даже послѣ его замѣчанія. Но за то, Боже мой! возьмите всю злобу Гасанъ-бека Меликова, безъ его умѣнья не отвлекаться въ сторону и смѣшайте эту злобу съ полной враждой къ логикѣ и вы получите рѣчь г. Агаева. Никогда вы не знаете, когда онъ встаетъ, чѣмъ онъ кончитъ, и куда его унесетъ неудержимое желаніе васъ поразить. Каменный человекъ одинъ могъ бы удержаться отъ гримасы. А я вѣдь далеко не каменный. Но пока довольно: мы встрѣтимся съ этими господами при разсмотрѣніи отдѣльныхъ дѣлъ.

Для меня главное было не ихъ отношеніе ко мнѣ. Я всегда думалъ, что очень полезенъ для дѣла и лично для головы такой органъ, какъ „Каспій“, такіе гласные какъ Меликовъ, какъ Агаевъ. Зло, тѣмъ болѣе зло нелѣпое, должно вызвать въ видѣ реакціи добро. Поэтому для меня важный вопросъ составляли не эти господа, которые своимъ поведеніемъ отъ меня ничего кромѣ благодарности не получили; мнѣ нужно было знать насколько сильно ихъ вліяніе на менѣ культурную часть гласныхъ-магометанъ. Я чувствовалъ, что дѣйствительной почвы къ походу противъ меня у моихъ враговъ нѣтъ. Свидѣтельствовать объ этомъ можетъ ничтожность моихъ грѣховъ, которые они раздували чуть ли не до преступленій, а также и то, что не имѣя поводовъ къ нападкамъ, они ихъ создавали.

Въ нѣсколькихъ статьяхъ „Каспія“ они употребили противъ меня весьма некрасивое оружіе. Они стали намекать на мою вражду къ мусульманамъ. Болѣе несправедливаго, а потому и болѣе некрасиваго способа борьбы они изобрѣсти не могли. Они какъ и всѣ, знали, что я къ національной враждѣ неспособенъ; что я не могу поддерживать старыхъ порядковъ, при которыхъ мусульмане замѣщали платныя должности лишь потому, что они мусульмане, хотя бы совсѣмъ были неподходящи; что въ дѣлѣ народнаго образованія я всегда давалъ при назначеніи стипендій, пособій и пр. преимущество татарамъ, хотя бы другіе бѣднѣе ихъ, потому что татары болѣе нуждаются въ образованіи...

Тѣмъ не менѣе въ ихъ газетѣ стали появляться намеки между прочимъ по поводу отставки Гусейнбекова, что я преслѣдую „бе-зовъ“ и „оглы“. А разъ рѣшились это напечатать, то можно ли было думать, что они этого отравленнаго оружія не пустятъ въ ходъ и въ частной бесѣдѣ? Очевидно на этой почвѣ готовился противъ меня походъ. И дѣйствительно я убѣдился, что мусульмане противъ меня. Отдѣльныя недоброжелательныя фразы гласныхъ, прежде молчавшихъ, голосованія, гдѣ всѣ татары вставали

какъ одинъ человекъ, въ вопросахъ, допускавшихъ различныя мнѣнія—показывали, что многіе изъ прежде молчавшихъ сознательно были противъ меня вооружены, и что, кромѣ того, составилъ тѣсно сплоченный дисциплинированный кружокъ. При голосованіи воноводы осматривали всѣхъ своихъ, и грознымъ шепотомъ „вставайте“ давали сигналъ. „Дурунъ-айага“ т. е., „вставайте“—одно изъ немногихъ татарскихъ словъ, которымъ я выучился. Такъ часто этотъ приказъ слышался въ думѣ.

Для полноты картины приведу здѣсь еще гласнаго Мехтибека Султанова, гласнаго тоже аккуратнаго, рѣчистаго и не участвовавшаго ни въ одной комиссіи. Это отъ природы анти-управецъ, противъ всякаго расхода. Служа переводчикомъ съ татарскаго на русскій языкъ въ губернскомъ или полицейскомъ управленіи, онъ всегда точно нарочно старался быть грубѣе по отношенію ко мнѣ и отгнѣить свою роль хозяина по отношенію къ приказчику. Публичныя замѣчанія въ родѣ того, что управа и голова не смотрятъ за тѣмъ, что гласнымъ холодно или неудобно, что плохо рассылаются повѣстки и тому подобныя замѣчанія распорядительнаго характера. По рѣдкому вопросу г. Султановъ не вставалъ и не говорилъ, но заранѣе можно было знать, что онъ скажетъ. Противникъ всякихъ расходовъ, онъ находилъ, что безъ докторовъ, безъ архитекторовъ, безъ бухгалтеровъ жилось прежде гораздо лучше. Если могла быть понятна ненависть гласнаго къ бухгалтеріи, кое на что раскрывающей глаза, то надо было согласиться, что г. Султановъ и о докторахъ говорилъ отъ души, такъ какъ кажется и въ частной жизни ихъ не признавалъ, находя, что мѣстные знахари „Аенки“ много лучше помогаютъ...

Къ этой партіи примыкали нѣкоторые русскіе.

Кромѣ предсѣдателя ревизіонной комиссіи Райченко, всегда съ мусульманами голосовалъ еще русскій гласный Никитинъ, гласный старинный и весьма замѣчательный. Онъ родился много лѣтъ назадъ въ Баку и по-татарски говорилъ несомнѣнно лучше, чѣмъ по-русски. Всегда первый въ думскомъ залѣ, онъ часто выходилъ курить, только не въ курительную комнату, а всегда въ переднюю. Говорилъ онъ часто въ думѣ, но говорилъ такъ, что его рѣдко можно было понять. Но при этомъ никто и не старался его понять, и не только я, но и прежніе головы. Говорилъ онъ всегда, несмотря на это, горячо и всегда голосовалъ противъ меня.

Впрочемъ виновать. Разъ онъ говорилъ такъ, что его поняли; по крайней мѣрѣ если не всю рѣчь, то хоть одно слово. Говорили о фонаряхъ съ номеромъ дома, которые предполагалось повѣсить передъ домами. На этихъ же фонаряхъ предполагалось выставить номеръ дома по общей для всего города нумераціи. Это очень полезно было бы для телеграммъ. Напримеръ: виѣсто „Ваку, Водовозная, домъ Тараева“, достаточно было бы написать: „Ваку, 248“. Словомъ предложеніе было хорошее,

при чемъ гласные-домовладѣльцы его провалили, такъ какъ это бы стоило имъ нѣсколько рублей въ годъ. Да не въ этомъ дѣло. Гласный Никитинъ, сильно возставая противъ разорительныхъ для домовладѣльцевъ фонарей, сравнилъ будущіе дома, украшенные фонарями, съ непотребными домами. Такъ эти самые дома онъ назвалъ такимъ площаднымъ терминомъ, который не только публично, но и глазъ на глазъ благовоспитанными людьми не произносится. Я могъ его остановить, но сконфузился. Было бы еще хуже обращать вниманіе на это. Но я этого мало. Такъ господина Никитина волновалъ вопросъ о фонаряхъ, что онъ произнесъ на эту тему вторую рѣчь и вторично употребилъ площадное слово, притомъ громко и необычайно членораздѣльно. Я опять промолчалъ: такъ стыдно было на этомъ останавливаться въ присутствіи женщинъ, сидѣвшихъ въ рядахъ публики.

Въ комиссіяхъ г. Никитинъ не работалъ. Прежде впрочемъ я изъ исторіи водопроводнаго дѣла узналъ, что онъ въ водопроводной комиссіи былъ и не отсчитался въ какихъ-то деньгахъ, за что и получилъ порицаніе думы. Не знаю, послѣ этого ли или по другимъ причинамъ, комиссіи для него закрылись.

Этимъ ограничивались мои активные враги татарско-русской партіи. Остальные выражали свои симпатіи лишь вставаніемъ или сидѣніемъ при открытомъ голосованіи и шаромъ при закрытомъ.

Особнякомъ стояли гг. Ирецкій и Бенкендорфъ, изъ коихъ первый былъ врагомъ долго скрытымъ, но затѣмъ сбросившимъ маску, а второй врагомъ, врядъ ли знающимъ самъ почему. Но о нихъ потомъ.

VII.

Я уже сказалъ, что нападки, въ особенности нелѣпныя, должны вызвать реакцію. Эта реакція была, но была въ высшей степени слабая. Вся сессія 1902—1903 года, мною описанная, особенной партійности не вызвала. Сначала, первое полугодіе, всѣ меня поддерживала. Затѣмъ, второе полугодіе, всѣ въ меня бросили упрекъ, что я избѣгаю мѣстныхъ людей, всѣ были противъ меня. Дифференціація была неизбежна осенью 1903 года. И вотъ, когда магометане сплотились противъ меня, сплотились ли армяне за меня? Увы, нѣтъ! Не было вражды, не было и сплоченной поддержки. Я уже не говорю про армянъ, близкихъ къ татарамъ, какъ не говорилъ про татаръ далекихъ отъ „Каспія“ (есть и такіе). Всѣ центры часто вершатъ судьбами собраній. Такъ и этотъ центръ. Двѣ семьи Сафаралиевыхъ и Айвазовыхъ по воѣмъ вѣроятіямъ играли все время рѣшающую роль. Каждая изъ нихъ имѣла въ управѣ по одному члену (Кямилъ-бекъ Сафаралиевъ и Македонскій), и хотя настроеніе послѣдняго полугодія дѣлало существованіе центра труднымъ въ виду того, что сама жизнь вынуждала объединеніе крайнихъ элементовъ, тѣмъ не менѣе судьба моя и направленіе дѣлъ въ думѣ всецѣло были въ рукахъ этихъ господъ. Г. Сафаралиевъ совсѣмъ повидимому ступе-

вывался и въ думѣ не говорилъ никогда, въ комиссіяхъ не участвовалъ, но сила его чувствовалась. Когда, напримѣръ, происходилъ крупный инцидентъ, всё, переговариваясь, старались узнать: „А что Измаиль-бекъ?“ Г. Айвазовъ былъ откровеннѣе и въ думѣ говорилъ отрывочными, правда, но рѣзкими словами. Онъ въ финансовой комиссіи участвовалъ, и сила его была неоспорима. Если большинство мусульманъ—природные бакинцы, то армяне всё поголовно пришельцы изъ Шуши, Шемахи и другихъ городовъ. Только Меликовъ (Амбарцумъ) да братья А. и С. Айвазовы—природные бакинскіе армяне. Для гг. Айвазовыхъ это служить большимъ козыремъ въ глазахъ магометанъ. Эта близость ихъ къ татарамъ страшно чувствуется и на выборахъ, и вездѣ. Измаиль-бекъ Сафаралиевъ тоже какъ будто ближе къ армянамъ, чѣмъ другіе татары. Напримѣръ, 6 января, въ армянскій главный праздникъ Крещенія, я встрѣчалъ имя одного татарина въ числѣ пожертвовавшихъ на армянское благотворительное общество—вмя Сафаралиева. Тѣ же господа, Сафаралиевъ и Айвазовъ, были директорами общества взаимнаго кредита. А кто не знаетъ силу кредита? Иногда я прямо получалъ приказанія отъ думскаго центра. Такъ было съ г. Г. мусульманиномъ, котораго управа выбрала въ архитекторы. Кямилъ-бекъ мнѣ прямо равъ сказалъ: „а Г. надо дать мѣсто“.

— Почему,—говорю я,—надо?

— Надо! Ужъ вы мнѣ повѣрьте.

— Никакихъ такихъ „надо“ я не признаю.

— Ну, дѣло ваше. Я вамъ сказалъ. Хуже будетъ.

И хуже вышло. Г. Г. назначенъ, всё мои надежды, что-либо сдѣлать изъ строительнаго отдѣленія, рухнули.

Такія же приказанія исходили и изъ армянской части центра. Разъ приходитъ ко мнѣ г. Македонскій и говорить, что надо дать мѣсто нѣкому П.

— Кто такой П?

— Это очень почтенный чиновникъ, прослужившій чуть-ли не тридцать лѣтъ въ одномъ казенномъ учрежденіи (называетъ его). Теперь онъ, вслѣдствіе несправедливой ревизіи, потерялъ мѣсто.

По мѣсту его службы, я понялъ, что это бывший сослуживецъ одного изъ воротилъ центра.

— Вѣдл. мѣстъ нѣтъ. Вѣдъ на мѣсто ниже дѣлопроизводителя онъ не поидеть.

— Да, но, вѣроятно, будетъ скоро мѣсто. Ему надъ помочь.

Очевидно готовы были и прогнать кого либо, чтобы очистить мѣсто П.

— Вотъ что, Борисъ Александровичъ, знайте, что пока я головой, г. П. мѣста у насъ не получить. Управа съ трудомъ отдѣлалась отъ пенсіонеровъ, а вы предлагаете ей еще брать одного. Во-первыхъ мы изъ-за вашего пріятеля никогс не прогонимъ. Во-вторыхъ, если бы случайно вакансія и открылась, мы бы ее

замѣстили не господиномъ П.—Понятно, что такихъ рѣчей мнѣ центръ не прощаль.

Насколько центръ былъ прочно объединенъ и какъ онъ вліялъ, видно изъ примѣра этого П. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего разговора съ г. Македонскимъ, Натансонъ мнѣ говоритъ:

— А знаете, А. И., мнѣ Кямилъ-бекъ сегодня сказалъ, что матеріальная часть при одномъ условіи можетъ пройти чрезъ думу.

— Какъ? вы еще надѣетесь послѣ двойного провала?

— Да. Онъ мнѣ сказалъ, что эту реорганизацію можно бы провести, если бы назначить поменьше должностей и при условіи, если во главѣ поставить не Кардашева, какъ мы хотѣли, а нѣкогого П., какого-то чиновника.

Я рассказалъ Марку Андреевичу разговоръ съ г. Македонскимъ.

Вотъ отъ чего зависѣли въ думѣ самыя лучшіе проекты. И не даютъ ли такіе случаи мнѣ право считать центръ почти все-сильнымъ? Онъ таковымъ и былъ. Все зло исходило оттуда. Привычка распорядиться полными хозяевами не могла не наткнуться на сопротивленіе какого-то головы, который вздумалъ дѣйствовать по своему. Скрѣпя сердце, мнѣ приходилось иногда подчиняться приказаніямъ. Приведу случай. Мы уже были въ полномъ разладѣ. По телефону меня вызываетъ г. Македонскій и говоритъ, что „надо“ снять съ очереди въ ближайшее думское засѣданіе одно личное дѣло. Я отвѣчаю, что по моему „не надо“.

— Просить Александръ Григорьевичъ Айвазовъ.

— Пускай просить. Я не сниму.

— Онъ съ вами самъ сейчасъ поговорить.

Слышится въ телефонъ голосъ самого Айвазова. Онъ просить дѣло отложить, потому что боленъ Изманлъ-бекъ Сафаралиевъ. Хотя я прекрасно зналъ, что дѣло не въ болѣзни, а въ томъ, что не столковались; хотя болѣзнь одного гласнаго очень рѣдко бывающаго въ думѣ, не можетъ служить причиной откладыванія дѣла, тѣмъ не менѣе я отложилъ дѣло. Сдѣлалъ я это потому, что прекрасно зналъ, что, назначъ я это дѣло по очереди, въ думѣ поднялся бы крикъ, и въ концѣ концовъ я все равно былъ бы вынужденъ уступить. Я чувствовалъ, что они добились бы своего. Лучше было согласиться безъ лишняго шума.

Подведу итогъ: явно—оппозиціонна была группа „каспійцевъ“, не разбиравшая, гдѣ правда и гдѣ ея нѣтъ, не стѣснявшаяся въ средствахъ, лишь бы мнѣ повредить. Можетъ быть, они дѣйствительно думали, что я, не подчиняясь имъ, оскорбляю все мусульманство. Это было бы лучшее для нихъ объясненіе. Къ этой группѣ присоединились мои личные враги и конкуренты.

Затѣмъ была группа центра, дисциплинированная, болѣе уравновѣшенная, но, подъ конецъ, тоже мнѣ враждебная. Это партія самая „бакинская“—бывшіе поставщики служащихъ управы. Они возненавидѣли меня, когда лишились возможности оплачивать въ городъ всякихъ людей, которыми нигдѣ мѣста не находилось.

Независимая часть гласныхъ, люди, видящіе разницу между своимъ дѣломъ и общественнымъ, сплочены не были. Вспоминаю гласнаго Асрибекова, возмущеннаго рѣчью г. Агаева и ему отвѣтившаго по заслугамъ; вспоминаю г. Унанова (онъ не разъ пытался меня защитить), возразившаго г. Бенъендорфу на его личные нападки противъ меня, что не къ лицу ему такъ нападать и при томъ напрасно, когда онъ самъ причинилъ своей безпечностью городу убытокъ въ 250.000 рублей. Больше и вспоминать нечего. И эти два раза никакого отклика ихъ защита не имѣла.

VIII.

Въ это время произошелъ большой переломъ въ моихъ симпатіяхъ къ армянамъ. Прежде армянинъ былъ человѣкъ, пользующійся такими же правами, какъ и я, а во времена Лорисъ-Меликова и Делянова пользовавшійся въ нѣкоторыхъ министерствахъ и преимуществомъ передо мной, русскимъ. Величко побоялся о томъ, чтобы умалить ихъ права въ нѣкоторой мѣрѣ. Закрыты были армянскія школы, такъ содѣйствовавшія сближенію армянъ съ русскими. По мѣрѣ работы Велички (это имя стало нарицательнымъ на Кавказѣ, синонимомъ злобной политики сѣванія раздора между армянами и грузинами, ставшей омерзительной теперь не только первымъ, но и вторымъ). По мѣрѣ его работы, говорю я, права армянъ все умалались, пока, наконецъ, ихъ пришлось невольно сравнивать съ евреями.

Не случилось ли вамъ, читатель, идти съ любимымъ вашимъ четырехлѣтнимъ сыномъ и встрѣтить такого же возраста нищенку въ лохмотьяхъ при морозѣ? Не случилось ли вамъ въ этихъ случаяхъ поскорѣ помочь этому маленькому нищенкѣ, при чемъ въ эту секунду вамъ его было жалче, чѣмъ собственнаго сына? Не естественно ли отнять у сына яблоко, хотя бы онъ плакалъ при этомъ, и отдать голодному? Успѣешь, молъ, дома сколько хочешь получишь, а онъ голоденъ, несчастный.

Не то ли же самое ощущается, когда, напримѣръ, сравниваешь русскаго крестьянина и бѣднаго еврея? Люблю я его, этого русскаго крестьянина, чертъ знаетъ какъ. Жалокъ онъ мнѣ въ своемъ невѣжествѣ, въ своемъ пьянствѣ, въ своей безпомощности. Милъ мнѣ потому, что намъ нечего другъ къ другу приспособливаться, ибо мы уже приспособлены. Но... часто мнѣ милѣ даже невѣжественный пейсатый еврей, когда мнѣ приходитъ мысль, что русскій крестьянинъ можетъ учить своего сына, а еврей и того не можетъ, что русскій крестьянинъ, если ужъ очень тѣсно ему придется, возьметъ да переѣдетъ въ Томскую губернію, а еврей не можетъ выйти изъ злосчастной черты. Мнѣ въ эту минуту милѣ, мнѣ жалче еврей, и я, какъ жертву на Божій алтарь, отнесъ свой рубль въ пользу семействъ избитыхъ кишиневскихъ евреевъ, и оттолкнулъ бы въ это время своихъ ближайшихъ братьевъ.

Такъ и тутъ. Не я, а Велички дѣлають армянъ симпатичными. Миѣ приходилось слышать такую фразу: турки отнимають отъ насъ жизнь, а Велички постарались оскорбить самое священное, что у насъ было, что было для насъ дорожъ жизни. И не пожалѣть ихъ прикажете?

Но при чемъ армянскія симпатіи или антипатіи въ городскомъ дѣлѣ? Если русскій лучше, онъ и теперь лучше остался, и надо его предпочесть армянину, если армянинъ лучше, онъ и прежде былъ лучше, и тогда надо было его брать, а не русскаго. Тутъ можетъ быть два объясненія. Или мой субъективизмъ сдѣлалъ меня несправедливымъ въ томъ или другомъ случаѣ, или.....или вотъ что:

Случалось ли вамъ видать или слышать, какъ человекъ въ одну ночь посѣдѣлъ, подѣ влияніемъ внезапнаго ужаса? Случалось ли вамъ наблюдать лично или читать про внезапныя внутреннія перемѣны въ человекѣ? Былъ разбойникомъ, а увидавъ любимую дѣвушку, или прочитавъ евангеліе, вдругъ сдѣлался добрымъ, раскаялся? Или жилъ человекъ для себя, копилъ деньги и вдругъ, увидавъ истинное горе, деньги свои отдалъ несчастнымъ?... Вѣроятно читали, если не выдали лично.

Не могло ли тоже случиться съ армянами? Жили и дѣлали свое мелкое купечески-армянское дѣло и изучили русскій языкъ, чтобы ловчѣе было вести съ русскими торговлю. И вотъ, подѣ влияніемъ величкинскихъ ударовъ, они вострепнулись, изъ армяно-торговыхъ, ихъ идеалы выросли въ человѣческо-общественныя. Поднялась армянская этика. Но требованія, предъявляемыя къ различнымъ людямъ, различны; достиженіе высшихъ идеаловъ доступно немногимъ. Иной армянинъ, занимавшійся ростовщичествомъ, скажемъ, или содержавшій домъ терпимости, подѣ влияніемъ общаго этическаго подъема, возьметъ и займется болѣе честной торговлей.

Купецъ, державшій своего старшаго сына за прилавкомъ, при общемъ подъемѣ духа, возьметъ да и скажетъ меньшему сыну: иди-ка, братъ, въ гимназію, поучись, не все торгашемъ быть... Можетъ все это быть? Тогда можетъ быть и вотъ что. Можетъ быть, что архитекторъ, стремившійся получить побольше жалованія, хотя бы цѣной подчиненія безграмотному и при томъ безнравственному капиталисту, скажетъ себѣ: ну его къ черту этого эксплуататора, пойду-ка я послужу городу. Все-таки служишь обществу, дѣло то чище. И поидеть, сдѣлается общественнымъ человекѣмъ, болваномъ, по мнѣнію Константина Ивановича Хатисова.

И вотъ я утверждаю, что такой народъ нашелся. Армяне общественно выросли. А разъ нашелся одинъ, другой въ управѣ, появились и другіе. За архитекторомъ пошелъ докторъ и другой докторъ, и химикъ, и счетоводъ... Примѣръ заразителенъ: много значить настроеніе.

Приходить молодой техникъ: Александръ Ивановичъ, мѣста

ищу.—А жалованье?—А жалованье какое-хотите, хоть 75 рублей. Промысла стали невыносимы.—Милости просимъ.

Приходит молодой докторъ:—Александръ Ивановичъ, мѣста.—А жалованіе?—Надо побольше, я семейный, практики нѣтъ.—Оказывается, ему противно съ пациентовъ брать деньги, и онъ лѣчить лишь даромъ.—Милости просимъ.

И пошли, и пошли. Но тутъ въ управской политикѣ назначеній произошло нѣчто по моему безобразное. Выяснится это изъ слѣдующихъ разговоровъ съ членами управы.

Говорили объ архитекторахъ и о прежнемъ назначеніи ихъ, чуть не окончившемся министерстскимъ кризисомъ. Членъ управы согласился наконецъ, что дѣло неладное.

— Да ужь, что говорить; сдѣлали дѣло, теперь сами не расхлебаемъ. Да теперь вотъ еще горе: у насъ много слишкомъ архитекторовъ. Вотъ временно приглашенный инженеръ Богдатынъ да еще временный архитекторъ А.

Богдатынинъ былъ мой кандидатъ изъ армянъ. А. тоже армянинъ, приглашенный лѣтомъ безъ меня на временную работу. За Богдатына я ручался, и онъ, дѣйствительно, былъ человѣкъ, выдающійся по своимъ нравственнымъ качествамъ.

— Да, говорю я, много у насъ временныхъ. Но за то уже хорошо Б. Богдатынъ; всѣхъ бы намъ имѣть такихъ. Лучше бы не надо. Ну а А. временный, его можно удалить.

— Нѣтъ, уже на А. вы должны согласиться.

— Почему долженъ?

— Да потому—членъ управы разсмѣялся—что мы вамъ дали Богдатына, а вы должны намъ дать А.

Вникните, читатель, въ эту фразу, которую я считаю ужасной. Прежде бывали компромиссы, чтобы на одного армянина былъ одинъ татаринъ—явленіе некрасивое, но объяснимое націоналистическими тенденціями. Затѣмъ мнѣ соглашались давать „тамбовца“ т. е. русскаго съ тѣмъ, чтобы на одного тамбовца приходился одинъ бакинecъ.

А теперь что? Теперь, когда я самъ сталъ выдвигать *мѣстныхъ, бакинцевъ* опять появились и наши и ваши. Какъ это понять? Другого объясненія вы не найдете, какъ слѣдующее: хорошо, мы согласны. Такъ: берите вашихъ кандидатовъ изъ мѣстныхъ, но съ тѣмъ, чтобы и на одного вашего (хорошаго) вы брали одного нашего (никуда негоднаго, но нужнаго въ видахъ нашего будущаго переизбранія).

Другая фраза того же члена управы. Управа говорила съ юрисконсультomъ Андрониковымъ, очень круто поставившимъ вопросъ о помощникахъ. Управа единодушно ему помогла раздѣлаться съ прежними, которые слишкомъ очевидно не были на высотѣ положенія. Съ нѣкоторыми превышеніями власти, въ видѣ выдачи крупныхъ пособій, въ видѣ сверхмѣстнаго приглашенія новаго помощника на время заболѣвшаго прежняго, въ видѣ маленькаго намѣненія штатовъ или получаемаго вознагражде-

нія—съ этими превышеніями власти и съ перспективой слушать упреки думы, управа удовлетворила просьбу Андроникова. Оставалось назначить новыхъ двухъ помощниковъ. Жалованіе положили по 2400 рублей каждому. Нечего, конечно, и было думать о томъ, чтобы на это жалованіе имѣть порядочныхъ юристовъ безъ права частной практики. Управа приставя практику разрѣшила. Андрониковъ предлагалъ двухъ частныхъ повѣренныхъ мѣстныхъ, и при томъ идеально чистыхъ.

Надо сказать, что составъ адвокатуры бакинской ниже всякой критики по отношенію къ этикѣ. Много адвокатовъ, послѣ пожатія руки которыхъ поневоля ищешь карболоваго мыла, чтобы вымыть руку. Но зато есть меньшинство, чистое какъ кристалль. Андрониковъ самъ человекъ голубиной чистоты, которую онъ соединяетъ со змѣиной мудростью, представилъ своихъ кандидатовъ. На одного управа выразила свое согласіе немедленно. А на мѣсто другого былъ у членовъ управы свой кандидатъ, далекій отъ того, чтобы походить по чистотѣ на голубя. Тогда тотъ же членъ управы, который думалъ, что на одного моего архитектора долженъ быть одинъ ихъ, произнесъ буквально слѣдующее:

— Довольно мы, Александръ Ивановичъ, *для васъ* сдѣлали. Пора бы вамъ и *для насъ* что-либо сдѣлать, принявъ нашего. Я не выдержалъ и вскопчилъ.

— Да что вы, наконецъ, говорите? Для васъ, для насъ. Что вы для насъ дѣлаете? Что *намъ* нужно? Городу.... понимаете? городу нужны люди хорошіе, работающіе, чистые, а не намъ. Мы мучаемся въ дрызгахъ съ вами, когда работа наша могла бы быть много плодотворнѣе. Вамъ всякая дрянь нужна, вопреки интересамъ города, а намъ никто не нуженъ. Слышите?

И что же, вы думаете, этотъ господинъ смутился? нѣтъ, онъ же разсердился, и сталъ что-то возражать. Но все это мнѣ показалось столь мерзкимъ, что я ушелъ.

Черезъ минуту возвращаюсь; вижу Андрониковъ (вотъ кипитокъ—человекъ. На что я горячъ, а онъ во сто разъ горячѣе меня) тоже разгорячился.

— А вы такъ? такъ на те-жъ.

Бросаетъ бывшее въ карманѣ готовое прошеніе объ отставкѣ на столъ въ моемъ направленіи и вскакиваетъ. Я тоже вскакиваю, хватаю прошеніе и хочу ему его вернуть. Онъ съ крикомъ— „Получили? я вамъ далъ прошеніе объ отставкѣ“—выбѣгаетъ въ прихожую, гдѣ сидѣло много народу. Я бѣгу за нимъ, догоняю его, сую ему его прошеніе обратно, онъ меня отпихиваетъ, происходитъ между нами нѣчто въ родѣ борьбы. Ключья его прошенія летятъ во всѣ стороны. Долго, долго мы не можемъ его успокоить. Онъ успокоился, прошеніе взялъ назадъ. Все обошлось.

Сцена для публики комическая. А по моему она была полна глубокаго трагизма. До чего могутъ быть доведены нервы людей

этимъ моремъ грязи, этимъ полнымъ отсутствіемъ чувства добра и зла, этимъ рефлексивнымъ пинизмомъ, если можно такъ выразиться.

Правда, конечно, сильна. Андрониковскіе кандидаты прошли. Но зачѣмъ эта потеря времени? зачѣмъ эта потеря силъ и энергій, которыя могли бы такъ интенсивно быть употреблены на дѣло городское, которому Андрониковъ взялся почему-то служить.

Вѣдь не неврастеникомъ же и я пріѣхалъ въ Баку. Затѣмъ и я черезъ полтора года былъ доведенъ до отвращенія ко всему окружающему.

Я былъ на государственной службѣ въ разныхъ вѣдомствахъ, въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ, но такого пинизма, такой *moral insanity*, какъ въ Баку, врядъ ли гдѣ можно найти.

IX.

Изъ того, что я сейчасъ описалъ, читатель можетъ вывести заключеніе, что господа бакинцы чернѣе осенней ночи. Такъ я не разъ и былъ склоненъ думать, подъ вліяніемъ той или другой ихъ выходки. Теперь, обсуждая вопросъ хладнокровно и объективно, я прихожу къ совсѣмъ другому выводу. Нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ даже хорошіе, есть и умные, очень умные. Вѣдь можете вы себѣ представить дикаря, Пятницу изъ Робинзона, который можетъ совмѣстить въ себѣ людовѣда и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошаго и умнаго человѣка? Такъ и тутъ. Вообразите хорошаго и честнаго человѣка, рожденнаго въ Баку. Среда такая, что умъ цѣнится, при чемъ умнѣе наживать деньги принимается за умъ. Все остальное не нужно. О немъ не говорятъ. Вы, напримѣръ, годъ знаете съ человѣкомъ умнымъ, приятнымъ, богатымъ; каждый день видаетесь съ нимъ въ клубѣ; готовы съ нимъ сближаться.... вдругъ узнаете, что онъ разбогатѣлъ, весьма ловко обокравъ и пустивъ по міру своего довѣрителя, ему слѣпо вѣрившаго? или что онъ не разъ, не два прибѣгалъ къ подлогамъ, благополучно сошедшимъ съ рукъ? Вы удивлены: какъ же такъ? Я годъ его знаю, и ничего подобнаго мнѣ никто не рассказывалъ до сихъ поръ?—Ахъ это старая исторія—отвѣтять вамъ—это всѣ знаютъ; а X, что состоитъ старшиной клуба, а У, гласный и банковый дѣятель, тѣ еще хуже дѣлали,—и рассказываютъ, что сдѣлали X, Y, Z и еще многіе....

Спрашиваю васъ, если человѣкъ и мальчикомъ, и въ семьѣ, и въ гимназій, и въ юношествѣ, и въ зрѣломъ возрастѣ былъ въ такой средѣ и другой не видалъ, какое у него будетъ понятіе о добрѣ и злѣ? А тутъ представьте себѣ, что, хотя онъ лучше и въ десять разъ умнѣе другихъ, ему въ денежныхъ дѣлахъ не повезло, что среда его за это готова презирать, что у него семья, которую надо воспитывать и т. д. и повѣрьте, читатель, что вы

въ него камня не бросите и наоборотъ удивитесь, увидавъ въ немъ кое-какія человѣческія чувства.

Такъ вотъ жили себѣ люди и привыкли къ своей атмосферѣ. Я не о всемъ Баку говорю, а о городскихъ дятеляхъ. И вдругъ издалека явился городской голова. Выбрали его—думали чурбанъ.... анъ вышло цапля. Да еще цапля безтактная. Цапля-болванъ. Передѣлать такого бакинца, соскоблить съ него грязь могла бы нѣжная рука любящей женщины или случайно облизавшійся и поставившій себѣ эту задачу другъ.

Я былъ не въ томъ положеніи: чтобы по немногу заняться перевоспитаніемъ хоть одного бакинца, у меня не было ни времени, ни умѣнья, ни такту. У меня было внутреннее чутье, что я долго не останусь головой въ Баку. Я нашель болото и естественно, что силы мои, сначала направленные на чисто практическія нужды города, обратились главнымъ образомъ на то, чтобы всколыхнуть это болото, чтобы заставить людей оглянуться. Я понималъ, что мнѣ одному ничего не сдѣлать, что я останусь осмѣяннымъ доиъ-Кихотомъ. И потому главною задачею моею явилось достать людей въ это море безлюдья. И люди стали являться. Это-то и были варяги, геніи, тамбовцы, новиковцы. Къ нимъ подходили, осматривали ихъ, приглядывались. Ждали, что будетъ? Да ничего не было особеннаго. Явились люди, которые не думали о наживѣ и дѣлали свое дѣло, кто какъ умѣлъ, нѣкоторые прекрасно, нѣкоторые плохо, большинство весьма удовлетворительно. Я счастливъ, что ни одинъ изъ новиковцевъ не оказался съ руками, запачканными бакинскимъ золотомъ. Далеко нѣтъ. Какъ всегда въ этихъ случаяхъ бываетъ, наибольшія требованія были предъявлены къ самимъ же пришельцамъ. И, когда заподозрили одного изъ геніевъ въ любви къ деньгамъ, хотя бы и честно нажитымъ, имъ меня долго попрекали. Ну не побѣда это для меня? Я рассказалъ про сланнаго „болвана“, полученнаго мною отъ Константина Ивановича Хатисова. Можетъ быть это иллюзія, но я вѣрю, что немножко содѣйствовалъ развѣнчанію золотого тельца. Конечно, я не имѣю претензіи думать, что я его развѣнчалъ въ широкихъ кругахъ. Нѣтъ, Боже сохрани. Но если и нѣкоторые изъ прежнихъ его поклонниковъ превратились хотя бы на словахъ въ „болвановъ“, то и то я считаю, что принесъ значительную пользу.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать, какъ въ Баку дѣлается новгороднія пожеланія. Я это невольно подслушалъ по телефону. Когда говоришь по телефону, приходится часто долго ждать отвѣта съ трубкой у уха. Въ это время слышатся разные посторонніе переговоры. Такъ было и 1-го января 1904 года. Я кого-то вызвалъ и жду отвѣта. Между тѣмъ разговоры идутъ своимъ чередомъ. Слышу нѣмецкій акцентъ:

— Съ новымъ годомъ васъ, съ новымъ счастьемъ, съ новыми деньгами.... (удареніе на „а“).

Я плюнулъ и оттялъ трубку отъ уха. Черезъ часъ опять не-

волью пришлось подслушать. На этотъ разъ слышу армянскій акцентъ:

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, съ новыми деньгами васъ... (удареніе опять на „а“).

Весь новый годъ испортили мнѣ эти проклятыя пожеланія новыхъ денегъ.

Но возвращаюсь къ своей темѣ.

Нѣкоторые бакинцы меня удивляли. Среда, въ которой они родились, не могла имъ дать точнаго представленія о добрѣ и злѣ. И вотъ они ищутъ добра, но не знаютъ, гдѣ его найти. Такие люди иногда меня поражали то чистотой своихъ дѣйствій, доходящихъ до самопожертвованія, то невѣроятной наивностью въ своихъ поступкахъ, противныхъ всякой этикѣ не только общественной, но и самой обыденной. Поступаетъ такой бакинецъ такъ, весьма искренно, желая исполнить свой долгъ. Различныя вліянія вызываютъ въ немъ различныя дѣйствія. Будь у меня больше такту, я бы безусловно могъ подчинить себѣ такого человѣка. Но рѣзкостью своею я его отъ себя отталкивалъ и бросалъ въ объятія враговъ. Работая противъ меня, такой человѣкъ искренно былъ убѣжденъ, что борется со зломъ.

Какъ и въ первомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ хорошей натурой. Въ первомъ случаѣ добрыя сѣмена часто заглушались бакинскими плеведами, во второмъ добрыя сѣмена и не всходили на бесплодной почвѣ бакинскаго общества.

Къ сожалѣнію, приходилось имѣть общеніе и съ людьми, у которыхъ съ рожденія было атрофировано всякое чувство самой элементарной порядочности. Ни малѣйшаго чувства симпатіи, даже мимолетной, такіе люди не возбудили во мнѣ никогда, и кромѣ какъ съ брезгливостью, я никогда не могъ съ ними имѣть дѣло. Уви! И такихъ было не мало.

X.

Когда я еще не потерялъ своей надежды добиться добрыхъ результатовъ по всемъ отраслямъ хозяйства, а многіе изъ лицъ, на содѣйствіе коихъ я рассчитывалъ, уже собрались, я рѣшилъ сгруппировать третій элементъ, какъ я называлъ ту часть служащихъ, которые были объединены общимъ исканіемъ общественного добра. Къ нимъ я присоединилъ нѣкоторыхъ весьма немногочисленныхъ лицъ изъ служившихъ прежде.

И вотъ мы собрались. Это было еще при „кошмарѣ“, при „тишнѣ“, который я напускалъ на бѣдныхъ гласныхъ. Я поставилъ на очередь вопросъ о займѣ на благоустройство города. По-толковали, поставили себѣ задачи (много задачъ). Тутъ было и замощеніе окраинъ, и постройки школьныхъ зданій, и выкупъ участковъ, препятствующихъ урегулированію улицъ, и народный домъ, и бойни и чего, чего тутъ не было. Для разработки каждаго дѣла была выбрана маленькая коммиссія изъ спеціалистовъ и любите-

лей. Никаких чиновъ тутъ не было, не было хозяевъ, требующихъ себѣ почтенія отъ наемниковъ. Были люди, служившіе дѣлу. И дѣлопроизводитель, работавшій нѣкогда въ качествѣ учителя въ народномъ домѣ, имѣлъ болѣе шансовъ выработать хорошей проектъ народнаго театра, чѣмъ членъ управы, родственникъ того или другого гласнаго или нефтепромышленника. Главное руководство дѣломъ выработки займа было возложено на секретаря управы. Съ этой цѣлью я и предложилъ думѣ учредить эту должность.

Боже, какъ я вѣрилъ въ эти комиссіи и подкомиссіи. Какая разница между ними и нашими думскими комиссіями, съ ихъ задними мыслями, интригами и полнымъ равнодушіемъ къ результатамъ ихъ нетяжелой работы.

Это было въ февралѣ. А въ апрѣлѣ пришлось бросить всякую надежду на заемъ. Заемъ убила наша управа, назначивъ своихъ архитекторовъ. Всякій проектъ улучшенія города связавъ съ технической работой специалистовъ. Только имѣя въ виду привлечь на службу городу хорошихъ работниковъ, и можно было приступать къ разработкѣ займа; и наоборотъ, разработать заемъ безъ состава технической коллегіи, находящейся на высотѣ положенія—нечего было и думать.

Поэтому-то, когда совершили свой печальный подвигъ господа Македонскій, Арутюновъ и Сафаралиевъ, и когда я не нашель въ думѣ поддержки, на которую я еще могъ рассчитывать, у меня всякая надежда на заемъ, а слѣдовательно и на благоустройство города рухнула. Но читатель можетъ быть помнить, что я поставилъ себѣ двѣ главныхъ цѣли: вода и заемъ. Теперь оставалась лишь вода.

Осенью 1903 года нашъ техническій отдѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ и весь третій элементъ поразилъ новый ударъ. Ушелъ А. Ф. Лаговскій. И ушелъ не безъ скандала. Дѣло было такъ: еще въ июнѣ, немедленно послѣ пораженія нашего въ управѣ, г. Лаговскій обратился въ управу, съ вопросомъ, можетъ онъ или нѣтъ взять на себя наблюденіе за постройкой зданія частнаго банка за вознагражденіе. Дѣло шло не о постройкѣ, на что имѣлся особый инженеръ, а о высшемъ надзорѣ. Управа отвѣтила, что нѣтъ, что разъ и младшимъ архитекторамъ по новому думскому постановленію частныя работы воспрещены, то главному инженеру и подавно.

Тѣмъ не менѣе осенью появляется въ газетѣ „Баку“ неблагоприятная статья, въ которой говорится, что строительныя дѣла въ городѣ идутъ такъ плохо, потому что главный инженеръ строитъ банкъ, получая такой-то гонораръ. Я къ Лаговскому.

— Правда?

— Правда. Миѣ при приглашеніи условія не имѣть частныхъ работъ не ставили.

— А. Ф., это дѣло попало въ газеты. Я долженъ вамъ сдѣлать запросъ.

— Что же, дѣлайте! Я вамъ такъ и отвѣчу.

Въ отвѣтъ на мой запросъ А. Ф. такъ, дѣйствительно, и отвѣтилъ, что хотя онъ и совѣтовался съ управой, но ея рѣшеніе для него не обязательно, согласно условій его приглашенія. Въ концѣ объясненія онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Отставка его нами немедленно была принята.

Мы потеряли выдающагося инженера, но кромѣ того уходить его былъ большимъ нравственнымъ пораженіемъ для меня. Это дало поводъ моимъ противникамъ насмѣхаться надо мною и надъ моими „геніями“.

— Чѣмъ,—спрашивали меня,—ваши заморскіе геніи лучше бакинцевъ? Гдѣ же ихъ особенная этика, когда разошлись вы изъ-за денегъ? Хороши люди съ общественной жилкой, которымъ мало 7.200 рублей жалованія. Вѣдь сами были вынуждены безъ разговоровъ согласиться на его отставку!

Все это было если не совсѣмъ, то почти вѣрно. Мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ было жаль терять такого человѣка, какъ г. Лаговскій; въ особенности жалко мнѣ было, что испортились наши личныя отношенія. Однако я ни минуты не раскаивался, что сталъ противъ него. Иначе я и не могъ поступить. Какъ ни какъ, вѣднѣе поступокъ г. Лаговскаго былъ неэтиченъ. Оговариваюсь. Неэтиченъ онъ для г. Лаговскаго, для выписаннаго генія, для человѣка, за котораго я копейки ломалъ, которому я хотѣлъ ввѣрить строительное дѣло. Для всякаго другого это былъ бы не проступокъ. Объ этомъ бы и не говорилось. Но бакинецъ, поразительно снисходительный для себя и для своихъ, жестокъ для выписаннаго. Въ данномъ случаѣ они впрочемъ были правы. Отъ нашихъ они могли требовать этики особенной, не бакинской.

Я не оправдываю г. Лаговскаго, но я его понимаю.

Онъ бы не взялъ частной работы; скандала бы всего этого не было, не будь злосчастной исторіи съ архитекторами. Вообразите, что человѣкъ пошелъ служить обществу и взялъ на себя громадную задачу. Онъ работаетъ, не зная отдыха. Вдругъ такое оскорбленіе, какъ назначеніе гг. Т.-К. и Г. Мало оскорбленія—разрушеніе всего плана дѣйствій. Онъ чувствуетъ, что напрасно пошелъ, что ничего онъ не сдѣлаетъ. И руки опустились.

Думаю теперь, что ему слѣдовало уйти въ день назначенія архитекторовъ. Съ такой управой не служить. Слѣдовало бы тогда уйти и мнѣ. Но я же его отговаривалъ. Сначала разсчитывали на думу, потомъ обѣщали освободить насъ отъ навязанныхъ техниковъ. Мы все какъ бы надѣялись что-то сдѣлать.

Часто я съ нимъ спорилъ. Разработайте,—говорилъ я ему,—что-нибудь, ну хоть проектъ трамвая. Дага вамъ управа помощниковъ на смѣхъ, ну и чортъ съ ней. Пойдутъ дѣла скверно—

не вы виноваты, а вы сдѣлайте хоть одну работу, достойную васъ. А то ваша работа растаяла безъ остатка въ здѣшнемъ болотѣ. Какъ кусокъ сахара въ стаканѣ чая даетъ нѣкоторую сладость для людей съ чуткимъ вкусомъ, а для публики не виденъ на глазъ—такъ и вы: ваша работа для публики пропадаетъ.

А. Ф. не согласился со мной и, думаю, былъ очень неправъ. Хотя Богъ знаетъ. Онъ говорилъ, что онъ главный инженеръ и долженъ за всѣмъ слѣдить. Случись что, я виноватъ—говорилъ онъ.—Я за всѣмъ долженъ слѣдить, въ особенности, съ помощниками, которымъ не довѣряю.

Какъ ни какъ, у него руки опустились. Ему не довѣряютъ, съ нимъ поступаютъ какъ съ обыкновеннымъ наемникомъ. И онъ чувствуетъ, что вѣкъ ему въ Баку не свѣтовать, и мало-по-малу начинаетъ поберегать свои силы и работать согласно договора.

Повторяю я не пзвиняю его, а объясняю его поступокъ. Виноватъ по моему онъ, но больше въ его поступкѣ виновата управа.

Между тѣмъ дѣла въ управѣ шли такъ же плохо, какъ и прежде. Глаза бы не глядѣли на работу. А тутъ приходилось нести нѣкоторую долю отвѣтственности.

Воспитательный домъ переѣзжалъ. Наняли съ большимъ трудомъ помѣщеніе. Такъ оно чуть не полъ-года ремонтировалось, а дѣло можно было сдѣлать все въ мѣсяць. Постукивали два три мастера, да десятникъ надъ ними сидѣлъ, а дѣло не дѣлалось. Въ концѣ споры о расчетѣ, суды, новыя задержки, думскія коммисіи.

Тоже и со скотопригоннымъ дворомъ. Два года строился и въ концѣ концовъ оказался никуда не годнымъ.

Конный дворъ по смѣтѣ 1903 года началъ строиться съ ноября, и то я взялся и провелъ дѣло, какъ-бы шутя, чтобы не обидѣть членовъ управы.

Домъ городской строился, и теперь строится, и конца ему не видать. А вотъ анекдотъ. При входѣ въ домъ строилась башня. Спрашиваю Лаговскаго въ маѣ; а когда будетъ готова башня, чтобы снять лѣса? А то безобразно.

— Да черезъ мѣсяць.

Показалось мнѣ, что не будетъ готово черезъ мѣсяць. Выхожу изъ управы, встрѣчаю десятника. Десятникъ этотъ былъ у насъ когда-то учителемъ, но заболѣлъ и, пробывъ годъ въ больницѣ нервно-больныхъ, въ учителя не годился. Взяли его въ десятники.

— Когда башня будетъ готова?

— Да черезъ годъ.

Черезъ годъ башня готова не была, и я спущенныхъ лѣсовъ такъ и не видѣлъ.

Самый разительный примѣръ безпомощности строительнаго отдѣленія явилось намѣреніе сдѣлать планъ гимназіи. Гимназія помещается въ наемномъ помѣщеніи, гдѣ до того плохо и тѣсно.

что гимназія служить очагомъ заразы для учениковъ. Г. Македонскій, думаю, чтобы доказать, что не погубилъ строительное дѣло, взялся за проектъ. Собралъ своихъ техниковъ, директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, хлопоталъ. Его понукала училищная комиссія. И вотъ цѣлый годъ понадобился, чтобы разработать планъ гимназіи. Ничего, кромѣ этого плана, наше строительное отдѣленіе не выработало новаго. И это при девяти ниже-нерахъ.

Скажутъ мнѣ: такъ чего же ты жалуешься? На кого? на то ты и голова, чтобы слѣдить, понукать. А ты жалуешься.

Въ томъ то и дѣло, что голова ничего не можетъ сдѣлать. Каждое такое дѣло, какъ воспитательный домъ, конный дворъ, постройка, въ вѣдѣніи члена управы. Если распорядиться служащими помимо ихъ, получишь отвѣтъ: Борисъ Александровичъ или Кямилбекъ еще не распорядился, или дѣло у нихъ, или членъ управы обѣщался самъ сѣздить.

Волей неволей приходится дѣйствовать черезъ члена управы. Разъ ему скажешь. Онъ отвѣтитъ да, и ничего не сдѣлаетъ. Второй разъ скажешь, и опять то же. Наконецъ говорить перестанешь.

Брантмейстера надо было смѣнить. Это всѣ признали, и онъ самъ по болѣзни просился уйти. Такъ годъ дѣло лежало въ портфель члена управы. Онъ все искалъ ему замѣстителя; а можетъ быть имѣлъ кого-либо въ виду и ждалъ, пока тотъ освободится. Я ушелъ, а брантмейстеръ все еще былъ на мѣстѣ.

Мы шли не впередъ, а назадъ, какъ раки.

Никакой самостоятельной дѣятельности нашъ третій элементъ при сложившихся обстоятельствахъ имѣть не могъ. Тѣмъ не менѣе мы еще нѣсколько разъ собирались. Разсматривались дѣла, имѣвшія отношеніе къ нашей управской политикѣ. Главнымъ образомъ я добивался одобренія третьяго элемента моему выходу въ отставку. Высказывались мнѣнія, при какихъ условіяхъ я могу уйти съ сохраненіемъ собственнаго достоинства и съ наибольшей пользой для дѣла. Меня служба тяготила и скверно отзывалась на моемъ здоровьѣ. И если я давно уже не ушелъ въ отставку, если я продолжалъ борьбу, то это лишь подъ вліяніемъ третьяго элемента.

Впрочемъ и у насъ было не безъ недоразумѣній, и даже очень серьезныхъ. Одно изъ нихъ по моему было очень серьезно, и для меня окончательно сдѣлало чужимъ человека, который по инерціи все еще считался новиковцемъ. Это былъ нашъ статистикъ Караваевъ. Когда случился въ думѣ нашъ статистическій провалъ, о которомъ я еще буду писать, дѣло это должно было разсматриваться въ собраніи третьяго элемента. Вдругъ г. Караваевъ не приходитъ, тогда какъ прежде онъ посѣщалъ наши собранія.

На другой день его спрашивали, почему онъ не приходитъ. Отвѣтъ его былъ, что онъ не признаетъ авторитета нашего

собрания случайно набранных людей. Ответъ этотъ былъ бы понятенъ въ устахъ человѣка, не признающаго нравственнаго авторитета кого бы то ни было, но въ устахъ интеллигента онъ могъ только доказать, что напрасно я увлекся дѣйствительно и принялъ г. Караваява за таковаго. Это главное обвиненіе, которое я къ нему предъявляю.

XI.

Самымъ спѣшнымъ дѣломъ сессіи былъ вопросъ о расширеніи города Баку. Администрація, имѣя свои виды, предложила присоединить къ городу пригороды, Бадаловъ и Бѣлый городъ съ прилегающими деревнями. Городъ получалъ громадные жилищество земли, и за это долженъ былъ нести соответственные расходы. Въ особенности тяжелыми казались расходы по полиціи, на которую и такъ городъ тратится, не подучая ни копейки субсидіи отъ казны.

Администраціи нужно было получить отвѣтъ какъ можно скорѣе, и канцелярія главноначальствующаго то и дѣло запрашивала меня по телеграфу о рѣшеніи думы.

Въ думѣ говорили и за и противъ. Къ сожалѣнію, тутъ замѣшался и личный интересъ. Нѣкоторые участки земли въ Бѣломъ городѣ арендовались нефтепромышленниками и заводчиками. Съ казенными землями дѣло дѣлалось легче, чѣмъ бы оно сдѣлалось съ городомъ (это еще не значитъ, что городъ ведетъ хорошо свое земельное хозяйство), а потому этимъ господамъ передача земель городу была невыгодна. Досадно было видѣть, какъ частный интересъ вліялъ на дѣло громадной важности.

Блестящую рѣчь сказалъ гласный Кянджунцевъ. Онъ смотрѣлъ въ этомъ дѣлѣ широко и далеко впередъ. Онъ доказывалъ, что временное отягченіе бюджета пустякъ въ сравненіи съ многомилліоннымъ имуществомъ, которое городъ получалъ. Его поддерживали Таганосовъ, Асрибековъ, Удановъ и еще кое-кто изъ незаинтересованныхъ интеллигентовъ. Неинтеллигентное большинство было противъ. Противъ были и лица заинтересованныя. Въ частномъ созвѣданіи, бывшемъ по этому поводу, одиакъ интеллигентный гласный прямо сказалъ, что не могу же я забыть, что я нефтепромышленникъ.

Вотъ что значитъ личный интересъ. Даже и для сильнаго человѣка онъ часто закрываетъ истинный путь.

Дѣло это данудось нѣсколько засѣданій. Между прочимъ одно голосованіе этого вопроса дало нерѣшительный, по моему, результатъ. Дѣло заключалось въ томъ, что неясно была понята постановка вопроса. Какъ всегда бываетъ, довольные голосованіемъ считали вопросъ рѣшеннымъ, недовольные нерѣшеннымъ. Какъ председатель, я видѣлъ неясность и требовалъ перерѣшенія. Недѣли двѣ—три мнѣ не удавалось добиться новаго голосованія. Гласные срывали засѣданіе, шумѣли.

Администрація меня между тѣмъ торопила. У нея тоже были свои сроки для внесенія соответствующаго законопроекта.

Я зналъ, что предложеніе провалится, что черная сотня, подкрѣпленная личнымъ интересомъ, возьметъ верхъ. Но мнѣ нужно было добиться голосованія хоть отрицательнаго.

Во время шума я разгорячился, да и скажи:—Если дума, вслѣдствіе обструкціи нѣкоторыхъ гласныхъ, окончательно не хочетъ дать отвѣта половиннымъ числомъ гласныхъ, какъ того требуетъ законъ, то я вынужденъ буду просить главноначальствующаго, чтобы онъ разрѣшилъ разсмотрѣніе этого вопроса при любомъ числѣ гласныхъ.

Увы! слово не воробей, когда оно вылетитъ, его не поймашь.

Сейчасъ вскакиваетъ гласный Агаевъ и весьма дѣльно замѣчаетъ, что имъ передъ такой угрозой остается лишь преклониться. За нимъ поднимается гласный Лукасовъ и выражаетъ удивленіе, что такіа рѣчи слышать отъ головы, котораго всегда менѣе всего считалъ способнымъ прибѣгать къ такимъ угрозамъ.

Дума вопросъ голосовала, присоединеніе провалила громаднымъ большинствомъ, но не въ этомъ дѣло для меня. Для меня важнѣе этическая сторона. Какъ я могъ унизиться до угрозы? Мнѣ теперь совѣстно это писать, но я заставлю себя принести покаяніе публично. Только при условіи вполнѣ объективнаго отношенія къ себѣ, какъ и къ другимъ, только при условіи полной откровенности, я приобретаю право говорить о другихъ. Некрасиво было бы раскрывать чужіе грѣхи, а о своихъ молчать.

Ни извинить, ни объяснить гадости нельзя. Могу только въ утѣшеніе себя сказать, что грѣхъ мой длился только, пока я говорилъ. Подумай я хоть секунду впередъ—я бы этого не сказалъ. Съ другой стороны какъ только я произнесъ эту фразу, не успѣли гласные поймать меня на словѣ—я уже рассказалъ. Но отвратительное впечатлѣніе произведено; дано оружіе врагамъ и возможность г. Агаеву сдѣлать мнѣ заслуженный упрекъ въ неистинности.

Въ концѣ октября произведена была перепись. Хорошъ ли матеріалъ, я теперь сказать не могу. Когда пишу эти строки, еще неизвѣстно, будетъ ли онъ разрабатываться.

Съ переписью произошло страшный скандалъ. Въѣзду отпущенныхъ двадцати тысячъ, мѣ нерасходовали 34. 14 тысячъ перерасходу. Причинъ этого перерасхода было много: и нераспорядительность завѣдывающаго, и остановка въ работахъ бюро на нѣскольکو мѣсяцевъ вслѣдствіе задержки центрального статистическаго комитета и, дѣйствительно, неблагоприятныя условія переписи въ смыслѣ дороговизны труда, хотя предвидѣть все это было возможно.

Наиболѣе кричащіе долги, какъ плата счетчикамъ, управа согласилась заплатить, не дожидаясь думы, а тысячъ пять долговъ оставалось, когда мы вошли съ докладомъ въ думу.

Поднялась гроза, и цѣлыхъ два засѣданія разбиралось дѣло. Можетъ быть голосовать вопросъ удалось бы и въ первое засѣданіе, не закончилось оно скандаломъ, вызваннымъ неслыханнымъ нападеніемъ на меня гласнаго Ирѣцкаго.

На вопросъ г. Ирѣцкаго, знала ли управа о перерасходѣ, я посиѣшила взять вину въ перерасходѣ въ четыре тысячи, единственномъ, который былъ извѣстенъ заранѣе, на себя. На этой почвѣ и разыгрался скандалъ, къ которому я вернусь. Теперь же опишу, чѣмъ дѣло кончилось.

Когда все переговаривали, что по этому поводу можно было сказать—а остановить мнѣ, предсѣдателю, нападки на меня же было, по обыкновенію, неловко—я поставилъ на баллотировку вопросъ, принимаетъ ли дума перерасходъ на себя. Потребовали—плохой знакъ—закрытой баллотировки и постановили возложить расходъ на управу.

Меня это рѣшеніе нѣсколько озадачило, и я кончилъ довольно глупой фразой:

— А что же дальше?

А дальше оказалось то, что надо раньше доказать нашу уголовную отвѣтственность, а потомъ уже искать съ насъ деньги.

Но пока дума препиралась съ управой, управа въ страхѣ платить свои деньги твердо постановила дальше ни копейки не расходовать. И вотъ на 5000 руб. осталось долговъ разнымъ служащимъ. Напрасно я говорилъ, что въ кассовомъ отношеніи безразлично, что мы заплатили или не заплатили, такъ какъ съ насъ взыщутъ или не взыщутъ эти 5000 судомъ наравнѣ съ тѣми 9000. Управа этого не поняла, и пришлось присутствовать при скандальной подачѣ въ судъ иска съ города разными служащими. Мы вторично вошли въ думу въ болѣе спокойную минуту, и дума вынесла постановленіе совершенно справедливое съ ихъ точки зрѣнія: деньги уплатить, не предрѣшая вопроса объ отвѣтственности управы.

Интересенъ слѣдующій эпизодъ: на другой день послѣ думскаго засѣданія, гдѣ было рѣшено возложить отвѣтственность на управу, мнѣ одинъ изъ моихъ друзей говорилъ по секрету—Александръ Ивановичъ, противъ васъ что-то злоумышляется. Кажется, управа хочетъ признать себя виновной, чтобы заставить васъ заплатить. А потомъ они свои люди—сочтутся.

Такъ и вышло. Когда мы разбирали послѣдствія думскаго голосованія, гг. Арутюновъ, Македонскій и Сафаралиевъ, признавъ себя виновными, постановили производить изъ своего жалованія вычеты на пополненіе перерасхода. Бѣлявскій отказался отъ добровольнаго взноса. Я, разумѣется, тоже.

Ясно было, что это предрѣшено, ибо, считая одного меня виновнымъ, члены управы ни въ какомъ случаѣ не должны были идти на добровольную уплату. Это былъ фальшивый ходъ, чтобы меня подвести. Они думали, что если они невинные заплатятъ.

добровольно, то мнѣ и Богъ велить. На эту удочку я не попался. Я рѣшаюсь формулировать такое объясненіе, ибо, повторяю, передъ засѣданіемъ я уже былъ предупрежденъ о томъ, что будетъ.

Признаюсь, мнѣ бы хотѣлось попастьъ подъ судъ. Быть отданнымъ подъ судъ бакинскими гласными далеко не безчестно.

Перехожу къ инциденту съ г. Ирецкимъ. Признаніемъ, что я виноватъ одинъ въ перерасходѣ, я не только не обезоружилъ гласныхъ, но далъ противъ себя оружіе. Первый началъ свою филиппику г. Бенкедорфъ, постоянный и вѣрный союзникъ г. Ирецкаго. Онъ слово въ слово повторилъ свою рѣчь, сказанную въ мартѣ. Онъ говорилъ о моемъ деспотизмѣ, привелъ тѣ же что и въ мартѣ примѣры, которые отъ времени не стали болѣе подходящими. Новаго онъ ужъ ничего потому не могъ сказать, что думскими дѣлами занимался только по газетамъ.

Затѣмъ грозно говорилъ г. Агаевъ, но его рѣчи я не помню, такъ какъ рѣдко его слушалъ. Знаю, что рѣчь была строга. Затѣмъ всталъ г. Ирецкій. Какъ очень умный человѣкъ, онъ понялъ, что дума противъ меня. Что бы онъ ни сказалъ въ такую минуту, онъ зналъ, что дума поддержитъ. И онъ забылъ всякую мѣру. Онъ меньше говорилъ о статистикѣ, чѣмъ обо мнѣ. Врядъ ли другой голова позволилъ бы ему говорить все, что я слушалъ терпѣливо. Онъ все время говорилъ о моемъ деспотизмѣ, объ оправданіи мною думы и управы. Ему было мало разбирать мою бакинскую дѣятельность. Онъ разобралъ и прежнюю мою жизнь, мою дѣятельность, когда я былъ земскимъ начальникомъ. Мало ему было и упрека меня въ деспотизмѣ, онъ обвинилъ меня въ томъ, что я признаю лишь двухъ—трехъ гласныхъ. Въ этой фразѣ слышался грязный намекъ.

Я дослушалъ молча до конца. Ни одинъ гласный не нашелся указать ему на неумѣстность его рѣчи, на лживость обвиненій. Я началъ защищаться самъ. Вначалѣ я сказалъ, что его рѣчи, съ постоянными повтореніями одного и того же, являются сказкой про блага бычка.

— Ирецкій. Прощу безъ сказокъ.

— Я (начиная волноваться). Довольно я васъ слушалъ. И вы меня выслушаете.

— Гласные. Безъ сказокъ

— Я. Я упразднилъ управу, говорите вы. Я требую, слышите, я требую, господа члены управы, чтобы вы теперь же публично привели хоть одинъ случай, гдѣ я дѣйствовалъ безъ васъ, преднамѣренно упразднивъ управу.

Въ одной газетѣ сказано, что привсталъ г. Сафараіевъ, въ другой, что привсталъ г. Арутюновъ. Можетъ быть привстали они оба. Но ничего не сказали. Между тѣмъ шумъ усиливался. Гласные, возмущенные мною, а не г. Ирецкимъ, не давали мнѣ говорить. Тутъ я поступилъ скверно. Я вышелъ изъ себя. Въ рукахъ у меня была книга. Я бросилъ ее на столъ и снялъ цѣпь.....

Засѣданіе кончилось.

Отношеніе г. Ирецаго ко мнѣ въ этомъ засѣданіи было таково, что я черезъ газеты написалъ ему письмо. Я ему предлагалъ третейскій судъ, который бы рассмотрѣлъ, заслуживаю-ли я обвиненія въ деспотизмѣ, въ разстройствѣ хозяйства и другія, которыя онъ на меня возводилъ въ думѣ. Судъ долженъ былъ выяснитъ, я-ли виновенъ—тогда я уйду изъ головы; онъ-ли клеветникъ—тогда онъ уходитъ изъ глазныхъ.

Г. Ирецкій далъ отвѣтъ, доказывающій, что онъ для рѣшенія дѣла по чести еще не соврѣлъ. Отъ третейскаго суда онъ отказался, прибавивъ, что удовлетворенъ рѣшеніемъ думы, признавшей мою вину въ дѣлѣ статистики.

Я отвѣтилъ ему, что вполнѣ понимаю его точку зрѣнія, ибо отъ думы онъ надѣется кое-что получить, а отъ суда чести ничего, кромѣ неприятностей.

На этомъ я съ нимъ всякія сношенія прервалъ.

XII.

Партія моихъ враговъ все крѣпла и объединялась. Система борьбы дѣлалась все беззащитнѣе. Говорить совѣмъ не давали, и каждый вопросъ затягивали. Дума дѣлалась не работоспособной. Организовавшейся обструкціи ничего не противопоставлялось.

„Каспій“ наливалъ невообразимый потогъ грязи, не стѣсняясь никакими рамками правды. Подъ многими статьями г. Агаевъ не стѣснялся ставить свою фамилію. Что въ нихъ наиболѣе возмущало меня своей несправедливостью, это обвиненія въ преслѣдованіи татаръ. Нелѣпое обвиненіе это имѣло цѣлью сбить съ толку невѣжественную черную сотню. И это имъ удалось, тѣмъ болѣе, что подобіе основанія они къ этому имѣли. Заключалось оно въ томъ, что татары, какъ народъ только приобщающійся къ культурѣ, всегда стремились получить мѣсто выше своихъ заслугъ и познаній. Неграмотный сторожъ-татаринъ черезъ годъ—два службы просился въ десятники. Писецъ, мало терпимый, какъ таковой, по медленности и несовершенству работы, черезъ годъ просился въ счетоводы съ 40 рублей на 75. Человѣкъ съ среднимъ, а подавно и съ высшимъ образованіемъ считалъ, что всѣ двери ему открыты. Въ результатъ масса уязвленныхъ самолюбій, съ успѣхомъ эксплуатируемыхъ каждый разъ „каспійцами.“

Но одинъ разъ г. Агаевъ превзошелъ себя. Читаю „Каспій“. Вижу статью, озаглавленную „Панама“. Оказывается, что Панама у насъ въ думѣ, и главный панамистъ—я. Дѣло шло о зугульбинскомъ водопроводѣ. Придравшись къ тому, что вода временно была нехороша, какъ всегда бываетъ плоха вода, идущая по цѣлымъ трубамъ, г. Агаевъ сдѣлалъ видъ, что видитъ въ этомъ Панаму.

Онъ присоединилъ къ этому тотъ фактъ, что комиссія водопроводная своимъ рѣшеніемъ покрыла крупную неустойку, которую нашъ контрагентъ Л. Мехиковъ формально могъ бы быть обязанъ заплатить, опоздавъ дня на два, на три съ окончательной

отдѣлкой водопровода, при чемъ опоздалъ въ такое время, когда вода все равно никуда не годилась, проходя по новымъ трубамъ. Это рѣшеніе комиссіи произошло безъ меня, лѣтомъ.

Все это было какъ слѣдуетъ размазано, разукрашено и озаглавлено „Панама“.

Первое впечатлѣніе было разсѣяться и шкюнуть на все это. Но затѣмъ пришлось взглянуть на это дѣло иными глазами. Оскорбленъ былъ не я одинъ, но и члены управы, и члены водопроводной комиссіи, и видные и прядочные гласные. Я прочелъ статью управы и съ ея согласія внесъ въ думу, прося ее назначить, въ виду важности дѣла, особую слѣдственную комиссію, которая или опредѣлила бы точнѣ виновность нашу или смыла бы съ насъ это пятно.

Въ думскомъ засѣданіи г. Агаевъ точнѣ опредѣлилъ виновныхъ въ панамѣ изъ управы: меня, Арутюнова и Смоленскаго. Г. Вѣлявскій болѣе участвовалъ въ Зугульбѣ, чѣмъ Смоленскій, но Вѣлявскій былъ въ эту минуту подъ покровительствомъ г. Агаева, а Смоленскаго эти люди ненавидѣли. Ergo Смоленскій — панамистъ. Сафаралиевъ, какъ мусульманинъ, конечно не виновенъ.

Пишешь и не вѣришь самъ, что все это такъ было. До того пристрастно и несправедливо все поведеніе этихъ господъ.

Нѣсколько рѣзкихъ словъ сочли нужнымъ сказать господину Агаеву нѣкоторые гласные. Гукасовъ удостовѣрилъ, что, хотя онъ былъ противъ Зугульбы, но что ничего я отъ думы и комиссіи не скрывалъ, какъ утверждалъ г. Агаевъ. Онъ выражалъ порицаніе Агаеву. Тогда всталъ г. Агаевъ и заявилъ, что никакихъ злоупотребленій онъ не видитъ и что подъ словомъ „панамы“ онъ понимаетъ не подкупъ многихъ лицъ, какъ говорятъ гласные, а просто неправильность, хотя бы и неумышленную.

По странному совпаденію г. Агаевъ, единственный татаринъ, жившій долго въ Парижѣ и за это приглашенный преподавать французскій языкъ въ бакинскомъ реальномъ училищѣ. Я поэтому думалъ, что малограмотностью г. Агаеву трудно отговариваться.

— Напечатаете вы объясненіе ваше о нашемъ пониманіи слова „панамы“?—спросилъ его одинъ гласный.

— Напечатаю—былъ отвѣтъ.

Я думалъ, что отдѣлываться такими шутками нельзя. Обругалъ да и сказалъ, что я молъ считаю это ласковымъ словомъ. Это все равно, что ударить изъ-за угла, да убѣжать. Но дума посмотрѣла на это иначе. Возмущенные поступкомъ г. Агаева гласные (врядъ ли ихъ было много) вѣроятно чувствовали, что наше дѣло провалится и предложили удовольствоваться объясненіемъ г. Агаева, какъ онъ понимаетъ слово „панамы“.

На другой день преподаватель французскаго языка въ „Каспін“ напечаталъ, что „панаму“ онъ понимаетъ не въ смыслъ злоупотребленій, и что каждый воленъ понимать слова какъ онъ хочетъ.

Дѣло о Зугульбѣ не ограничилось этой нелѣпостью, г. Агаевъ внесъ свою „панаму“ въ ревизійную комиссію, будучи членомъ

ея. Комиссія формулировала пункты обвиненія, прежде изложенные въ газетѣ, избѣгнувъ, конечно, рѣзкостей.

Я написалъ подробное объясненіе, принятое управой и водопроводной комиссіей. Но такъ напряжено было положеніе, что я больше мѣсяца не могъ выбрать времени, чтобы доложить все это думѣ. Были болѣе сѣшныя неотложныя дѣла. Дѣло еще больше затянулось моею болѣзнию, вызвавшей двухмѣсячное лѣченіе въ Петербургѣ.

Естественно, что моя нервная система отъ всего этого страдала. Какъ я ни старался сдерживаться, но иногда это было невозможно. Все чаще стали у меня выскакивать въ думскихъ засѣданіяхъ словечки, въ которыхъ потомъ приходилось расказывать и объясняться.

Приведу одинъ такой случай.

Болѣе часу разъ дума разбирала дѣло по заявленію члена ревизионной комиссіи Ахмедова. Ахмедовъ разъ спросилъ, что стоитъ умывальникъ такой-то лечебницы, Сафаралиевъ, не зная о какомъ умывальникѣ идетъ рѣчь, отвѣтилъ, глядя на счетъ: 5 рублей.

Тогда г. Ахмедовъ заявилъ, что такой умывальникъ стоитъ 30-40 копеекъ. И пошел и пошли. Покупалъ умывальникъ г. Кардашевъ, новиковецъ. Схватились за это Агаевы и Компания и начали свои вычисления о наживаніи 1000 процентовъ...

Мнѣ слѣдовало остановить этотъ потокъ, мешедшій къ дѣлу. Но такъ ужъ мой деспотизмъ, что никогда я не рѣшался зажать ротъ, когда управу разносили.

На другой день ѣду съ Кардашевымъ въ лечебницу. Оказывается перепутали. Есть сорокакопеечный умывальникъ (для сто-рожа) и пятирублевый (для доктора). Вздари въ магазинъ при-дѣлаться. Все такъ. Немедленно вношу такой пакуетъ въ дум-скую повѣстку: объясненіе головы объ умывальникѣ.

Открывается засѣданіе. Хочу объясниться. Меликовы, Агаевы не даютъ говорить. Кричатъ, что, молъ это рассмотреть ревизи-онная комиссія и въ свое время доложить, что дума не хочетъ слушать и т. д. Я рѣшилъ не уступать и объявилъ, что мое пра-во дать объясненіе, когда наброшена на управу, а тѣмъ болѣе на честнаго управскаго служащаго тѣнь, и что я этимъ правомъ воспользуюсь и до тѣхъ поръ не доложу ни одного дѣла. Ага-евъ въ особенности не хотѣлъ слушать. У меня и вырвись фраза:

— Уважающая себя дума, когда она бросаетъ грязью въ аген-товъ городского самоуправления, должна и выслушать объясненія. Мнѣніе думы не есть писаніе какого-нибудь писака.

Ну, конечно, Агаевъ попросилъ занести это въ протоколъ. Я же все-таки настоялъ на своемъ. Дума выслушала мое объясненіе. На другой день въ прессѣ шумъ. Не говоря о „Каспій“, „Баку“ увидала въ моемъ „писакѣ“ чуть ли не оскорбленіе всей прессы и всѣхъ писателей. Все разъяснило слѣдующее мое письмо въ Баку:

„Одинъ изъ сотрудниковъ „Баку“ по поводу вылетѣвшихъ у меня „писаекъ“ пишетъ буквально слѣдующее:

а) Надо было оставить въ сторонѣ труженниковъ печатнаго слова....

б) А. И. Новиковъ сочтетъ долгомъ извиниться передъ труженниками....

„Отнюдь нѣтъ. Не извиняюсь. Не считаю долгомъ, не хочу и не могу извиняться..... потому, что газетныхъ писателей (зачѣмъ мы все сами себя ласкательно величаемъ труженники, труженники?) писателей, говорю я, я не оскорблялъ и не касался. А потому и не извиняюсь.

Я оскорбилъ, никого не называя (почему одинъ только гласный принялъ это на свой счетъ?) дурныхъ (замѣтьте—не плохихъ!) писателей, названныхъ мною писаками. Передъ таковыми, если бы я и могъ, то не хочу извиняться.

А передъ кѣмъ я и могу, и хочу извиняться, хотя она отъ меня этого и не требовала—это дума (не отдѣльные гласные, а какъ ни какъ воплощающая идею самоуправленія дума).

Да простить она меня. Но вѣдь я человекъ, наконецъ. Вѣдь, чтобы вынести все, что мнѣ приходится выносить, нужны воловьи нервы. А я человекъ, къ тому же пробывшій полтора года въ Баку головой. А здѣсь какъ въ Севастополь, мѣсяцъ долженъ считаться за годъ (я говорю, конечно, о здоровьѣ).

А. Новиковъ.“

Тѣмъ дѣло и кончилось. Долженъ сказать, что по мѣрѣ того, какъ распатывались мои нервы, все чаще и чаще „вылетали“ слова, въ которыхъ приходилось объясняться.

XIII.

Насколько бакинцы всегда готовы подозрѣвать въ людяхъ зло, насколько они неспособны вѣрить въ принципиальность и вездѣ ищутъ личную выгоду, можетъ показать слѣдующій случай.

Я уже говорилъ, что съ осени 1903 года меня больше поддерживали или скорѣе не поддерживали, а лишь не травили—армяне. Со многими изъ нихъ я сошелся и результатомъ явилось замѣщеніе двухъ-трехъ вакансій армянами. Естественно было татарамъ думать, а кто постервеннѣе и намекаетъ, что я продался армянамъ, если не за деньги, то за ихъ поддержку въ думѣ.

Такъ шло до января. А въ январѣ произошелъ слѣдующій инцидентъ. Я уже говорилъ, что законъ предоставляетъ главноначальствующему опредѣлять норму христіанъ и нехристіанъ гласныхъ. Последнее время норма была 50% тѣхъ и другихъ. Изъ христіанъ нѣкоторые православные, больше какъ-то голосяущіе съ татарами, остальные армяне, причемъ и армянскій цевтръ по духу скорѣе мусульманскій. Чистыхъ интеллигент-

ных армянъ немного. Тѣмъ не менѣе они страшно ревниво держатся своей нормы. Вся бѣда ихъ, что татары на выборы приходили сплоченные, а они нѣтъ. Этимъ объясняется успѣхъ христіанъ, примыкающихъ къ мусульманамъ. Этимъ же объясняется, что на выборахъ оказался недоборъ христіанъ-гласныхъ, которыхъ администраціи пришлось назначить изъ прежняго состава согласно закону. Кандидатовъ къ гласнымъ по той же причинѣ оказалось гораздо больше магометанъ нежели христіанъ.

Въ первые два года текущаго четырехлѣтія много гласныхъ, какъ магометанъ, такъ и христіанъ вышло за смертью и по другимъ причинамъ. Наконецъ, христіане кандидаты всѣ вышли въ гласные, а магометанъ еще было два. Гласныхъ же не хватало двухъ христіанъ.

Въ думѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, что нѣтъ состава гласныхъ. Разработать вопросъ поручено было управѣ.

Пришлось выбирать одно изъ двухъ: или обратиться къ администраціи съ просьбой назначить двухъ гласныхъ изъ христіанъ, или допустить за счетъ христіанъ двухъ магометанъ. Въ первомъ случаѣ нарушался самый основный принципъ самоуправления, принципъ избирательный. Во второмъ измѣнялась назначенная главноначальствующимъ норма.

Андрониковъ далъ такое заключеніе: намъ слѣдуетъ крѣпко держаться принципа самоуправления. Пригласимъ мусульманъ. Сдѣлано это будетъ открыто, въ думѣ; обращено на это будетъ вниманіе администраціи. Если ей это не понравится, пускай она и опротестуетъ думское рѣшеніе.

Я прекрасно зналъ, что два лишннихъ мусульманина—два лишннихъ противника для меня. Тѣмъ не менѣе, пришлось принципиально стать на точку зрѣнія Андроникова.

Все это было, конечно, на руку татарамъ. Армяне по этому вопросу были далеко не на высотѣ положенія. Они стали на узко-націоналистическую точку зрѣнія и требовали, чтобы мы обратились къ администраціи. Къ черту самоуправленіе, лишь бы наша взяла. Таковъ былъ смыслъ ихъ рѣчей. И, надо признаться, ни одного не нашлось, который бы взглянулъ на дѣло болѣе широко. Очевидно они (я говорю про армянъ-гласныхъ и конечно не обо всѣхъ армянахъ) еще не вышли изъ того періода, когда ходятъ на помочахъ... Татары, конечно, пересилили. Приглашены были кандидаты мусульмане. Подъ конецъ обѣ партіи разгорячились, наговорили другъ другу кучу дерзостей, и вышелъ скандалъ.

На другіи день армяне были очень смущены и относились ко мнѣ недружелюбно. Тогда то я узналъ, что многіе предполагаютъ, что я преднамѣренно совершилъ по отношенію къ нимъ актъ измѣны, чтобы понравиться татарамъ. Другими словами, что я татарамъ продался.

Татары же, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, стали со мной нѣсколько любезнѣе, тоже полагая, что я у нихъ заискиваю. И

тѣмъ и другимъ не мало труда стоило мнѣ доказать, что занесивать я не намѣренъ ни у тѣхъ ни у другихъ, а что дѣйствую каждый разъ по своимъ принципамъ и убѣжденіямъ. Мнѣ кажется, что они нашли это малоубѣдительнымъ.

Пренія были и въ комиссіяхъ. Въ маленькой исполнительнои водяной комиссіи изъ 4 гласныхъ Г. Б. Меликовъ протестовалъ противъ всего, все затыгивалъ, затруднялъ. Разъ онъ дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ откровенности. Онъ, чѣмъ то недовольный, сказалъ:

— Ну такъ мнѣ здѣсь дѣлать нечего.

Мнѣ показалось, что онъ собирается уходить, и я, кажется, сказалъ:

— Ну что жъ! Насъ и безъ васъ трое.

Это страшно разсердило гласнаго.

— Нѣтъ вы ошибаетесь. Я не уйду. Я останусь здѣсь до конца, останусь вездѣ и вездѣ буду мѣшать вамъ! Стоять у васъ на дорогѣ...

Этотъ цинизмъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе не на одного меня.

Долженъ заявить, что превосходно счелъ нужнымъ держать себя одно время г. Гаджіевъ. Можно было думать, что это самый ревностный мой сторонникъ. Надо отдать справедливость уму этого человѣка. Онъ всегда находилъ удачный выходъ, всегда говорилъ мѣткое слово. Разъ онъ меня прямо поразилъ. Составляли договоръ съ Линдлеемъ очень тщательно и долго. Такъ этотъ гласный, называвшій себя при случаѣ малограмотнымъ, да и дѣйствительно малограмотный—явилъ себя настоящимъ юристомъ. Онъ не только высказывалъ подходящія мысли, но указывалъ точнѣ насъ юридическіе термины. Онъ меня прямо поразилъ. Что вышло бы изъ этого человѣка, получи онъ, съ воспитаніемъ, болѣе правильныя понятія объ этикѣ.

Пріѣхали представители Линдлея, заключили договоръ, начали изысканія. Все шло медленно—неладно,—но шло. Дѣло воды было уже въ такой колѣѣ, что даже, казалось, злая воля не могла выбить его изъ этой колѣи. Разъ, однако, мнѣ пришлось струсить. Я на нѣсколько дней по дѣламъ города поѣхалъ въ Петербургъ. Возвращаюсь и узнаю, что въ дѣлѣ изысканій тормазъ. Управа не рѣшилась санкціонировать договоръ съ фирмой буренія безъ думы, въ думѣ оппозиція заработала, и ей удалось опять затормазить дѣло тѣмъ, что дума захотѣла договоръ разсмотрѣть сама по существу. Это была нелѣпость, потому что болѣе серьезные договоры заключала управа по общему полномочію думы. Тѣмъ не менѣе дѣло могло затянуться, а то и погибнуть. Я струсилъ.

Въ слѣдующее же засѣданіе я подѣ другимъ соусомъ снова возбуждаю дѣло; разыскиваемъ компромиссъ, по которому для написанія договора запросили мнѣнія большой водопроводнои

комиссія... Дѣло было спасено. Изысканія продолжались своимъ чередомъ.

Приведу еще случай, доставившій мнѣ большую радость. Была въ Баку частная мужская гимназія Лаврова. Много хлопоталъ онъ, чтобы его гимназію передѣляли въ казенную, но не могъ этого добиться. Дѣла въ денежномъ отношеніи шли все хуже и хуже, и волей неволей пришлось прикрыть гимназію. 300 юношей остались на улицѣ недоучками.

Г. Лавровъ обратился ко мнѣ. Послѣ долгихъ дебатовъ съ директорами гимназій, съ училищной комиссіей, дѣло перешло въ думу.

Какъ сейчасъ вижу залу, наполненную массой публики, въ числѣ которой чуть-ли не всѣ Лавровскіе ученики, слышу шипящія злобой рѣчи коноводовъ черной сотни и громъ аплодисментовъ, когда выносятся думой резолюція временно принять Лавровскую гимназію за счетъ города и возбудить ходатайство объ открытіи новой гимназіи, на что ассигновать нужныя суммы.

Я далеко отъ мысли приписать себѣ это думское рѣшеніе. Въ это время дума скорѣе бы мнѣ сдѣлала что-нибудь на зло, чѣмъ въ угоду мнѣ. Многіе голосовали благопріятно лавровцамъ, имѣя тамъ родственниковъ, знакомыхъ, многіе, кажется, боялись возбужденія этой молодежи, у которой изъ-подъ ногъ ускользала почва. Радовался я побѣдѣ свѣта надъ тьмою, радовался радости этихъ дѣтей. Такія минуты мирили со всеми гадостями и нелѣпостями безплодной моей борьбы съ бакинскими хозяевами.

Куда дѣвалась моя прежняя энергія? Я самъ себя не узнавалъ. Въ голову постоянно лѣзли мысли, которыя меня отвлекали отъ дѣла. Приходилось заниматься не думскими дѣлами, а думской политикой. Также скажу и про управу, и даже про комиссію. Управа работала плохо. Сойдемся, (а то бывало, что подъ разными предлогами и не сойдемся) начнемъ рѣшать дѣла, и глядь споръ, а то и простой разговоръ унесетъ далеко, далеко отъ дѣла подлежащихъ обсужденію. Я понемногу начиналъ чувствовать себя временнымъ бакинцемъ, калифомъ на часъ.

Комиссія собирались вяло, а часто вовсе не собирались. Чувствовалось всеобщее охлажденіе къ работѣ.

Больше всего отразилось это на смѣтѣ. Законченная въ 1902 году въ декабрѣ въ думѣ, она въ 1903 году въ декабрѣ еще не разсматривалась въ управѣ. Былъ я въ этомъ виноватъ? Конечно да. Будь у меня нервы крѣпче, я бы, несмотря ни на что, дѣло бы свое сдѣлалъ, а тамъ и ушелъ бы, если бы увидалъ, что дума дала смѣту, по которой нельзя вести дѣло порядочно.

Впрочемъ, у меня было извиненіе, а пожалуй и оправданіе. Натансонъ сдѣлалъ работу, которую только бакинскіе гласные могли не опѣнить, хотя и считаютъ себя хорошими хозяевами. Онъ за послѣднія десять лѣтъ составилъ отчетъ по статьямъ дохода и расхода и по капиталамъ. До него никто ничего не зналъ о состояніи городского хозяйства.

Всѣ шли ощупью. Есть деньги—вапи, нѣтъ денегъ—сократи расходы. Есть долги—займи и заплати. Это было въ бухгалтерскомъ отношеніи немного похоже на хозяйничаніе нашихъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, записывавшихъ расходы, не подводя итоговъ и не дѣлая отчетовъ.

Натансонъ все это сдѣлалъ. Онъ показалъ, что у города все время идутъ хроническіе дефициты, которые покрывались то изъ запаснаго капитала, то мостовымъ сборомъ, послѣднее время отмѣненнымъ. Онъ показалъ, что, когда головой былъ Ирецкій, обвинявшій меня въ разстройствѣ хозяйства, были дефициты такіе же, какъ и при мнѣ, и сдѣланъ заемъ въ нѣсколько сотъ тысячъ для покрытія ихъ.

И вотъ, на основаніи этихъ таблицъ, я долженъ былъ составить докладъ, указать причины дефицитовъ и найти средства къ ихъ устраненію въ будущемъ. Чтобы составить докладъ вполне ясно и показать, что не я разстроилъ бакинское хозяйство, нужны были цифры и за 1903 годъ. А получить ихъ можно было лишь въ началѣ января. Не теряя ни одного дня, я отдалъ свой докладъ въ печать, и 15-го января онъ былъ разосланъ гласнымъ съ таблицами, выработанными и систематизированными Натансономъ. Докладъ шелъ подъ заглавіемъ: финансовый докладъ городского головы, хотя я былъ въ немъ пахавшей мухой. Душу въ докладъ вложилъ Маркъ Андреевичъ своими таблицами. Всѣ выводы изъ нихъ частью напрашивались сами собой, частью были имъ же подсказаны. Результатъ доклада былъ слѣдующій. Городъ уже много лѣтъ сводитъ смѣту съ тайнымъ дефицитомъ. Сокращать расходы нельзя, потому что нельзя закрывать больницы, школы и т. д. Надо увеличить доходы, а сдѣлать это можно, поставивъ на должную высоту земельное дѣло и эксплуатируя нѣкоторые техническія предпріятія, которыхъ теперь и не касались, какъ трамваи, освѣщеніе и пр.

Насколько плохо шло земельное дѣло, мы получили еще новое блестящее доказательство. Много лѣтъ словесно, письменно и печатно г. Бѣлявскій говорилъ, что застроенной городской земли 250 десятинъ. На этомъ строились всѣ расчеты, всѣ смѣты. При разсмотрѣніи въ управѣ моего доклада, о ужасъ! г. Бѣлявскій говоритъ, что этой земли не 250 десятинъ, а 68; что онъ говорилъ 250 со словъ землемѣра. Къ сожалѣнію, и 68 десятинъ говорилось тоже со словъ, ибо документальныхъ данныхъ мы такъ и не могли добиться. Однимъ словомъ, если бы думѣ не нравилось почему-то это хаотическое состояніе, она должна бы была организовать эту часть. Также точно она не могла не чувствовать, что трамвай нуженъ, и что кому-то къ нему приступить, но повидимому тоже почему-то не хотѣла этого. Злые языки говорили, что слишкомъ много гласныхъ заинтересовано въ дѣлѣ конки.

И вотъ мой докладъ кончался предложеніемъ двинуть эти два дѣла, избравши двѣ малочисленные исполнительныя ко-

мисси: одну земельную, другую техническую съ тѣмъ, чтобы производить нужныя изысканія. Примѣръ я бралъ съ маленькой водяной комисси. Дайте, говорилъ я, такія же комисси, но безъ Г. 6. Меликова,—для изысканія денегъ.

Вѣкъ—думаю—не отдѣляюсь я отъ своей маниловщины. Я и теперь вѣрилъ, (ужь я ли не долженъ былъ знать своихъ гласныхъ?)—что должны же они будутъ преклониться передъ цифрами.

Я думалъ, что натансоновскія таблицы раскроютъ гласнымъ глаза. Не тутъ-то было! Докладъ былъ встрѣченъ холодно. Собралъ я финансовую комиссию; на засѣданіе пригласилъ всѣхъ гласныхъ, кто пожелаетъ познакомиться съ дѣломъ. Изъ комисси пришло меньше половины членовъ, а изъ гласныхъ одинъ. Цифры должны были признать, ибо нельзя же сказать $2 \times 2 = 5$. Но постановили:

— Впередъ разсмотрѣть смѣту, а потомъ докладъ.

— Какъ?—говорю я—вѣдь докладъ основаніе смѣты. Прежде ознакомиться надо думѣ съ финансовымъ положеніемъ города, а затѣмъ уже сочинять сообразно съ этимъ смѣту.

— Смѣту давайте. Какіе тамъ еще доклады?...

— Да помилуйте; такъ нельзя. Вѣдь нельзя дѣйствовать на ощупь: вы слѣпы. Докладъ васъ сдѣлаетъ зрячими....

— Смѣту давайте....

Чего было разсуждать? Ясно было, что ни моя двухлѣтняя работа, ни натансоновская бухгалтерія бакинцамъ не нужны. Ясно было, что ненуженъ и я. Я было думалъ, что надо уйти. Но уходъ мой пришлось нѣсколько отсрочить вслѣдствіе различныхъ постороннихъ думъ обстоятельствъ. Въ началѣ 1904 года у меня была цѣлая серія всевозможныхъ инцидентовъ, которыя все болѣе и болѣе разстраивали мои нервы. Здѣсь не мѣсто разсказывать про эти инциденты, далеко не безынтересные и не лишеныя общественнаго значенія. Собственно думы и хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ онѣ не касались. А тутъ началась война, вызвавшая такіе ужасы и такія общественныя явленія, спокойнымъ зрителемъ конихъ тоже нельзя было оставаться....

Словомъ, на почвѣ нервовъ, сердца, печени я заболѣлъ и долженъ былъ какъ можно скорѣе вѣхать въ Петербургъ лѣчиться, что я и сдѣлалъ въ началѣ февраля.

А. Новиковъ.

(Олончаніе слѣдуетъ).

Н. Ф. Бунаковъ.

Некрологъ.

8 ноября въ г. С.-Петербургѣ скончался извѣстный педагогъ, Николай Федоровичъ Бунаковъ ¹⁾. Н. Ф. Б. родился 26 ноября 1837 г. въ г. Вологдѣ, въ семьѣ мѣстнаго чиновника. Окончивъ въ 1851 г. курсъ гимназiи Н. Ф. поступилъ въ 1854 г. преподавателемъ русскаго языка въ Тотемское уѣздное училище. Въ Тотемѣ написалъ онъ первый свой литературный трудъ, напечатанный въ 1855 г. въ „Москвитяинѣ“: „К. Н. Батюшковъ, Критико-біографическій очеркъ“. Будучи скоро переведенъ въ Вологду, Н. Ф. занялся было статистическими работами, но скоро былъ захваченъ общимъ движеніемъ, обнаружившимся въ русскомъ обществѣ, послѣ крымской кампаніи. Занявшись обличительной литературой, выразившейся и въ корреспонденціяхъ и въ повѣстяхъ, Н. Ф. обратилъ на себя вниманіе всего вологодскаго общества, но очень скоро онъ вызвали гоненія противъ автора. Ему пришлось покинуть Вологду и переѣхать въ С.-Петербургъ. Пребываніе въ С.-Петербургѣ привело его къ знакомству съ К. Д. Ушинскимъ и Ѳ. Ѳ. Резнеромъ. Это знакомство вернуло Н. Ф. къ его настоящему призванію — педагогической дѣятельности. Начало 60 годовъ было временемъ общаго увлеченія педагогическими вопросами, и естественно было Н. Ф. обратить свои силы на эту область. Скоро ему удается пріобрѣтенныя за годы пребыванія въ С.-Петербургѣ педагогическія знанія снова примѣнить на практикѣ. Въ началѣ 1866 г. Н. Ф. получаетъ мѣсто въ Воронежской военной гимназiи. Въ этомъ то городѣ и начинается дѣятельность Н. Ф., выдвинувшая его среди русскихъ педагоговъ и общественныхъ дѣятелей. Въ 1867 г. Н. Ф. основалъ въ Воронежѣ частную начальную школу на новыѣ нача-

¹⁾ Имѣя въ виду посвятить памяти этого выдающагося человѣка особую статью, сейчасъ ограничиваемся краткимъ его некрологомъ, свѣдѣнія для котораго заимствуемъ изъ „Критико-біографическаго словаря“ С. А. Венгерова. Ред.

лахъ, которою и руководилъ 14 лѣтъ. Здѣсь онъ постепенно сосредоточиваетъ свои силы исключительно на педагогической дѣятельности, скоро получающей творческое направленіе. Начало его извѣстности было положено статьями по обученію грамотѣ, напечатанными въ 1871 г. въ „Семьѣ и школѣ“, а затѣмъ и вышедшими отдѣльными изданіями подъ названіемъ: 1) „Обученіе грамотѣ по звуковому способу, въ связи съ предметными уроками и начальными упражненіями въ родномъ языкѣ“, 2) „Азбука“, 3) „Первинка“; за ними вскорѣ (1876 г.) послѣдовала извѣстная христоматія „Въ школѣ и дома“. „Учительская“ въ широкомъ смыслѣ дѣятельность Н. Ф. начинается въ 1872 г., когда онъ на открывшейся въ этомъ году въ Москвѣ политехнической выставкѣ читаетъ на всероссійскомъ съѣздѣ народныхъ учителей лекціи по методикѣ родного языка. Въ 1873 г. онъ были изданы подъ названіемъ: „Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ народной школѣ“. Съ тѣхъ поръ Н. Ф. въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ является руководителемъ многочисленныхъ учительскихъ курсовъ и пріобрѣтаетъ почетное имя „учателя учителей“. Между прочимъ свои чтенія, какъ руководителя учительскихъ курсовъ, Н. Ф. издалъ отдѣльной книгой „Школьное Дѣло“.

Въ 1879 г. Н. Ф. серьезно заболѣлъ и вышелъ въ отставку. Оправившись отъ болѣзни, Бунаковъ въ 1884 г. переселяется въ с. Петино, Воронежскаго у. Здѣсь онъ широко развиваетъ свою просвѣтительную дѣятельность на пользу мѣстнаго населенія. Кромѣ школы, онъ устраиваетъ чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, основываетъ народный театръ, въ которомъ исполнителями являлись сами крестьяне, и вскорѣ строить для него отдѣльное зданіе. Какъ живой и отзывчивый человѣкъ, Н. Ф. принимаетъ дѣятельное участіе въ организациі помощи голодающему населенію Ворон. губ. въ тяжелый 1891 годъ. Отдаваясь общественной дѣятельности, Н. Ф. въ то же время не покидаетъ и литературы: кромѣ многихъ работъ, посвященныхъ такъ или иначе нуждамъ обученія въ народной школѣ, Н. Ф. печатаетъ въ журналѣ „Русскій Нач. Учитель“ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ: „Сельская школа и Народная жизнь“, въ которыхъ изложилъ свои многолѣтнія наблюденія надъ народной школой и отношеніемъ къ ней населенія. Въ то же время Н. Ф. посвящаетъ изъ года въ годъ свои лѣтніе досуги руководству учительскими курсами въ разныхъ концахъ Россіи.

Много было сдѣлано Н. Ф. Бунаковымъ на этомъ поприщѣ распространенія культуры среди учителей русскаго народа, но эта мирная дѣятельность была въ концѣ концовъ признана вредной, и Б. пересталъ быть „учителемъ учителей“, онъ былъ отстраненъ отъ этого любимаго и важнаго дѣла ¹⁾). Ему оставалось

¹⁾ См. объ этомъ ст. Н. Ф. Бунакова „Какъ я сталъ и пересталъ быть учителемъ учителей“, помѣщенную въ „Образованіи“ за 1903 г. № 7—9.

одна еще дѣятельность—земская. Въ качествѣ гласнаго Воронежскаго губернскаго земства, онъ съ жаромъ, далеко не соответствовавшимъ его возрасту, отдается земскому дѣлу, и своей известной рѣчью въ комитетѣ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности навлекаетъ на себя суровую кару В. К. Плеве. Онъ высылается изъ Воронежа и отдается подъ гласный надзоръ. Тяжелы были эти послѣдніе два года его жизни: поселенный въ селѣ Петинѣ, онъ былъ обреченъ на полное бездѣйствіе: всѣ устроенныя имъ образовательныя учрежденія были закрыты. И вотъ только теперь, съ наступленіемъ новыхъ вѣяній, онъ получилъ возможность покинуть мѣсто своего заточенія. Разбитый, больной онъ ѣхалъ въ С.-Петербургъ, чтобы поправить свое здоровье, набраться новыхъ, свѣтлыхъ впечатлѣній, но внезапная смерть положила всему конецъ.

Миръ праху истиннаго педагога, свѣтлаго человѣка и непреломнаго общественнаго дѣятеля.

Р. С. Мы получили нѣсколько телеграммъ по поводу смерти Н. Ф. Бунакова, которыя и приводимъ здѣсь.

Изъ Одессы.

Общество взаимнаго вспоможенія учителей евреевъ Новороссійскаго края выражаетъ искреннее соболѣзнованіе по поводу смерти незабвеннаго Николая Федоровича. Его высокоодухотворенная педагогическая дѣятельность навсегда останется въ памяти каждаго учителя. Члены же нашего общества сохранять свѣтлое воспоминаніе о занятіяхъ подъ его руководствомъ.

Одесскія вечернія субботнія еврейскія школы выражаютъ глубокую скорбь по поводу смерти борца-педагога Николая Федоровича Бунакова.

Одесскія воскресныя школы шлютъ глубокое сожалѣніе объ утратѣ стойкаго и убѣжденнаго борца за общественные идеалы Николая Федоровича Бунакова и выражаютъ свое горячее желаніе, да воплотятся скоро въ жизнь его душевные завѣты, которыми онъ служилъ до конца своей жизни.

Изъ Елисаветграда.

Учащіе Елисаветградскаго Женскаго Профессіональнаго училища выражаютъ искреннюю свою душевную скорбь по поводу тяжелой утраты, понесенной педагогическимъ міромъ въ лицѣ

Н. Ф. Бунакова, свѣтлаго борца за свободную школу и неутомимаго труженика въ пользу народнаго просвѣщенія.

Изъ Гомеля.

Учителя и учительницы Гомельскаго еврейскаго женскаго училища А. Я. Сыркиной и еврейской вечерней школы для взрослыхъ глубоко скорбятъ о смерти самоотверженнаго борца за просвѣщеніе Россіи, учителя учителей Н. Ф. Бунакова.

Изъ Ананьева.

Ананьевская воскресная школа выражаетъ глубокое сожалѣніе объ утратѣ неутомимаго педагога труженика Николая Федоровича Бунакова.

Земское представительство

въ его желательной постановкѣ.

(Въ связи съ отзывами земскихъ собраній).

Не подлежитъ сомнѣнію огромное значеніе, какое имѣютъ для жизнениности земскихъ учреждений тѣ или иныя формы земскаго представительства. Конечно, дѣло не только въ этомъ. Не меньшую роль играютъ такія стороны вопроса, какъ та или иная постановка органовъ самоуправленія въ отношеніи ихъ самостоятельности и предѣловъ ихъ компетенціи. Но если организація избирательной системы и не исчерпываетъ вопроса о земскомъ самоуправленіи, то во всякомъ случаѣ она входитъ въ него, какъ одно изъ важнѣйшихъ условий. Постольку вѣдь и можетъ быть рѣчь о мѣстномъ самоуправленіи, въ истинномъ смыслѣ этого слова, поскольку сами подвластные призваны вершить извѣстный кругъ дѣлъ, отмежеванный верховной властью, и поскольку къ такой самостоятельности призвано по возможности все мѣстное населеніе, въ лицѣ всѣхъ своихъ слоевъ.

I.

Исторія нашихъ земскихъ учреждений свидѣтельствуетъ, что со свойственнымъ имъ здоровымъ демократическимъ духомъ, они не переставали въ теченіе 40-лѣтняго своего существованія подчеркивать въ своихъ заявленіяхъ правительству желательность расширенія земскаго избирательнаго права ¹⁾. И въ отвѣтахъ земскихъ собраній послѣднихъ сессій (1902 г.—

¹⁾ Противоположной тенденціи были лишь единичныя ходатайства, какъ то ходатайства Холмскаго и Рязскаго Земствъ (1865 г.) о предоставленіи крупнымъ землевладѣльцамъ права быть гласными безъ избранія, или ходатайство Симбирскаго Губернскаго Земства (1894 г.) о замѣнѣ безсословнаго земства сословнымъ (по почину извѣстнаго Пазухина).

1904 г.) на известный циркуляр Министра Внутренних Дѣлъ относительно „пересмотра цензовыхъ нормъ“ (отъ 10 Октября 1902 г.) красной нитью проходить заявленіе недостаточности земскаго представительства въ дѣйствующемъ земскомъ положеніи (1890 г. ²). Довольно опредѣленно слышится въ этихъ земскихъ отзывахъ также общая неудовлетворенность современной постановкой земской избирательной системой, построенной на *сословномъ началѣ*, которое дружно осуждается земскою Россіей, какъ рѣзкое противорѣчіе принципу земскихъ учреждений и крайне неудачное нововведеніе положенія 1890 года ³).

Можно, конечно, только радоваться, что почти исключительно дворянскій составъ губернскихъ земскихъ собраній и преобладаніе дворянскаго элемента въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ (согласно „рѣшенію“ земскаго положенія 1890 г.) все-таки не мѣшали и тѣмъ и другимъ высказываться противъ привилегированнаго положенія дворянства въ земскомъ самоуправленіи, противъ того, чтобы голосъ дворянина, какъ таковой, признавался болѣе вѣскимъ при выборахъ, чѣмъ голосъ избирателей „нижнихъ сословій“. Приходилось бы дѣйствительно съ тревогой смотрѣть на будущія судьбы Россіи, если бы земскіе органы въ общемъ раздѣляли точку зрѣнія гг. Голубицкихъ, Вѣльскихъ, Рагозиныхъ, Яновскихъ и т. п. (гласныхъ Тульского Губ. Земск. Собр.), настаивавшихъ, что „разъ дѣйствующее положеніе предоставляетъ преобладающее право дворянскому сословію, то губернскому собранію, состоящему почти исключительно изъ дворянъ, неудобно возбуждать ходатайство объ увеличеніи числа гласныхъ отъ другихъ сословій, вносящееся косвенно къ умаленію правъ дворянства“, такъ какъ, „возбуждая такое ходатайство, мы какъ бы признаемъ свою несостоятельность въ умственномъ отношеніи“. Кого пугаетъ болѣе всего мысль о признаиіи своей собственной несостоятельности, тому, очевидно, нѣтъ дѣла, какое впечатлѣніе на представителей нижнихъ сословій производитъ образъ дѣйствій дворянства, отказывающаго даже въ увеличеніи числа гласныхъ отъ дру-

²) *Suum cuique*: за сохраненіе существующихъ цензовыхъ нормъ, противъ пониженія, высказались: Мосальское, Перемышльское, Каргопольское, Хотинское, Гдовское, Шлиссельбургское, Курское Уѣздное, Петербургское Уѣздное, Петербургское Губернское (на чрезвычайномъ земскомъ собраніи 28 мая 1904 года).

³) Мысль о возвращеніи къ всесословному земству не прошла, будучи провалена, въ земствахъ: Мосальскомъ и Перемышльскомъ (постановившихъ вообще „остаться на прежнихъ основаніяхъ“), Борисоглѣбскомъ, Екатеринославскомъ Уѣздномъ; изъ Губернскихъ— въ Орловскомъ (1904 г.), Петербургскомъ (1904 г.). Нѣкоторые земскія собранія—а такихъ довольно много, изъ губернскихъ, напримеръ, Бессарабское, Владимірское—встрѣтили со стороны предсѣдателей препятствія для обсужденія вопроса за предѣлами пересмотра самыхъ цензовыхъ нормъ.

гихъ сословій. Весьма поучительно въ этомъ отношеніи особое мнѣніе 7 гласныхъ-крестьянъ, съ гласнымъ Лоховымъ во главѣ, въ Скопинскомъ Уѣздномъ Земскомъ Собраніи 1903 г., поданное по случаю того, что председателемъ собранія, Голощаповымъ, не было допущено до обсужденія предложеніе гласн. Лохова объ увеличеніи состава гласныхъ отъ „сельскихъ обществъ“ (съ 9 до 16—по числу волостей въ уѣздѣ) послѣ того, какъ были приняты пониженіе земскаго имущественнаго ценза (до 100 дес.) для дворянъ и увеличеніе числа гласныхъ отъ второго избирательнаго собранія. „Для насъ очень прискорбно, гласило ихъ заявленіе, что наше передовое сословіе вмѣсто того, чтобы вести насъ по пути къ прогрессу, поворачивается къ намъ спиною и смотритъ на насъ, какъ будто мы не дѣти одной родины, не сыны отечества, а явившіеся откуда-то дикари. Дики мы, научите насъ, вразумите насъ, но не отталкивайте, не заставляйте болѣть душой“...

Но что же это было бы за земство, которое удовлетворялось бы положеніемъ 1890 г.? И жаль, даже очень жаль, что взоры земской Россіи въ вопросѣ о пересмотрѣ земскаго представительства, все еще упорно обращены назадъ, къ „Эпохѣ Великихъ Реформъ“—этому „золотому вѣку“ русской исторіи, — какъ будто „золотымъ вѣкомъ“ начало „освободительнаго царствованія“ является не относительно—по сравненію съ предшествующей эпохой а также послѣдующими десятилѣтіями, а безусловно—какъ время реформъ, обезпечившихъ конечное счастье подвластныхъ! Очень жаль, что земскіе отзывы не идутъ въ большинствѣ случаевъ далѣе основъ земскаго положенія 1864 г., которое даже въ свое время далеко не считалось въ земской средѣ совершеннымъ, вызывая противъ себя рѣзкія возраженія.

Жизнь не стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, и если земство и продолжаетъ идти на встрѣчу запросамъ своего времени, то, говоря словами извѣстнаго земскаго дѣятеля, саратовскаго губернскаго гласнаго (бывш. предс. губ. земск. упр.) Н. Н. Львова (въ комиссіи губернскаго земства по пересмотру ценовыхъ нормъ), „большой еще вопросъ, *кто опережаетъ*, ростъ ли потребностей или земская дѣятельность. Есть мнѣніе, что земскія учрежденія не измѣнили своего направленія и послѣ 1890 г. Но это возраженіе несправедливо: далеко не сразу сказывается все то, что было сдѣлано законодательствомъ... У насъ скорѣе ростъ потребностей идетъ шире, чѣмъ подъемъ земской дѣятельности... И мы не замѣтимъ въ концѣ концовъ, какъ земскія учрежденія вырождаются и окажутся старыми приказами общественнаго призрѣнія“. Въ данномъ случаѣ вопросъ именно въ томъ, не отстаесть ли земство отъ жизни, когда продолжаетъ стоять на точкѣ зрѣнія земскаго избирательнаго права положенія 1864 г.—съ его системой самостоятельнаго представительства различныхъ интересовъ, съ имуществен-

нымъ цензомъ для „частныхъ владѣльцевъ“, съ трехстепеннымъ представительствомъ крестьянъ домохозяевъ отъ „сельскихъ обществъ“. Пусть даже опасность вырожденія земскихъ учрежденій въ старыя приказы общественнаго призрѣнія будетъ въ такомъ случаѣ предупреждена, на извѣстный промежутокъ времени, по крайней мѣрѣ: вѣдь это утѣшеніе еще слабѣе!..

Самая система *имущественнаго ценза* до сихъ поръ, къ сожалѣнію, пользуется общепризнанностью въ земской средѣ, а между тѣмъ еще на канунѣ введенія земскихъ учрежденій она подвергалась рѣшительной и блестящей критикѣ—со стороны И. С. Аксакова. „Мы съ своей стороны не видимъ—писалъ онъ (въ „Днѣ“ 23 декабря 1861 г.)—вообще никакого нравственнаго основанія для идеи ценза: трудно понять, почему человекъ, владѣющій сотней десятинъ, признается болѣе способнымъ, болѣе разумнымъ, болѣе надѣльнымъ тѣми условіями, какія необходимы для полезнаго участія въ общественномъ дѣлѣ, чѣмъ человекъ, обладающій девяносто девятью и девятью десятыми десятинами. Почему меньшинство „имущихъ“ имѣеть рѣшать участь громаднаго большинства „неимущихъ“..... Я совершенно съ вами согласенъ,—отвѣчалъ онъ Кошелеву (который отстаивалъ мысль о цензѣ „ради общей пользы“, на томъ основаніи, что „завѣдываніе общими дѣлами должно быть поручено лучшимъ людямъ, и что пріобрѣтеніе собственности или даже обладаніе ею есть до нѣкоторой степени признакъ человека, умѣющаго вести свои дѣла и, слѣдовательно, способнаго обсуждать и общія дѣла“),—совершенно согласенъ, что завѣдываніе общими дѣлами должно быть поручено лучшимъ людямъ. Стало быть, по вашему мнѣнію, цензъ есть мѣрило доброкачественности или способности человека, слѣдовательно свойствъ чисто нравственныхъ. Какимъ же образомъ въ этой области нравственной, является у васъ мѣрило чисто на чисто матеріальное—владѣніе 500 или 1000 десятинами?.. Это опредѣленіе способностей на основаніи вещественнаго и количественнаго мѣрила, называемаго цензомъ, т. е. размѣра собственности и дохода, совершенно произвольно, невѣрно и имѣеть въ виду пользу немногихъ богатыхъ, въ ущербъ другимъ, менѣе богатымъ“ („День“ 16 февраля 1862 года).

Существующія *цензовыя нормы*, уже въ виду ихъ крайней высоты, не удовлетворяютъ земскую Россію, и это, конечно, явленіе утѣшительное, но этого еще очень и очень мало, и во всякомъ случаѣ напрасно земскія пожеланія ограничиваются пониженіемъ дѣйствующихъ нормъ и не затрогиваютъ вопроса хотя бы о полномъ ихъ уничтоженіи, съ удержаніемъ лишь имущественнаго ценза, какъ такового—мысль, которая носилась въ земскихъ кругахъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ. „Существующій законъ о земскихъ учрежденіяхъ—писалъ въ своемъ докладѣ

Ярославскому Губернскому Земскому Собранию (сессія 1880 г.) предсѣдатель Губернской Земской Управы Скульскій, установивъ по имущественному цензу двоякаго рода участіе въ земскихъ выборахъ, непосредственно для крупныхъ собственниковъ и черезъ выборъ уполномоченныхъ для среднихъ собственниковъ, лишилъ вовсе участія въ земскомъ представительствѣ собственниковъ мелкихъ (которыхъ въ Ярославской губ. насчитывается 5.714). Исключеніе такой массы собственниковъ не оправдывается ни теоретическими соображеніями, ни тѣмъ менѣе практикой земскаго дѣла. Еще можно было бы понять такое лишеніе правъ, если бы мелкая собственность могла быть освобождена отъ земскаго обложенія, какъ это допускается нѣкоторыми городскими думами богатыхъ городовъ по отношенію малоцѣнныхъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, но такой льготы отъ обложенія мелкой земельной собственности земское положеніе не только не даетъ, но и не допускаетъ.... Включеніе въ число земскихъ избирателей всѣхъ лицъ, владѣющихъ какой-либо недвижимой собственностью, безъ ограниченія ея размѣра, должно быть (поэтому) поставлено одной изъ первыхъ мѣръ, въ земской реформѣ, если только ей суждено осуществиться⁴.

Наконецъ, по вопросу о группировкѣ избирателей земскія собранія (послѣднихъ сессій) не находятъ ничего лучшаго организаціи *представительства „по различію имуществъ и соединенныхъ съ ними интересовъ“*, въ духѣ положенія 1864 г. ⁴⁾, а еще въ первые годы дѣйствія земскихъ учрежденій избирательная система, раздѣлявшая избирателей на три группы (уѣздные землевладѣльцы, городскія общества, сельскія общества), вызвала рѣшительное и вполне основательное недоумѣніе извѣстнаго общественнаго дѣятеля Тверской губ. А. А. Головачева. „Неужели—писалъ онъ въ своихъ статьяхъ, печатавшихся въ „Вѣстникѣ Европы“, а затѣмъ, въ 1872 г., вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ—„Десять лѣтъ реформъ“ 1861—71 г.,—неужели въ различныхъ классахъ нашего общества мало сословной розни и отчужденія, обусловливаемыхъ какъ всей прошедшей исторіей, такъ и различнымъ положеніемъ по матеріальному благосостоянію и образованію,—чтобы вносить еще эту рознь въ *такъ называемыя несословныя собранія* (курс. подл.)? Неужели комиссія, составлявшая эти предположенія, не вдумалась, какой разладъ вносила она въ самую среду земскихъ собраній, вводя въ нихъ отдѣльныхъ представителей трехъ классовъ нашего общества?... Для веденія всякаго общаго дѣла нужно, во-первыхъ, единодушіе, а его-то и трудно было достигнуть при такомъ порядкѣ избранія гласныхъ. Каждый изъ нихъ дол-

⁴⁾ Таковы постановленія губернскихъ земствъ: Московскаго, Курскаго, Саратовскаго, Псковскаго, Тамбовскаго.

женъ явиться въ собраніе для того, чтобы отстаивать въ немъ интересы своихъ избирателей, т. е. узкіе, сословные интересы, а не интересы цѣлаго общества. Разсчитывать же на высокія стремленія въ цѣлыхъ классахъ общества, по меньшей мѣрѣ неосторожно.... Для того, чтобы собраніе представляло собою дѣйствительно общіе интересы известной мѣстности, необходимо, чтобы избирательные сѣзды не представляли собою ничего сословнаго. Поэтому мы не понимаемъ никакихъ другихъ избирательныхъ сѣздовъ, за исключеніемъ территоріальныхъ: жители известнаго круга должны собираться на одинъ общій избирательный сѣздъ“⁵⁾).

Были, правда, за послѣднее время земскіе отзывы, отстаивавшіе территориальную систему выборовъ и такимъ образомъ шедшіе въ вопросѣ о земскомъ представительствѣ далѣе перваго земскаго положенія⁶⁾. Но огромной важности вопросъ о *представительствѣ отъ „сельскихъ обществъ“* все не сходилъ въ земскихъ собраніяхъ съ той постановки, въ какой онъ былъ завѣщанъ еще „Эпохой Великихъ Реформъ“—постановки, при которой представительство мѣстнаго населенія страдаетъ крайнею неравномѣрностью. Правда, земствами предусматривалось увеличеніе числа гласныхъ отъ крестьянъ (владѣющихъ цѣлымъ обществомъ надѣльной землею) по крайней мѣрѣ до одного гласнаго въ уѣздномъ земскомъ собраніи—на волость (въ связи съ отмѣной дѣйствующаго порядка назначенія гласныхъ крестьянъ губернской администраціей, изъ числа избранныхъ кандидатовъ)⁷⁾. Но что значить въ самомъ дѣлѣ одинъ, даже два (или три гласныхъ на цѣлую волость, въ то время какъ одинъ гласный—дворянинъ приходится, напримѣръ, на 5 дворянъ, а одинъ гласный—купецъ на 27 купцовъ? Что значить хотя бы тотъ порядокъ вещей, за который высказывалось Тверское губернское земское собраніе (1902 г.), постановившее ходатайствовать, чтобы „при опредѣленіи числа гласныхъ отъ всѣхъ классовъ населенія принимался одинъ и тотъ же имущественный критерій, причемъ каждая крестьянская община имѣла бы право посылать на избирательное собраніе столько представителей, сколько крупныхъ цензовъ составляется

⁵⁾ Такого же мнѣнія былъ известный государственный дѣятель баронъ М. А. Корфъ, отстаивавшій территориальную систему выборовъ еще при обсужденіи земской реформы въ Государственномъ Совѣтѣ, въ 1863 году (вмѣстѣ съ 3 другими членами государственнаго совѣта, Бахтинимъ, княземъ Суворовымъ и Тымовскимъ).

⁶⁾ Напримѣръ, Земства: Крестецкое, Тамбовское Уѣздное; доклады Земскихъ Управъ—Кирсановской, Борисоглѣбской, Харьковской Губернской.

⁷⁾ Не говоря уже о губернскихъ земствахъ, таковы постановленія уѣздныхъ: Мологскаго, Грязовецкаго, Ковровскаго, Судогодскаго, Гжатскаго, Ростовскаго, Нижегородскаго Уѣзднаго, Рязанскаго Уѣзднаго, Казанскаго Уѣзднаго, Ярославскаго Уѣзднаго, Устюженскаго.

изъ того количества надѣльной земли, какимъ она пользуется"? Развѣ представительство всѣхъ слоевъ населенія не остается при этомъ еще весьма и весьма одностороннимъ и далеко, далеко неполнымъ?

Были еще земскіе отзывы за расширеніе избирательнаго права въ предѣлахъ имущественнаго ценза, на основаніи ценза налогового. Таково постановленіе Саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія (1903 г.), принявшаго безъ преній докладъ своей редакціонной комиссіи, одинъ изъ пунктовъ котораго гласилъ: „Въ виду того, что земская жизнь далеко ушла впередъ и не укладывается болѣе въ тѣ рамки, какія поставлены ей какъ, существующимъ земскимъ положеніемъ, такъ и положеніемъ 1864 г., ходатайствовать о привлеченіи къ земской жизни, какъ въ качествѣ плательщиковъ, такъ равно и избирателей и избираемыхъ и тѣхъ группъ населенія, которыя, хотя и не имѣютъ недвижимаго имущества, но по ихъ личному и имущественному положенію представляютъ прочный контингентъ лицъ, тѣсно связанныхъ съ интересами мѣстной жизни“... Но, къ сожалѣнію, и эти единичные голоса шли во всякомъ случаѣ недостаточно далеко.

II.

Налоговой цензъ дѣйствительно имѣетъ преимущества сравнительно съ цензомъ имущественнымъ. Но это еще не значитъ, чтобы самъ по себѣ онъ былъ какъ разъ желателенъ, даже въ томъ случаѣ, если бы былъ положенъ въ основаніе единой для всего мѣстнаго населенія избирательной системы, безъ различія низшихъ (бывшихъ податныхъ) сословій отъ высшихъ (привилегированныхъ), безъ различія крестьянъ, владѣющихъ цѣлыми обществами надѣльной землей, и остальныхъ личныхъ собственниковъ. На сторонѣ системы налогового ценза—лишь относительное преимущество.

Въ самомъ дѣлѣ, по сравненію съ системой имущественнаго ценза-привлекающей къ участію въ мѣстномъ самоуправленіи одинъ только владѣльческій элементъ, она допускаетъ, по крайней мѣрѣ, участіе въ земскихъ выборахъ „невладѣющихъ“ слоевъ населенія, разъ только имѣется въ виду мѣстное обложеніе, отрѣшенное отъ факта владѣнія, какъ то обложеніе подоходное. Мѣстная интеллигенція, значитъ, до известной степени въ такомъ случаѣ получаетъ доступъ къ земскимъ выборамъ. И такое расширеніе земскаго представительства, конечно, находитъ себѣ полное оправданіе, такъ какъ вполне естественно, чтобы всякому плательщику мѣстныхъ налоговъ было предоставлено право голоса въ дѣлахъ, связанныхъ съ ихъ расходованіемъ, между тѣмъ какъ признакъ владѣнія недвижимостью или доходнымъ предпріятіемъ во всякомъ случаѣ слиш-

комъ узко намѣчаетъ кругъ мѣстныхъ людей, призванныхъ къ участию въ земскомъ самоуправленіи.

Нельзя же вѣдь согласиться, чтобы только связь съ мѣстностью черезъ посредство владѣнія недвижимостью или доходнымъ предпріятіемъ представляла изъ себя надежную гарантію вдумчиваго отношенія обывателя къ запросамъ мѣстной жизни и оправдывала предоставленіе ему права избирательнаго голоса. Нѣтъ словъ, связь обывателей съ мѣстностью до извѣстной степени необходима: обыватель не долженъ быть совершенно постороннимъ человѣкомъ по отношенію къ данному округу и лишь случайнымъ гостемъ его территоріи—въ виду вѣроятнаго, въ такомъ случаѣ, поверхностнаго отношенія къ вуждамъ мѣстной жизни, которыя несомнѣнно не всѣ сразу бросаются въ глаза, а выясняются большей частью по мѣрѣ пребыванія на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что со стороны совсѣмъ чужого человѣка довольно правдоподобно пренебреженіе чистомѣстными потребностями. Но развѣ самъ по себѣ фактъ проживанія въ одной и той же мѣстности извѣстное количество времени не служитъ уже ручательствомъ, что мѣстныя нужды стали близки для обывателя, а онъ самъ сталъ въ полномъ смыслѣ „мѣстнымъ человѣкомъ“—во всякомъ случаѣ не менѣе мѣстнымъ, чѣмъ владѣлецъ недвижимости или доходнаго предпріятія, который нерѣдко только живетъ на счетъ своего имѣнія, лишь изрѣдка въ него заглядывая? А затѣмъ не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что рѣчь вѣдь все время идетъ не о непосредственномъ привлеченіи населенія къ участию въ распорядительномъ органѣ самоуправленія, въ земскомъ собраніи, а лишь о предоставленіи ему права голоса при выборахъ мѣстныхъ представителей, земскихъ гласныхъ. А это еще болѣе смягчаетъ требованіе связи обывателя съ мѣстностью, для открытія ему доступа къ земскому самоуправленію, разъ вся его активная роль ограничивается въ такомъ случаѣ частичнымъ вліяніемъ на личный составъ земскаго собранія, осуществляющаго право принудительнаго владѣнія. Для сознательнаго выбора гласныхъ совсѣмъ не требуется, конечно, особенная близость къ запросамъ повседневной мѣстной жизни, такъ какъ гласному, во всякомъ случаѣ, оставляется широкій просторъ для самостоятельнаго образа дѣйствія въ смыслѣ такого или иного пониманія всѣхъ этихъ запросовъ, въ ихъ частностяхъ.

Такимъ образомъ, платежъ земскихъ налоговъ, въ связи съ требованіемъ осѣдлости, представляется во всякомъ случаѣ *вполнѣ достаточнымъ* условіемъ для допущенія населенія къ участию въ земскомъ дѣлѣ (черезъ посредство выборовъ). Но не является ли это условіе еще *слишкомъ строгимъ*? Имѣется ли дѣйствительно на лицо достаточно основаній для ограниченія избирательнаго права такими рамками, для закрытія дверей

самоуправленія передъ всѣми тѣми, кто не несетъ на себѣ налогового бремени? Вотъ вопросъ, вызывающій сомнѣнія.

Начать съ того, что такая постановка мѣстнаго представительства (на основѣ ценза налогового) во всякомъ случаѣ предполагаетъ подѣлъ участіемъ въ (мѣстномъ) обложеніи участіе лишь въ прямомъ обложеніи. Косвенное обложеніе ни въ какомъ случаѣ не принимается во вниманіе и разсматривается, какъ моментъ, совершенно безразличный, при дѣленіи населенія на гражданъ съ правомъ властнаго голоса въ государственномъ дѣлѣ, и на обывателей, обреченныхъ на роль пассивныхъ зрителей. Между тѣмъ, мѣстное обложеніе можетъ также опираться и на косвенные налоги (какъ, напр., въ Пруссіи), и на пошлины (тоже какъ въ Пруссіи и во Франціи, въ городскомъ самоуправленіи, гдѣ такъ называемыя *ostroi*, сборы съ ввозимыхъ въ городъ предметовъ потребленія, составляютъ одинъ изъ главныхъ финансовыхъ ресурсовъ городского хозяйства). Нечего, конечно, говорить, что въ такомъ случаѣ избирательная система на основѣ налогового ценза оказывается уже невыдержанной въ своемъ принципѣ, и, значитъ, она остается въ этомъ отношеніи неузависимой лишь постольку, поскольку мѣстные налоги основаны исключительно на началахъ прямого обложенія.

Правда, прямое обложеніе во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ косвенное, подчеркиваетъ несеніе налогового бремени со стороны тѣхъ или иныхъ обывателей: тутъ видѣе, кто является непосредственнымъ плательщикомъ. Но и тутъ дѣленіе мѣстнаго населенія на разряды земскихъ плательщиковъ и неплательщиковъ, въ зависимости отъ того, кто непосредственно призванъ вносить мѣстные налоги въ земскую кассу и кто нѣтъ, лишь отчасти отвѣчаетъ дѣйствительному положенію вещей,—кто несетъ и кто не несетъ на своихъ плечахъ тяжести обложенія. Налоги вѣдь, какъ извѣстно, отличаются перелагаемостью, и потому можно не быть обложеннымъ никакимъ мѣстнымъ сборомъ и все-таки выплачивать изъ своего кармана значительную долю такового; повышение же обложенія еще чаще ложится своей тяжестью совсѣмъ не на тѣхъ, кого оно имѣетъ въ виду.

Значитъ, принципъ избирательной системы на основѣ налогового ценза неизбежно извращается въ дѣйствительной жизни, и это, конечно, говорить уже противъ данной системы. Говорить противъ нея также то обстоятельство, что основная ея мысль угрожаетъ извращеніемъ мѣстнаго представительства еще въ другомъ смыслѣ. Именно при исходной точкѣ зрѣнія, что одни только земскіе плательщики имѣютъ основаніе притязать на право голоса при выборахъ, остается всего одинъ шагъ до вывода, что и степень участія въ обложеніи обуславливаетъ ту или иную степень участія въ выборахъ, т. е. большую или меньшую вѣсковую из-

бирательного голоса, и, такимъ образомъ, болѣе зажиточные круги, какъ платящіе болѣе крупныя оклады, получаютъ преобладающее вліяніе на ходъ земскаго дѣла, и полновластіе состоятельныхъ классовъ обезпечено ⁹⁾). Но это все еще не центръ тяжести обвиненія.

Дѣло въ томъ, что хотя земскіе плательщики—участники прямого обложения—безусловно и прямо заинтересованы въ ходѣ земскаго дѣла который ведется на ихъ же счетъ, но, несомнѣнно, не они одни заинтересованы въ исправной работѣ органовъ самоуправления. Земская дѣятельность близко *касается* всего мѣстнаго населенія, каждаго мѣстнаго обывателя, которому на каждомъ шагѣ волей-неволей приходится встрѣчаться и считаться съ распоряженіями земства, въ учебномъ ли дѣлѣ, продовольственномъ, врачебномъ, санитарномъ, ветеринарномъ, дорожномъ, страховомъ и т. п. Почему же надѣлять земскихъ плательщиковъ правами *полныхъ и исключительныхъ* хозяевъ земскаго дѣла, помимо всего прочаго населенія, обрекаемого на роль пассивныхъ зрителей и безгласныхъ пѣшекъ?

Говорить же гражданское чувство вообще противъ низведенія обывателей на положеніе простыхъ объектовъ властвованія, лишенныхъ права голоса въ дѣлахъ управленія даже въ скромныхъ предѣлахъ участія въ выборахъ тѣхъ или иныхъ своихъ представителей! Плохо оно мирится съ такимъ положеніемъ вещей, когда подвластнымъ остается *только* область безпрекословнаго подчиненія принудительнымъ велѣніямъ! Разъ вѣдь въ условіяхъ человѣческаго общежитія нельзя обойтись безъ внѣшнихъ общеобязательныхъ нормъ (помимо нормъ нравственныхъ, ограничивающихъ свободу самоопредѣленія челоуѣка, такъ сказать, изнутри), то, конечно, во всякомъ случаѣ желательно, чтобы по мѣрѣ возможности за каждымъ взрослымъ гражданиномъ было обезпечено право хотя бы косвеннаго участія въ дѣлѣ выработки этихъ самыхъ обязательныхъ велѣній. Всякое ограниченіе избирательныхъ правъ населенія само по себѣ, уже зло, какъ ограниченіе права челоуѣка на самоопредѣленіе, тѣмъ болѣе, что не подлежитъ сомнѣнію то огромное воспитательное значеніе, какое имѣетъ признаніе за гражданиномъ роли субъекта властвованія, и тотъ бодрящій духъ, который вноситъ съ собой въ жизнь этотъ призывъ къ общегосударственному, общевемскому дѣлу,—тѣмъ болѣе еще, что только самое широкое представительство можетъ придать дѣлу мѣстнаго самоуправления, земскому дѣлу, характеръ общаго начинанія всѣхъ и каждаго: иначе земство останется въ глазахъ населенія какимъ то сторон-

⁹⁾ Какъ, напримѣръ, пресловутая прусская трехклассная система выборовъ или избирательная система нашего перваго городского положенія 1870 г. (въ томъ же духѣ докладъ Устюженской Уѣздной управы 1903 года).

нимъ начальствомъ вмѣсто того, чтобы быть для него чѣмъ то кровнымъ своимъ, быть дѣйствительно народнымъ учрежденіемъ. Правда, въ жизни постоянно приходится изъ двухъ золь выбирать наименьшее. Но въ такомъ случаѣ для того, чтобы отрицать право участія въ выборахъ за мѣстнымъ населеніемъ, независимо отъ его участія въ обложеніи, недопустимость такого расширенія избирательныхъ правъ должна стать очевидной.

Между тѣмъ, никакой, конечно, особенной заслуги передъ обществомъ нельзя видѣть въ голомъ фактѣ платежа налоговъ, и, конечно, также не можетъ быть рѣчи ни о какой винѣ со стороны тѣхъ, кого падаетъ податное бремя. Въдѣ мѣстное обложеніе, подобно общегосударственному, тѣмъ болѣе отвѣчаетъ своему назначенію, чѣмъ менѣе населеніе ощущаетъ его тяжесть, чѣмъ менѣе, значить, оно падаетъ на малосостоятельный слой, имѣющій ограниченный заработокъ, безусловно необходимый для удовлетворенія собственныхъ насущныхъ нуждъ. Изъятіе поэтому необезпеченнаго населенія отъ обложенія безусловно желательно. И если бы только матеріальная необезпеченность являлась неизмѣнно заслуженной карой, если бы она свидѣтельствовала о негодности гражданина въ общественномъ отношеніи, то лишеніе избирательныхъ правъ въ такомъ случаѣ представлялось бы вполне естественнымъ. Но все дѣло въ томъ, что тяжелыя матеріальныя условія въ дѣйствительной жизни далеко не могутъ быть сами по себѣ вмѣняемы лицу въ вину и во всякомъ случаѣ скорѣе происходятъ по милости „независящихъ обстоятельствъ“, связанныхъ съ лишеніемъ большинства, въ пользу незначительнаго меньшинства, благоприятныхъ условій для приложенія физическихъ и духовныхъ силъ. Значить, требованіе, чтобы каждый мѣстный обыватель заслуживалъ несеніемъ налогового бремени права участія въ выборѣ мѣстныхъ представителей, падая всей своей тяжестью на низшіе слои населенія, просто прикрываетъ собой въ сущности недовѣрчивое къ нимъ отношеніе.

И, дѣйствительно, въ обществѣ, повидимому, весьма распространены опасенія, какъ бы участіе въ положительной сторонѣ государственнаго властвованія, — въ земскомъ дѣлѣ, лицъ, не несущихъ на себѣ тягостей обложенія, не отразилось губительно на всей мѣстной жизни, какъ бы оно не привело къ непомѣрному росту земскаго бюджета и непосильному обремененію налогами имущихъ слоевъ населенія, несущихъ на себѣ тяжесть расходовъ. И, несомнѣнно, эта сторона вопроса заслуживаетъ вниманія. Какъ ни цѣнно само по себѣ право гражданина на самоопредѣленіе, нельзя закрывать глаза на непосредственный *ущербъ земскою дѣла*. Но въ данномъ случаѣ опасенія настолько преувеличены, что теряютъ подъ собой всякую почву.

Въ самомъ дѣлѣ, распространеніе избирательныхъ правъ на тѣ слои мѣстнаго населенія, которые не являются земскими плательщиками, могло бы имѣть въ этомъ смыслѣ роковое значеніе, очевидно, лишь въ томъ случаѣ, если бы эта группа избирателей не только имѣла на своей сторонѣ при выборахъ численный перевѣсъ, но и дѣйствовала при этомъ заодно, какъ тѣсно сплоченное цѣлое (но, конечно, это еще не значитъ, чтобы въ такомъ случаѣ опасенія дѣйствительно оправдывались—иначе, только они уже никомъ образомъ не могутъ быть основательными). Нельзя, конечно, отрицать возможности такого положенія вещей, при которомъ взрослое ослѣдое населеніе, неучаствующее въ платежѣ земскихъ налоговъ, дѣйствительно, составляло бы большинство избирателей. При дѣйствующей системѣ земскаго обложенія это представляется, по крайней мѣрѣ, вполне возможнымъ, остается это вѣроятнымъ и при системѣ подоходнаго обложенія (такъ какъ подоходный налогъ предполагаетъ во всякомъ случаѣ такъ наз. Existenzminimum—известную высоту дохода, совсѣмъ освобождаемую отъ обложенія, какъ величина слишкомъ незначительная и потому слишкомъ необходимая для самого населенія, чтобы быть предметомъ посягательствъ въ какой бы то ни было долѣ со стороны государственной власти). Совершенно, однако, невѣроятно, чтобы эта группа избирателей дѣйствовала при выборахъ, какъ одинъ человѣкъ: слишкомъ она для того разношерстна и пестра по своему составу, и несомнѣнно слишкомъ тѣсная связь ощущается со стороны весьма многихъ обывателей, въ нее входящихъ, съ интересами избирателей-плательщиковъ. При этомъ еще неизбѣжно будетъ сказываться зависимое положеніе значительнаго числа избирателей этого разряда, такъ что угодничество—при выборахъ—„сильнымъ міра сего“ несомнѣнно до известной степени будетъ имѣть мѣсто даже при тайной подачѣ голосовъ, служащей, правда, гарантіей свободы выборовъ, но всетаки гарантіей безусловной.

Можно ожидать, конечно, что такое расширеніе избирательныхъ правъ окажется въ общемъ не въ пользу матеріальныхъ интересовъ болѣе зажиточныхъ слоевъ населенія и отзовется на нихъ довольно чувствительно. Но противъ этого еще ничего нельзя имѣть. Пускай даже требуемыя денежныя средства будутъ поступать преимущественно съ зажиточнаго населенія, а тратиться преимущественно на удовлетвореніе потребностей нуждающихся классовъ—это будетъ только справедливо, лишь бы обложеніе не поглощало собой слишкомъ большую часть доходовъ и не вело тѣмъ самымъ къ разстройству хозяйственной жизни страны. А противъ подобнаго произвола въ распоряженія верховной власти имѣются такіа средства, какъ установленіе предѣльности обложенія (въ истинномъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ предѣльной процентной нормы обложенія доходныхъ

источниковъ), съ одной стороны, и предоставленіе права обжалованія конкретныхъ оцѣнокъ предметовъ обложенія въ случаѣ ихъ неуравнительности, съ другой стороны,—тѣмъ болѣе, что даже ближайшія основанія раскладки мѣстныхъ налоговъ могутъ быть предусмотрѣны закономъ, въ смыслѣ обложенія пропорціональнаго или прогрессивнаго (т. е. постепеннаго увеличенія доли налога въ доходѣ или цѣнности, съ увеличеніемъ послѣднихъ).

Такимъ образомъ, мало того, что при ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса совершенно разсѣиваются грозныя перспективы, связанныя съ расширеніемъ избирательнаго права за предѣлами налогового ценза. Возможно широкое представительство мѣстнаго населенія оказывается желательнымъ какъ разъ съ точки зрѣнія непосредственнаго успѣха земскаго дѣла, такъ какъ тѣмъ шире раздвинуты рамки избирательнаго права, тѣмъ меньше въ общемъ рискъ неравномѣрнаго обезпеченія интересовъ всѣхъ слоевъ населенія, до самыхъ низшихъ включительно: такова уже человѣческая природа, что самопожертвованіе составляетъ рѣдкое исключеніе.

А если уже говорить про опасность, то на самомъ дѣлѣ опасно недопущеніе мѣстныхъ жителей къ участию въ дѣлахъ самоуправленія,—тѣмъ болѣе, участію косвенному черезъ посредство выборовъ своихъ представителей,—независимо отъ того, являются ли они земскими плательщиками или нѣтъ. Опасенъ какъ разъ противоположный путь,—путь, торжественно объявляющій именно тѣмъ членамъ общества, которые поставлены въ наименѣе благопріятныя житейскія условія, что дѣло государственнаго властвованія вообще не ихъ дѣло, что имъ предоставляется только область безпрекословнаго подчиненія принудительнымъ велѣніямъ власти. Нельзя вѣдь закрывать глаза на то, что это какъ разъ тѣ элементы общества, котрые, имѣя полное основаніе не быть довольными своей участью, менѣе всего склонны видѣть въ механизмѣ государственнаго властвованія цѣлесообразно дѣйствующій механизмъ. Тѣмъ важнѣе, значитъ, чтобы такому элементу населенія было открыто, по крайней мѣрѣ, участіе въ этомъ механизмѣ. Иначе, если только онъ доросъ до сознательнаго отношенія къ дѣйствительности, у него легко можетъ явиться крайне обостренное чувство озлобленія противъ дѣйствующаго порядока, лишающаго его даже права воздѣйствія на работу органовъ власти, и отсюда не трудно уже укрѣпиться убѣжденію въ допустимости самыхъ крайнихъ средствъ борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей, во имя лучшаго будущаго. А если обыватель еще не выбился изъ мрака и невѣжества, то и въ такомъ случаѣ полное отчужденіе его отъ работы государственнаго механизма не обезпечиваетъ мирнаго теченія государ-

ственной жизни. Человѣкъ совсѣмъ не посвященный въ тайны „этой лабораторіи, называемой общественно-государственной жизнью“, чего только не ждетъ отъ всемогущей, въ его глазахъ, совершенно чуждой для него власти, и, не дождавшись, теряетъ терпѣніе и готовъ уже силой достичь того, чего не достигаетъ безконечнымъ выжиданіемъ...

Но культурная отсталость населенія, каковая, напримѣръ, имѣется въ современной Россіи, гдѣ начальное образованіе до сихъ поръ еще далеко до его общедоступности, можетъ дѣйствительно вселять опасенія на счетъ успѣшнаго хода земскаго дѣла при призывѣ къ участію въ самоуправленіи всѣхъ взрослыхъ мѣстныхъ жителей. Рѣшительное пониженіе уровня земской дѣятельности представляется многимъ неизбѣжнымъ, при всякой реформѣ избирательнаго права, направленной къ открытію дверей самоуправленія широкимъ слоямъ населенія.

Несомнѣнно, образованіе, хотя бы даже только начальное и ограничивающееся почти исключительно грамотностью, является признакомъ болѣе сознательнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности при болѣе широкомъ кругозорѣ и до извѣстной степени служитъ залогомъ пробужденія лучшихъ сторонъ человѣческой природы, въ связи съ меньшей податливостью давленіямъ со стороны. Нельзя поэтому отрицать, что степень образованія населенія, призываемаго къ самоуправленію, не безразлична для успѣха земскаго дѣла.

Но въ этомъ отношеніи еще важнѣе общаго уровня развитія народныхъ массъ наличность въ странѣ передоваго культурнаго слоя: интеллигенціи менѣе всего бываетъ свойственно отгораживать себя китайской стѣной отъ широкихъ слоевъ населенія, и въ такомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что „противообщественныя тенденціи“ будутъ встрѣчать должный отпоръ при выборной агитаціи, а культурныя начинанія, идущія въ разрѣзъ съ прочно установившимся укладомъ жизни и рассчитанныя на болѣе или менѣе далекое будущее, не будутъ оставаться безъ настоящихъ поборниковъ, которые сумѣютъ всесторонне освѣщать смыслъ и настоятельную потребность желательныхъ новшествъ. Не слѣдуетъ также преувеличивать степень недоступности уму подданныхъ вопросовъ мѣстнаго самоуправления, тѣмъ болѣе вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію нашей ячейки. Можно еще пожалуй нѣсколько сомнѣваться, при общемъ избирательномъ правѣ и культурной отсталости населенія, въ сознательности прямыхъ законодательныхъ выборовъ, имѣющихъ въ виду все сложное дѣло государственнаго механизма на всемъ обширномъ протяженіи государственной территоріи. Но вѣдь въ предѣлахъ вѣдомства органовъ земскаго самоуправления нѣтъ даже мѣста для вопросовъ, по существу малодоступныхъ пониманію неразвитаго человѣка, и во всякомъ случаѣ,

то или иное отношеніе къ нимъ со стороны намѣченныхъ кандидатовъ несущественно. И пусть вся неграмотная сѣрая масса мѣстныхъ жителей будетъ призвана къ выборамъ—это еще далеко не значитъ, чтобы власти оказалась въ рукахъ некультурнаго состава гласныхъ. Помимо всякаго, даже образовательнаго ценза для права избираемости, можно ручаться, что по мѣрѣ возможности населеніе будетъ вербовать своихъ представителей въ земство изъ сравнительно культурнаго слоя: образованіе слишкомъ высоко цѣнится въ народѣ, чтобы выборы не падали скорѣе всего на лицъ развитыхъ, если только, по своему нравственному облику, они пользуются довѣріемъ населенія.

Цѣна, на которую покупается право участія населенія во власть, должна быть сколько возможно дешевой для него. А въ современной Россіи ограниченіе круга избирателей грамотными жителями слишкомъ уже чувствительно суживало бы кругъ лицъ, допускаемыхъ къ активной роли въ дѣлѣ земскаго самоуправленія, слишкомъ многочисленный слой оставляло бы совсѣмъ безъ представительства. *Образовательный цензъ, даже въ видѣ грамотности* не можетъ быть признанъ поэтому желательнымъ, въ качествѣ необходимаго условія пользованія избирательнымъ правомъ. Другое дѣло—такой цензъ въ качествѣ основанія для большей вѣскости избирательнаго голоса; въ такомъ смыслѣ, дѣйствительно, онъ едва ли можетъ быть безусловно отвергнутъ. Конечно, не тамъ, гдѣ при всеобщемъ обязательномъ обученіи принять шестилѣтній или восьмилѣтній курсъ начальной школы, но въ такой сравнительно отсталой странѣ, какъ Россія, гдѣ общій уровень населенія такъ еще невысокъ, нѣкоторое уменьшеніе активной роли малограмотныхъ народныхъ массъ представляется, повидимому, нелишнимъ. Слишкомъ здѣсь уже велика разница между степенями развитія мѣстнаго населенія! Слишкомъ еще податливую для давленій со стороны и слишкомъ склонную къ рутинѣ почву представляютъ изъ себя тѣ слои населенія, которые даже неграмотны!

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о равномъ или неравномъ избирательномъ правѣ еще не предрѣшается его всеобщностью, и участіе въ выборахъ по возможности всѣхъ мѣстныхъ жителей не значитъ непременно участіе равное. Разумѣется, впрочемъ, рѣчь можетъ идти вообще лишь о самомъ незначительномъ неравенствѣ голосовъ при выборахъ—раза въ два, самое большее въ три (въ пользу грамотныхъ), но отнюдь не о такомъ положеніи, когда привилегированной категоріи избирателей (по признаку грамотности) обезпечено вліяніе при выборахъ, разъ въ 10 или 100 большее, чѣмъ остальной массѣ избирателей; тутъ разница уже настолько внушительная и роль остальной массы настолько ничтожная, что само общее избирательное право превращается въ пустой звукъ и про-

стую вывѣску. Разумѣется, затѣмъ никакимъ другимъ основаніямъ для признанія большей или меньшей вѣскости избирательныхъ голосовъ, ни началу сословности, ни началу имущественной состоятельности, не мѣсто въ избирательной системѣ.

Что же касается выдѣленія изъ общей массы избирателей—при самомъ широкомъ мѣстномъ представительствѣ въ такой отсталой странѣ, какъ Россія, — еще лицъ съ законченнымъ образованіемъ, высшимъ и среднимъ или только высшимъ (выдѣленія, въ смыслѣ обезпеченія за ихъ голосами при выборахъ наибольшей вѣскости), то едва ли это представляется желательнымъ. Несомнѣнно вѣдь, какъ высшее, такъ и среднее образованіе составляетъ, главнымъ образомъ, достояніе состоятельныхъ классовъ, и, такимъ образомъ, подобная привилегія образованности угрожаетъ опасностью вырождаться въ отстаиваніе классовыхъ интересовъ, быть можетъ, только въ менѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ въ странахъ передовыхъ, гдѣ классовая борьба въ общемъ болѣе обострена, и образованное меньшинство, главнымъ образомъ, буржуазное, нельзя считать преимущественно прогрессивнымъ элементомъ, какъ, напримѣръ, еще въ Россіи. Пусть даже такой порядокъ въ свою очередь представляетъ въ себя добавочную гарантію противъ противообщественныхъ тенденцій, особенно опасныхъ какъ разъ при невѣжествѣ массъ. Зато, во всякомъ случаѣ, этимъ значительно затрудняется переходъ къ равному избирательному праву, несомнѣнно, безусловно желательному, какъ только неграмотность взрослыхъ гражданъ отойдетъ въ область исторіи: уничтоженіе привилегій средняго и высшаго образованія, какъ всякой вообще привилегіи, будетъ стоить не мало труда,—тѣмъ болѣе, что въ общемъ вѣдь то будетъ привилегія господствующихъ классовъ. (Другое дѣло—переходъ къ равному избирательному праву, разъ одно лишь неграмотное населеніе пользуется меньшимъ вѣсомъ голоса, чѣмъ грамотное, такъ какъ для этого не требуется никакой законодательной ломки: не будетъ неграмотныхъ, не будетъ и пониженной вѣскости голоса при выборахъ).

III.

Такимъ образомъ цензъ налоговой, точно также какъ имущественный, совсѣмъ не требуется въ основѣ земской избирательной системы. Нѣтъ также никакой необходимости въ цензѣ образовательномъ. *Всеобщая* подача голосовъ на основѣ *территориальной*, —окружной группировкѣ избирателей— вотъ что желательно (вѣрнѣе: такъ называемая „всеобщая“ подача голосовъ, такъ какъ, конечно, этимъ не сказано, чтобы никакія исключенія не были допустимы—это значитъ только, что право властнаго голоса въ дѣлѣ самоуправленія, черезъ посредство выборовъ, должно играть роль оско-

ного положенія, общаго правила, роль презумпціи, допускающей, правда, ограниченія избирательнаго права, но не иначе какъ строго обоснованныя, напримѣръ свойствомъ служебнаго положенія—для мѣстной администраціи, полиціи, войска и т. п.). Умѣстно и дѣйствительно необходимо лишь требованіе извѣстной *осѣдлости*. Фактъ проживанія въ одной и той же мѣстности опредѣленное количество времени вполнѣ уже свидѣтельствуемъ о заинтересованности гражданина въ надлежащемъ удовлетвореніи нуждъ данной—именно данной—мѣстности и достаточной осѣдомленности его о стоящихъ на очереди мѣстныхъ потребностяхъ, настоятельно требующихъ удовлетворенія. И нѣтъ никакого основанія требовать продолжительной осѣдлости, разъ дѣло идетъ не о прямомъ участіи подвластныхъ въ земскомъ дѣлѣ, а лишь объ участіи косвенномъ, чрезъ выборныхъ представителей. Что же касается пассивнаго избирательнаго права, т. е. права избираемости, то оно тѣмъ болѣе должно быть всеобщимъ. Довѣріе къ мѣстному населенію обязываетъ законодательство намѣчать самыя широкія рамки по отношенію къ праву избираемости въ земскіе представители, съ воспрещеніемъ выбирать лишь такихъ лицъ, какъ, напримѣръ, несовершеннолѣтнихъ, состоящихъ подъ опекой, лишенныхъ или ограниченныхъ въ правахъ по суду и т. п. ⁹⁾).

А какъ далеки отъ такой постановки представительства земскіе отзывы послѣднихъ сесій! Въ одной только, кажется, комиссіи, Тверскаго Губернскаго Земства 1902 года поднимался самый вопросъ о всеобщей подачѣ голосовъ, но и здѣсь онъ не встрѣтилъ сочувствія со стороны большинства, которое рѣшило совсѣмъ не останавливаться на подробномъ его разсмотрѣніи. Въ общемъ же земскія пожеланія по этому поводу въ началѣ XX столѣтія, послѣ почти полувѣковой пореформенной жизни, даже менѣе рѣшительны, чѣмъ слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ, когда при графѣ Лорисъ-Меликовѣ земскія собранія были призваны къ обсужденію „возникшихъ по разнымъ губерніямъ вопросовъ и предположеній объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій положенія 27 іюня 1874 г.“ (о крестьянскихъ учрежденіяхъ) и между прочимъ остановились на вопросѣ о земскомъ представительствѣ ¹⁰⁾.

⁹⁾ Вопросъ о женщинахъ въ настоящей статьѣ совсѣмъ не затрагивается, какъ требующій самостоятельнаго разсмотрѣнія.

¹⁰⁾ Земства въ данномъ случаѣ воспользовались тѣмъ, что циркуляръ предоставлялъ, независимо отъ отзывовъ по перечисленнымъ вопросамъ, изложить „соображенія и о другихъ мѣрахъ по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, которыя будутъ сочтены полезными для дѣла“. Между тѣмъ, по мнѣнію, напр., Комиссіи Вологодскаго Уѣзднаго Земства „преобразовывать крестьянскія учрежденія безъ преобразования всего уѣзднаго управленія—немыслимо: одно съ другимъ тѣсно связано“, по

Тогда, по крайней мѣрѣ, были такія рѣшенія вопроса, какъ постановленіе Кирилловскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія (въ 1880 г.), согласившагося съ своей комиссіей, что „необходимо привлечь *все грамотное население къ участию въ дѣлахъ управленія земскаго, и поэтому надо измѣнять основныя статьи положенія въ томъ смыслѣ, чтобы правомъ избирать пользовался всякій грамотный житель уѣзда и губерніи, непопеченный по суду, не моложе 25-ти лѣтъ, и проживающій въ мѣстности не менѣе 5-ти лѣтъ“ (комиссія довольствовалась двухгодичной осѣдлостью¹¹⁾). А въ настоящее время, не говоря уже про простую грамотность, но даже среднее и высшее образованіе болѣею частью не признаются въ земской средѣ достаточнымъ условіемъ для пользования избирательнымъ правомъ, даже пассивнымъ избирательнымъ правомъ—правомъ избираемости въ (уѣздные) гласныя! Тщетно, напримѣръ, въ Тамбовскомъ Губернскомъ Земскомъ Собраніи (въ декабрѣ прошлаго года) Ю. А. Новосильцевъ, Темниковскій Предводитель Дворянства, предлагалъ ходатайствовать по крайней мѣрѣ о предоставленіи пассивнаго избирательнаго права, независимо отъ имущественнаго ценза, еще лицамъ съ высшимъ образованіемъ, прожившимъ въ дачной мѣстности до выборовъ не менѣе 3-хъ лѣтъ. Предложеніе его, поддержанное между прочимъ еще Членомъ Губернскій Земскій Управы Л. Дч. Врохатскимъ, было отклонено собраніемъ, и такимъ образомъ возгорелась топка зрѣнія В. М. Пе-*

мивнію Комиссіи Тамбовскаго Губернскаго Земства „частными поправками исправлять дѣло невозможно“, по мнѣнію Тверскаго Земства очевидны „несостоятельность какихъ-либо частныхъ преобразованій въ сферѣ однихъ только крестьянскихъ учрежденій и необходимость для успѣха дѣла общаго преобразованія всего мѣстнаго управленія“; по мнѣнію Калужскаго Земства необходимо „прежде всего помогать, чтобы новая организація крестьянскихъ учрежденій или ихъ измѣненіе совершились бы одновременно съ преобразованіемъ мѣстнаго управленія вообще“; по мнѣнію Уфимской Губернской Управы „сама основа, на которой стоятъ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, не вѣрна, а потому, для исправленія ошибки, необходимо взяться за корни“; по мнѣнію Херсонской Губернской Управы нужно „высказать правительству, что въ дѣлѣ устройства крестьянскихъ учрежденій палліативы ничего не помогутъ“; по мнѣнію Тульской Губернской Управы „идею хорошаго крестьянскаго управленія чрезвычайно трудно отдѣлить отъ понятія о хорошемъ земскомъ самоуправленіи“; по мнѣнію Пековской Губернской Управы необходимо „коренное преобразованіе не только однихъ крестьянскихъ учрежденій, но и всѣхъ другихъ учрежденій, имѣющихъ къ нимъ отношеніе“ (см. „Земскіе взгляды на реформу мѣстнаго управленія“ 1834 г. В. Ю. Скалона).

¹¹⁾ Соответствующее ходатайство, возбужденное Кирилловскимъ Земствомъ, было поддержано Новгородскимъ Губернскимъ Земствомъ (см. „Саратовскую Земскую Недѣлю“ 1903 г. № 8 и 9. ст. Б. Веселовскаго „Взгляды земствъ на вопросъ о земскомъ представительствѣ 1865—1902 гг.“).

трово-Соловово, Тамбовскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства, осуждавшего такой шагъ, какъ „коренное нарушеніе принципа самообложенія“, такъ какъ „въ собраніе войдутъ лица, которыя будутъ устанавливать размѣръ земскаго сбора, сами не участвуя въ его платежѣ, основаніемъ же для участія въ земскомъ самоуправленіи должно быть участіе въ земскихъ сборахъ“. Лишь въ видѣ исключенія, въ Валашовскомъ Уѣздномъ Земствѣ прошло предложеніе (въ 1903 г.) въ пользу распространенія права избираемости въ гласные на лицъ, не обладающихъ никакимъ имущественнымъ цензомъ, но принадлежащихъ къ мѣстнымъ жителямъ и имѣющихъ годовую доходъ не ниже 600 руб.

Изъ всѣхъ Мѣстныхъ Комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, удѣлившихъ въ общемъ довольно много вниманія вопросу о земскомъ представительствѣ, всего два кажутся уѣздныхъ комитета высказались въ этомъ смыслѣ: Петровскій—за „предоставленіе выборнаго права лицамъ съ высшимъ и среднимъ образовательнымъ цензомъ, имѣющимъ въ данной мѣстности постоянное мѣстожителство и за предоставленіе нѣкоторыхъ льготъ по выборкахъ лицамъ, окончившимъ курсъ начальной школы“, и Тотемскій—за „допущеніе участія въ земскихъ собраніяхъ на однихъ правахъ съ владѣльцами недвижимой собственности лицъ, получившихъ высшее образованіе и осѣдло проживающихъ въ данной мѣстности не менѣе 5 лѣтъ“. Точно также изъ всѣхъ многочисленныхъ проектовъ „мелкой земской единицы“ лишь два-три проекта допускали раскрытіе дверей самоуправленія, независимо отъ имущественнаго или налогового ценза, для лицъ выдѣляющихся надъ общимъ уровнемъ своимъ образованіемъ, напримѣръ, проектъ Курскаго Губернскаго Земства, имѣвшаго въ виду пассивное избирательное право для лицъ, проживающихъ въ данномъ округѣ не менѣе опредѣленнаго срока, напримѣръ 3-хъ лѣтъ, и удовлетворяющихъ извѣстному образовательному цензу, какъ то врачи, учителя, священники, управляющіе, или проектъ Тихвинскаго Земства, предполагавшаго пассивное и активное избирательное право для живущихъ въ участкѣ лицъ интеллигентныхъ профессій—врачей и служащихъ въ земскихъ школахъ учителей. И вотъ на чемъ останавливались самые рѣшительные голоса послѣднихъ сессій ¹²⁾!..

¹²⁾ Поучительно, что еще въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ, „мѣстныя (городскія) комиссіи объ улучшеніи городского общественнаго управленія“ высказывались рѣшительнѣе. 8 комиссій освобождали отъ ценза лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; 15—лицъ, извѣстныхъ обществу „добрымъ поведеніемъ, усердіемъ и вниманіемъ къ общественнымъ интересамъ“. Цѣлый рядъ комиссій былъ вообще противъ ценза для избираемыхъ, на томъ основаніи, напр., что „*красотвенія качества людей не измѣряются цифрами*“ (Чембарская комиссія). стр. 146—147, изъ „Мат. по общ. уст. гор. Т. I стр. 94 и 114“.

Вѣда въ томъ, что все еще чувствуется боязнь стать—въ отношеніи постановки земскаго представительства—на новую точку зрѣнія, неиспытанную въ отечественной практикѣ, все еще рисуются грозныя перспективы, при мысли о коренномъ преобразованіи избирательной системы, все еще чувствуется извѣстный страхъ передъ народными массами или, по крайней мѣрѣ, бессознательное чувство недовѣрія къ нимъ. А какъ часто и это недовѣріе, и этотъ страхъ, и эти грозныя перспективы тормозили ходъ исторіи! Неужели же ея уроки недостаточно поучительны? Неужели недостаточно убѣдительно въ этомъ отношеніи примѣръ Западно-Европейскаго міра ¹³⁾, въ частности, напримѣръ, Франціи, въ которой всеобщее избирательное право въ мѣстномъ самоуправленіи (общинномъ и департаментскомъ), какъ и въ законодательныхъ выборахъ, благополучно процвѣтаетъ уже много десятилѣтій (съ 1848 года), не приводя ни къ какимъ осложненіямъ внутренней жизни, и напротивъ, служа лишь предохранительнымъ клапаномъ на паровомъ котлѣ, да личнымъ залогомъ общественнаго міра на пути къ прогрессу? И это при всеобщей подачѣ голосовъ не только прямой—при всѣхъ выборахъ, но и равной—для всѣхъ избирателей ¹⁴⁾.

¹³⁾ Кромѣ Франціи, всеобщее избирательное право (такъ наз. „всеобщее“) принято: равное и прямое—въ законодательныхъ выборахъ Германской Имперіи съ самаго ея основанія (даже раньше, съ 1867 г. въ Сѣверо-Германскомъ союзѣ), въ Испаніи—въ законодательныхъ выборахъ (конституція 1867 г. и 1880 г.; въ мѣстномъ самоуправленіи—реформа 1882 г.—почти всеобщее: требуется альтернативно или умѣніе читать и писать, или платежъ налоговъ, въ связи съ предыдущей службой въ арміи и флотѣ), въ большинствѣ Штатовъ Сѣверной Америки—какъ въ законодательныхъ выборахъ, такъ и въ мѣстномъ самоуправленіи, конечно, въ Швейцаріи—какъ въ національномъ советѣ, такъ и въ отдѣльныхъ кантонахъ, въ Греціи (конституція 1864 г.) и въ Болгаріи (конституція 1879 г.), Всеобщее, равное, но косвенное-двустепенное избирательное право—въ законодательныхъ выборахъ Норвегіи (съ конца прошлаго XIX ст.) и Бадена (съ 1869 г. до настоящаго 1904 года, когда введено всеобщее равное и прямое голосованіе). Всеобщее, но неравное—въ Бельгіи, какъ въ законодательныхъ выборахъ (съ 1893 г.; никто во всякомъ случаѣ не имѣетъ болѣе 3 голосовъ), такъ и въ мѣстномъ самоуправленіи (съ 1898 г.; никто не имѣетъ болѣе 4 голосовъ). Призракъ всеобщаго—въ виду крайней неравномѣрности—въ Австріи при выборахъ въ рейхсратъ (съ 1896 г.) и въ Вюртембергѣ въ законодательныхъ выборахъ (съ 1868 г.; въ настоящее время поставленъ на очередь вопросъ о введеніи всеобщаго равнаго избирательнаго права). Почти всеобщее—въ Италіи въ законодательныхъ выборахъ, съ 1882 г., когда право голоса стало достояніемъ всѣхъ умѣющихъ читать и писать, независимо отъ налогового ценза. См. Georg Meyer „Das Parlamentarische Wahlrecht“, 1901; Daresté „Les constitutions modernes“ 1883; Flandin „Institutions politiques de l'Europe l'ontemporaine“ 1901—1902; Lefèvres Pontales „Les élections en Europe à la fin du XIX siècle 1902; Сеньбосъ „Политическая исторія современной Европы“ 1897 г.; Свѣшниковъ „Основы и предѣлы самоуправления“ 1892 г.

¹⁴⁾ Это еще не значитъ, чтобы постановка мѣстнаго самоуправления во Франціи не оставляла желать ничего лучшаго. {Органи-

Правда, Россія — не Франція. По крайней мѣрѣ въ отношеніи развитія населенія между ними разница довольно существенная. Но еѣдь въ Россіи не только само всеобщее избирательное право могло бы быть неравнымъ (въ зависимости отъ грамотности, какъ то указано выше), но и выборы могли бы быть прямыми только въ низшую ячейку самоуправленія. Принципъ *косвенныхъ выборовъ въ высшія ступени* самоуправленія могъ бы быть сохраненъ. Его отрицательная сторона тутъ почти не сказывается, разъ рѣчь идетъ о выборахъ не черезъ уполномоченныхъ, вся роль которыхъ ограничивается избраніемъ гласныхъ, а черезъ органъ власти — распорядительный органъ низшей ступени самоуправленія (уѣздное земское собраніе), тотъ или иной составъ котораго самъ по себѣ имѣетъ важное значеніе для населенія. До извѣстной же степени выборы въ такомъ случаѣ, пожалуй, даже выигрываютъ въ большей продуманности и обеспеченности отъ случайностей, тѣмъ болѣе вѣроятныхъ при значительныхъ территориальныхъ размѣрахъ земскихъ избирательныхъ округовъ.

И реформа пониженія единицы самоуправленія, т. е. созданія болѣе мелкой, чѣмъ уѣздъ, земской ячейки,—реформа, которая сама по себѣ является вполнѣ назрѣвшимъ вопросомъ современной дѣйствительности и тѣсно связана съ пересмотромъ избирательной системы, какъ другая сторона того же самаго вопроса—о приближеніи земства къ населенію,—и она съ своей стороны несколько не мѣняетъ дѣла. При волостномъ или участковомъ земствѣ въ основѣ зданія мѣстнаго самоуправления всеобщее участіе мѣстныхъ жителей въ земскихъ выборахъ точно также остается какъ нельзя болѣе желательнымъ. Бѣды нѣтъ, что въ такомъ случаѣ, въ низшей земской ячейкѣ съ территоріей разъ въ 10 меньшей, чѣмъ уѣздъ, выборы легко могутъ давать, за недостаткомъ интеллигенціи, составъ гласныхъ, болшему частью непосредственно принадлежащихъ къ сельскому населенію. Вѣдь отъ волостного (или участко-

заціи представительства—только одна сторона вопроса, какъ было оговорено въ началѣ статьи. А въ отношеніи другой, не менѣе важной,—именно отсутствія излишней регламентаціи земской дѣятельности и обеспеченія должной самостоятельности земскихъ органовъ, Франція какъ разъ не можетъ похвалиться. Что же касается самого ценза осѣдлости, единственного во Франціи общаго условія отъ возраста, неопороченнаго по суду мужского населенія для пользования избирательными правами,—то въ настоящее время требуется лишь 6-ти мѣсячное пребываніе въ предѣлахъ общины. Раньше требовалась болѣе продолжительная осѣдлость, 2-хъ годичная, но не отъ всѣхъ безусловно мѣстныхъ обывателей. Для нѣкоторыхъ вполнѣ основательно дѣлались льготы, какъ то, для лицъ, жившихъ раньше въ общинѣ и затѣмъ вернувшихся (отъ нихъ требовалась лишь 6-ти мѣсячная осѣдлость), для лицъ, внесенныхъ въ списки плательщиковъ прямыхъ налоговъ, для лицъ, женившихся въ предѣлахъ общины (достаточно было 1 года пребыванія).

ваго) земства и не требуется такого размаха деятельности, как отъездного земства, и воплѣтъ въ порядкѣ вещей сосредоточеніе работы такой „мелкой земской единицы“ на „интересахъ колокольни“, близкѣтъ для каждаго мѣстнаго обывателя и постоянно сказывающихся на его будничной жизни. А будутъ ли при этомъ выборы въ уѣздное земство прямыя или косвенныя, это едва ли существенно ¹⁵⁾.

Однимъ словомъ, культурная отсталость Россіи нисколько не является роковой въ вопросѣ о приближеніи земства къ населенію посредствомъ расширенія рамокъ избирательнаго права до всеобщаго участія мѣстныхъ жителей въ выборахъ (въ связи съ пониженіемъ единицы самоуправления). Но другое дѣло правовое положеніе народныхъ массъ современной Россіи, убывающее въ нихъ всякую самостоятельность и дѣлающее изъ нихъ послушное орудіе въ рукахъ востепевающей власти. На почвѣ того привычнаго и зависимаго положенія, въ которомъ до сихъ поръ пребываетъ крестьянское населеніе Россіи, дѣйствительно не мѣсто никакой широкой реформы земскаго представительства; въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, реформа рискуетъ привести только къ ухудшенію работы земскихъ органовъ.

Вопросъ, впрочемъ, далеко не въ одномъ лишь смягченіи и суженіи должности земскихъ начальниковъ, въ родѣ отмѣны что ли пресловутой бывшей 61 ст., а теперь 57 ст., допускающей дисциплинарную власть по отношенію ко всему подвѣдомственному населенію. Суть дѣла вообще въ степени зависимости населенія отъ органовъ власти. Въ этомъ отношеніи тѣмъ хуже, конечно, чѣмъ больше жизнь населенія взята подъ властную опеку, чѣмъ рѣзче проведена система разрѣшеній ad hoc, чѣмъ меньше при этомъ гарантій противъ злоупотребленій всемогущихъ властей. Но, по крайней мѣрѣ, необходимо полное уравненіе въ правахъ крестьянскаго и другихъ бывшихъ „податныхъ“ сословій съ „привилегированными“ слоями населенія; это уже *conditio sine qua non* столь желанной формы избирательной системы. И если земскіе отзѣвы послѣднихъ сессій по вопросу о желательномъ преобразованіи земскаго представительства шли въ общемъ такъ недалеко въ дѣлѣ расширенія рамокъ избирательнаго права, то отчасти, пожалуй, это происходило какъ разъ изъ сознанія опасности равномернаго представительства съ всего мѣстнаго населенія при дѣйствующихъ деревенскихъ порядкахъ, при полнѣмъ созераніи народнѣтъ массъ. Но все равно, приходится только сожалѣть о такой нерѣшительности въ по-

¹⁵⁾ По вопросу „о мелкой земской единицѣ“ см. подробнѣе мою статью въ „Саратовской Земской Недѣлѣ“ 1904 г. № 1 („Вопросъ о приближеніи земства къ населенію“).

становкѣ вопроса (о пересмотрѣ земскаго представительства): совершенно незначѣмъ стоять въ данномъ случаѣ на почвѣ дѣйствующихъ пережитковъ крѣпостного права. Давно пора сойти съ нея и разсчитаться, наконецъ, со всѣмъ этимъ печальнымъ наслѣдіемъ „добраго стараго времени“.

Давно уже назрѣлъ общій вопросъ о коренной реформѣ всего строя мѣстной жизни на прочной почвѣ единаго всеобщаго правопорядка и единой системы всеобщаго мѣстнаго самоуправления (съ упраздненіемъ такъ называемаго „крестьянскаго“ самоуправленія“), болѣе близкаго къ населенію, въ своей высшей ячeyкѣ, чѣмъ съвѣщенное уѣздное земство, широко раскрывающаго свои двери всѣмъ мѣстнымъ жителямъ и пользующагося при этомъ должной самостоятельностью и независимостью въ предѣлахъ своей компетенціи, дѣйствительно достаточно широко намѣченной ¹⁶⁾.

И если въ чемъ можно сомнѣваться, то въ всякомъ случаѣ не въ томъ, оправдывается ли запросами жизни такая широкая постановка вопроса, — сомнѣваться приходится какъ разъ въ противоположномъ — не является ли такая постановка вопроса еще недостаточно широкой, не заслуживаетъ ли она еще упрека въ недоговоренности...

{Гр. Павелъ Толстой.

¹⁶⁾ Сама по себѣ реформа земскаго представительства во всякомъ случаѣ требуетъ еще введенія при выборахъ обязательной *закрѣпленной подачи голосовъ*, какъ гарантіи свободы выборовъ (о чемъ ходатайствовало, между прочимъ, Кременчугское Земство въ 1889 году, по отношенію къ сельскимъ избирательнымъ сѣздамъ) и *свободы предвыборныхъ собраній* избирателей, въ виду обезпеченія дѣйствительной связи между подвластными и ихъ избранниками, по меньшей мѣрѣ въ тѣхъ скромныхъ предѣлахъ, какіе намѣчены новымъ „положеніемъ объ общественномъ управленіи г. Петербурга“ (8 іюня 1903 г.) въ „Инструкціи о порядкѣ производства выборовъ гласныхъ“ (ср. постановленіе Владимірскаго Губернскаго Земскаго Собранія 1880 г. о томъ, что „избирательнымъ сѣздамъ должно быть предоставлено право обсуждать свои нужды, давать избранникамъ гласнымъ инструкціи и подавать въ уѣздныя земскія собранія свои заявленія“, или ходатайство Александровскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія 1904 г. о томъ, чтобы избирательнымъ сѣздамъ предшествовали совѣщанія избирателей по выборнымъ вопросамъ).

Хроника русской жизни.

(Рѣчи гг. Новосильцева и Рождественскаго въ земскихъ собраніяхъ.—Предположенное въ Петербургѣ совѣщаніе предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ.—Вопросы о положеніи провинціальной печати въ Саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.—Дѣла Шаумана, Милашевскаго и др.—Безпорядки, произведенныя запасными и нижними чинами въ разныхъ мѣстахъ Россіи.—Прокламація „Московскихъ Вѣдомостей“ къ русскому дворянству).

Въ Темниковскомъ уѣздѣ, какъ сообщаютъ „Русскія Вѣдомости“, уѣздный предводитель дворянства Ю. Л. Новосильцевъ, по поводу извѣстной рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ, сказалъ слѣдующее:

„Привѣтствуя такія слова, намъ нельзя однако же не вспомнить, что и раньше мы слышали слова довѣрія, обращенныя къ обществу. Но чѣмъ выразилось на дѣлѣ довѣріе? Печальная участь трудовъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, еще болѣе печальная участь нѣкоторыхъ ихъ членовъ, частичное упраздненіе тверскаго земства, отказъ въ утвержденіи пяти предсѣдателей губернскихъ управъ, воспрещеніе общеземской организаціи въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ, систематическое неутвержденіе лицъ, служащихъ по приглашенію земства,—вотъ примѣры того довѣрія, какимъ дарило насъ министерство внутреннихъ дѣлъ, хотя бы въ минувшіе два года. Будемъ надѣяться, что все это отошло въ прошлое безповоротно, не сомнѣваясь въ искренности словъ князя Святополкъ-Мирскаго, будемъ надѣяться, что за словами послѣдуетъ дѣло; будемъ надѣяться, однимъ словомъ, что довѣріе, о которомъ говоритъ министр внутреннихъ дѣлъ, выразится въ той единственной формѣ, въ которой оно можетъ имѣть значеніе для Россіи: въ упраздненіи административнаго произвола и въ установленіи законнаго порядка, при активномъ содѣйствіи общества и населенія“.

Итакъ, для того, чтобы слова обратились въ дѣло, Ю. А. Новосильцевъ прямо указываетъ на необходимость двухъ условій: первое, чисто отрицательное („упраздненіе административнаго произвола“), и второе положительное—созданіе такого законнаго, т. е. основаннаго *на неизмѣнности закона для всѣхъ безъ исключенія* порядка, который былъ бы созданъ „при активномъ содѣйствіи общества и населенія“.

Да, это были бы уже „дѣла“. До тѣхъ же поръ все вершится все-таки въ области однихъ словъ.

Но,—скажутъ,—вѣдь къ этому уже приступлено. Многіе, пострадавшіе отъ административнаго произвола, возвращены изъ ссылки, а первый шагъ „активному содѣйствію общества и населенія“ былъ положенъ разрѣшеніемъ сѣзда предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и нѣкоторыхъ губернскихъ гласныхъ.....

Это такъ,—но скажите, пожалуйста, какой же процентъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ административнаго произвола, возвращенъ изъ ссылки? Смѣемъ увѣрить, что очень и очень небольшой. Зачѣмъ же эти, не полумѣры даже, а нѣчто гораздо меньшее, почему ничего не слышно о всеобщей амнистіи по политическимъ дѣламъ, этомъ первомъ и необходимомъ условіи, прямо указавшемъ бы обществу на дѣйствительныя намѣренія власти взять совершенно „новый курсъ“?..

Въ № 43 газеты „Право“ мы читаемъ такіа строка:

„По слухамъ, въ январѣ состоится Тверское губернское земское собраніе. Всѣмъ земцамъ, высланнымъ по распоряженію В. К. Плеве изъ предѣловъ тверской губерніи, разрѣшено вернуться туда. Возвращаются также сосланные Апостолъ и Балавинскій“.

„Число политическихъ ссыльныхъ за послѣдніе дни нѣсколько уменьшилось въ Архангельской губерніи. Князь Святополкъ-Мирскій на дняхъ распорядился освободить изъ-подъ гласнаго надзора полиціи болѣе 10 человекъ. Большинство изъ нихъ крестьяне, рабочіе, сосланные при покойномъ В. К. Плеве въ Архангельскую губернію особымъ совѣщаніемъ въ охранномъ порядкѣ. Одни сосланы за аграрные безпорядки (Балашовскій уѣздъ Саратовской губерніи) *послѣ оправданія судомъ*; другіе — за стачки. Кромѣ того освобождены изъ ссылки и изъ-подъ надзора полиціи уже нѣсколько студентовъ, высланныхъ въ Архангельскую губернію по Высочайшему повелѣнію, въ томъ числѣ присяжный повѣренный П. Н. Переверзевъ и докторъ С. А. Никоновъ, завѣдывавшій до ссылки Севастопольской городской больницей. Всѣмъ освобожденнымъ разрѣшено вѣхать, куда они желаютъ.

„14 октября кв. Святополкъ-Мирскій распорядился освободить изъ-подъ гласнаго надзора и разрѣшилъ покинуть г. Архангельскъ бывшему секре-

тарю Уфимской губернской земской управы И. К. Гудзь и одному помощнику присяжного повѣреннаго Уфимскаго окружнаго суда, высланнымъ въ прошломъ году изъ г. Уфы въ Архангельскую губ. на 5 лѣтъ покойнымъ В. К. Плеве, по ходатайству уфимскаго губернатора И. К. Соколовскаго, за „политическую неблагонадежность“.

„15 октября министромъ внутреннихъ дѣлъ разрѣшено [выѣхать изъ г. Архангельска инженеру-технологу В. Н. Смирнову, сосланному туда покойнымъ В. К. Плеве за председательствованіе на случайно состоявшейся студенческой сходкѣ во время студенческаго вечера въ с.-петербургскомъ технологическомъ институтѣ, бывшемъ въ концѣ 1903 года. За участіе въ этой сходкѣ былъ высланъ также помощникъ присяжнаго повѣреннаго Волькенштейнъ въ Олонецкую губернію, нынѣ освобожденный. В. Н. Смирновъ былъ сосланъ въ Архангельскую губернію на пять лѣтъ“.

„Русскія Вѣдомости“ сообщаютъ, что по манифесту 11 августа [освобождено изъ ссылки въ Архангельской губерніи до 60-ти человекъ несовершеннолѣтнихъ, что составляетъ по отношенію ко всему числу административно-высланныхъ приблизительно 10 проц. (всѣхъ административно-ссылныхъ, по другимъ свѣдѣніямъ, въ Архангельской губерніи 760 человекъ). Къ сожалѣнію, распоряженіе министра путей сообщенія кн. М. И. Хилкова о предоставленіи освобожденнымъ изъ ссылки на основаніи манифеста права на бесплатный проѣздъ въ указанное мѣсто—дошло сюда тогда, когда большая часть освобожденныхъ уже разъѣхалась, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ, въ виду отсутствія средствъ, пришлось отправиться даже этапнымъ порядкомъ. [Кромѣ несовершеннолѣтнихъ, освобождено также нѣсколько человекъ, которымъ кончился срокъ по скидкѣ одной трети. Затѣмъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, кромѣ д-ра С. В. Мартынова и литератора В. И. Чернолусскаго, о которыхъ уже сообщалось, освобождены еще литераторъ Ю. Н. Лавриновичъ, земскій статистикъ Н. И. Воробьевъ и нѣкоторые другіе“.

Въ частности относительно доктора Никонова „Русскія Вѣдомости“ сообщаютъ, что онъ „былъ сосланъ въ Архангельскую губернію на пять лѣтъ за участіе въ коллективномъ протестѣ противъ назначенія безъ вѣдома врачей севастопольской городской больницы одного лица въ составъ ихъ. Мудрено, кажется, было найти болѣе странную причину для такой крупной административной кары, какъ [высылка въ Архангельскъ... Тѣмъ болѣе, что по самому существу разногласія д-ра Никонова и товарищей съ д-ромъ Мертваго (бывшимъ севастопольскимъ городскимъ головой)—высшей администраціи не было никакихъ основаній вмѣшиваться въ исторію совершенно мѣстнаго значенія, которой „петербургскій оттѣнокъ“ придавъ былъ нарочито и преднамѣренно“...

Такимъ образомъ изъ опубликованныхъ газетами свѣдѣній видно, какая ничтожная часть потерпѣвшихъ отъ административнаго произвола лицъ получила право оводнаго передвиженія въ Имперіи. Этого слишкомъ—слишкомъ недостаточно. Предъ нами не болѣе, какъ самые робкіе шаги, и то не въ направленіи къ полному разрыву съ цѣлой системой, запечатлѣнной безсудіемъ и безправіемъ, а лишь къ признанію, что „система“ зашла слишкомъ далеко. Крестьянинъ, сосланный послѣ оправданія его судомъ, рабочій за участіе въ стачкѣ, земцы за то, что ихъ земское собраніе отличалось „либеральнымъ“ направленіемъ, докторъ за столкнове-ніе съ другимъ врачомъ, два литератора за предѣдательствованіе въ одной изъ секцій на съѣздѣ дѣятелей по техническому образованію, еще литераторъ, просто-таки такъ, „за общее вредное направленіе мыслей“, присяжный повѣренный „за политическую неблагонадежность“, — вотъ что, имѣвшее мѣсто въ министерство Плеве, исправляется въ настоящее время, и только. О причинахъ, порождавшихъ подобныя явленія и, конечно, имѣющихъ всѣ наличныя условія для возможности порождать ихъ и въ будущемъ, объ устраненіи этихъ причинъ разъ навсегда и о созданіи прочныхъ гарантій, которыя позволяли бы странѣ жить и развиваться нормальнымъ образомъ, обо всемъ этомъ нѣтъ и рѣчи.

„Мы надѣмся,—говорилъ въ Темниковскомъ земскомъ собраніи Ю. А. Новосильцевъ,—что за словами послѣдуетъ „дѣло“. Мы прибавимъ, что для этого необходимо, чтобы само общество громко и ясно сказало, что именно оно разумѣетъ подъ „дѣломъ“ и принялось само, не дожидаясь разрѣшенія, за организацію этого „дѣла“.

Другая часть формулы Ю. А. Новосильцева (установленіе законнаго порядка при активномъ содѣйствіи общества и населенія“) была болѣе развита гласнымъ П. А. Рождественскимъ во время нижегородскаго уѣзднаго земскаго собранія. Замѣтивши, по поводу предполагавшихся, нижегородскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, нѣкоторыхъ ходатайствъ, что „недостаточно ходатайствовать, необходимо еще поддержать свои ходатайства“, г. Рождественскій сказалъ:

„Мы этой возможности лишены. Является поэтому *насущная потребность для населенія участвовать въ законодательной работѣ*. Не пугайтесь, прошу васъ, этихъ „страшныхъ“ словъ. Среди насъ нѣтъ ни крамольниковъ, ни враговъ правительства. Но мы должны откровенно заявить о *насущной потребности нашего участія въ законодательствѣ*. Какой можетъ быть вредъ отъ того, что правительство узнастъ о народныхъ нуждахъ непосредственно отъ заинтересованныхъ въ нихъ людей? Стремиться къ этому—наша священная обязанность! Позволю себѣ маленькій намекъ (вы поймете его): не подлежитъ сомнѣнію, что

масса юношей, неопытных, способных дѣлать ошибки, принимаетъ у насъ участіе въ тѣхъ дѣлахъ, которыми слѣдовало бы заниматься зрѣлымъ людямъ. Ненормально, можетъ быть, преждевременное развитіе молодежи. Господа, у насъ есть дѣти, есть младшіе братья! Не возлагайте на нихъ непосильное дѣло. Самы беритесь за него! Не бойтесь, что на васъ взглянутъ, какъ на крамольниковъ, если вы захотите служить родинѣ. *Намъ нужно объединиться*, идти навстрѣчу нуждамъ населенія. Это возможно только, если будутъ представители населенія при законодательной работѣ. Въ какой формѣ это можетъ осуществиться, я не знаю. Но наша священная обязанность—просить объ этомъ, особенно теперь, когда мы слышимъ призывъ правительства къ обществу. Не пугайтесь. Вы только поможете правящимъ классамъ. Я прошу передать мое предложеніе въ комиссію и разработать въ связи съ ходатайствами о Земскомъ Положеніи“.

* * *

Печать заговорила въ послѣднее время нѣсколько болѣе яснымъ, чѣмъ обыкновенно, языкомъ, но и въ этомъ отношеніи желать остается еще очень и очень многого. Дѣло въ томъ, что, не взирая на „весну“, положеніе печати нисколько не измѣнилось. Если печать безцензурная имѣетъ еще возможность взять немного болѣе высокую, чѣмъ прежде, ноту, то печать подцензурная,—а въ такомъ положеніи находятся очень многіе журналы и газеты,—и въ особенности провинціальная, не только лишена возможности брать необходимыя ноты, но и въ обсужденіи даже обличныхъ вопросовъ встрѣчается съ тѣми самыми тормозами, которые съ незапамятныхъ временъ въ полномъ смыслѣ слова отравляютъ ея существованіе. Свѣжую иллюстрацію этой мысли читатель можетъ найти въ слѣдующемъ эпизодѣ, имѣвшемъ мѣсто, какъ намъ сообщаютъ, въ Саратовѣ. Дѣло происходило 9 октября въ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.

Засѣданіе началось заявленіемъ гл. А. М. Масленникова, который, обращаясь къ предсѣдателю собранія, сказалъ: „Ваше Сіятельство, я считаю необходимымъ сдѣлать небольшое заявленіе: на каждомъ засѣданіи собранія присутствуютъ представители мѣстной печати. Конечно, ихъ присутствіе можно только привѣтствовать, такъ какъ при посредствѣ газетъ населеніе можетъ быть въ курсѣ земской жизни, узнаеть, что мы говоримъ и дѣлаемъ здѣсь. Но, просматривая газетные отчеты и въ особенности о послѣднихъ засѣданіяхъ, я вижу нѣчто странное—мы говоримъ одно, а газеты печатаютъ другое; рѣчи ораторовъ печатаются въ такомъ урѣзанномъ и искаженномъ видѣ, что впечатлѣніе получается совершенно обратное тому, что было въ дѣйствительности. Выходить, что по поводу

самых невинных вещей гласные почему-то волнуются, издають вопли и бессмысленные возгласы, точно сумасшедшіе. Я считаю необходимымъ просить Ваше Сіятельство принять мѣры, чтобы представители печати не скрывали фактовъ, происходящихъ на собраніи, и печатали, не искажая, рѣчи ораторовъ“.

Е. А. Араповъ. Я думаю, что желаніе, выраженное гл. Масленниковымъ, есть единодушное желаніе всѣхъ гласныхъ. Читая отчеты въ газетахъ, не узнаешь своихъ словъ; читаешь и думаешь, Господи! да неужели я способенъ сказать подобную глупость? Изъ связной рѣчи получаются какія то отрывочныя слова, безграмотныя фразы. Я приведу примѣръ. Вы помните—по поводу оставленія службы гг. Борисовскимъ и Вендеровымъ я говорилъ довольно продолжительно и мотивировалъ собранію необходимость возвратитъ почтенныхъ педагоговъ на земскую ниву. Послушайте теперь, что сдѣлали съ моею рѣчью гг. референты (читаемъ): „очень жаль, что двумя достойными людьми стало меньше“... Дальнѣйшихъ словъ совсѣмъ въ отчетѣ нѣтъ, референтъ сразу перескакиваетъ на конецъ моей рѣчи (читаемъ): „А потому я рекомендую обратитъ съ ходатайствомъ о возвращеніи Вендерова и Борисовскаго на земскую службу“... Почему—почему? Ничего понять нельзя. Мы просимъ, Ваше Сіятельство, чтобы въ газетныхъ отчетахъ печаталось все то, что въ дѣйствительности бываетъ на собраніи. Если же газеты и ихъ представители не могутъ управитъся съ собраніемъ, то пусть ужъ лучше совсѣмъ не печатають своихъ искаженныхъ отчетовъ. Газетные отчеты—дѣло очень серьезное—по нимъ насъ провѣряють наши избиратели. Этотъ вопросъ надо сейчасъ же разрѣшить. Фактъ этотъ очень печальный; вообще говоря, присутствіе представителей печати желательно на всѣхъ общественныхъ собраніяхъ, но они должны сообщать дѣйствительность, а не такія извращенія ея.

Гл. Яковлевъ. Я присоединяюсь къ заявленію гг. Масленникова и Арапова. Газетные отчеты ужасны. Я не былъ на засѣданіи, когда разбирался инцидентъ въ вязовской школѣ. Читаю послѣ отчетъ въ „Саратовскомъ Листкѣ“ и ничего не понимаю—почему собраніе возбудило вопросъ объ учителѣ Касьянѣ? По отчету „Сарат. Листка“ выходитъ, что во всемъ виноваты вы, Ваше Сіятельство, и на себя же желаете жаловаться. А потомъ гласный Масленниковъ ни съ того, ни съ сего вдругъ предлагаетъ кого-то къ мировому судѣ тащить.

Б. А. Араповъ. Я тоже не успѣлъ пріѣхать къ началу того засѣданія, когда разбирался инцидентъ въ гремячевской школѣ, какъ о. Космолинскій съ полиціей разгонялъ учениковъ. Потомъ въ газетахъ читаю, что А. М. Масленниковъ предложилъ ни съ того ни съ сего избрать ко-

миссію для разсмотрѣнія вопроса, гдѣ мы живемъ: въ Турціи или въ Европѣ? Я изъ газетнаго отчета ничего не понялъ—зачѣмъ и почему понадобилась такая коммиссія.

Кн. Ухтомскій (обращаясь къ представителямъ печати). Я, конечно, не имѣю права требовать отъ васъ объясненій, но было бы очень желательно услышать отъ васъ—почему такъ искажаются отчеты?

Представитель „Сарат. Листка“. Запросы и нареканія, только что сдѣланныя здѣсь гг. гласными по нашему адресу, для насъ не новость. Гг. гласные обращались къ намъ съ этимъ запросомъ и вчера, и третьяго дня; и въ виду этого мы, представители всѣхъ трехъ газетъ, позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующее заявленіе: „Въ виду обращенныхъ къ намъ запросовъ гг. гласныхъ саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія, почему въ напечатанныхъ нами отчетахъ о засѣданіяхъ собранія допускаются крупныя сокращенія, а мѣстами весьма значительныя искаженія, подчасъ совершенно уничтожающія истинный смыслъ произнесенныхъ рѣчей, мы, референты отчетовъ, обращаемся къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшей просьбой довести до свѣдѣнія гг. гласныхъ, что всѣ сокращенія и всѣ искаженія ихъ рѣчей произведены не нами и не редакціями, а г. мѣстнымъ отдѣльнымъ цензоромъ, признающимъ возможнымъ не только вычеркивать цѣликомъ рѣчи ораторовъ, но даже вставлять свои собственныя слова въ официальные документы, оглашаемые въ собраніи и замѣнять своими собственными выраженіями—выраженія, употребленныя гг. гласными. Такимъ образомъ, мы слагаемъ съ себя всякую отвѣтственность за точность воспроизведенія въ газетахъ дѣйствительнаго характера засѣданій собранія“.

Представитель „Приволжскаго Края“. Къ тому, что сказалъ мой товарищъ отъ лица насъ троихъ (третій представитель былъ отъ лица „Сарат. Дневника“), я считаю необходимымъ добавить еще слѣдующее: г. цензоръ къ моимъ отчетамъ относится еще строже, чѣмъ къ отчетамъ другихъ газетъ, и вычеркиваетъ въ отчетахъ „Приволжскаго Края“ то, что уже разрѣшено имъ въ другихъ газетахъ. Такъ, онъ вычеркнулъ во вреніи о народныхъ библіотекахъ, разрѣшенныя имъ въ „Листкѣ“ и „Дневникѣ“ и даже тѣ мѣста, что раньше были напечатаны въ трудахъ училищной коммисіи, цензурованныхъ г. губернаторомъ. Я говорю это для того, чтобы избавить себя отъ особыхъ нареканій за еще большія искаженія въ отчетахъ, чѣмъ въ отчетахъ моихъ товарищей.

А. М. Масленниковъ. Дѣло это очень серьезное, и надъ нимъ нельзя не призадуматься. Очевидно, что цензоръ превысилъ свои права. Законъ говоритъ, что цензоръ обязанъ или цѣликомъ пропустить отчетъ о засѣданіи или совсѣмъ не пропускать. А г. цензоръ присвоилъ себѣ право,

ему не принадлежащее. Онъ хочетъ насъ цензуровать, но мы его цензуры не признаемъ. У насъ есть свой цензоръ, въ лицѣ предсѣдателя собранія, мы сами за себя отвѣчаемъ, такъ какъ мы отвѣтственны за свои слова передъ закономъ. Цензоръ погрѣшилъ даже и противъ логики, вычеркивая наши рѣчи, потому что исказить и извращать смыслъ рѣчи немислимо. Ни законъ, ни здравый смыслъ этого ему не позволяютъ. Я понимаю такую вещь: я написалъ произведеніе—цензоръ исчеркалъ его, и я воленъ печатать это произведеніе, или не печатать; но въ земскомъ собраніи, мы обсуждаемъ тѣ или иные факты и не желаемъ знать, нравится это или не нравится г. цензору Виноградову. Онъ зашелъ еще дальше: онъ черкаетъ официальные документы, оглашаемые въ собраніи и позволяетъ себѣ вставлять свои собственные выраженія въ нихъ. Отъ этого получается впечатлѣніе, что на земскомъ собраніи сидятъ гласные—сумасшедшіе. Я, можетъ быть, и глупъ, и говорю вздоръ, но, тѣмъ не менѣе, въ помощь г. Виноградова я не нуждаюсь, и вставляю свои слова въ мои рѣчи онъ не имѣетъ права. Даже здравый смыслъ не допускаетъ такого вмѣшательства. Цензоръ допустилъ превышеніе власти, и за это онъ долженъ отвѣтить. Весь этотъ прискорбный фактъ вынуждаетъ меня требовать, чтобы истина была восстановлена. Я предлагаю собранію: 1) ходатайствовать передъ г. губернаторомъ, чтобы въ мѣстной печати были напечатаны отчеты о послѣднихъ засѣданіяхъ собранія по журналамъ, утвержденнымъ собраніемъ; 2) принести въ главное управленіе по дѣламъ печати жалобу на отдѣльнаго цензора Виноградова за превышеніе имъ своихъ полномочій, выразившееся не только въ искаженіи официальныхъ документовъ и рѣчей гласныхъ, но во вписываніи своихъ словъ и выраженій въ нихъ, и 3) возбудить ходатайство передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ урегулированіи законодательнымъ порядкомъ отношеній цензуры къ отчетамъ и дѣятельности общественныхъ учреждений. Къ ходатайству же, въ видѣ доказательства, приложить копію съ нашихъ журналовъ и тѣхъ номеровъ газетъ, гдѣ напечатаны отчеты о собраніи въ дикомъ и искаженномъ видѣ, благодаря участію цензора.

Б. А. Араповъ. Какое же это единеніе правительства съ земствомъ, обѣщанное министромъ внутреннихъ дѣлъ, когда цензоръ, представитель правительства, позволяетъ себѣ такіа вещи?!

Кн. Ухтомскій. Угодно будетъ собранію принять твои предложенія гласнаго Масленникова?

Собраніе единогласно принимаетъ предложенія и дѣлаетъ соответствующее постановленіе.

А. В. Ничипоровичъ. Я считаю недостаточнымъ сдѣланное постановленіе. По моему мнѣнію, совершенно своевременно поднять другой во-

прось. На текущемъ собраніи передъ нами прошелъ рядъ темныхъ сторонъ нашей русской дѣйствительности. Всѣ эти гг. Архангельскіе, Космоливскіе ¹⁾ и скрывающіе ихъ грязныя дѣйствія—все это продуктъ звоего времени, эпохи, когда замуравывались окна и двери, и въ душевно темной атмосферѣ размножались пауки, совы, скорпіоны и другія мрачныя существа; они съ остервененіемъ бросались на всякую живую силу, на земскую школу и старались растерзать ихъ. Единственный способъ смести съ лица земли всю эту нечисть—это пустить струю чистаго воздуха и свѣта въ эту душную, темную комнату. Способъ пролить свѣтъ—это свободная печать. Всѣ пауки и скорпіоны не посмѣютъ высунуть носа, если печать можетъ говорить и обсуждать ихъ грязныя поступки, и я убѣжденъ, что если бы наша саратовская печать могла—она заговорила бы и объ Архангельскомъ, и о другихъ, равнѣе, чѣмъ мы случайно услышали о нихъ на собраніи, да и возможности существованія гг. Архангельскихъ не было бы. А потому я считаю своевременнымъ возбудить ходатайство о полномъ пересмотрѣ законовъ о печати. Основаніе этому ходатайству я вижу въ общественной рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ представителямъ печати въ Вильнѣ, что онъ другъ провинціальной печати, и что она должна говорить правду и помогать правительству.

В. А. Менде. Компетентно ли земское собраніе возбуждать такое ходатайство? Является ли продуктомъ общихъ причинъ прискорбный поступокъ цензора Виноградова. Не лежитъ ли онъ въ личности г. Виноградова?

А. М. Масленниковъ. Цензоръ Виноградовъ превысилъ полномочія, данныя ему закономъ. Существующія узаконенія разрѣшаютъ намъ говорить то, что мы говорили, а, слѣдовательно, и печатать наши слова. Мы должны послать министру внутреннихъ дѣлъ ходатайство о ненормальности нашего положенія; мы представимъ г. министру матеріалы къ тѣмъ законодательнымъ работамъ, которыя, я увѣренъ, онъ предприметъ. Возбуждать же ходатайства вообще объ измѣненіи закона о печати намъ нѣтъ надобности по частному случаю.

А. В. Ничипоровичъ настаиваетъ на своемъ предложеніи.—Неужели намъ неизвѣстны тѣ условія, въ какихъ находится провинціальная печать? Фактовъ у насъ слишкомъ достаточно. Доказательство, какъ трудно проникаютъ въ печать темныя факты русской жизни, только что прошло передъ нами. Мы обязаны во имя пользы населенія ходатайствовать объ

¹⁾ Сельскіе священники, уличенные на собраніи въ ложныхъ доносахъ на учителей и въ др. неправильныхъ поступкахъ.

измѣненіи закона о печати. Цензура—громадный тормазъ въ дѣлѣ нареднаго просвѣщенія, о которомъ мы заботимся.

Кл. Ухтомскій. Можетъ быть законъ и не такъ ужъ стѣснительнъ, какъ его хочеть сдѣлать цензоръ Виноградовъ. По моему мнѣнію, предложеніе гласнаго Ничипоровича оставить открытымъ до полученія отвѣта на нашу жалобу. Какъ будетъ угодно собранію?

А. М. Масленниковъ. Если министръ отвѣтитъ, что цензоръ Виноградовъ дѣйствовалъ по закону, тогда мы возбудимъ ходатайство объ отмене этого закона.

Собраніе постановило: вопросъ, возбужденный гл. Ничипоровичемъ, оставить открытымъ до отвѣта министра внутреннихъ дѣлъ на жалобу земства о дѣйствіяхъ цензора Виноградова.

Саратовская пресса является, разумѣется, не въ какомъ-либо исключительномъ, а наоборотъ въ самомъ обычномъ у насъ положеніи. „Весна“ этого положенія, очевидно, не коснулась. Между тѣмъ, въ вопросѣ о печати, какъ и въ вопросѣ объ амнистіи робкіе шаги никого удовлетворить не могутъ. Этими мы не хотимъ сказать, что разрѣшеніе указанныхъ вопросовъ, даже и въ вполнѣ желательномъ смыслѣ, направило бы русскую жизнь въ нормальное русло; — нѣтъ, но въ качествѣ мѣръ, необходимо предшествующихъ наступленію новаго порядка, разрѣшеніе вопросовъ объ амнистіи и свободѣ печати, является во всѣхъ смыслахъ необходимою особенно жгучею и особенно настоятельною.

* * *

По интересу, съ которымъ общественное мнѣніе отнеслось къ нѣсколькимъ разбиравшимся въ последнее время судебнымъ дѣламъ, первое мѣсто занимаетъ несомнѣнно процессъ бывшаго сенатора Шаумана, обвинявшагося въ государственной измѣнѣ. Мы приведемъ здѣсь полностью обвинительный актъ по этому дѣлу въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ появился въ офиціозной „Финляндской Газетѣ“, а затѣмъ и во многихъ другихъ газетахъ. Этотъ обвинительный актъ гласить слѣдующее:

„Во вторникъ, 12 (25) октября, абоскій гофгерихтъ началъ при открытыхъ дверяхъ разсмотрѣніе дѣла по обвиненію бывшаго финляндскаго сенатора и генераль-лейтенанта генеральнаго штаба русской арміи Фредрика Вальдемара Шаумана, 60 лѣтъ, въ государственной измѣнѣ. Публика допускалась по билетамъ, сообразно числу мѣстъ; два передніе ряда студьевъ были заняты родственниками подсудимаго.

Ровно въ десять часовъ утра вышли судьи: предсѣдатель совѣтниковъ гофгерихта баронъ Гелленсъ, члены—совѣтникъ гофгерихта Сарингъ, ассесоры Фалькъ и Русбергъ, добавочный членъ герадсгевдингъ Песоненъ;

обвинитель—адвокат-фискаль гофгерихта Сунелль. Подсудимый, бывший сенаторъ Шауманъ, былъ введенъ въ сопровожденіи директора абоской губернской тюрьмы Эмана; онъ одѣтъ въ черный скюртукъ, занялъ мѣсто рядомъ съ г. Эманомъ, у столика направо отъ суда. По другую сторону того же столика сѣлъ защитникъ, бывший сенаторъ баронъ Лангеншельдъ.

Разборъ дѣла начался чтеніемъ обвинительнаго меморіала, составленнаго адвокат-фискаломъ и представленнаго въ гофгерихтъ 4 (17) октября. Изъ этого документа видно, что во время обыска, произведеннаго полиціею въ квартирѣ подсудимаго 4 (17) іюня сего года, въ день кончины финляндскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта Н. И. Вобрикова, убитаго сыномъ подсудимаго, Евгеніемъ Шауманомъ, помимо цѣлага ряда книгъ и брошюръ революціоннаго содержанія, былъ найденъ вложенный въ книгу „Finlands Grundlagar“, собственноручно написанный бывшимъ сенаторомъ Шауманомъ планъ устройства по всей Финляндіи тайныхъ стрѣльцовыхъ обществъ слѣдующаго содержанія:

„Весь нашъ общественный строй и всѣ основные столбы сметаются, происходитъ разрушеніе, имѣющее цѣлью привести нашъ народъ въ состояніе совершенной безпомощности. Такимъ образомъ хотятъ отнять у него всякую способность сопротивленія, ввести состояніе беззаконія, при которомъ останется лишь господство и своеволие власть имущихъ.

„Наша старая культура должна быть уничтожена, а самихъ насъ хотятъ возвратить къ варварству.

„Мы не должны однако считать себя погибшими, ибо если мы погрузимся въ апатичное и рабское подданство, то сами нанесемъ себѣ смертельный ударъ.

„Самосознаніе народа слѣдуетъ всѣми средствами поддерживать, такъ какъ мы должны быть готовы и съ полнымъ самосознаніемъ встрѣтить тотъ день, когда законъ и правда снова окажутся побѣдителями. Тотъ, кто претендуетъ на пользованіе правами свободнаго человѣка, никогда не долженъ чувствовать себя беззащитнымъ, такъ какъ чувство полной беззащитности усыпляетъ и ведетъ къ рабскому подчиненію. Если мы не имѣемъ тѣхъ средствъ защиты, которыя даетъ нашъ на законѣхъ основанный правовой порядокъ, то намъ слѣдуетъ изыскать другія средства.

„Наше право оскорблено, и мы предоставлены неотвѣтственному генераль-губернатору и полному своеволю его послушныхъ орудій. Валѣдность послѣднихъ обнародованныхъ постановленій, мы фактически лишены всякой законной безопасности жизни, чести и имущества.

„Настало слѣдовательно время, когда мы сами должны взяться за защиту самихъ себя и нашихъ семей.

„Къ несчастію мы въ настоящее время черезчуръ слабы, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ сбросить иго и отомстить за беззаконіе. Мы лишены средствъ къ этому и должны преклониться передъ этимъ фактомъ. Но приближается время, и если Господь захочетъ, то оно и не далеко, когда намъ уже не придется страдать и терпѣть, такъ какъ и въ Россіи самодержавная власть сдѣлалась ненавистной, и тѣ средства, которыми она теперь поддерживается, ускорять ея паденіе. Къ этому времени мы должны приготовить. Мы должны вселить нашему народу сознаніе, что ему не слѣдуетъ въ то время стоять обезоруженнымъ и что нашъ долгъ тогда, по мѣрѣ способности, содѣйствовать низверженію тиранства. Надежда на то, что такое время настанетъ и забота о томъ, чтобы тогда оказаться достойными сынами своей страны, должна во время промежуточной тьмы поддержать храбрость нашего народа и усилить его любовь къ отечеству. Чтобы достичь этой цѣли, каждый человѣкъ, способный носить оружіе, долженъ въ этомъ отношеніи упражняться въ стрѣльбѣ пулей. Это достигается устройствомъ стрѣлковыхъ артелей по всей странѣ, въ каждой деревнѣ, при каждомъ промышленномъ предпріятіи. Руководителями и инструкторами должны приниматься опытные въ дѣлѣ и, въ смыслѣ любви къ отечеству, вполне надежные люди, желательнѣе всего изъ рядовъ кнѣзь расформированныхъ войскъ. Стрѣлковыя артели не должны имѣть между собою непосредственной связи, но быть въ сношеніи съ однимъ общимъ центромъ; такимъ образомъ, чтобы артели одной общины посредствомъ своего руководителя связывались съ однимъ въ общинѣ выбраннымъ повѣреннымъ, эти же въ свою очередь съ однимъ стоящимъ во главѣ отъ нѣсколькихъ сосѣднихъ общинъ избраннымъ повѣреннымъ, а эти послѣдніе чтобы сносились съ губернскими повѣренными, которыхъ можетъ быть одинъ или два въ каждой губерніи. Губернскіе же повѣренныя корреспондируютъ съ центральнымъ комитетомъ, состоящимъ изъ четырехъ, самое большое изъ пяти человѣкъ, подъ руководствомъ одного предсѣдателя.

„Обязанности повѣренныхъ слѣдующія:

„Каждый въ своемъ округѣ долженъ содѣйствовать устройству новыхъ артелей и стараться привлечь ихъ къ себѣ и заботиться объ ихъ работѣ и давать отчетъ о существующихъ артеляхъ, о числѣ членовъ въ нихъ, о степени ревностности къ дѣлу, о качествѣ имѣющихся ружей и амуниціи и т. п., слѣдующему вышестоящему повѣренному два раза въ году, весной и осенью. Свѣдѣнія, получаемыя губернскими повѣренными, сообщаются предсѣдателю центрального комитета. Повѣренныя не извѣстны другимъ лицамъ, кромѣ тѣхъ, съ которыми они находятся въ перешекѣ.

„Обязанности центрального комитета слѣдующія:

На этомъ закончилась найденная у Шаумана часть плана организации. Осуществление этого, составленнаго подсудимымъ плана устройства центрального революціоннаго комитета проявилось въ документахъ, найденныхъ при обыскѣ въ 1903 году у выборгскаго агитатора, доктора философіи Юліуса Люлю, имевис— циркулярѣ и инструкціи, въ которыхъ изложены в подробенъ планъ мѣстныхъ революціонныхъ стрѣлковыхъ кружковъ, на обязанности которыхъ лежало обученіе населенія, мужского и женскаго, при посредствѣ народныхъ учителей, стрѣльбѣ пулями и снабженіе его маузеровскими магазинными ружьями. При этомъ рекомендовалось обучать стрѣльбѣ одиночно, сначала стоя, потомъ съ колѣна, далѣе лежа; а если представлялась возможность—соединять стрѣлковъ вмѣстѣ и упражнять въ стрѣльбѣ пачками и залпами.

Особое вниманіе обращаетъ на себя § 12, опредѣляющій цѣль организации. Овъ гласитъ: „Послѣ того, какъ оружіе отобрано у нашего народа, для насъ является настоятельною необходимою приложить всѣ усилія къ тому, чтобы мы не могли въ одинъ день стать безъ всякой защиты легкой добычей врага, который именно обезоруженіемъ и обезвреженіемъ народа подготавливаетъ будущее нападеніе для его уничтоженія“. Независимо сего въ этой инструкціи агенты обязываются поощрять населеніе къ покупкѣ однострѣльныхъ ружей—маузеровскихъ, скорострѣльныхъ, самозаряжающихся на пять патроновъ, съ указаніемъ, что таковыя могутъ быть приобретаемы при посредствѣ организаціи, за наличныя деньги, по 80 марокъ. Веденіе точнаго учета этихъ маузеровскихъ ружей, находящихся въ рукахъ населенія, возложено на мѣстныхъ агентовъ центрального комитета.

Сообразно съ планомъ Шаумана обеспечена и конспиративность стрѣлковыхъ обществъ.

Надлежитъ особо отмѣтить, что сынъ подсудимаго Шаумана, убійца генералъ-адъютанта Вобрикова, Евгенийъ Шауманъ находился, именно, во главѣ такого охотничьяго общества, которое обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что оно вовсе не имѣло охотничьихъ угодій, и члены его занимались исключительно стрѣльбою въ цѣль пулями.

Выяснено также, что Евгенийъ Шауманъ занимался вопросомъ о снабженіи вообще тайныхъ стрѣлковыхъ обществъ скорострѣльнымъ ружьемъ одного типа и велъ переписку съ нѣкоторыми лицами въ Стокгольмѣ о доставкѣ ружей и патроновъ. Въ приложенныхъ къ дознанію письмахъ другого сына подсудимаго, Павла, неоднократно обсуждается вопросъ объ ожидаемомъ возстаніи въ Финляндіи. На основаніи этихъ обстоятельствъ и во вниманіе къ тому, что составленный подсудимымъ планъ организаціи тайныхъ стрѣлковыхъ обществъ съ преступною цѣлью самъ по себѣ.

является наказуемым приготовлениемъ къ государственной измѣнѣ, адвокатъ-фискаль пришелъ къ заключенію, что Шауманъ подлежитъ суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 4 и 6 главы 11-й уголовного уложенія, причемъ то обстоятельство, что Шауманъ долгое время состоялъ на государственной службѣ и занималъ высокія должности, должно быть признано отягчающимъ его вину. Устно адвокатъ-фискаль добавилъ, что упомянутыя статьи уголовного уложенія должны быть применены по тексту, установленному Высочайшимъ постановленіемъ 9 (21) мая 1894 года, и что онъ оставляетъ за собой право дополнять предъявляемое имъ обвиненіе по мѣрѣ выясненія обстоятельствъ дѣла. Обвинителемъ представлены суду акты дознанія въ переводѣ на шведскій языкъ, на которомъ происходитъ разборъ дѣла, и—въ качествѣ вещевыхъ доказательствъ—вышеупомянутый планъ, составленный Шауманомъ, бумага, найденная въ Выборгѣ у доктора Люлю, и длинный рядъ писемъ, найденныхъ при обыскахъ у Фредерика и Евгенія Шаумановъ. Всѣ эти документы читаются предсѣдателемъ, причемъ изъ писемъ читаются лишь мѣста, имѣющія отношеніе къ дѣлу.

Послѣ этого доклада, заявившаго около двухъ часовъ, начался допросъ подсудимаго сначала предсѣдателемъ, потомъ адвокатъ-фискаломъ. На вопросы о личности Шауманъ объяснилъ, что онъ родился 10 октября 1844 года, воспитывался въ финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1862 году выпущенъ подпоручикомъ; съ 1866 по 1868 годъ проходитъ курсъ академіи генеральнаго штаба и затѣмъ продолжаетъ службу въ рядахъ русской арміи. Былъ докладчикомъ при военномъ министрѣ по дѣламъ финскихъ войскъ, въ 1889 году назначенъ начальникомъ штаба финляндскаго генераль-губернатора по финскимъ войскамъ, въ 1894 году—вазаскимъ губернаторомъ съ производствомъ въ генераль-майоры, съ 1896 по 1900 г. состоялъ сенаторомъ и начальникомъ милиціонной экспедиціи Императорскаго финляндскаго сената, причемъ въ 1898 году произведенъ въ генераль-лейтенанты. Въ 1900 г. уволенъ по прошенію въ отставку съ пенсією и переименованъ въ тайные совѣтники. Отъ первой жены имѣетъ, кромѣ застрѣливагося убійцы, Евгенія—сыновей Мѣхала и Павла и дочь Сигридъ-Марію, отъ второго брака—двухъ сыновей и одну дочь. Послѣ выхода въ отставку жилъ дома, не занимался никакими посторонними дѣлами, не участвовалъ въ политическихъ собраніяхъ, революціонныя брошюры получалъ бесплатно, по почтѣ, не зная отъ кого, но на подпольное изданіе „Fria Ord“ подписывался. Винодность свою отрицаетъ. Планъ организаціи онъ написалъ рѣчи времяпрепровожденія, подъ влияніемъ нахлынувшихъ мыслей, но практическаго значенія ему не придавалъ, личному не показывалъ, ни съ кѣмъ не совѣщался. Готовъ признать, что

мысли, наложенныя имъ въ планѣ, преступны, но за мысли не судать. Съ докторомъ Люлю былъ знакомъ поверхностно, о бумагахъ, найденныхъ у него, ничего не зналъ. О намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ сына своего Евгенія, который отличался замкнутымъ, скрытнымъ характеромъ, не имѣлъ понятія; за выраженія въ письмахъ сына Павла (о востаніи въ Финляндіи) не отвѣтственъ. Переписку Евгенія Шаумана о высылкѣ ружей и патроновъ объясняетъ себѣ его увлеченіемъ стрѣлковымъ спортомъ и должностію секретаря общества охотниковъ“.

По разнымъ обстоятельствамъ разсмотрѣніе дѣла Шаумана отложено.

Далѣе, изъ телеграммы „Росс. Аг.“ изъ Гельсингфорса, отъ 29 октября, мы узнаемъ, что тайный совѣтникъ Шауманъ, обвиняемый въ государственной измѣнѣ, и впредь до окончанія дѣла освобожденный изъ подъ стражи, прибылъ вчера изъ Або съ поѣздомъ въ 1 ч. 30 мин. пополудни. На желѣзнодорожной станціи задолго до прихода поѣзда собралась толпа, которая встрѣтила его восторженнымъ „ура“. Когда Шауманъ вышелъ изъ вокзала, то онъ былъ встрѣченъ гнѣвомъ „Vart land“, исполненнымъ на площади собравшеюся публикою. Другая демонстрація была произведена передъ его квартирою.

Изъ другихъ дѣлъ, кромѣ дѣла сенатора Шаумана, за обозрѣваемый періодъ имѣли мѣсто еще два судебныхъ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ. Первое изъ нихъ происходило, какъ сообщаютъ „Русскія Вѣдомости“, 7 октября въ г. Витебскѣ, гдѣ оно слушалось особымъ присутствіемъ выѣздной сессіи с.-петербургской судебной палаты въ усиленномъ составѣ. Обвинялись Лабковский, Перлякъ, Пятъ, Влюдиновъ, Арошъ и Халимъ Левиншоны, Явшинскій и Муринсонъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 126 ст. уголовного уложенія 22 марта 1903 г. т. е. въ участіи въ сообществѣ, поставившемъ себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя. Защищали присажные повѣренные Зарудный, Югансонъ и Теодоровичъ. Дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ. Всѣ подсудимые были признаны виновными по 126 ст. улож. и присуждены къ заключенію въ крѣпости отъ одного года одного мѣсяца до одного года восьми мѣсяцевъ, причѣмъ шести подсудимымъ палата постановила зачесть время предварительнаго заключенія, каковое для пяти подсудимыхъ, находящихся подъ стражей, составляетъ около 3 мѣсяцевъ, а для первыхъ, бывшихъ на свободѣ,—около 4 мѣсяцевъ.

По объявленіи резолюціи, согласно заключенію прокурора, палата постановила подсудимыхъ, бывшихъ на свободѣ, взять подъ стражу и защитить, въ ходатайствѣ замѣнить арестъ по отношенію ко всѣмъ подсудимымъ болѣе легкой мѣрой, отказать.

* * *

„26 октября въ публичномъ засѣданіи уголовного кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго Таганцева,—какъ сообщаетъ „Новое Время“,—слушалось дѣло по жалобѣ титулярнаго совѣтника Алексѣя Милашевскаго, бывшаго члена саратовской городской управы, на приговоръ саратовской судебной палаты по обвиненію его по 250, 251 и 252 ст. Улож. о нак.

Саратовская судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей признала Милашевскаго виновнымъ, во-первыхъ, въ томъ, что онъ принадлежить къ обществу, извѣстному подъ именемъ „партія социалистовъ-революціонеровъ“, поставившему себѣ задачей переимѣну въ Россійской Имперіи образа правленія и проявившему умыселъ дѣйствовать для достиженія этой цѣли мѣрами насильственными; во-вторыхъ—въ составленіи и распространеніи сочиненій, воззваній и т. п., возбуждающихъ населеніе къ явному неповиновенію власти верховной и дерзостно отрицающихъ установленный государственнымъ закономъ образъ правленія.

Какъ видно изъ доклада сенатора Рѣпинскаго, въ домѣ обвиняемаго было найдено тайное помѣщеніе, въ которомъ хранились различныя революціонныя сочиненія, воззванія и т. п., причѣмъ нѣкоторые изъ нихъ были сотни экземпляровъ. Г. Милашевскій отрицалъ на судѣ свою вину и далъ объясненіе такого рода:

Лѣтомъ 1902 г., послѣ убійства Валмашевымъ министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина, онъ, обвиняемый, заинтересовался нелегальными прошеденіями, которыя началъ доставать черезъ одно лицо, имени котораго называть онъ не желаетъ. Въ цѣляхъ безопасности онъ и хранилъ эти сочиненія въ погребѣ своего дома, поставивъ туда ящики, замаскировавъ его полками.

Особое присутствіе саратовской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, признавъ Милашевскаго виновнымъ, приговорило его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ осмыкѣ въ каторжныя работы на восемь лѣтъ.

Въ поданной Милашевскимъ кассационной жалобѣ указывается на рядъ нарушеній, допущенныхъ судомъ и выразившихся въ неправильномъ толкованіи 251 ст. ул. о нак., въ противорѣчій въ мотиватѣ и въ произвольныхъ предположеніяхъ, не имѣющихъ основаній въ обстоятельствахъ дѣла. Между прочимъ касатель указалъ на то, что фактъ нахожденія въ его домѣ нелегальныхъ сочиненій еще не подтверждаетъ сдѣланнаго судомъ предположенія о принадлежности его къ партіи „социалистовъ-революціонеровъ“, и что судъ неправильно отказалъ ему въ вызовѣ свидѣтелей, которые знаютъ его и могли бы выяснить его образъ мыслей.

Правительствующій Сенатъ послѣ двухчасоваго совѣщанія опредѣлялъ:

приговоръ саратовской судебной палаты за нарушеніемъ 797 ст. уст. угол. суд. отменить и передать дѣло на новое разсмотрѣніе въ ту же палату при другомъ составѣ присутствія“.

* * *

Въ лѣтописи событій за рассматриваемый промежутокъ времени необходимо занести многіе случаи безпорядковъ, произведенныхъ запасными нижними чинами во время мобилизаціи. Офіціальныя свѣдѣнія по этому поводу отъ 28 октября гласятъ слѣдующее:

„Согласно полученнымъ точнымъ свѣдѣніямъ, безпорядки, чинимые призывными запасными чинами, происходили въ разныхъ мѣстахъ: Витебской, Смоленской и Кіевской губерніи и приняли наиболѣе острый характеръ въ Каневѣ, гдѣ партія запасныхъ производила по пути слѣдованія въ названномъ городѣ разгромъ винныхъ лавокъ, магазиновъ, еврейскихъ и помѣщичьихъ домовъ, мельницъ, оказали сопротивление полиціи, желавшей помѣшать имъ разгромить винную лавку. Пьяная толпа запасныхъ, воспользовавшись малочисленностью воинской команды, ворвалась въ управленіе воинскаго начальника, произвела тамъ буйство и, бросившись на базарную площадь, разграбила нѣсколько лавокъ. При подавленіи безпорядковъ ранены камнемъ въ голову помощникъ исправника и въ ногу одинъ нижній чинъ.

Въ Смоленскѣ партія запасныхъ также произвела у помѣщенія воинскаго начальника буйство, начавшееся съ драки съ евреями.

Самые продолжительные безпорядки произошли въ Полоцкѣ, гдѣ прибывающіе послѣдовательно въ теченіе трехъ дней съ эшелонами запасные нижніе чины производили разгромъ винныхъ лавокъ и расхищали вино. Попытка буйствовавшихъ произвести разгромъ въ еврейскихъ кварталахъ не увѣчалась успѣхомъ, вслѣдствіе вмѣшательства полиціи.

Винныя лавки были разгромлены, кромѣ того, въ гор. Лепель и мѣстечкѣ Ушачи, Витебской губерніи, въ шести селахъ Кіевской губерніи, городѣ Сѣнно Могилевской губ., городахъ Люцянъ и Рѣжачѣ, Витебской губ. Въ Рѣжачѣ также пострадалъ винный складъ и избитъ полицейскій приставъ. Въ Сѣнно убитъ одинъ конвойный.

За время остановки воинскаго поѣзда на станціяхъ Крейцбургъ и Сиретино Ригго-Орловской жел. дор. запасными разгромлены буфеты и разбиты двѣ частныя лавки.

Въ Витебскѣ, слѣдовавшая изъ Смоленска партія въ 400 запасныхъ, при остановкѣ поѣзда, бросилась въ городъ за покупками, причѣмъ хватала и разбрасывала изъ лавокъ товаръ.

Въ одномъ селѣ произведено нападеніе на сахарный заводъ, въ другомъ на почтово-телеграфную контору.

Въ Киевской губерніи раненъ толпой въ своемъ домѣ помѣщикъ, причѣмъ денежная касса его разгромлена. Въ той же губерніи у станціи Таганча запасные побили и отняли деньги у проѣзжавшаго священника, причѣмъ у жандармскаго унтеръ-офицера, пытавшагося повліять на толпу увѣщеваніемъ, была выхвачена шапка, а самъ онъ былъ поваленъ на землю и побить.

Въ Выховѣ, Могилевской губерніи, безчинствующіе запасные разбивали и грабили дома обывателей“.

Въ дополненіе къ этому сообщенію столь же официально [26 октября опубликовано:

„25 сего октября, рано утромъ, по пути изъ гор. Кадниковъ Вологодской губерніи въ гор. Томскъ прибылъ въ Москву на товарную станцію Казанской жел. дороги эшелонъ призванныхъ на дѣйствительную службу запасныхъ нижнихъ чиновъ числомъ 1,000 человекъ. Отправившіеся въ городъ чины запаса въ сильно нетрезвомъ видѣ стали буйствовать и безчинствовать, желая силою ворваться въ заблаговременно закрытыя винныя лавки и трактирныя заведенія, расположенныя вблизи станціи. Для возстановленія порядка прибыла военная команда, которая водворила запасныхъ на товарную станцію. Во второмъ часу дня запасные стали вновь буйствовать, требуя отпуска ихъ въ городъ и стремясь силою выйти со станціоннаго двора. На всѣ увѣщанія военнаго начальства прекратить беспорядокъ, съ предупрежденіемъ о томъ, что воинская часть принуждена будетъ прибѣгнуть къ оружію, толпа запасныхъ отвѣчала бранью и стала бросать волѣнья и камни, которыми были ранены: начальникъ команды, три офицера и девять нижнихъ чиновъ. Истощавъ всѣ мѣры и видя, что запасные, несмотря на нѣсколько выстрѣловъ, произведенныхъ умышленно въ воздухъ, не только не уснокаиваются, но продолжаютъ наступать на войска съ цѣлю прорваться, начальникъ приказалъ стрѣлять, причѣмъ были убиты два запасныхъ нижнихъ чина: Алексѣй Кузьминъ и другой, имя котораго пока еще не выяснено, и ранено 6 человекъ: Степанъ Гуляевъ, Иванъ Колдуновъ, Николай Косталовъ, Александръ Соколовъ, Василій Милютинъ и Алексѣй Каптинъ. Послѣ этого порядокъ возстановился“.

Комментариу извѣстіе о московскихъ событіяхъ, князь Мещерскій пишетъ: „я постарался выяснить себѣ психическую причину этого печальнаго событія. Оказывается, что причина беспорядковъ заключалась въ отсутствіи всякихъ предупредительныхъ мѣръ. И дѣйствительно, какъ не назвать отсутствіемъ всякихъ предупредительныхъ мѣръ тотъ фактъ, что на весь

поѣздъ въ 1000 призывныхъ, отправленныхъ изъ Вологды, оказалось всего два офицера. Дѣло, очевидно, не въ однихъ офицерахъ. Несомнѣнно, что если бы, кромѣ офицеровъ, находились хорошіе унтеръ-офицеры, они сумѣли бы успокоить настроеніе призывныхъ“.

Вотъ какъ все просто объясняется! И какъ это другимъ не приходитъ въ голову столь легкіе способы успокоенія народныхъ волненій. Должно быть потому, что другіе—суть простые смертные, а кн. Мещерскій—оущество чуть-чуть что не гениальное...

Октябрь мѣсяць вообще былъ богатъ этого рода событіями.

„Русскія Вѣдомости“ сообщаютъ, что въ г. Вѣлостокѣ 6-го октября, около 7-ми часовъ вечера, въ канцелярію пристава 1-й части вошелъ, по-видимому, рабочій лѣтъ 20-ти и бросилъ снарядъ. Послѣдовалъ взрывъ. Злоумышленникъ убитъ; ранены: письмоводитель, его помощникъ, околоточный надзиратель, городской и два частныя лица, находившіяся въ помѣщеніи участка. Сильно пострадала квартира: мебель вся пощелена, стекла выбиты даже въ сосѣднихъ домахъ. Производится слѣдствіе“.

„Варшавскій Дневникъ“ передаетъ, что въ Варшавѣ въ воскресенье 10 октября, послѣ 5 часовъ пополудни, собравшаяся за городской чертой, около Вальсваго кладбища, толпа двинулась въ городъ, безчиствуя и разбрасывая по пути прокламаціи. Около Вольской заставы толпа была остановлена подосланнымъ полицейскимъ нарядомъ, который былъ осыпанъ камнями и потому вынужденъ былъ дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ послѣ чего толпа разсѣялась, и нѣсколько вожаковъ ея были захвачены. При столкновеніи съ толпою ранены камнями приставъ 7 участка пол. асс. Фуко и помощникъ пристава кан. Алферовъ, убитъ камнемъ старшій околоточный надзиратель Левандовскій“.

Во всѣхъ газетахъ было напечатано, что 9 октября въ петербургской тюрьмѣ закончилъ жизнь самоубійствомъ политическій заключенный, бывшій студентъ технологич. института Иванъ Малышевъ. Распространился слухъ, что по этому поводу молодежь рѣшила устроить демонстрацію на Казанской площади. Въ газетѣ „Русь“, въ замѣткѣ, озаглавленной „Въ Казанскомъ соборѣ“, находится по этому поводу такія строки:

„Придя сегодня въ первомъ часу въ Казанскій соборъ, я застаю въ соборѣ довольно много народу, но не замѣтилъ почти формы учащихся. На Невскомъ же, противъ собора, въ это время собралось довольно много публики и не мало учащихся.“

Споя у алтара, я вдругъ замѣтилъ, что недалеко отъ меня какой-то человекъ наклонился на молодую дѣвушку, но виду курносому, и началъ ее зрѣбо таянить. Она громко закричала, но это не основательно охватываемо ея дворника; въ чемъ подоспѣлъ другой, и оба они потащили ее къ выходу.

На ее просьбу отпустить, одинъ изъ нихъ ударилъ ее по головѣ, и затѣмъ оба они соединенными силами вытащили ее на паперть. Въ это же время начали тащить еще другую дѣвушку со стриженными волосами, затѣмъ начали хватать еще другихъ и всего такимъ образомъ вытащили силой около двѣнадцати человекъ. На паперти собора полицейскій офицеръ отдалъ приказъ: „Не отпускать никого“. Взятыхъ повели во дворъ ближайшаго дома. Когда я обратился къ дворникамъ съ упреками, туда же потащили и меня, но вконецъ отпустили.

Когда я вышелъ на площадь, къ панели противъ Казанскаго собора подѣхалъ с.-петербургскій градоначальникъ и, сойдя на тротуаръ, началъ весьма деликатно уговаривать публику расходиться.

Въ это время я подошелъ къ г. градоначальнику и спросилъ его, за что дворники били въ соборѣ женщинъ, которыя не обращали ничѣмъ на себя вниманія и стояли у алтара, какъ и всѣ собравшіяся въ церкви. Градоначальникъ пригласилъ меня и нѣсколькихъ студентовъ, оставшихъ въ окружавшей насъ толпѣ, слѣдовать за ними къ арестованнымъ, обещая тотчасъ же выпустить ихъ на свободу.

Арестованные, когда мы пришли къ нимъ, уже были въ участкѣ, были переписаны и обысканы. Градоначальникъ, войдя къ нимъ, обратился съ вопросомъ, гдѣ арестованные, и тутъ же всѣ начали ему жаловаться на побой (дворники били кулаками по головѣ). Въ это время я замѣтилъ курсистку, которую ударили на моихъ глазахъ, и наказалъ на нее градоначальнику, а затѣмъ увидѣлъ и дворника, ее бившаго, который бросился къ выходу, но былъ тутъ же мною задержанъ. Градоначальникъ спросилъ дворника, билъ ли онъ, но дворникъ отвѣтилъ: „ничего нѣтъ“. Градоначальникъ приказалъ записать имя дворника.

Послѣ этого градоначальникъ еще нѣсколько минутъ разговаривалъ съ арестованными и отпустилъ ихъ на свободу, выразивъ сожалѣнiе о происшествiи. Выйдя изъ участка, онъ тотчасъ же отдалъ приказъ снять немедленно нарядъ и вышелъ на площадь, гдѣ вокругъ него опять собралась толпа молодежи. Поговоривъ съ нѣсколькими лицами (къ нему подошли двѣ изъ набитыхъ дѣвушекъ; съ одной изъ нихъ передъ тѣмъ сдѣлалась истерика), градоначальникъ проеился съ толпой и уѣхать. (Вслѣдъ за нимъ всѣ начали расходиться, безъ всякаго участiя полицейскихъ“.

Комментарiи тутъ едва ли нужны...

* * *

Мы хотѣли закончить на вышеприведенныхъ строкѣхъ нашу хронику, когда въ „Московскiхъ Вѣдомостяхъ“ мы нашли цѣлое воззванiе, цѣлую прокламацiю какого-то дворянина Н. А. П-ва къ дворянству. Строки этого

господина столь въ своемъ родѣ интересны, что мы,—несогласные съ авторомъ прокламаціи ни въ одномъ словѣ,—хотимъ, тѣмъ не менѣе, перепечатать цѣликомъ это, отдающее смрадомъ крѣпостной эпохи, произведеніе. Вотъ оно. Читайте его, любуйтесь имъ:

„Въ послѣдніе два мѣсяца радикальная печать затрогиваетъ и коснется на коренные интересы сословія,—выдвигая необходимость введенія безословнаго начала въ земствѣ, равноправности въ воспитаніи, отжики морадка административнаго управленія и цѣлый рядъ другихъ мѣропріятій, не только косвенно, но и непосредственно нарушающихъ самую основу сословія.

„Печать давно твердитъ о „назрѣлости“ этихъ реформъ, но еще никогда не осмѣливалась такъ смѣло выдвигать ихъ на первое мѣсто, какъ дѣлаетъ это теперь.

„Овоимъ натискомъ по всему фронту печать открыто возсгаетъ противъ главныхъ устоевъ государственнаго порядка и вѣнчаетъ свою программу предложеніемъ новаго государственнаго строя, о которомъ еще недавно смѣла говорить только шепотомъ.

„Очевидно, что въ Россіи нѣтъ ни одного *честнаго дворянина* (здѣсь и дальше курсивы подлинника—В. В.), который примкнулъ бы къ этимъ мнѣніямъ въ частяхъ и въ общей программѣ. Очевидно, что дворянство повяло, наконецъ, куда ведетъ гласная агитація печати, увеличивая ежедневно ряды безословныхъ революціонеровъ. Очевидно, что въ средѣ дворянства цѣлы ихъ вѣрованія и понятія долга, точн) выраженные въ присягѣ, которою оно каждые три года подтверждаетъ свои обязанности безусловнаго вѣроподданническаго повиновенія. Очевидно, что всѣ признають малѣйшее отступленіе отъ великой присяги—за предательство и нагбну. Очевидно, что дальше дворянство не можетъ и не должно относиться безразлично и терпѣть—не критику, а поношеніе государственнаго порядка, законовъ и строя; очевидно, что дальше, при такомъ направленіи печати, страша спокойно жить не можетъ.

„Съ тѣмъ вѣствѣ и личныя, родовыя права дворянства находятся въ серьезной опасности.

„Дворянство, близкое къ царю и къ народу, исконно-вѣрное „на мору и на бранномъ полѣ“, въ эту минуту на войнѣ доказываетъ — чего оно стоитъ, и какъ нерушима его присяга.

„Дома, на мѣстахъ, дворянство должно встать во весь свой политическій ростъ и высказать громко, на всю Россію, свое порицаніе той части общества, которая въ послѣдніе годы и въ послѣдніе мѣсяцы вноситъ тяжкую смуту, мѣшаетъ жить, и своими рѣчами и писемомъ ведетъ государство къ гибели и распаденію. И дворянство можетъ начать это дѣло съ увѣ-

решностью, что все, что есть лучшего въ Россіи, его поддержать, что громадное большинство этихъ земствъ, этихъ всеословныхъ представителей народа, будетъ съ ними заодно и составитъ мощный отпоръ похотливой наглости враговъ Россіи и ея дворянства.

„Историческій моментъ *дѣйствій* дворянства наступилъ; каждый день медлительности можетъ быть непоправимъ. Друзей у Россіи вѣдшихъ нѣтъ, кольцо враговъ постепенно сжимается, жадно заглядываясь на нашъ просторъ и богатство. Внутренніе враги, *эти главные виновники войны* (куреньъ нашъ), подняли головы, какъ никогда, высоко: ихъ надо согнуть, общество надо вернуть на свое мѣсто; пусть работаетъ, наживаетъ, пусть помогаетъ народу идти по пути цивилизаціи, но пусть не роетъ ему ямы, потерю національнаго и религіознаго самосознанія, пусть не осмѣливается переходить тотъ предѣлъ, который положенъ историческою давностью, обычаемъ, вѣрой и преданностію Престолу,—единственными факторами, которыми можетъ продолжаться жить Русская Россія.

„Упаси Богъ, дворянство упуститъ этотъ моментъ; мы, дворяне, разбросанные во всѣхъ углахъ государства, ждемъ отъ нашихъ предводителей дѣла и большого вниманія. Не даромъ они предводители, не даромъ обращены слова Правительства къ сословіямъ съ искреннимъ довѣріемъ, и надо его использовать всею силой разума и воли.

„Слушайте своихъ предводителей“, говорили Вѣнценосные Вожди народа,—и пусть народъ и общество, и лучшая, и заблуждающаяся часть его выслушаютъ голось дворянства и его вожаковъ.

„Нужны собранія, нужно дворянамъ высказаться по одной программѣ, выработанной предводителями, точно согласованной съ текстомъ нашего девиза—присяги. Пускай же предводители, сѣзжающіеся по *новому обычаю*, разрѣшенному Правительствомъ, прочтутъ эти строки, сознаютъ важность минуты и святость дворянскаго права и обязанностей; пусть не сочтутъ ихъ за совѣтъ, а поймутъ въ нихъ горячую, настойчивую просьбу дворянина, и пусть исполнить „господинъ Россійское Дворянство“ овой вѣковой вѣрноподданческой долгъ. Враговъ вѣдшихъ побѣдять терпѣніе, храбрость и сила; внутреннихъ еще легко и мирно побѣдять разумъ и сила мѣтнія.

„Дѣло дворянства возвѣститъ міру, что не пришло еще время слушаться и вѣрять шайкѣмъ взмѣнниковъ исторіи и вѣры, которыхъ не мало во всѣхъ государствахъ. Они кличутъ: „возстаньте, Правительство сидитъ“; пусть же дворянство подтвердитъ иное, повторитъ слова маститаго издателя газеты, въ которой пишу эти строки, слова М. Н. Каткова: „возстаньте, Правительство идетъ!“

„И оно идетъ неустанно и смѣло, облеченное полнымъ довѣріемъ со-словій, то-есть вrego Русскаго народа.

„Встаньте же и вы, господа дворяне, пора настала, скажите то, что отъ васъ ждетъ бѣлая Русь!“

Какъ извѣстно, на языкѣ всякихъ П-выхъ и К^о подъ „врагами внутренними“ разумѣются всѣ люди не квартальнаго образа мыслей, т. е. вся русская интеллигенція, все то, что отъ Радищева и Новикова до Тургенева, Герцена, Салтыкова и Льва Толстого трудилось надъ созданіемъ нашей духовной культуры, нашего самосознанія, нашей свободы. И вотъ эту-то часть народа русскаго, учениковъ великихъ учителей, какой-нибудь г. П-въ смѣетъ третировать, какъ „враговъ Россіи“, смѣетъ прикидывать цѣлое сословіе дать „мощный отпоръ ихъ похотливой наглости!“ Пусть врывается! Мы очень бы желали, чтобы тѣ, къ кому обращать врыванье, попробовали бы послѣдовать совѣту П-ва: Для этой именно цѣли мы и перепечатаваемъ его воззваніе. Но это едва ли можетъ случиться въ дѣйствительности. Уже слишкомъ смѣшонъ г. П-въ съ его обвиненіями русской интеллигенціи даже въ томъ, что никто иной, какъ она, была „главнымъ виновникомъ войны“... Трудно выступать спасителемъ отечества въ костюмѣ клоуна. И все-таки, повторяемъ, мы хотѣли бы, чтобы желанное г. П-вымъ событіе стало фактомъ русской жизни. Посмотрѣли бы мы да посчитали, по крайней мѣрѣ, сколько еще на русской землѣ удѣлало въ полной неприкосновенности Собакевичей и Ноздревыхъ, посмотрѣли бы, дѣйствительно ли поддержало бы ихъ „громадное большинство земствъ“ и „все, что есть лучшаго въ Россіи“?.. Выступайте, выступайте г-да П-вы! Окалодочные надзиратели, князь Мещерскій, петербургскіе дворники, г. Грингмутъ и вообще „все, что есть лучшаго въ Россіи“ будутъ съ вами. Чего же вамъ еще надо? Итакъ, за дѣло, за дѣло, господа!

В. Богучарскій.

Письма изъ провинціи.

Изъ Владиміра-губернск.

(Война и промышленная деревня).

Врядъ ли гдѣ отзвуки войны проявляются такъ ярко, какъ въ деревнѣ центральной полосы Россіи. Не успѣло пройти нѣсколькихъ мѣсяцевъ военнаго времени, какъ промышленная Владимірская губернія откликнулась въ обычныхъ отвѣтахъ корреспондентовъ губернской земской управы цѣлыми еотями самыхъ грустныхъ извѣстій. Надавна втянутая въ водоворотъ промышленной жизни, владимірская деревня большую часть своихъ рабочихъ силъ отдаетъ промысловой дѣятельности: чистыхъ земледѣльцевъ среди ея взрослога мужского населенія насчитывается не болѣе 15%, остальные—такъ или иначе занимаются тѣми или другими промыслами. Неудивительно, что событія военнаго времени, накладывающія свою руку прежде всего на промышленность, тяжело отразились на здѣшней деревнѣ.

Легко сказать—изъ 420 корреспонденцій, присланныхъ изъ разныхъ уголковъ губерніи, цѣлыхъ 312 (или $\frac{3}{4}$) говорятъ объ уменьшеніи заработковъ за первую половину текущаго года. Зарботки упали какъ отложіе (70% отвѣтовъ), такъ еще болѣе и мѣстные (83%). Удивительно, какъ живо реагируетъ промышленная жизнь на событія вѣшней полетики. Не успѣли, кажется, замокнуть первые пушечные выстрѣлы на Тихомъ океанѣ, какъ владимірскіе подрядчики приостановили наборъ рабочихъ, фабриканты, прислушиваясь къ тревогѣ, уменьшили ходъ машинъ, сократили раздачу бумажной пражки для ручного тканья по деревнямъ. „Зима,—пишутъ изъ Вязниковскаго уѣзда,—промыслы были обыкновенныя, какъ и ранѣе. Весною же доходы были, равно какъ и зарботки,

весьма плохіе въ виду возникшей войны на Дальнемъ Востоку съ Японіей¹⁾. „Плотничій промыселъ зимой,—сообщаютъ изъ Покровскаго уѣзда,—въ смыслѣ доходности былъ средній, ухудшенія или улучшенія не наблюдалось. Но весной 1904 г. стало наблюдаться, что эти промыслы ухудшились и по объясненію крестьянъ (иногда пом. волостного писара) ухудшились въ виду военнаго времени“. „Весной,—объясняетъ одинъ корреспондентъ изъ Судогодскаго уѣзда,—подрядчики не брали на дому народъ въ заработки на долго, не давали впередъ денегъ²⁾, предвидя недостатокъ работъ, а посылали ѣхать въ города на свои деньги. Поэтому нѣкоторые, не имѣя денегъ, остались работать въ Судогдѣ и Владимірѣ за безцѣнокъ, а кто уѣхалъ въ Москву или другіе города, тоже работалъ мало, и очень дешево, нѣкоторые даже гуляли долго безъ работы, и нѣкоторые пишутъ, что пріѣдутъ домой“. „Весной уходили въ каменщики (изъ Муромскаго уѣзда) въ Москву и на Донъ въ Ростовъ. Очень заработки плохіе оказались противъ прошлаго года. Оказывается, крестьянамъ очень трудная жизнь, совсѣмъ заработковъ нѣтъ“. Нѣкоторые пытаются объяснить и причины сокращенія строительныя работъ: „По случаю войны казенныя работъ не открыто, и у частныхъ подрядчиковъ цѣны понизились“. Сами крестьяне, едва только повѣяло военнымъ временемъ, почувствовали, что война отразится на ихъ заработкахъ: „Зимой, когда началась война,—пишетъ одинъ молодой, начитанный крестьянинъ изъ Покровскаго уѣзда,—въ деревняхъ съ грустью заговорили: „Работъ не будетъ, бѣда!“ Но тѣмъ не менѣе великимъ постомъ и послѣ Пасхи потянулись наши мужички, какъ журавли, гуськомъ, кто въ Москву, кто въ Одессу съ смутнымъ страхомъ предъ грядущимъ будущимъ. И слышались между ними, какъ между улетающими осенью журавлями, такіе же тоскливые, за сердце хватающіе и въ то же время гнѣвные возгласы и переключивавья: „Что то будетъ, какъ проколотимся трудный годъ, не пришлось бы въ деревнѣ скупить скотину со двора, да еще, пожалуй, уведутъ лошадей-то для солдатъ“... Теперь пока трудно судить о состояніи отхожихъ промысловъ, тѣмъ болѣе, что ушедшіе на сторону не больно жалуются и присылаютъ даже деньги, но несомнѣнно, что работъ меньше и плата ниже. Если теперь, т. е. въ нынѣшній годъ, послѣдствія отиѣченнаго явленія не сильно дадутъ себя чувствовать, какъ и вообще въ деревнѣ все проявляется не

1) Надо замѣтить, что большинство корреспондентовъ — мѣстные крестьяне (до $\frac{8}{10}$). Мы оставляемъ слогъ и стиль ихъ въ неприкосновенности, исправляя только орфографію.

2) Подрядчики набираютъ рабочихъ плотниковъ и каменщиковъ обыкновенно еще съ масляницы и тутъ же даютъ впередъ задатки.

бурно и не ярко, то, несомнѣнно, въ ближайшемъ будущемъ деревни застоятъ отъ навалившагося на нихъ бремени, именуемаго послѣдствіями кровопролитной войны, потребовавшей до 100 милл. рублей издержекъ“. „Заработковъ противъ прежнихъ годовъ—третьей части нѣтъ, такъ что раньше плотники зарабатывали 100 р. въ годъ (за рабочій сезонъ), а нынѣшній годъ врядъ ли 70 р. заработаютъ“. „Прошедшіе годы хорошій плотникъ получалъ въ недѣлю 7 р., въ настоящее же время лѣтомъ хорошій плотникъ получаетъ только 4 р. 50 к.—5 р. въ недѣлю“. „Въ прежніе годы плотнику платили въ недѣлю въ Москвѣ 5 р., 5 р. 50 к. и 6 р., а нынѣшній—3 р. 50 к., 4 р. 50 к. и 5 р. Въ Одессѣ прежде платили плотнику 1 р. 60 к., 1 р. 80 к. въ день, а теперь—1 р. 20 к.; 1 р. 30 к. и 1 р. 40 к.“ Въ такихъ размѣрахъ рисуютъ уменьшеніе заработковъ у отхожихъ плотниковъ наши корреспонденты. Не лучше обстоятъ дѣло и у мѣстныхъ плотниковъ, что ходятъ работать неподалеку по деревнямъ: „Рабочій плотникъ радъ работать и работалъ,—пишутъ изъ Московскаго уѣзда,—подневно даже 35—60 к. вмѣсто 70—80 к. въ прежніе годы. Пониженіе цѣнъ наблюдается и теперь (1-го іюня). Недостатокъ корма и хлѣба были причиною того, что многіе, желавшіе произвести постройки, откладывали ихъ до осени“. Вообще надо сказать, что война застала даже здѣшнюю, мало зависимую отъ земледѣлія деревню, далеко не въ удачное время: „Съ 1901—1902 г. были очень плохіе урожан хлѣба“, „народъ изнуждался по случаю недорода яровыхъ въ прошломъ году и покупки кормовъ весной“,—пишутъ намъ почти отовсюду. Этимъ недородомъ хлѣбовъ и травъ въ предыдущіе годы объясняется въ значительной степени упадокъ цѣлаго ряда мѣстныхъ и кустарныхъ промысловъ, такъ какъ крестьяне еще истекшей зимой стали сокращать свое потребленіе. Война и послѣдовавшій за нею упадокъ заработка съ отхожихъ промысловъ еще болѣе ослабили покупательную способность крестьянскаго населенія на цѣлый рядъ предметовъ, вырабатываемыхъ здѣшними же кустарями.

Чтобы получить себѣ хотя приблизительное понятіе о томъ, что теряетъ отъ уменьшенія заработковъ здѣшняя деревня, надо знать, что однихъ плотниковъ во Владимірской губ. насчитывается до 17 тысячъ, каменщиковъ, заработки которыхъ теперь уменьшились не меньше, чѣмъ у плотниковъ,—до 21 тысячи. „Подрядчики стали убавлять цѣны работнѣ: прошлые годы каменщикъ получалъ, начиная съ 1 мая по 1 ноября,—20 р. въ мѣсяцъ, въ нынѣшнее лѣто, говорятъ рабочіе, положить по 17 р. въ мѣсяцъ“. Каменщики жалованья получаютъ,—пишутъ изъ другого мѣста нѣсколько позже по времени,—на $\frac{1}{4}$ меньше, а плотники на $\frac{1}{3}$, чѣмъ въ прошломъ году; дѣловъ очень мало; говорятъ—по случаю

военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ“. Въ Суздальскомъ уѣздѣ, гдѣ идутъ въ каменщики до 6 тыс. человекъ, „пошли теперь по цѣнамъ на 20% ниже прежнихъ“. Если взять только одно уменьшеніе заработка этихъ двухъ родовъ промышленниковъ, не принимая во вниманіе сокращенія числа занятыхъ рабочихъ рукъ (изъ 300 корреспондентій объ отхожихъ промыслахъ 14 говорятъ о томъ, что нѣкоторые рабочіе возвратились обратно домой за невозможностью найти работу, иные корреспонденты говорятъ, что нѣкоторые промышленники не пошли на сторону, потому что ждали призыва въ армію, другіе не могли попасть на мѣста потому, что подрядчики не давали имъ впередъ денегъ, такъ какъ они числятся въ запасъ арміи), пренебрегая всѣми этими потерями, мы можемъ опредѣлить приблизительную сумму потери за нынѣшнее лѣто здѣшними плотниками и каменщиками болѣе 1 милл. рублей.

Но кромѣ плотниковъ и каменщиковъ, во Владимірской губерніи насчитывается до 160 тыс. фабричныхъ рабочихъ. Большинство ихъ—мѣстные крестьяне. Положеніе фабричнаго рабочаго наши корреспонденты рисуютъ также не въ свѣтлыхъ краскахъ. Наиболѣе печальныя вѣсти идутъ изъ Покровскаго и Александровскаго уѣздовъ. Въ районѣ Иваново-Вознесенска фабричныя дѣла идутъ пока болѣе устойчиво. Уменьшеніе заработной платы наблюдается почти повсюду. „Въ Никольскомъ (Орѣхово-Зуево), Ликинѣ, Дрезнѣ (Московской губ.) заработки пережѣнились къ худшему: не стали дорабатывать $\frac{1}{3}$ части“; „фабричныя и заводскіе рабочіе,—пишутъ изъ Переславльскаго уѣзда,—живущіе болѣею частью въ Москвѣ, зарабатывали противъ прежняго только 2 доли, третья по расцѣнкѣ фабричныхъ конторъ отнималась. А въ послѣднее время—еще тѣснѣе: многіе рабочіе по остановкѣ фабрикъ пришли въ деревню обратно; говорятъ, нѣтъ работъ. Это—будто отъ войны“. Изъ Муромскаго уѣзда сообщаютъ: „Доходность промысловъ на фабрикахъ Кондратьевыхъ и Завьяловыхъ была плоха, особенно весной, по случаю войны—товаръ плохо идетъ“. Ковровскій уѣздъ: „фабричный промыселъ на паровыхъ ткацкихъ фабрикахъ въ своей деревнѣ (д. Вахромѣево, фабрика Кочеткова)—хуже: сдѣлали сбавку 5 к. съ куска“; „на фабрикахъ Швецова въ д. Сергѣиха (Суад. у.), Дербеневыхъ въ д. Григорково въ прошломъ году рабочіе получили въ мѣсяцъ отъ 15 до 23 руб., въ данное же время—отъ 7 до 12 р.“ Изъ Владимірскаго уѣзда: „На фабрикѣ Симанина заработокъ сталъ хуже, по случаю заминки въ продажѣ товаровъ. Заработная плата равнялась 7—9 руб. въ мѣс. противъ прежняго—9—11 руб. въ мѣс.“ Изъ Александровскаго уѣзда сообщаютъ, что вообще „цѣны заработковъ на фабрикахъ уменьшаются“. Уменьшаются расцѣнки не только въ текстильной промышленности, но и въ желѣзодѣлательной. Изъ Меленков-

скаго уѣзда пишутъ: „0 во Выксунскихъ горныхъ заводахъ раньше платило за руду за 1 пудъ—5 к., между тѣмъ въ настоящее время платить только 3 к., и одинъ рудникъ оно вовсе прикрыло“. Въ одномъ лишь Шуйскомъ уѣздѣ дѣла идутъ до сихъ поръ по прежнему. По крайней мѣрѣ мы не слышимъ оттуда жалобъ, и нѣсколько корреспондентовъ сообщаютъ, что фабричныя работы остаются безъ измѣненія, какъ были раньше. Только одинъ корреспондентъ говоритъ: „Доходность фабричныхъ заработковъ хуже, тѣмъ въ 1903 г. На фабрикахъ сильно производятъ штрафы. А чуть до 1 р., такъ—разсчитать и съ фабрики домой“. Въ другихъ же мѣстахъ наблюдается не только уменьшеніе заработка, но и сокращеніе числа рабочихъ и даже полное закрытіе производствъ. „На фабрикахъ не принимали. Причина тому—уменьшеніе числа рабочихъ“, (Юрьевскій у.); „На заводахъ стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій многіе заводчики сократили штатъ своихъ рабочихъ“ (Муромскій у.); „На заведеніи въ Зуевѣ (Орѣховъ-Зуевѣ) народъ расчитываютъ“; „Работы были плохи,—сообщаютъ изъ Судогодскаго уѣзда,—по случаю недостатка льняной пряжи въ г. Меленкахъ, Муромѣ, Судогдѣ, Вязникахъ, въ Романовѣ, Ярославскомъ“; то же самое говорятъ и изъ Вязниковскаго уѣзда: „На фабрикахъ работы меньше—плохи льны уродились“; „На ручныхъ ткацкихъ фабрикахъ рабочихъ не брали, а нѣкоторые уходили на промыселъ въ г. Юрьевъ на фабрики Прохорова, Ганшина, Тушнина, а послѣдняя изъ нихъ совсѣмъ встала съ Пасхи“, (Юр. у.), „Фабричная работа совсѣмъ стала,—пишутъ изъ Александровскаго уѣзда,—такъ что народъ остается совсѣмъ безъ куска хлѣба. Не будетъ долго фабричной работы, то совсѣмъ упадутъ духомъ крестьяне въ скоромъ времени, потому что у насъ все ею больше занимаются“.

Съ фабрикой тѣсно связано много другихъ промысловъ. Такъ портные, обшивающіе стотысячную армію любящихъ наряжаться фабричныхъ, остаются нынѣшній годъ также безъ работы: „Портняжья добыча хуже прошлыхъ годовъ по случаю фабрикъ“. „Доходность отхожаго портняжяго промысла,—пишутъ изъ Ковровскаго у.,—зимой до февраля мѣсяца была удовлетворительна, съ февраля мѣсяца пала, въ маѣ положительно остались безъ работы по случаю военнаго времени“. „Портные,—сообщаютъ изъ Юрьевскаго уѣзда,—всѣ идутъ домой, работъ по селамъ и деревнямъ почти никакихъ“. Надо сказать, что портныхъ по Владимірской губерніи насчитывается до 5 тысячъ.

Сорокатысячная армія домашнихъ ручныхъ ткачей и размотчицъ нитей также начинаетъ на себѣ испытывать общее затишье промышленности. Ручное ткачество и размотка нитей идетъ рядомъ и въ дополненіе фабричной текстильной промышленности. Поэтому неудивительно, что выѣ-

ствъ съ сокращеніемъ производства на фабрикахъ должно слѣдовать и сокращеніе ручного ткачества. Воле того, страшно низкіе заработки, существовавшіе всегда въ домашнемъ ткачествѣ, обрекаютъ его теперь на полное уничтоженіе, такъ какъ сократить еще оплату труда здѣсь врядъ ли представляется возможнымъ, а конкуренція фабрикъ, умѣющихъ до $\frac{1}{3}$ понизить у себя расцѣнку работъ при настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ, дѣлаетъ немислимымъ дальнѣйшее продолженіе все-таки дорогого предъ машинами ручного производства. И, дѣйствительно, мы видимъ массовое сокращеніе домашняго ткачества по деревнямъ. Изъ района ручного ткачества въ Александровскомъ уѣздѣ пишутъ: „Доходность въ ткацкомъ промыслѣ хуже прошлогодняго на 75%. Нѣкоторымъ ткачамъ совѣмъ было отказано отъ работъ, а нѣкоторымъ не отказано, но сбавлена цѣна съ выработки. Всѣ эти печальныя явленія приписываютъ войнѣ“. Изъ другихъ мѣстъ оттуда же сообщаютъ: „У насъ за ручной ткацкой работой работаютъ за полцѣны противъ прежняго“; „По случаю недостатка работъ и пониженія цѣнъ дѣла были весьма плохи, нѣкоторые совѣмъ остались безъ дѣла“. Изъ другого уѣзда съ широкимъ распространеніемъ ручного ткачества — Покровскаго слышатся тѣ же вѣсти: „Весной послѣ Пасхи работы пріостановились“; „Передъ Пасхой сбытъ шелковаго матеріала сильно затормозился; фабриканты сократили свое производство на добрую половину; работу получили только самыя лучшіе ткачи; большая часть ткачей (женщины, подростки) остались безъ работы, а слѣдовательно безъ куска хлѣба“; „Зимой шелковое ткачество шло въ среднемъ положеніи, весной же—долго не пускали дѣла по случаю войны, именно—тварь не идетъ“. Въ сосѣднемъ Юрьевскомъ уѣздѣ положеніе этого промысла также печально: „Очень плохо, вполнину хуже прежнихъ лѣтъ. Съ осени 1903 г. работали 80 к. со штуки, потомъ стали сбавлять, и дошло до 50 к. за штуку. Въ семь году населеніе стало упадать, такъ что врядъ оправится въ слѣдующіе годы, по случаю начатія военнаго дѣйствія“. На плисорѣзни тоже народъ не берутъ. Цѣны понизились на все“.

Таково положеніе дѣлъ во Владимірской деревнѣ, въ наиболѣе распространенныхъ здѣсь промыслахъ—строительныхъ, фабричныхъ и домашнемъ ручномъ ткачествѣ. Упадокъ и сокращеніе заработковъ наблюдается не только въ этихъ отрасляхъ промышленности, но почти вездѣ. Мы уже говорили, что только $\frac{1}{4}$ нашихъ корреспондентовъ говорятъ о прежнемъ положеніи промысловой дѣятельности крестьянства, всѣ же остальные въ самыхъ печальныхъ краскахъ изображаютъ общее затишье въ работахъ. Изъ нѣсколькихъ сотенъ промысловъ только какой-нибудь десятокъ не обнаруживаетъ нынѣшній годъ сокращенія.

Это—пастушій промыселъ, офенсивій, валянье сапогъ, рѣчные промыслы, приказчиій и нѣкоторые другіе. Перечислимъ отзывы нашихъ корреспондентовъ о наиболѣе крупныхъ промыслахъ. „У насъ пилать и воевать дрова,—пишутъ изъ Переславльскаго уѣзда,—цѣны на всѣ работы пенжнены противъ прошлаго года на цѣлю $\frac{1}{3}$ “. „Возили дрова на фабрику,—объясняютъ изъ Суздальскаго уѣзда,—по 1 р. 30 к. съ кв. сажени, а въ прошломъ году—2 р.“. „Возка лѣса по случаю дороговизны корма,—сообщаютъ изъ Меленковскаго уѣзда,—плоше прошлогодняго. Работали всего 3—4 недѣли за зиму“. „Въ лѣсу работы немного,—пишутъ изъ Покр. у.,—дрова стали рѣзать по низкой цѣнѣ противъ прежняго на 20 к. съ сажени; валка лѣса—тоже сбавка, чистка лѣса—тоже недорого. Въ Москвѣ цѣны тоже ниже. Которые жили на старыхъ мѣстахъ, съ тѣхъ и то слетѣло 25—50 к. въ ведлю. Народъ говоритъ, что все это надѣлала война съ Японіей. Опасаются, какъ бы не продолжалась долго, тогда работы будетъ еще менѣе“. „У насъ,—сообщаютъ про сапожниковъ-кустарей,—4 сапожныхъ мастерскихъ. Работа была хуже и ея меньше противъ прежнихъ 3 лѣтъ“. „Вашмачный товаръ—въ Кимры—сбытъ пріостановился“,—жалуются изъ Александровскаго уѣзда. „По кустарному дѣлу въ Павловѣ, намъ извѣстно,—сообщаютъ; изъ Гороховецкаго у.—дѣло совсѣмъ стало: побросали свое кустарное дѣло товаръ ни по чемъ не покупаютъ“. „Въ нашемъ селѣ (въ Алекс. у.) крестьяне занимаются исключительно вязкой варежекъ. Доходъ отъ нихъ нынѣшній годъ былъ плохой: зима стояла теплая да и шерсть значительно вздорожала; прежде вязали по 5 к. съ пары, нынѣшній же годъ по случаю плохого сбыта—3 коп.“. „У насъ дѣлаютъ замки и сундуки,—пишутъ изъ Муромскаго у.,—замки идутъ и въ Японію. Теперь замѣчается упадокъ кустарной промышленности, благодаря политическому осложненію и общему упадку нашего рынка“. „Весной сего года,—сообщаютъ изъ того же уѣзда,—съ Пасхи стали упадать въ доходности промыслы по кожевенному производству. Къ 1 юня совсѣмъ промышленность стала упадать. Хозяичики прекращаютъ разработки, фабриканты сокращаютъ работы. Въ общемъ—явный упадокъ всѣхъ промысловъ въ нашей мѣстности. Обработка ножевыхъ издѣлій совершенно упалъ. Ремесленники переживаютъ тяжелыя испытанія. Кустари-производители производство сократили, другіе совсѣмъ нарушаютъ. Рабочіе ремесленники заработную плату получаютъ заборомъ разныхъ продуктовъ по двойной цѣнѣ противъ рыночныхъ. Если же кто не забираетъ у хозяевъ товаромъ, тому не даютъ работы. Охъ! тяжелыя времена для промышленниковъ! ни денегъ, ни хлѣба!“ „Война нынѣшній годъ будетъ чувствительна, и въ отхожихъ промыслахъ это замѣтно сейчасъ же. Въ виду этого на-

стоящій годъ для всѣхъ очень чувствителенъ. Однимъ словомъ, какъ то всѣ дѣла по доходности идутъ вяло!“

Такъ пишутъ наши корреспонденты объ упадкѣ почти рѣшительно всѣхъ промысловъ. „Да и дома,—добавляютъ они,—наемъ для обработки земли дешевле на $\frac{1}{5}$, и поэтому вездѣ вообще ощущается недостатокъ“. „Нѣкоторые выручаютъ въ долѣ до новаго хлѣба. А то есть и такіе, которые въ видѣ кулаковъ берутъ въ такое время раза въ полтора съ бѣдняка. А то—по старинному обычаю за каждую четверть ржи, данную взаимы до новой, выговариваютъ жать 2-хъ работниковъ въ страду, въ видѣ лхонства“.

Неудивительно, что цѣлая половина нашихъ корреспондентовъ (50,%) жалуется на замѣтный ростъ въ ихъ мѣстности нищенства за нынѣшній годъ. Они объясняютъ и причины, и характеръ этого явленія. „Нищихъ собираетъ у насъ порядочно,—пишутъ изъ Вязниковскаго уѣзда,—только они больше прихожіе, верстъ за 10—20, даже и болѣе. Да еще въ послѣднее время много появилось странниковъ, пробирающихся будто бы въ Саровъ“. „Нищаль растеть противъ прежняго въ большемъ изобиліи остающимися безъ должности молодыми и среднихъ лѣтъ мужчинами рѣдко и женщинами“. „Ходятъ нищіе,—говорятъ изъ Суздальскаго у.,—преимущественно приблизительно отъ 30 лѣтъ да и 20-ти, и все плохо одѣтые. Ссылаются такіе молодые нищіе на безработицу да на неурожай въ ихъ странѣ. Ходятъ болѣе артелями, человекъ въ 5—6, и все бойкіе и насмѣшливые, и сильно пьянствуютъ“. „Стало появляться нищенство и молодыхъ людей въ виду приостановки фабрикъ и плохихъ заработковъ“ (Покр. у.) „Послѣднее время увеличилось число нищихъ по случаю того, что на фабрикахъ много разочли“ (оттуда же). „Проходящихъ селомъ нищихъ,—говорятъ изъ Муромскаго у.,—довольно много; они, какъ видно, вполне способны къ труду. На вопросъ, почему они нищенствуютъ, они отвѣчаютъ, что не имѣютъ никакого ремесла, во служеніе же нигдѣ не берутъ, такъ какъ будто бы ихъ брата очень много; поэтому вотъ они и нищенствуютъ, привиская себѣ при этомъ занятія“.

„Наплывъ нищихъ большой, но не изъ здѣшней мѣстности, а со стороны, такъ называемые прохожіе. Сюда относятся: административно высланные и рабочіе, лишевные заработка или благодаря сокращенію въ многихъ мѣстахъ фабричнаго производства, или благодаря изгнанію за мелкія забастовки“,—пишетъ одинъ діаконъ изъ того же уѣзда. „Число нищихъ въ 3 раза увеличилось противъ прошлыхъ годовъ“,—жалуются изъ Александровскаго уѣзда. „Нищенствомъ преимущественно занимается молодой и здоровый народъ,—поясняетъ другой корреспондентъ,—а ка-

лѣкъ съ вдовами совсѣмъ не видать. Причиною сему служатъ фабрики— по случаю уменьшенія работъ на фабрикахъ. Нѣкоторые получили расчетъ и, не имѣя угла или дома въ своей мѣстности, начинаютъ собирать, выдавая себя за прохожаго. Рѣдкій день пройдетъ, чтобы не побывало 6 или 8 человѣкъ, и все ходять по-двое... Въ настоящее время на фабрикахъ даютъ нѣкоторымъ расчетъ, и, получивши расчетъ, они идутъ домой, но, въ сожалѣнію домъ опущенъ, и руки приложить не къ чему; остается только одинъ плачь и воздыханіе“. „Въ 1903—1904 г., — сообщаютъ изъ Юрьевского у.,—увеличилось нищихъ, доходило до 20 человѣкъ въ день; занимались все молодые люди и какіе-то съ волчьими паспортами“. Изъ Ковровскаго уѣзда одинъ урядникъ пишетъ: „Количество босяковъ въ видѣ прохожихъ увеличивается. На опросъ отзываются — ищутъ мѣста на фабрикахъ“. „Нищіе въ нашей мѣстности *одошли*, и большую часть молодежи“,—добавляютъ отсюда же. „Бродячихъ молодыхъ людей порядочно, а въ особенности изъ вустарей по случаю безработицы“. Нѣкоторые корреспонденты даютъ и характеристику нищихъ: „Раньше собирали почти одни только свои деревенскіе ватѣки, бѣдняки и т. п., а теперь каждый день переходятъ все новые и новые попрошайки, среди которыхъ стали замѣчаться типичные босяки, рыцари изъ знаменитой гвардіи Максима Горькаго. Къ крестьянамъ относятся съ пренебреженіемъ; выпрашивая милостыню, держатъ себя съ достоинствомъ, не воруютъ только потому, по призванію одного вѣщаго, что боятся попасть въ крѣпкія мужичьи руки“. Ограничиваемся вышеприведенными выписками изъ корреспонденцій. Достаточно и этого, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ и размѣрѣ этого явленія. Изъ 380 корреспондентовъ, отвѣчающихъ на вопросъ о нищенствѣ, 168 говорятъ всѣ въ подобномъ духѣ. Нищенство ложится тяжелымъ бременемъ на деревню, обидѣвшую и подавленную настоящимъ промышленнымъ кризисомъ. „Нищенства стало меньше,—говоритъ одинъ корреспондентъ,—потому что подавать стало нечѣмъ. У другого крестьянина самому купленнаго 1 ц. муки хватаетъ только на недѣлю. Если же въ недѣлю онъ раздастъ 10 или 20 кусковъ, тогда самъ будетъ не ѣвши сутки или двое“.

Алексѣй Смирновъ.

Еще о винной монополіи.

изъ Псковской губ.

Въ июльской книжкѣ „Образованіе“ напечатано письмо изъ Курской губ. „Монополія въ деревнѣ“. Намъ хотѣлось бы подѣлиться съ читате-

лями своими наблюдениями, сдѣланными, правда, въ другой мѣстности, но едва ли имѣющими только мѣстный характеръ.

Авторъ письма изъ Курской губерніи совершенно правильно рисуетъ картину тѣхъ безобразій, которыя порождены распитіемъ водки на улицѣ передъ винной лавкой. Побойца въ родѣ того, которое онь описываетъ, происходятъ по всему лицу земли русской, вездѣ, гдѣ введена монополія. Зло несомнѣнно и тѣмъ чаще о немъ напоминать, тѣмъ лучше. Но когда авторъ, нарисовавъ картину зла, задаетъ себѣ вопросъ: „что-же надо сдѣлать, чтобы устранить вышеописанныя явленія въ будущемъ?“ и предлагаетъ затѣмъ разныя средства, то съ нимъ можно согласиться только въ желательности просвѣщенія массы и поднятія въ ней созанія своего человѣческаго достоинства и чести. Но и тутъ можно возразить, что все это хорошо само по себѣ или противъ воли, болѣе существенныхъ, чѣмъ уличныя безобразія, хотя-бы и доводящія толпу до полнѣйшаго озвѣренія. Да, и „улица ѣдетъ, когда-то будетъ!“ Все-же остальные средства, предлагаемыя авторомъ, совершенно несостоятельны и показываютъ въ немъ какой-то оптимизмъ: будто зло монополіи можно излечить равными заплатами и штонаньемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ тутъ никакіе палліативы помочь не могутъ. Кромѣ того видно, что авторъ недостаточно знакомъ съ законами и порядками. Напримѣръ: онь обвиняетъ сидѣльца казенной винной лавки въ томъ, что тотъ не закрылъ лавки по требованію какого-то г. К., когда пьяная толпа начала уже бушевать. „Полуграмотный сидѣлецъ... не доросъ еще до того, чтобы понимать, что казна едва-ли погладитъ его по головѣ за прибыли, добытыя имъ путемъ преднамѣреннаго поддержанія и распространенія пьянства“, говоритъ авторъ письма, не подозревая, что сидѣлецъ по закону не имѣлъ права въ данномъ случаѣ закрыть лавку. Дѣло въ томъ, что по циркуляру Министерства Финансовъ, „въ случаяхъ не терпящихъ отлагательства, въ видахъ охраненія общественнаго порядка, казенная винная лавка можетъ быть закрыта лишь по распоряженію губернатора“. Такимъ образомъ автору въ данномъ случаѣ слѣдовало-бы телеграфировать губернатору черезъ мѣстныя власти и тогда... отвѣтъ пришелъ-бы на другой или на третій день, когда надобность въ закрытіи лавки прошла-бы! По этому поводу Г. Гришаковъ (авторъ письма), можетъ быть, потребуетъ отмены министерскаго циркуляра, не дающаго права прекратить на время торговлю не только каждому мимо проѣзжающему „господину въ шляпѣ“, но и мѣстному исправнику или акцизному надзирателю? Увы! жизнь сложиле, чѣмъ это кажется г. Гришакову. Раньше каждый урядникъ могъ по требованію „господина въ шляпѣ“ (особенно, если это былъ вліятельный со-сѣдь — помѣщикъ) закрыть торговлю по своему усмотрѣнію. Но потомъ

оказалось, что на этой почвѣ производилось много злоупотребленій: бывало, что урядникъ возьметъ, да и закроетъ лавку просто потому, что ему надоѣло тутъ торчать и выслушивать всяческую народную словесность и смотрѣть на пьяныя рожи (кому пріятно?) Или захочетъ понуражиться и проявить свою власть: „я вамъ, дескать, покажу сиволапымъ!“ Бывало, что земскій начальникъ въ кон-то вѣки вспомнить, что „надо же, чертъ возьми, что-нибудь дѣлать для народнаго отрезвленія“ да и велитъ закрыть винную лавку во время гулянки, куда пошли работники изъ его имѣнія („пьянствовать, подлецы“) и т. д. Тогда рѣшили сколь возможно точно опредѣлить, въ какихъ случаяхъ сидѣлецъ обязанъ закрывать лавку, и теперь законъ перечисляетъ случаи; обычные (праздники общіе и мѣстные, крестные ходы, дни волостныхъ сходовъ и судовъ) и экстренные (мобилизація, рекрутскій наборъ, выдача крестьянамъ ссуды, провозъ хлѣба, выданнаго въ ссуду). Обо всѣхъ такихъ случаяхъ сидѣльцы заранѣе увѣдомляются, причины дѣйствія сидѣльцевъ провѣряются акцизнымъ надзоромъ, который обязанъ доносить непосредственному начальству для послѣдующаго донесенія Министру Финансовъ о каждомъ случаѣ закрытія лавки. Въ случаяхъ-же непредвидѣнныхъ, „не терпящихъ отлагательства“, какъ уже было сказано, лавка можетъ быть закрыта лишь по предписанію губернатора. Это можетъ, конечно, имѣть значеніе только въ мѣстностяхъ, гдѣ есть телеграфъ.

Далѣе авторъ желаетъ, чтобы попечительства о народной трезвости проявили побольше энергіи въ борьбѣ съ пьянствомъ. Но вѣдь попечительства не могутъ и не желаютъ проявить „больше энергіи“ уже по одному своему составу, а также по общимъ окружающимъ условіямъ. Наши попечительства являются вовсе не представителями живой общественной силы, а учрежденіями скорѣе всего декоративнаго характера, лицемѣрно созданными въ духѣ Щедринаскаго генерала Конфузова. Вся задача нашихъ попечительствъ только и можетъ проявиться въ томъ, чтобы отбывать извѣстнаго рода повинность, приличнымъ образомъ разсовать ассигнованныя деньги „соотвѣтственно уставу“, и чтобъ въ годовомъ отчетѣ заполнить побольше графъ въ „установленномъ“ бланкѣ отчета. Одинъ „попечитель“ земскій начальникъ, завѣдывавшій чайной и читальной въ своемъ участкѣ, говорилъ мнѣ: „Вы не повѣрите, какое отвращеніе возбуждаетъ во мнѣ это подлое мужичье! прозогъ-бы имъ дать, а не книжекъ и не туманныхъ картинъ!“ Затѣмъ авторъ рекомендуетъ устройство полезныхъ развлеченій въ деревнѣ: „общественные сады съ качелями, кеглями, крокетомъ, театръ и т. п.“ Все это хорошо, допустимъ, но не соотвѣтствуетъ нашимъ... ну скажемъ: законамъ и порядкомъ. Судите сами: въ одной деревнѣ, я видѣлъ, крестьяне устроили себѣ качели; пріѣхалъ

урядникъ и велѣлъ сломать. А сколько разъ приходилось наблюдать, какъ урядники разгоняли деревенскую молодежь на гулянкахъ и въ особенности запрещали пѣсни и игру на гармоникахъ!

Нѣтъ! не скоро еще мы доживемъ до „общественныхъ садовъ съ качелями и крокетомъ! Хоть-бы на своей-то деревенской улицѣ не запрещали на гармоникѣ поиграть „мотаво“ или „кровинушку“ или слѣтъ „чудный мѣсяцъ“ или „разлуку“! Какой ужъ тутъ крокетъ!

Какъ „временные палліативы“ могутъ служить, по словамъ нашего автора: образовательный цензъ для сидѣльцевъ и требованіе, чтобъ они не пили водки; воспрещеніе продажи вина въ праздничные дни, причемъ праздниками надо считать не только табельные дни и двадцатые праздники, но также и мѣстные праздники; далѣе надо строго воспретить пьянство скопомъ на площадяхъ и улицахъ; за исполненіемъ этихъ правилъ должна слѣдить полиція въ лицѣ урядниковъ и приставовъ, а не сотскіе и десятскіе, которые зачастую сами первые подають примѣръ всякимъ выпивкамъ и кулачной расправѣ.

На все это я имѣю возразить слѣдующее: 1) Трезвость сидѣльцевъ и теперь безусловно обязательна. Пьющіе сидѣльцы совершенно не терпимы на службѣ. Пьянствовать можно только начальству сидѣльцевъ ¹⁾. 2) Въ смыслѣ ограниченія времени торговли далѣе, по моему, идти некуда, это и такъ уже привело къ безпримѣрному развитію тайной виноторговли. Между прочимъ число дней, когда лавка не торгуетъ по случаю праздниковъ и волостныхъ сходовъ и судовъ, доходить иногда до $\frac{1}{4}$ и даже до $\frac{1}{8}$ всѣхъ дней въ году. Въ число праздниковъ и теперь включены мѣстные праздни- ки: равныя „девятая Пятницы“ и т. п. Вообще надо имѣть въ виду, что вслѣдствіе затруднительности достать водку, выраженіе „тайная продажа“ станется анохронизмомъ: незаконная продажа водки производится совершенно открыто, на гулянкахъ бутылки разносятъ чуть-ли не цѣлыми охапками и продають чуть не вдвое дороже, чѣмъ въ казенной лавкѣ. 3) „Строго воспретить пьянство скопомъ на площадяхъ и на улицахъ“. Да уже запрещено, г. Гришаковъ, давѣе запрещено и не только на улицахъ, но и въ „подворотныхъ пространствахъ“. Но развѣ можно осуществитъ всѣ эти запрещенія? Что-жь, вы хотяте, чтобы народъ раз-

¹⁾ Что касается до требованія отъ сидѣльцевъ образовательнаго ценза, то чѣмъ интеллигентнѣе онъ будетъ, тѣмъ хуже будетъ сносить грубые окрики акцизнаго надзора, обращеніе на „ты“, неслодачу руки при здорованьи и т. п. подтягивающаго къ сидѣльцамъ начальство отнесется немногимъ лучше, чѣмъ къ прежнимъ кабатчикамъ. Да и вообще болѣе строгія требованія при назначеніи продавцовъ приведуть только къ большому значенію протекціи и личнаго усмотрѣнія начальства.

говяли нагайками ежечасно и повсемѣстно? Да на это нагаекъ не хватить!

Еще нашъ авторъ требуетъ, чтобы за этимъ слѣдили сами пристава и урядники, а не сотскіе и десятскіе. Но вѣдь у урядниковъ, не говоря о приставахъ, и такъ дѣла довольно. Чедавно вотъ еще ввели стражниковъ. Нѣтъ, тутъ и сами урядники ничего не подѣлають, тутъ одно остается: поставить у каждой винной лавки по хорошему пулемету, а на близъ лежащихъ высотахъ батареи изъ шестидюймовыхъ (по малой мѣрѣ) орудій, да и обстрѣливать не только площади и улицы, но и „подворотныя пространства“.

Нѣтъ! тѣхъ безобразій и того зла, которое породила монополія, не уничтожить разными палліативами. Борьба съ народнымъ пьянствомъ не такъ-то легко. Это дѣйствительно „чудище обло, стозѣвно“, какъ было сказано въ одной статьѣ о монополіи, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ „Образованія“ за прошлый 1903 годъ. Монополія—затѣя бюрократіи, которая въ своемъ настоящемъ видѣ и со всѣми своими непримиримыми противорѣчіями и неизлѣчимыми язвами будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока значеніе бюрократіи въ управленіи не будетъ замѣнено работой общественно-народнаго элемента. И пьянство со всѣми его послѣдствіями не можетъ быть искоренено дѣятельностью чиновниковъ и мѣрами полицейскими. Народная трезвость можетъ быть достигнута только какъ результатъ продолжительной, сознательной работы самообнаго общества.

А. Б.

Изъ жизни и литературы.

Безъ иллюзій.

(По поводу рассказовъ Д. Я. Айзмана „Черные дни“).

Послѣднее время на страницахъ нашихъ журналовъ чаще и чаще появляются очерки и рассказы изъ еврейской жизни. Едва ли мы ошибемся, поставивъ во главѣ этой литературы, пытающейся сорвать маску съ того царства челоѣконенавистничества, которое именуется у насъ еврейскимъ вопросомъ, С. Юшкевича и Д. Айзмана. О сборникѣ перваго, изданномъ товариществомъ „Знаніе“, нашъ журналъ уже далъ свой отчетъ ¹⁾. Сейчасъ передъ нами томикъ рассказовъ г. Айзмана.

Читателямъ „Образованія“ кое-что уже знакомо изъ того, что вошло въ этотъ томикъ. Изъ шести рассказовъ, вошедшихъ въ него, только три были напечатаны въ издавшемъ его „Русскомъ Богатствѣ“, два же изъ нихъ—„На чужбинѣ“ и „Саванъ“—были напечатаны у насъ.

Какъ и г. Юшкевичъ, нашъ авторъ выступилъ сравнительно недавно, но начинать уже складываться въ опредѣленную величину. Оба не допускаютъ никакой фальши, никакихъ преувеличеній—свойства, сообщающія имъ произведеніямъ убѣдительность, жизненность, естественность. Превосходные знатоки изображаемой среды, можетъ быть, на собственной спинѣ испытавшіе всѣ ея ужасы, они съ первыхъ же шаговъ приковываютъ къ себѣ вниманіе читателя. Есть, однако, не малая разница между г. Юшкевичемъ и г. Айзманомъ. У г. Айзмана нѣтъ ни того эническаго спокойствія, столь характернаго для писательской фізіономіи г. Юшкевича, ни той широты размаха, стремленія сосредоточиться на чемъ-либо крупномъ. Эскизность—вотъ его область. Наоборотъ, особенность, бросающаяся въ

¹⁾ Октябрь. 1903 г.

глаза у г. Айзмана,—субъективность. Въ каждомъ очеркѣ вы чувствуете автора, самого автора, его симпатіи, его антипатіи. Въ каждомъ очеркѣ чувствуете публицистическую жилку.

Эта субъективность, которой г. Айзманъ и не скрываетъ отъ читателя, является въ одно время и силой, и слабостью лежащей передъ нами книжки. Чувство протеста, чувство проникающее каждую строчку, каждую букву, такъ живо передается читателю, что, несмотря на всѣ ужасы, всѣ картины нищеты и гнета, изображаемыя авторомъ, читатель все-таки закрываетъ книжку ободреннымъ. Работы въ жизни много... Такъ и хочется что-то крикнуть, куда-то протянуть руку—только бы не остаться въ роли простого созерцателя. Это—хорошо. Но это не могло не отразиться на художникѣ. Какъ ни талантлива обработка, какъ ни дороги г. Айману и чувство мѣры, и правда жизни, образы его не всегда достаточно живы, не всегда достаточно ярки. Это—не фотографіи. Нѣтъ, эти образы пережиты, выношены воображеніемъ. Они производятъ должное впечатлѣніе. Но чувствуется, очень чувствуется въ нихъ пылкая тенденція пропагандиста...

Тѣмъ любопытнѣе съ точки зрѣнія публициста.

Дѣло, конечно, кратика указать художественные дефекты г. Айзмана. Насъ заинтересовала не столько литературная, сколько *чисто общественная* цѣнность рассказовъ автора, дающаго возможность не только ознакомиться съ условіями еврейской среды, но и выслушать одинъ изъ лучшихъ голосовъ, идущихъ изъ этого своеобразнаго „государства въ государствѣ“.

I.

Въ своей рѣчи, обращенной къ виленскимъ евреямъ, кн. Святополкъ-Мирскій указываетъ на „предстоящіе скоро труды по разработкѣ серьезнаго еврейскаго вопроса“.

“Ограбленія, убійства, изнасилованія женщинъ и дѣтей, сотни убитыхъ, тысячи раненыхъ, сотни тысячъ разоренныхъ—да, серьезенъ вопросъ, который лишь въ такомъ видѣ привлекъ къ себѣ вниманіе „общества“.

“Всякій, пробѣжавшій нумеръ газеты г. Суворина или Грингмута, знаетъ, что не одни евреи, входящіе въ составъ населенія Россіи, ограничены въ правахъ. Однако, ни одна изъ притѣсняемыхъ народностей не можетъ быть сравниваема въ этомъ отношеніи съ еврейской.

Было гдѣ-то высказано, что „дѣли слиянія евреевъ съ общимъ населеніемъ препятствуютъ разнымъ временно постановленнымъ ограниченіямъ, которыя въ соединеніи съ общими законами содержатъ въ себѣ многія противорѣчія и порождаютъ недоумѣнія“, но... во-первыхъ, это было сорокъ

лѣтъ тому назадъ, и... никакихъ послѣдствій не имѣло. Вотъ уже двадцать пять лѣтъ, какъ возстановляются начала, поколебленные реформами сорокъ лѣтъ тому назадъ. Внутренняя жизнь уклонилась съ пути реформъ, а вмѣстѣ съ ней и „цѣль слиянія“. Лишеніе права какъ активнаго, такъ и пассивнаго участія въ городскомъ самоуправленіи; созданіе мѣстностей, „особо охраняемыхъ отъ заселенія евреями“, которымъ спеціальными узаконеніями предоставлено право повсемѣстнаго жительства въ имперіи; воспрещеніе въ губерніяхъ, не входящихъ въ черту еврейской осѣдности, всякаго рода крѣпостныхъ актовъ, воспрещеніе вновь селиться въ городовъ и мѣстечекъ черты осѣдности, совершать купчія крѣпости, закладные и арендные договоры на недвижимыя имущества, находящіяся въ черты городовъ и мѣстечекъ; процентная норма, правила, въ силу которыхъ ни одинъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго не можетъ получить свидѣтельство на право веденія чужихъ дѣлъ, быть удостоеннымъ званія присяжнаго повѣреннаго безъ спеціальнаго разрѣшенія министра юстиціи ¹⁾—надо ли говорить, что послѣдніе двадцать пять лѣтъ явились періодомъ исключительно непригляднымъ, исключительно безпросвѣтнымъ для евреевъ?

Это признается даже тѣми, чья злоба не смягчается ни сотнями труповъ, ни разореніемъ и позоромъ осиротѣвшихъ...

Что сотни убитыхъ, тысячи раненыхъ, сотни тысячъ разоренныхъ! Что для нихъ доводы разума! Они идутъ своимъ путемъ, и идетъ ихъ работа челоуѣконенавистничества, этихъ Столыциныхъ, Энгельгардтовъ, Бурениныхъ, Шарановыхъ, жертвы которыхъ только Ты, Господи, вѣси...

Гдѣ же выходъ? гдѣ центръ вопроса? Именно какъ отвѣтъ на эту работу, послѣ періода еврейскаго „просвѣтительства“, начавшагося въ шестидесятые годы, раздались первые крики людей, готовыхъ усмотрѣть проблески антисемитизма даже тамъ, гдѣ его нѣтъ и слѣда, предлагающихъ оставить Россію, чтобы начать жизнь на новомъ мѣстѣ, подъ покровительствомъ... турецкаго султана. Точно Россія въ самомъ дѣлѣ не ихъ родина, точно Россія не упитана ихъ потомъ, ихъ кровью, точно государство гдѣ-либо было плодомъ „заранѣе обдуманнаго плана“... Конечно, эти тенденціи, распространяющіяся, затуманивающія реальныя различія, способныя не столько расчислить путь, сколько загородить, лишь вспышка, которой нельзя придавать серьезнаго значенія. Массы рѣдко ошибаются въ своихъ дѣйствіяхъ: они диктуются имъ непосредственными ихъ нуждами. Тотъ миллионъ евреевъ, который эмигрировалъ изъ Россіи въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій, эмигрировалъ не туда, идѣ имъ общались „го-

¹⁾ Такое разрѣшеніе цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ никому не давалось.

сударство“, а туда, гдѣ они нашли удовлетвореніе своимъ потребностямъ, въ страны высокаго капиталистическаго развитія. Уже это говоритъ за то, что задачи еврейскихъ націоналистовъ существуютъ лишь на словахъ— на ихъ съѣздахъ и собраніяхъ, въ ихъ книжкахъ и брошюрахъ. Однако, несложность націоналистической концепціи, — средній человекъ рѣдко „ломаетъ“ голову надъ вопросами! — кажущаяся всеобщность исходнаго пункта, нѣсколько сентиментальныхъ фразъ—дѣйствительно, иногда высшего порядка социальныя убѣжденія замѣняются націоналистическими *суррогатами*, настойчивое исканіе пути—утопией... Дѣйствительно иногда сионизмъ отвлекаетъ силы у тѣхъ элементовъ еврейства, которые крѣпкими узами связали себя съ прогрессивными элементами страны, которые держатся того взгляда, что русское общество такъ же мало является сплошнымъ цѣлымъ, какъ и еврейское, что рѣшающее слово въ борьбѣ принадлежитъ не еврею, а члену общественной группы.

Вотъ зло, съ которымъ надо бороться. Ни для кого не тайна, что „юркій, голодный еврей“ очень рѣдко мирится съ сумерками настоящаго, очень часто стоитъ въ рядахъ пылкихъ борцовъ за будущее. Выпивъ горькую чашу до дна, онъ отказался отъ иллюзій. Онъ дѣлаетъ дѣло—трудное, медленное, очень медленное, но вѣрное, съ полной гарантіей на успѣхъ. Плоды этой работы мы уже начинаемъ видѣть. Какъ же подходить къ бѣднику націонализмъ? Считая себя чужимъ и странѣ, и обнимъ ея задачамъ („всѣ народы оказываются антисемитами“, восклицалъ д-ръ Герцль), сионистъ противъ всякаго вмѣшательства въ партію страны. Хороши ли партія, дурны ли, нужны, или не нужны—что ему до этого? Первый вопросъ, съ которымъ онъ подходитъ къ еврею, это *еврей* ли онъ. Первое восклицаніе: „долой русскую культуру! намъ нужна чисто еврейская!“ Цѣль ваша „общее благо?“ Значить, вы не еврей. Вы спрашиваете: что общаго между тѣми слоями еврейства, которые живутъ эксплуатаціей чужого труда, и самой трудящейся массой? Значить, вы боретесь въ рядахъ своихъ „враговъ“. Значить, вы измѣнникъ. Сохраненіе еврейства—вотъ лозунгъ, который съ одинаковымъ пафосомъ выкрикиваютъ и Максъ Нордау, и тѣ проповѣдники тьмы, въ лицѣ цадиковъ, міроѣдовъ, темныхъ духовныхъ раввиновъ, которые пользуются ученіемъ для того, чтобы ловить въ мутной водѣ рыбу... Соціальная рознь—вотъ сущность націоналистовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ.

Рознь!.. Но исторія есть процессъ объединенія, непобѣдимый въ этомъ стремленіи, неисчерпаемый въ созданіи такихъ формъ. Развѣ „еврейскій вопросъ“ разрываетъ этотъ процессъ? Развѣ социальное развитіе запада не вызвало уже переворотъ въ судьбахъ еврейства? Связи евреевъ, прежде случайныя, поверхностныя, глубоко проникли въ обще-

ственную жизнь, и ограниченія евреевъ оказались ненужными. У евреевъ съ неевреями оказалось столько общихъ интересовъ, что ограниченія лишь мѣшали развитію этихъ интересовъ. Въ борьбѣ стараго съ новымъ, отжившаго съ нарождающимся, послѣднее одерживало побѣду, и вопросъ рѣшался просто, самъ собой: евреевъ переставали различать отъ другихъ гражданъ... „Черта осѣдлости“ существовала, существуетъ лишь въ союзѣ съ соціальной неразвитостью...

Такъ лучшіе умы, вышедшіе изъ еврейства, уходили изъ него, не пытаясь втиснуть вѣру въ воздушные замки, въ „обѣтованную землю“ тѣмъ, въ душныхъ углахъ которыхъ раздаются проклятія и стоны. Не пытаясь ее втиснуть и г. Айзманъ. Какъ писатель горячій, онъ легко могъ поддаться чувству—кое-что сгустить, кое-что преувеличить. Но исключительность чужда ему. У него и слѣда нѣтъ того глубокомыслія, которое лишь компрометируетъ вопросъ вмѣсто того, чтобы его такъ или иначе рѣшать. О, перспективы, открываемыя имъ, тревожны, полны новыхъ страданій, новыхъ бѣдствій, но—что дѣлать? Надо же называть вещи ихъ настоящими именами...

II.

„Юркій, голодный еврей, вѣчный на протяженіи двухъ тысячъ лѣтъ путешественникъ, выработавшій въ борьбѣ за существованіе и волчій зубъ и лисій хвостъ, и много другихъ свойствъ, гарантирующихъ ему паразитическое существованіе“¹⁾ — вотъ они, герои г. Айзмана, ютящіеся въ грязныхъ и тѣсныхъ каморкахъ, работающіе за гроши, не знающіе, какъ свести концы съ концами, ровняющіе бессильныя слезы, тѣ самыя, на которыхъ падаетъ вся тяжесть правового гнета, вся тяжесть еврейскихъ погромовъ, которымъ, несмотря на ихъ 30 — 35 лѣтъ, легко дать въ два раза больше... Вотъ они копошатся въ своемъ волшебномъ кругу, обложивъ всѣ входы и выходы, въ мучительныхъ поискахъ убивая свои силы...

Посмотримъ же, что это за „волчій зубъ“, что это за „лисій хвостъ“.

Передъ нами чужой городъ. Старый еврей, скорбно устремившій свой единственный глазъ на ясную, кроткую луну, освѣщающую и этотъ городъ, и ту далекую печальную страну, въ которой находятся всѣ родные ему, на которую онъ чувствуетъ такія прочныя, такія святыя права. Онъ смотритъ, и въ бѣдномъ сердцѣ звучитъ все та же старая, старая пѣсня: хоть для внуковъ... хоть для правнуковъ... хоть когда-нибудь... Въ Россіи

¹⁾ Такъ характеризовалъ г. Столыпинъ кишиневскихъ евреевъ, пострадавшихъ отъ погрома.

онъ былъ портнымъ. Онъ имѣлъ жену и дѣтей и всё вмѣстѣ не переставали голодать. А потомъ... пришли „хорошіе люди“, сдѣлали погромъ, и все, что было въ домѣ, уничтожили въ одинъ моментъ. А его самого хватили утюгомъ въ глазъ, и вотъ онъ съ тѣхъ поръ слѣпой. Чего было еще сидѣть? Чтобы еще помучили? Они отправились въ Америку. Но едва они добрались до Шомона, дальше ѣхать оказалось невозможно: Шапиро долженъ былъ лечь въ больницу. Такъ женщина съ двумя дѣтьми осталась прямо на мостовой: „возьми, вытянись и умирай или бросайся подъ поѣздъ“... Однако, „хоть тутъ люди, можетъ быть, и не такіе добрые, какъ въ Россіи“, но никто имъ не мѣшалъ жить, никто не закричалъ „жидъ пархатый“. Ихъ подобрали и дали имъ работу—ковзырки къ шапкамъ пришивать. Они работали день и ночь, сперва козырки, потомъ околышки, и когда Шапиро вышелъ изъ больницы, они не только были сыты и имѣли свою квартиру, но успѣли еще сберечь семьдесятъ франковъ ¹⁾.

Но путь на чужбину—рискованный путь. Еврей-пролетарій самой силой вещей прикованъ къ Россіи, именно къ „чертѣ“, какъ существо, вредное для всѣхъ окружающихъ, подлежащее ограниченіямъ даже тогда, когда онъ хочетъ учиться, лѣчиться, молиться. Переступить „черту“ могутъ лишь единичныя личности. Огромное большинство, даже избитое, искалѣченное, опозоренное, остается въ своихъ мѣстечкахъ и городахъ, тщетно ищетъ новыхъ источниковъ существованія, сжатое желѣзными тисками „черты“.

Вотъ извозчикъ Лэйзеръ. Вугъ сталъ, пшеницы не грузятъ, работы нѣтъ... Позоветь кто-нибудь одного извозчика, а выскакиваютъ двадцать. Между тѣмъ далъ Лэйзеру Богъ одиннадцать дѣтей. Правда, пятеро изъ нихъ умерли, но умерли какъ разъ мальчики. Мальчика можно отдать въ ученье; мальчикъ можетъ помощь оказать. Но что дѣлать съ дѣвочками? Выдалъ Лэйзеръ замужъ Енту, и что же? Сходить ея мужъ съ ума, его забирать въ сумасшедшій домъ, а она съ двумя дѣтьми и беременная возвращается къ нему. И были бы хоть ея дѣти здоровы—такъ нѣтъ и этого... „Ента у меня добрая“, вспоминаетъ онъ, слабый физически и кроткій духомъ, что служить одной изъ причинъ, по которымъ онъ такъ рѣдко попадаетъ на работу: „принесла хлѣба“. Положимъ, ему хлѣба не надо. „Себѣ самому я могу говорить правду, себя самого мнѣ нечего стыдиться: когда Шмилекъ кашляетъ, такъ у меня внутри все разрывается на куски, и когда онъ жалуется и просить ѣсть, а ѣсть нечего, то я таки плачу... Таки плачу, ну! Таки не могу удержаться, отворачиваюсь

¹⁾ Земляки.

въ кутокъ и плачу...“ 1). А какой грустью, сжимающей сердце, звучитъ краткое повѣствованіе о женѣ „глухого меламеда, которая голодать начала „буквально съ первыхъ дней появленія на свѣтъ, съ той поры, когда со слабымъ пискомъ припадала къ высохшей груди своей чахоточной матери“! Съ семи лѣтъ она сидѣла за стойкой въ отцовскомъ шинкѣ, а въ шестнадцать была матерью двойней, недолго, впрочемъ, прожившихъ. Съ тѣхъ поръ она рожала каждый годъ и каждый же годъ кого-нибудь хоронила. „Мужъ ея былъ „латыжникъ“, т. е. такой сапожникъ, искусство котораго дальше накладыванія уродливыхъ заплатъ „не пошло. Онъ работалъ на перекресткѣ двухъ переулковъ, у синагоги, подъ прикрытіемъ старой, ободранной акаціи. Шестъ лѣтъ пожилъ онъ съ Ханой, наслаждаясь всѣми радостями голодной семейной жизни, и потомъ скоропостижно умеръ, какъ говорится въ некрологахъ, на посту, т. е. подъ старой акаціей у синагоги, съ дратвой и кѣрвявымъ сапогомъ въ рукахъ“. Добрые люди собрали Ханѣ нѣсколько рублей и она завела торговлю шетками и сапожной ваксой. И вотъ, пока Хана, охая и кашляя, разыскиваетъ покупателей по городу, ея трехлѣтній Юйна опрокидываетъ на себя чайникъ съ кипяткомъ. Хана выходитъ замужъ во второй разъ за меламеда, но сытости ей и этотъ бракъ не принесъ. Семья ея не увеличивалась: одинъ родится, другой умирать. Когда въ городѣ произошелъ погромъ, и рзыяренная толпа взрвалась въ ея уголь, Хана была на шестомъ мѣсяцѣ. Къ вечеру она родила мертваго ребенка... Восьмеро дѣтей умерло у Ханы, и не умарзъ только калѣка Юйна: росъ себѣ на славу, а ходить не ходилъ... Правда, разъ случилось нѣчто, чего никогда предположить не могли: меламедъ сталъ зарабатывать. Внутри Ханы произошло что-то странное. „Тамъ точно открывалось что-то и таяло, точно кора какая-то шелушилась и отпадала отъ замученной души. Постоянный праздникъ, постоянное ликование царило въ ней“. Но недолго происходило это. Въ скоромъ времени хедеръ былъ закрытъ, а самъ меламедъ за незаконное содержаніе училища присужденъ въ тюрьму 2). Вотъ она долюшка женская... А Мотька, *шестнадцатилѣтній* кормилецъ семьи! Отецъ Мотьки, весь скрюченный, желтый и страшный лежалъ дома и медленно умиралъ, а на полу копошилось шестеро маленькихъ дѣтей. Гдѣ добыть саванъ? Была „глухая осень“ тажелаго неурожайнаго года, и найти работу по малярному дѣлу, которому Мотька обучился, нечего было думать. „Уѣхать въ городъ“, думалъ мальчикъ. Но гдѣ взять денегъ? Какъ покинуть умирающаго отца?

1) Объ одномъ злодѣяніи.

2) Немножечко въ сторону.

Чѣмъ тому же Мотыкъ было хорошо извѣстно, что и въ большихъ городахъ рабочій народъ пухнетъ съ голоду. И пока мать его таскала всякую рухлядь полуголыми старьевщикамъ, онъ продолжалъ искать заработка на мѣстѣ. Мотыкъ посчастливилось какъ то устроиться при очисткѣ боевъ, онъ какъ то поработалъ у перешетчика, въ торговыхъ баняхъ починалъ заборъ, но—все это было случайно, все это доставляло гроши, а семья вмѣстѣ съ умирающимъ голодала... А, главное, какъ добыть саванъ? Чужой саванъ—это страшное несчастье... Какъ добыть? Украсть что-нибудь и продать? И вотъ Мотыкъ высматриваетъ велосипедъ владѣльца завода Кубаша. Но вмѣсто того, чтобы привести намѣреніе въ исполненіе, измученный горемъ и нуждой, оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ, онъ открываетъ это намѣреніе самому Кубашу. Кубашъ поднялъ ногу, обутую въ тяжелый ботфортъ, согнулъ ее и съ размаху ударилъ Мотыку въ спину. На Мотыкъ были дарены, черезчуръ большіе штиблеты, и теперь одинъ изъ нихъ сорвался съ ноги и плюхнулъ въ канаву. Когда же къ нему вернулось сознаніе, и онъ поднялся, лѣвый глазъ его не могъ раскрыться, а изо рта у него струилась перемишанная съ грязью кровь. Медленно, сильно хромя лѣвой босой ногой, онъ потащился домой... ¹⁾

Таковы эти герои, прижатые, затертые жизнью, но сохранившіе свѣжую, чувствительную къ свѣту душу. Вѣдные люди, презрѣнные труженики! Гдѣ же ваши „волчій зубъ“ и „лѣсій хвостъ“, гдѣ ваши „паразитическія“ наклонности? Чѣмъ отличается пролетарій г. Аймана отъ пролетарія Вересаева? Есть среди евреевъ представители капитала, выработавшіе и „волчій зубъ“ и „лѣсій хвостъ“, ведущіе, подобно Разуваевымъ и Колупаевымъ, паразитическое существованіе. Но какое дѣло до нихъ Лэйзеру и Мотыкъ, этой массѣ, которая и составляетъ огромное большинство народа, на которую и падаютъ, главнымъ образомъ, ограниченія, противъ которыхъ и направлены, главнымъ образомъ, проповѣди литературныхъ іудушекъ и темные удары грома? Еврей-пролетарій близокъ къ трудящейся массѣ вообще, но не къ еврею-буржуа...

Читатель поневолѣ останавливается передъ этими слезами и муками, передъ этими страданіями и жестокостями, нерѣдко искусственно поддерживаемыми нѣкоторыми факторами русской жизни: гдѣ же конецъ? гдѣ же выходъ?

III.

Въ суть этого вопроса вводятъ насъ рассказы „На чужбинѣ“ и „Немножечко въ сторону“.

¹⁾ Саванъ.

Герой рассказа „Немножечко въ сторону“ прежде всего „просвѣтитель“, одинъ изъ тѣхъ, благодаря которымъ въ шестидесятыхъ семидесятыхъ годахъ свѣтлая мысль одержала рѣшительную побѣду надъ духовной въ широкихъ кругахъ еврейскаго народа. Правда, возможность усвоить русскую рѣчь не росла параллельно и равномѣрно потребности въ свѣтлой литературѣ; отсутствіе школъ для еврейскихъ дѣтей, насильственное изгнаніе русскаго языка изъ многочисленныхъ геттеровъ, общіе тормазы на пути просвѣщенія—все задерживало процессъ. Все же сотни молодыхъ евреевъ учились и учились. Всѣ библіотеки, всѣ читальни переполнялись евреями. Въ еврейскихъ кварталахъ можно было достать учителя за двугривенный въ мѣсяць. И обитатели угловъ, вкусившіе отъ древа познанія, разрывали традиціонныя связи, дѣлались нерѣдко интеллигентами, учителями, фельдшерами. Такимъ именно выходцемъ является въ началѣ рассказа и Саулъ Ароновичъ. Хотѣли, чтобы онъ былъ рѣзникомъ. Но онъ бѣжалъ въ Житомиръ учиться. Когда онъ началъ учиться, онъ, „какъ болванъ“, въ словарь искалъ „красиваго“. Въ словарь нѣтъ „красиваго“... Онъ чуть головой объ стѣну отъ горя не бился, а спросить не у кого было... Его женили, когда ему было шестнадцать лѣтъ. Но онъ женѣ послалъ разводъ. „Я жену любилъ и уже имѣлъ отъ нея ребенка, рассказывалъ онъ. Такъ вы полагаете, разводиться мнѣ легко было?... Отнюдь нѣтъ! трудно, даже очень трудно... Только нечего на это смотрѣть!.. „Трудно, мнѣ трудно“... А другому еще труднѣе... Нечего себя выдвигать впередъ! Надо себя отклонить немножечко въ сторону, такъ и не будетъ никакого трудно“... Такимъ образомъ, передъ нами „просвѣтитель“, если не изъ тѣхъ, которые прямо отъ азбуки переходили къ „Современнику“ и „Отечественнымъ Запискамъ“ при помощи плеча составленныхъ русско-еврейскихъ словарей, то во всякомъ случаѣ изъ тѣхъ, которые востаютъ противъ „шкурнаго эгоизма“ и „угожденія утробѣ“, которые желаютъ принести „ощутительную пользу“ населенію.

Это то стремленіе и приводитъ Саула Ароновича въ городокъ Вознесенскъ, внушаетъ идею открыть школу для еврейскихъ мальчиковъ. Саулъ Ароновичъ глубоко вѣрилъ, что школой этой онъ „восполнитъ пробѣлъ“, и принесетъ населенію „ощутительную пользу“. Правда, очень скоро онъ долженъ былъ сознаться, что мечтанія его не оправдались, что пользу школа приноситъ неважную—въ этомъ убѣждалъ его хотя бы господинъ Цыпоркесъ, жирный, постоянно потный богатъ, владѣлецъ винокурни и дѣлой сѣти кабаковъ, сынъ котораго учился у Саула Ароновича,—но не все дѣло оказалось въ школѣ. Дѣло въ томъ, что Саулъ Ароновичъ книгу писалъ „замѣчательную, такую, по которой учиться, просвѣ-

щать свой умъ будутъ тысячи, и, можетъ быть, десятки тысячъ людей“, Ну, школа явилась уже „средствомъ“. Саулъ Ароновичъ писалъ ключъ къ учебнику французскаго языка Марго.

„Это замѣчательная идея!—говорилъ онъ:—Марго? Отлично! Но если бѣдный человѣкъ не можетъ взять себѣ учителя, много ли ему дастъ Марго? Тогда, значить, какъ? Значить, абсолютно преграждается путь къ просвѣщенію? А вотъ, когда будетъ ключъ, всякій сможетъ учиться самостоятельно: возьметъ Марго, возьметъ ключъ—и готово... И цѣль достигнута...“

Такимъ именно является Саулъ Ароновичъ въ началѣ. Нѣсколько инимъ видимъ мы нашего героя потомъ. Во-первыхъ, ключъ къ учебнику Марго—къ невыразимому огорченію героя—оказался давно составленнымъ. Во-вторыхъ, tempora mutantur.

А время дѣйствительно было черными днями. То было время, когда въ отвѣтъ на дикую проповѣдь гг. Мещерскихъ и Пятковскихъ, „на мостовой разгромленной улицы черты“ раздался—по выраженію г. Дубнова—„первый рѣзкій крикъ новорожденнаго націонализма“¹⁾, тѣмъ же говоря, когда просвѣтителѣ, „являвшіеся патриотами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже слишкомъ усердными патриотами“ сдѣлались частью сіонистами, „наши соотечественники заявляли, молъ, намъ, что они не хотятъ признать насъ своими соотечественниками“²⁾. Просвѣтителѣ рѣзко разошлись—одни, чтобы продолжать дѣло труженниковъ всѣхъ странъ, другіе, чтобы прояски антисемитскихъ „молодцовъ“ приписывать „всему русскому обществу“ и возлагать свои надежды на... благосклонность и сердечность его величества турецкаго султана“. Противъ духа времени не устоялъ и Саулъ Ароновичъ. „Теперь надо работать, но теперь—рѣшилъ онъ—работать надо не какъ прежде, не вообще для всѣхъ, для всего общества или для просвѣщенія всѣхъ бѣдныхъ посредствомъ „ключей“, а преимущественно для евреевъ. Надо дѣлать что-нибудь такое, что въ эту тяжелую годину было бы полезно еврейству, что облегчало бы его страданія, утѣшало бы“. Правда, онъ человѣкъ маленькій, но вотъ же онъ написалъ было трудъ. Къ несчастью, трудъ вышелъ запоздалымъ, но это уже случайность. Онъ могъ написать и другой трудъ...

Саулъ Ароновичъ, унаслѣдовавшій отъ прошлаго любовь къ просвѣщенію, не долго трудился надъ рѣшеніемъ вопроса. Чего собственно отъ насъ хотятъ?—разсуждалъ онъ:—за что такъ ненавидятъ?

„Они говорятъ, что наша религія жестока, наша мораль вредна.

1) „Будущность“ № 5 1899 г.

2) Максъ Нордау. Рѣчи и статьи.

Наши традиции, будто бы, безнравственны. И почему говорят? потому что насъ не знаютъ. Пусть узнаютъ, и мнѣніе о насъ сразу переимѣнится... Чѣмъ наша мораль такъ отличается отъ другихъ? Мораль одна! Взять, напримѣръ, пословицы. Что такое пословица? Пословица есть, такъ сказать, показатель народной мудрости... Такъ! Но и народной морали то же... „Хлѣбъ соль ѣшь—правду рѣжь“. „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“. „Лѣность—мать пороковъ“. Теперь посмотрите, что выходитъ: выходитъ, что каждая русская пословица вмѣстѣ себѣ подходящую и на древне-еврейскомъ языкѣ. Ожидали вы этого?... И что же отсюда слѣдуетъ? показатели морали равны. Это же ясно, ясно математически! И этого никто не зналъ, и никто объ этомъ не думалъ... Теперь, предположимъ, что существовалъ бы сборникъ русскихъ пословицъ и параллельно соответствующихъ имъ древне-еврейскихъ? Имѣло бы это значеніе? А если бы еще вдобавокъ—и французскія, и нѣмецкія! Боже мой!“

Добравшись до этой мысли, Саулъ Ароновичъ весь просвѣтлѣлъ. „Замѣчательно! Необыкновенно плодотворная идея!“ И съ того же вечера онъ засѣлъ за новый трудъ — „Мораль въ пословицахъ іудеевъ и христіанъ или параллельный сборникъ поученій, прибаутокъ и поговорокъ съ точки зрѣнія сравнительной нравственности“.

„Богъ дастъ, и мнѣ такъ удастся внести струю умиротворенія и содѣйствовать наступленію лучшей эры... Вотъ, напримѣръ, они ругаютъ нашъ талмудъ. А знаютъ ли они талмудъ? Какія глубокія, замѣчательныя изреченія! И что же такъ они скажутъ, когда я докажу, что всѣ до одного поученія Владиміра Мономаха совпадаютъ съ повелѣніями талмуда? Это, признаюсь, будетъ любопытно! Мало того! Я докажу, что и безнравственныя пословицы—тоже схожи у насъ и у нихъ. „Своя рубашка ближе къ тѣлу“. „Стыдъ не дымъ, глаза не выѣстъ“. „Каждый за себя, Богъ за всѣхъ“. Пусть они не думаютъ, что это только у нихъ: у насъ это тоже есть... Есть, есть! И въ хорошемъ, и въ дурномъ народы сходны между собою!.. И, значить, къ чему вражда? Къ чему ожесточеніе? Должна быть любовь! И я послужу съ своей стороны дѣлу этой любви!“

Но здѣсь случилось нѣчто, „даже совершенно невѣроятное“. Когда книга—послѣ мучительнаго, послѣ каторжнаго труда—была написана. Сауду Ароновичу пришла въ голову блестящая мысль. Онъ вспомнилъ о вознесенскомъ просвѣщенномъ богатѣ Цыпоркесѣ. Цыпоркесъ ее издастъ.. Ему онъ и посвятить этотъ трудъ, „издаваемый великодушнымъ издательствомъ вознесенскаго второй гильдіи купца Іоакима Вернадовича господина Цыпоркеса“... Увы! На свое письмо Саулъ Ароновичъ, однако, не получилъ отвѣта. Лишь послѣ цѣлаго ряда неудачъ, (богачи-евреи всѣ говорили, что „Мораль въ пословицахъ“—прекрасное сочиненіе, которое

навѣрное искоренить множество печальныхъ недоразумѣній, но печатать книгу соглашались не иначе, какъ на счетъ автора), истощенный трудомъ, безнадежно больной, уже въ больницѣ, Саулъ Ароновичъ удостоивается протянуть корректурный оттискъ одного изъ своихъ трудовъ господину Цыпоркесу. Цыпоркесъ, который за послѣднее время разросся до размѣровъ небольшого буйвола, перевернулъ листы, посмотрѣлъ на нихъ съ другой стороны, пощупалъ бумагу и спросилъ:

— А штани, господинъ писатель, — ежели васъ спросить по совѣсти, — у васъ есть?

Такъ Саулъ Ароновичъ и погибъ непризнаннымъ... Безъ сомнѣнія, авторъ нѣсколько сгустилъ смѣшныя стороны. Герой очерка „Немножечко въ сторону“, кажется нѣсколько утрированнымъ. Но это только кажется. На самомъ дѣлѣ Саулъ Ароновичъ въ высшей степени типиченъ. Типиченъ по своему міросозерцанію, для котораго еврейство представляется чѣмъ-то члѣдомъ, которое по недоразумѣнію ненавидятъ „другіе народы“, потому что его не знаютъ. Что „единое“ еврейство перестало существовать, что богатые евреи превратились въ „русскую“ буржуазію, которую тяготитъ самая ея принадлежность къ еврейству, которой никакого дѣла нѣтъ до Сауловъ Ароновичей: „прежде всего, братишка мой, надо имѣть штаны“, что современный антисемитизмъ неотдѣлимъ отъ современной конкуренціи, что здѣсь и суть современнаго еврейскаго вопроса — все это бьющее въ глаза мало-мальски внимательному наблюдателю, какъ нарочно мѣтѣ всего бьетъ въ глаза тѣмъ, кто наиболѣе заинтересованъ въ истинѣ. Удивительно ли, если интеллигентные евреи запутываются въ собственной паутинѣ, становятся чувствительными ко всякому слову о еврействѣ и вмѣстѣ съ Максомъ Нордау начинаютъ повторять на тысячи ладовъ: „антисемитизмъ будетъ существовать въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Онъ слишкомъ глубоко вкоренился въ душѣ человеческой. Онъ находится въ тѣсной связи съ основными свойствами человеческого мышленія и чувстваванія“. ¹⁾ Именно такого рода драма разворачивается передъ нами въ разсказѣ „На чужбинѣ“.

IV.

Передъ нами — интеллигентная еврейская семья, устроившаяся „на чужбинѣ“ — Юсифъ, несчастный уже „однимъ тѣмъ, что мы — еврей“, Сара — рвущаяся обратно, въ Россію. Когда Юсифъ перешелъ въ седьмой классъ, его вмѣстѣ съ пятью его одноклассниками уволили изъ гимназіи: „не хо-

¹⁾ Максъ Нордау. Рѣчи и статьи. 1898 г.

тѣди вамъ мѣшать получить льготу по воинской повинности. Ну, а темерь шестиклассное свидѣтельство получайте и идите съ Богомъ“. Онъ выдержалъ экстерномъ на аттестатъ зрѣлости, но не попалъ въ процентную норму. Собравъ крохи, онъ уѣхалъ во Францію, гдѣ „даже съ тѣми евреями, которые прѣбываютъ изъ Россіи, обращаются какъ съ людьми“. Устроившись, наконецъ, онъ успокоился и рѣшилъ о возвращеніи въ Россію и не думать. Выразительно, бойко доказывая Сарѣ, что тамъ изъ ея сына слѣдаютъ фактора, что ее самое избѣгутъ и озорятъ, какъ избѣгли и опозорили, когда она была гимназисткой, Іосифъ былъ убѣжденъ, что стоитъ на твердой, неизблемой почвѣ.

Сѣровая опасливость, вынесенная изъ горькаго опыта, не даетъ понять, какъ можно совмѣстить любовь къ массѣ съ ея жестокостью, насильемъ, погромами...

— Я вотъ что скажу тебѣ: не одни слѣзцы на насъ обрушиваются. Намъ и отъ культурныхъ слоевъ достается тоже. А симпатіи или хотя-бы остраданія къ намъ не выказываетъ никто.

Но то, что для Іосифа явилось предметомъ ужаса, для Сары оказалось магнитомъ. Пылкая, чуткая, жаждущая „настоящаго“ дѣла, она проклала свой покой, за тысячу веротъ отъ всего, гдѣ сынъ ея ни борьбы той, ни тѣхъ страданій не узнаеть... На этой почвѣ и завязывается драма. Сара подходитъ къ дѣлу прямо.

„— Ты воображаешь, что ты тутъ нуженъ, что ты и тутъ служишь ближнему. Но такъ служить, какъ ты, служить ему и лавочница Птижанъ: ей дадутъ двѣнадцать су, и она отпуститъ фунтъ сахару. Это не служба, это—торговля... Ты твердишь, что радъ, что „раздѣлался съ родными“. Я знаю, что это неправда, но мы это оставимъ, и я вотъ о чемъ тебя спрошу: отчего же ты бросилъ своихъ кровныхъ? Евреевъ отчего ты оставилъ? Отчего ты къ нимъ не идешь?“

„— Что же ты молчишь?—сильнѣе волнуясь, продолжала Сара.—Я спрашиваю тебя: отчего ты не идешь въ „черту“? Ты чуть не роль какого-то мстителя за евреевъ берешь на себя, а сидишь здѣсь и пальцемъ о палецъ для нихъ не ударишь. Въ Россіи еврей-земледѣльцы теперь голодаютъ, у нихъ цынга и голодный тифъ, — отчего-жъ ты къ нимъ не ѣдешь? отчего? А, ты все молчишь!—съ какимъ-то горькимъ торжествомъ вскрикнула Сара.—Ты молчишь! Ну, такъ я за тебя отвѣчу. Ты оттого къ нимъ не идешь и оттого сидишь здѣсь, что это тебѣ удобно! Тебѣ! Тебѣ надо поспокойнѣе устроить свою собственную судьбу. Да, только это! Ничего, кромѣ усиленныхъ заботъ о своихъ ребрахъ у тебя нѣтъ... Тебѣ здѣсь спокойно, тебѣ въ фізіономію не плюютъ, тебя на „погребницу“ не тащутъ, тебя спеціальныя правила и узаконенія не давятъ, твой сынъ

будеть свободнымъ гражданиномъ свободной страны... Тебѣ хорошо, ты удовлетворенъ... А тамъ дома...“

Ей чужда эта уость, эта сѣтость „полноправнаго“ буржуа. Итъ состраданія?

„— Это неправда! Состраданіе есть. А если оно выражается не такъ ярко, какъ хотѣлось-бы, такъ что-же? Время теперь такое. Оно не для насъ однихъ мрачно... Эту ошибку, или, если хочешь, эту несправедливость дѣлаютъ многіе изъ насъ: плачутся на горестное положеніе евреевъ, и при этомъ забываютъ объ общемъ ходѣ вещей, объ общемъ стрѣѣ всей жизни... Стонуть въ „чертѣ“! А ты изъ черты выгляни. Тамъ что дѣлается! Такое время...“

Сара идетъ туда, гдѣ „мужикъ“ и еврей могутъ подать другъ другу руку, бороться съ общимъ врагомъ! Трудъ всѣхъ уравниваетъ. Мужику-ли служить, еврею-ли—не все-ли равно?

„— У мужика и у еврея интересы общіе. Что бы тамъ ни говорили, а наша судьба переплетена съ судьбой русскаго народа: когда несчастіе онъ—больше дѣлается и намъ; если солнечный лучъ упадетъ на него—пригрѣетъ и насъ... Когда не будетъ въ Россіи голодовокъ, не будетъ переселенцевъ, когда вдвое уменьшится процентъ смертности, а процентъ неграмотныхъ будетъ не восемьдесятъ, а восемь, два, одинъ,—хорошо будетъ и намъ.“

„—Придетъ время, когда весь свѣтъ солнца и вся теплота прольются на Россію, — и тогда конецъ будетъ и нашимъ страданіямъ. Еврейскій вопросъ разрешится самъ собою и упразднится навсегда“.

Это—то именно, въ чемъ мы пытаемся убѣдить читателя всей нашей статьей.

„Очень, очень я радъ, что съ этими родными раздѣлался. Очень“, говоритъ герой разсказа. Но развѣ „родные“, съ которыми онъ „раздѣлался“, являются какимъ-то сплошнымъ цѣлымъ? Развѣ апологія антисемитизма исходила когда-либо отъ лучшей части общества? Если есть убійцы, грабители, которые избивали его единоплеменниковъ, если есть гг. Крушеваны и Суворины, духовно солидарные съ этими насиліями, проповѣдующіе ихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, то есть и такіе „родные“, которые боролись и будутъ бороться противъ этихъ насилій. Тотъ протестъ, который вызываютъ погромы въ разнообразныхъ слояхъ русскаго общества, тотъ взрывъ негодованія, который встрѣчаетъ антисемитизмъ въ мало-мальски чистыхъ органахъ печати—все это показываетъ, насколько русское общество однородно, насколько „не одни слѣпцы на насъ обрушиваются“. Безъ сомнѣнія, эта часть общества далека отъ „иудобильства“, какъ и отъ иудобобства. Она не занимается *специально*

еврейскимъ вопросомъ. Проклятый это вопросъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова, но чѣмъ же онъ отличается отъ другихъ вопросовъ, „поставленныхъ на очередь“ русской жизнью? Каждый изъ нихъ есть отдѣльный актъ одной общей драмы. Каждый изъ нихъ есть необходимый продуктъ однихъ общихъ условій, на почвѣ которыхъ становятся возможны разныя аномаліи. Значить, рѣшеніе ихъ, этихъ вопросовъ, не на почвѣ частныхъ переменъ и смягченій. Рѣшеніе ихъ въ переменѣ атмосферы, родившей ихъ на свѣтъ. Именно въ эту сторону должны быть направлены всѣ усилія еврейскихъ и русскихъ прогрессистовъ. Евреи—не чужестранцы, живущіе въ Россіи по милости г. Меншикова. Они „истинно-русскіе“. Не можетъ не страдать часть, когда страдаетъ цѣлое. Значить, для блага этого цѣлаго и должны работать евреи.

Правда, идеалы Сары нѣсколько смутны. Но это не бѣда. Сары не боятся логики жизни, и жизнь углубить, придать опредѣленность этимъ идеаламъ. Только въ сближеніи точка опоры. Не увѣщаніями, не фантазіями создается это сближеніе. Оно создается на почвѣ труда. Когда трудящіеся всѣхъ народовъ объединяются, тогда евреи перестанутъ быть паріями. Они станутъ тогда гражданами...

V.

Такимъ настроеніемъ проникнуты всѣ рассказы г. Айзмана. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, уже высказаннымъ въ нашемъ журналѣ, что настроеніе автора „не всегда выдержано и послѣдовательно“. Г. Ашешовъ иллюстрируетъ свою мысль рассказомъ „Рабъ“: „въ послѣднемъ,—находитъ онъ,—авторъ встаетъ уже на узко-націоналистическую точку зрѣнія, и перемѣщенію центра тяжести еврейскаго вопроса на точку общечеловѣческаго развитія русской культуры предпочитается сосредоточеніе его на архивномъ служеніи, даже въ области искусства, племеннымъ и религіознымъ интересамъ, оставшимся отъ сотни вѣковъ“¹⁾. Намъ этотъ упрекъ кажется положительно несправедливымъ.

Г. Ашешова, можетъ быть, ввело въ заблужденіе то мѣсто, гдѣ молодой Гумпловичъ говоритъ о Войнарѣ, „нашемъ врагѣ, нашемъ мучителѣ“. „Вы тоже отлично знаете, — говоритъ онъ Сойферу, — сколько этотъ варваръ выпилъ еврейской крови... И я думаю, что художникъ-еврей не долженъ его писать“. Переверните, однако, нѣсколько страницъ.

„— Видите ли, — продолжалъ Сойферъ нѣсколько болѣе спокойнымъ голосомъ, — вѣдь я не просто портретъ Войнара пишу. Вѣдь это — не такой портретъ, гдѣ художникъ стремится передать одно лишь виѣшнее сходство.

¹⁾ „Образованіе“. 1904 г. май. Рецензія.

Это—портретъ психологическій, или, если хотите, портретъ символъ... Я воспользовался заказомъ Войнара, чтобы выразить извѣстную идею. Идею силы. Идею власти. Вы понимаете меня?

— Нѣтъ. не понимаю,—сухо отвѣтилъ Гумпловичъ.

— Не понимаете?—Лицо у Соифера потемнѣло.

— Не понимаю.

Гумпловичъ все также угрюмо смотрѣлъ внизъ, на ноги мольберта.

— Портретъ психологическій, портретъ символъ... — пробормоталъ онъ.—Я отлично знаю, что дѣятельностью Войнара можно вдохновиться,—можно написать цѣлую серію картинъ изъ его жизни. Но вѣдь для этого необходимо, чтобы художникъ былъ свободенъ, чтобы вдохновеніе было свободно, чтобы оно не было приведено за чужь самимъ же этимъ Войнаромъ, которій платитъ за картину столько-то тысячъ“...

Итакъ, даже дѣятельностью „нашего врага, нашего мучителя“ можно вдохновляться, написать цѣлую серію картинъ изъ его жизни. Гдѣ же тутъ сосредоточеніе центра тяжести „на архивномъ служеніи, даже въ области искусства, племеннымъ и религіознымъ интересамъ, оставшимся отъ сотни вѣковъ?“ Такъ говоритъ Гумпловичъ, и устами Гумпловича—можно думать—говоритъ самъ авторъ.

Чтобы уяснить себѣ смыслъ этихъ словъ, обратимся къ самому Соиферу, „которому,—по мнѣнію рецензента,—авторъ ставитъ въ вину то, къ чему онъ самъ призываетъ еврейскій народъ въ рассказѣ „На чужбинѣ“.

Изъ глухого польскаго мѣстечка, послѣ долгихъ лѣтъ штудированія талмуда, пріѣхалъ онъ въ столицу. Онъ былъ еврей „съ головы до ногъ, „каждый дюймъ“ въ немъ былъ еврей“. Прекрасный знатокъ еврейской жизни, еврейской души, онъ считалъ, что изображать можетъ только евреевъ. И изображалъ. Но... съ теченіемъ времени тяжелое безпокойство стало закрадываться ему въ сердце. Дѣло въ томъ, что еврейскими сюжетами трудно обратить на себя вниманіе русской публики. А завоевать ея вниманіе необходимо... Сами евреи только тогда художника оцѣнятъ и станутъ имъ дорожить, когда онъ будетъ признанъ и русской публикой. О, тогда они его на рукахъ будутъ носить, будутъ имъ гордиться и хвалиться...

Соиферъ выставляетъ огромное полотно „Пиръ Владиміра Святого“. Дѣйствительно, картина имѣетъ крупный успѣхъ. Онъ торжествуетъ... Но уже теперь осадокъ чего-то горькаго и ядовитаго мутитъ его душу. Какъ мало у него общаго съ Владиміромъ! Никакой связи между душой художника и душой изображеннаго имъ человѣка не существуетъ. Развѣ могъ онъ вложить въ картину нѣчто дѣйствительно глубокое? Онъ же „еврей съ ногъ до головы“.

— Я напишу теперь Иегуду Галеви подъ стѣнами Іерусалима,—общаетъ себѣ Соиферъ.

Но... не писать Иегуду Галеви. И за всю свою долгую дѣятельность съ тѣхъ поръ, какъ приобрѣлъ имя, не беретъ ни одного еврейскаго сюжета. Правда, очутившись въ родныхъ краяхъ, онъ вздумалъ написать картину съ ребе Нусена, одного изъ тѣхъ удивительныхъ еврейскихъ самородковъ, которые такъ оскорбительно-безполезно гибнутъ въ мрачной атмосферѣ роковой черты. Картина ему удалась. Но когда онъ поставилъ ее на мольбертъ, посреди мастерской, онъ вдругъ почувствовалъ тяжелую неловкость. Когда же ему доложили, что пріѣхала графиня Штакембергъ съ дочерью, онъ засуетился, и... послѣдно повернулъ предательское полотно въ стѣнѣ. Затѣмъ у ребе Нусена тронули „кое-что на лбу и подъ глазами“, и ребе Нусенъ пошелъ на выставку подъ названіемъ „Монастырская келья“...

Не одни еврейскіе сюжеты оказывались неудобны. Соиферъ собрался написать картину изъ жизни „Стѣнки Разина“—и эту мысль въ исполненіе не привелъ. Собрался изобразить „голодную деревню“, и это сдѣлать поостерегся. Остерегался онъ всегда. Толкованіе жизни ухитрился онъ давать такое, что оно приходилось по вкусу „и нашимъ, и вашимъ“.

Такъ онъ добился ввѣстности, нажилъ состояніе, приобрѣлъ поклонниковъ...

Одного онъ не добился—свободы. Только тогда, въ молодости, когда онъ писалъ свои малозамѣтные жанры изъ еврейской жизни, только тогда сердце его сжималось и горѣло, испытывало то трепетаніе, которое доступно лишь избраннымъ... Но потомъ... потомъ... все, что онъ создавалъ потомъ, было „глубоко продумано, иногда даже и прочувствовано, но никогда не выстрадано“. Чувство потускнѣло, поблекло.. Онъ работалъ ремесленнически спокойно.. Какъ оперный пѣвецъ, который въ теченіе всей своей карьеры гнѣлъ бы октавой ниже, чѣмъ позволяли ему его голосовыя средства, такъ и онъ не использовалъ самыхъ дорогихъ и важныхъ свойствъ своего дарованія и создалъ только незначительныя, заурядныя и уже умирающія вещи...

И вотъ этому человѣку Гумпловичъ говорить:

— Нужно, чтобы художникъ могъ свободно выразить свою мысль, всю свою мысль; чтобы онъ могъ дать полную свободу своему чувству... А развѣ вы находитесь въ этихъ условіяхъ? Вѣдь не напишете же вы Вейнара такимъ, какимъ вы его понимаете?“

— Вы выражаете „идею силы“, „идею власти“. А мнѣ кажется, что здѣсь идею варварства выразить надо, идею дикаго насилія“...

„— Нужно дать полную свободу своему чувству... Нужно, чтобы вдохновение было свободно... Чтобы оно не было приведено за чужь заказчиком“...

Ну, значить ли это, что авторъ „работу въ области русскаго искусства вообще считаетъ уже измѣной народу“, ставить Сойферу „въ вину то, къ чему онъ самъ призываетъ еврейскій народъ въ разсказѣ „На чужбинѣ“? Ничего подобнаго. Неужели думать, что художникъ-еврей, „еврей съ ногъ до головы“, которому близко, *какъ художнику*, только еврейское, долженъ быть вѣренъ элементарнымъ требованіямъ искусства, т. е. не „притягивать за чужь вдохновение“ несмотря на вѣшнія выгоды, неужели думать такъ, значить становиться на „узко-націоналистическую точку зрѣнія“, перемѣщать „центр тяжести еврейскаго вопроса“ и пр.? Смѣю увѣрить г. Ашешова, что „рабъ“ Сойферъ ничего специфическаго въ себѣ не носитъ. Онъ—рабъ. Онъ—измѣнникъ. Но измѣнникъ искусству, прежде всего искусству... Что это такъ и не можетъ быть не такъ, говорить вся книжка г. Айзмана, говорить съ ясностью, исключаяющей возможность двухъ толкованій...

А говорить она слѣдующее: самое лучшее, самое нужное, что евреямъ должны дѣлать, это итти рука объ руку съ прогрессивнѣйшимъ движеніемъ того народа, среди котораго они живутъ. Участвуя активно въ развитіи народа, способствуя возможно быстрому наступленію того будущаго, „когда весь свѣтъ солнца и вся теплота прольются на Россію“, они входятъ въ это будущее однимъ изъ законнѣйшихъ элементовъ. Наоборотъ, „узко-націоналистическая точка зрѣнія“—какими бы „возрожденіями“ и „самоосвобожденіями“ она не прикрывалась—можетъ лишь задержать естественное движеніе вопроса, не очистить, а загородить путь къ его рѣшенію... Голосъ г. Айзмана не является исключеніемъ. Такъ думали всѣ лучшіе умы, вышедшіе изъ еврейства.

Л. Клейнбортъ.

Родныя картины.

Студенческая корпорація „свобододѣйствующихъ“ и приватъ-доцентъ В. В. Никольскій. — Семинарская философія и журналъ „Образованіе“ передъ судомъ московскихъ педагоговъ.—Полицейскіе процессы: 1) дѣло объ изнасилованіи въ участкѣ, 2) дѣло о пыткахъ при допросѣ, 3) дѣло объ истязаніяхъ и насильственной смерти въ полицейскомъ домѣ, 4) дѣло объ „ушибахъ“, 5) дѣло о Каменецъ-Подольскихъ евреяхъ. — Мелочи.

Въ камерѣ столичнаго мирового судьи 26-го участка недавно разбиралось очень интересное студенческое дѣло, которое привлекло множество слушателей, преимущественно изъ учащейся молодежи. Суть дѣла сводится къ слѣдующему. Бывшій студентъ горнаго института, г. Галѣевъ, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, встрѣтилъ въ Народномъ домѣ г. Громова, принадлежащаго къ студенческой организаціи „свобододѣйствующихъ“. И, встрѣтившись, сказалъ ему: „ахъ ты, свобододѣйствующая сволочь“.

Эти слова, сказанныя въ публичномъ мѣстѣ и, разумѣется, во всеуслышаніе, повидимому, показались г-ну Громову обидными для его самолюбія, потому что онъ тутъ же потребовалъ у полицейскихъ, чтобы былъ составленъ протоколъ, а затѣмъ дѣло въ установленномъ порядкѣ пошло къ мировому. На судѣ стороны ничего новаго объяснить не могли: г. Галѣевъ не отрицалъ, что называлъ г. Громова „свобододѣйствующей сволочью“, а г. Громовъ по прежнему настаивалъ, что это выраженіе слѣдуетъ понимать, какъ обидное для самолюбія. Такъ что весь интересъ дѣла, судя по отчету „Новостей Дня“, сосредоточился на показаніяхъ бывшаго профессора технологическаго института г. Долбни. Г. Долбня очень пространно говорилъ объ организаціи „свобододѣйствующихъ“ и аттестовалъ эту группу студенчества, какъ *сборъ* молодыхъ людей, которые способны на безнравственные поступки, и которые особенный преферансъ отдають доносу,

какъ средству партійной борьбы. Спокойная, дѣльная и совершенно объективная рѣчь почтеннаго профессора произвела на присутствующихъ замѣтное впечатлѣніе, а одинъ изъ тяжущихся (г. Галѣевъ) воспользовался этой рѣчью, какъ основаніемъ для своей защиты. Онъ сказалъ, что слово „сволочь“, которое [показалось обиднымъ его colleg'ѣ Громову, онъ употребилъ именно въ такомъ смыслѣ, „какъ разъясняя проф. Долбня, т. е. въ смыслѣ „сбродъ“, и въ подтвержденіе такого толкованія, сослался на словарь Даля и на историческіе прецеденты (какъ извѣстно, напримѣръ, Императрица Екатерина, издавая указъ объ основаніи города Луги, приказала „населить тотъ городъ всякою сволочью“).

Мировой судья выслушалъ пренія сторонъ и постановилъ: считать обвиняемаго Галѣева по суду оправданнымъ.

Этотъ эпизодъ изъ практики мировой юстиціи интересенъ, разумеется, и самъ по себѣ, но для насъ онъ представляетъ значеніе лишь въ качествѣ показателя той партійной борьбы, которой въ настоящее время охвачены всѣ высшія учебныя заведенія. „Свобододѣйствующіе“ (въ университетѣ эта корпорація носитъ названіе „Денницы“), небрезгающіе никакими средствами, а въ томъ числѣ и доносами, составляютъ совершенно новое явленіе въ нашей академической жизни: до появленія ихъ въ университетѣ не было вульгарныхъ дракъ, не было позорнаго ябедничества, и несходство въ убѣжденіяхъ никогда не приводило къ обмѣну [пощечинами. Теперь же „свобододѣйствующіе“ и корпорацы „Денницы“ спеціально занимаются атлетикой, чтобы во всеоружіи являться на [товарищескіе диспуты и обезпечить за собой большинство голосовъ на [сходкахъ. Въ нѣкоторыхъ университетахъ это „атлетическое голосованіе“ настолько вошло въ обычай, что выработался даже техническій терминъ: „голосовать по способу Гаккеншмита“. Но естественно, что „способъ Гаккеншмита“ вызываетъ среди воспитанной и приличной молодежи глубокое негодованіе, такъ что достаточно сойтись „свобододѣйствующему“ студенту съ товарищемъ другой фракціи, какъ тотчасъ же между ними начинается обмѣнъ любезностей въ родѣ тѣхъ, которыми обмѣнялись гг. Галѣевъ и Громовъ. Иногда, впрочемъ, дѣло не ограничивается словесностью и заходитъ значительно дальше. Такъ, мнѣ извѣстно, что „свобододѣйствующіе“ города Одессы не только на сходки, но и на улицу не выходятъ иначе, какъ съ револьверомъ въ карманѣ. Когда же спросишь такого вооруженнаго молодого человека: зачѣмъ вы это дѣлаете,—онъ отвѣчаетъ: „видите ли, отношеніе товарищей къ нашей корпораціи таково, что я всякую минуту могу получить пощечину и вообще подвергнуться физическому

насилию. Такъ вотъ, въ предупрежденіе такого насилія, я и не выхожу на улицу безъ револьвера“¹⁾).

Какъ можетъ судить читатель, уже одна возможность столь безобразныхъ отношеній между воспитанниками одного и того же учебнаго заведенія ясно говоритъ, что университетскіе годы нынѣшней молодежи протекаютъ въ самой уродливой обстановкѣ. Но спрашивается, кто же эту обстановку создалъ, кто явился организаторомъ всѣхъ этихъ „Денницъ“, „свобододѣйствующихъ“ и пр.? Безъ всякаго сомнѣнія, обстановку создала сама жизнь: университетъ только отражаетъ въ себѣ то настроеніе и ту безтолочь, которой до краевъ переполнена наша злосчастная общественность: гдѣ нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, гдѣ люди живутъ какъ въ подпольѣ, гдѣ самая мысль о свободной жизни трактуется, какъ нарушеніе обязательныхъ постановленій,—тамъ не можетъ быть порядка, тамъ нѣтъ мѣста для душевнаго равновѣсія. А если порядка нѣтъ въ жизни, то какимъ же образомъ можно утвердить его въ университетѣ? Вѣдь университетъ—не островъ среди океана, а лишь казовой коонецъ той же жизни, такъ сказать, фасадъ нашей культуры. Но если это такъ, то, стало быть, устройство университетской жизни отнюдь не можетъ составлять самостоятельной задачи, ибо нерасчетливо же чинить одинъ фасадъ въ то время, когда течетъ крыша, рушатся стѣны, и осѣлъ фундаментъ. Впрочемъ, мысль эта такъ, сама по себѣ, примитивна и столько разъ ее уже переживали на всѣ лады, что не понять ее могли развѣ глухонѣмые журналисты, да тѣ изъ гг. профессоровъ, которые мечтали найти рѣшеніе университетскаго вопроса въ организациі студенческихъ обществъ à la „Деница“, „свобододѣйствующіе“, и пр. Путемъ организациі такихъ обществъ профессора-учредители разсчитывали создать протавовѣсь либеральнымъ теченіямъ въ университетѣ, но на практикѣ, жизнь показала опытъ, создали только смуту, расколъ, вражду и даже драки.

Я только что сказалъ, что „Деницу“ и „свобододѣйствующихъ“ создали профессора-учредители. Но это нуждается въ нѣкоторой оговоркѣ, такъ какъ пока возможно указать только на одного такого профессора—именно приватъ-доцента петербургскаго университета г. Никольскаго.

О немъ, впрочемъ, можно-бы поговорить особо, такъ какъ личность

¹⁾ Эти строки были уже набраны, когда въ газетахъ появилось извѣстіе, что харьковскіе „свобододѣйствующіе“, которые именуются тамъ просто „русскими“, ни съ того, ни съ другого напали на вокзалѣ на своихъ товарищей-студентовъ, причемъ одинъ изъ „свобододѣйствующихъ“, открылъ пальбу изъ револьвера. (Дѣло это будетъ разбираться въ окружномъ судѣ).

эта сама по себѣ довольно любопытна и въ общемъ можетъ служить недурнымъ показателемъ педелизаціи современной профессуры. Вотъ формуляръ г-на Никольскаго, какъ общественнаго дѣятеля: членъ Русскаго Собранія, сотрудникъ „Новаго Времени“, кавалеръ ордена „Денницы“, по главнымъ образомъ—„вольный сынъ эфира“, т. е. человекъ, оторвавшійся отъ бѣдной земной морали и потому „свобододѣйствующій“ и „свобододоносящій“ въ одно и то же время. Въ качествѣ „свобододоносящаго“ г. Никольскій прочиталъ, напримѣръ, въ „Русскомъ Собраніи“ цѣлый рапортъ о государственномъ устройствѣ вообще и о русскомъ государственномъ устройствѣ въ частности. Свой рапортъ г. Никольскій назвалъ „докладомъ“, хотя и безъ достаточныхъ основаній, такъ какъ доклады не принято начинать съ доносовъ, а г. Никольскій именно съ этого и началъ. „Въ нѣкоторыхъ органахъ печати, заявилъ онъ, публицисты дошли почти до геркулесовыхъ столбовъ“. Если они еще не проносятъ слова „конституція“, то потому лишь, что мысль ихъ и безъ того ясна каждому, и ставить точки на „і“, не требуется“¹⁾.

Хотя въ смыслѣ разумнѣя земныхъ приличій г. Никольскій давно ушелъ въ „надзвѣздные края“, но должны же и сыновья эфира понимать, что указаніе на неблагонамѣренность, хотя и анонимное, еще со временъ Искаріота, получило вполне опредѣленное наименованіе. Въ данномъ случаѣ наименованіе это тѣмъ болѣе умѣстно, что слово „конституція“, или, по терминологіи „Московскихъ Вѣдомостей“—„похотливая наглость“, въ русской литературѣ неупотребительно и считается запрещеннымъ. Такимъ образомъ, „геркулесовы столбы“, до которыхъ, по мнѣнію г-на Никольскаго, уже дошла русская печать, являются прямымъ и вполне ясно сформулированнымъ обвиненіемъ. Впрочемъ, какъ человекъ свобододѣйствующій по преимуществу, г. Никольскій могъ выплунуть свой доносъ совершенно нечаянно: не знаешь, вѣдь, гдѣ найдешь, гдѣ потернешь. Но вотъ что непростительно и для „свобододѣйствующаго“: высказываясь противъ свободы слова, г. Никольскій, нечувствительно для самого себя, сталъ палить по своимъ же сосѣдямъ, украшающимъ и Русское Собраніе, и „Новое Время“.

Еще недавно, напримѣръ, его сосѣдь, г. Меньшиковъ, довольно комфортабельно сидѣлъ „на геркулесовомъ столбѣ“ и съ высоты его докладывалъ „ближнимъ“, что не только человѣческое естество, но и священное писаніе настойчиво вопіютъ о необходимости свободной человѣческой рѣчи, какъ устной, такъ и письменной. Вотъ подлинныя слова г. Меньшикова:

¹⁾ Цитируемъ и здѣсь и дальше по отчету „Руси“.

„Мое глубокое убѣжденіе, что въ источникѣ всякой жизни стоитъ свободная мысль. Это искорка, отъ которой закипаютъ всѣ процессы, даже физическіе. Поистинѣ „въ началѣ бѣ Слово“, и именно громкое Слово, сказавшее: „Да будетъ свѣтъ!“, создало міръ. Отъ громкаго слова началось твореніе. Отъ страстнаго хотѣнія истины вѣчно зарождается все, что есть. Жалокъ человѣкъ, теряющій сознание,—несчастенъ народъ, неуважающій своей мысли. Загляните въ исторію, — всюду, гдѣ расцвѣтала цивилизація, свобода громкой рѣчи была основнымъ правомъ гражданъ. Всюду существовалъ классъ людей, исключительно призванныхъ говорить правду. Пророки, трибуны, оракулы, апостолы, философы, мыслители,—наконецъ, если хотите, журналисты... Забудьте, журналистомъ можетъ быть всякій, и я, и вы. Это не каста, это говорящій громко народъ. Свобода печати есть просто свобода мысли. Будемте же благородны. Поймемъ, что это не „мода“,—это вѣчная и самая священная потребность“.

Такъ говорилъ членъ Русскаго Собранія и сотрудникъ „Новаго Времени“ г. Меньшиковъ, а другой членъ Русскаго Собранія и сотрудникъ „Новаго Времени“ г. Никольскій, слушая эти рѣчи, тащилъ своего colleg'у съ высоты „геркулесова столба“ прямо въ участокъ. И даже не только colleg'у тащилъ, но посягнувъ и на самый „органъ печати“, ибо пзъ рапорта, представленнаго Русскому Собранію, видно, что г. Никольскій корень зла усматриваетъ не въ отдѣльныхъ журналистахъ, а именно въ „органахъ печати“, которые и ставятъ точки надъ і. Но не трудно видѣть, что въ данномъ случаѣ г. Никольскій занимается уже совсѣмъ неблаговиднымъ дѣломъ: онъ рубитъ какъ разъ тотъ суевъ, съ высоты котораго онъ самъ столько разъ каркалъ.

Возвратимся, однако, къ рапорту г. Никольскаго и именно къ той его части, гдѣ авторъ противопоставляетъ заимствованную японскую культуру и культуру русскую, „самобытную“.

„Японія, по признанію Европы, культурна. Россія—нѣтъ. Почему? Да потому, что страна Восходящаго Солнца приняла европейскую культуру цѣлкомъ, безъ оговорокъ, безъ борьбы. Она не выработала ни своей собственной политической теоріи, ни собственной же культуры. Россія въ своей тысячелѣтней борьбѣ за самостоятельность и самобытность съ насѣданнымъ на насъ Востокомъ выковала свою—хорошую или дурную—это другой вопросъ—собственную политическую организацію, выработала свой собственный бытъ, свою самобытную культуру. Западный строй мы отжержнули. Чужому мы противопоставляли свое. И потому мы некультурны, японцы — культурны.“

Очевидно для лектора, что въ будущемъ предстантъ роковое столкно-

шеніе двухъ культуръ, двухъ политическихъ организацій: нашей и западной“.

Мы нисколько не удивляемся, что г. Никольскій, какъ „вольный сынъ эфира“ и членъ Русскаго Собранія, съ такимъ очевиднымъ подчеркиваніемъ упоминаетъ о „собственной нашей политической организаціи“, о „собственномъ бытѣ“, о „самобытной культурѣ“ и пр. Но мы рѣшительно недоумѣваемъ, какъ можетъ приватъ-доцентъ университета, хотя бы и „свобододѣйствующій“, до такой степени игнорировать науку и извращать исторію. Вѣдь споръ о пресловутой „самобытности“ покопченъ еще въ 40-хъ годахъ, въ эпоху славянофиловъ и западниковъ, и нынче достаточно прочтаты учебникъ Иловайскаго, чтобы совершенно отчетливо понять, что исторія Россіи есть исторія заимствованія западныхъ образцовъ: наша религія, наша письменность, наша наука, наше войско, нашъ флотъ, нашъ государственный строй, наши законы, наша литература— все родилось на западѣ, все идетъ оттуда. Даже „свобододѣйствующіе“ и тѣ имѣютъ свой западный прототипъ въ лицѣ французскихъ шовинистовъ и англійскихъ „джинго“. Такимъ образомъ, гдѣ же основаніе кичиться „самобытностью“ и гдѣ поводъ бояться столкновенія двухъ культуръ? Очевидно, рѣчь можетъ идти не „о столкновеніи“, а объ естественномъ ростѣ культуры. Впрочемъ, довольно о г. Никольскомъ. И не потому довольно, что намъ не хотѣлось бы подробнѣе поговорить о его „рапортѣ“, а потому что разговоръ на эту тему неизбѣжно приведетъ къ „геркулесовымъ столбамъ“, и „Московскія Вѣдомости“, разумѣется, не замедлятъ обвинить насъ въ „похотливой наглости“.

* * *

Какъ извѣстно, въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ немалое вниманіе удѣляется различнымъ философскимъ системамъ. Но въ то же время знакомство воспитанниковъ съ развитіемъ философской мысли носитъ нѣсколько спеціальныи характеръ. Вотъ сценка съ натуры, изъ коей видно, въ какую сторону направляется вниманіе воспитанниковъ.

Вызываютъ къ доскѣ замухрышку-семинариста.

— Что задано? — спрашиваетъ учитель.

— Лжеученіе германскаго философа Эммануила Канта.

— Ну, разбивай Канта.

— Безбожный германскій философъ Эммануилъ Кантъ... мя-мя-мя...

Такъ онъ не вѣровалъ въ Бога... мя-мя-мя...

— Ну, чего мнешься—отъсняешься что ли, что ты семинаристъ, а онъ философъ? Разбивай, тебѣ говорятъ, какъ слѣдуетъ!—Семинаристъ свѣштитъ оправиться, ловить жаднымъ ухомъ подсказыванія товарищей и

уловивъ, начинаетъ смѣло, безъ запинки и безъ передышки „жарить“, точно изъ пулемета.

— Безбожный германскій философъ, Эммануэль Кантъ, въ своемъ постыдномъ ученіи развиваетъ низшеслѣдующія тлетворныя и явно богопротивныя мысли... И пошелъ, и пошелъ—такъ что въ классѣ словно трескъ стоптъ! Черезъ двѣ минуты отъ бѣдьяги Канта, какъ говорится, и хвоста не остается. А еще черезъ двѣ минуты учитель спрашиваетъ.

— Ну, чего сталь?

— Уже разбилъ, г. учитель.

— Уже? Ну, теперъ Дарвина разбей!

— Безбожный британскій философъ и лженатуралистъ, Чарльзъ Дарвинъ, въ своемъ постыдномъ ученіи развиваетъ низшеслѣдующія запрещенныя мысли... И опять въ классѣ точно трескъ пулемета стоптъ. А черезъ пять минутъ и Дарвина, разумѣется, постигаетъ та же участь, что и Канта.

Какъ видите, семинарочая философія носитъ нѣсколько „нарочитый“ характеръ. Но весь курьезъ заключается въ томъ, что тѣ самые семинаристы, которые съ такимъ успѣхомъ „разбиваютъ“ Канта, Дарвина, Гегеля, Фихте и пр. и пр., ни подъ какимъ видомъ и ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права читать этихъ философовъ, подъ опасеніемъ строжайшихъ каръ до изгнанія включительно: можно только „разбивать“, но читать—отнюдь.

Приблизительно такое же двусмысленное положеніе занимаетъ въ семинаріяхъ г-р. Л. Н. Толстой. Учителя словесности говорятъ семинаристамъ:

— Кто не прочтаетъ, по крайней мѣрѣ, „Анну Каренину“ и „Войну и Миръ“, тотъ не можетъ получить больше двойки!

А инспекція говоритъ; „кто будетъ пойманъ съ сочиненіями Толстого, тотъ не выйдетъ изъ карцера, пока не принесетъ чистосердечнаго раскаянія“.

На мой вопросъ: „какъ же вы выходите изъ столь затруднительнаго положенія“, одинъ семинаристъ отвѣтилъ:

— Читаемъ, но подъ секретомъ.

— А если попадетесь?

— А попадемся, тогда приносимъ чистосердечное раскаяніе.

— Но почему же учителя словесности не сталкиются съ инспекціей?

— Пробовали, но ничего не выходитъ. Учитель говоритъ: „я долженъ выполнить программу“, а инспекторъ говоритъ: „а я обязанъ слѣдить за нравственностью“. Такъ ничего и не рѣшили.

Къ большому сожалѣнію, въ вопросѣ о „правѣ“ читать разрѣшенныя цензурой книги, семинарія далеко не представляетъ исключенія: почти во

всѣхъ учебныхъ заведеній (а въ томъ числѣ и въ университетахъ) разрѣшенныя правительственной властью книги раздѣляются на „богопротивныя“ и дозволенныя, причемъ первыя неизбежно влекутъ за собой карцеръ и „чистосердечное раскаяніе“.

Къ нашему удивленію, и журналъ „Образованіе“ тоже зачисленъ въ „богопротивную“ категорію, по крайней мѣрѣ, недавно въ московскомъ учительскомъ институтѣ разыгралась нижеслѣдующая поучительная исторія. Случайно директоръ этого заведенія „поймалъ“ у воспитанниковъ восемь нумеровъ нашего „богопротивнаго“ изданія и пришелъ въ столь неопи- сываемое волненіе, что поднялъ на ноги всю учительскую и составилъ цѣ- лый обвинительный актъ, существо котораго сводится къ слѣдующимъ основнымъ пунктамъ:

1. Обязанные подпиской не читать ничего „запрещеннаго“, воспита- нники, тѣмъ не менѣе, читаютъ растлѣвающій журналъ „Образованіе“.

2. Обязанные подпиской же никакихъ изданій не выписывать—ни кол- лективно, ни единолично—ученики, тѣмъ не менѣе, выписали и къ обра- щенію въ институтъ допустили растлѣвающій журналъ „Образованіе“.

3. Принятыя въ институтъ для того, чтобы получить истинное образо- ваніе, воспитанники, тѣмъ не менѣе, не довольствуются онымъ и свободное отъ занятій время проводятъ за чтеніемъ растлѣвающего журнала „Обра- зованія“.

На основаніи данныхъ этого обвинительнаго акта и принимая во вни- маніе, что журналъ „Образованіе“ не можетъ быть терпимъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія“, г. директоръ московскаго учительскаго института поста- новилъ: рассмотреть журналъ „Образованіе“ на педагогическомъ совѣтѣ и рѣшить принципиальный вопросъ, что дѣлать съ экземплярами оваго, пой- манными у воспитанниковъ. Этой забавной резолюціи былъ, разумѣется, данъ ходъ, и вотъ „Образованіе“ попало на скамью подсудимыхъ: на длинномъ столѣ лежали „пойманные“ (но несвязанные) экземпляры, а вокругъ си- дѣли гг. педагоги и творили судъ и расправу. Первый вопросъ, который былъ предложенъ этому почтенному синклиту, сводился къ слѣдующему: „имѣются ли достаточныя данныя подцензурный журналъ „Образованіе“, издающійся въ г. С.-Петербургѣ А. Я. Острогорскимъ, признать по суще- ству „богопротивнымъ“ и обращенію среди учащихся неподлежащимъ?“

Вопросъ этотъ вызвалъ пренія, и гг. педагоги стали „разбивать“ журналъ точь-въ-точь такъ, какъ разбиваютъ семинаристы „безбожнаго германскаго философа Эммануила Канта и его постыдное ученіе“. Но когда журналъ былъ „разбитъ“, гг. педагогамъ былъ поставленъ другой вопросъ: „Ежели признано, что журналъ „Образованіе“ по содержанію своему „богопротивенъ“, то какъ поступить съ „постыдными“ книгами,

пойманными среди учащихся“. И этот вопрос тоже вызвал среди педагогов пренія. Большинство требовало, чтобы *все пойманные книги были преданы огню*. Но г. директоръ, изъ страха передъ возможнымъ пожаромъ, рѣшилъ иначе — онъ постановилъ отослать книги редактору-издателю, А. Я. Острогорскому, по принадлежности, исгребовавъ предварительно подписныя деньги.

Такова эта московская исторія: люди съ высшимъ образованіемъ отдають подъ судъ подцензурныя журналы и, какъ мѣру пресѣченія, рекомендуютъ старинное, испытанное средство — „подложить огоньку“. Но, господа московскіе педагоги, мы отплатимъ вамъ тѣмъ же: мы тоже отдаемъ васъ на судъ общества.

* * *

Мнѣ какъ-то уже приходилось отмѣчать, что нынѣшнія прогрессивныя газеты представляютъ собой явленіе до чрезвычайности странное: въ передовыхъ статьяхъ только и рѣчи, что о свободѣ: свобода печати, свобода личности, свобода собраній,—а въ отдѣлѣ провинціальныхъ извѣстій все еще обстоитъ по старому: сего числа въ участкѣ убили чело-вѣка, сего числа въ участкѣ изнасиловали женщину, сего числа въ участкѣ били, калѣчили, ломали кости, разбивали черепа. Словомъ, въ передовой статьѣ—парламентъ, а въ хроникѣ—застѣнокъ. И это сочетаніе парламента и застѣнка до такой степени бьетъ по нервамъ, что временами кажется, будто весь газетный листъ залитъ кровью, будто со всѣхъ городовъ и селеній нашей несчастной страны несется одинъ и тотъ же, за душу хватающій, крикъ: „помогите—убиваютъ!“ Правда, этотъ крикъ несется не со вчерашняго дня, но именно теперь, когда передъ страной мелькнула заря свободы и когда такъ усилился газетный резонансъ, эти крики вызываютъ не только душевное огорченіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ все одинъ и тотъ же столѣтній вопросъ: да неужели же нельзя сейчасъ, сию минуту остановить это участковое кровопролитіе?

Вотъ полюбуйтесь, напримѣръ, сколько „случаевъ“ изъ полицейской практики сообщаютъ газеты за одинъ только мѣсяць. Въ Бердянскѣ, по словамъ „Крымскаго Вѣстника“, цѣлыхъ три мѣсяца къ ряду общество волновалось слухами о томъ, что въ помѣщеніи 1-го полицейскаго участка городской изнасиловала дѣвушку-еврейку, Анну Селерь. Но хотя слухи носили вполнѣ опредѣленный характеръ, однако, мѣстная слѣдственная власть не принимала ровно никакихъ мѣръ къ задержанію виновныхъ и производству дознанія. И только послѣ того, какъ извѣстіе о преступленіи дошло до губернатора, былъ командированъ особый чиновникъ, который и выяснилъ слѣдующее: „Дѣвица Анна Селерь 31 іюля возвращалась около 11^{1/2} ч. вечера домой изъ сквера съ своей подругой, встрѣ-

тила двухъ городовыхъ, которые въ грубой формѣ и весьма нахально начали приставать къ нимъ. Спасаясь отъ преслѣдованія городовыхъ, дѣвушки забѣжали въ ворота одного дома, но городовые, въ свою очередь, послѣдовали за ними, и въ то время, какъ одна изъ нихъ успѣла скрыться, другая попала въ руки городовыхъ, которые потащили ее въ участокъ, гдѣ одинъ изъ нихъ К—ковъ совершилъ надъ ней насиліе. Съ разсвѣтомъ Анна Селеръ возвратилась домой въ истерзанномъ видѣ, съ изуродованнымъ лицомъ, съ кровоподтеками и синяками на тѣлѣ и рассказала о случившемся. Немедленно приглашенная акушерка констатировала гнусное насиліе. Тогда родственникъ ея, Франкфуртъ, у котораго она проживала, какъ круглая сирота, заявилъ приставу 1-ой части г. Солодилову, которымъ былъ составленъ протоколъ и допрошена масса свидѣтелей, видѣвшихъ, какъ преслѣдованіе дѣвушекъ городовыми, такъ равно и то, въ какомъ видѣ она возвратилась домой, а также и заключеніе акушерки, освидѣтельствовавшей пострадавшую.

Казалось, что дѣлу будетъ данъ законный ходъ. Но на слѣдующій день Анна Селеръ была приглашена въ участокъ, гдѣ ее пытались склонить къ примиренію, на что со стороны ея послѣдовалъ рѣшительный отказъ; тогда ея родственникъ Франкфуртъ, путемъ угрозъ и уговоровъ, добился того, что несчастная дѣвушка принуждена была примириться, за что получила 200 руб.“.

Такимъ образомъ, 200 рублей, которые, какъ надо думать, уплатилъ *не городской*, должны были „потушить“ дѣло. Но къ счастью, случилось такъ, что о „принудительномъ примиреніи“ узнали южныя газеты, и дѣло опять всплыло наружу, такъ что въ недалекомъ будущемъ виновный, быть можетъ, понесетъ заслуженную кару. Но, разумѣется, существо вопроса не въ немъ, не въ виновномъ, а въ тѣхъ порядкахъ, какіе укоренились въ полицейскихъ участкахъ. Вѣдь обратите, въ самомъ дѣлѣ, вниманіе на характерныя подробности этого „случая“: цѣлая масса лицъ видѣла, какъ городовые нагло преслѣдовали дѣвушекъ, и никто изъ зрителей не могъ вступиться, такъ какъ это значило бы „вмѣшиваться“ въ дѣйствія полиціи. Затѣмъ дѣвушку *требуютъ* въ полицію, чтобы склонить ее къ примиренію и, когда это не удается, дѣйствуютъ на ея несчастнаго родственника, который угрозами вымогаетъ у нея прощеніе виновнаго. За это прощеніе дѣвушкѣ платятъ 200 руб. Но спрашивается, кто же заплатилъ эти деньги и для чего? Наконецъ, еще одна черточка: въ то время, какъ пострадавшая называется по имени и фамиліи,—городовой, насильникъ называется лишь инициалами—„К—ковъ“. Эта послѣдняя подробность такъ хороша, что вызываетъ невольное умиленіе: очевидно, люди желали пощадить стыдливость городского. Во-истину трогательная

деликатность. А, впрочемъ, вѣдь совсѣмъ же недалеко то время, когда печать не могла не только указать инициалы городского, но не могла бы даже намекнуть на самое происшествіе въ участкѣ: все, что дѣлалось въ полиціи, считалось для газетъ запретнымъ плодомъ, и даже полицейскіе процессы, разбиравшіеся при открытыхъ дверяхъ, на глазахъ у всѣхъ, не попадали въ газетные отчеты, въ силу специальныхъ циркулярѣвъ... Теперь этотъ циркуляръ приостановилъ свое дѣйствіе, и судебная хроника вновь пестритъ обычными заголовками: „пытка при допросѣ“, „истязаніе въ участкѣ“, „убійство въ полицейскомъ домѣ“ и пр. и пр. и пр. Вотъ, напримѣръ, судебный отчетъ „Приволжск. Края“.

На скамьѣ обвиняемыхъ — тщедушный молодой человекъ въ мундирѣ полицейскаго чиновника. Подсудимый — бывшій околоточный надзиратель 2-й части г. Царицына, нынѣ полицейскій надзиратель въ Астрахани А. В. Зыковъ — обвиняется въ истязаніи арестованныхъ имъ П. Несмачныхъ и Е. Солодовникова. Слѣдственный матеріалъ и показанія свидѣтелей рисуютъ слѣдующую картину.

Несмачныхъ и Солодовниковъ были арестованы ночью по подозрѣнію въ кражѣ винтовъ. На утро они были вызваны въ канцелярію для допроса. Произведя дознание, г. Зыковъ требовалъ отъ арестованныхъ признанія, не только по дѣлу о кражѣ винтовъ, но и о кражѣ у кого-то *катанокъ*. Несмачныхъ и Солодовниковъ, какъ выяснилось впоследствии, были совершенно непричастны къ послѣднему дѣлу, а потому и не могли дать требуемаго околоточнымъ признанія.

— А, ну ка — принеси, — распорядился г. Зыковъ, кивая сторожу части.

Черезъ минуту сторожъ явился съ ременною плетью (нѣчто въ родѣ шнура въ палецъ толщиной и до 2-хъ аршинъ длины) ¹⁾.

Арестованные были раздѣты до нижнихъ рубашекъ. Началась экзекуція. Зыковъ собственноручно „полосовалъ“ арестантовъ; городовые крѣпко держали истязаемыхъ. Каждый изъ нихъ получилъ до двадцати ударовъ. Послѣ экзекуціи арестантовъ снова заключили подъ арестъ. И отсюда уже Несмачныхъ и Солодовниковъ успѣли дать знать о случившемся прокурорской власти. Избитые подвергались медицинскому освидѣтельствованію, причемъ оказалось, что спины, руки и плечи ихъ испещрены багровыми лентами кровоподтековъ. Такъ началось дѣло“.

А кончилось оно сущими пустяками: несмотря на требованіе прокурора примѣнить строжайшую мѣру взысканія, саратовскій окружн. судъ приговорилъ Зыкова къ *аресту на 20 дней*.

А вотъ еще полицейское дѣло:

¹⁾ Другія газеты называютъ не плетъ, а специально изготовленную резиновую палку (послѣднее слово участковой науки).

„12 января 1903 года въ спб. Обуховскую больницу былъ доставленъ изъ полицейскаго дома Московской части въ безсознательномъ состояніи и съ явными признаками побоевъ и другихъ насильственныхъ дѣйствій кр. Витебской губ. Францъ Корвецкій; къ вечеру того же дня больной умеръ, не приходя въ сознаніе. Наканунѣ покойный былъ доставленъ дворниками, какъ пьяный, въ часть, гдѣ былъ посаженъ въ общую камеру для пьяныхъ, гдѣ провелъ ночь. Утромъ 12 января Корвецкій былъ найденъ на нарахъ нагимъ и въ безсознательномъ состояніи. Онъ былъ перенесенъ въ контору, гдѣ фельдшеръ Марковъ констатировалъ у Корвецкаго полный упадокъ силъ.

При вскрытіи оказалось, что все тѣло его покрыто ссадинами и кровоподтеками, представлявшими какъ бы отпечатокъ ногтей и царапинъ ногтями. Кромѣ того, были сдѣланы ссадины на шеѣ, указывающія на попытку сдавить горло. Затѣмъ были обнаружены переломы 5 реберъ и трещины въ лобной кости. По заключенію врача, смерть Корвецкаго послѣдовала отъ кровоизліянія въ мозговья оболочки.

При производствѣ слѣдствія по этому дѣлу были допрошены нѣсколько человекъ, заключенныхъ въ эту ночь въ общую камеру вмѣстѣ съ Корвецкимъ. По показанію легковаго извозчика Ерощкина, нѣсколько человекъ арестованныхъ обратили вниманіе на Корвецкаго, который былъ чисто одѣтъ, сняли съ него рубаху и стали бить по лицу. По показанію другого заключеннаго, Кудрявцева, Павелъ Богдановъ нѣсколько разъ принимался бить Корвецкаго ногами и руками, считая его за старшаго дворника; при этомъ онъ вскакивалъ на бока и давилъ ихъ; не ограничиваясь этимъ, Богдановъ мочился ему въ ротъ; это самое онъ совѣтовалъ сдѣлать и другимъ. Послѣ нанесенія побоевъ, отъ которыхъ у Корвецкаго шла кровь изъ носу и рта, Богдановъ требовалъ отъ зрителей, чтобы они молчали, подъ угрозой въ противномъ случаѣ съ ними раздѣлаться“.

А вотъ и еще полицейскій процессъ.

Дѣло это началось еще полтора года тому назадъ, когда въ ночь съ 6 на 7 мая 1903 года на станціи „Орель“ Моск. Курской жел. дор. была обнаружена кража. Заподозрѣнъ былъ въ ней и подвергнутъ, выражаясь юридически, „личному задержанію“ одинъ изъ служащихъ на станціи, нѣкто крест. Коноваловъ. Помѣщенный сперва въ жандармскую караулку (въ зданіи вокзала), откуда, по словамъ мѣстныхъ обывателей, были слышны затѣмъ нечеловѣческіе крики, Коноваловъ изъ караулки былъ переведенъ непосредственно въ больницу, гдѣ лечился полторы недѣли. По объясненію д-ра Лебединскаго, Коноваловъ поступилъ въ боль-

лицу съ многочисленными слѣдами жестокихъ побоевъ и съ грыжей, которая могла образоваться отъ напряженія при усиленномъ крикѣ. Крест. Коноваловъ не удовлетворился однимъ залеченіемъ въ больницѣ, но подалъ, кромѣ того, жалобу прокурору орлов. окр. суда, рассказавъ въ ней, какъ его задержали по подозрѣнію въ кражѣ, какъ онъ нѣсколько дней сидѣлъ въ караулѣ безъ пищи, какъ его допрашивалъ унтеръ-офицеръ Ремезовъ съ помощниками: Велючевскимъ и Артеменко, какъ его били при допросѣ, при чемъ, когда онъ отъ побоевъ забился подъ нары и руками достать его было нельзя, то его колотили толстой коcherгой“.

По жалобѣ Коновалова было произведено жандармское разслѣдованіе, причемъ оказалось, что Коноваловъ самъ себя нанесъ грыжу, и *ушибы* получилъ при тасканіи похищеннаго товара. Къ счастью, однако, кромѣ жандармскаго слѣдствія было произведено еще одно, а, именно, военное слѣдствіе, которое закончилось наказаніемъ (дисциплинарнымъ) виновныхъ.

Наконецъ, еще одно судебное дѣло, сущность котораго изложена въ полицейскомъ протоколѣ приблизительно такъ: „въ городѣ Каменецъ-Подольскѣ поставой городской замѣтилъ, что торговецъ фруктами, еврей Бенюминъ Когасъ, остановился со своей корзиной въ неуказанномъ мѣстѣ. Городовой просилъ Когаса уйти, но Когасъ, въ отвѣтъ на просьбу, ударилъ городского по щекѣ. Тогда городской задержалъ Когаса и отвелъ его въ полицейскую казарму. Однако, Когасъ на этомъ не помирился и, придя въ казарму, прикинулся больнымъ, сталъ охать, стонать и кричать и криками своими собралъ подъ окнами казармы цѣлую толпу евреевъ, которые „нахально, съ криками, бранью и камнями въ рукахъ стремились ворваться въ это помѣщеніе“. На требованіе полиціи уйти, „невѣжественные“ евреи отвѣчали отказомъ, а когда среди нихъ появился докторъ Гольденбергъ, они подняли еще большій шумъ, ворвались въ казарму, и докторъ Гольденбергъ осмотрѣлъ мимо больного Когаса. Такъ изложено дѣло въ протоколѣ полиціи, но на судѣ, по свидѣтельству „Южныхъ Записокъ“, картина происшествія обрисовалась въ другомъ видѣ:

„Изъ казармы городскихъ 1 участка часа въ четыре дня 12 августа послышались душу раздражающіе крики. Крики эти собрали толпу народа, преимущественно изъ жителей сосѣднихъ домовъ. Казарма выходитъ на улицу, и потому черезъ ея окна многіе изъ толпы, прибѣжавшіе первыми, могли видѣть, какъ городовой избиваютъ лежащаго на полу Когаса ногами, кулаками и пашками. Когда Когасъ лишился чувствъ, то городовой стали отливать его водою. Онъ не приходилъ въ себя, и городовой, очевидно, испугавшись, разбѣжались и оставили двери казармы открытыми. Мать Когаса стояла у воротъ казармы и зывала о помощи, а за-

тѣмъ побѣжала за докторомъ Гольденбергомъ, живущимъ тутъ же рядомъ. Докторъ совершенно свободно вошелъ въ казарму, гдѣ уже никого изъ городскихъ не было, осмотрѣлъ Когаса, нашелъ его жестоко избитымъ и, посоветовавъ отвезти его въ больницу, ушелъ домой“.

Мировей судья оправдалъ д-ра Гольденберга, но въ то же время приговорилъ къ штрафу другихъ евреевъ, которые производили подъ окнами казармы шумъ.

Такимъ образомъ, въ конечномъ итогѣ Каменецъ-подольское дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ: городовые жестоко били (до потери сознания) еврея Когаса, а мировой судья оправдалъ доктора, который оказалъ Когасу медицинскую помощь... Вотъ это и называется торжествомъ справедливости!...

* * *

Ю. Н. Лавриновичъ, возвращенный распоряженіемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ изъ Архангельской губерніи, куда онъ былъ высланъ подъ надзоръ полиціи, напечаталъ въ „Юристъ“ статью, въ которой слѣдующимъ образомъ рисуетъ свой арестъ и ссылку.

По распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскаго, я освобожденъ, въ числѣ нѣсколькихъ моихъ товарищей, отъ гласнаго надзора полиціи, для отбыванія котораго я высланъ былъ министромъ В. К. Плеве въ Архангельскую губернію. Освобожденіе это явилось такъ же неожиданно, какъ и сама ссылка. Тщетно всѣ мои знакомые пытались узнать, за что постигла меня сія жестокая кара: узнать это было возможно только отъ меня, но я самъ ничего не зналъ, да и что могъ я сказать, если голосъ мой заглушаемъ былъ стѣнами тюремнаго каземата или замиралъ на равнинахъ далекой сѣверной тундры. Но теперь, неожиданно получивъ свободу, я попытаюсь отвѣтить на этотъ вопросъ.

Съ 26 декабря прошлаго года въ Петербургѣ засѣдалъ III съѣздъ по техническому и профессиональному образованію, въ трудахъ котораго принимало участіе болѣе 2000 представителей всевозможныхъ интеллигентныхъ профессій; въ числѣ этой просвѣтительной арміи работалъ по-сильно на съѣздѣ и пишущій эти строки. Дѣятельность съѣзда уже подходила къ благополучному концу, когда вдругъ 4 января онъ былъ неожиданно закрытъ по распоряженію градоначальника, а чрезъ недѣлю послѣ этого ко мнѣ на квартиру явилась полиція и, произведя у меня тщательный обыскъ, арестовала и повезла меня въ домъ предварительнаго заключенія. Тщетно я ломалъ голову, сляясь догадаться о причинѣ моего ареста. Но вотъ меня повезли на допросъ. Допрашивавшій меня жан-

дармскій офицеръ предъявилъ мнѣ рядъ обвиненій въ преступленіяхъ, о которыхъ я зналъ только по наслышкѣ. На требованіе мое представить доказательства, улики, жандармъ могъ прочесть только нѣсколько полу-грамотныхъ донесеній агентовъ охраннаго отдѣленія, неправдивость которыхъ была такъ очевидна, что я безъ труда опровергъ ихъ и ушелъ съ допроса въ полной увѣренности, что власти, сознавъ, что они введены въ заблужденіе, возвратятъ мнѣ свободу. Однако, дни шли за днями, а я все томился въ одиночномъ заключеніи. Каково же было мое изумленіе, когда послѣ 7 недѣльнаго заключенія я узналъ, что меня ссылаютъ на 3 года подъ надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію. Тщетно я добивался узнать мотивы столь жестокой расправы: трудно было создать мстивы наказанія за несовершенно преступленіе, и мнѣ могли только сообщить, что меня ссылаютъ „за вредное направленіе“. Вреднымъ направленіемъ, на языкѣ административной власти, называется образъ мыслей, несогласующійся съ образомъ мыслей администраціи. Итакъ, только за то, что меня заподозрили въ томъ, что я не раздѣляю взглядовъ стоявшаго тогда у власти министра, я былъ исторгнутъ изъ семьи, изъ круга близкихъ мнѣ людей, оторванъ отъ своихъ занятій, посаженъ въ тюрьму и подъ жандармскимъ конвоемъ отправленъ въ страну, которая по однимъ своимъ климатическимъ условіямъ представляла смертельную опасность для моего разстроеннаго здоровья. При этомъ, я не могу не отмѣтить, что мнѣ было отказано не только въ просьбѣ проститься съ родными, которыхъ конвоировали меня жандармы, по приказанію начальства, отговяли отъ меня при попыткѣ пожать мнѣ на прощанье руку, но я не получалъ даже дозволенія освободиться передъ ссылкой на нѣсколько дней изъ подъ стражи для приведенія въ порядокъ дѣла, отъ котораго зависѣло не только мое, но и благосостояніе моей семьи.

Очутившись въ чуждой мнѣ странѣ безъ всякихъ средствъ къ существованію и даже безъ возможности добыть эти средства, такъ какъ положеніе о гласномъ надзорѣ воспрещаетъ почти всякій интеллигентный трудъ, къ каковому я только и способенъ, я, въ довершеніе несчастья, подъ влияніемъ суроваго климата, вскорѣ заболѣлъ острою формою воспаленія почекъ. Свидѣтельствовавшая меня правительственная коммиссія изъ врачей, состоящихъ при губернскомъ правленіи, признала климатъ Архангельской губ. опаснымъ для моего здоровья и нашла необходимымъ немедленно перемѣну его на болѣе жаркій и сухой. Основываясь на этомъ заключеніи, я обратился къ покойному министру В. К. Плеве съ просьбою перевести меня въ болѣе благоприятную для моего здоровья мѣстность, но получалъ въ отвѣтъ, что просьба моя „не заслуживаетъ удовлетворенія“. Такимъ образомъ, мѣра пресѣченія, каковою является въ теоріи

ссылка, была превращена для меня въ жесточайшую мѣру наказанія, почти равнаго смертному приговору. Трагичность этого положенія еще болѣе усугублялась своеобразнымъ примѣненіемъ ко мнѣ правилъ о полицейскомъ надзорѣ, ставившимъ меня, благодаря дѣйствіямъ полиціи, жандармеріи и прокуратуры, внѣ всякаго закона. Въ статьѣ о поднадзорныхъ (№ 43 „Юриста“) г. А. Лукашевичъ выяснилъ отчасти то безправіе, въ которое ставятъ политическихъ ссыльныхъ правила 12 марта 1882 года, но онъ ни словомъ не обмолвился о томъ, истиннѣ ужасномъ, положеніи, которое создаетъ для нихъ произвольное извращеніе этихъ правилъ, практикуемое мѣстными властями и вызывающее трагическія столкновенія.

Яркимъ образцомъ издѣательства надъ личностью беззащитнаго отъ полицейскаго насилія и производа ссыльнаго является и одно изъ ночныхъ вѣдѣній полиціи и жандармовъ на мое жилище, сопровождавшееся разгромомъ моего имущества и совершенное даже безъ обычнаго въ такихъ случаяхъ распоряженія начальства, при томъ, во время завѣдомаго моего отсутствія. Я тщетно взывалъ къ властямъ о наказаніи виновныхъ и объ огражденіи меня отъ повторенія подобныхъ дѣйствій.

Въ самомъ разгарѣ моихъ неудачныхъ попытокъ законной самозащиты, я получилъ сообщеніе, что по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскаго я совершенно освобожденъ отъ надзора полиціи, безъ ограниченія въ правѣ избранія мѣста жительства. Итакъ, мнѣ возвращена моя свобода, но прежде, чѣмъ я ее получилъ, я долженъ былъ пройти искусь тюремнаго заключенія, путешествія подъ конвоемъ въ Архангельскъ, всѣхъ униженій, сопряженныхъ съ состояніемъ поднадзорнаго, былъ совершенно разоренъ, лишенъ заработка, потерялъ здоровье и совершенно разстроилъ всѣ свои дѣла.

Думаю, что повѣсть о всѣхъ моихъ злоключеніяхъ даетъ достаточно ясный отвѣтъ на вопросъ, за что я былъ сосланъ. За „вредное направленіе“, сущность котораго не могъ бы ясно формулировать ни одинъ юристъ, ибо несмотря на то, что этотъ своеобразный терминъ служитъ одною изъ самыхъ прочныхъ основъ русской политической ссылки, административная власть почти никогда не бываетъ въ состояніи предъявить ссылаемому хоть какое-нибудь конкретное, сколько-нибудь обоснованное обвиненіе, прячась за спасительную неуловимость смысла этихъ рѣковыхъ для русскаго обывателя словъ. Лучшимъ доказательствомъ пустоты предъявленнаго мнѣ обвиненія не служитъ ли распоряженіе кн. Святополкъ-Мирскаго о возвращеніи мнѣ свободы, ибо, отиывая примѣненную ко мнѣ мѣру пресѣченія, преемникъ г. Плеве тѣмъ самымъ призвалъ, что въ сохраненіи для меня этой мѣры нѣтъ никакой надобности. Но гдѣ же, въ такомъ случаѣ, гарантія въ томъ, что впослѣдствіи опять не вздумаютъ

признать мое направлєніе „вреднымъ“ и отправить меня вновь туда, откуда я только что вернулся? Кто, наконецъ, можетъ поручиться за то, что даже теперь я могу спокойно отдаться своей работѣ, и что эта работа, какъ бы лояльна она ни была, не навлечетъ на меня внезапнаго гнѣва властей со всѣми его плачевными для меня послѣдствіями? Отвѣтъ на эти вопросы весьма простъ—законъ о неприкосновенности личности, и только такой законъ можетъ дать эти гарантіи, безъ которыхъ немыслима же только никакая дѣятельность, но даже самое существованіе.

* * *

Нѣкто г. Рыбадо прислалъ намъ изъ Одессы письмо, въ которомъ передаетъ весьма любопытныя подробности о порядкахъ, установившихся въ университетской библіотекѣ. Приводимъ письмо г. Рыбадо полностью: „Обыкновенно думаютъ, что самыя лучшія и полныя библіотеки—это городскія—публичныя и университетскія. Но, если первыя можно иногда назвать полными, то во вторымъ это можетъ относиться не всегда.

Мнѣ на дняхъ пришлось посѣтить библіотеку въ нашемъ Новороссійскомъ университетѣ.

Библіотека эта находится въ „Юридическомъ зданіи“ и на первый взглядъ довольно внушительна: стѣны уставлены шкапами, а столы завалены печатными и рукописными каталогами; но если хорошенько съ ней познакомиться, то прійдется только руками развести.

Въ библіотекѣ этой имѣются особые листки, которые заключаютъ въ себя слѣдующія графы: 1) Фамилія требователя, 2) сочинитель, 3) названіе сочиненія, 4) отдѣлъ, 5) № книги, 6) томъ, часть или выпускъ, 7) годъ и 8) отвѣтъ библіотеки.

Студенты заполняютъ эти графы и отдають листки такъ называемымъ „библіотекарямъ“, которые черезъ день (библіотека открыта по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ), а очень часто и черезъ три, дають отвѣтъ въ послѣдней графѣ листка.

Вотъ эти-то отвѣты и представляютъ собою самый интересный отдѣлъ библіотеки.

Въ большинствѣ листовъ требуются учебники или учебныя пособія и различнаго рода хрестоматіи и сборники, и въ большинствѣ же случаевъ, получается отвѣтъ: „все разобрано“. Не лишнее будетъ здѣсь замѣтить, что почти всѣ пособія имѣются въ количествѣ .. одного и рѣдко двухъ экземпляровъ, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ одинъ экземпляръ „весь разобранъ“.

Второе мѣсто принадлежитъ отвѣту: „утѣрана“ (я скоранію орфографію г. „библіотекарей“) или „нту, утера“ (послѣднее, очевидно, означать: „нѣту, утеряна“).

Къ этой категоріи принадлежатъ, напримѣръ: 1) Дреперъ — Исторія умственной развитія Европы. 2) Мензбиръ—Введеніе въ изученіе зоологій. 3) Гюйо—Земля и человѣкъ. 4) Шиллеръ—Драматическія произведенія. Лирическія стихотворенія т. I и II. 5) Алексѣевъ—Русское государственное право. 6) Леонтовичъ—Исторія русскаго права. 7) Гарнье Жозефъ — Основныя понятія политической, общественной или промышленной экономіи. 6) Достоевскій—Униженные и оскорбляемые. 9) Яисовъ—Теорія статистики. 10) Спенсеръ—Начала социологій.

Слѣдующее затѣмъ по количеству мѣсто принадлежитъ отвѣту: „старое“, или просто „старое“ и „Не выдаетца какъ старое сочиненіе“.

Сюда, напримѣръ, относятся: 1) Лебедевъ — О деньгахъ обращающихся въ Россіи съ 862 по 1663 годъ. 2) Ратковскій—О покушеніи на преступленіе. 3) Вувдтъ—Душа человѣка и животныхъ. 4) П. Жане — Современный матеріализмъ. 5) Жирухинъ—Интегрированіе дифференціальныхъ уравненій. 6) Карамзинъ—т. I и II. 7) Майковъ—Стихотворенія. 8) Полонскій—Стихотворенія. 9) Беккеръ—Всемирная исторія ч. I—III. Но что всего любопытнѣе такъ это то, что отвѣтъ „старое“ полученъ и на требованіе Басень Крылова.

Интересно знать, что отвѣтилъ бы просвѣщенный бібліотекаръ, если бы попросить у него сочиненія, ну, скажемъ, Гомера, Софокла? „Старое“, молъ, насъ не проведешь! Хорошо, хоть объясняется, почему не выдается, а вотъ на требованіе „Трудовъ Харьковского Общества Естествоиспытателей“ за 1897 г. полученъ отвѣтъ: „нѣ выдуются“. Кратко и ясно!

Такой-же отвѣтъ полученъ и на требованіе сочиненій Гёте.

Встрѣчаются также отвѣты, выраженные въ повелительной формѣ. Напримѣръ: „Ясней пиши №“.

Скажу, кстати, что имѣть книгу иногда важно сейчасъ-же или, по крайней мѣрѣ, на другой день, и бібліотекаръ черезъ четыре дня даетъ отвѣтъ „ясней пиши №“, чтобы черезъ другіе 3—4 дня отвѣтить на повторенное требованіе уже съ яснымъ номеромъ: „не выдаетца какъ старое сочиненіе“.

Въ одномъ изъ листковъ оказалось, что „Единства науки съ точки зрѣнія ученія о жизни“—Молашота „нѣтъ Намѣсти“.

Есть еще одинъ родъ отвѣтовъ, поражающій не безграмотностью только, но уже и нѣсколько таинственнымъ — это отвѣтъ: „лишнія“, „лишнее“ и „лишние“. Что хочеть сказать этимъ г. бібліотекаръ, предоставляю вамъ догадываться, но для меня смыслъ такого отвѣта остается туманнымъ.

„Лишними“ оказались:

1) Новгородцевъ — Изъ лекцій по исторіи философіи права. 2) Бершадскій — Очерки философіи права. 3) Новгородцевъ—Каптъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ“.

При такой постановкѣ дѣла студенты, естественно, или должны на покупку книгъ тратить деньги, которыхъ очень часто бываетъ, что называется, „въ натрусочку“, или оставаться безъ книгъ, тѣмъ болѣе, что большинство книгъ по цѣнѣ прямо недоступны студентамъ. А между тѣмъ на бібліотеку ассигнуются каждый годъ средства. Странно, поэтому, почему многихъ и притомъ нужныхъ книгъ совершенно нѣтъ.

Интересно также знать, почему такъ много книгъ утеряно. Вѣдь за каждую утерянную книгу студенты уплачиваютъ ея стоимость.

И, наконецъ, любопытно, почему служащими въ бібліотекахъ ставятъ неграмотныхъ людей, а какихъ-то отставныхъ писарей, или подобныхъ имъ по образовательному цензу“.

Печатаая настоящее письмо г. Рибодо, не можемъ, съ своей стороны не замѣтить, что отъ университетской бібліотеки позволительно было бы ожидать не только большей грамотности, но и большаго приличія въ отвѣтахъ, ибо ежели студентъ проситъ лекціи Нижегородцева, а университетскій „бібліотекаръ“ отвѣчаетъ ему „лишнее“, то въ отвѣтѣ этомъ чувствуется не только безграмотность, но наряду съ тѣмъ чувствуется и „фельдфебель“. Чувствуется точно также „фельдфебель“ и въ обращеніи со студентами на „ты“ („ясней пиши номеръ“). Вообще же на вопросъ: имѣется ли у администраціи одесской университетской бібліотеки здравый смыслъ, вѣжливость, грамотность и прочіе предметы первой необходимости, — мы, пользуясь терминологіей г. „бібліотекарей“, съ полнымъ основаніемъ могли бы отвѣтить:

— „Нѣтъ Намѣсти“.

* * *

Одинъ изъ героевъ Глѣба Успенскаго, занимавшій маленькую должность канцелярскаго чиновника, имѣлъ привычку утруждать начальство просьбами о пособіи. Но чтобы просьбы эти имѣли успѣхъ, чиновникъ заканчивалъ ихъ приблизительно такимъ образомъ: „припадая къ позлащеннымъ мудростію стопамъ Вашего Превосходительства, позволяю себѣ уповать“ и т. д.

Въ наши дни этотъ „высокій“ стиль почти повсемѣстно выходитъ изъ употребленія, и только кое-гдѣ въ провинціальныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ онъ сохранился еще въ полной неприкосновенности. Вотъ, напримѣръ, какъ пишутъ въ „Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, редактируемыхъ, если не ошибаемся, г. Родзевичемъ.

„22-го октября, по случаю храмоваго праздника, просвѣщеннѣйшій Тихонъ Вожегственную литургію совершалъ въ Казанской церкви. Торжественное Богослуженіе любимаго Архипастыря привлекло массу молящихся. Казанскій храмъ осчастливилъ также своимъ присутствіемъ г. Началь-

никъ губерніи, что усугубило торжество праздника казанскихъ прихожанъ. Мы не забудемъ, чтобы когда-либо еще въ этотъ день посѣтили Казанскій храмъ вмѣстѣ архипастырь и представитель высшей мѣстной административной власти, за что казанскіе прихожане приносятъ сердечную благодарность этимъ высокопоставленнымъ особамъ“.

Мы нисколько не удивляемся, что г. Родзевичъ припадаетъ къ позлащеннымъ мудростію стопамъ своего губернатора, — но думается, что и любовь къ начальству не должна затемнять разумъ: нельзя, напримѣръ, писать, что начальникъ губерніи „осчастливилъ“ своимъ присутвіемъ храмъ Вожій, ибо у Царя царствующихъ и Господа господствующихъ нѣтъ зрѣнія на лица. Нельзя точно также выражать печатную благодарность епархіальнымъ архіереямъ за то, что они посѣщаютъ церковь, (хотя бы такое посѣщеніе и произошло совмѣстно съ начальникомъ губерніи) такъ какъ симбіозъ архіерея и губернатора въ идеѣ вполне мыслимъ.

* * *

„Экономическая Газета“ приводитъ замѣчательную біографію нѣкоего г. Коссацкаго. Это въ одно и то же время и жуликъ, и администраторъ, и патриотъ, и взяточникъ, и недобродный совѣтникъ, и червонный валетъ.

„Коссацкій рѣшилъ, что, въ сущности, для государственной службы не требуется ни знанія, ни образованія, ни честности, что все это глупость, простая формальности, что для „управленія народомъ“ достаточно одной показной благонамѣренности и благосклонности начальства... Мы должны сознаваться, что грубая дѣйствительность доказываетъ, что г. Коссацкій не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. При разбирательствѣ дѣла Коссацкаго въ Ригѣ, его жизнь и подвиги обрисовались въ слѣдующемъ видѣ. Онъ былъ сынъ бѣднаго канцелярскаго чиновника, служившаго въ г. Гродно; воспитывался при матери, которая, по недостатку средствъ, отдала его въ прислужники къ директору мѣстной гимназіи. Директоръ впоследствии опредѣлилъ его въ гимназію, но скоро оттуда его уволилъ за воровство. Послѣ этого, онъ былъ кучеромъ у одного землемѣра, который познакомилъ его нѣсколько съ межевымъ дѣломъ. При помощи фальшиваго документа пронаведенъ въ 1872 г. въ первый классный чинъ.

„Въ 1881 г., выдавая себя за домовладѣльца и инженера, Коссацкій женился. Въ томъ же году, благодаря подложнымъ бумагамъ объ окончаніи курса въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія и свидѣтельству о принадлежности ему 8 домовъ, приобретенныхъ имъ, какъ оказалось, обманомъ, онъ избирается участковымъ мировымъ судьей и утверждается въ этомъ званіи сенатомъ. Въ 1883 году оставляетъ службу въ мировыхъ учрежденіяхъ, вслѣдствіе требованія съѣздомъ мировыхъ судей

представленія имъ формулярнаго списка. Въ 1884 г., по рекомендаціи одной дамы, г. Коссацкій получаетъ мѣсто дѣлопроизводителя въ управленіи казенной жабивско-пивской желѣзной дороги. Въ 1886 г. опредѣленъ на службу въ курляндское акцизное управленіе, на основаніи засвидѣтельствованной нотариусомъ копіи подложнаго аттестата объ его службѣ, гдѣ скоро получилъ мѣсто секретаря. Въ 1889 г. назначается комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ аренбургскаго уѣзда, лифляндской губ. И, наконецъ, въ 1897 г. занялъ видную должность начальника аренбургскаго уѣзда и за заслуги получилъ, въ 1898 г., чинъ надворнаго совѣтника. Такъ жилъ и поживалъ себѣ „фальшивый чиновникъ“, въ маскѣ благонадежнаго и отчасти полезнаго судебнаго и административнаго дѣателя, и, можетъ быть, впереди ему уже мерещилось мѣсто начальника губерніи и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но, къ счастью, его надежды погибли, благодаря глупой случайности: открылись непоправимые грѣшки... Попирая ногами, еще съ молодости, всякіе нравственные принципы, будучи въ душѣ и на дѣлѣ „червонымъ валетомъ“, для котораго кража, подлоги и обманы являются главнымъ промысломъ жизни, какъ видно изъ фактовъ его біографіи, г. Коссацкій, ради карьеры, заботливо выставлялъ себя въ глазахъ начальства въ высшей степени благонамѣреннымъ чиновникомъ, патриотомъ перваго ранга, и поэтому, между прочимъ, онъ потребовалъ отъ волостныхъ правленій, будучи еще комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ, чтобы они приобрѣли себѣ портреты Императора Александра III, но при этомъ, какъ червоный валетъ, онъ хотѣлъ это дѣйствительно благонамѣренное, по вѣщности, дѣло соединить съ нѣкотораго рода мошенничествомъ: поживиться крестьянскими деньгами. Для этого г. Коссацкій взялъ на себя подрядъ по поставкѣ этихъ портретовъ, и, купивъ ихъ по 12 р. за экземпляръ, зыскалъ съ крестьянъ по 20 р.; да кстатѣ, онъ навязалъ волостнымъ правленіямъ еще часы, купленные имъ тоже по 12 р.,—по 21 р. за штуку. „Насколько удалось опредѣлить слѣдствіемъ, сумма присвоенныхъ Коссацкимъ волостныхъ денегъ равняется 3.749 рублямъ“. Игралъ въ благонамѣренность, и на этой игрѣ попался, какъ шуллеръ! Волѣ всего удивительно въ исторіи г. Коссацкаго — это то обстоятельство, что, не смотря на его полное невѣжество и отсутствіе въ немъ самыхъ элементарныхъ нравственныхъ понятій, онъ вращался какъ свой человѣкъ“ въ провинціальному міркѣ „власть имѣющихъ“, считался хорошей личностью и, какъ таковой, ему были вручены обширная власть и полномочія, въ качествѣ начальника цѣлаго уѣзда! Положимъ, онъ отлично притворялся „благонамѣреннымъ“ и ловко умѣлъ клеймить народъ и всѣхъ лицъ преданныхъ его интересамъ, элементомъ „неблагонамѣреннымъ“; такой об-

мать или гипнозъ понятенъ; но, вѣдь, помимо этого, приходилось же г. Коссацкому, будучи начальникомъ обширнаго административнаго района, говорить о нуждахъ подвѣдомственнаго ему населенія, разбирать и направлять текущія дѣла, давать о нихъ отзывы и заключенія, участвовать въ совѣщаніяхъ, имѣющихъ государственное, земское и общественное значеніе; а если такъ, то какъ же, при этомъ, могло случиться, что никто изъ администраціи не догадался, что г. Коссаціей „круглый невѣжда“ и „наглый мошенникъ“! Такой знаменательный „пассажъ“ возможно объяснить только тѣмъ, что „маска благонамѣренности“ такъ плотно прикрываетъ „внутреннія достоинства человѣка“, что подъ ея покровомъ и „червоный валець“ можетъ прослѣть „государственнымъ человѣкомъ“.

* * *

Вышій редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, а нынѣ членъ нововременскаго парламента, г. Ст—нъ, скоропостижно заинтересовался бытомъ политическихъ ссыльныхъ: что, дескать, за люди такіе, и нельзя ли ихъ сослать не въ тундру, а въ мѣста болѣе или менѣе плодородныя, чтобы приспособить къ земледѣлію. Со всѣми этими вопросами г. Ст—нъ обратился къ другу своего дѣтства—какому-то полицеймейстеру, который „изучалъ“ бытъ политическихъ по должности.

— „Очень невеликъ среди нихъ процентъ людей серьезныхъ и способныхъ къ труду,—скептически замѣтилъ полицеймейстеръ: — исключительныя натуры нигдѣ не пропадаютъ и вездѣ находятъ поле для дѣятельности, но бѣда съ тѣми отбросами общества, которые примыкаютъ къ политическому движенію такъ же, какъ примкнули бы къ любому скандалу или хулиганскому предпріятію, изъ озорства и распущенности. Вотъ недавно одинъ такой жаловался, что нѣтъ ему возможности честно хлѣбъ зарабатывать. Взялъ я его на службу, устроилъ помощникомъ пристава. Узнаю, что онъ на руку и скоръ, и не чистъ: занимается мордобоемъ и взятки беретъ.— „Какъ же это вы такъ, говорю ему, при вашихъ убѣжденіяхъ?“ — А онъ мнѣ въ отвѣтъ: — „Я исправился“.

Въ качествѣ человѣка, который попалъ въ литературу прямо изъ полковой швалери, г. Ст—нъ, разумѣется, даже и представить себѣ не можетъ, до какой степени онъ смѣшонъ. Вѣдь вы только подумайте: вышелъ человѣкъ подъ руку съ полицеймейстеромъ и авторитетно заявляетъ: „а вы знаете, господа, что политическіе пристава берутъ взятки и морды бьютъ“.

Нѣтъ, какъ хотяте, а до „политическихъ приставовъ“ еще никто не договаривался. Мы даже думаемъ, что и г. Ст—нъ, при всей его элементарности, не договорился бы до нихъ, если бы, въ данномъ случаѣ, его не ослѣпило излишнее довѣріе къ другу своего дѣтства.

Александръ Яблоновскій.

На Западѣ.

(Изъ Германіи).

Борьба за народную школу.

Пруссія имѣетъ въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ двоякую традицію въ религіозныхъ и школьныхъ вопросахъ. Съ одной стороны она является протестантскимъ государствомъ, передовой протестантской державой, государствомъ чистаго разума и евангелической уни, съ другой—той толерантной страной, гдѣ, по извѣстному выраженію Фридриха Великаго, каждый можетъ обрѣсти вѣчное блаженство на свой собственный фасонъ, и гдѣ идея государственности должна преобладать надъ всякой конфессіональной тенденціей. Въ рамкахъ этой двоякой традиціи совершалась и вся прежняя школьная политика въ Пруссіи. Пруссія никогда не приобщалась къ школьному устройству безъ всякаго участія религіи; но въ тѣ времена, когда вводилось обязательное школьное обученіе и тѣмъ самымъ основывалась настоящая народная школа, прусское государство отнюдь не думало разсматривать школы какъ вспомогательныя учрежденія для церкви. Старѣйшее школьное законодательство въ Пруссіи было проникнуто духомъ набожности, но не клерикальнымъ духомъ. Это стояло въ тѣсной связи со всемъ характеромъ эпохи просвѣщенія. Старое гражданское уложеніе (Allgemeines Landrecht) самымъ опредѣленнымъ образомъ устанавливаетъ государственный характеръ прусской школы. То и дѣло встрѣчаешь тамъ слова: „безъ различія исповѣданій“. Старыя церковныя школы въ громадномъ количествѣ были превращены въ общинныя и, такимъ образомъ, взяли на себя задачу въ одинаковой степени служить всемъ исповѣданіямъ, представленнымъ въ общинѣ. Въ зависимости отъ господствующаго исповѣданія въ данной мѣстности, эти школы сохра-

няли за собою евангелической или католической характеръ, но вся школьная практика клонилась къ тому, чтобы не давать этой конфессиональной окраскѣ выступить, какъ чему то существенному. Никто, конечно, не помышлялъ о назначеніи свободно-религіозныхъ учителей, но отъ каждаго отдѣльнаго учителя потребовалось, чтобы онъ не растворялся въ одномъ своемъ исповѣданіи. Старѣйшей школьной политикѣ въ Пруссіи была совершенно чужда мысль предписывать учителю, чтобы онъ училъ отечественной исторіи, нравственности и литературѣ съ точки зрѣнія своего собственнаго исповѣданія. Существовало, конечно, много школъ, въ которыхъ дѣйствовали учителя одного и того же вѣроисповѣданія; это были, если угодно, конфессиональныя школы, но ихъ конфессиональный характеръ не возводился на степень юридической привилегіи. Съ другой стороны существовали школы, въ которыхъ дѣйствовали учителя различныхъ вѣроисповѣданій; это такъ называемыя здѣсь *Simultanschulen*, т. е. смѣшанныя, равноправныя школы. Между этими школами различныхъ типовъ не обходилось безъ извѣстныхъ треній, но при прежнемъ государственномъ укладѣ конфессиональныя споры ограничивались отдѣльными мѣстностями, очень тѣсными рамками, потому что тогда не существовало еще партій и широко распространенной прессы, которыя въ настоящее время всякій ничтожный конфессиональный конфликтъ раздуваютъ подчасъ до размѣровъ полнаго подавленія того или другого исповѣданія.

Борьба за народную школу въ ея современномъ смыслѣ началась съ 1848 года, какъ одно изъ послѣдствій начавшагося тогда парламентскаго режима. Съ того времени конфессиональный характеръ школы становится предметомъ политической агитаціи, особенно въ тѣхъ областяхъ Германіи, гдѣ католическое населеніе находится въ меньшинствѣ. Родителямъ то и дѣло говорится: вы не должны помириться съ тѣмъ, чтобы ваши дѣти обязаны были ходить въ чуждыя имъ школы. Общество обученія потеряла тотъ непринужденный характеръ, которымъ она еще отличалась въ началѣ прошлаго вѣка. Теперь въ ней начали видѣть угрозу душевной чистотѣ дѣтей вѣроисповѣднаго меньшинства и скорѣе предпочитаютъ посылать ихъ въ болѣе плохую маленькую школу, чѣмъ подвергать опаснымъ влияніямъ другого исповѣданія въ большой благоустроенной школѣ. Со времени правленія Фридриха Вильгельма IV и со времени возникновенія политической партіи католическаго „центра“, духъ мелочной розни развѣдаетъ старо-прусскую идею государственной школы. Она, точно морское судно, движется сообразно съ общимъ ходомъ волнъ умственныхъ теченій даннаго періода. Разъ вся эпоха отличается болѣе конфессиональнымъ характеромъ, это тотчасъ передается и на школу.

Кто могъ бы задержать и парализовать перенесеніе на школу того всеобщаго отклоненія умовъ отъ эпохи просвѣщенія и того упроченія клерикальных силъ, которыя уже болѣе полувѣка даютъ себя чувствовать въ прусской политикѣ. Идеи этой эпохи недостаточно глубоко запали въ душу народа, и ему приходится за это платиться. „Либерализмъ,—говоритъ извѣстный національ-соціальный пасторъ Фридрихъ Науманъ,—осмѣялъ церкви, какъ если бы онѣ были вѣкуда негоднымъ старымъ хламомъ: теперь же онѣ возстали изъ мертвыхъ, требуя своихъ правъ, и даже многіе либералы упали передъ ними на колѣни, прося позволенія служить имъ“...

Тѣ либералы, о которыхъ пасторъ Науманъ говоритъ здѣсь съ такой ироніей, суть пресловутые прусскіе національ-либералы, за одно съ консервативными партіями прусскаго ландтага выработавшіе новый законопроектъ конфессионализаціи прусской народной школы. Надо полагать, что этотъ законопроектъ встрѣтитъ сочувствіе со стороны прусскаго правительства, что оно, быть можетъ, уже въ ближайшую сессію отъ своего имени внесетъ его въ прусскій ландтагъ, и что подавляющимъ клерикально-консервативнымъ и національ-либеральнымъ большинствомъ этого удивительнаго парламента школьный законопроектъ сдѣлается школьнымъ закономъ. Покуда что идетъ агитація за и противъ; эта агитація, вѣроятно, будетъ разрастаться по мѣрѣ приближенія парламентской сессіи, но, въ виду измѣнившейся тактики національ-либеральной партіи и чрезвычайно усилившагося вліянія католической партіи, трудно ожидать, чтобы эта агитація приняла размѣры того бурнаго и демонстративнаго протеста общественнаго мнѣнія, который 12 лѣтъ тому назадъ побудилъ Вильгельма II приказать снять съ очереди ландтага извѣстный школьный законопроектъ тогдашняго прусскаго правительства.

Мы всего лучше выяснимъ себѣ теперешнее положеніе вопроса, если прослѣдимъ главнѣйшіе моменты въ организаціи прусской народной школы, ея общее состояніе и общій ходъ школьнаго законодательства.

О прусской народной школѣ установилась очень лестная репутація, особенно за границей. Въ самой Пруссіи приходится, напротивъ того, слышать частыя жалобы, что послѣдующій ходъ развитія народной школы, къ сожалѣнію, не вполне соответствовалъ многообѣщавшему началу. Къ наиболѣе слабымъ мѣстамъ школьнаго устройства относятъ между прочимъ, недостатокъ школьнаго самоуправленія, да и вообще все школьное законодательство оставляетъ еще многого желать. Еще въ 1849 году тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Ладенбергъ, ссылаясь на обѣщанный прусской конституціей школьный законъ, указывалъ на близкое осуществленіе этого обѣщанія. Между тѣмъ такой общій законъ и по се-

время остается еще въ проектѣ, что подало одному профессору берлинскаго университета поводъ охарактеризовать существующіе въ Пруссіи школьные порядки слѣдующими рѣзкими словами:

„Въ дѣйствительности въ Пруссіи совсѣмъ не существуетъ школьнаго права. Но, что еще хуже, вмѣсто такого права царитъ настоящій хаосъ изъ всякой рухляди и хлама совершенно отжившихъ учреждений, формальное дѣйствіе которыхъ продолжаетъ получать свою санкцію, несмотря на то, что они стоятъ въ полномъ противорѣчій съ реальными условиями современной жизни. Въ этомъ хаосѣ всевозможные министерскіе рескрипты перекрещиваются съ разными другими административными циркулярами и всѣ они часто отличаются совершенно проблематической правомѣрностью, а иногда прямо противорѣчатъ праву и закону“...

Если оставить въ сторонѣ законъ о школьномъ надзорѣ, т. е. Schulaufsichtsgesetz отъ 1872 года, установившій исключительное право государства на назначеніе и увольненіе школьных инспекторовъ, то со времени конституціи были изданы законы касательно облегченія школьныхъ тяготъ (въ 1888 и 1889 г.г.), упраздненіе платы за школьное обученіе, далѣе законъ о регулированіи вознагражденія учителей и учительницъ (въ 1897 году) и нѣкоторые законы касательно учительскихъ пенсій и заботы объ учительскихъ вдовахъ и сиротахъ.

Во главѣ всего управленія дѣломъ народнаго просвѣщенія въ Пруссіи стоятъ „министръ духовныхъ, учебныхъ и медицинскихъ дѣлъ“. Это сложное министерство было въ 1817 году отдѣлено отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но, какъ видно, заключаетъ еще въ себѣ сочетаніе очень разнообразныхъ функций, что не можетъ не отражаться неблагоприятнымъ образомъ и на всей школьной организаціи. Съ другой стороны и самая эта организація страдаетъ отъ недостатка того единства, которое является необходимымъ требованіемъ рациональной школьной политики. Управленіе школьнымъ дѣломъ въ Пруссіи уже въ самой своей основѣ расколото на двѣ различныя части. Средняя школа, къ которой относятся также т. е. подготовительныя учрежденія (Vorbereitungsanstalten) и учительскія семинаріи, управляется провинціальными школьными коллегіями, которыя, будучи образованы отдѣльно для каждой провинціи, непосредственно подчинены министру. Народныя же школы управляются однимъ изъ трехъ отдѣленій окружной администраціи, которое носитъ названіе „отдѣленія для церковныхъ и школьныхъ дѣлъ“, изъ непосредственныхъ начальниковъ состоитъ регирунгс-президентъ. Члены этого отдѣленія входятъ въ то же время въ составъ провинціальной школьной коллегіи.

Окружному начальству подчинены окружныя и мѣстные школьныя инспекторы, которые выполняютъ эти функціи большей частью рядомъ съ

другой службой. Въ качествѣ такихъ окружныхъ школьныхъ инспекторовъ фигурируютъ, обыкновенно, евангелическіе суперинтенденты или католическіе деканы для своихъ епархій; только для такъ называемыхъ „тяжелыхъ“ округовъ назначаются спеціальныя окружныя инспекторы. Въ 1903 году изъ 1281 окружныхъ школьныхъ инспекторовъ числилось только 816 спеціально назначенныхъ. Но и въ средѣ спеціальныхъ инспекторовъ насчитывалось еще 56 теологовъ, остальные должности распредѣлялись между 188 филологами, 13 другими образованными чиновниками и только 93 семинарски-образованными учителями. Слабое представительство наиболее компетентныхъ въ школьномъ дѣлѣ учителей, какъ видно, не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ предпочтеніемъ духовенства. Въ качествѣ мѣстныхъ школьныхъ инспекторовъ фигурируютъ почти исключительно мѣстные священники. Только для шестиклассныхъ и болѣе тѣмъ шестиклассныхъ народныхъ школъ устраненъ институтъ мѣстныхъ школьныхъ инспекторовъ; ихъ ректоръ подчиненъ окружному школьному инспектору.

Идея обязательнаго школьнаго обученія первоначально была выражена еще въ эдиктѣ Фридриха Вильгельма I, въ 1717 году. Его начало приурочивалось къ истеченію 5 лѣтняго возраста; такой же исходный моментъ устанавливается и Общимъ Гражданскимъ Уложеніемъ. Въ настоящее время, въ силу разныхъ послѣдовавшихъ постановленій, начало обязательности школьнаго обученія почти во всей Пруссіи совпадаетъ съ истеченіемъ 6-лѣтняго возраста. Продолжительность такого обученія Общее Гражданское Уложеніе опредѣляетъ „впредь до того момента, когда дитя овладѣло всѣми знаніями, необходимыми для каждаго разумнаго человѣка даннаго сословія“. Такимъ моментомъ въ настоящее время въ общемъ считается достиженіе 14 лѣтняго возраста. Однако, мѣстному школьному инспектору предоставляется оставить дитя въ школѣ и по истеченіи сего возраста. Само собою разумѣется, что такой инспекторъ, какъ лицо духовное, недостатокъ „необходимыхъ знаній“ ищетъ прежде всего въ области религіи. Но гораздо серьезнѣе то обстоятельство, что возрастной предѣлъ обязательности школьнаго обученія, въ силу разныхъ постановленій, можетъ быть и сокращенъ. Въ этомъ отношеніи въ Пруссіи играютъ значительную роль разные мотивы восточно-прусскаго крупномѣстнаго сословія. Къ такимъ мотивамъ относится прежде всего желаніе какъ можно раньше получить въ свое распоряженіе юныя рабочія силы; затѣмъ, по откровенному выраженію одного прускаго юнкера, менѣе обученный и болѣе глухой рабочий всегда и болѣе покорный; наконецъ, съ сокращеніемъ числа шольниковъ, сокращаются и школьныя расходы... Съ обязательностью школьнаго обученія тѣсно связана и его бесплатность. Это

требованіе, обѣщанное прусскою конституціей еще въ срединѣ прошлаго вѣка, проведено было повсюду въ концѣ 80-хъ годовъ.

Въ 1872 году прусскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, во отвѣтъ реакціонныхъ регулятивовъ прежняго министра фонъ-Раумера, былъ изданъ указъ, опредѣлявшій внутреннюю формацію народной школы. По смыслу этого указа, минимальной формой является одноклассная народная школа, въ которой одновременно обучаются всѣ дѣти въ одномъ и томъ же помѣщеніи, у одного и того же учителя. Дѣти подраздѣляются на три ступени (Unter-Mittel- и Oberstufe); число недѣльных уроковъ для низшей ступени опредѣлено въ 20, для средней и высшей—въ 30.

Однако и этотъ скромный минимумъ, обуславливающій очень скромные размѣры обученія, не вполнѣ соблюдается и подверженъ сокращеніямъ.

Въ упомянутомъ министерскомъ указѣ указано, что тамъ, гдѣ число дѣтей превышаетъ 80, или гдѣ школьнаго помѣщенія не хватаетъ и на меньшее число дѣтей, а между тѣмъ условія не позволяютъ назначить втораго учителя, а также гдѣ того потребуютъ другія обстоятельства,— тамъ допустима и т. н. полудневная школа (Halbtagsschule). Состоящіи при такой школѣ учитель имѣетъ 32 часа преподаванія въ недѣлю, для которыхъ дѣти распредѣляются по двумъ главнымъ отдѣленіямъ. Сходное съ этимъ учрежденіе представляютъ лѣтнія школы (Sommerschulen), вызываемыя соображеніями о потребностяхъ земледѣльческаго населенія и устраиваемыя такимъ образомъ, что дѣти младшаго возраста въ лѣтнюю пору обучаются 18 часовъ, дѣти старшаго возраста 12 часовъ въ недѣлю. Но Пруссія знаетъ еще болѣе минимальный типъ школьнаго обученія, т. н. третичныя школы (Drittelschulen), въ которыхъ дѣти получаютъ лишь одну треть причитающагося имъ обученія. Въ связи съ этими различными случаями сохраненія школьнаго обученія, при господствѣ принципа его обязательности, слѣдуетъ еще упомянуть объ институтѣ т. н. рѣпныхъ каникулъ (Rübenferien), предназначенныхъ къ тому, чтобы освободить дѣтей отъ школы для уборки рѣпы. Этотъ институтъ, какъ и предыдущіе, вызванъ, конечно, потребностью прусскихъ землевладѣльцевъ въ сельскохозяйственномъ дѣтскомъ трудѣ. Той же потребности служатъ и дѣти для наблюденія за скотомъ, которыя, въ силу административныхъ постановленій, должны быть не моложе 11—12 лѣтъ (въ видѣ исключенія и моложе), но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они два раза въ недѣлю ходили въ школы.

Когда число дѣтей въ одноклассной школѣ превыситъ 100, то, какъ выражается министерскій рескриптъ отъ 1874 года, „Слѣдуетъ подумать о назначеніи втораго учителя“. Если же въ такой школѣ съ двумя учителями, число дѣтей превыситъ 120, то, не увеличивая учительскаго персонала, слѣдуетъ устроить три класса, соотвѣтственно тремъ ступенямъ, съ

12, 24 и 28 недѣльными уроками, такъ что каждый изъ обоихъ учителей снова получаетъ максимумъ работы въ 32 недѣльныхъ часа. Только за этими переходными типами слѣдуетъ дѣйствительная трехклассная народная школа съ тремя учителями. Наконецъ, въ большихъ городахъ мы находимъ шестиклассную и болѣе чѣмъ шестиклассную школу, во главѣ которой стоитъ ректоръ и которая поэтому, обходя мѣстнаго священника, какъ мѣстнаго школьнаго инспектора, непосредственно подчинена надзору окружного школьнаго инспектора.

Для выясненія уровня народнаго обученія въ Пруссіи интересно прослѣдить, какъ распредѣляются дѣти между этими различными типами народныхъ школъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ германскій императоръ пріобрѣлъ въ В. Пруссіи имѣніе, называющееся Кадниненъ. Въ свое первое посѣщеніе этого имѣнія онъ побывалъ и въ помѣщеніяхъ, предназначенныхъ для сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Характеръ и состояніе рабочихъ жилищъ произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ ихъ сравнилъ съ *свиннымъ хлевомъ*—Schweinestall... Разоблаченіе, сдѣланное изъ такого авторитетнаго источника, вызвало тогда необыкновенную сенсацію, встревожило всѣ патріотическія сердца, и нѣкоторое время разсужденія о жилищной нуждѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ не сходили со столбцовъ благонамѣренной печати.

Нѣчто подобное повторилось и въ самое послѣднее время. Нелавно императоръ снова посѣтилъ Кадниненъ и побывалъ въ тамошней народной школѣ. Увидѣвъ, что одинъ учитель занятъ обученіемъ 58 ребятъ, онъ воскликнулъ, что работа такого учителя граничитъ съ истязаніемъ чловека: она есть Menschenquälerei!.. Само собою разумѣется, что перья благонамѣренныхъ газетчиковъ снова забѣгали съ необычной въ такихъ дѣлахъ расторопностью, точно объ этихъ невзгодахъ народной школы вгдѣ раньше не было и помину.

А между тѣмъ статистикой прусскихъ школъ уже давно установлено, что не менѣе пятой части всѣхъ народныхъ учителей занято работой, заслуживающей упомянутую императорскую отмѣтку: Menschenquälerei.

Согласно статистикѣ 1901 года, въ эту пору насчитывалось еще 70% народныхъ школъ съ однимъ и двумя классами. Въ нихъ обучалось 1.861.272 души изъ общаго числа 5.670.870 школьничковъ, т. е. 32,8%. Если взять однѣ только школы въ сельскихъ областяхъ, то оказывается, что 49,2% всѣхъ дѣтей посѣщали одноклассную и двухклассную школу.

Но этимъ дѣдо не ограничивается: оказывается далѣе, что въ переподанныхъ классахъ, въ указанномъ году, находилось 857.576 дѣтей, т. е. болѣе 15% всѣхъ школьничковъ. Значеніе этихъ цифръ порядко-

будетъ, если знать, что понимается подъ переполненнымъ классомъ. Мы видѣли выше, что министерскимъ рескриптомъ предписано „озаботиться о назначеніи второго учителя“ при достиженіи одноклассной школой болѣе 100 учениковъ.

Это осторожное выраженіе объясняется тѣмъ фактомъ, что такъ называемый полудневный классъ считается только тогда переполненнымъ, если въ немъ болѣе 60 дѣтей. Въ такихъ классахъ находилось 93.066 школьникова. Одноклассная школа считается переполненной только при 80 дѣтяхъ; въ такихъ школахъ находилось 93.677 дѣтей. Въ двухклассныхъ и болѣе чѣмъ двухклассныхъ школахъ переполненіе официально начинается при наличности 70 школьниковъ; по этому расчету въ такого рода школахъ обучалось въ переполненныхъ классахъ 670.833 школьника. Если въ этихъ общихъ статистическихъ данныхъ разбираться съ нѣсколькой болѣею детальностью, то мы встрѣтимъ мѣстности, гдѣ въ одномъ классѣ скучено и обучается у одного учителя до 150 дѣтей. И все-таки, несмотря на такую скученность, статистика 1901 года отмѣчаетъ 2.735 дѣтей, которыя, вслѣдствіе переполненія школъ, оставались за штатомъ, т. е. безъ школьнаго обученія... Эта заброшенность народной школы выступить съ особенной рельефностью, если мы припомнимъ, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Пруссіи всего 20 учениковъ приходится на одного учителя, а въ арміи уже какой-нибудь десятокъ рекрутовъ получаетъ для своей выучки одного преподавателя...

Само собою разумѣется, что пункты наибольшей школьной отсталости главнымъ образомъ приходятся на эльдорадо тѣхъ же восточно-пруссскихъ люкеровъ или на польскія провинціи, гдѣ отъ миллионныхъ, просаживаемыхъ на безуспѣшную германизацию края, лишь одна кроха остается на долю народной школы.

Присмотримся теперь нѣсколько ближе къ учебной программѣ прусской народной школы, оставивъ въ сторонѣ болѣе благоустроенныя многоклассныя школы большихъ городовъ и принявъ въ расчетъ распространенный типъ одноклассной народной школы. Вотъ ея учебный планъ:

	20 часовъ (Нижшая ступень)	30 часовъ (Средняя ступень)	30 часовъ (Высшая ступень)
Законъ Божій	4	5	5
Арифметика	4	4	5
Реальные предметы:			
Географія	—	—	—
Исторія	—	6	6
Естествознаніе	—	—	—
Нѣмецкій языкъ	11	10	8

Остальные часы приходятся на рисование, пѣніе и гимнастику или у дѣвочек рукодѣлье.

Указанное число часовъ для преподаванія Закона Божія считается однако недостаточнымъ. Въ виду этого министерскимъ рескриптомъ отъ 1884 года дозволено, чтобы одна часть изъ преподаванія родного языка была употреблена на чтеніе библіи. Разныя другія предписанія мѣстныхъ властей идутъ еще далѣе въ расширеніи религіознаго преподаванія, а школьный учитель, стоя подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ священника, какъ мѣстнаго школьнаго инспектора, старается, конечно, удовлетворять всѣмъ его требованіямъ въ области религіознаго законоученія. Требования же духовенства пользуются въ этомъ случаѣ и официальнымъ признаніемъ. Такъ, на примѣръ, одинъ изъ указовъ провинціальной консисторіи (Саксонская провинція) отъ 1900 года, въ согласіи съ провинціальной школьной коллегіей и правительствомъ, устанавливаетъ „нормальные“ размѣры, такъ называемаго religiöser Gedächtnisstoff, т. е. религіознаго матеріала, который надлежитъ заучить на память. Онъ состоитъ изъ 170 библейскихъ изреченій, изъ которыхъ 22 относятся къ библейской исторіи, 6 псалмовъ и 142 изреченія служатъ къ объясненію лютеранскаго катехизиса; къ этому присоединяется еще 20 поименно названныхъ церковныхъ пѣсень. Это, какъ сказано въ указѣ консисторіи, тотъ minimum на память заучиваемаго матеріала, на который церковь можетъ рассчитывать въ своемъ догматическомъ ученіи. Школьному учителю фактически приходится все обученіе пропитать духомъ этихъ требованій.

Пруская народная школа, къ сожалѣнію, также не избавлена отъ тѣхъ перекрестныхъ партійно-политическихъ вліяній, которыя составляютъ характерную особенность всѣхъ вообще общественныхъ и житейскихъ отношеній въ современной Пруссіи. Уже вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ, въ маѣ 1889 года, Вильгельмъ II обратился къ прусскому министерству съ указомъ, начинающимся слѣдующими словами:

„Уже съ давнихъ поръ занимала меня мысль объ использованіи школы въ ея отдѣльныхъ развѣтвленіяхъ, съ цѣлью противодѣйствія распроотраненію соціалистическихъ и коммунистическихъ идей. На первомъ планѣ школа должна воспитаніемъ страха къ Богу и любви къ отечеству создавать основу для разумнаго пониманія государственныхъ и общественныхъ отношеній. Но я не могу не проникнуться сознаніемъ, что во времена, когда соціаль-демократическія ошибки и извращенія распространяются съ возрастающимъ усердіемъ, и школа обязана съ усиленнымъ рвеніемъ содѣйствовать познанію того, что истинно, что дѣйствительно и что въ мірѣ возможно. Она должна стремиться къ тому, чтобы уже въ дѣтахъ вырабатывать убѣжденіе, что ученія соціаль-демократіи не только проти-

ворѣчать божественнымъ заповѣдямъ и христіанской морали, но также не высланны въ дѣйствительности и въ своихъ конечныхъ результатахъ какъ для отдѣльной личности, такъ и для всего народа одинаково гибельны...“

Прусское министерство тотчасъ приступило къ выполнению этого указа. Уже въ іюль того-же 1889 года состоялось соглашеніе касательно ограниченныхъ плановъ преподаванія въ народныхъ школахъ и подготовки учителей въ семинаріяхъ. Эти планы съ приложеніемъ руководящихъ указаній тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Госслера были опубликованы въ октябрѣ 1890 года. Наряду съ преподаваніемъ Закона Божья было поставлено преподаваніе отечественной исторіи въ ярко выраженномъ патріотическомъ духѣ. Въ этомъ же духѣ написана была и инструкція министра Госслера, заканчивавшаяся слѣдующими словами:

„..То, что говорилось еще во время Фридриха Великаго: всѣ народы съ завистью смотрятъ на короля пруссаковъ,—это имѣетъ силу и въ настоящее время. Цѣлая сокровищница животворящихъ представленій и глубоко-нравственныхъ возбуждающихъ моментовъ возстаетъ передъ нами въ рассказовъ о почти полтысячелѣтіе наполняющей непрерывной работѣ Гогенцоллерновъ для блага ихъ страны и народа. Поэтому всѣ прусскіе короли должны получить въ обученіи прусскаго юношества выдающееся мѣсто и значеніе...“

Въ 1872 году министръ народнаго просвѣщенія Филъкъ издалъ циркуляръ касательно преподаванія естествовѣдѣнія въ народныхъ школахъ: „Въ области преподаванія естественныхъ наукъ въ школахъ съ однимъ или двумя учителями (въ такихъ школахъ обучается около трети всѣхъ дѣтей) слѣдуетъ усвоить дѣтямъ приблизительное представленіе о тѣхъ явленіяхъ, которыя ихъ окружаютъ въ повседневной жизни“.

Указанный характеръ и размѣры обученія религіозному законовѣдѣнію и отечественной исторіи, въ связи съ этими приблизительными требованіями въ области естествознанія, и составляютъ въ сущности, настоящую учебную программу прусской народной школы.

Загружены здѣсь стороны и недочеты въ организаціи и общемъ состояніи прусской народной школы не возбуждаютъ особеннаго интереса въ руководящихъ и господствующихъ кругахъ здѣшняго общества. Тѣмъ напряженнѣе занимаетъ ихъ уже съ давнихъ поръ вопросъ объ урегулированіи финансовой и матеріальной сторонъ школьнаго дѣла. Эта сторона дѣла несомнѣнно также заслуживаетъ большого вниманія, потому что во многихъ отношеніяхъ она еще совершенно неупорядочена и ведетъ къ многочисленнымъ невзгодамъ и недоразумѣніямъ. До извѣстной степени урегулировано лишь дѣло вознагражденія и пенсіонированія учительскаго

персонала. Закономъ 1897 года, касательно вознагражденія народныхъ учителей и учительницъ установлено, что уплачиваемое общинами жалованье „должно находиться въ соотвѣтствіи съ мѣстными условіями и особенностями служебнаго положенія“. Это жалованье состоитъ изъ основной его суммы и опредѣленныхъ возрастныхъ прибавокъ. Для разныхъ частей установленъ опредѣленный минимумъ: основное жалованье для учителя составляетъ 900 марокъ, для учительницъ 700 марокъ. По истеченіи первыхъ семи лѣтъ службы начинаются возрастные прибавки, которыя черезъ каждые три года повторяются девять разъ, въ размѣрѣ годовыхъ 100 марокъ для учителя и 80 марокъ для учительницы. Это значитъ, что съ 8-го года службы учитель получаетъ 1000 марокъ жалованья, учительница 800 марокъ; съ 11-го года—учитель—1100 марокъ, учительница—900 марокъ и т. д. Эти минимальныя нормы въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ размѣрамъ жалованья тамошнихъ учителей; вплоть до самаго Кенигсбергскаго округа, средняя цифра основного жалованья въ разныхъ восточно-пруссскихъ округахъ составляетъ отъ 902 до 910 марокъ въ годъ. По мѣрѣ удаленія на западъ и юго-западъ Пруссіи, средній уровень основного жалованья увеличивается и, напр., въ Висбаденскомъ округѣ составляетъ 1082 марки. Въ общемъ, вопросъ о размѣрахъ жалованья долженъ разрѣшаться общинами въ согласіи съ органами школьнаго надзора въ случаѣ, если между этими сторонами не послѣдуетъ согласія, то вопросъ рѣшается въ административномъ порядкѣ.

Государство даетъ общинамъ пособіе для учительскихъ жалованій, — перваго учителя 500 марокъ, для прочихъ по 300 марокъ; для учительницы 150 марокъ; далѣе—для возрастныхъ прибавокъ къ одной учительской должности 337 марокъ, къ должности учительницы—184 м. ежегодно; эти пособія рассчитаны по средней суммѣ возрастныхъ прибавокъ. Необходимо замѣтить, что всѣ эти пособія даются общинѣ самое большее только для 25 учительскихъ должностей, слѣдовательно, только общины съ числомъ жителей до 10 или 12.000 получаютъ отъ государства пособія для всѣхъ учительскихъ должностей. Чѣмъ больше община, тѣмъ меньше государственное пособіе сравнительно, съ ея собственными затратами на школу; у самыхъ крупныхъ общинъ это пособіе едва идетъ въ расчетъ. Къ учительскимъ пенсіямъ государство доплачиваетъ по 600 марокъ; кромѣ того оно поддерживаетъ пенсіонныя кассы учительскихъ вдовъ и покрываетъ расходы на учительскихъ сиротъ.

Мы коснемся другихъ сторонъ финансированія народной школы впоследствии, въ связи съ пресловутымъ „школьнымъ компромиссомъ“, въ

который выдвинулся новый школьный законопроект. Теперь же посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло со школьнымъ самоуправленіемъ въ Пруссіи.

Въ селахъ т. н. Schulvorstand, школьный комитетъ состоитъ изъ священника, какъ мѣстнаго школьнаго инспектора, сельскаго старшины (Ortsvorsteher) и отъ двухъ до четырехъ почтенныхъ и благонадежныхъ отцовъ семействъ. Только въ послѣднее время предписаніемъ высшей администраціи выражается желаніе, чтобы въ школьному комитету принадлежалъ и учитель. Почтенные отцы семействъ для своей правоспособности нуждаются въ утвержденіи мѣстнаго ландрата (нѣчто въ родѣ окружнаго исправника). Если почтенные отцы два раза подрядъ не утверждаются ландратомъ, то послѣдній вправѣ по своему выбору назначить подходящихъ обывателей въ члены школьнаго комитета.

Функции такого комитета сходны съ функциями, присвоенными т. н. школьнымъ депутаціямъ въ городахъ. По городовому положенію 1854 года, школьныя депутація должны носить такой же смѣшанный характеръ, какъ всѣ прочія депутаціи, дѣйствующія въ сферахъ городского самоуправления. Но уже въ томъ же году появился указъ министра народнаго просвѣщенія по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, гласившій, что члены школьныхъ депутацій подлежатъ особому утвержденію, „дабы изъ школьныхъ депутацій, коимъ присвоены важныя функціи, устранили были неподходящіе элементы“. Такой указъ шелъ собственно въ разрѣзъ съ санкціонированнымъ конституціей городовымъ положеніемъ. Но фактически прусское министерство добилось своей цѣли и, напримѣръ, въ 1898 году воспрепятствовало вступленію извѣстнаго гласнаго Зигера въ составъ берлинской школьной депутаціи. Довольно слабый протестъ буржуазнаго большинства берлинской думы воодушевилъ даже министерство къ указу, который вообще воспрещаетъ допущеніе социаль-демократовъ въ школьныя депутаціи.

Такимъ-же административнымъ путемъ были значительно сужены первоначальныя функціи школьныхъ депутацій. По внушенію свыше ректора стали не допускать городскихъ школьныхъ совѣтниковъ къ присутствованію на пробныхъ урокахъ учителей, требуя для этого особаго разрѣшенія окружныхъ школьныхъ инспекторовъ; ректорамъ воспрещалось давать отчетъ школьнымъ депутаціямъ о дѣятельности учителей, и т. д. Многіе члены берлинской депутаціи въ 1902 году сложили съ себя депутатскія полномочія, такъ какъ считали ихъ, при указанныхъ условіяхъ, совершенно иллюзорными. Оберъ-бургомистръ объявилъ распоряженія административной власти нарушеніемъ закона и опротестовалъ ихъ передъ министромъ народнаго просвѣщенія, но до сихъ поръ на свой протестъ не получилъ никакого отвѣта.

Вообще, такъ называемые школьные конфликты въ последнее время почти не сходятъ съ очереди; какъ разъ теперь, т. е. въ то самое время, когда, въ виду упомянутого школьнаго законопроекта, со всѣхъ сторонъ готовятся къ рѣшительной борьбѣ за принципиальныя основы прусской народной школы, общественное мнѣніе чрезвычайнымъ образомъ возбуждено циркулярами министерства народнаго просвѣщенія и берлинской провинціальной школьной коллегіей, которыми всѣмъ общинамъ и въ частности Берлину воспрещается свободное распоряженіе школьными помѣщеніями въ свободное отъ занятій время. Поводомъ къ этому новому спору послужило то обстоятельство, что берлинское городское управленіе, слѣдуя давнишней практикѣ, считало себя въ правѣ уступить помѣщеніе городскихъ школъ въ свободное отъ занятій время разнымъ гимнастическимъ обществамъ для физическихъ упражненій, а также извѣстному въ Берлинѣ свободно-религіозному Обществу для отправленія признаннаго закономъ и правительствомъ религіознаго культа.

Этотъ конфликтъ, при всей его кажущейся маловажности, коренится, съ одной стороны, въ крайне хаотическомъ состояніи школьнаго права, совершенно неудовнымъ образомъ разграничивающаго сферу компетенціи государственнаго надзора и общиннаго самоуправленія въ школьномъ дѣлѣ, что всегда ведетъ къ произвольному истолкованію этого предмета не въ пользу общины; съ другой же стороны, самое обоснованіе запрета тѣмъ соображеніемъ, что „стремленія свободно-религіозной общины находятся въ противорѣчій съ существенными цѣлями народной школы“, указываетъ на все болѣе обнаруживающуюся тенденцію придать школѣ все болѣе рѣзкій конфессіональный характеръ.

Еще не вполне разрѣшенный конфликтъ между берлинскимъ городскимъ управленіемъ и административными инстанціями принялъ между тѣмъ чрезвычайно обостренный характеръ. Дума съ необычнымъ единодушіемъ настаиваетъ на своихъ правахъ, тогда какъ школьная коллегія, дивизируемая министерствомъ народнаго просвѣщенія, приказала подвѣдомственнымъ городу школьнымъ ректорамъ безъ всякаго стѣсненія запираеть школы на ключъ въ свободное отъ школьныхъ занятій время и не пускать туда ни одного изъ обществъ, покровительствуемыхъ городомъ. Впредь до окончательнаго разрѣшенія конфликта городской думѣ ничего другого не остается, какъ парализовать образъ дѣйствія администраціи изысканіемъ новыхъ помѣщеній для пострадавшихъ обществъ. Она такъ и поступила, предоставивъ прежде всего свободно-религіозному Обществу одну изъ большихъ залъ въ самомъ зданіи думы. Запрещеніе, касающееся гимнастическихъ обществъ, будетъ понятно, если мы скажемъ, что дѣло идетъ о польскихъ обществахъ, сдѣлавшихся жертвой царящаго теперь

антипольскаго курса. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ антипольская атака школьной бюрократіи повела лишь къ вѣдшему усиленію „польской интриги и агитаціи“: очень разросшаяся польская колонія въ Берлинѣ выскрываетъ теперь мѣры для еще большаго боевого своего сплоченія и принимается за устройство спеціального „польскаго дома“ въ Берлинѣ, который долженъ послужить центромъ польской жизни и польскихъ организацій въ негостепримной и суровой прусской столицѣ...

Иностранца, привыкшаго думать о прусской народной школѣ, какъ о достойномъ всяческаго подражанія образцѣ, страннымъ и неожиданнымъ образомъ поражаетъ тотъ фактъ, что со столбцовъ сколько-нибудь прогрессивной нѣмецкой печати рѣшительно не слодать жалобы на убожество школьныхъ помѣщеній во многихъ забытыхъ мѣстностяхъ и заолустьяхъ, на убожество и предвзятый характеръ школьнаго обученія, на переполненіе классовъ, на недостатокъ учителей, на вытѣсненіе компетентнаго школьнаго надзора, на систематическое угнетеніе школьнаго самоуправленія, на неограниченное господство бюрократіи,—на все то, что въ краткихъ словахъ отмѣчено на предыдущихъ страницахъ. Въ настоящій моментъ всѣ эти жалобы выступаютъ въ сконцентрированномъ видѣ передъ лицомъ готовящагося новаго удара на народную школу,—удара, формулированнаго въ неоднократно упоминавшемся школьномъ компромиссѣ господствующихъ партій прусскаго ландтага.

Въ чемъ заключается этотъ компромиссъ? Повидямому, ни въ чемъ иномъ, какъ въ урегулированіи очень настоятельной матеріальной и правовой школьной потребности. На самомъ же дѣлѣ за нимъ скрывается старая неунижающаяся тенденція сдѣлать школу вполнѣ покорнымъ и надежнымъ орудіемъ политической и конфессіональной реакціи.

Мы уже видѣли выше, что законодательныя постановленія, регулиющія въ Пруссіи финансовую сторону школьнаго дѣла, отчасти чрезвычайно устарѣли. Тѣмъ временемъ соціальныя, политическія и экономическія условія настолько измѣнились, что учебное вѣдство должно было съ этимъ считаться. Но, такъ какъ измѣненія законовъ не послѣдовало, то оно поступало по своему усмотрѣнію, всего же чаще подъ давленіемъ извѣстныхъ политическихъ фактовъ, какъ, напримѣръ, остальбемскихъ юнкеровъ, которые очень заинтересованы были въ освобожденіи отъ тягостей, налагаемыхъ на нихъ старымъ гражданскимъ уложеніемъ, отнюдь не жалаа взять на себя такія же обязательства, вытекающія изъ господствующей теперь системы податнаго обложенія.

По общему гражданскому уложенію матеріальное обезпеченіе школы возложено на всѣхъ отцовъ (Hausvater) данной мѣстности безразлично, имѣютъ ли они дѣтей или нѣтъ, а также безъ различія исповѣданій. По

этому старому уложению школы являются, следовательно, учреждениями, которыми ни для кого не могут быть закрыты вследствие различия в вероисповедании. Оно, правда, принимает также и наличие конфессиональных школ и на этот счет постановляет: „если для жителей различного вероисповедания существует в данной местности несколько народных школ, то каждый глава дома (Hausvater) обязан поддерживать учителя только своей религии“. Помѣщики (Gutsherrn) не принадлежат къ корпорации отцовъ, такъ называемых Hausvatersocietät; на них законъ возлагает особые обязательства. Они обязаны „своихъ подданныхъ, не имѣющихъ возможности частью или сплошь дѣлать обязательные взносы, всячески поддерживать“ и „при постройкѣ и ремонтѣ школьныхъ зданий, сооруженныхъ въ ихъ помѣстьяхъ, доставлять безвозмездно всѣ имѣющиеся у нихъ материалы“... Эти постановленія общаго гражданского уложения имѣютъ силу для Познани, Бранденбурга, Помераніи, Саксонской провинціи, для части Вестфалии, Рейнской провинціи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей Пруссіи.

Согласно прусской конституціи, средства на содержаніе, поддержаніе и расширеніе народныхъ школъ доставляются городскими и сельскими общинами, которыя, въ случаѣ доказанной несостоятельности, получаютъ пособие отъ государства. Учебное вѣдство, убѣдившись въ недостаточности „соціететовъ“, уже съ давнихъ поръ старается побудить общество къ принятію на себя школьныхъ тяготъ. Въ городахъ и многихъ селахъ Западной Пруссіи учебное вѣдство добилося своей цѣли, но въ селахъ восточной Пруссіи по прежнему господствуетъ институтъ соціететовъ. Это повело съ теченіемъ времени въ такимъ неурядицамъ, что изданіе точнаго и общаго закона объ урегулированіи матеріальнаго обезпеченія народной школы сдѣлалось безотлагательнымъ.

Изъ недавно опубликованной министерствомъ народнаго просвѣщенія „памятной записки“ видно, что затраты соціететовъ на текуція школьныя нужды равняются 18,3 милліонамъ, затраты помѣщиковъ 0,26 милліоновъ, между тѣмъ какъ общія затраты на народныя школы составляютъ свыше 200 милліоновъ марокъ. Изъ соотношенія этихъ цифръ можно замѣтить, между прочимъ, какъ ничтожна доля участія помѣстныхъ владѣльцевъ въ общинныхъ затратахъ на школьное дѣло. А между тѣмъ тѣ 12 или 13 тысячъ помѣщиковъ, которые приняты при этомъ въ расчетъ, являются въ пресловутой Остальбін полными господами тамошнихъ школъ, т. е. школьными патронами, отъ которыхъ фактически зависитъ назначеніе и увольненіе учителей, которые стоятъ во главѣ школьнаго надзора и вообще вершатъ судьбу элементарнаго обученія подвластнаго имъ населенія. Это тѣ самые господа, которые и въ прусскомъ ландтагѣ призваны рѣшать во-

просы народного образованія и, какъ извѣстно, играютъ въ немъ доминирующую роль.

Необходимость точнаго закона, регулирующаго матеріальную сторону школьнаго дѣла признается одинаково всѣми. Но новый школьный законопроектъ связываетъ этотъ матеріальный вопросъ съ конфессіональнымъ. Кто слѣдилъ за школьными преніями прусскаго ландтага начиная съ 1892 года, тому понятны будутъ мотивы такого соединенія: партія господствующаго въ прусскомъ ландтагѣ большинства выдвигаютъ на передній планъ матеріальныя нужды школы лишь для того, чтобы за ними скрыть свои подлинныя вождѣнія. Послѣ паденія въ 1892 году извѣстнаго школьнаго проекта министра Ведлица, соотвѣтствовавшаго ихъ желаніямъ, они то и дѣло твердили: „Ohne allgemeines Schulgesetz kein Dotationsgesetz“, т. е. безъ радикальнаго преобразованія школы они не пойдутъ ни на какія матеріальныя новшества...

Заключенный теперь между консервативными группами прусскаго ландтага и его національ-либеральной дирекціей „Школьный компромиссъ“ есть въ сущности возрожденіе того самаго школьнаго закона, противъ котораго въ 1892 году и сами національ-либералы подняли всеобщій шумъ, покуда онъ по приказанію Вильгельма II не былъ снятъ съ очереди. Въ настоящее же время прусскіе католики, въ качествѣ ухмыляющихся зрителей, съ чувствомъ удовлетворенія наблюдаютъ, какъ безъ всякихъ усилій съ ихъ стороны осуществляются ихъ сокровенныя мечты „безбожной“ либеральной буржуазіей въ союзѣ съ богобоязненнымъ прусскимъ юнкерствомъ.

Новый школьный законопроектъ имѣетъ слѣдующую форму:

Въ исполненіе § 24 констатціи, согласно которому при основаніи народныхъ школъ надлежитъ по возможности принимать въ разсчетъ конфессіональныя различія, устанавливаются слѣдующіе принципы:

а) господствующее правило должно быть таково, чтобы ученики одной школы принадлежали къ одному и тому же исповѣданію и обучались учителями того же исповѣданія;

б) Исключенія допустимы только по особымъ основаніямъ, въ частности по національнымъ соображеніямъ, или тамъ, гдѣ это соотвѣтствуетъ условіямъ историческаго развитія.

с) если число школьно-обязанныхъ дѣтей вѣроисповѣднаго меньшинства достигаетъ надлежащей величины, то это меньшинство имѣетъ право на основаніе школы своего исповѣданія;

д) для управленія школьными дѣлами, рядомъ съ общинными властями должны быть учреждены въ городагъ школьныя депутаціи, а въ се-

лажь школьные комитеты, въ которыхъ церковь, община и учителя имѣють соотвѣтственное представительство.

Въ Пруссіи одинъ только разъ въ серьезъ затребовали свѣтскую школу: въ 1848 году. Контръ-революція смела со сцены это требованіе нѣмецкаго либерализма. За отсутствіемъ точныхъ школьныхъ законовъ, обѣщанныхъ въ ту пору и до сихъ поръ еще непроведенныхъ, учебное вѣдомство постепенно и особенно въ послѣдніе годы въ административномъ порядкѣ конфессіонализировало народную школу. Въ настоящее время прусская народная школа въ ея отношеніи къ церкви представляетъ нѣчто среднее между паривѣтной, смѣшанной и чисто конфессіональной школой. Эту помѣсь имѣлъ въ виду устроить школьный проэктъ 1892 года, ее хотеть устроить теперь и „школьный компромиссъ“ въ пользу чистой конфессіональной школы. Каждая школа, гласить этотъ компромиссъ, по „господствующему правилу“ должна быть школой опредѣленнаго вѣроисповѣданія. Средняя школа и университеты, гдѣ обучаются дѣти привилегированныхъ классовъ, остаются безъ всякаго конфессіональнаго отпечатка (нѣмецкая католическая партія, впрочемъ, настаиваетъ на конфессіонализаци и этихъ заведеній), но въ „народной“ школѣ дѣти уже съ самаго начала дѣлятся на партіи, дабы каждой конфессіональной партіи и всяческой реакціи облегчить осуществленіе принципа: *divide et impera*.

Противъ партій компромисса, заключеннаго въ маѣ этого года, уже съ тѣхъ поръ идетъ борьба въ печати и въ публичныхъ собраніяхъ. Протесты нѣкоторыхъ политическыхъ и общественныхъ группъ заслуживаютъ того, чтобы ихъ привести здѣсь въ формулированномъ видѣ.

Съ нѣкотораго времени на общественно-политической аренѣ Германіи появилась не лишняя извѣстнаго интереса группа, именуемая, „національ-либеральной молодежью“. Эту кличку не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ; здѣсь есть молодежь и довольно „нзряднаго возраста“. Но эти почтенные, почувствовавшіе вторую молодость національ-либералы присоединились „къ дѣтямъ“, чтобы напомнить „отцамъ“ о ихъ забытыхъ либеральныхъ идеалахъ. Національ-либеральная молодежь имѣетъ свою особую организацію, насчитывающую теперь до 12.000 членовъ, и разными путями ведетъ пропаганду, чтобы нѣсколько оздоровить и восродить нѣкогда гордую и вліятельнѣйшую партію нѣмецкаго либерализма. Эта молодежь, между прочимъ, выступила и противъ школьнаго компромисса, заключеннаго національ-либералами, и на своемъ недавнемъ годичномъ съѣздѣ въ Лейпцигѣ приняла слѣдующую резолюцію по школьному вопросу.

1. Всеобщая народная школа есть свѣтское учрежденіе, руководство которымъ должно быть присвоено исключительно государству.

2. Школьный надзоръ долженъ быть возложенъ на государственныхъ чиновниковъ, какъ ихъ специальная функція, школьными инспекторами могутъ быть только лица со специальной подготовкой.

3. Интересы государства требуютъ для народной школы и подготовки учителей, общую для всѣхъ исповѣданій школу (Simultonschule).

4. Преподаванію Закона Божія подъ наблюдениемъ государства и допущенными имъ преподавателями должно быть отведено въ учебномъ планѣ достаточное мѣсто; въ соответствии съ принципомъ свободы совѣсти дѣти диссидентовъ не должны быть принуждаемы къ религіозному обученію противъ воли ихъ родителей.

5. Основательная подготовка и достаточное вознагражденіе должны обезпечить учителю необходимую духовную и экономическую независимость.

Какъ сильно долженъ былъ повыситься либеральный уровень отцовъ, если дѣти объявляютъ имъ войну въ такой скромной резолюціи!..

Нѣсколько пространнѣе заявляетъ о себѣ другая, болѣе зрѣлая политическая группа такъ называемаго Свободомыслящаго Союза, который представляетъ собою наиболѣе передовое крыло нѣмецкаго свободомыслія и во главѣ котораго стоятъ теперь извѣстный издатель „Die Nation“, бывшій (и вѣроятно при первой возможности будущій) депутатъ рейхстага и ландтага, д-ръ Варгъ и національ-соціальный глава Фридрихъ Науманъ. На одномъ изъ многолюдныхъ собраній въ Берлинѣ, послѣ докладовъ, сдѣланныхъ Вартомъ, Науманомъ и другими членами названнаго Союза, была принята слѣдующая школьная программа:

Мы требуемъ:

1) чтобы все юношество нѣмецкаго народа до опредѣленнаго закономъ установленнаго возраста соединено было въ народной школѣ, гдѣ обученіе и учебныя пособія бесплатны, и чтобы рядомъ съ народной школой не существовало государственныхъ заведеній для начальнаго обученія;

2) чтобы народная школа была приведена въ органическую связь со средними и высшими образовательными учрежденіями, и особенно одаренныя дѣтя получали бесплатное образованіе въ слѣдующихъ за народной школой учебныхъ заведеніяхъ;

3) чтобы къ народной школѣ примыкала обязательная школа для дальнѣйшаго обученія (Fortbildungsschule) для мальчиковъ и дѣвочекъ;

4) чтобы въ народной школѣ, какъ и во всякомъ другомъ государственномъ учебномъ заведеніи, конфессіональное раздѣленіе дѣтей дѣлалось только при преподаваніи Закона Божія и чтобы для участія въ этомъ преподаваніи не было принужденія;

5) чтобы учителя получали научное образованіе, соответствующее по

ложею народной школы во всей системѣ образовательныхъ учреждений государства;

6) чтобы народная школа была обставлена и обеспечена сообразно съ требованіями современности (сокращеніе школьныхъ классовъ, улучшеніе вознагражденія учителей);

7) чтобы надзоръ за народной школой возложенъ былъ на практически надежныхъ и педагогически образованныхъ специалистовъ;

8) чтобы высшее руководство народнымъ образованіемъ принадлежало особому министерству, совершенно отдѣленному отъ министерства религіозныхъ культовъ;

9) чтобы тѣ общины, которыя дѣлаютъ большія затраты на школьное дѣло, имѣли и соотвѣтственную долю въ управленіи школами.

Мы вслѣдствіе этого отвергаемъ:

1) дѣленіе народной школы по социальнымъ группамъ (сословныя школы) и религіознымъ и церковнымъ исповѣданіямъ (конфессіональныя школы);

2) школьный надзоръ со стороны духовенства;

3) отдѣленіе учительскихъ семинарій, по сколько онѣ имѣютъ цѣлью общую подготовку будущихъ народныхъ учителей, отъ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и объявляемъ

4) жалкую обстановку и недостаточную матеріальную заботливость объ образованіи величайшимъ, въ культурномъ и научномъ отношеніи вреднѣйшимъ прегрѣшеніемъ государства.

Мы обращаемся ко всѣмъ либеральнымъ кругамъ нашего народа и въ особенности, ко всѣмъ либеральнымъ народнымъ представителямъ, съ настоятельнѣйшимъ ходатайствомъ со всей силой заступаться за народную школу и ея развитіе и со всей энергіей бороться противъ реакціонныхъ стремленій въ этой области.

Въ заключеніи Собраніе Свободомыслящаго Союза постановило обратиться къ свободомыслящимъ партіямъ прусскаго ландтага съ ходатайствомъ голосовать за справедливый, устраняющій существующія привилегіи, школьный законъ, который вполнѣ обеспечиваетъ матеріальныя условія народной школы и достаточное вознагражденіе учителей, но который не связанъ съ постановленіями, возводящими въ правило конфессіональную школу и вообще облегчающими конфессіонализацию школьнаго дѣла; собраніе требуетъ, наконецъ, устраненія духовенства отъ школьнаго надзора.

Приблизительно въ этомъ же смыслѣ высказалась на недавнемъ своемъ съѣздѣ и Нѣмецкая Народная партія.

Когда рѣчь идетъ о народной школѣ, то вполнѣ естественно, что къ этому не остаются безучастными и нѣмецкіе народные учителя. На ихъ мѣстныхъ генеральныхъ собраніяхъ дебатируются, конечно, всегда тѣ или

ные вопросы, касающиеся школьного дѣла. Но готовящійся школьный законъ вызываетъ сверхъ того спеціальныи интересъ въ средѣ народныхъ учителей, которые въ настоящее время очень живо высказываются и въ своей учительской прессѣ, и въ особо созываемыхъ учительскихъ собраніяхъ. Для примѣра приведу здѣсь резолюцію, принятую на одномъ учительскомъ собраніи:

Собрание усматриваетъ въ компромиссѣ отъ 13 мая этого года попытку использовать настоятельную матеріальную нужду въ школьномъ дѣлѣ, регулирование матеріальныхъ средствъ школы, какъ предлогъ для реакціонныхъ партійныхъ требованій, подкапывающихъ единообразное развитіе народной школы на общенациональной почвѣ. Разложивіе народной школы на ея вѣроисповѣдныя составныя части не вызывается потребностью конфессіональныхъ интересовъ при воспитаніи юношества; эта цѣль вполне достигается и въ смѣшанныхъ школахъ; оно есть только средство укрѣпить на всегда гнетущую духовную и правовую зависимость отъ церкви и духовенства. Въ школьно-техническомъ отношеніи конфессіональная школа страдаетъ крупными педагогическими, образовательными и гигиеническими недостатками: недостаточнымъ школьнымъ планомъ для вѣроисповѣднаго меньшинства и для обохъ вѣроисповѣданій (въ мелкихъ мѣстностяхъ), отдаленныя разстоянія отъ школы для дѣтей меньшинства. Такъ какъ матеріальное обезпеченіе школы не находится ни въ какой связи съ конфессіональнымъ вопросомъ, а разрѣшеніе послѣдняго въ духѣ прогрессивнаго культурнаго развитія не мыслимо въ настоящемъ прусскомъ ландтагѣ, то интересы школы требуютъ отдѣльнаго законодательнаго регулированія матеріальныхъ сторонъ народной школы и въ связи съ этимъ ревизію закона о вознагражденіи учителей, въ смыслѣ существеннаго повышенія минимальной нормы основнаго жалованія и возрастныхъ прибавокъ. Если отдѣленіе обѣихъ матерій окажется не достижимымъ, то собраніе надѣется, что всѣ приверженныя къ школѣ и образованію партіи, всеми законными и парламентскими средствами будутъ добиваться того, чтобы, по крайней мѣрѣ, сохранить за смѣшанной школой ея теперешнее правовое положеніе.

Изъ другихъ общественныхъ и политическыхъ группъ, откликнувшихся на животрепещущую школьную тему, слѣдуетъ еще отмѣтить социаль-демократическую организацію иѣмецкихъ женщинъ. На „женской конференціи“, предшествовавшей недавно происходившему партейтагу германской рабочей партіи въ Временѣ, Клара Цеткинъ сдѣлала очень обстоятельный докладъ о школьномъ вопросѣ, представляющій широкое выясненіе принципиальныхъ сторонъ школьной программы и политики. Самый партейтагъ, а недостаткомъ времени, лишь вскользь коснулся этого предмета, поста-

новивъ отложить его подробное обсужденіе до слѣдующаго съѣзда или передать его на обсужденіе особой прусской конференціи. Школьные требованія партіи, правда, наложены уже въ ея общей программѣ, но многіе изъ членовъ все же очень были огорчены, что партейтагъ не считъ нужнымъ воспользоваться настоящимъ политическимъ моментомъ, чтобы бросить свое вѣское слово въ оборотъ всеобщей агитаціи противъ школьнаго законопроекта прусскаго ландтага. Само собою разумѣется, что до созванія специальной прусской конференціи, пробѣль, сдѣланный партейтагомъ, будетъ восполненъ дѣятельнымъ обсужденіемъ въ партійной печати и собраніяхъ.

Г. Гроссманъ.

Критика и библиографія.

Е. Щировская. По пути жизни. Сборникъ рассказовъ.

Одной изъ героинь рассказовъ Е. Щировской, на вопросъ куда идти и что дѣлать?—герой-художникъ посоветовалъ выйти изъ буржуазной обстановки и заняться писаніемъ или пѣніемъ, или поступить на сцену. Героиня очень основательно возражала, что ни къ одному изъ вышеупомянутыхъ занятій у нея нѣтъ таланта. Тогда она рѣшила, что она поѣдетъ „учить“. Если принять во вниманіе, что совѣщаніе произошло въ первую же встрѣчу героини съ героемъ, то можно позавидовать рѣшимости, съ какой она тотчасъ же собрала свои вещи и, проживъ съ мужемъ 10 лѣтъ, уѣхала спокойно навсегда—„учить“. Кого и чему—такъ и не выяснилось. Кроткій мужъ заявилъ, положимъ, что она и сама ничего не знаетъ, тѣмъ не менѣе это не помѣшало ему проводить свою жену на вокзалъ.

Сидя въ вагонѣ, героиня радуется, что „вырвалась наконецъ изъ тисковъ и вступаетъ въ настоящую жизнь“. Тутъ же „предстаетъ передъ ней лицо художника, „на которомъ выраженіе мысли такъ удивительно сочеталось съ печатью дарованія“. Очень возможно, что очень многого героиня намъ не сообщила, во всякомъ случаѣ мы тоже, вмѣстѣ съ ея мужемъ, сомнѣваемся, можетъ ли она кого-нибудь учить и также, какъ и онъ, рассталась съ ней легко.

Когда рассказъ пишется отъ перваго лица, какъ въ данномъ случаѣ,—невольно послушный читатель переноситъ мысль свою на автора. Героиня, неискушенная, ясно понимаетъ, что у нея нѣтъ писательскаго таланта. Госпожа Щировская, несмотря на то, что въ цѣлой книгѣ у нея нѣтъ ни одного яркаго лица, ни одного захватывающаго момента,—все еще не понимаетъ.

Разказы ея можно читатъ нѣсколько разъ въ жизни именно потому, что они совершенно ступеваются изъ памяти.

О. Миртовъ.

Разказы Вазова. Переводъ и вступительная статья Андрея Сиротинина. Спб. 1904 г. ц. 90 к.

Въ основу статьи г. Сиротинина, которую можно назвать историческимъ очеркомъ болгарскаго движенія 76—79 года, вложена славянофильская идея, отжившая свой вѣкъ; во всякомъ случаѣ, передъ современнымъ обществомъ вырисовываются болѣе широкіе идеалы, и „славянское братство“ его не увлекаетъ.

Съ другой стороны приходится констатировать у г. Сиротинина отсутствіе правильнаго историческаго взгляда. Война 77—78 г., какъ извѣстно, была вачата не столько изъ гуманистическихъ побужденій, сколько изъ политическихъ. Нельзя также признавать „двигателемъ исторіи отдѣльную личность, какъ это дѣлаютъ гг. Вазовъ и Сиротининъ.

Каждое историческое явленіе несомнѣнно имѣетъ свою глубокую причину, а отдѣльныя личности, будь то государь или цѣлый народъ, являются по необходимости, иногда противъ воли, только исполнителями неизбежнаго теченія.

Мы не отрицаемъ человѣколюбивыхъ побужденій въ русскомъ обществѣ по отношенію къ „братушкамъ“, но правительство такими побужденіями отнюдь не руководствуется. Тѣ или другія настроенія общества могутъ быть использованы правительствомъ. И Россія, конечно, было не безразлично, какъ поведетъ себя освобожденная Болгарія. Въ „Русскомъ Богатствѣ“ (за 1904 г.) П. Милуковъ говоритъ: „Уже по поводу толковъ о ренушеніи князешъ перваго собранія, Россія официально объявила, что болгарская конституція не состоитъ подъ русскимъ покровительствомъ, обсуждена и принята болгарами совершенно свободно, и единственное участіе Россіи заключалось въ ея обсужденіи въ „Совѣтахъ умѣренности по поводу вопросовъ о свободѣ печати и правѣ собраній“.

Въ разказахъ Вазова, за восторженностью по отношенію къ русскому народу и русскому царю, тоже отсутствуетъ вѣрное историческое пониманіе.

О литературныхъ средствахъ Вазова г. Сиротининъ говоритъ: „Какъ драматургъ, Вазовъ совершенно ничтоженъ“, „отъ драми его вѣтъ древности, какъ отъ драмъ кн. Шаховскаго“. „Его комедіи и водевилы въ лучшемъ случаѣ могутъ стать на ряду съ Дьвомъ Гурьчемъ Саничкинымъ“. „Лирика Вазова справедливо упрекаютъ въ вѣкоторой водянистости, недостаткѣ сосредоточенности и силы и въ излишней мягкости“. „Вазовъ

совершенно почти обдѣленъ творческой фантазіей“. „Его сочиненія— это его автобіографія“ „дальше, у него нѣтъ того, что принято называть психологическимъ анализомъ“. „Но за то въ предѣлѣ небольшой повѣсти, описывая то, что все самъ видѣлъ и пережилъ, Вазовъ является превосходнымъ рассказчикомъ“. Къ сожалѣнію о красотѣ слога, на которую указываетъ переводчикъ, мы совершенно судить не можемъ, благодаря галлицизмамъ, грубымъ болгаризмамъ и просто неграмотнымъ, топорнымъ выраженіямъ перевода. Самые рассказы Вазова мало интересны, благодаря наивности и отсутствію какихъ бы то ни было обобщеній. Рассказъ „Во мракѣ“ сообщаетъ съ нижестерѣ, замечавшемся о своей невѣстѣ в по-этомъ попавшемъ въ яму, въ которой былъ вытащенъ этой же самой невѣстой. Этимъ авторъ хочетъ доказать, что „чудесныя случайности и невѣроятныя совпаденія существуютъ не только въ воображеніи романистовъ, но встрѣчаются и въ жизни“.

Мы думаемъ, что заключительныя слова очерка г. Сиротинина: „въ Россіи любятъ и цѣнятъ перваго болгарскаго поэта Вазова“ въ значительной степени, по крайней мѣрѣ по отношенію къ рассказамъ Вазова— являются заблужденіемъ.

О. Миртовъ.

С. Т. Семеновъ. I. Въ родной деревнѣ. Очеркъ. II. Гаврила Скворцовъ. Повѣсть. Изд. „Посредника“. Цѣна 1 руб. Москва 1904 г.

Очерки „Въ родной деревнѣ“ — повидному, заключаютъ въ себѣ подлинный автобіографическій матеріалъ, не лишены даже своего общественнаго интереса и значенія. Лицо, ведущее тутъ особаго рода хроникку подмосковной деревни за 25—30 лѣтъ ея существованія—свой человѣкъ среди крестьянской массы, съ наблюденіями изъ первыхъ рукъ, любящій и землю, и ея насельниковъ, но не прикрывающій и родной тьмы, и золь. Онъ рассказываетъ, что, напр. и такое настроеніе у него вспыхивало, когда съ уже набрался умственнаго свѣту: „уйти куда бы то ни было, лишь бы дальше отъ этихъ застывшихъ въ своей дикости представителей деревенскаго міра, которые за одно непривнаніе законности ихъ брошенныхъ вождельнѣи готовы столкнуть тебя въ воду и оттолкнуть отъ берега осиновымъ коломъ“. Всевышняя „экономка“ угнала автора изъ дому въ Москву 11 лѣтъ мальчуганомъ, онъ устремлялся, гдѣ придется: то на фабрику, то пріемщикомъ въ литографію, то въ водопроводное заведеніе, то въ будку, торговавшую минеральными водами“. Много скитался рассказчикъ по всей Россіи и всегда почитывалъ. На 18 году жизни одна книга совершила въ немъ цѣлый переворотъ: это была брошюра „Чѣмъ

люди живы“ Толстого. Онь завлекся изданіями исторической уже у нас „серіи“ книжекъ. У него „явилось определенное желаніе бросить эту обмертвляющую, механическую городскую жизнь среди людей связанных едиными матеріальными интересами, и пойти домой въ деревню, остаться тамъ и жить праведными трудами хлѣбопашца“.

Отъ той страници у автора, гдѣ онь выговорилъ такой девизъ, міропониманіе „очерковъ“ очерчивается для насъ во всю. И очерчивается и отчуждается, если хотите, ибо не для каждаго же згиза сонмирима только съ деревней. Но содержательность автобіографіи не утрачивается и дагѣс. Намъ любопытны сообщенія не чистаго книжника, а и практика о видовзмѣненіяхъ, переживаемыхъ „родной деревней“, о плѣсѣ, книжкѣ, школѣ у „мужика“. Для насъ ново послушать, что у автора литературный заработокъ подмогалъ надѣльному хозяйству. Цѣны тутъ замѣчальны о борьбѣ съ дефектами крестьянскаго и духовнаго и соціальнаго уклада. Обращаютъ на себя вниманіе характеристики столь незадачныхъ земскихъ начальниковъ. Истина, конечно, что „для деревни нужна не опека, какъ думаютъ многіе, а только вниманіе, содѣйствующее ея развитію и общему улучшенію быта“. Авторъ какъ то вскользь и нерѣшительно касается спорнаго вопроса объ общинѣ. И къ лучшему, въ сущности. Его очерки дорога—искренностью, дѣловитостью, гуманизмомъ въ трактовкѣ дѣйствительно знакомыхъ автору темъ. О „повѣста“ намъ не придется много распространяться. Да, въ ней есть и правда, и здоровый реализмъ, и свое литературное мастерство. Это не бездарная подѣлка, а плодъ ума, души, жизненныхъ движеній личности, но вѣдь „Гаврила Скворцовъ“ не столько обнаруживаетъ какое-либо художественное творчество, сколько представляетъ собою дидактико-беллетристическое переложеніе тѣхъ же очерковъ „Въ родной деревнѣ“.

А. Нахимовъ.

Л. Мельшинъ. (П. Ф. Гриневичъ). Очерки русской поэзіи. Слб. 1904
Стр. 406. Цѣна 1 р. 50 к.

Новая книга г. Мельшина составлена изъ статей, замѣтокъ и редакцій, большая часть которыхъ первоначально была напечатана на страницѣ „Русскаго Богатства“. Почти цѣлая половина книги занята двумя обширными статьями о Пушкинѣ и Некрасовѣ. Въ первой изъ этихъ статей доказывается, что Пушкинъ былъ, главнымъ образомъ, „тѣвцомъ гуманной красоты“. Истина эта не новая, такъ какъ еще Вѣлинскій говорилъ, что „общій колоритъ поэзіи Пушкина и въ особенности лирической—внутренняя красота человѣка и дѣлѣющая душу гуманность“. И жи-

литературный противник великаго критика, Шевыревъ, въ свое время отмѣтилъ въ поэзіи Пушкина „тѣсную неразрывную связь изящнаго съ нравственнымъ“. Да и самъ Пушкинъ, еще прежде своихъ критиковъ, заявилъ, что онъ „возбуждалъ добрыя чувства и призывалъ милость къ падшимъ“. Но эта старая истина, по мнѣнію г. Мельшина, недостаточно развита и выяснена и не нашла еще всеобщаго признанія, потому, между прочимъ, что не была послѣдовательно проведена и доказана ни въ одномъ изъ многочисленныхъ трудовъ, посвященныхъ Пушкину, Заполнить этотъ пробѣлъ и было цѣлю г. Мельшина. Прежде всего онъ дѣлаетъ обзоръ критической литературы о Пушкинѣ, чтобы „прослѣдить въ литературѣ исторію *правильнаго* пониманія пушкинской поэзіи“, и посвящаетъ этому обзору добрую половину своей статьи. Вся эта литература, за исключеніемъ одной только статьи г. Южакова, не удовлетворяетъ г. Мельшина. Никто, по его мнѣнію, не показалъ намъ, что „по широтѣ и возвышенности воззрѣній на жизнь и на человѣка Пушкинъ не уступаетъ ни одному изъ такъ называемыхъ мировыхъ гениевъ поэзіи, будетъ-ли то Шекспиръ, Гёте или Байронъ“. „Пушкинъ—по словамъ г. Мельшина—является пѣвцомъ человѣчности въ лучшемъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ безконечнаго уваженія... къ достоинству человѣка, какъ человѣка. Изъ этого именно чувства исходятъ все взгляды Пушкина на важнѣйшія проблемы бытія и счастья“ (с. 86).

Эти положенія доказываются анализомъ эпическихъ и драматическихъ сочиненій Пушкина. Анализу же Пушкинской лирики посвящены всего три страницы. При этомъ г. Мельшинъ устраняетъ все политическія стихотворенія Пушкина („Квизжалъ“, „Вольность“, „Деревня“, „Клеветникамъ Россіи“, „Вородинская Годовщина“ и др.), такъ какъ „природѣ его таланта менѣе всего была свойственна поэзія борьбы и политическихъ страстей“. Устраняется также и знаменитое стихотвореніе „Чернь“, которое, вопреки его защитникамъ, г. Мельшинъ справедливо считаетъ „свидѣтельствомъ одного изъ печальнѣйшихъ и антипатичнѣйшихъ заблужденій великаго поэта“. Доказывая своей основной тезисъ, г. Мельшинъ нерѣдко истолковываетъ общезвѣстнѣйшія вещи, встрѣчающіяся даже въ школьныхъ учебникахъ. Таковы, напримѣръ, указанія на основную идею „Вахчиарайскаго фонтана“ и „Бориса Годунова“. Въ отдѣльныхъ же случаяхъ основныя идеи Пушкинскихъ произведеній до крайности суживаются. Такъ, напримѣръ, о „Полтавѣ“ говорится, что „въ психологіи и судьбѣ Мавепы заключается основная идея поэмы: *человѣкъ не можетъ безнаказанно оторвать свое счастье на систематическомъ лицемѣрїи, обманѣ и ласкѣ*“. (с. 67, курсивъ г. Мельшина). Въ „Скупомъ Рыцарѣ“ и въ сценахъ „Моцартъ и Сальери“, по мнѣнію г. Мельшина, „рельефно выра-

жена идея необходимости разностороннего и гармонического развития человеческой личности". Не слишком-ли это элементарно для поэта, сопоставляемого съ Байрономъ, Гёте и Шекспиромъ?

Можно упрекнуть также г. Мельшина и за недостаточное знакомство съ биографіей Пушкина. Упрекая великаго поэта за "горделивое презрѣніе къ мѣлкимъ толпы, онъ заявляетъ, что „начиная съ „Вориса Годунова“, лучшія его поэмы и стихотворенія держатся по нѣскольку лѣтъ въ портфель, въ совершенно законченномъ, повидимому, и отдѣланномъ видѣ. Дѣлается это будто потому, что Пушкинъ буквально слѣдуетъ песенно-стихотворческой мысли

Блаженъ, кто про себя таилъ
 Души высокія созданья
 И отъ людей, какъ отъ могилъ,
 Не ждалъ за чувство воздаянья!

На самомъ же дѣлѣ, „Ворисъ Годуновъ“ пролежалъ въ портфель Пушкина пять лѣтъ потому, что въ 1826 г., въ отвѣтъ на ходатайство о разрѣшеніи напечатать эту драму, свыше было предложено переделывать ее въ „историческую повѣсть или романъ на подобіе В. Скотта“. Что касается поэмъ Пушкина, написанныхъ послѣ „Вориса Годунова“, то, не считая неоконченнаго „Галуба“, одинъ только „Мѣдный всадникъ“ напечатанъ послѣ смерти Пушкина, и опять-таки вслѣдствіе замѣчаній императора Николая I. Изъ лирическихъ пьесъ, залежавшихся въ портфель Пушкина, г. Мельшинъ указываетъ „Для береговъ отчизны дальней“, но это чудное стихотвореніе отмѣчено печатью такой интимности, что Пушкинъ, притомъ только что женившійся, не могъ его напечатать. Подобную же участь и во тѣмъ же личнымъ соображеніямъ раздѣлили и стихотворенія: „Когда въ объятія мои“, „Нѣтъ, я не дорожу“ и др. Вообще, прищипориваемый нуждой, Пушкинъ не упускалъ случая каждый свой стихъ превратить въ червонецъ и печаталъ все, что только можно было напечатать, хотя это нѣсколько не мѣшало ему презирать „судъ глупца и смѣхъ толпы холодной“.

Критико-біографическій очеркъ, посвященный Некрасову, представляетъ большой интересъ, тѣмъ статья о Пушкинѣ. Мало обращая вниманія на заглавіе статьи („Муза мести и печали“), г. Мельшинъ больше всего говоритъ о Некрасовѣ, какъ о пѣвцѣ русскаго народа. Авторъ не умалчиваетъ и о недостаткахъ Некрасовской поэзіи, объясняя ихъ тѣми тяжелыми условіями, среди которыхъ развивался поэтический талантъ пѣвца народнаго гая. „Періодъ долгой подневольной работы, писанія фельетонновъ, водевилей, мелодрамъ, пародій и юмористическихъ куплетовъ—по

словам г. Мельшина—не прошел для нашего поэта безнаказанно, испортив до некоторой степени его природное чутье художественной меры и такта и отучив тщательно работать над воплощением поэтического образа в стихотворную форму“ (с. 158). Заслуживает также внимания указание г. Мельшина, что кровь в поэмѣ „Несчастные“ изображает не Достоевского, какъ обыкновенно думаютъ, а Вѣлинскаго, который за письмо къ Гоголю несомнѣнно раздѣлил бы участь петрашевцевъ, если бы не переселился въ лучший міръ. Въ заключеніи своей статьи г. Мельшинъ справедливо негодуетъ на издателя, который перепечатываетъ сочиненія Некрасова, несколько не заботясь объ улучшеніи новыхъ изданій въ смыслѣ полноты и комментирования текста.

Далѣе въ книгѣ г. Мельшина слѣдуютъ статьи о Фетѣ, Тютчевѣ и Надсопѣ. О Фетѣ говорится, что въ послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни онъ былъ не болѣе, какъ „холоднымъ риторомъ и фальсификаторомъ поэзіи“, фабриковавшимъ вмѣсто стиховъ „фокусный наборъ словъ и образовъ“. Но за лучшими произведеніями Фета г. Мельшинъ признаетъ „непрекаемое значеніе“. Настоящимъ призваніемъ Фета, его поэтической миссіей—по словамъ г. Мельшина—и было именно открывать и передавать намъ поэзію окружающаго міра, который мы видимъ обыкновенно въ такомъ сѣромъ, буднично-прозаическомъ освѣщеніи“ (с. 209). Не менѣе справедливъ г. Мельшинъ и по отношенію къ Тютчеву, отмѣчая, что „тревожная, полная горькихъ диссонансовъ, эта могучая поэзія цѣнна именно тѣмъ, что держитъ мысль и чувство читателя въ постоянномъ напряженіи, зажигаая тоской по идеалу“.

Минуетъ статья о Надсопѣ, гдѣ объясняются причины необычайной популярности этого „гѣвца тревоги юныхъ силъ“, мы подходимъ къ „Современнымъ миниатюрамъ“, представляющимъ собраніе очень рѣзкихъ и вѣдкихъ рецензій. Тутъ передъ нами проходитъ цѣлый рядъ современныхъ русскихъ поэтовъ всевозможныхъ направленій. Тутъ и г. Мнискій, который „порвалъ со стыдомъ такъ же, какъ съ логикой“ (с. 285); и г. Льдовъ со своими „сословными и словными сумраками“, и г. Фофановъ съ „окровавленнымъ кончикомъ луны“, и г. Коринфскій со своей „ложной народностью и манерной вычурностью“, и г. Валерій Брюсовъ съ знаменитымъ однострочнымъ стихотвореніемъ: „О, закрой свои блѣдныя ноги!“ и г. Вальмонтъ, жаждущій „книжальныхъ словъ“ и „во имя Господа“ благословляющей чуму, проказу, тьму, убійство, Содомъ и Гоморру (с. 331), и г. Облеуховъ, открывшій русскаго Прометея въ лицѣ Каткова и поэтизирующій Нерона. Къ сожалѣнію, собраніе монстровъ современной русской поэзіи оказывается у г. Мельшина далеко неполнымъ, въ противномъ случаѣ мы выѣли бы любопытную кунсткамеру всевозможнаго кривлянья въ стихахъ.

Конецъ книги г. Мельшина занятъ замѣтками „О старомъ и новомъ настроеніи“, появившимися сюда по недоразумѣнію, такъ какъ въ нихъ менѣе всего говорится о поэзіи.

С. Ашевскій

И. М. Майковъ. Иванъ Ивановичъ Вецкой. Опытъ его біографіи. Сиб. 1904. in 8-vo. Стр. X + 476 + 280. Ц. 4 руб. (съ портретомъ).

Вецкой интересенъ для историка какъ личность, удивительно хорошо обрисовывающая цѣли и приемы просвѣтительной работы русскаго государства въ XVIII ст. среди поразительнаго по своей косности и непонятливости русскаго общества, сплошь занятаго одною думою, какъ бы выдержать всё государевы службы и тяготы. Если бъ Вецкой почаще выходилъ изъ Петербурга и кабинета на свѣтъ Божій, то онъ отлично могъ бы разглядѣть, какъ всё задуманнаго имъ широко, по иностраннымъ образцамъ, учрежденія превращались на русской почвѣ во что то немощно уродливое, какъ еще плохо понимали въ Россіи высокія цѣли, преслѣдовавшіяся въ идеѣ этими учрежденіями. Въ проведеніи въ жизнь проектированныхъ порядковъ просвѣдительныхъ и гуманитарныхъ учреждений кабинетный Вецкой не могъ быть ни достаточно сильнымъ, ни сколько-нибудь энергичнымъ. О безпорядкахъ въ нихъ онъ только слышалъ и писалъ, писалъ безъ конца наставленія. Это среди русскихъ дѣльцовъ то XVIII столѣтія дѣйствовать письменными наставленіями! Да вѣдь это само по себѣ достойная картина! А перечитайте въ приложеніяхъ бумаги, писанныя Вецкимъ,—вы изумитесь ихъ наивной простотѣ и идиллическому спокойствію. Едва ли подлежащія вѣдомства, въ лицѣ своихъ мѣстныхъ представителей, дочитывали ихъ до конца и обращали на нихъ какое-нибудь вниманіе. Самъ Вецкой долгое время былъ фиктивнымъ ихъ попечителемъ, не зная, что фактически императрица давно его отставила и дѣляла только по какимъ то неизвѣстнымъ намъ соображеніямъ его преклонную старость. Еще въ 1780 г. старикъ ослѣпъ физически, а житейски—куда раньше. Одно мудрое его наставленіе привело въ ярость почетныхъ опекуновъ московскаго воспитательнаго дома и они стѣбали на него тѣмъ, что жестоко перепороли пятерыхъ воспитанниковъ, при полномъ собраніи всѣхъ привѣщаемыхъ въ домѣ и служанницъ (срв. стр. 126, 180, 187, 400). А сколько было потрачено великолѣпныхъ словъ на тему, какого особеннаго человѣка надо выбрать въ главные надзиратели воспитательнаго дома въ Москвѣ, и какимъ чрезвычайнымъ требованіемъ должно удовлетворять такое лицо. И что же? Первымъ главнымъ надзирателемъ былъ назваченъ профессоръ Московскаго университета

Ростъ, читавшій военную архитектуру и фортификацію. Фортификаціонные таланты Роста даже по тогдашнимъ временамъ дали возможность ему пробить главнымъ надзирателемъ всего одинъ годъ (стр. 169, 184). Однимъ изъ его преемниковъ былъ... исторіографъ Г. Миллеръ. „Сію, пишетъ почтенный исторіографъ, хотя не свойственную моею склонности должность, принялъ я на себя единственно... въ упованіи, что притомъ возможно мнѣ будетъ пользоваться московскими архивами для російской исторіи, о чемъ я былъ снабженъ“. Ни историкъ, ни военный техникъ, конечно, не были достаточны свѣдущими въ кормленіи грудныхъ дѣтей, хотя въ этомъ дѣлѣ ихъ пытался наставлять самъ Вецкой путемъ послыки въ Москву одной брошюры на англійскомъ языкѣ „Совѣты о кормленіи и воспитаніи дѣтей со дня ихъ рожденія до трехлѣтняго возраста“. Нужно только представить себѣ, съ какимъ живымъ интересомъ Миллеръ долженъ былъ отъ пыльной лѣтописи переходить къ строкамъ, посвященнымъ чистотѣ пеленокъ и дѣтскихъ рожекъ. Не будемъ пострить наше наложеніе дальнѣйшими примѣрами въ этомъ родѣ. Самъ Вецкой, помимо своего прямого дѣла, занятъ былъ очень многимъ. Онъ читалъ императрицѣ равныя книжки (стр. 446), устраивалъ великому князю Павлу токарный станокъ, исполнялъ разнообразныя порученія по части наукъ и художествъ, заботился о выпискѣ изъ-за границы луковицъ, сѣмянъ, цвѣтовъ и кустовъ, разныхъ дикихъ звѣрей и рѣдкихъ птицъ, также о добромъ здоровьѣ посаженныхъ въ прудѣ сазановъ, постоянно притомъ воюя на бумагѣ съ подчиненными ему учреждениями. Дома Вецкой, по словамъ его біографа (стр. 453), проводилъ время въ чтеніи, любилъ сельское хозяйство, устраивалъ всячій садъ, разводилъ тутовые деревья и шелковичныхъ червей, искусственно выводилъ цыплятъ и писалъ о необходимости дѣвницамъ изучать естественныя науки. Дядро, по порученію Вецкого, велъ переговоры съ m-lle Вишеронъ (см. стр. 285 и прил. стр. 133) по поводу приглашенія ея въ Петербургъ для преподаванія анатоміи въ Смольномъ. Но m-lle Вишеронъ въ Петербургъ не пріѣхала, и русскія дѣвницы были надолго лишены благъ научнаго изученія анатоміи. Впрочемъ, дѣвницы времени Вецкого были лишены столько же анатоміи, сколько русскаго разговорнаго языка, такъ какъ были окружены одними иностранными дамами.

Мы взяли двѣ-три черты изъ біографіи Вецкого, личность котораго можетъ представлять для русскаго историка извѣстный интересъ.

Г. Майковъ далъ намъ о Вецкомъ очень толстую книгу съ многими приложениями. Это—не біографія, а сборникъ матеріаловъ, не разработанныхъ, но подобранныхъ и мѣстами снабженныхъ соотвѣтственными вѣстету автора къ Вецкому разсужденіями. Слѣшнимъ однако оговориться,

что у г. Майкова отсутствуют вовсе черточки грубо пристрастного пагарики, и читающая публика может быть вполне благодарна автору за его работу, которую однако, следовало бы популяризовать в видѣ небольшой брошюры. Книга полна фактовъ и цитатъ, довольно механически расположенныхъ и не дающихъ ни цѣльной, связанной характеристики лица, ни общей обрисовки эпохи. Закончивъ чтеніе книги, читатель начинаетъ чувствовать себя болѣе потеряннымъ среди множества ставшихъ ему извѣстными фактовъ, нежели освѣдомленнымъ по существу и способнымъ къ сознательной оцѣнкѣ послѣднихъ. Словомъ, по книгѣ г. Майкова не прошла творческая рука, а, какъ сборникъ матеріаловъ, трудъ нашего автора грѣшитъ колоссальнымъ количествомъ сорьезныхъ опечатокъ и погрѣшностей, а также и дурной манерой цитаты не включая въ кавычки, что для специалистовъ едва ли апетитно, и кромѣ того не доводитъ разъ начатой исторіи каждаго учрежденія до ея естественнаго конца, искусственно ограничивая себя хронологическими предѣлами жизни Вецкого. Уяснить себѣ личность Вецкого при томъ способѣ изученія, какого держался г. Майковъ, какъ разъ нельзя, не продолжая исторіи учрежденій, связанныхъ съ его именемъ, до болѣе близкихъ къ намъ временъ. Авторъ изучаетъ Вецкого и не въ строго хронологическомъ порядкѣ его жизни, и не въ статьѣ стройной, цѣльной характеристики историческаго образа. Центральныя главы книги суть историческіе очерки учреждений, связанныхъ такъ или иначе съ дѣятельностью Вецкого. Глава третья посвящена канцеляріи отъ строеній (стр. 74—101), четвертая — воспитательнымъ домамъ (стр. 101—202), пятая — учреждениямъ, находившимся при воспитательныхъ домахъ, и привилегіямъ послѣднихъ (стр. 202—249), шестая — воспитательному обществу благородныхъ дѣвицъ (стр. 249—302), седьмая — сухопутному шляхетному кадетскому корпусу (стр. 303—355), восьмая — императорской академіи художествъ (стр. 356—397) и девятая — коммерческому училищу (стр. 397—432). Двѣ первыхъ главы и послѣдняя десятая (стр. 433—474) составляютъ введение и заключеніе къ книгѣ, давая нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о Вецкомъ. Авторъ пользовался богатымъ архивнымъ матеріаломъ для своей работы и, между прочимъ, архивами опекунскихъ совѣтовъ петербургскаго и московскаго. Имѣя общій интересъ, цѣнный трудъ г. Майкова приобретаетъ и нѣкоторое спеціальное значеніе для исторіи русской школы и системъ русскаго воспитанія. Автору вредитъ морализированіе, встречающееся на всемъ протяженіи его труда; книгу портитъ до нѣкоторой степени фальшивое въ научномъ смыслѣ стремленіе сдѣлать изъ своего героя нѣчто страшно замѣчательное, очень поучительное и непременно великое, а также „симпатическое“, какъ выражается въ одномъ мѣстѣ г. Майковъ,

чуждающийся изслѣдованія и пристрастный къ безхитроственному повѣствованію. Къ симпатіямъ и благодарности потомства по адресу Бецкого вызываетъ г. Майковъ... Намъ эта точка зрѣнія чувствъ, морализированія и симпатій въ наукѣ совершенно чужда и даже смѣшна, во мы не будемъ усиленно нападать за нее на автора и поспѣшимъ прикрыть его устарѣлой цитатой изъ курса „Очеркъ царствованія Елизаветы Петровны“ (Сочиненія по русской исторіи. М. 1900, на стр. 12 и 13) С. В. Ешевскаго, который Ив. Ив. Шувалова и Ив. Ив. Бецкого причисляетъ къ числу „натуръ благородныхъ въ полномъ смыслѣ этого слова“. Въ заключеніе намъ остается пожелать, чтобы такіе же толстые волюмы съ архивными матеріалами, какъ трудъ г. Майкова о Бецкомъ, были посвящены и другимъ дѣятелямъ просвѣщенія въ царствованіе Екатерины Второй и прежде всего А. Н. Радищеву и Н. И. Новикову.

Василій Сторожевъ.

Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Т. I. Сборникъ статей К. К. Арсеньева, В. М. Гессена, I. В. Гессена, М. И. Ипполитова, А. А. Леонтьева, П. Н. Милюкова, В. А. Розенберга, И. М. Страховскаго, Н. В. Чехова и Г. И. Шрейдера. СПб. Изд. Н. Н. Львова и А. А. Стаховича при участіи редакціи газеты „Право“. Стр. II—439. Ц. 2 р. 50 к. 1904 г.

Будущій историкъ русской общественности съ особеннымъ вниманіемъ остановится на томъ подъемѣ общественнаго настроенія, который связать съ дѣятельностью мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Еще разъ на всемъ пространствѣ Россіи заявило о себѣ то движеніе, которое можно назвать „земскимъ“, и нашло легальные способы для того, чтобы выразить свои мнѣнія. Правда, дальше этого дѣло не пошло: „мнѣнія“ остались пока „мнѣніями“, не получивъ осуществленія въ жизни, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать. Но и одни эти „мнѣнія“ представляютъ матеріалъ огромной важности.

Эти cahiers теперь для насъ не больше, какъ историческій памятникъ, между тѣмъ какъ мнѣнія комитетовъ сплетены съ нашими стремленіями, нашими надеждами, нашими историческими задачами. Вотъ почему публицистическая мысль такъ охотно останавливается на дѣятельности комитетовъ. Несмотря на всѣ общественные недочеты въ ихъ работахъ, принципиально родственное имъ направленіе прекрасно поняло, какимъ

орудіемъ могутъ быть мнѣнія мѣстныхъ людей, высказанныя во всѣхъ концахъ Россіи, въ той работѣ пока лишь идейнаго объединенія, которое составляетъ задачу этого направленія. Именно съ этой стороны поучителенъ новый сборникъ. Правда, нѣкоторые изъ его составителей ограничились простой сводкой мнѣній, но ихъ статьи далеко не лучшія. Другіе авторы, напротивъ, умѣло воспользовались мнѣніями комитетовъ для подкрѣпленія своихъ програмныхъ требованій, углубляя, расширяя и подчасъ рѣшительно критикуя данный имъ матеріалъ; въ этомъ отношеніи они—въ предѣлахъ возможности выполняютъ свою задачу „выяснить общественное значеніе работъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“. Публицистическая нота звучитъ во всѣхъ этихъ статьяхъ; чувствуется общее настроеніе....

Обращаясь къ содержанію сборника, нужно сказать, что въ вышедшемъ пока первомъ томѣ разработаны вопросы правовые и культурные; вопросы экономическіе и агрономо-техническіе найдутъ мѣсто во второмъ томѣ. Объединяющей весь матеріалъ статей является введеніе П. Н. Милюкова. Это—очеркъ историческаго характера, знакомящій съ возникновеніемъ и „вѣтшей“ исторіей комитетовъ. Характерно для того направленія, къ которому принадлежатъ авторы сборника (принципально), заявленіе г. Милюкова, что общественное мнѣніе, представленное комитетами, „можетъ спокойно и увѣренно ждать, пока жизнь сдѣлаетъ за него то, чего само сдѣлать оно не можетъ: устранить тлетворное дѣйствіе силъ ему противоположныхъ“. (Стр. 40). Характерно именно это упованіе на *весокрушающую жизнь*, упованіе, врядъ ли способствующее пробужденію и росту общественной активности.

Реакціонеры разныхъ ранговъ, какъ извѣстно, требуютъ устраненія „общихъ вопросовъ“ изъ сферы общественной дѣятельности. Всѣ такіе вопросы оказываются „неподлежащими обсужденію“. Но какъ бы тамъ ни было, многимъ комитетамъ удалось все же перенести дѣло на почву „общихъ условій“. Такимъ перенесеніемъ было уже одно то, что они—толкая о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности—заговорили о *правовыхъ* вопросахъ. Но при выясненіи общественнаго значенія работъ комитетовъ этого мало: намъ надо еще знать, насколько далеко пошли мѣстные дѣятели въ своихъ обобщеніяхъ, ибо степень обобщенія измѣряется степенью политическаго развитія и уровень политическаго воспитанія. Въ своей статьѣ „Основы правопорядка“, представляющей сводъ прогрессивныхъ и реакціонныхъ стремленій, нашедшихъ выраженіе въ трудахъ комитетовъ, г. Вл. Гессенъ констатируетъ „политическую зрѣлость нашего мѣстнаго общества“. Намъ кажется, подобный приговоръ свѣдѣтельствуется только объ оптимизмѣ самого г. Гессена. Сравните со статьёй

г. Вл. Гессена, например, очерк г. Шрейдера о земском самоуправлении в том же сборнике, и вы поймете, что даже в пределах одной и той же общественно-политической программы возможна разная степень обобщения. С этой стороны г. Шрейдер несомненно гораздо последовательнее г. Гессена. Прогрессивность пожеланий комитетов не ослабла г. Шрейдера, и от него не укрылись серьезные общественные недостатки в этих пожеланиях, „соединяющих несоединимое и согласующих несогласимое“. Стоит прочесть главу „Общие условия деятельности земства“, чтобы убедиться, что г. Шрейдер ставит уже в пределах своей программы очень выразительные точки над теми i, которых нерешительно и слабо написали „местные люди“. Что же после этого толковать о какой-то политической зрелости местного общества, которое не пошло дальше самых элементарных обобщений?

Это, конечно, не представляет ничего удивительного, если вспомнить социальную структуру комитетов, призванных представить местное общество: в них „сидели чиновники, крупные помещики из земцев и неземцев; все прочие элементы сельского населения России были почти совсем устранены; крестьяне же, если и допускались, то набирались не из представителей рядового крестьянства, а из чинов сельского административного управления и часто играли роль простой декорации. Этот факт мало обращал на себя внимание прессы, которая охотнее горячо приветствовала прогрессивные тенденции комитетов. Почти не был исследован вопрос, в каком соотношении находятся высказанные ими пожелания к интересам и идеалам тех социальных групп, которые были призваны для работы в комитетах“. Попытку осветить работу комитетов с этой стороны, и при том в наиболее характерном для этого пункте сделал г. Ипполитов в статье „Специальные правонарушения в условиях сельского быта“. Пункт „е“ программы особого внимания, трактующей о земельных захватах, лесных порубках, погромах, воровстве в фруктовых садах и конокрадстве, показал, насколько сильны были в комитетах аграрные тенденции: при защите экономических интересов всякая идеология исчезала, видно было „одно только стремление оградить эти интересы во что бы то ни стало и всякими мерами. При выборе средств в таких случаях комитеты часто забывают об основах того самого культурного строя, который при обсуждении других вопросов выдвигались, как *conditio sine qua non* правопорядка“. Для характеристики социальных взглядов комитетов больше должен дать второй том сборника, где классовые тенденции должны проявиться еще резче.

Мы отметили эти статьи сборника, как представляющие наибольший

принципіальний інтересъ. Прочіе авторы мало сказали новаго. Стоитъ впрочемъ, отмѣтить еще очеркъ г. Леонтьева „Межевыя нужды деревни“, гдѣ изложенію матеріала авторъ предпослалъ интересное введеніе теоретическаго характера ¹⁾).

Б. В.

Г. Б. Юлосъ. Письма изъ Берлина. Библіотека „Общественной Пользы“. Спб. 1904. Стр. VIII+496. Ц. 2 руб.

Въ этотъ сборникъ вошла лишь незначительная доля корреспонденцій г. Юлоса. Въ предисловіи ничего не говорится о планѣ изданія: послѣдуютъ ли за этимъ томомъ дальнѣйшіе,—или же на немъ закончится все изданіе. Неизвѣстно также, какими соображеніями руководствовался авторъ, перепечатавая одиѣ корреспонденціи и не перепечатавая другихъ. Интересъ сборника несомнѣнно повысился бы, если бы въ него вошли корреспонденціи о нѣкоторыхъ сѣздахъ крайней лѣвой до 1899 года, о процессѣ Леккерть-Люцовъ-Тауша (объ исключеніи этихъ корреспонденцій приходится въ особенности пожалѣть), а также корреспонденціи, характеризующія первые шаги „новаго курса“, ошеломляющія по неожиданности повороты въ немъ и вызванную имъ фронду и серьезную оппозицію.

Однако и въ настоящемъ своемъ видѣ „Письма изъ Берлина“ представляютъ высокую цѣнность. Большая часть корреспонденцій перепечатана изъ „Рус. Вѣд.“ 1891—1901 года, и только четыре, составляющія менѣе пятой доли всей книги, изъ толстыхъ журналовъ. Онѣ всесторонне характеризуютъ общественныя отношенія въ современной Германіи: социальное-экономическій строй, социальное движеніе, политическую жизнь, образовательныя учрежденія и т. д.

Корреспонденціи г. Юлоса настолько извѣстны, что не нуждаются въ рекомендаціи. Въ теченіе долгаго времени русское образованное общество, и даже такіе экономисты, какъ г. В. В., почерпали свои свѣдѣнія о современной Германіи преимущественно, если не исключительно, изъ „Писемъ“ г. Юлоса. Въ исторіи нашей періодической печати бывали такія полосы, когда живая, культурная жизнь находила себѣ отраженіе въ прессѣ почти только при посредствѣ этихъ корреспонденцій. Было бы не легко преувеличить общественное значеніе литературной дѣятельности г. Юлоса. Въ нашемъ общественномъ воспитаніи ова сыграла замѣтную роль.

¹⁾ Со статей г. І. Гессена „юридическая помощь населенію“ наши читатели уже знакомы (она была напечатана въ 1 № „Образованія“ за 1904 г.).

При таких обстоятельствах я могу ограничиться немногими замечаниями по поводу сборника. Широко образованный, обнаруживающий значительный такт, талантливый корреспондентъ, г. Юлосъ не чуждъ нѣкоторой односторонности, по всей вѣроятности сознательной, преднамѣренной. „Еще многое въ современной Германіи напоминаетъ времена до-мартовской Пруссіи“, говоритъ онъ, „а порою всплываютъ такія черты холопства, неуваженія къ культурѣ, которыя казались давно похороненными“. Но ни въ своихъ корреспонденціяхъ вообще, ни въ корреспонденціяхъ, вошедшихъ въ сборникъ, г. Юлосъ почти не останавливается на тѣхъ сторонахъ общественной жизни Германіи, которыя облекаютъ ее съ до-мартовской Пруссіей и превращаютъ въ ярко выраженное полицейское государство. Г. Юлосъ вообще слишкомъ часто смотритъ на нѣмецкую жизнь „глазами чужого, привыкшими къ иной обстановкѣ“; даже то, что успѣла осуществить новая Германія, на „чужого“ дѣйствительно „производитъ впечатлѣніе колоссальнаго прогресса“. Г. Юлосъ стремится передать читателю прежде всего это впечатлѣніе. Если онъ и останавливается иногда на явленіяхъ противоположнаго свойства, то главнымъ образомъ какъ будто съ той цѣлью, чтобы показать, что въ Германіи „можно бороться и громко взывать къ лучшимъ сторонамъ челоуѣка и общества, не боясь шипѣнія злобствующихъ патріотовъ“. Коротко говоря, читатель не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что г. Юлосъ преслѣдуетъ своими корреспонденціями дидактическія цѣли въ хорошемъ, широкомъ значеніи этого слова. Можетъ быть, въ этомъ одна изъ причинъ—конечно, наряду съ отмѣченными выше—того исключительнаго положенія, какое онъ занимаетъ среди нашихъ иностранныхъ корреспондентовъ.

Но въ этомъ же источникѣ и нѣкоторыя слабостей, обнаруживающихся въ его корреспонденціяхъ. Я думаю, чтобы познать общественныя отношенія (и въ частности историческое значеніе политическихъ партій) определенной страны, необходимо прилагать къ нимъ масштабъ этой страны, а не какой-либо другой. Иначе слишкомъ легко утрачивается надлежащая перспектива. Кто знаетъ, можетъ быть даже г. Суворина за нѣкоторыя изъ его „Маленькихъ писемъ“, въ которыхъ онъ увѣрялъ, будто и онъ жаждетъ какой-то „весны“,—можетъ быть, даже онъ, живя въ Турціи, совершилъ бы маленькое турне въ мало-азіатскую ссылку. Но развѣ это значить, что г. Суворина даже у насъ можно считать младотуркомъ?

Нѣкоторыя—разумѣется, не такія ужъ колоссальныя—неправильности замѣчаются и у г. Юлоса въ оцѣнкѣ нѣмецкихъ общественныхъ отношеній. Крайне преувеличенной является, напр., оцѣнка Гейля (381, 387), при которой этотъ, по существу, комическій персонажъ, ставится безъ ма-

лаго на одинъ уровеньъ съ покойнымъ Резике. Значительныя колебанія въ сужденіяхъ о центрѣ и крайней лѣвой. Еще крупнѣе они въ отзывахъ о Вильгельмѣ II. Поучительно было бы сопоставить стр. 292, гдѣ г. Юллось въ пролическомъ тонѣ воспроизводитъ характеристику Вильгельма, даваемую „придворными демократами“ (партія Риккерта-Барта), и стр. 12, гдѣ г. Юллось лично отъ себя даетъ буквально такую же характеристику. Конечно, многія колебанія, противорѣчія и прямыя неправильности объясняются обычными условіями корреспондентской работы, силою смѣняющихся непосредственныхъ впечатлѣній отъ нѣмецкой—и вѣроятно не только нѣмецкой, но и отъ нашей дѣйствительности. Но въ этомъ едва ли все объясненіе: многое объясняется и точкой зрѣнія „чужого“.

Во всякомъ случаѣ изданіе этого сборника можно только приветствовать. Онъ на долгое время сдѣлается незамѣнимымъ пособіемъ для ознакомленія съ современной Германіей, съ отношеніями, характеризующими культурное государство, а въ значительной степени и съ отношеніями, безраздѣльно царившими въ ней въ докультурный періодъ ея исторіи.

И. Степановъ.

August Brinmann. Geschichte der deutschen Zimmerer-Bewegung.
Stuttgart, Dietz. 1908. XII+400. (*Августъ Бринманъ.*
Исторія движенія плотниковъ въ Германіи).

Авторъ—одна изъ характерныхъ фигуръ въ современномъ германскомъ рабочемъ движеніи. Простой плотникъ,—сначала ученикъ, потомъ подмастерье,—онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ освободительной борьбѣ, старается осмыслить ее, наблюдаетъ и учится,—и благодаря своей энергіи, занимаетъ выдающееся положеніе въ рабочемъ движеніи, какъ редакторъ газеты „Zimmerer“ („Плотникъ“), одного изъ лучшихъ профессиональныхъ изданій въ Германіи, и какъ руководитель центрального союза плотниковъ, одной изъ почтеннѣйшихъ профессиональныхъ организацій.

У насъ до сихъ поръ удерживается особо бережное, снисходительное, оскорбительное по своей снисходительности отношеніе къ проблескамъ дарованія и мысли у „самоучекъ изъ народа“. Для Германіи такая пора давно миновала. Въ области практики и теоріи такіе „интеллигенты изъ народа“, какъ Бебель, Гуз, Молькенбургъ или Легинъ, ничѣмъ не отличаются отъ интеллигентовъ вообще, и специфически-русское „самоучка“ звучитъ по отношенію къ нимъ ужасно нелѣпо.

Бринманъ въ предисловіи къ книгѣ упоминаетъ о своей біографіи, но совсѣмъ не съ той цѣлью, чтобы предрасположить читателя къ нѣкоторой снисходительности; скорѣе напротивъ: онъ заявляетъ, что, продѣлывая обыч-

ную плотницкую карьеру, онъ имѣлъ возможность непосредственно познакомиться съ остатками цехового обычнаго права, съ цеховыми правами, и только такимъ образомъ и открылъ истинный смыслъ многихъ печатныхъ и писанныхъ матеріаловъ. Слѣдовательно, Брингманъ смѣло требуетъ не снисходительной, а скорѣе особо строгой критики. И, судя по первому тому, Брингманъ правъ: когда онъ доведетъ свою работу до конца, она, вѣроятно, далеко оставитъ за собою книгу профессиональнаго ученаго Шмеле, трактующую о томъ же предметѣ, и займетъ видное мѣсто въ богатой литературѣ о профессиональномъ движеніи.

Въ предисловіи Брингманъ говоритъ, что его уже давно занимала мысль написать исторію движенія плотниковъ. Заявивши вліятельное положеніе въ союзахъ плотниковъ, онъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что „знаніе исторіи движенія германскихъ плотниковъ не просто желательно, но представляетъ потребность, необходимость. И если бы только руководители обладали нѣкоторыми свѣдѣніями изъ исторіи, одного этого тоже было бы недостаточно; напротивъ, если бы всѣ члены организаціи знали исторію своего движенія, это представляло бы огромную выгоду. Вся организація, благодаря этому, выигрываетъ въ ясности и силѣ. Мы лишь тогда можемъ познать всю своеобразность условій и отношеній, среди которыхъ живемъ и дѣствуемъ и съ которыми вынуждены считаться, если прослѣдимъ ихъ возникновеніе, процессъ ихъ развитія. Когда мы познакомимся, по какимъ причинамъ что либо—напр., извѣстная форма производства, извѣстный законъ, форма организаціи, боевая тактика и т. под.—сложилось такъ, каково оно въ дѣйствительности, тогда, вообще говоря, тѣмъ самымъ мы открываемъ, при какихъ условіяхъ это измѣнится или должно измѣниться. Мы тѣмъ и отличаемся отъ слѣпыхъ поклонниковъ исторіи, что, въ противоположность имъ, далеки отъ стремленія тѣмъ доказывать необходимость сохраненія существующаго, что оно существуетъ, и притомъ давно существуетъ: напротивъ, изъ исторіи мы стремимся раскрыть условія кореннаго измѣненія существующаго“.

Центральный союзъ плотниковъ въ 1897 году одобрилъ планъ Брингмана и предложилъ ему выполнить задуманную работу. Брингманъ сначала рассчитывалъ, что можно ограничиться сравнительно небольшою брошюрой. Но тѣмъ болѣе разрабатывалъ онъ матеріалъ, тѣмъ яснѣй становилось, что не обойтись безъ капитальной работы.

Вышедшій до настоящаго времени первый томъ изслѣдованія представляетъ какъ бы введеніе къ основной части работы. Второй томъ предполагается посвятить исторіи современнаго движенія плотниковъ въ цѣломъ, и заключительный, третій, исторіи отдѣльныхъ организаціи центральнаго союза и описанію современнаго положенія плотниковъ Германіи.

Первый томъ распадается на три неравныя части. Первая даетъ описаніе организацій плотниковъ въ ремесленную эпоху. Брингманъ полагаетъ, что современныя организаціи плотниковъ во многихъ случаяхъ стоятъ въ прямой преемственной связи съ организаціями цехового періода. Разумѣется, не съ цеховыми организаціями вообще, какъ предполагалъ Brentano въ своей ранней работѣ объ англійскомъ профессиональномъ движеніи, и даже не съ организаціями подмастерьевъ вообще, какъ утверждалъ тотъ же Brentano послѣ появленія работы супруговъ Веббъ, а лишь съ известными организаціями подмастерьевъ. До сихъ поръ историки ремесла обращали вниманіе главнымъ образомъ на процессъ классового и сословнаго обособленія мастеровъ отъ подмастерьевъ. Брингманъ старается показать (стр. 54—61), что расколъ захватилъ и подмастерьевъ, что и въ средѣ послѣднихъ сложились двоякаго рода организаціи съ противоположными тенденціями. Надежды одной группы подмастерьевъ лежали всецѣло въ области цеховыхъ формъ, другая группа („чужихъ подмастерьевъ“) давно уже не возлагала на ремесло никакихъ упованій, да и не могла возлагать. Организаціи первой группы долго плелись въ хвостъ ремесленного движенія, организаціи второй быстро примкнули къ современнымъ союзамъ и дали для нихъ силы, цѣнныя въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ.

Къ сожалѣнію, въ I томѣ Брингманъ не съ достаточной опредѣленностью характеризуетъ организаціи, „чужихъ подмастерьевъ“ и даетъ слишкомъ общія и отрывочныя указанія (ср. стр. 51) на свойства ихъ связи съ союзами современнаго типа. Многое выяснится, несомнѣнно, только во II томѣ работы. Во всякомъ случаѣ можно признать, что историческая связь между союзами ремесленной и капиталистической эпохи для плотниковъ представляется вполне вѣроятной. Строительная промышленность постепенно перерождалась изъ ремесленной въ капиталистическую. Это—не то, что текстильная или машиностроительная промышленность, которая создалась какъ бы разомъ, внѣ міра ремесленныхъ отношеній, съ самаго начала въ капиталистической формѣ. Съ этой точки зрѣнія правы, можетъ быть, Веббъ, отрицающіе всякую преемственную связь между ремесленными и современными организаціями, но въ то же время правъ и Брингманъ, открывающій известную историческую нить между ними. Все дѣло, можетъ быть, въ томъ, что они говорятъ о союзахъ въ отрасляхъ производства съ совершенно различною исторіей развитія.

Небольшая вторая часть книги изображаетъ переворотъ въ плотничьемъ промыслѣ, произведенный капитализмомъ. Послѣ „Современнаго капитализма“ Зомбарта, посвятившаго большое вниманіе капиталистической эво-

люди строительных промыслов, известный интерес представляют только стр. 85—92 и отчасти стр. 92—104.

Третья часть—наибольшая и самая ценная в первом томѣ. Она изображает первые шаги в истории современного рабочего движения, тот период (до 1875 года), когда политическія партіи, в особенности рабочая (главнымъ образомъ лассалевцы), направляли свои силы на то, чтобы создать профессиональныя организаціи, какъ послѣднія были протѣмъ придаткомъ политическихъ партій, и когда на практикѣ и в теоріи вырабатывались современныя формы сотрудничества между политическимъ и профессиональнымъ движениемъ. Эта часть, вмѣстѣ съ приложениями къ ней, служитъ превосходнымъ дополнениемъ къ соответствующимъ главамъ основательной „Geschichte“ Меринга. Для русскихъ же читателей книга Меринга недоступна, имъ приходится довольствоваться краткимъ изложениемъ в книгѣ Кулемаева, в брошюрахъ Зомбарта, и книгою г. Прокоповича „Рабочее движение на Западѣ“, наивной, какъ „Опытъ критическаго изслѣдованія“ (таковъ подзаголовокъ книги), и некритической, какъ сводка фактовъ. Поэтому читателямъ, влающимъ нѣмецкимъ языкомъ, слѣдуетъ усиленно рекомендовать эту книгу Брингмана: она дастъ богатый, живо и объективно изложенный матеріалъ по истории социальнаго движения в Германіи в периодъ 1865—1875 г.

Ценность книги еще увеличивается, благодаря приложенной къ ней статьѣ Адольфа Брауна, трактующей объ отношеніяхъ сотрудничества между политическимъ и профессиональнымъ движениемъ,—вопросъ, который вотъ уже десятки лѣтъ вызываетъ странные споры. Браунъ не даетъ новыхъ точекъ зрѣнія на предметъ,—да это по существу невозможно, такъ какъ противоположныя точки зрѣнія вполне уже выяснились болѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ до нашего времени. Но онъ толково намѣчаетъ направленіе, идя по которому, объ формы движения могутъ достигнуть и достигаютъ синтеза, обеспечивающаго наибольшее развитіе силъ.

И. Степановъ.

Э. Борецкая. Проблема объективности познания. 1904 г. ц. 60 к.

Подобно большинству современныхъ изслѣдователей познавательной проблемы, авторъ исходитъ изъ ученія Канта, но въ пониманіи этого послѣдняго не примыкаетъ вполне ни одному изъ господствующихъ в настоящее время теченій. По мнѣнію г. Борецкой, теорія познания не должна ограничиваться изслѣдованіемъ формальныхъ условій объективнаго познания. Предметъ гносеологии — познание въ его цѣломъ, и слѣдовательно отъ трансцендентальныхъ формъ познания, отъ „субъективныхъ“ (т. е. прису-

щих гносеологическому субъекту) *условий* объективности гносеология должна перейти к тому, что ими обуславливается, к самой объективности, которая, как таковая, как „объективность вообще“, совершенно независима от всякой субъективности, „свободна от нея во всех отношеніях“ (стр. 12). Эта „объективность вообще“, этот „міръ объективности“ не есть, однако, трансцендентное бытіе догматической метафизики. Все проблемы, касающіяся трансцендентнаго бытія, авторъ считаетъ фиктивными, такъ какъ трансцендентное бытіе мыслима, какъ законченная въ себѣ реальность, ничѣмъ рѣшительно не связанная съ познающимъ субъектомъ и потому не доступная для него. Наоборотъ, „міръ объективности“ г. Ворецкой есть постулатъ гносеологическаго субъекта, *имманентное* бытіе, нѣчто вѣчно искомое, но никогда и ни въ чемъ вполне не реализующееся. Понятіе осуществленной или достигнутой объективности заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Если бы мы допустили, что міръ объективнаго вполне реализованъ познаниемъ, то, очевидно, задача объективнаго познания была бы уже рѣшена разъ навсегда, и для дальнѣйшаго познания не осталось бы мѣста; между тѣмъ гносеологическій субъектъ имѣетъ дѣло не съ системой осуществленнаго познания, не съ законченнымъ уже продуктомъ познавательной дѣятельности, онъ постулируетъ самую эту дѣятельность и слѣдовательно постулируетъ объективность, какъ вѣчную проблему. Объективность не дана намъ, а „задана“, и ре задана разъ навсегда, а постоянно задается; другими словами, однимъ изъ условій задачи является требованіе, чтобы каждое данное рѣшеніе ея не исчерпывало вопроса, но само было вопросомъ, снова „ставило проблему объективизма, чтобы дать на нее отвѣтъ въ формѣ новаго вопроса“ (стр. 41). И, строго говоря, изъ условій задачи только это одно намъ и извѣстно. Пытаясь ближе охарактеризовать свой „міръ объективности“, авторъ находитъ, что міръ этотъ „такъ же мало идеаленъ, какъ и реаленъ“ (стр. 17), „не совпадаетъ съ міромъ логики“ (стр. 17), „не субъективенъ и не объективенъ“, вообще можетъ быть опредѣленъ лишь „въ отрицательныхъ терминахъ, *Ja* отнюдь не въ положительныхъ“. „Мы узнали только, съ чѣмъ не совпадаетъ объективность, какою она не должна быть и чего она не постулируетъ, чтобы остаться именно объективностью“ (стр. 33). Но мы совершенно не знаемъ и по самому характеру постановки проблемы у автора даже не можемъ спрашивать, съ чѣмъ совпадаетъ объективность, какою она должна быть, и *что именно* она постулируетъ. Итакъ, гносеология, которая, какъ извѣстно, представляетъ „науку“, имѣющую свой собственный ясно очерченный методъ и свою собственную область изслѣдованія, всецѣло исчерпывается со стороны своего положительнаго содержанія слѣдующимъ постулатомъ: гносеологиче-

скаго субъекта: совершенно неизвестными методами надлежит непрерывно отыскивать нечто совершенно неизвестное, съ тѣмъ однако непремѣннымъ условіемъ, чтобы оно никогда не было найдено. Изъ такого постулата, разумѣется, ничего нельзя вывести болѣе опредѣленнаго, — и тѣ новые вопросы, которые, по мнѣнію автора, должны разрѣшать и въ то же время снова ставить проблему объективизма, мы можемъ вообразить себѣ лишь въ формѣ безконечнаго повторенія этого единственно возможнаго на данной гносеологической основѣ „постулата“.

Попытка автора подчеркнуть имманентность бытія объективизма и такимъ образомъ обосновать правомѣрность своей задачи въ противоположность метафизикѣ трансцендентнаго, по нашему мнѣнію, не достигаетъ цѣли. „Объективность“ г. Ворецкой по своему содержанію совершенно такъ же независима отъ всякихъ познавательныхъ „данныхъ“, какъ и любое трансцендентное бытіе. Но констатация этой независимости и есть, строго говоря, констатация невозможности проблемы. Всякія наши опредѣленія, всякія наши высказыванія могутъ касаться лишь того, что намъ „дано“ или можетъ быть выведено изъ „даннаго“. О томъ, что намъ никогда не дается и что нами никогда не можетъ быть найдено, мы не въ состояніи дѣлать никакихъ высказываній. Именно такой „непознаваемый предметъ познанія“ мы и обозначаемъ словомъ „трансцендентное“. Отрицательныя опредѣленія, единственно возможныя, какъ по отношенію къ трансцендентному бытію, такъ и по отношенію къ „объективности“ г. Ворецкой, лишь подчеркиваютъ тотъ фактъ, что ни одно изъ нашихъ высказываній въ данномъ случаѣ не уместно. Съ другой стороны рѣшительно всякое трансцендентное бытіе имманентно въ томъ смыслѣ, въ какомъ имманентна „объективность“ г. Ворецкой. Трансцендентное бытіе, какъ проблема, какъ *заданіе*, всѣми теологами и метафизиками признается необходимымъ постулатомъ познающаго субъекта; и въ частности Кантъ какъ разъ особенно настойчиво подчеркивалъ, что гносеологическій субъектъ въ силу своей имманентной природы неизбежно приходитъ къ постановкѣ проблемы о трансцендентныхъ „идеяхъ чистаго разума“. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, проблема объективнаго познанія, выставленная г. Ворецкой, является мнимой въ томъ же самомъ смыслѣ и на томъ же самомъ основаніи, какъ и всякія проблемы о трансцендентномъ бытіи.

Въ сущности и самъ авторъ приближается къ признанію если не мнимости, то, по крайней мѣрѣ, ненужности гносеологической проблемы для научнаго познанія „даннаго“ міра. Г-жа Ворецкая рѣзче, чѣмъ кто-либо другой изъ гносеологовъ, разграничиваетъ проблему „объективности познанія“ и проблему „познанія объективности“. По мнѣнію г. Ворецкой, наука, осуществляя объективное познаніе, совершенно не руководствуется

и не должна руководствоваться критеріями объективности, постулируемой гносеологіей (ср. стр. 53 и мн. др.). Остается сдѣлать еще одинъ шагъ и признать, что объективность, осуществляемая наукой, не имѣетъ вообще ничего общаго съ той объективностью, которую ищеть, но не можетъ и не хочетъ найти гносеологія.

Такое разграниченіе областей является насущнѣйшей задачей современности, оно сильно подвинуло бы впередъ тотъ процессъ дифференціаціи этико-метафизическаго и научно-гедоническаго типовъ, который составляетъ, какъ намъ кажется, основной фонъ идейной борьбы современнаго культурнаго человѣчества. Въ гносеологіи этико-метафизическій типъ мало-помалу „достигаетъ самопознанія“, помогая въ то же время самопознанію своего антагониста. Гносеологія уже давно поняла, что ученіе объ абсолютѣ (все равно, именуется ли послѣдній „истиной“, или „объективностью“, или какъ-нибудь иначе) не въ правѣ постулировать что бы то ни было относительно результатовъ или „содержанія“ познанія; путь, на который вступила г-жа Ворецкая, неизбежно приводитъ къ не менѣе важному выводу, что и *орудія* познанія, включая такъ наз. „условія“ или „формы“ его, совершенно не интересуются абсолютомъ и не интересны для этого послѣдняго. Внесеніе такой опредѣленности въ киселеобразное царство современной гносеологіи было бы рѣшительнымъ прогрессомъ. Мы поэтому отъ души желаемъ идеямъ г. Ворецкой самаго широкаго распространенія среди гг. гносеологовъ.

В. Базаровъ.

А. И. Елистратовъ и А. Е. Завадскій. Къ вопросу о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній. (Опыты А. Вине и В. Штерна). Казань. Стр. 53+III,

Вопросъ о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній изучался—теоретически и экспериментально—многими психологами и юристами; Вине, Штернъ, Листъ, Врешнеръ, оба наши автора и мн. др. собрали большой экспериментальный матеріалъ и выработали методы рациональной постановки опытовъ. Въ самое послѣднее время у насъ въ Петербургѣ нѣсколько ученыхъ юристовъ обратились къ публикѣ съ предложеніемъ отвѣтить на рядъ вопросовъ, относящихся къ убійству Цезаря, какъ оно было изображено въ постановкѣ „Юлія Цезаря“ московскимъ художественнымъ театромъ въ Петербургѣ, въ апрѣлѣ этого года. Устроители этой любопытной и во многихъ отношеніяхъ поучительной анкеты предлагаютъ всѣмъ бывшимъ на этихъ спектакляхъ письменно сообщить свои „показанія“ въ отвѣтъ на 15 вопросовъ, поставленныхъ устроителями и касаю-

щихся условий, при которых произошло „убійство Цезаря“. Отвѣтовъ получено всего 7275, отъ 505 лицъ; „свидѣтелями“ сообщены свѣдѣнія объ ихъ полѣ, возрастѣ и уровнѣ образованія, и экспериментаторы надѣются, что выводы, какіе можно будетъ сдѣлать изъ этого матеріала, будутъ имѣть не только большой теоретическій интересъ, но и практическое значеніе, повліявъ на отношеніе—суда и общества—къ показаніямъ на судѣ свидѣтелей даже безкорыстныхъ и незаинтересованныхъ. Книжка гг. Елистратова и Завадскаго, въ виду малочисленности опытовъ, которые она излагаетъ, не даетъ обобщающихъ выводовъ или даетъ ихъ съ оговорками, но фактической матеріалъ, приводимый авторами, чрезвычайно любопытенъ. Авторы подробно передаютъ опыты по интересующему насъ вопросу Вине Штерна в свои собственные, продѣланные ими надъ ихъ слушателями—студентами Казанскаго университета. Во всѣхъ этихъ опытахъ приняты были всевозможныя мѣры, для того, чтобы избѣжать психологическихъ ошибокъ, поближе подойти къ условіямъ дачи показаній на судѣ и получить сравнимые между собою результаты. Причины недостоверности свидѣтельскихъ воспріятій, по мнѣнію нашихъ авторовъ, сводятся, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ моментамъ—здѣсь исключена, конечно, сознательная ложь, желаніе обмануть судью:—плохая наблюдательность и недостаточная внимательность нѣкоторыхъ лицъ,—свойственны имъ вообще или проявившаяся почему-либо въ данномъ именно случаѣ; далѣе, моментъ ожиданія или предвосхищенія образа и привычная ассоціація идей, какъ слѣдствіе этого ожиданія, затѣмъ внушеніе и самовнушеніе. Въ числѣ субъективныхъ условій ошибочности *воспоминанія* Штертъ придаетъ особое значеніе обычному въ нашей психикѣ стремленію къ поясненію и усиленію впечатлѣній, „детализація“ ихъ; большинство людей при воспоминаніи дополняютъ воспріятыи образъ по аналогіи, абстрактными сужденіями, логическими сближеніями; при повторныхъ же показаніяхъ испытуемый въ извѣстной степени вспоминаетъ не содержаніе самого воспріятія, но слова своего же собственнаго показанія и связанная съ ними обрывки зрительныхъ и иныхъ впечатлѣній. Но недостаточная достоверность свидѣтельскихъ показаній, по мнѣнію авторовъ, не должна приводить въ отчаяніе процессуалиста; напротивъ, относящіяся сюда выводы открываютъ „широкіе горизонты новыхъ путей къ познанію матеріальной истины“. Изучивъ искажающее дѣйствіе побочныхъ вліяній“ „мыслимо найти опорные пункты въ оцѣнкѣ противорѣчивыхъ показаній“. Авторы, наконецъ, вмѣстѣ съ Клауссманомъ (Zeigen—Prüfung, Arch. f. Krimin. Antrop. u. Kriminalistik, 1899, B. I) признаютъ въ принципѣ желательной экспертизу свидѣтеля, съ цѣлью возможно ближе изучить его индивидуальность и имѣть возможность судить о степени достоверности его показаній.

Л. В.

О. Шмейль. Очерки из жизни растений. Переводъ съ нѣмецкаго (съ измѣненіями и дополненіями) С. Г. Григорьева, Л. Д. Свинцова и С. В. Чефранова. Съ 38 цвѣтными табл. и многочисл. рис. въ текстѣ мюнхенскаго художника В. Гейбаха. VIII+508 стр. Цѣна 3 р. 75 к.

Имя автора этой книги говоритъ очень много педагогу, слѣдующему за иностранной учебной естественно-научной литературой: это одинъ изъ основателей и наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ молодого журнала „Natur und Schule“; его теоретическія воззрѣнія на значеніе и веденіе естествознанія въ школѣ¹⁾, изложенныя въ горячо написанной брошюрѣ, выдержавши, въ короткое время 4 изданія, наконецъ его учебники зоологій, появившіеся всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уже переведены, а частью еще переводятся на всѣ почти европейскіе языки. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ крупнымъ и выдающимся дѣятелемъ на поприщѣ естественно-научной педагогики и съ совершенно понятнымъ интересомъ встрѣчаемъ новый трудъ его—*Lehrbuch der Botanik*,—нынѣ вышедшій въ русскомъ переводѣ. Шмейль по своимъ педагогическимъ воззрѣніямъ является однимъ изъ ревностнѣйшихъ сторонниковъ биологическаго направленія въ преподаваніи естествознанія въ школѣ, которое можетъ быть охарактеризовано слѣдующимъ образомъ: главный интересъ при изученіи живыхъ существъ долженъ заключаться въ выясненіи неразрывной связи между жизненными отправлениями того или иного живого существа, его строеніемъ и той средой, среди которой оно живетъ. Такимъ образомъ жизненныя функціи и анатомическія формы нераздѣльны, а слѣдовательно изученіе формъ въ школѣ имѣетъ смыслъ лишь по столько, по сколько оно служитъ для выясненія жизненныхъ особенностей даннаго живого существа.

Съ этой именно точки зрѣнія и составленъ новый учебникъ ботаники.

Въ немъ даются живыя описанія отдѣльныхъ представителей растительнаго царства, какъ цвѣтковыхъ, такъ и споровыхъ, причемъ въ связи съ описаніемъ формъ разбираются существеннѣйшія отправления растений, каковы обмѣнъ веществъ, размноженіе, распространеніе по земной поверхности, приспособленія къ условіямъ среды и т. д. Все это сопровождается широкими иллюстраціями значенія даннаго растения въ экономіи природы и человѣка, гдѣ это возможно по имѣющимся даннымъ науки.

Благодаря такому разностороннему изученію и установленію широкой связи между изучаемымъ объектомъ и жизнью получается живое и крайне интересное изложеніе предмета, дѣлающее учебникъ вполнѣ пригоднымъ и весьма желательнымъ для самообразованія: даже болѣе—очень мало можно

¹⁾ *Schmeil, O. Ueber die Reformbestrebungen auf dem Gebiete des naturgeschichtlichen Unterrichts.*

указать сочинений, из которых можно было бы получить такъ много свѣдѣній о нашей флорѣ съ одной стороны, и о важнѣйшихъ представителяхъ эвотическихъ флоръ съ другой, не говоря уже объ споровыхъ растеніяхъ, которыя въ подобныхъ сочиненіяхъ рассматриваются обыкновенно лишь вскользь и недостаточно серьезно.

Но что составляетъ совершенно выдающуюся и прямо неподражаемую черту рассматриваемой книжки, такъ это рисунки,—ничего подобнаго по изяществу наша школа, да, кажется, и европейская вообще, еще и не видывала: обыкновенно въ учебникахъ видишь всегда старыхъ, а иногда и отаринныхъ знакомыхъ.—это все рисунки, накраденные изъ сочиненій специалистовъ, перепечатаваемые изъ поколѣнія въ поколѣніе безъ всякихъ измѣненій. Здѣсь же почти всѣ рисунки сдѣланы вновь, специально для даннаго учебника, да при томъ еще настоящимъ художникомъ (В. Генбахомъ), и наконецъ 38 изъ нихъ представляютъ изъ себя роскошныя цвѣтныя таблицы, выполненныя въ высокой степени художественно и въ то же время строго научно.

Переводъ сдѣланъ тщательно и со знаніемъ дѣла, сдѣланы также кое какія дополненія, касающіяся Россіи; измѣненія въ нѣсколько педагогическомъ расчлененіи текста нѣмецкаго оригинала, внесенныя въ русскій переводъ, можно только привѣтствовать,—они оживляютъ текстъ, нисколько не уменьшая его точности. Наконецъ въ заслугу переводчику слѣдуетъ поставить измѣненіе самаго заглавія книжки: учебникомъ ботаники оно не должно быть по своему объему, а представляетъ собой именно „Очерки изъ жизни растений“, читать которые можно рекомендовать всѣмъ школьникамъ, какъ занимающимся естествознаніемъ, такъ и не посвященнымъ въ природу, какъ учебный предметъ. Для преподавателей же естествознанія эта книжка прямо обязательна, какъ пособие, такъ какъ изъ нея они почерпнутъ много свѣдѣній, которыя иначе пришлось бы собирать изъ специальныхъ работъ и притомъ по преимуществу иностранныхъ, что для большинства нашихъ преподавателей вовсе недоступно.

В. Половцовъ.

Сказки Галиной. Спб. 1904 г. Цѣна 2 р. 25 к.

Поэтическія сказки Галиной невольно вызываютъ вопросъ: для кого онѣ собственно написаны? Между дѣтскимъ лепетомъ и разговорами, которые ведутъ солнце, цвѣты и ежи, встрѣчаются идеи, не воспринимаемыя такими дѣтьми, для которыхъ эти разговоры еще интересны. Въ красной сказкѣ о „Каменной бабѣ“ идея холоднаго спокойствія, претендующаго на вѣчность, противопоставляется возрождающейся любви. Статусъ

глядитъ высокомерно на пробужденіе весны. Выйдя изъ подъ гнета сугробовъ, каждый нашелъ свою пару. Ежъ шопчется съ ежихой, цвѣтокъ цѣлуется съ солнцемъ, человѣкъ шествуетъ со своей подругой. Любовь торжествуетъ, а надменная статуя—олицетвореніе вѣчнаго покоя—повергнута ударомъ молніи.

Также курьезно внесене семейнаго мотива въ сказку о Пеструшкѣ. Насѣдка всакиваетъ съ янцъ, чтобы расправиться съ супругомъ Коко, ухаживающимъ за сосѣдней курицей. Романическій элементъ вообще изобилуетъ. „Свѣжннй Человѣкъ“, напримѣръ, ревнуетъ „пряменькую елочку“ и „отъ восторга и смущенія не можетъ вымолвить ни слова“. Тѣмъ не менѣе, сказки написаны живо. Особенно дѣтямъ понравятся „Кто онъ?“ „Огонекъ“, „Розовыя очки“. Мимоходомъ они даютъ также кой какіе свѣдѣнія по естествознанію.

Талантливые рисунки Т. Гипіусъ въ значительной степени оживляютъ книжку, придавая ей оригинальный характеръ; но слѣдуетъ замѣтить, что въ реальныхъ мотивахъ карандашъ художницы теряетъ иногда свою легкость, и рисунокъ получается деревяннымъ. Книжка выдана красиво.

С. Миртовъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

- В. Оствальдъ. Школа химіи. Изд. Распопова. Ц. 60.
 Бугле. Эгалитаризмъ. Соціологич. этюдъ. Изд. Распопова. Цѣна 50 к.
 Эм. Вандервельде. Деревенскій отходъ и возвращеніе на лоно природы. Пер. съ франц. Изд. Е. Распопова. Одесса. Ц. 80 к.
 Дж. Моррисъ. Молодая Японія. Пер. съ англ. съ 27 рис. Одесса. Изд. Распопова 75 к.
 Robert Geuer. „Герои Ибсена съ психіатрической точки зрѣнія“. пер. съ франц. Ц. 75 к.
 Л. Петражицкій. „О мотивахъ человѣческихъ поступковъ“. Ц. 75 к.
 Куперникъ. Еврейское Царство. Из. Русакова и Липмана. Ц. 20 к.
 Сэръ Кертней Илбертъ. „Монтескье“. Пер. съ англ. подъ ред. В. Дерюжинскаго. Цѣна 25 к.
 Lange.—„Specimens of English lyrical Poetry“. Изд. К. Тихомирова. Записки Иваново-Вознесенскаго Огдѣленія Имп. Русск. тех. общества. Вып. III.
 Отчетъ Ярославской Общ. Городской Пушкинской за 1903 г.
 Новости Богословской литературы. Библиографическій Журналъ, Изд. К. М. Поповымъ. Вып. 1—2. Сергіевъ Посадъ. Ц. за годъ 2 р.
 Педагогическій Музей Кавказск. учеб. Округа. Систематическій каталогъ.

Э. Гиппарисъ. Мысли гомеопата не-врача о Запискахъ Врача г. Вересаева. Одесса.

Hoffmann. Meister Martin der K fner und seine Gesellen. Изд. Тихомирова. Ц. 35 к.

В. И. Васильевъ. Классное пособие при прохожденіи тригонометріи таблицы. Ц. 20 к. Изд. Ступина.

В. И. Васильевъ. Классное пособие при прохожденіи геометріи Изд. Ступина. Ц. 10 к.

А. Никитинъ. „Задачи Петербурга“. Спб. Цѣна 1 р.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. „Человѣкъ съ прошлымъ“ и друг. рассказы. Изд. книж. сѣл. Д. П. Ефимова Ц. 1 р.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. „Виругъ ракитова куста“. Изд. Ефимова. Ц. 1 р. Москва.

К. К. Случевскій. „Новыя повѣсти“. Изд. Союзкина Ц. 1 р.

О. Шрейнеръ. „Грезы и сновидѣнія“. 2-е Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Ц. 40 к.

Е. Войничъ. „Оводъ“, романъ. 2-е изд. Глаголева. Ц. 80 к.

П. П. Гнѣдичъ. „Вѣгле, Недвижимая собственность“ и др. рассказы. Изд. Маркса. Ц. 1 р.

В. Козловъ. „Въ тѣлу у Японцевъ“. Очерки. Спб. Ц. 1 р.

А. Ачкасовъ. „Пѣсни русскихъ писателей о волѣ“. Изд. Д. Ефимова. Ц. 75 к.

Г. Мало. „Безъ семьи“. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 40 к.

Н. Я. Стечкинъ. „Максимъ Горькій. его творчество и его значеніе“. Ц. 1 25 к.

П. Богомазовъ. Избранныя русскія пословицы. Ц. 20 к.

„Школьная Библиотека. Василий Львовъ. „Куница и Соболь“. Цѣна 10 к. С. Орловскій. „Н. В. Гоголь“. Цѣна 20 к. „Въ неволѣ у Туркменъ и Хивинцевъ“ съ малороссійскаго Ц. 10 к. Львовъ „Падающія Звѣзды“. Ц. 15 к.

„Библиотека нашихъ дѣтей“. Изд. О. Н. Поповой. А. Востромъ. „Сестра Вѣрочка“. Ц. 15 к. Э. Томпсонъ. „Рассказы изъ жизни животных“. Ц. 25 к.

М. Метерлинкъ. „Избѣненіе младенцевъ“, рассказъ, изд. книгоизд. „Скорпионъ“. Ц. 40 к.

А. Пругавинъ. „Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ“ Изд. Посредника. М. Ц. 60 к.

А. Бжкова. „Рассказы изъ исторіи Франціи“. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Спб. Ц. 1 р.

„Педагогическая Библиотека“. Изд. М. Пейзеръ. Вып. I.

Г. Компейре. „Гербертъ Спенсеръ и научное воспитаніе“. Ц. 50 к.

Г. Компейре. „Песталоцци и элементарное воспитаніе“. II. Ц. 50 к.

III. „Педагогика и Педологія“. Ц. 40 к.

Г. Геффдингъ. „Философскія проблемы“ Изд. Ефимова.

С. Толстой, гр. „О составѣ крестьянскаго сословія“. Изд. жур. „Русская Мысль“.

Бухъ-Полтевъ. „Данныя механики въ выясненію общественно-эконом. вопросовъ“. Харьковъ. Ц. 80 к.

В. Яковенко. „Земская санитарная организація въ Херс. губ. и задачи и средства земства въ борьбѣ съ эпидеміями“. Изд. Херсон. губ. Земской Управы.

С. К. Рѣдинъ. „Музей изящныхъ искусствъ и древностей Имп. Харьк. Университета“. Харьковъ.

Е. Дюковъ. „О необходимости измѣненія принятой системы образования и воспитанія медиковъ“. Харьковъ. Ц. 60 к.

В. С. Лебедевъ. „Территорія и населеніе врачебныхъ районовъ Московск. губ.“. Изд. Моск. губ. земства.

Петаръ Альтенбергъ. „Эскизы“. перев. А. и Герцыкъ. Изд. Ефимова. Ц. 50 к.

Е. Дьяконова. „Дневникъ Елизаветы Дьяконовой на высшихъ женскихъ курсахъ“. Ц. 1 р. 50 к.

О. Чюмина. Драматическія сочиненія и переводы. Т. I. Изд. Рассохина. Ц. 1 р. 50 к.

Лукьянская. Дочь Лигійскаго царя (романъ, по Сенкевичу). Изд. Посредника. Ц. 50 к.

Г. Т. Сѣверцевъ. „Кому лучше?“ Романъ. Спб. Ц. 1 р.

Е. Миллицына. „Разказы“. Москва. Ц. 1 р.

Ө. Зѣлинскій, проф. Изъ жизни идей. Научно-популярн. статьи. Ц. 1 р. 25 к.

Владиміръ Ж. Бѣдная Шарлотта. Поэма. Ц. 5 к.

Г. Джорджъ. Избранныя рѣчи и статьи. Перев. съ англ. Изд. Посредника. Ц. 2 р. 50 к.

Ф. Энгельсъ. Философія, политическая экономія, социализмъ. Изд. Яковенго. Ц. 1 р. 50 к.

Франке. 1. Въ чему стремится Японія. 2. Л. Кагеръ. Экономическая и социальная политика Японіи. Изд. Кранихфельдъ. Ц. 25 к.

Э. Реклю. Земля и Люди. Выпускъ VII. Германія. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 2 р. 50 к.

Н. Костомаровъ. Собраніе сочиненій. Книга IV. Изд. Общества для пособія нуждающимся литер. и учен. Ц. 4 р.

Л. Ф. Краббе. Практическій курсъ начальнаго механич. черченія и Атласъ чертежей. Симферополь. Ц. 2 р. 50 к.

А. Свинбневскій. Фарфорово-фаянсовое производство Гжельскаго района Моск. губ. въ санитарномъ отношеніи. Изд. Моск. губ. Земства.

О. В. Аптеманъ. „О пьянствѣ“, Изд. Коммис. по распротр. гигиенич. знаній въ народѣ. Ц. 4 к.

Сатаровъ. Практическій курсъ элементарной грамматики. Изд. К. Тихомирова. М. Ц. 15 к.

Е. Ельманова. Наши комнатныя растенія. Ц. 10 к. Мой пѣтунчикъ. Ц. 15 к. Изд. Горбунова-Посадова.

О. Шмейль. Человѣкъ, животныя и растенія. Выпускъ I. Ц. 70 к. Вып. II. Ц. 90 к. Изд. Горбунова-Посадова. Москва.

Поповъ. Домашній формовый садъ. Вып. I. Ц. 60 к.

Поповъ. Кустовой, плодовой и ягодный садъ. Вып. II. Ц. 15 к.

Проф. П. А. Костычевъ. Почва, ея обработка и удобрение. Изд. 2-е. Ц. 1 р. „О борьбѣ съ засухами“. Ц. 20 к. Какъ дѣлать самодѣльные крестьянскія вѣялки и молотилки, Ц. 6 к.

В. Норевъ. Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Ч. I. Ц. 1 р.

Манасеинъ. Матеріалы къ 100 лѣтнему юбилею Казанскаго Университета.

Отчетъ о дѣятельности попечительства Госуд. Имп. Маріи Θεодоровны о глухонѣмыхъ за 1903 г.

Отчетъ по ятинской санаторіи для недостаточныхъ чахоточныхъ больныхъ. Ялта. 1903 г.

Отчетъ Иваново-Вознесенской Общ. Пуб. Библиотеки за 1903 г.

Второй Медицинскій отчетъ Ятинской санаторіи. 1902—3 г.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Годъ 9-й. Кіевъ.

Отчетъ о дѣятельности Александр. отдѣла попечительства Гос. Имп. Маріи Θεод. о глухонѣмыхъ за 1903 г.

Труды IX Пяроговскаго съѣзда. Изд. орг. комит. съѣзда.

Хозяйственно-Статист. Обзоръ Уфимской губер. за 1903 г. Изд. Губ. Зем. Упр. Ц. 2 р. 25 к.

Хозяйственно-экономическія свѣдѣнія о царанахъ Костештской, Меренской и Яловенской волостей Кишиневскаго уѣзда. Ц. 50 к.

Упрощеніе русскаго правописанія. Екатеринослав. Ц. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ).

(ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНИЯХЪ).

В. К. Агафоновъ, Д. Я. Айзманъ, Ю. И. Безродная, С. М. Блекловъ, проф. А. В. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, проф. В. И. Вернадскій, Е. Н. Водозова, Е. А. Ганейзеръ, I. В. Гессенъ, прив.-доц. В. М. Гессенъ, прив.-доц. П. М. Головачевъ, П. А. Голубевъ, А. Г. Горнфельдъ, проф. И. М. Гревсъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, С. Елеонскій, В. С. Елпатьевскій, А. И. Иванчинъ-Писаревъ, М. И. Ипполитовъ, прив.-доц. А. И. Каминка, В. В. Каррикъ, проф. Н. А. Карышевъ, проф. Н. И. Каръевъ, Д. А. Клеменць, прив.-доц. С. А. Котляревскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Каразаевъ, Н. Г. Кулябко-Корецкій, П. И. Круминъ, Н. И. Лазаревскій, Г. А. Ландау, М. А. Ладыженскій, Н. Н. Львовъ, П. Н. Милуковъ, В. Д. Набековъ, проф. В. М. Нечаевъ, проф. П. И. Новгородцевъ, А. И. Новиковъ, проф. С. Ф. Ольденбургъ, Л. Ф. Пантелеевъ, проф. А. И. Петражицкій, И. И. Петрунневичъ, проф. А. С. Посниковъ, А. В. Пѣшехоновъ, М. А. Рейснеръ, Ф. И. Родичевъ, Вл. А. Розенбергъ, К. Румынскій, Евг. В. Святловскій, В. И. Семеновскій, А. Серафимовичъ, А. А. Стаховичъ, С. Н. Сторожевскій, А. С. Фейгельсонъ, Б. I. Харитонъ, анад. А. А. Шахматовъ, Г. И. Шрейдеръ, Д. И. Шрейдеръ. С. П. Юрицынъ, А. А. Яблоновскій, В. Е. Якушкинъ.

Собственные корреспонденты въ Берлинъ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Неаполѣ, Нью-Йоркѣ, Парижѣ и Римѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
I изданіе . . .	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
За границу.	20	19	18	17	15	13	11	10	8	6	4	2

II изданіе: годъ—4 р., $\frac{1}{2}$ года—2 р., 3 м.—1 р.

За границу: „ 12 „ „ 6 „ „ 3 „

1-й № перваго изданія выйдетъ 18-го ноября 1904 г.

Подписная цѣна до конца 1904 г. 1 руб.

Второе изданіе начнетъ выходить съ 1-го декабря 1904 г. Годовые подписчики на второе изданіе получаютъ газету до конца года бесплатно:

Редакторъ-издатель С. П. Юрицынъ.

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Невскій 90. Телеф. 5989.

Для приѣма подписки и объявленій Главная Контора открыта отъ 10 ч. утра до 5 час. вечера. Въ праздники отъ 1 час. до 3 час. дня.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый двухнедельный журнал для дѣтей издаваемый въ Петербургѣ
подъ редакціей

К. С. БАРАНЦЕВИЧА

КРАСНЫЯ ЗОРИ

Журналъ будетъ выходить 2 раза въ мѣсяцъ на веленовой бумагѣ книжками, объемомъ каждая въ одинъ листъ текста съ множествомъ иллюстрацій и помѣщаемыми одинъ разъ въ мѣсяцъ картинками въ краскахъ.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

М. Н. Альбовъ, А. А. Измайловъ, К. С. Баранцевичъ, А. А. Коринфскій, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Н. И. Позняковъ, И. Н. Потаенко, Д. А. Рубинъ, А. Н. Сальниковъ, А. И. Фаресовъ и мн. др.

Подписная цѣна на годъ съ пересылкой 3 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ“ на 1905-й годъ,

ВЪ СОСТАВЪ КОТОРОЙ ВОЙДЕТЪ НОВЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

проф. ОСКАРА ІЕГЕРА

въ 12-ти **ежегодныхъ** выпускахъ, которые составятъ 4 большихъ тома, заключающ. въ себѣ около 2.600 стр. текста большого 8°, около 1000 художественно-исполненныхъ гравюръ, 80 отдѣльн. приложеній, отпечат. золотомъ, серебромъ, черною и цвѣтными красками, и около 40 историч. картъ и плановъ. Первые 3 тома—въ переводѣ и съ дополненіями (по русской исторіи) **П. Н. Пеленго**—вновь пересмотрѣны и исправлены **Л. З. Слонимскимъ** по послѣднему **нѣмецкому изданію**, а 4-й томъ—въ новомъ переводѣ подъ редакц. и съ доп. **Л. З. Слонимскаго**. — Изложеніе событій доведено до 1905 г., со включеніемъ иллюстрирован. очерка русско-японской войны.

„Всеобщая исторія“ проф. Оскара Іегера представляетъ собою трудъ, замѣчательный по своимъ научнымъ достоинствамъ и еще болѣе по чрезвычайно умѣлому изложенію историческаго матеріала, которымъ авторъ владѣетъ въ совершенствѣ, а потому и передаетъ его въ удивительно простой, ясной и доступной формѣ. Важнымъ преимуществомъ этого прекраснаго труда слѣдуетъ, конечно, считать строго критическое отношеніе проф. Іегера къ историческому матеріалу, но авторъ не упускаетъ изъ виду и другихъ весьма важныхъ сторонъ: онъ постоянно выдвигаетъ на первый планъ то, что естественно должно болѣе интересоватъ, болѣе привлекать вниманіе образованнаго человѣка, не утомляеть читателя

сухимъ сопоставленіемъ историческихъ фактовъ, а предлагаетъ ему рядъ картинъ, вѣрно и живо изображающихъ возникновеніе, возрастаніе и гибель государствъ, возвышеніе, процвѣтаніе и паденіе народовъ.

Одно изъ важныхъ достоинствъ труда О. Іегера составляетъ чрезвычайное обиліе строго согласованныхъ съ текстомъ иллюстрацій, воспроизведенныхъ по памятникамъ и живописующихъ эпоху, къ которой онъ относится.

„Всеобщая исторія“ въ 1-мъ изданіи, нынѣ совершенно распроданномъ, была: 1) декуп. Учен. Комит. Им. Нар. Просв. въ учен. среди и старш. возраст. библиотекъ средне-учебн. завед.; 2) просмотр. Военно-Учен. Комит., и о выходѣ ея объявлено въ цирк. Главн. Штаба 17 окт. 1896 г. № 284.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе въ 12 выпуск., по одному въ мѣсяцъ:

Безъ доставки: въ С.-Петербургѣ—12 р. Съ дост. въ СПб. и съ перес. во все мѣста Россіи—14 р. За границу—16 руб.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЕНА въ 2, 3, 4 и 6 СРОКОВЪ.

Для ознаколенія съ изданіемъ, **ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ** ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО и высылается иногороднимъ за **ОДИНЪ РУБЛЬ** (можно почтовыми марками). Подробное иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается **БЕЗПЛАТНО**.

Адресъ: въ Имп. изданій **А. Ф. МАРША**, С.-Петербургъ, улица Голева, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ежегодный ЖУРНАЛЪ

ВОКРУГЪ СВѢТА

ВЪ ТЕЧЕНИЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

50 №№ художественно-литературнаго журнала
*Путешествія. — Этнографія. — Романы и повѣсти, изображающіе разныя приключенія во
свѣтѣ и въ морѣ. — Очерки и рассказы. — Стихотворенія. — Сюртъ. — Картины. — Иллю-
страція. — Портреты. 1.200 столбцовъ текста.*

12 №№ ЕЖЕМЕСЯЧНАГО
МОДНАГО ЖУРНАЛА
*съ картинками, по общедоступнымъ дамскимъ
и дѣтскимъ нарядамъ.*

12 образцовъ ИЗЯЩНЫХЪ
ДАМСКИХЪ РАБОТЬ
*по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ
образцамъ.*

ВЪ КАЧЕСТВѢ ПРЕМІЙ ПОДПИСЧИКАМЪ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ БУДЕТЪ ДАНО

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

ДВА ЧРЕЗВЫЧАЙНО ЦѢННЫХЪ И БОГАТЫХЪ ИЗДАВАНІЯ.

1 ТОМЪ
въ 375 стр. „МЫСЛИ МУДРЫХЪ ЛЮДЕЙ“:
*Эпикуратъ, Дюгено, Марка Аврелія, Сократа, Конфуція, Будды, Лао-Тсе, Аристотеля, Платона,
св. Августина, Паскаля, Руссо, Спинозы, Канта, Шопенгауера, Достоевскаго, Рѣскина и мн. др.*
на каждый день собранныя знаменитымъ писателемъ

Львомъ Николаевичемъ **ТОЛСТЫМЪ.**

24 ТОМА ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ (въ 150 — 200 печатныхъ листовъ)
Александра ДЮМА (отца).

куда войдутъ шесть произведеній знаменитаго романиста: Графъ Монте-Кристо. — Викингъ де-Бражелонъ. — Дѣвѣ Діаны. — Королева Марго. — Графиня де-Монсоро. — Сорокъ пять. Подписчики „Вокругъ Свѣта“ получаютъ ихъ въ полномъ видѣ, безъ какихъ-либо сокращеній. Въ отдѣльной продажѣ романы Дюма стоятъ 15 руб. Выданные ранѣе въ премію „Вокругъ Свѣта“ и вышедшіе затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ при цѣнѣ въ 3 р. романы Три мушкетера и Двадцать лѣтъ спустя высылаются годовымъ подписчикамъ нашего журнала за 1 р.

ромъ того, съ приплатою одного рубля, подписчики «Вокругъ Свѣта» получаютъ

НЕБЫВАЛУЮ ПРЕМІЮ:

богатую художественную галерею стѣнныхъ картинъ —

Война и ея герои,

12 ОЛЕОГРАФІЙ, т. е. художественно исполненныхъ во множествѣ красокъ картинъ
наиболѣе величественнымъ и потрясающимъ событіямъ войны Россіи съ Японіей
и воспроизводящихъ съ мельчайшими подробностями выдающіеся моменты крова-
вой грозы на Дальнемъ Востоцѣ. **КАРТИНЫ:** Наша армія и флотъ. — На сушѣ и
на морѣ. — Выдающіеся бои, стычки, схватки, штурмы и т. д. — Мирная работа подъ
грохотъ пушекъ. — Коварный врагъ. — Варьвы и гибель судовъ. — Доблестн. подвиги
русок. оружія. — Защитники величія Россіи: Куропаткинъ, Стессель и др. военач.

4 ЦѢНА НА ГОДЪ
безъ картинъ
Война и ея герои
Р. съ перес.
и доставк.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:
при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля
2 р., къ 1 юля 1 р.

Адресъ: Москва, Петровка, д.
Матвѣевой. Редакция журнала
„Вокругъ Свѣта“.

Изданіе Т-ва Н. Д. СЫТИНА.

5 ЦѢНА НА ГОДЪ
съ 12 картинками
въ краскахъ
Война и ея герои
Р. съ перес.
и доставк.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ
НА НОВЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ СЕМЬѢ И ШКОЛѢ:**

ДРУГЪ ДѢТЕЙ

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1. Разказы, повѣсти, сказки, пьесы и стихотворенія. 2. Изъ прошлаго. Историческіе разказы, воспоинанія, биографіи и т. п. 3. Кругомъ свѣта. Путешествія по морю и сушѣ и т. п. 4. Изъ природы. 5. Очерки изъ современной жизни, знакомяще дѣтей съ выдающимися современными событиями русской и иностранной жизни. 6. Въ часы досуга. Шутки, шарady, загадки, игры, музыка, пѣніе. 7. Свѣсь.

ПОДПИСЧИКИ ВЪ 1905 г. ПОЛУЧАТЪ:

24 КНИЖКИ ЖУРНАЛА,
КАЖДАЯ ВЪ ОБЪЕМЪ ОТЪ 4 ДО 6 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ,
со множествомъ рисунковъ.

24 КАРТИНЫ-СНИМКА
СЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ЗНАМЕНИТЫХЪ РУССКИХЪ
и ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

12 ПРЕМІЙ-ПОДАРОКОВЪ:

1. Стѣнную стрывную на- вещицею издѣл въ
додаръ двѣдѣтъ (10 портре-
на 1905 г. съ шарадами, товъ).
2. Записную книжку для записыванія по-
со вселожными по- дерева любимаго.
3. Дюжину открытыя пивесы для любимаго стихотв.
4. Руководство „Сборникъ подвижныхъ и усадьба,
игру на воздухѣ“ какъ устроитъ
5. „Спутникъ аккурента“ акваріумъ, терраріумъ, какъ устроить са-
— увасатель, дки и т. д.
какъ обоб- сборникъ игръ
реть и засушивать растенія, и азакій бр-
составить коллекціи комнатъ.
6. Альбомъ портретовъ домашнія работы по
7. Альбомъ рисунковъ дереву и вышивку, из-
8. Альбомъ для любимаго стихотв. пѣтъ, вязанью, вышиванью и т. д.
9. „Природа въ комнатѣ“ и т. д.
10. „Въ часы отдыха“ и т. д.
11. Фото „Русскія народныя загадки“.
12. „Ручной трудъ“ и т. д.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ: О. К. Арнольдъ, К. С. Баранцевскій, Я. В. Боринъ, Я. Л. Бостромъ, И. А. Белоусовъ, проф. И. И. Ивановъ, А. И. Купринъ, Л. А. Лиданова, К. В. Лукинъ, Д. Н. Маликъ-Скваркъ, С. П. Медгуновъ, И. И. Митропольскій, проф. А. М. Никольскій, Н. И. Позинковъ, Т. С. Петровъ, В. А. Поповъ, Я. В. Погжова, М. Я. Сиродовъ, В. А. Смирновъ, В. А. Тухомовъ, Н. В. Тулузовъ, Л. В. Филоновъ (Дружбинъ), Я. И. Улановъ, Л. И. Уманецъ, Л. Б. Хавкина, Н. В. Ческовъ, Е. Н. Чириковъ, О. Я. Чонкина и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
съ пересылкой
и
доставкой
на годъ
5 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:
при подшкѣ 2 р., въ 1 апрѣлѣ 2 р. и въ 1 мая 1 р.
Первый номеръ журнала выйдетъ въ началѣ.
Календарныя высылкается за три семикон. маркы.
ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ съ платой 20 к. за стр.
печата поладѣ текота.
Адресъ редакціи:
Москва, Пятницкая ул., в. Т-ва Н. Д. Свѣтлица.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
съ пересылкой
и
доставкой
на 1 годъ
3 р.

Издатель И. Д. Сытневъ.

Редакторъ Н. В. Тулузовъ.

При каждом № „НИВЫ“, независимо от других приложений, подписчики получают по одной книжкѣ, а новые подписчики, выписывающие также (за 2 р. 50 к. съ перес. 3 р.) первая 20 книжк Шеллера-Михайлова за 1904 г., получать ихъ при первомъ № „Нивы“ 1905 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1905 ГОДЪ

● (36-й годъ изданія)
на еженедѣльн. иллюстрирован.
ЖУРНАЛЪ
со многими приложениями

НИВА

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ академ. Н. С. Самокишичъ,
на ТЕАТРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ: художн. В. А. Табуричъ,
фотографъ В. К. Булла.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1905 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, включающаго въ себя въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1200 гравировъ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 КНИЖЪ „Сборника Нивы“ (каждая отъ 10—15 листовъ, а въ общемъ около 8.000 страницъ), отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

10 КНИЖЪ **М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

(„Губернскіе очерки“, „Помпадуръ и помпадурши“, „Господа Головлевы“ и друг.).
Съ портретомъ автора и „Материалами для биографіи“, Н. Н. Арсеньева.
(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.).

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ОСТАЛЬНЫХЪ
30 КНИЖЪ **А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА**

Подъ редакцію и со вступительною статьею А. М. Скабичевскаго.
(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 27 руб.).

12 КНИЖЪ „Ежемесячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ Приложений“, содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библиографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разн. игръ. До 2000 столбц. текста съ рисунк.

12 №№ „Парижскихъ Модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравировъ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразныя вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, вышивальныхъ работъ и для вышиванія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „ОТЪННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1905 годъ, отпечатанный въ 10 краскахъ.

● ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложениями на годъ:

въ С.-Пе-л безъ доставки—8 р. 50 к.
тербургъ; съ доставкой—7 р. 50 к.
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ
Н. Печковской—7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ,
въ книжн. магаз. „Образованіе“—7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во всѣ мѣста
Россіи **8** р.
За границу—12 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕНА ВЪ 2, 3 и 4 СРОКА.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1905 г. со всѣми ея приложениями, еще ПЕРВЫЯ 20 книжкѣ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА за 1904 г., доплачиваютъ одновременно при подпискѣ: безъ доставки въ С.-Петербургѣ—2 р. 50 к., безъ дост. въ Москвѣ и Одессѣ 2 р. 75 коп.; съ дост. въ СПб. и съ пересылкою иногороднымъ и за границу—3 руб.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

- ними чинами въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Прокламація „Московскихъ Вѣдомостей“ къ русскому дворянству.
- В Богучарскаго** 24— 46
16. *ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ*. (Изъ Владиміра губ.). Война и промышленная деревня **Ал. Смирнова**. (Изъ Псковской губ.). Еще о винной монополіи **А. Б.** 47— 58
17. *ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ*. Безъ иллюзій. (Разсказы Д. Айзмана „Черные дни“) **Л. Клейнборта** 59— 77
18. *РОДНЫЯ КАРТИНЫ*. Студенческая корпорація „свободно-дѣйствующихъ“ и прив.-доцентъ **Б. Никольскій**. Полицейскіе процессы: 1) дѣло объ изнасилованіи въ участкѣ, 2) дѣло о пыткахъ при допросѣ, 3) дѣло объ истязаніяхъ и насильственной смерти въ полицейскомъ участкѣ, 4) дѣло объ „ушибахъ“, 5) дѣло о каменецъ-подольскихъ евреяхъ.—Семинарская философія и журналъ „Образованіе“ передъ судомъ московскихъ педагоговъ.—Мелочи. **Александра Яблоновскаго** 78— 99
19. *НА ЗАПАДѢ*. (Изъ Германіи). Борьба за народную школу **Г. Гроссмана** 100—120
20. *КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ*. 1. Е. Щиrowsкая. По пути жизни. Сборникъ разсказовъ. 2. Разсказы Вазова. **О. Миртова**. 3. С. Семеновъ. Въ родной деревнѣ. **А. Нахимова**. 4. Л. Мельшинъ. Очерки русской поэзіи. **С. Ашевскаго**. 5. П. Майковъ. И. И. Бецкой. Опытъ его біографіи. **В. Сторожева**. 6. Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. **Б. В.** 7. Г. Юлосъ. Письма изъ Берлина. 8. А. Bringmann. Geschichte der deutschen Zimmer-Bewegung. **И. Степанова**. 9. Э. Борецкая. Проблема объективности познанія. **В. Базарова**. 10. А. Елистратовъ и А. Завадскій. Къ вопросу о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній. **Л. В.** 11. О. Шмейль. Очерки изъ жизни растений. **В. Понцова**. 12. А. Галина. Сказки. **О. Миртова**. Новыя книги поступившія въ редакцію 121—148
21. Объявленія 149—152

❖ При этомъ № всѣмъ подписчикамъ разсылается объявленіе о подпискѣ на журналы 1) „Нива“ и другія изданія А. Ф. Маркса, 2) „Вѣстникъ и библиотека самообразованія“, 3) „Путеводный огонекъ“ и „Свѣтлячокъ“ 4) и иногороднимъ подписчикамъ объявленіе о подпискѣ на журналъ „Юный Читатель“. ❖

Сурин

Открыта подписка на 1905 г.

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„Образование“.

Цѣна за годъ 6 р. съ перес., полгода—3 р.,
за границу 8 руб.

ПОДПИСКА принимается въ главной конторѣ журнала: СПБ. Моховая, 38. Въ Москвѣ при книжн. магаз. П. Путиловой (Арбатъ, 17), „Трудъ“ и у Н. Печковской. Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. С. Можаровскаго (Пассажъ) и „Образование“ (Ришельевская)

1) *Рукописи*, присылаемые въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ.

2) По поводу непринятыхъ статей редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятые статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятые же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккредитивную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

5) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтамта направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

6) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разорчкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году или сообщать его №.

7) Перемѣна адреса должна быть прислана не позже 10 числа *каждаго мѣсяца*, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 60 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Контора редакціи открыта ежедневно, *кромѣ праздниковъ*, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ *ежедневно отъ 3 до 4 ч. въ пятницу и праздничныхъ дней*.

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій.

ВЫШЛО НОВОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ОБРАЗОВАНИЕ“:

ГЕРМАНСКІЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Фр. Паульсена

профессора Берлинскаго университета.

Переводъ съ нѣмецкаго Г. Гроссмана.

Цѣна 1 р. 50 к. in 8, 412 стр.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

В. М. Сурин

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

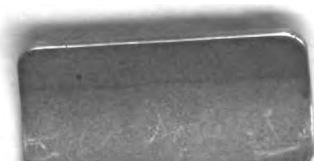
LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998

YC 84275

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86
SENT ON ILL

MAY 24 1993

U. C. BERKELEY

JUL 22 1998
